

Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
Institute of Archeology and Ethnography
Novosibirsk State University

P.I. Shulga

**HERDERS OF MOUNTAIN ALTAI
IN SCYTHIAN TIME**
(settlement materials)

Monograph

Novosibirsk
2015

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт археологии и этнографии
Новосибирский государственный университет

П.И. Шульга

**СКОТОВОДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ
В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ**

(по материалам поселений)

Монография

Новосибирск
2015

УДК 903.42(638)
ББК Т442.7(253.7)
Ш 957

Ответственный редактор
академик В.И. Молодин

Рецензенты:
д-р ист. наук А. П. Бородовский,
канд. ист. наук Н. Ф. Степанова

Шульга, П.И.

Ш 957 Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений) : моногр. / П. И. Шульга ; Новосиб. гос. ун-т . – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. - 336 с.

ISBN 978-5-4437-0388-6

В предлагаемой книге рассматриваются поселения раннего железного века (VIII-II вв. до н. э.) в Горном Алтае, большая часть которых относится к всемирно известной пазырыкской культуре (VI-III вв. до н. э.), традиционно изучаемой по погребальным памятникам. Поселенческие материалы позволяют рассмотреть ранее слабо или почти не изученные вопросы хозяйства и расселения кочевников на Алтае, а также существенно дополнить и скорректировать имеющиеся представления об этнокультурной ситуации в Горном Алтае в скифское время. В научный оборот вводится крупный блок ранее не публиковавшихся поселенческих материалов с энеолита (афанасьевская культура) по средневековье. На основе комплексного изучения погребальных и поселенческих памятников сделана попытка выработать целостный взгляд на феномен пазырыкской культуры.

Работа предназначена для археологов и специалистов, занимающихся вопросами истории восточной части скифо-сибирского мира.

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №14-28-00045).*

Shulga P.I. Herders of Mountain Altai in Scythian Time (settlement materials). Novosibirsk: NSU, 2015. – 332 p.

The book deals with the Early Iron Age settlements (the 8th-2nd centuries B.C.) in the Mountain Altai, most of them belonging to the world-famous Pazyryk culture (the 6th-3d centuries B.C.) studied traditionally according to burial monuments data. Settlements data provide an opportunity to consider scarcely studied questions of nomads' economic and settlement activity in Altai as well as to correct and add information to the understanding of ethnic and cultural situation in the Mountain Altai in the Scythian time. A lot of unpublished settlement materials from the Eneolithic Period (the Afanasevo culture) to the Middle Ages have been introduced into scientific use. In the light of comprehensive studying of the burial and settlement sites a view on the Pazyryk culture as a whole has been attempted.

The work is addressed to archaeologists and experts in the history of the eastern part of the Scythian-Siberian world.

ISBN 978-5-4437-0388-6

© Новосибирский государственный университет, 2015
© ИАЭТ СО РАН, 2015
© Шульга П. И., 2015

Оглавление

Введение	9
Глава 1. Топография и особенности поселений. Жилища	12
1.1. Топография поселений и методика их поисков	12
1.2. Поселения и жилища	16
1.2.1. Поселения скотоводческой зоны	17
1.2.2. Планировка жилищ и могильников	20
1.2.3. Жилища	24
Глава 2. Природно-климатические условия и физико-географическое районирование Горного Алтая	30
2.1. Физико-географическое районирование Горного Алтая	30
2.2. Скотоводческая зона	34
2.3. Увлажнённая зона	35
Глава 3. Хозяйство населения Горного Алтая в древности	38
3.1. Скотоводство	38
3.1.1. Особенности круглогодичного выпаса в Горном Алтае	42
3.1.2. Формы кочевания	45
3.1.3. Видовой состав стада в раннем железном веке	47
3.1.4. Зависимость видового состава стада от природного окружения	50
3.2. Охота	52
3.3. Земледелие	54
3.4. Керамическое и другие производства, обработка дерева, рога (кости) и иных материалов	60
Глава 4. Поселенческие материалы раннего железного века в Горном Алтае	63
4.1. Керамика	63
4.1.1. Керамика раннескифского времени	63
4.1.2. Керамика Горного Алтая в среднескифское время из поселений и захоронений	69
4.2. Изделия из рога (кости), металлов и камня	86
4.2.1. Изделия из рога (кости)	86
4.2.2. Изделия из металлов	90
4.2.3. Изделия из камня	91
Глава 5. Этнокультурная ситуация по данным погребальных и поселенческих комплексов. Датировка поселений раннего железного века	93
5.1. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае в VIII–III вв. до н. э. (по погребальным памятникам)	93
5.1.1. Формирование в Горном Алтае культур раннескифского и среднескифского времени	95
5.1.2. Среднескифское время (2-я половина VI – III в. до н. э.). Пазырыкская и быстринская культуры	100

5.2. Датировка поселений раннего железного века Горного Алтая	104
5.3. Культурная принадлежность поселений раннего железного века	109
Заключение	113
Список литературы	115
Список сокращений	133
Summary	134
Приложение 1. Свод поселений Горного Алтая	136
Приложение 2. Иллюстрации	214
Приложение 3. Таблицы с остеологическим материалом	331

Contents

Introduction	9
Chapter 1. Settlements' topography and characteristics. Homes	12
1.1. Settlements' topography and methods of their search	12
1.2. Settlements and homes	16
1.2.1. Settlements of the herding area	17
1.2.2. Homes and burial sites plans	20
1.2.3. Homes	24
Chapter 2. Natural environment, climate and physical-geographical zoning of the Altai Mountains	30
2.1. Physical-geographical zoning of the Altai Mountains	30
2.2. Herding area	34
2.3. Area with high level of precipitation	35
Chapter 3. Economy of the Mountain Altai population in ancient times	38
3.1. Herding	38
3.1.1. Characteristics of all-season herding in the Mountain Altai	42
3.1.2. Forms of nomadism	45
3.1.3. Herd species and domestic animals in the Early Iron Age	47
3.1.4. Dependence of herd species composition from natural environment	50
3.2. Hunting	52
3.3. Agriculture	54
3.4. Ceramics and other goods production, processing of wood, horn (bone) and other materials	60
Chapter 4. Settlement materials of the Early Iron Age in the Altai Mountains	63
4.1. Ceramics	63
4.1.1. Ceramics of the Early Scythian Time	63
4.1.2. Ceramics of the Mountain Altai in the Early Scythian Time from settlements and burials	69
4.2. Horn (bone), metal and stone artifacts	86
4.2.1. Bone artifacts	86
4.2.2. Metal artifacts	90
4.2.3. Stone artifacts	91
Chapter 5. Ethnocultural situation according to the settlement and burial sites data. Dating of the Early Iron Age settlements	93
5.1. Ethnocultural situation in the Mountain Altai in the 8 th -3d centuries B.C. (according to the burial sites)	93
5.1.1. Formation of the Early and Middle Scythian Time cultures in the Mountain Altai	95
5.1.2. The Middle Scythian Time (2 nd half of the 6 th -3d centuries B.C.). The Pazyryk and Bystryanskaya cultures	100

5.2. Dating of the Early Iron Age settlements in the Mountain Altai	104
5.3. Cultural belonging of the Early Iron Age settlements	109
Conclusion	113
Bibliography	115
List of Abbreviations	133
Summary	134
Appendix 1. List of settlements of the Mountain Altai	136
Appendix 2. Illustrations	214
Appendix 3 Tables of osteological materials	331

Введение

Археологические культуры скифского времени на Саяно-Алтае, в Монголии и Синьцзяне (Китай), а также в примыкающей восточной части Казахстана традиционно изучаются по погребальным и поминальным памятникам. Однако, эти, несомненно, ценные источники не позволяют с уверенностью ответить на вопросы, касающиеся происхождения культур, их ареалов, типа хозяйства и образа жизни ранних кочевников. Зачастую, даже неизвестно, где проживали устроители могильников, которых исследователи иногда «размещают» за сотни и даже тысячи километров от мест захоронения.

Данная проблема актуальна и для Горного Алтая. Мерзлота сохранила в пазырыкских курганах V–III вв. до н. э. большое количество изделий из дерева, кожи, войлока, тканей и даже мумифицированные останки людей и лошадей. Тем не менее, не будет преувеличением сказать, что даже в Горном Алтае погребальные памятники почти исчерпали себя как источник получения данных по хозяйству и этнокультурной ситуации. В силу консерватизма и унификации, погребальная обрядность в большей мере отражает не реалии повседневной жизни, а представления древних о загробном мире. Более того, количество погребённых в курганах Горного Алтая I тыс. до н. э., по всем данным, составляет лишь незначительную часть от количества обитавших там скотоводов. Соответственно, в захоронениях представлена лишь незначительная часть реально проживавшего на Алтае населения. Показательно, что во многих небольших долинах и урочищах, зачастую, фиксируется только по несколько курганов VIII–III вв. до н. э., в которых всего погребалось 2–6 человек. Очевидно, в могилах под каменными насыпями захоранивалась лишь часть взрослых умерших и избранные из детей¹. Принцип этого отбора пока не ясен, поскольку в захоронениях представлены примерно в равных долях мужчины и женщины всех возрастов и основных социальных групп. Дети же погребались редко, и, как правило, вместе со взрослыми. Очевидно, у племен Алтая в прошлом существовал обряд совершения наземных погребений или кремации, зафиксированных у алтайцев в этнографическое время (см. Гоцакова, 1978, с. 125–155).

Динамика жизни древнего населения Алтая, места проживания этнических групп, их быт, хозяйство и многое другое может быть понято только посредством комплексного изучения памятников прошлого. Выход видится, прежде всего, в привлечении поселенческих материалов, с учётом природно-климатических условий, характерных для разнообразных ландшафтов Горного Алтая, в которых формировались хозяйство и культура древнего населения Алтая, складывались различные хозяйственно-культурные типы. По ряду причин поселения кочевников раннего железного века на Саяно-Алтае целенаправленно изучались только в Горном Алтае и в примыкающих северных предгорьях. Первые поселения были выявлены разведками Б.Х. Кадикова в 50-х и 60-х гг. XX в. по р. Катунь и в верховьях р. Бия, но начало систематических исследований было положено новосибирскими учёными в конце 70-х гг. раскопками на Кара-Тенеше и разведками по Нижней Катунь и р. Лебедь (Погожева, Молодин, 1980; Лапшин, Молодин, Петрин, 1982; Молодин, Петрин, 1985). Тогда же В.И. Молодиным было выявлено несколько поселений, расположенных по-особому - не на террасах основной реки Катунь, а по впадающим в неё рекам (Молодин, Петрин, 1985; Боро-

¹ Можно было бы предположить, что многие погребались в незаметных ныне грунтовых могилах. Однако в ходе масштабных раскопок и обследования многочисленных карьеров и других мест проведения значительных земляных работ в Горном Алтае грунтовые захоронения практически не фиксируются.

довский, 2001). Наиболее активно поселенческие комплексы раннего железного века (ржв) исследовались в 80-х гг. XX в. Целенаправленные поиски поселений раннего железного века велись в северных предгорьях (М.Т. Абдулганеев), в нижнем течении Катуня (С.М. Киреев), и по другим районам Горного Алтая, включая северо-западные предгорья (П.И. Шульга). Значительный поселенческий материал был получен в Денисовой Пещере (Деревянко, Молодин, 1994), на Кучерле (Молодин, Ефремова, 2010), а также на Средней Катуня (Кунгуров, 1994; Степанова, 1994; и др.). В результате были отработаны методики поиска поселений на предгорной равнине (Кирюшин, Абдулганеев, Шамшин, 1983), на Нижней Катуня (Молодин, Петрин, 1985), а затем и в центральной части Горного Алтая (Шульга, 1990а, 1990б).

К середине 90-х годов XX в. исследования поселений в Горном Алтае и предгорьях были свёрнуты, хотя эта тема некоторое время ещё привлекала внимание (Шульга, 1994, 1998а, и др.; Кунгуров, 1994; Бородовский, 1994; Абдулганеев, 1996, и др.; Абдулганеев, Владимиров, 1997; Киреев, 1990, 1992). В последние 10–15 лет работы на поселениях Горного Алтая и в предгорьях не проводились. Прекратилась и публикация полученных ранее материалов, за исключением обобщающей монографии по культовому комплексу на р. Кучерле (Молодин, Ефремова, 2010).

Не завершил публикацию полевых материалов и автор, предполагавший продолжить раскопки в Горном Алтае, и получить дополнительные данные для решения проблемы датирования поселений раннего железного века. Работа над книгой была возобновлена в 2011 г. после обнаружения перспективного скотоводческого поселения с мощным культурным слоем раннего железного века в Туве, расположенного неподалёку от известных раннескифских курганов Аржан-1 (Грязнов, 1980), Аржан-2 (Сугупов, Parzinger, Nagler, 2010) и Чинге-Тэй (Чугунов, 2011). Автор обнаружил это поселение в одном из удалённых горных логов в ходе однодневной разведки, благодаря методике поиска поселений, разработанной для горно-степных ландшафтов Горного Алтая. Таким образом, получило подтверждение сделанное ранее предположение о подобии расположения скотоводческих поселений в однотипных ландшафтах Алтая, Тувы, Монголии и Казахстана.

Данная монография основывается на диссертационной работе П.И. Шульги «Поселения раннего железного века в Горном Алтае», выполненной в 1990 г. Для реализации поставленных задач автором в 80-е гг. XX в. проводились планомерные разведочные работы в большинстве районов Республики Алтай, а в 90-е гг. - и на прилегающей территории Алтайского края. При этом значительное внимание уделялось долинам, в которых уже были исследованы элитные захоронения пазырыкской культуры Башадар, Туэкта, Катанда, Пазырык, или находились крупные могильники скифского времени, указывающие на длительный период заселения этих мест и значительное количество населения в древности. Наиболее последовательно разведки проводились по Катуня и Урсулу (Чемальский, Онгудайский и Усть-Коксинский районы), а также в верховьях рек Песчаная, Ануй и Чарыш, включая их долины в Чарышском, Солонешенском и Алтайском районах Алтайского края. На юго-востоке Республики Алтай (Кош-Агачский район) осматривались лишь долины рек Юстыд и Уландрык (рис. 1а). Всего было открыто 103 поселения (включая средневековые городища Нижний Чепеш-3, 4), в том числе 90 в границах Республики Алтай: 27 поселений в Чемальском районе, 11 – в Шебалинском, 33 – в Онгудайском, 12 – в Усть-Коксинском, 5 – в Усть-Канском; 2 – в Улаганском районах. Раскопки производились автором на девяти поселениях с хорошо выраженными слоями раннего железного века и на средневековых городищах Нижний Чепеш-3, 4.

Значительное количество поселений с керамикой от энеолита (афанасьевская культура III тыс. до н. э.) до средневековья было выявлено в 80-е гг. XX в. до н. э. отрядами из Новосибирска, Барнаула и Горно-Алтайска по Средней Катуні в ходе раскопок в предполагаемой зоне затопления Катунской ГЭС¹. Однако, большинство из них являются расположенными на открытых террасах остатками временных стоянок без выраженного культурного слоя или проводившихся обрядов. С начала 90-х гг. XX в. исследования поселений в Горном Алтае почти прекратились, но ещё продолжались в низкогорьях и среднегорьях Майминского района Республики Алтай (М.Т. Абдулганеев) и Чарышского района Алтайского края (П.И. Шульга).

В ходе подготовки монографии в 2011-2012 г. были собраны опубликованные за прошедшие 20 лет материалы по поселениям Горного Алтая с III тыс. до н. э. до этнографического времени, и обработан значительный блок ещё неизданных комплексов. Всего на 2012 г. в границах Республики Алтай и прилегающих горных районов Алтайского края (Алтайский, Солонешенский, Чарышский) автором учтено 226 объектов, в число которых входят как достаточно хорошо обследованные поселения, так и значительное число местонахождений, где обнаружено небольшое количество керамики. Сюда же включены и немногочисленные городища с культурным слоем.

Несмотря на слабую изученность, имеющийся поселенческий материал представляет большой интерес для исследователей древних кочевников, поскольку во многих регионах Степного пояса их поселения не известны. В настоящее время Горный Алтай является наиболее хорошо исследованной горной страной, где скотоводческий тип хозяйства у местного населения прослеживается на протяжении 4,5–5 тыс. лет с эпохи энеолита (афанасьевская культура) до настоящего времени.

В заключение хотелось бы выразить слова признательности моему научному руководителю известному сибирскому археологу Анатолию Ивановичу Мартынову, оказавшему автору столь необходимую поддержку на начальном этапе исследования поселений Горного Алтая и Шульге Наталье Фёдоровне, многие годы помогавшей автору в работе по организации и проведению экспедиций. Большое спасибо также руководству и учащимся профессионального технического училища №45 г. Барнаула и бывшему студенту Алтайского госуниверситета А.А. Казакову, при участии которых были открыты и исследовались многие поселения в 1984–1990 гг. Значимую помощь оказали палеозоолог А.В. Гальченко, выполнивший все определения остеологического материала, трассолог Н.Ю. Кунгурова, сделавшая заключения по находкам из камня, а также многие другие, без которых данную работу закончить бы не удалось.

¹ В археологической литературе и научных отчётах держателей Открытых листов исследовавшаяся тогда территория между реками Большая Сумульта и Сема называлась Средней Катунью, хотя географически весь этот участок Катуні от Большой Сумульты и до устья называется Нижней Катунью.

Глава 1

Топография и особенности поселений. Жилища

1.1. Топография поселений и методика их поисков

Одной из важнейших задач исследования поселений скотоводов в степном поясе Евразии является выработка методики их поиска. На многих территориях, включая Туву, Монголию, Минусинскую котловину, Казахстан, Сынцзян и Северный Китай, поселения кочевников не известны, или принадлежность их к культурам номадов остаётся под вопросом. Сравнительно недавно подобная ситуация была и на Алтае. На 1983 г., до начала работ автора, почти все известные тогда в Горном Алтае поселения с керамикой раннего железного века, за исключением четырех памятников (Кара-Тенеш, Семисарт-1, Ламах-2, Денисова пещера), локализовались в Северном Алтае на 40-километровом участке правого берега Катунь от с. Майма до с. Усть-Муны¹. Поиски поселений на этой примыкающей к равнине территории проводились традиционно – на речных террасах. Однако, в ожидаемых местах (на берегах самой крупной реки Катунь) поселения отсутствовали. В конечном итоге они были обнаружены в районе Маймы примерно в 1,5 км от Катунь на террасах (или склонах террас) неподалёку от небольших ручьёв, впадающих в Катунь (Майма-1, 2) (рис. 10). В районе сёл Манжерок и Муны поселения найдены также на террасах (до 15–18 м высотой) в расширениях горных долин по берегам малых речек в 1,5–2 км от Катунь (Едрала-4, Муны-1) (рис. 20; 22). Остальная наиболее привлекательная для древних скотоводов территория Горного Алтая, включая примыкающую часть Восточного Казахстана и низкогорья от р. Катунь на севере и до р. Бухтарма на юге, практически оставалась белым пятном. По этому поводу В.И. Молодин писал: «Вести поиски археологических памятников, особенно поселенческих комплексов в горных районах (за Семинским перевалом), очень сложно, требуется иная методика, данные к которой нужно начинать накапливать, совершая разведочные маршруты» (Молодин, Петрин, 1985, с. 71). Действительно, для поиска поселений в скотоводческой остепненной зоне Горного Алтая потребовалась иная методика, отличная от применяемых в лесостепных районах Южной Сибири. Топография поселений эпохи энеолита и бронзы в лесостепном Алтае рассмотрена Ю.Ф. Кирюшиным, М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным. Авторы пришли к выводу, что практически все поселения с некоторыми различиями расположены по берегам или на террасах больших и малых рек, стариц, озер. Здесь древние жители занимались рыболовством и скотоводством, охотились. В этой же работе была сделана попытка по пяти известным тогда в Горном Алтае афанасьевским поселениям выявить закономерности их расположения. Отмечалось, что четыре поселения расположены в логах. «Хотя бы с двух сторон эти места ограничены горами или скальными выступами» (Кирюшин, Абдулганеев, Шамшин, 1983, с. 147), а одно (Кара-Тенеш) – на террасе. Отсюда был сделан вывод (очевидно,

¹ В 50–70-е гг. поселения в Северном Алтае в основном обследовались одним человеком – работником Бийского краеведческого музея им. Бианки Борисом Хатмиевичем Кадиковым. Целенаправленные поиски поселений начались значительно позже, в 1979 г., когда отряд ИАЭ СО РАН провёл тщательное обследование участка правобережной Катунь у сёл Манжерок и Муны (Молодин, Петрин, 1985).

по аналогии с лесостепью – П. Ш.), что долговременным является лишь поселение Кара-Тенеш на террасе, остальные – кратковременные стоянки. Вывод несколько противоречивый, если учесть, что здесь же указывается на вертикальный характер кочевания афанасьевцев, а, следовательно, временные стоянки (летники) должны быть на водоразделах с их обширными альпийскими пастбищами, где едва ли отыщутся следы их пребывания. Показательно, что почти все найденные исследователями древние поселения в северной части Горного Алтая расположены на террасах, в том числе и в скотоводческой зоне (Кара-Тенеш) (рис. 66). Это объясняется не только тем, что северные районы Горного Алтая заселялись переселенцами из лесостепи, привычно располагавшими свои жилища в лесу на террасах рек. Исследователи, руководствуясь полученным в лесостепи опытом, традиционно искали памятники на речных террасах. В примыкавшей к равнине северной части Горного Алтая эта методика давала определенные результаты, а в скотоводческих районах уже не срабатывала.

Приступая к поиску поселений в Горном Алтае, автор предлагаемой работы, прежде всего, исходил из анализа природно-климатических условий и этнографических параллелей с проживавшим здесь алтайским народом (см.: гл. 3). Центральный, восточный и юго-восточный районы Горного Алтая представляют собой засушливые остепненные территории, удобные для круглогодичного выпаса скота. Корма в долинах и на окружающих их склонах по качеству значительно превышают альпийскую растительность, однако последняя по урожайности в 5–10 раз превосходит долинную. Нужно учитывать, что в среднем течении Катуня, по рекам Чулышман, Башкаус и многим другим вообще нет широких долин с пологими склонами. Поэтому в этих районах скотоводы до глубокой осени выпасали скот на альпийских и субальпийских лугах, а также в лесу в верховьях рек, сберегая травы в долине на зиму. Таким образом, природно-климатические условия Горного Алтая предполагали вертикальное кочевание, при котором скотоводы в долинах имели зимники, где проживали значительную часть года. Здесь же, на зимниках, располагались могильники, служившие, помимо прочего, доказательством права на владение данным пастбищем. Картографирование курганов эпохи энеолита, раннего железного века и средневековья показало, что почти все они расположены в границах территории, на которой в зимнее время выпадает мало снега, то есть в остепнённой зоне, на пастбищах, где до сих пор чабаны зимой пасут свой скот, строят зимники.

На основе этого был сделан вывод, что скотоводческие племена от эпохи энеолита до этнографического времени обитали на одной территории. Оставалось решить вопрос о конкретных местах расположения поселений. Важной подсказкой были современные стоянки чабанов, многие из которых располагаются у склонов гор и в логах. Там должны были находиться и поселения древних скотоводов, также стремившихся укрыть в логах и у скальных выходов свой скот и жилища от ветров и неприятеля в случае опасности. Для проверки предположения нужно было провести полное обследование долин, чтобы выявить закономерности в расположении поселений. В низкогорьях и широких долинах провести полное обследование на площади в десятки квадратных километров практически невозможно. Поэтому выбирались замкнутые с трех сторон долины, в которых располагались могильники всех трех указанных эпох, например, четырехкилометровая долина у с. Туэкта (рис. 73; 74), ряд крупных логов на семикилометровом участке у с. Кулада в районе Башадарских курганов (рис. 73; 75), окрестности с. Ело (рис. 86), пос. Озерное (рис. 87), урочище Пазырык и др. Проводилось полное тщательное обследование этих долин от берегов рек до крутых склонов,

окаймляющих долину гор. Проводившимся в 80-е гг. XX в. поискам помогало наличие большого количества участков с разрушенным верхним слоем почвы, начиная с речных берегов, кромки которых осыпаются. Далее, на первой и второй надпойменных террасах располагались огороды или пашни, занимавшие большую часть долин. Распашка этих террас с тонким слоем гумуса неизбежно затрагивала культурные слои древних поселений, находившиеся на глубине 15–30 см, что позволяло достаточно уверенно судить об их наличии или отсутствии на этих земельных участках. На поселениях, разрушаемых распашкой недолгое время, прежде всего, видны обломки костей животных, угли, зола, а при более тщательном осмотре и керамика. В Шебалинском, Онгудайском и Усть-Коксинском районах в 80-е гг. XX в. долины, как правило, распахивались полностью, при этом захватывались пологие склоны и лога¹. Не распаханые лога и пологие склоны исследовались шурфами 1×1 м или 1×2 м. При обнаружении культурного слоя, шурф расширялся до размеров 2×2 м или закладывался разведочный раскоп. Однако лога и пологие склоны гор во многих долинах не распахивались, и очевидно, что для их шурфовки у сёл Туэкта, Кулада или Ело потребовалось бы большое количество рабочих и времени. Но даже при их наличии мы не можем получить достоверный результат, поскольку шурф захватывает слишком малую площадь, и иногда не даёт материала даже в границах поселения с хорошо выраженным культурным слоем.

Проблема в большинстве случаев решалась благодаря наличию кротовин, т.е. выбросов земли в виде кучек, которые делает крот, копая ходы в слое гумуса. Объём земли в кротовинах может достигать тридцати штыковых лопат. Неоднократной экспериментальной шурфовкой установлено, что если в многочисленных кротовинах не встречены кости, угли и керамика, то культурный слой отсутствует. Остатки жизнедеятельности человека на поселениях с бедным культурным слоем обнаруживаются в кротовинах даже в тех случаях, когда закладываемые для выяснения стратиграфии шурфы размерами 1×1 м не дают материала. Данный метод позволяет наиболее точно определить границы поселения без раскопок.

В результате работ в 1983–1990 гг. для остепненных скотоводческих районов Горного Алтая было установлено, что поселения скотоводов, в отличие от лесостепных районов, располагались не у озёр и рек, а у горных склонов – в логах (часто у скальных выходов), иногда у подошвы горы. Расстояние до ближайшего водного источника может значительно превышать 1 км (рис. 73). В этих местах афанасьевцы и более поздние скотоводы укрывали от непогоды свои жилища и скот. В вершинах многих заселявшихся логов имеются седловинки, позволявшие в случае опасности незаметно отойти в соседний водораздел или долину (рис. 73; 76; и др.). На большинстве долинных поселений культурный слой беден, но на этом основании их не следует определять как кратковременные летние стоянки. Практически *все поселения раннего железного века в скотоводческой зоне Горного Алтая расположены на зимних пастбищах, недалеко от могильников и являлись зимниками*. Отдельные фрагменты керамики и кости встречаются и на удалённых от горных склонов террасах крупных рек, но здесь, как правило, нет культурного слоя. К таковым относятся многие поселения на Средней Катунь. Именно эти местонахождения было бы правильно считать временными стоянками (но не летниками), оставленными при перекочевках инородных групп населения, а также во время общественных празднеств, обрядов и т. д.

¹ В настоящее время площадь этих пашен сократилась в несколько раз. Многие из них засеваются многолетними травами и используются как покосы. С уверенностью установить наличие или отсутствие культурного слоя в таких уже задернованных местах без шурфовки невозможно.

Из 92 поселений раннего железного века, выявленных автором в скотоводческой зоне в 1983–1990 гг., девять располагались на террасах в некотором удалении от склона (30–100 м). Почти все они тяготеют к предгорной увлажнённой зоне. В большинстве случаев это, видимо, результат проникновения в горы Алтая населения из предгорий, выбиравших для жительства привычные места (Кастахта-1, 2; Мынута-3; Коргон-1; Большая Татарка; Кудыргэ; Тогусхан-7; Хемчик-2). Преобладающее количество поселений эпохи энеолита, бронзы и раннего железного века, открытых другими исследователями в среднем и нижнем течении Катуня, также расположены на террасах на некотором расстоянии от склона, однако, большинство из них назвать поселениями нельзя. Это кратковременные стоянки, часть которых теоретически могла быть летниками в периоды запустения, когда из-за малого количества населения и скота, зимние пастбища были в избытке. В традиционно скотоводческих районах на открытой местности вдали от склонов поселения не встречаются. Разработанная в Горном Алтае методика поиска поселений замечательно подтвердилась в Туве. В 2011 г. автором в горах неподалёку от «царского» раннескифского кургана Чинге-Тей (см. Чугунов, 2011) в укромном логу было обнаружено скотоводческое поселение с мощным культурным слоем (более 1 м) (Шульга, 2011), впоследствии получившее название Желвак-1. Вскоре в этой местности археологами из Государственного Эрмитажа было найдено ещё несколько поселений (Жогова, 2014). Кроме скотоводческих на Алтае нами найдена еще одна группа поселений, условно названная «земледельческой»¹. Они располагаются на хорошо прогреваемых южных склонах, в местах, благоприятных для занятий земледелием, и отличаются сравнительно мощным культурным слоем. Автором открыто четыре таких поселения: Кастахта-3 в верхнем течении Катуня в Усть-Коксинском районе (рис. 96), Чепош-2 (рис. 28) и Узнезя-4 (рис. 57) на Катуня в Чемальском районе. Также на склоне было устроено и поселение Майма-1, где обнаружено большое количество зернотёрок (рис. 10; 11). Таким образом, топография поселений древних скотоводов Горного Алтая устойчиво указывает на тип хозяйства человеческих коллективов, оставивших эти поселения, и на их прежнее обитание в лесостепных или, наоборот, в горных районах.

Могильники в Горном Алтае, обычно, расположены неподалёку от поселений (в 300–1000 м), на уплощённых или наклонных террасах, служивших зимними пастбищами. Являясь местом захоронения членов родственной группы и проведения культовых обрядов, могильники были также доказательством права пользования данными территориями и зимними пастбищами, от которых зависела жизнь скота и людей. Так, керамика из насыпи Башадара-2 находит аналогии на близлежащих поселениях Текпенек-Боочи-2, 3 (рис. 73; 81-83). Единственным известным автору исключением является могильник Пазырык находящийся в обособленном урочище намного выше уровня р. Большой Улаган, и в значительном от нее удалении. Тщательное обследование и шурфовка урочища не выявили там никаких поселений, тогда как ниже могильника, вдоль склонов долин рек Большой Улаган и Балыктыюль, отмечены места обитания эпохи энеолита, скифского времени и средневековья.

В результате поисков в скотоводческой зоне Горного Алтая в 1983–1990 гг. автором было обнаружено 92 поселения, датируемых от эпохи энеолита до средневековья. Поиски поселений проводились и в северо-западном предгорном поясе, отделяющем степи Алтайского

¹ Основу хозяйства проживавших там коллективов, несомненно, также составляло скотоводство, но значительное место, по-видимому, занимало земледелие.

края от остепненных долин Горного Алтая (рис. 1), но поселений там почти не встречается, поскольку из-за большого количества осадков выпас скота в предгорном поясе в зимнее время затруднен или вообще невозможен. В древности, как и в этнографическое время, эти районы не привлекали внимания скотоводов, что подтверждается редкой встречаемостью там курганов.

Разведки в Чарышском, Солонешенском и Алтайском районах Алтайского края (рис. 1) также подтверждают положение о слабой заселенности низкогорий. Найдено лишь несколько поселений с бедным культурным слоем. Однако в этом низкогорном поясе не обнаружено и земледельческих поселений, что объясняется или их отсутствием, или необходимостью разработки новой методики поиска поселений для этого района, отличающегося своими ландшафтно-климатическими характеристиками. Свою специфику имеет долина реки Чуи и ее притоков. В связи с малым среднегодовым количеством осадков урожайность пастбищ там невысока. Травостой беден, поэтому во многих долинах гумусированный слой тонок и почти не увеличивается. Почва плотная, каменистая. Рубленые дома пазырыкцев там, по видимому, не заглублялись в материк, и после ухода людей бревна разбирались на хозяйственные нужды или сгнивали на поверхности. Нужно учесть и непродолжительность проживания скотоводов в этих районах (около полувека, см. гл. 5). В таких условиях на поселениях обломки костей и керамики растаптывались людьми и животными на мелкие фрагменты, и культурный слой почти не нарастал. В отличие от предгорий и лесостепи, где на поселениях часто видны жилищные западины, в скотоводческой зоне Горного Алтая древние жилищные западины визуально на поверхности почвы не фиксируются. В случае расположения поселения на склоне правомерно предположить нивелировку западин и хозяйственных ям, но они не встречаются и на ровных площадках, тогда как в этих местах даже над очажными ямами иногда фиксируется еле заметная западина. Очевидно, в центральных районах Алтая жилища углублялись незначительно, а в долине р. Чуи рубленые жилища или юрты устанавливались на поверхности. По аналогии с традиционной системой кочевания алтайцев и казахов в бассейне р. Чуя можно предположить большую, чем в других районах, подвижность пазырыкского населения, и, как следствие, малое количество материальных остатков на их поселениях. К тому же, вследствие суровости климата, *эта территория (как Укок и Улаган) активно использовалась пазырыкцами примерно в течение полувека в конце IV – начале III в. до н. э.* Вместе с тем, имеются сведения об обнаружении на Юстыде землянки афанасьевской культуры (Кубарев, 2009, с. 6). Там же обнаружены крупные печи для обжига керамики хуннского облика (Кубарев, Журавлёва, 1986) и большое количество остатков железоделательного производства. Всё это указывает на заселённость этой территории в разные эпохи, а, следовательно, надежда на обнаружение там перспективных для исследования поселений сохраняется.

1.2. Поселения и жилища

Всего к настоящему времени в Горном Алтае автором учтено 226 поселений. Поскольку поселения в Горном Алтае, обычно многослойные, то учитывались не только памятники раннего железного века и средневековья, но также эпохи энеолита (афанасьевская культура) и бронзы. Из них большая часть выявлена в Майминском районе – 53, Чемальском – 67, Шибалинском – 17, Онгудайском – 36, Усть-Канском – 10 и в Усть-Коксинском – 14. Достовер-

но однослойными являются только поселения раннего железного века¹. Судя по количеству поселений с керамикой раннего железа (133 поселения), это была эпоха максимального заселения Горного Алтая, когда осваивались ранее пустовавшие районы и урочища. Освоенность в энеолите (около 50 поселений) и в средневековье (46 поселений и городищ) была примерно одинакова. Часто встречаются двуслойные поселения, где слой раннего железного века соседствует со средневековым слоем (22 поселения) и афанасьевским (20 поселений). На 17 поселениях представлены все три вышеупомянутые эпохи, т.е. в этих конкретных местах условия для скотоводства и проживания были наиболее оптимальными. Керамика эпохи бронзы выявлена на 19 поселениях, но слои этой эпохи обычно не фиксируются, а большая часть поселений сосредоточена в Чемальском районе по Катунь (12 поселений), куда проникало население с Предалтайской равнины. Привязанность древних скотоводов к одним и тем же удобным местам хорошо демонстрируется раскопками на поселении Партизанская Катуща у с. Узнезя Чемальского района, где вдоль склона по линии З–В с интервалом в 3 и 6 м зачищены три очага афанасьевского, скифского и средневекового времени (рис. 46. - 3). Очаги раннего железного века и средневековья на Партизанской Катуща находились в жилищах, то же можно сказать и об афанасьевском, судя по мощному зольному слою.

Раскопы закладывались разными исследователями на 32 поселений, из которых две трети (23 поселения) исследованы по Катунь на небольшом отрезке протяжённостью 150 км от с. Майма до с. Куюс. В традиционных скотоводческих районах, где преимущественно проживали пазырыкцы, раскопки велись всего лишь на шести поселениях, а сами раскопы имели незначительную площадь, что не позволило проследить полностью ни одного из обнаруженных жилищ.

Идеально сохранившиеся погребальные срубы «дома мёртвых» в мерзлотных пазырыкских курганах, как будто, позволяют в деталях описать реальные жилища скотоводов и даже внутреннее убранство, включая кровати с деревянными подушками и утварь. Однако, мы пока не знаем степени соотношения в них реального и сакрального. Например, в погребальных «домах» нет ни окон, ни дверей (за исключением двух? случаев в Пазырыке-1 и Шибэ), ни дымохода с очагом, а характерные для погребений пазырыкские узкогорлые кувшины, как оказалось, в быту вовсе не использовались (см. гл. 4). На данном этапе исследования поселений Горного Алтая, их целесообразно рассмотреть по зонам расположения в скотоводческих горно-степных районах Горного Алтая и в увлажнённых среднегорьях и низкогорьях.

1.2.1. Поселения скотоводческой зоны. По особенностям расположения и размерам подавляющее большинство поселений в скотоводческой зоне могут быть разделены на малые и средние. Однако принципиальных различий между ними нет. Культурный слой на большинстве поселений незначительный – мощностью от 15 до 30 сантиметров. Скотоводческие поселения отличает большое количество костей животных, углей и сравнительно небольшое число фрагментов керамики, имеющих малые размеры: от 2х2 см до 3х4 см. Очевидно, это связано с меньшим употреблением керамических сосудов, а также отсутствием глубоких хозяйственных ям и жилищных западин. Керамика, находящаяся на поверхности плотной, иногда каменистой почвы, растапывалась скотом и людьми на мелкие фрагменты. Поселения,

¹ Всего однослойных поселений раннего железного века учтено 86, но большинство из них почти не исследовалась, и там могут быть обнаружены слои иных эпох. Это же касается пяти известных «однослойных» афанасьевских поселений.

расположенные в более увлажненных районах, отличаются мощным гумусом, имеют культурный слой от 60 до 140 см (Элекмонар-4, Черный Ануй-3, Кастахта-3, Ламах-2 и др.).

Малые поселения расположены в небольших логах или на узких террасах у защищавших от ветров горных склонов, обычно ограничивавших площадки с двух-трёх сторон. Площадь их составляла от 300 до 800 кв. м (не более 1000 кв. м), т. е. даже самые крупные занимали площадку всего 30×30 м или 20×50 м. На большинстве таких поселений размерами примерно 20×30 м одновременно можно было расположить всего одно-два жилища. Причина такой стеснённости заключается не в недостатке более крупных площадок, а в том, что кочевники сознательно выбирали такие места, *поскольку для большего количества людей и скота, зачастую (например, по малым речным долинам), просто не хватало пастбищ*. В более крупных долинах и обширных степях пастбищ было значительно больше, но и там скопление в одном месте большого количества людей и скота приводило к быстрому стравливанию прилегающих пастбищ. Для использования под выпас участков, расположенных от жилища далее чем в 3–4 км, пришлось бы зимой постоянно перекочёвывать¹. В отношении проживавших на рассматриваемой территории южных алтайцев в XIX в. отмечалось: «Кочевому образу жизни соответствовали определённые формы поселений, характерной особенностью которых являлась разбросанность и малолюдность». В ходе перекочёвок «каждая отдельная семья выбирала для поселения такое место, где имелись хороший травостой, источник воды и не было соседей. Селились на расстоянии 5 км и более друг от друга». На зимних пастбищах в складках гор выбирали защищённые от ветров распадки, где ставили жилище и содержали скот, выпасавшийся на ближайших южных склонах, свободных от снега (Тошакова, 1978, с. 70). По наблюдениям миссионера В.И. Вербицкого южные алтайцы во второй половине XIX в., проживали разбросанно аилами «не более трёх юрт, принадлежащих ближайшим родственникам, как-то: отцу с сыновьями и их семейством» (цит. по: Тошакова, 1978, с. 72). Разбросанный тип поселений был характерным и для других алтайцев – телесов и теленгитов, кочевавших в юго-восточной части Горного Алтая (Тошакова, 1978, с. 73), в аилах которых проживало по 2–3 семьи (Дьяконова, 2001, с. 16). У тувинцев, монголов и казахов на зимниках также располагалось всего по несколько жилищ.

У соседствовавших западных тувинцев в XIX–XX вв. аалы на зимниках «включали обычно 3–5 юрт, стоявших поблизости друг от друга, обычно не далее, чем в нескольких десятках метров. ...Важной отличительной особенностью любого аала ... было наличие одной общей для всех входивших в него хозяйств кошары, ... причём отдельный аал могла составлять и одна юрта, если при ней была своя кошара. Важно также подчеркнуть, что структура аалов почти не менялась из года в год в отличие от летних стойбищ, состав которых был сравнительно неустойчивым» (Вайнштейн, 1991, с. 14–15). На территории Монголии, согласно историческим источникам и более поздним наблюдениям, всегда существовала наиболее оптимальная форма кочевания аилами из двух-трёх семей по 4–5 человек в каждой, которые в средневековье могли объединяться в курени до нескольких тысяч юрт только в

¹ Площадь пастбища у зимней стоянки или колодца (в пустынных местах) определяется дальностью нажировочного прогона животных. Например, в степной зоне Монголии это расстояние в зимнее время составляет для мелкого и крупного рогатого скота до 3,5 км, а для лошадей – до 7 км. Средний радиус суточного прогона животных определён в 4 км (Динесман, Болд, 1992, с. 197–198). Не случайно жилища южных алтайцев в XIX в. располагались друг от друга на расстоянии в пять и более километров.

случае военной угрозы (Динесман, Болд, 1992, с. 175–176). В Горном Алтае такие объединения были просто невозможны из-за отсутствия достаточной кормовой базы в небольших, зачастую изолированных долинах и урочищах.

Итак, в XVIII–XIX вв. скотоводы Горного Алтая, как и другие обитатели горно-степных ландшафтов в соседней Туве и Монголии, кочевали малыми группами близких родственников, устанавливавших в одних и тех же местах на зимниках 1–3 жилища. *Количество семей на зимовке, в конечном счёте, определялось площадью и качеством доступных пастбищ, необходимых для сохранения стада в зимнюю бескормицу.* Соответственно, в зимнее время на небольших реках Горного Алтая с малым количеством пригодных пастбищ могло прокормиться только малое количество скота, достаточного для одной-двух семей. В больших долинах на Алтае родственные коллективы также дробились на ячейки из нескольких семей для оптимального использования пастбищ. Потому айлы на Алтае располагались друг от друга на 5 и более километров. Этим объясняется зафиксированная в начале XX в. в Туве ситуация, когда аалы зажиточных скотоводов располагались на значительно большем расстоянии друг от друга, нежели бедных (Вайнштейн, 1991, с. 14) – ведь для имевшегося у них большого стада требовалось и больше пастбищ. Особенно крупные объединения (курени) кочевников отмечались в средневековье в Монголии. В них насчитывалось сотни и даже тысячи юрт. Такая форма кочевания вызывалась военной опасностью и была возможна только в обширных степях при постоянной смене пастбищ (Владимирцов, 1934; Динесман, Болд, 1992). В летнее же время в обширных долинах Тувы и в Монголии в одном месте могли кочевать десятки семей.

Насколько корректно реконструировать зимники раннего железного века по этнографическим данным XVIII–XX вв. до н. э.? На наш взгляд, для этого имеются веские основания. Природное окружение довольно жёстко определяло наиболее оптимальные формы кочевания. В равнинных степях кочевники со стадами подобно стадам сайгаков (Казахстан) и дзеренов (Монголия) традиционно кочевали на сотни километров вслед за травой – летом на север, а зимой на юг – на зимние пастбища. *В горах принцип кочевания остаётся тем же, только «северные» увлажнённые пастбища находятся не за сотни километров, а всего лишь в 10–20 км на высокогорье, поскольку зоны растительности быстро меняются по высоте.* Это называется вертикальным (яйлажным) кочеванием. С наступлением зимы глубокий снег заставляет кочевников уходить со скотом на зимние бесснежные пастбища: «горные» скотоводы спускались в долины или предгорья, а степные уходили на юг. По имеющимся китайским источникам, такая система кочевания и состав стада сложились в Монголии ещё в I тыс. до н. э. (Динесман, Болд, 1992). По Алтаю для I тыс. до н. э. таких данных нет, но не менее весомым аргументом являются наблюдения на выявленных древних поселениях. Почти все поселения в скотоводческой зоне Горного Алтая расположены в одних и тех же местах с эпохи энеолита, когда афанасьевцы впервые в Сибири начали разводить скот. При этом культурные слои более поздних эпох перекрывают ранние. Неподалёку или в этих же местах часто находятся стоянки современных чабанов или следы от зимних стоянок XIX–XX вв. (рис. 73; 94; 96). Состав стада и соотношения видов скота, определяемые по костям с поселений Горного Алтая за прошедшие 2,5 тыс. лет практически не изменились (см. гл. 3). Аналогичными являются и природно-климатические условия. Как бы не решился вопрос о наличии лошадей в стаде афанасьевцев, но *система вертикальных перекочёвок с зимниками (поселениями) в долинах, несомненно, сложилась у них уже в III тыс. до н. э.*

Поселения, расположенные в крупных логах и вдоль склонов Горного Алтая, имеют значительно большую площадь. Это могло быть связано как с несколько большей величиной древних посёлков в наиболее благоприятных местах для занятий скотоводством, охотой, собирательством и земледелием, так и с возможностью в течение времени заселять различные участки в пределах выбранного лога или подножия горы. Например, у с. Элекмонар (располагается на границе скотоводческой и увлажнённых зон) керамика раннего железного века встречается на пашне и в шурфах полосой вдоль склона на участке длиной около 500 м шириной 40–80 м, т. е. общая заселявшаяся площадь достигает примерно 30 тыс. кв. м. (рис. 61. – 1). На этой площади условно выделено три поселения (Элекмонар-4, 4а и 4б). Результаты шуровки на этих поселениях позволяют утверждать, что дальнейшие раскопки могут выявить несколько локализованных культурных слоёв, различающихся по времени существования и этнокультурным особенностям. На 200–300 метров вытянулись вдоль склона поселения Тюмечин-5 (рис. 85), Озерное-8 (рис. 88) и другие. Можно сделать вывод, что в Горном Алтае с эпохи энеолита и до XIX в. на поселениях в скотоводческой зоне традиционно сооружались жилища для 1–3 семей родственников. На малых площадках они возводились в одних и тех же местах, а потому площадь поселений там составляла всего около 600 кв. м. На больших площадках жилища другой родственной группы могли устраиваться чуть в стороне, также как это делалось на могильниках, при добавлении новых курганов. Поэтому в настоящее время площадь таких поселений относительно велика.

1.2.2. Планировка жилищ и могильников

Незначительные по площади раскопы на поселениях скотоводческой зоны Горного Алтая пока не позволяют решить вопрос о планировке жилищ на посёлках древних кочевников. Не удаётся это сделать и по жилищным западинам, поскольку в Горном Алтае жилища раннего железного века не заглублялись, или заглублялись незначительно, а потому на поверхности западины зафиксированы всего в нескольких случаях на нижней Катунь. Далее в горах их нет даже на ровных участках. В связи с этим, особый интерес представляют материалы по планиграфии могильников, по всей видимости, копировавших реально существовавшие поселения и жилища. Курганы кочевников являлись не только местом захоронения и проведения различных обрядов. Они также рассматривались как доказательство прав сородичей на данную территорию, которую они должны были защищать как для сохранения могил предков, так и для сохранения пастбищ.

По имеющимся данным, цепочка пазырыкских курганов копировала реально существовавшие поселения (стойбища) с устроенными в ряд жилищами родственников (см. раздел 1.2.3.) (рис. 4). Соответственно, цепочка погребений (курганов) расценивалась в древности как ряд родственников (иногда условных родственников), располагавшихся так в реальной жизни (в стойбище), во времени (последовательность жизней деда-отца-сына, матери-ребёнка и т. д.) и в мире потустороннем. К аналогичному выводу пришёл и И.Л. Кызласов на средневековых материалах: «каждая отдельно взятая цепочка могильника вполне соответствует традиции расстановки жилищ по поколениям, прослеженной этнографами для хакасских поселений-аилов» (Кызласов, 2005, с. 65). Данная трактовка рядов погребений совершенно не противоречит точке зрения М.П. Чернопицкого на цепочку курганов как отражение эстетической идеи, которая «констатирует необратимость времени и ритмический принцип выступает в планировочной организации пространства как самая непосредственная

материализация идеи вечности в широком смысле» (Чернопицкий, 1980, с. 185). Следует всё же оговориться, что, по имеющимся данным, достаточно протяжённая цепочка курганов не являлась последовательными погребениями представителей поколений одной семьи. Практически все большие цепочки-кладбища состоят из микроцепочек, с заметными различиями в ориентации и межкурганскими интервалами. Зачастую, могильник (цепочка) включает явно инородные погребения и микроцепочки. Вернее было бы сказать, что *цепочка курганов является отображением идеи существовавшего в потустороннем мире стойбища реальных или условных родственников. Помимо этого, цепочки последовательно возводившихся курганов являлись и своеобразной монументальной летописью последовательности совершавшихся событий, вехами истории данной семьи, рода, племени, а, зачастую и проживавших здесь позднее людей, не связанных кровным родством с предшественниками* (Кубарев, Шульга, 2007, с. 37–38).

Цепочки (ряды) являлись одной из основных форм построения курганных групп раннего железа почти для всех территорий, где известны скифоидные культуры. В степях Евразии подобным образом устраивались погребения и в эпоху бронзы и в средневековье. В более позднее время рядами располагались пянджикентские наусы (Снесарёв, 1960, с. 68), погребения XIX в. в Хорезме (Снесарёв, 1960, с. 60–71), а также у поволжских финнов, обских угров, марийцев (Халиков, 1977, с. 95), где цепочка погребений расценивалась как ряд родственников, располагавшихся так во времени и в реальной жизни. Г.П. Снесарёв (Снесарёв, 1960, с. 60–71) показал зависимость планировки надмогильных сооружений от планировки жилищ. Тоже отмечено и у селькупов (Грачёва, 1972, с. 42), т. е. *линейной планировке жилищ на поселениях, по меньшей мере, с эпохи бронзы соответствовала линейная планировка погребений.*

В Горном Алтае традиция устройства курганных цепочек сложилась в энеолите у населения афанасьевской культуры (Шульга, 2010б, с. 198), заложившего и систему скотоводства с вертикальным кочеванием, сохранившуюся до наших дней. Почти все курганы пазырыкской культуры расположены цепочками по линии С–Ю с отклонениями, редко достигающими 45° (рис. 4). Обычно эти отклонения были вызваны стремлением следовать линии ландшафта (линеаментам). Если река или склон горы протянулись с запада на восток, цепочки курганов располагаются перпендикулярно им по линии С–Ю почти без отклонений. Широко ориентированные пазырыкские цепочки на Алтае зафиксированы всего несколько раз. Важно подчеркнуть, что при повороте цепочки курганов, согласно принципу перпендикулярности, соответственно менялась ориентация умерших, а также всех погребальных и поминальных сооружений (рис. 4) (Шульга, 2003а, с. 32–34; Кубарев, Шульга, 2007, с. 40–41; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 136–140).

У кочевых народов существовало два основных типа планировки стойбищ – куренной и айильный. Последний являлся наиболее ранним и повсеместно распространённым типом поселения. Известна также планировка жилищ дугой или подковой (Букейхан, 1927, с. 71; Шитова, 1984, с. 69–70).

Курень - это орда до нескольких сотен семей, устраивавших стойбище в виде круга из юрт. Такая планировка была возможна только в степях с обширными пастбищами, требовала постоянных перекочёвок, и, зачастую, была вынужденной во времена военных столкновений. При частых перекочёвках (особенно, летом) устроенные в круг юрты также служили загонem для скота. Такое расположение диктовалось не военной угрозой, а целесообразно-

стью, и сохранялось вплоть до XX в. (Руденко, 1927, с. 16; Кузеев, 1957, рис. 1, 2; Шитова, 1984, с. 69–70; Оразов, Чарыев, 2000, с. 154; и др.). Куренная планировка зафиксирована в IV в. н. э. у аланов (Плетнёва, 1964, с. 133), в XIII в. н. э. – у монголов (Владимирцов, 1934; Плетнева, 1964, с. 133; и др.), в XVIII–XIX вв. – у различных казахских родов (Руденко, 1927, с. 16; Абрамзон, 1971, с. 116; и др.), башкир (Кузеев, 1957, с. 100, рис. 1, 2) и у других народов. Подобная планировка в виде дуг или круга из поминальных сооружений часто встречается у элитных курганов раннего железа в Казахстане (Маргулан, 1959, с. 43; и др.) и на Саяно-Алтае (Башадар, Аржан-1 и др.). У некоторых раннескифских курганов в Туве дуги имеются с обеих сторон и почти составляют круг (Семёнов, 1997, рис. 11; Чугунов, 2011, рис. 2). В Монголии подобные выкладки часто образуют полный круг вокруг херексуров и других сооружений с оленными камнями (Волков, 1981, табл. 53, 72, 80). Эти выкладки вместе с центральным курганом (как и в Казахстане), предположительно, имитировали жилища отдельных семей вокруг вождя (Акишев, 1959, с. 205), т. е. курень. В указанных же погребальных или поминальных комплексах они, по-видимому, демонстрируют расположение родственников на поминальных обрядах, как полагал С.С. Сорокин (1981, с. 21–25).

В Горном Алтае на большинстве могильников преобладала линейная (аильная) планировка курганов и поминальных сооружений. *Аил* – это преимущественно цепочка жилищ группы родственников, обычно являвшихся членами одной большой патриархальной семьи (БПС). У кочевников Средней Азии такие семьи могли достигать 100 человек. В мирное время они постоянно дробились, но в периоды военной опасности (вспомним курень) такие семьи объединялись и кочевали вместе. В одном жилище члены БПС не вмещались, а потому каждая малая семья ставила свою юрту. Цепочки жилищ вытягивались или по прямой (на ровном месте), или следовали ландшафтным структурам. Такой тип планировки был известен у башкир (Кузеев, 1957, рис. 3), киргизов (Абрамзон, 1971, с. 114), казахов (Руденко, 1960, с. 327; Кисляков, 1969, с. 31), монголов (рис. 4. – 9) (Кисляков, 1969, с. 31; Викторова, 1980, рис. 9. – а, б). При строительстве долговременных жилищ аильная (линейная) планировка часто сохранялась (Викторова, 1980, с. 50, рис. 9. – б). Цепочками могли располагаться и юрты целого рода. Подобная планировка поселений ближайших родственников сохранялась до недавнего времени в кочевой среде от Восточного Памира (рис. 4. – 8) (Шибаета, 1973, рис. 11) до Монголии (Викторова, 1980, рис. 9). *В больших цепочках жилищ можно выделить малые звенья близких родственников, что соответствует большой цепочке курганной группы, состоящей из малых семейных цепочек.*

Обычно цепочка из 10–20 курганов скифского времени состоит из групп по два-три кургана, ориентационной осью и близостью расположения отличающихся от других в цепочке (рис. 4). В отличие от почти одновременно устанавливаемого ряда жилищ кочевников, цепочки курганов формировались в течение длительного времени. Так, одна цепочка курганов могла возводиться сразу в нескольких точках отдельными семьями. Часть цепочек, видимо, сооружались последовательно проживавшими позднее родственными группами, пристраивавшими с севера свои курганы к уже имевшимся, но ориентировавшим их несколько иначе.

Причины расположения с глубокой древности рядов жилищ и захоронений кочевников Евразии в меридиональном (или близком ему) направлении пока не ясны, но не вызывает сомнения связь ориентации ряда (цепочки) и входа жилища. Согласно принципу перпендикулярности, вход в жилище всегда был перпендикулярен линии устроенных в ряд жилищ (рис. 4. – 9). У тюркских народов вход находился с востока, и ряд жилищ строился с юга на

север. У монголов вход в юрту был с юга, и ряд жилищ строился с запада на восток (рис. 4. – 9). Аналогичную картину мы наблюдаем на могильниках. Особенно ярко зависимость ориентации «входа» и ряда «жилищ мёртвых» прослеживается на пазырыкских могильниках. В ходе изучения планиграфии пазырыкских могильников было установлено, что ориентация цепочки (микроцепочки) курганов, как правило, довольно жёстко связана с ориентацией внутримогильного сооружения и умершего. В каком бы направлении не устраивалась цепочка курганов, линия, по которой располагались могила, умерший и культовые сооружения (балбалы и выкладки) всегда перпендикулярна длинной оси цепочки курганов (рис. 4. – 2, 3, 6). Имеющиеся отклонения от перпендикуляра сравнительно небольшие. Эта закономерность названа «принципом перпендикулярности» (Шульга, 1989, с. 44; 2003а, с. 31–36; Очир-Горяева, 2012, с. 336). В меридиональных курганных цепочках могильные ямы, срубы, погребённые люди, а также балбалы ориентированы традиционно на восток (рис. 4. – 2) (Кубарев, 1987, табл. LVI). Если цепочка отклоняется к западу, то ориентация умерших меняется на ВСВ (рис. 4. – 6). Примером особо значительных отклонений цепочки к западу является могильник Верх–Кальджин-2 на Укоке. Судя по опубликованным планам, цепочка могильника отклонилась там к западу примерно на 27°, что привело к соответствующему отклонению к северо-востоку ряда балбалов у кургана 1 и ориентации умерших (рис. 4. – 6) (Молодин, 2000а, рис. 89, 107; Полосьмак, Молодин, 2000, с. 77). Более значительного отклонения к западу не известно. Наиболее часто цепочки могильников пазырыкской культуры отклоняются к востоку. В двух случаях цепочки отклонялись на восток до широтного положения, что привело к смене ориентации умершего и всех конструкций с восточной на южную (рис. 4. – 5) (Киселёв, 1951, с. 355; Степанова, Неверов, 1994). «Вход» с востока фиксируется и в захоронениях многих других культур скифского времени Южной Сибири и Казахстана. На восток ориентированы входы бесшатырских склепов (Ставинский, 1966, с. 111; и др.), имитации входов в кромлехах (Оразбаев, 1969; Бабанская, 1956, с. 190; и др.) и в ровиках (Троицкая, Бородовский, 1994; и др.).

Входы жилищ в раннем железном веке на этой территории зачастую также обращены в восточный сектор. Так, в Горном Алтае у жилищ скифского времени в обоих установленных случаях вход был обращён на восток (Майма-3, Бирюзовая Катунь-7). По имеющимся сведениям, восточная ориентация входов жилищ в раннем железном веке явно преобладала даже в Монголии у хунну и ухуаньцев, а позднее у тюркок-тугю, у которых восток ассоциировался с понятием «перед» (передняя сторона) (см.: Руденко, 1962, с. 36; Вайнштейн, 1991, с. 37). Стоя лицом к востоку определялись стороны света – юг был справа, а север слева. Вполне вероятно, что в I тыс. до н. э. в восточной части степей ориентация входа на восток была распространена повсеместно, а характерная для монголов ориентация на юг появилась значительно позднее под влиянием культуры Древнего Китая, сменившей культ Востока на культ Юга (см. сводку: Вайнштейн, 1991, с. 38–40). В связи с этим, особое значение имеют обоснованные выводы С.И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1991, с. 39), согласно которым ориентация входа жилища определялась не хозяйственно-бытовыми условиями (направление ветров, ландшафт, определение времени суток и пр.) а специфическими культово-мифологическими представлениями, в нашем случае связанными с почитанием восходящего солнца и Востока.

1.2.3. Жилища

Природно-климатические условия засушливой увлажненной зон Горного Алтая оказали влияние как на хозяйство, так и на устройство жилья древних горноалтайцев. В засушливой скотоводческой зоне, на поселениях жилищные западины визуально не прослеживаются, из чего следует вывод об отсутствии или редкой встречаемости жилищ полуземляночного или земляночного типов. Наиболее уверенно об этом можно судить по опустыненным Чуйской и Курайской степям, а также террасам Средней Катунь, где любой перекоп земли в древности был бы заметен и в настоящее время. По материалам из мерзлотных захоронений пазырыкской культуры и этнографическим данным, в скотоводческой зоне Горного Алтая на зимниках были распространены стационарные рубленые дома, а на летниках и при перекочёвках – шалаши и юртообразные жилища, покрытые войлоком, корой лиственницы или березы. Устройство рубленых домов пазырыкцев в деталях прослеживается в элитных мерзлотных курганах. Уже на начальной стадии исследования С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 78) предполагал «существование жилищ трёх типов: берестяные шатры, войлочные кибитки и рубленые из дерева дома». Здесь же он указывал, что кибитки едва ли имели сколько-нибудь широкое распространение (Руденко, 1953, с. 79), так как при вертикальных перекочевках по узким, труднопроходимым долинам горных рек кибитки не могли использоваться. В работе от 1960 г. Сергей Иванович пишет только о двух типах древних жилищ: «конусообразных, из жердей, крытых лиственничной корой, шалашах» и бревенчатых, капитально построенных домах (Руденко, 1960, с. 200). Площадь жилищ (как рубленых, так и юртообразных) не могла быть значительных размеров для экономии тепла. Исходя из размеров «настенного ковра» из Пятого Пазырыкского кургана (4,5×6,5 м), С.И. Руденко рассчитывал и размеры рубленых домов пазырыкцев (Руденко, 1953, с. 80; 1960, с. 200). Однако по размерам этот ковёр более подходит для застилания пола, т. к. трудно представить высоту потолка дома кочевника в 4,5 метра. Войлочные ковры на полу также зафиксированы в мерзлотных курганах на юго-востоке Горного Алтая (Кубарев, 1987, с. 126; Полосьмак, 2001, с. 211). То, что рубленые прямоугольные жилища могли иметь размеры в плане 4,5×6,5 м, на наш взгляд, подтверждает наличие больших рубленых погребальных камер, уподоблявшихся жилищу. Например, в Первом Туэктинском кургане камера имела размеры 4,98×5,91 м при высоте стен 2,12 м. Примерно такую же высоту (2–2,3 м) имели тагарские жилища (Абсолямов, 1977, с. 37). Отдельных комнат в жилищах, очевидно, не было, но помещение могли разделять войлочными пологами, подвешивавшимися к потолку с помощью петель (Полосьмак, 2001, с. 211). Особый интерес представляет внутренний сруб двойной погребальной камеры в Пазырыке-1 (Грязнов, 1950; Руденко, 1953). В.П. Мыльников (Мыльников, 1999, с. 29) – специалист по деревообработке на востоке Евразии в скифское время, доказывает, что зафиксированный М.П. Грязновым грабительский «широкий ход» в северной стенке внутреннего сруба, в действительности, вырубался заранее как дверной проём. Внутренние размеры этого изготовленного из бруса подпрямоугольного сруба составляли 4,87×3,35 м, что вполне соответствует реальному жилищу. Однако, высота его составляла всего 1,4 м, а дверного проёма, соответственно, – не более 1 м. Это могла быть уменьшенная по высоте, заранее изготовленная копия жилища. Возможно, данный сруб с дверным проёмом ранее служил жилищем, но при установке

его на дне могилы, несколько венцов в средней части были убраны¹. Пол в «жилище» мёртвых пазырыкцев выстилался толстыми плахами, под которыми мог находиться слой рваного камня или плит. Стены изнутри гладко отёсывались и драпировались коврами, прибитыми деревянными колышками или бронзовыми гвоздями с крупными шляпками. Потолок из продольно уложенных брёвен перекрывался большими пластами (в несколько слоёв) непромокаемой бересты, а выше пластами лиственничной коры (рис. 3. – 4, 5). Помимо этого, в некоторых сохранившихся пазырыкских срубках отмечен ряд деталей однозначно указывающих, что даже сравнительно небольшие срубы рассматривались как копии конкретных жилищ. Так, выступавшие наружу концы брёвен иногда были «плотно обёрнуты слоем бересты для предохранения их от гниения» (Мыльников, 1999, с. 28). Эту же защитную функцию могло выполнять и обугливание концов брёвен и поверхности срубов. Стыки брёвен иногда промазывались глиной, а на крыше прикрывались жердями. Слои бересты и лиственничной коры на «крыше» сруба часто придавливались камнями и жердями, как у жилого дома, чтобы их не снесло ветром (Кубарев, 1987, с. 19–21). Внутри погребальных срубов отмечены специальные вырубленные в нижних брёвках уступы для укладывания продольных досок пола, на которых иногда устанавливалось ложе-кровать. Сохранились также «подушки» из дерева, подкладывавшиеся под голову умершего. Судя по расположению умерших (мужчины у южной стенки, а женщины к северу), правая сторона жилища была женской (хозяйственной), а левая мужской (Кубарев, 1987, с. 126; и др.). Как и у жилищ кочевников, к востоку от пазырыкских курганов устанавливались балбалы – символические коновязи. Сама же цепочка курганов имитировала традиционное линейное (аильное) расположение жилищ кочевников. Таким образом, по замечательно сохранившимся погребальным камерам в мерзлотных курганах можно представить все основные конструктивные особенности пазырыкских жилищ. Помимо этого, на Укоке в Ак-Алахе-1 (к. 1) на перекрытии сруба были найдены брёвна от «разобранных стен многоугольного жилища» (Полосьмак, 1994, с. 22–23; Мыльников, 1999, с. 29). В погребениях и на поселениях таковые пока не зафиксированы, но, как видим, были и такие срубы типа многоугольных аилов у алтайцев и других народов (рис. 3. – 3).

Массу примеров тому, что погребение имитировало жилище, мы находим, в этнографии сибирских народов. Зачастую умершего хоронили или сжигали в настоящем жилище. У обских угров, хантов, кетов и селькупов могила так и называлась – домом. При этом, у селькупов изменение конструкции жилища вызывало и соответствующее изменение в конструкции погребального сооружения (Грачева, 1972, с. 42). Примерно такую же зависимость погребальных сооружений от конструкции жилищ прослеживает у тагарцев М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1976, с. 9). У древних племен был широко распространен взгляд, что «...умершие пересе-

¹ В последующей работе В.П. Мыльников определённо пишет о вторичном использовании внутреннего сруба в Пазырыке-1, а, возможно и в Шибэ, где также в северной стенке внутреннего сруба был проём шириной в 1 м (Мыльников, 2008, с. 47, 62). При этом со ссылкой на А.П. Окладникова указывается, что «дверные проёмы в бревенчатых жилищах и храмах вплоть до начала XIX в. были невысокими, от 122 см» (Мыльников, 2008, с. 62). Следует отметить, что «дверные» проёмы в Пазырыке-1 и Шибэ располагаются не с востока, а с севера, что вполне соответствует традиции располагать вход в прямоугольные в плане рубленые жилища с длинной стороны. Однако, это противоречит расположению балбалов-коновязей с востока, и наличию в пазырыкских погребальных камерах «хозяйственной» половины с севера. По этим данным вход в жилища мёртвых пазырыкцев предполагался с востока. У немногочисленных пока исследованных жилищ раннего железного века в Горном Алтае вход также располагался с востока.

ляются в другой мир, столь же материальный, как этот, и продолжают существовать там в условиях, сходных с теми, в которых они находились при жизни» (Плетнева, 1967, с. 18).

Следует отметить, что на Саяно-Алтае и в Монголии традиция сооружения срубных конструкций (в том числе двойных – сруб в срубе) достоверно зафиксирована в Туве уже в кургане Аржан-1 (Грязнов, 1980), датируемом около 800 г. до н. э. (Евразия в скифскую..., 2005). Двойной сруб с гладко обработанными изнутри стенками найден и в кургане Аржан-2 второй половины VII в. до н. э. (Евразия в скифскую..., 2005). Срубные конструкции (в том числе и с промазкой пазов глиной) характерны и для уюкско-саглынской культуры скифского времени (Грач, 1980, с. 32). Известны они в скифское время и в западной части Монголии, примыкающей к Алтаю и Туве. Так, по суммарному описанию, в Улангомском могильнике срубы из отёсанных брёвен собирались в обло с остатком. «Потолок составлен из односторонне отёсанных брёвен, уложенных продольно, как у пазырыкцев Алтая. Пол смонтирован из жердей, плах или выложен каменными плитками, в некоторых случаях комбинированный. В двух срубах в восточных стенках прорублено по окну размерами 50х50 см, закрытых с наружной стороны крупными плоскими камнями. В кург. №8 около угла северо-восточной стены прорублен «вход» – дверной проём шириной 80 см» (Новгородова, 1989; Мыльников, 1999, с. 30)¹. Погребения в срубах (в том числе двойных с драпированными стенами) сохранялись в Монголии и у племён хунну (Руденко, 1962). Несомненно, что в I тыс. до н. э. на указанной территории срубные не заглублённые в материк жилища существовали повсеместно. Вполне вероятно, эта традиция сохранялась у отдельных скотоводческих народов до XVII–XVIII вв. (Кызласов, 2005).

Существенный материал для реконструкции жилищ в скифское время дают поселения. К сожалению, в традиционных скотоводческих районах, где преимущественно проживали пазырыкцы, раскопки велись всего лишь на шести поселениях. При этом, площади раскопов на трёх поселениях составляли 30–40 кв. м, на одном (Куротинский Лог-1) – 132 кв. м и только на двух они достигали 300 кв. м (Кастахта-3) и 390 кв. м (Кучерла-1). По имеющимся данным, стационарные жилища скотоводов были в основном срубные, установленные на поверхности или немного заглубленные в слой гумуса. У населения Нижней Катунь, занимавшегося комплексным хозяйством – широко использовались полуземлянки, со столбовыми конструкциями и срубами.

Нижняя Катунь. На многих поселениях фиксируются жилища полуземляночного типа. Наиболее хорошо такое жилище было прослежено на поселении Майма-3 практически полностью исследованном раскопом площадью 1216 кв. м. До раскопок там было зафиксировано три жилищные западины округлой формы диаметром около 5, 10, 10 м. Наиболее хорошо сохранившееся жилище 2 было полуземляночного типа, слегка заглублено в материк. Форма котлована подпрямоугольно-овальная, размером около 10×11 м. В центре находился очаг круглой формы, сложенный из крупных окатанных камней. Зафиксировано 9 ям, четыре из которых, очевидно, служили для столбов, поддерживающих кровлю жилища. Пять ям были

¹ По мнению И.Л. Кызласова, эти прорубленные «окна» могли быть подхоронительными ходами в коллективных погребениях, типа зафиксированных в Туве (Кызласов, 2005, с. 21–22; Грач, 1980, с. 51). Вероятность такого их назначения подтверждается существованием обряда подхоронения в пазырыкской и каменной культурах (Шульга, 2003а, с. 46–48). Не исключено, что проёмы во внутренних срубах Пазырыка-1 и Шибэ предназначались для подхоронения одного из умерших, когда могила ещё не была засыпана и был установлен только внутренний сруб.

хозяйственными и, в основном, располагались в восточном секторе жилища. Вход в жилище был с востока. В хозяйственных ямах, и вдоль стен (изнутри и снаружи) обнаружены скопления костей, керамики и камней. Все три жилища датируются скифским временем и отнесены по керамике к быстрянской культуре (Археологические памятники..., 2008, с. 25–27). Полуземляночное жилище с представительным материалом быстрянской культуры обнаружено и на поселении Майма-2. На поселении Майма-18 жилище также было заглублено до материка. На сохранившейся части «пола» были зафиксированы столбовые и хозяйственная ямы. В центре жилища обнаружен очаг овальной в плане формы, сложенный из камней и небольших плит, которые были установлены на ребро и частично углублены в материк (Археологические памятники..., 2008, с. 38–39). По-видимому, было значительно заглублено в грунт и жилище с очагом и сложной системой отопления в Урлу-Аспаке, отнесённое «к майминской культуре гунно-сарматского времени (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.)» (Археологические памятники..., 2008, с. 63–64). К этому следует добавить обнаруженные в Верх-Соузге жилищные западины диаметром до 4–5 м, глубиной до 0,5 м, располагавшихся в линию вдоль русла реки (Археологические памятники..., 2008, с. 60). Вполне вероятно, что они также относятся к раннему железному веку.

Два жилища были вскрыты на поселении Бирюзовая Катунь-7, расположенном на левом берегу Катуня примерно в 10 км выше с. Манжерок. Восточное жилище на краю катунской террасы высотой около 5 м фиксировалось на поверхности в виде подпрямоугольной западины (глубина около 15 см от современной поверхности), ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. В ходе раскопок выявлено жилище подпрямоугольной в плане формы размерами 8×16 м. Котлован жилища был углублён в материк на 0,3–0,35 м (0,5–0,6 м от современной поверхности). Вход в жилище был с восточной стороны (от р. Катунь). В жилище (по-видимому, у центра) находился подпрямоугольный каменный очаг. Судя по найденным в жилище развалам керамических сосудов, пряслицу, бронзовому ножу и шилу, оно датируется скифским временем (рис. 24).

На поселении Чепош-2, расположенном в 30 км от с. Манжерок выше по течению Катуня стационарные жилища с очагами к началу раскопок уже были уничтожены. На исследованной территории найдено 30 хозяйственных ям, из них ямы №3, 11, 12 размерами до 4×2 м являлись остатками временных летних сооружений без очагов, где производились определённые хозяйственные работы, возможно, помол зерна, на что указывают зернотерки. Здесь же встречаются обломки глиняных пряслиц, галечки со следами сработанности и слабо-обожженные чаши (рис. 33–38), в которых хранение и приготовление жидких продуктов было, по-видимому, невозможно. Дно ям выравнивалось по горизонтали, а потому они выглядели как врезанные в склон полуземлянки одна сторона которых заглублялась в материк до 0,7 м, а другая, где располагался вход, выводилась на уровень материка. Ещё одно сооружение без очага шириной около 3 м, площадью 50–60 кв. м с пятью ямами было устроено почти на поверхности, и заглублялось в материк только в верхней части на 2–10 см. По информации М.Т. Абдулганеева (Абдулганеев, 1998, с. 167), подобные врезанные в склон хозяйственные постройки без очагов и ямы бочонковидной и грушевидной формы были зафиксированы им на поселении Майма-1, также расположенном на склоне южной экспозиции.

На поселении Элекмонар-4 раскопом было разрезано жилище-полуземлянка значительных размеров с очагами №1–4, пол которого не достигал материковой супеси примерно 15 см. Глубина котлована от уровня древней поверхности составляла около 40–50 см. В исследовании

дованной части жилища площадью более 50 кв. м зачищено 4 очага, один из которых обложен крупными плитами в виде четырехугольника (рис. 61б; 98. – 7) и 8 хозяйственных ям, заглубленных в материк на 7–35 см. Плиты обкладки очага №4 были установлены на материковой супеси и во время функционирования очага почти не возвышались над уровнем пола. Заполнение очага состояло из плотно слежавшегося слоя золы мощностью 7 см, насыщенного пережженными косточками. К северу-востоку от него зачищена столбовая яма диаметром 14 см, заглубленная в материк на 35 см. В центре раскопа расчищен очаг №1 (рис. 61б). В его северо-восточной части имелась небольшая приступка, где обнаружен перевернутый вверх дном горшок с отбитыми ручками-упорами и доньшком (рис. 63. – 11). Следы наземного, предположительно, юртообразного жилища были обнаружены на поселении Муны-1 (рис. 22. – Б) (Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 25).

Скотоводческая зона

В скотоводческой зоне жилища затронуты раскопками на многих поселениях, но ни одно полностью не исследовано.

Поселение Тыткескень-3 (Чемальский район). Жилище исследовано частично (рис. 70). Оно могло иметь подквадратную форму площадью 60–65 кв. м или большую, если оно было прямоугольным. Углублено в материк на 10–15 см. На краю котлована лежала крупная глыба, возможно, использовавшаяся в качестве фундамента или крепиды жилой конструкции. В центральной части находился очаг диаметром 0,7 м. Здесь же зафиксирован очаг с довольно мощным (до 0,1–0,15 м) прокалом. Вдоль южного края жилища (внутри него) зафиксированы два пятисантиметровых углубления и яма глубиной от дна 0,25 м.

Поселение Ело-5 (Онгудайский район) (рис. 86). Расчищены остатки, предположительно, округлого жилища типа шалаша с центральной опорой. В центре находился круглый очаг без каменной обкладки размерами 130×150 см, на 30 см заглубленный в материк. В 10 см от восточного края очага в материковой супеси сохранилось прямоугольная в плане ямка от столба – опоры в сечении 17×11 см. Столб заглублялся в материк на 12 см. Больше столбовых ям не было найдено. В 60 см к северо-западу от упомянутого очага зачищен второй небольшой очаг – 35×40 см, заглубленный в материк на 10–15 см. В очагах была зола, угли, обожженные кости и мелкие фрагменты керамики. В 2,5 м к югу от большого очага по периметру обнаружены остатки выкладки из камней. Диаметр предполагаемой юрты (шалаша?) мог составлять около 5 метров.

Поселение Куротинский Лог-1 (рис. 73; 76). Расположено близ больших Туэктинских курганов (Онгудайский район). Найден заглубленный на 45 см в материк очаг размерами 50×61 см. Заполнение состояло из нескольких крупных камней, золы, углей, обожженных костей и керамики. Вокруг очага зачищено несколько хозяйственных ям, заглубленных в материк на 5–10 см. Судя по залеганию, находок, пол жилища заглублялся в гумус на 15–25 см и не достигал материка. Площадь и конструкцию жилища установить не удалось.

На поселении Текпенек-Боочи-3 (Онгудайский район) контуры жилища прослеживались слабо (73; 82). Его западная и центральная части были заглублены в материк на 10–25 см. Пол жилища заглублялся в гумус на 30–35 см. Очаг не обложен камнями, находился на 15-ти сантиметровом слое прокаленной глины. Установленная длина западной стенки подпрямоугольного (?) жилища – 4 метра.

На «земледельческом» поселении Кастахта-3 (Усть-Коксинский район), площадью около 1500 кв. м с мощным культурным слоем (до 1,2 м), зачищено 7 очагов, тщательно обложенных плитами и плоскими камнями в форме круга (очаги №2 и 6), пяти- и четырехугольника (очаги 1, 4, 5) (рис. 98. – 1-5). Очаги находились на уровне пола жилищ. Подквадратные очаги имели размеры 50×60 см и 90×90 см, диаметр округлых мог достигать 1,1 м. Судя по находкам и покрытому глиной полу, жилища заглублялись в гумус не более чем на 20 см, очаги располагались на уровне пола. Хозяйственные и столбовые ямы не найдены. Очевидно, в отличие от поселений Северного Алтая, все съестные припасы и инвентарь хранился не в хозяйственных ямах, а в емкостях в жилище. Редкая встречаемость столбовых ям на поселениях Горного Алтая указывает на существование рубленых жилищ, что подтверждается и конструкцией погребальных камер. Аналогичную особенность имеют некоторые тагарские жилища (Абсолямов, 1977, с. 36). Вызывает интерес наличие с северной стороны некоторых очагов на поселении Кастахта-3 остатков каких-то сооружений из камня (очаги 1 и 2) (рис. 98. – 1, 2). У этих сооружений также отмечаются скопления керамики и костей. На поселении Элекмонар-4 к северу от очага располагалась канавка с крупными камнями (рис. 46. – 6). С северной стороны на приступке у очага находился перевернутый вверх дном горшок. Скорее всего, это остатки мест для приготовления пищи расположенные на женской северной части жилища, т. к. традиционно у тюркских и монгольских народов женская половина располагалась справа от входа (Потапов, 1953, с. 293; и др.). У тюрков в жилищах, обращенных входом к востоку, женская половина и кухня располагались к северу от очага (Тошакова, 1978, с. 96). Подобное деление жилища на женскую и мужскую половины хорошо прослеживается и в захоронениях пазырыкской культуры (Кубарев, 1987, с. 126–127).

Итак, в засушливых скотоводческих районах Горного Алтая жилища заглублялись не более чем на 20–25 см или не заглублялись совсем. Возможно, как и в тагарской культуре, существовали жилища типа шалашей и рубленые прямоугольные и многоугольные жилища размерами 30–40 кв. м с очагом в центре. Население отличалось большой подвижностью. В увлажненных связанных с предгорьями районах, наряду с жилищами такого рода, существовали полуземлянки значительно большей площади и летние полуземлянки без очагов.

На нескольких поселениях (Партизанская Катущка, Аскат-2, Ело-6) обнаружены остатки печей из обмазанного глиной плитняка или куски такой обмазки. Некоторые фрагменты обмазки несут отпечатки поверхности струганного дерева. Можно предположить, что это остатки древних очагов типа печей «шол», распространенных у северных оседлых алтайцев в прошлом веке. Эти печи состояли из трех элементов: 1) глиняной основы, 2) глиняной стены, прикреплявшейся к стене юрты (дома), чтобы предохранить ее от огня и 3) полуглиняной – полудеревянной трубы (Тошакова, 1978, с. 116).

Глава 2

Природно-климатические условия и физико-географическое районирование Горного Алтая

2.1. Физико-географическое районирование Горного Алтая.

Горный Алтай является северо-западной частью горной страны Алтай, протянувшейся на территории России, Казахстана, Монголии и Китая более чем на 2000 км (рис. 2). На территории России большая часть Горного Алтая находится в рамках Республики Алтай, а потому на обыденном уровне и в СМИ эти названия часто воспринимаются как одно целое. Между тем, значительные по площади среднегорья и низкогорья Северо-Западного Алтая находятся и в Алтайском крае – это, Алтайский, Солонешенский, и Чарышский районы, а также частично Курьинский, Краснощёковский, Змеиногорский и Староалейский районы Алтайского края (рис. 1).

Орографически (по расположению горных хребтов) Горный Алтай делится на пять частей: Южный, Центральный, Восточный, Северо-Восточный и Северо-Западный (рис. 2) (Маринин, Самойлова, 1987). Эта схема не учитывает особенности климата, растительности, животного мира и хозяйственной деятельности, а потому используется в археологии, прежде всего, для указания местонахождения памятников. Хребты *Южного Алтая* расположены в Восточном Казахстане (до Калбинского хребта на левобережье Иртыша и Курчумского хребта у оз. Маркаколь) за исключением восточной части, подходящей к горному узлу Тавын-Богдо-Ола на стыке границ Казахстана, России, Монголии и Китая. Для археологов этот участок хорошо известен как плато Укок (Кош-Агачский район Республики Алтай), где были обнаружены мерзлотные курганы пазырыкской культуры (Полосьмак, 2001; Молодин, 2000б; и др.)¹. Центральный Алтай занимает бассейн верхней Катунки примерно в рамках Онгудайского и Усть-Коксинского районов (хребты Катунский, Южно-Чуйский, Листвяга, Северо-Чуйский, Теректинский). Это наиболее престижная и значимая часть для скотоводов Горного Алтая с эпохи энеолита. В обширных долинах, пригодных для круглогодичного выпаса скота и земледелия, сосредоточено основное количество курганов афанасьевской культуры и элитных курганов пазырыкской культуры. *Восточный Алтай* включает отходящий от гор Тавын-Богдо-Ола хребет Сайлюгем, протянувшийся к востоку по границе с Монголией, а также хребты Чихачёва и Шапшальский, находящиеся к северу по границе с Тувой. Сюда обычно относят всю Чуйскую степь или её восточную часть (Кош-Агачский район), где В.Д. Кубаревым, исследовано большое количество мерзлотных курганов пазырыкской культуры, а также объекты, демонстрирующие связи с Тувой и Монголией, включая херексуры и оленные камни (Кубарев, 1979, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007)².

¹ В археологической литературе Укок иногда называют Юго-Восточным Алтаем, а западную часть Южного Алтая (восточный Казахстан) – Западным Алтаем.

² В археологической литературе эта часть Горного Алтая часто называется Юго-Восточный Алтай. Очевидно, что в данном случае речь идёт о Юго-Восточной провинции Горного Алтая и о расположении Чуйской степи на юго-востоке Республики Алтай.

В северной части Горного Алтая выделены Северо-Западный Алтай и Северо-Восточный Алтай, разделённые р. Катунь¹. Основная территория Северо-Восточного Алтая находится между реками Катунь, Бия и Абакан и включает бассейны Чулышмана и Башкауса. С юга ограничивается Айгулакским и Курайским хребтами. В этой части расположены и знаменитые курганы из урочища Пазырык, часто относимые в археологической литературе к Восточному или Юго-Восточному Алтаю. Северо-Западный Алтай – система хребтов между реками Катунь и Бухтарма, «которая обращена своим фасадом к казахстанским степям и Западно-Сибирской равнине» (Маринин, Самойлова, 1987, с. 14). Включает Канскую котловину (Усть-Канский район), а также увлажнённые среднегорья и низкогорья, отделяющие Центральный Алтай от равнины. Судя по имеющимся данным, увлажнённый пояс низкогорий и среднегорий, протянувшийся от Катунь до Бухтармы (от Алтайского до Староалейского районов Алтайского края), уже с III тыс. до н. э. служил буферной зоной между культурами Горного Алтая и равнины².

Значительно больше важных для нас данных по климату, флоре, фауне и хозяйству отражает *ландшафтное физико-географическое районирование*, согласно которому на территории Республики Алтай и прилегающих районов Алтайского края (включая часть непосредственно прилегающей равнины) **выделяется семь провинций** (рис. 1. – б; 2). Территориально провинции близки рассмотренным выше орографическим частям Горного Алтая, но они ограничены только территорией России, более дробные и выделены на основании иных критериев³. *Предалтайская провинция* занимает Предалтайскую подгорную равнину (Алтайский край). По своему особому положению она лучше увлажнена, климат несколько смягчён. Чернозёмные почвы в этой провинции – самые лучшие на Алтае (включая Алтайский край). На них выращивают высокие и устойчивые урожаи зерновых культур, разводят сады. Важно подчеркнуть, что в этой протянувшейся вдоль гор полосе имеются степные и лугово-степные ландшафты. Именно в этой предгорной полосе между горами на юго-востоке и реками Бия и Обь на севере располагается основное количество курганов I тыс. до н. э. Далее на северо-запад на залесённом правом берегу Оби от Бийска до Барнаула курганов почти нет, что однозначно указывает на существование в I тыс. до н. э. природно-климатических условий, подобных современным. *Северо-Западная провинция* включает Тигирецкий, Башчелакский и Коргонский хребты высотой до 1600–2000 м (Змеиногорский и Чарышский районы). В северной части они снижаются и обрываются уступом (фас Алтая). Достаточное увлажнение способствует в низкогорьях развитию луговых степей и лесостепи, а в среднегорье – тёмнохвойной тайги, сменяющейся альпийскими лугами. Скотоводство затруднено, сохранялось в отдельных долинах с микроклиматом. *Северная провинция* ограничена хребтами Башчелакским, Иолго и Семинским. В северо-западной части (Солонешенский и Алтайский районы) ландшафт близок Северо-Западной провинции. С археологической точки зрения особый интерес представляют долины в среднем и нижнем течении Катунь, где сконцентрировано большое количество могильников и поселений. В северной части провинции в окрестностях с. Майма, где климат и почвы подобны примыкающей Предалтайской

¹ Северо-Восточный Алтай часто называется Северным.

² Левобережные и правобережные долины Катунь часто называют Северным Алтаем).

³ Ниже в краткой форме приводится наиболее устоявшаяся схема деления на провинции, вошедшая в учебные пособия для вузов и школ по: Маринин, Самойлова, 1987; Ревякин, Пушкарёв, Ревякина, 1989).

провинции, выявлен крупный комплекс поселений и курганов скифского времени (рис. 2; 10; 18). *Северо-Восточная провинция* между хребтами Иолго и Абаканским (Чойский и Турочакский районы), включающая Телецкое озеро, отличается большим количеством осадков и на 80 % покрыта хвойными лесами. Эта территория для кочевого скотоводства совсем непригодна, а потому там почти не встречаются курганы. Древние поселения редки и бедны материалом. *Центральная провинция* территориально, в основном, соответствует Центральному Алтаю, но в неё помимо Катандинской, Уймонской и Абайской (Усть-Коксинский район) степей отнесена и Канская (Усть-Канский район). В хозяйственном отношении этим степям подобны и обширные долины по Урсулу и его притокам в Онгудайском районе. Почти половину площади в Центральной провинции составляют высокогорные ландшафты, включающие хорошие летние пастбища. Судя по большому количеству наиболее крупных курганов, долины по Урсулу, как и в настоящее время, считались в древности самыми лучшими в Горном Алтае, и служили местами кочевий элитных семейств скотоводов. В указанных долинах климат и плодородные почвы позволяют заниматься и земледелием. *Восточная провинция* включает хребет Шапшальский и примыкающие к нему, расположенные к югу от Телецкого озера, высокогорные Улаганское и Чулышманское плоскогорья до Курайского хребта на юге. Долины с остепнённой растительностью по Чулышману и Башкаусу невелики по размерам, и в зимнее время не позволяли выпасать значительное количество скота. Вследствие значительной высоты над уровнем моря там отмечаются относительно низкие температуры. Тем не менее, в районе с. Улаган скотоводы селились с афанасьевского времени (Балыктыюль), а в скифское время в течение полувека здесь были родовые зимники нескольких элитных семейств (Пазырык). *Юго-Восточная провинция* отличается значительным своеобразием ландшафтов и имеет больше сходных черт с соседними территориями Монголии, чем с другими провинциями Алтая. Суровый климат обусловлен значительной высотой (в среднем 2300–2700 м над ур. м.) и изолированностью от Центрального Алтая. Малое количество осадков (120–250 мм в год) и особенности засоленных щебнистых почв способствуют развитию в пределах Чуйской и частично Курайской котловин опустыненных степей монгольского типа. Для них характерна слабая сомкнутость травяного покрова, обилие кустарников и полукустарников, небольшое количество злаков и бедность видового состава в целом. Лесные виды ландшафтов в основном представлены по рекам Джазатор и Аргут. Верхняя граница лиственницы в провинции доходит до 2400 м, но в восточной более высокой части Чуйской степи (высота 1750–2200) и на Укоке (уровень долины р. Ак-Алаха на месте бывшей метеостанции Бертек около 2300 м) сейчас встречаются лишь отдельные деревья. По мнению В.Д. Кубарева и других исследователей (Быков, Быкова, Слюсаренко, 2005), в скифское время в верховьях Чуи лиственницы было относительно много. Значительное её количество вырубалось тогда на строительство жилищ, погребальных срубов и топливо. Однако краткий период пазырыкской экспансии вновь сменился запустением и лес продолжал возобновляться, по-видимому, до недавнего времени. На это указывают как сохранившиеся по р. Юстыд единичные лиственницы, так и сам перевод этого названия. Посетивший около ста лет назад эти места В.В. Сапожников писал: «...Юстыт значит сто лиственниц, и действительно по речке раскинулся лиственничный лес» (цит. по: [Молчанова, 1979, с. 186]). Очевидно, существовавшие много тысячелетий небольшие лиственничные леса были вырублены на хозяйственные нужды в последние 100–200 лет в связи с ростом населения. Растительность на Укоке иного типа, нежели в Чуйской степи. Благодаря значительному количеству

влаги и большей высоте степная растительность там непосредственно контактирует с луговой и кустарниковой тундрой, образуя специфические ландшафты тундро-степей. Долины и морены на Укоке используются как зимние пастбища.

Особый интерес представляет районирование Горного Алтая, проведённое более ста лет назад Михайловым, когда природа ещё незначительно пострадала от деятельности человека. Исходя из возможностей хозяйственного освоения Горного Алтая во время массового переселения крестьянства из европейской части России в Сибирь, Михайлов выделял в Горном Алтае пять районов. 1) *Причерневой район* (Северо-Восточная провинция, Чойский и Турочакский районы РА). На то время район был ещё почти полностью залесён пихтово-кедровыми формациями, и только частично «под влиянием возрастания населения, огнём расчищающего место для своих жилищ, пастбищ и сенокосов, чернь отступила и её место занимают или сравнительно культурные площади, или же пространства, заросшие листовными породами с преобладанием осины» (цит. по: Куминова, 1960, с. 80). 2) *Черневой район* (от северной части Телецкого озера до Сумульты) также был полностью залесён кедром и пихтой с примесью ели. 3) *Горно-земледельческий район*, включавший правые притоки Катуня (Чепош, Узнезя, Куюм, Элекмонар, нижнее течение Чемала, противоположные лесные притоки Катуня, а также бассейны рр. Сема и Песчаная. Рассматривался Михайловым как лучшие земли в Горном Алтае, пригодные как для скотоводства, так и для успешного земледелия. 4) *Скотоводческий район* располагался к югу от горно-земледельческого «почти целиком по левой стороне р. Катунь. Только небольшая часть правобережья – долины её правых притоков Бийки, Чебы, Эдигана и Каянчи относятся к этому району» (цит. по: Куминова, 1960, с. 82). С юго-востока район ограничивался водоразделом между Катунью и Бухтармой по современной границе с Казахстаном, а на юго-востоке – по линии впадения в Катунь рек Аргут и Чуя. Автор знал о поселениях старообрядцев в Уймонской долине, но не считал этот район достаточно благоприятным для эффективного развития земледелия. 5) *Высокогорный район* с суровым климатом, подходящий только для скотоводства и охоты. К нему относилась вся остальная часть Горного Алтая до границ с Монголией и Китаем. В итоге Михайлов отмечал: «Таким образом в вопросе о насаждении в Горном Алтае сельского хозяйства в связи с его заселением, главное внимание должно быть направлено не по линии развития земледелия, но по линии улучшения форм скотоводческого хозяйства и урегулирования промыслов, которые ... в общей экономике Горного Алтая играют далеко не последнюю роль» (цит. по: [Куминова, 1960, с. 82]). Указанный автор ещё не располагал подробными данными о климате Горного Алтая, но, наблюдая природу и традиционную жизнь местного населения, верно определил территории, благоприятные для занятий земледелием (горно-земледельческий район) и скотоводством (скотоводческий и высокогорный районы).

Действительно, в отличие от равнинных областей юга Западной Сибири, природа Горного Алтая довольно жёстко определяла возможные виды хозяйствования и промыслов. Так, в высокогорных восточной и юго-восточной частях Горного Алтая с суровым климатом земледелие было неперспективно или же исключалось вовсе. Соответственно, население могло заниматься только скотоводством, охотой и собирательством. В западных и северных увлажнённых и залесённых районах затруднялось скотоводство, а потому развивалось комплексное хозяйство с земледелием в наиболее благоприятных местах. Таким образом, *на территории Горного Алтая с точки зрения хозяйственного использования выделяется скотоводческая зона с малым количеством осадков в зимнее время и охватывающая её по-*

лукругом увлажнённая зона, где кочевое скотоводство было затруднено или невозможно (Северо-Западный и Северо-Восточный Алтай) (рис. 1. – а).

2.2. Скотоводческая зона

Включала Центральную, Восточную и Юго-Восточную провинции Горного Алтая, а также Катунь от устья Урсула до Чемала на севере¹.

На протяжении последних пяти тысяч лет до XIX в. основное население Горного Алтая концентрировалось в скотоводческой зоне. Именно там располагаются почти все могильники и поселения древних народов. Исключение составляет лишь прорезающий увлажнённую зону отрезок по правому берегу Катунь от Чемала до Маймы, где в силу специфического климата, можно было заниматься как скотоводством, так и земледелием. Но и там, между сёлами Манжерок и Майма количество памятников незначительно.

Природа остепнённой зоны Горного Алтая делала скотоводство доминирующим или единственно возможным видом хозяйства, при меньшем значении охоты и собирательства, что справедливо было отмечено исследователями ещё в XIX в., а местным населением всегда воспринималось как очевидная данность. Для Горного Алтая характерны горно-долинные ландшафты, на большей части которых в древности произрастал хвойный лес. Лесные массивы на северных склонах гор имелись даже в самых засушливых и довольно возвышенных местах. При этом расположенные на южных склонах остепнённые зимние пастбища почти примыкали к лесным массивам на северных склонах, т. е. даже *на одном уровне и в непосредственной близости в Горном Алтае соседствовали степь и тайга*. В отличие от равнинных ландшафтов Сибири, в Горном Алтае смена зон растительности происходит довольно резко, иногда на участках протяженностью всего в нескольких километрах по горизонтали, и нескольких сотен метров по вертикали. Например, в Усть-Канском районе увлажнённые низкогорья предгорий резко сменяются по горизонтали долинами и речными террасами, покрытыми горно-степной растительностью. По вертикали смена растительных зон происходила не менее быстро. Так, путешествие на лошади из остепненной долины в горную тайгу и далее на безлесные альпийские луга с карликовой берёзкой может занять всего несколько часов.

Скотоводческая зона представляет собой обширную территорию со всевозможными ландшафтами от низкогорных лесов и степей до высокогорной тундры и ледников. Однако, жизненноважное значение для кочевников Алтая имели разбросанные среди хребтов, плато и складок гор тысячи речных долин и несколько обширных степей (котловин). В этих долинах и степях имелись пастбища, где из-за малого количества сдуваемого ветром и растапливаемого солнцем снега, трава оставалась доступной для скота в зимние месяцы. *Именно эти зимние пастбища определяли предельное поголовье разводимого скота, а, следовательно, и численность самих скотоводов, способных из года в год переживать суровые зимы*. Причиной малого количества осадков и снега на зимних пастбищах являются горные хребты, препятствующие их проникновению в глубину гор. При этом в зимнее время осадков выпадает менее всего. Например, годовое количество осадков в Усть-Канском районе – 73 мм, а на зи-

¹ По физико-географическим характеристикам р. Катунь делится на три участка: верхняя Катунь, от истоков до реки Кокса, длиной 210 км, средняя Катунь от устья Коксы до реки Сумульта длиной 200 км, нижняя Катунь длиной 280 км, от реки Сумульта до слияния с рекой Бией. Однако, в археологии на протяжении последних 30 лет Средней Катунью обычно называется участок от р. Сумульта до р. Чемал (иногда до р. Сема).

му приходится лишь 14 мм. Различие в осадках объясняется тем, что хребты Холзун, Тигирекский и Коргон встают мощным климатическим барьером, и в их тени расположены Уймонская, Абайская и Канская степи со значительным уменьшением количества осадков (Куминова, 1960, с. 54). Схожая картина наблюдается и на Катунь. Участок южнее Чемала до места впадения р. Урсул находится в дождевой тени Семинского хребта и отличается от долины р. Катунь к северу от Чемала большей сухостью, что замечательно иллюстрируют как особенности растительности, так и археологических памятников. Занятия земледелием в скотоводческой зоне возможны на сравнительно небольшой территории в Онгудайском и Усть-Коксинском районах. В зимнее время в скотоводческой зоне снежный покров небольшой, а на покрытых горно-степной растительностью речных террасах, склонах южной экспозиции и в долинах почти полностью сдувается ветром и растапливается солнцем (Куминова, 1960, с. 44, 59, 64), что дает возможность выпасать скот круглогодично без заготовки кормов. Население занималось в основном скотоводством и охотой. В более залесённых среднегорьях Северо-Западного Алтая доля охоты и собирательства была значительней.

2.3. Увлажнённая зона

Заселявшаяся скотоводами остепненная зона Горного Алтая отделена от предгорных степей поясом низкогорий и среднегорий Северного и Северо-Западного Алтая. Этот пояс представляет собой увлажнённую зону (южная часть нынешних Змеиногорского и Курьинского районов, Чарышский, Солонешенский и Алтайский районы Алтайского края, а также Майминский, Чойский, Турочакский и частично (северная и западная части) Шебалинский районы Республики Алтай, где из-за мощного снежного покрова выпас скота в зимнее время затруднен или совсем невозможен. В районе Змеиногорска количество годовых осадков равно 516 мм, далее на восток с увеличением абсолютных высот количество осадков возрастает, достигая в верховьях рек Убы и Ульбы 1500 и более миллиметров в год. Это создает условия для мощного развития лесной и луговой растительности, черневой тайги. Хвойные леса были развиты и в северо-западных районах Горного Алтая (Куминова, 1960, с. 287; Рудский, 1996, с. 87). В настоящее время горы в этой местности в основном безлесны вследствие вырубki и распашки. Ещё в 40-х годах XX в. там встречались массивы черного леса и вторичное зарастание березой и осинкой, а в 80-х во многих местах Чарышского, Солонешенского и Алтайского районов были видны мощные пни спиленных хвойных деревьев. Здесь также повышенное количество осадков (500–700 мм), снежный покров стабильно достигает высоты 25–30 см, временами – 60 см. Освобождённые от снега участки встречаются только в некоторых долинах по рекам Чарыш, Ануй и Песчаная, благодаря особенностям микроклимата, где снег сдувается с пастбищ ветрами. Несколько меньше осадков, по данным А.Б. Куминовой (1960, с. 61), выпадает на севере, в Алтайском и Майминском районах, хотя снеговосемки метеостанции Кызыл-Озек говорят об устойчивой высоте снежного покрова 40–60 см (Справочник по климату СССР, 1969, табл. 2), в некоторые годы – более 1 м (Климонтов, 1975, с. 73). Высокий травостой и полная залесённость долины в верхнем и среднем течении р. Майма даже в настоящее время однозначно указывают на большое количество осадков и неблагоприятные условия для зимнего выпаса скота. Горные системы задерживают большое количество осадков и на северо-востоке Горного Алтая. Там повсеместно была распространена черневая тайга, снежный покров достигает 1,5 м (Справочник по климату СССР, 1969, табл.

2). В предгорном увлажнённом поясе кочевники проживали по немногим долинам крупных рек (Чарыш, Ануй, Песчаная, Катунь) на участках с микроклиматом, позволяющим выпасать скот в зимнее время. В черневой тайге Северного Алтая скотоводы не жили, а редкое население, в основном традиционно занималось охотой и собирательством.

Катунь делит увлажнённую зону на два района: 1) таёжный в Северо-Восточной провинции, где кочевание зимой невозможно, а земледелие крайне затруднено; 2) низкогорья и среднегорья Северо-Западной и Северной провинций, где скотоводство было возможно по небольшим долинам с особым микроклиматом, а условия для земледелия были хуже, чем в предгорной зоне. Показательно, что и сейчас в Северо-Западной части Горного Алтая в основном выращивают кормовые культуры (Рудский, 1996, с. 88; и др.). Таёжный район в древности был населён небольшими группами охотников и собирателей, почти не оставивших могильников и поселений с представительным культурным слоем. На Северо-Западном Алтае известны небольшие могильники по долинам Чарыша (за исключением Сентелека), Ануй и Песчаной и малое число поселений со слабым культурным слоем. Редко заселённая в I тыс. до н. э. *полоса увлажнённых низкогорий Северо-Западного Алтая шириной около 80 км представляла собой своеобразную буферную зону между скотоводами Горного Алтая и населением Предалтайской равнины*. Эта территория характеризуется низкогорным рельефом и высоким снежным покровом в зимнее время – 25–30 см, временами – 60 см, не позволявшим скоту добывать корм из-под снега. В настоящее время в этих районах горная тайга, в основном, сохранилась по хребтам и в других труднодоступных местах, но до прихода русскоязычного населения там были хвойные леса, от которых ещё в 30–40 лет назад в долинах сохранялись большие пни последних спиленных лиственниц. По данным А.В. Куминовой (1960, с. 287) на 50-е годы XX в. «Берёзовые леса горной лесостепи встречаются по северным склонам невысоких гор Северного и Западного Алтая и возникли в результате сплошной вырубki росших здесь первоначально лиственничных и сосновых лесов». Достаточно хорошо изученные скотоводческие культуры III тыс. до н. э. (афанасьевцы) и I тыс. до н. э. (бийкенцы и пазырыкцы) не переходили этот увлажнённый пояс, и только иногда какое-то время проживали в его рамках по Чарышу (Сентелек) и Катунь (Манжерок, Муны). Достаточно далеко на границу пояса выдвигались только пазырыкцы в IV–III вв. до н. э. по Чарышу (Маяк-1), Песчаной (Точильное) и Катунь (Майма), но эти группы были немногочисленны и, судя по погребальным и поселенческим материалам, были сильно подвержены влиянию местного населения. Важно подчеркнуть, что, несмотря на высокую степень заселения Предалтайской равнины в эпоху бронзы и в скифское время обитавшее там население также не проникало в скотоводческую зону Горного Алтая. Исключение составляют долины в бассейнах Бухтармы, Нарыма и прилегающей части Иртыша (территория современной Восточно-Казахстанской области, относится к Южному Алтаю), где ландшафты, природно-климатические условия и исторически сложившиеся системы хозяйствования близки Центральному Алтаю. Там вскрыто значительное количество пазырыкских погребений (Руденко, 1960; Сорокин, 1966; Черников, 1975; Самашев, Базарбаева, Жумабекова и др., 2000; Самашев, 2011; и др.). Фактически, это была часть ареала пазырыкской культуры, отделённая от Центрального Алтая проходимыми хребтами. Наличие легко проходимого в летнее время пояса шириной 50–100 км в западной и северной частях Горного Алтая не объясняет полностью, почему скотоводы Горного Алтая почти не проживали за его пределами. По-видимому, это можно отнести за счет следующих причин: во-первых, условия для скотоводства в Гор-

ном Алтае были значительно лучше по сравнению с лесостепным Алтаем, особенно в многоснежные зимы; во-вторых, в древности сильные племена стремились обезопасить себя созданием «нейтральной зоны» (древние германцы, северо-американские индейцы, хунну и др.). В-третьих, сказывалась привычка к сформировавшемуся хозяйственному укладу. Зачастую перемещение скотоводов в другие места происходило в случае суровой зимы или засухи. Засуха не грозила скотоводам Горного Алтая ввиду обилия высокогорных пастбищ. В случае джута или суровых климатических условий Горный Алтай выгодно отличается от степей. Но если бы даже группа скотоводов решила перебраться на запад, в степи, то зимой это было бы невозможно, так как ослабленный скот не смог бы преодолеть заснеженные предгорья.

О существовании в Горном Алтае в древности двух природно-климатических зон с разными типами хозяйства говорит и топография археологических памятников. Подавляющее большинство известных афанасьевских оград, пазырыкских и тюркских курганов находятся в остепненной скотоводческой зоне у зимников. В предгорьях же они встречаются редко. Наличие остепненной скотоводческой и увлажненной зон подтверждается также топографией поселений эпохи неолита и раннего железного века по Средней и Нижней Катунь и результатами их исследования. К югу от Чемала по рекам Эдиган, Нижний Куюс, Тогусхан, Карасу, Кемечекпан, Каянча, Большая Сумульта и др. поселения встречаются редко (см. Приложение 1). Культурный слой на них, как правило, беден. В увлажненной зоне по Катунь с притоками Элекмонар, Узнезя, Аскат, Верхний Чепош и Нижний Чепош поселения раннего железного века встречаются чаще, многие из них отличаются мощным культурным слоем. В районах сел Элекмонар и Узнезя зафиксирован почти непрерывный ряд поселений, а поселение Элекмонар-4 вытянулось вдоль склона южной экспозиции примерно на 0,5 км (рис. 28; 61).

По имеющимся данным, можно уверенно заключить, что, не смотря на определённые колебания, *природно-климатические условия в I тыс. до н. э. на территории Горного Алтая были примерно такими же, как и в настоящее время* (Руденко, 1953, с. 70; Малолетко, Орлова, 1986; см.: Быков, Быкова, 2006; Молодин, Ефремова, 2010, с. 14–18). Иными словами, древнее население Горного Алтая могло заниматься теми же видами хозяйственной деятельности, что и в XIII–XXI вв. Найденные в мерзлотных курганах многочисленные стволы деревьев, различные виды трав, кустарников и пыльца растений указывают на аналогичную современную растительность в скифское время. Там же в большом количестве были обнаружены трупы лошадей, шкуры и кости домашних и диких животных, таких же, что и в недавнее время. Особое значение имеют материалы поселений, не связанные с условностями погребальных и поминальных обрядов. Несомненным доказательством сходства климата является расположение скотоводческих поселений в одних и тех же местах на протяжении 4,5 тыс. лет, с костными останками аналогичных домашних и диких животных. При этом соотношение видов скота в стаде скифского времени в разных природных зонах менялось таким же образом, как и у алтайцев в XVIII–XIX в. (см. гл. 3; табл. 1-5). На протяжении всего указанного периода природные условия скотоводческой зоны Горного Алтая, в отличие от равнинных территорий Западной Сибири, Казахстана и др., делали скотоводство с вертикальным кочеванием практически единственной рентабельной формой занятий, дополняемых охотой и собирательством. Всё это позволяет сделать достоверную реконструкцию хозяйства в раннем железном веке, проверяя её на этнографических материалах.

Глава 3

Хозяйство населения Горного Алтая в древности

Замечательная сохранность органических материалов в мерзлотных курганах пазырыкской культуры и глубокие знания образа жизни кочевников позволили С.И. Руденко (1953, 1960) дать общее описание образа жизни и хозяйства скотоводов Горного Алтая в I тыс. до н. э., но уже на том этапе погребальные комплексы как источник для изучения хозяйства фактически исчерпал себя. Более 600 исследованных позднее курганов пазырыкской культуры почти ничего не добавили по данному вопросу. Ситуация стала меняться с началом исследования поселений, на части которых были проведены раскопки, собраны представительные коллекции остеологического и керамического материала. Это позволило впервые с учётом природного окружения и этнографических данных рассмотреть вопросы по формам кочевания, видовому составу стада, роли охоты, особенностям ритуальной и кухонной посуды и многие другие (Шульга, 1990а, 1994, 1998а; Гальченко, Шульга, 1992). Особый интерес представляют поздние обработанные и опубликованные остеологические материалы из поселений (культурных слоёв) афанасьевской культуры (Косинцев, 2005; Косинцев, Степанова, 2010; Молодин, Трифонова, 2010; и др.), позволяющих достаточно уверенно судить о хозяйстве первых скотоводов Южной Сибири, основные черты которого сохранялись в Горном Алтае до недавнего времени.

3.1. Скотоводство

Жизнь древних скотоводов Горного Алтая зависела от природного окружения, определявшего места содержания, поголовье и видовой состав стада – основного источника получения продуктов питания, транспортных животных, одежды и материалов для жилищ. Природно-климатические условия также определяли возможности успешной охоты и занятий земледелием. Положение Алтая почти в центре Азиатского континента, удаленность от берегов Атлантики, являющейся основным поставщиком влаги, открытый доступ сухим северным ветрам с Ледовитого океана и непосредственная близость сухих безводных пространств Северной Монголии и Казахстана определяют общие черты климата Горного Алтая как резко континентального (Куминова, 1960, с. 38). Летом облака, несущие влагу с запада, довольно свободно преодолевают преграды сравнительно невысоких хребтов, пронося влагу в центральные районы Алтая. В зимнее время тяжелые облака нависают низко, дальнейший путь им преграждают горы, поэтому зимы на основной территории Горного Алтая почти бесснежные. Из-за разницы в снабжении осадками в Горном Алтае в последние пять тыс. лет существовали две обширные зоны (см. гл. 2): 1) остепненная скотоводческая территория, включавшая пастбища с малым количеством осадков в зимнее время; 2) увлажненные предгорья, где климат более благоприятен для земледелия, а высокий снежный покров в зимнее время существенно ограничивает занятия скотоводством (рис. 1; 74–76).

Энеолит (ранняя бронза). Основные средства к существованию на протяжении последних 5 тыс. лет население остепнённой зоны Горного Алтая в получало от скотоводства. Скотоводческий тип хозяйства с вертикальными перекочевками, по-видимому, складывается в Горном Алтае уже в эпоху энеолита у афанасьевцев (III тыс. до н. э., Кирюшин, Абдулганеев,

Шамшин, 1983; Шульга, 1991). К настоящему времени известно около 50 поселений и пещерных стоянок с афанасьевской керамикой. Достаточно информативный остеологический материал получен в ходе раскопок шести поселений (Балыктыюль, Кара-Тенеш, Малый Дуган, Узнезя-1, Партизанская Катушка, Нижняя Соору) (см. Косинцев, Степанова, 2010; Шульга, 1991, 1998а) и Денисовой Пещеры (Деревянко, Молодин, 1994). Из этих семи памятников однослойными афанасьевскими определены только Балыктыюль и Нижняя Соору. На остальных представлены почти все эпохи, но слои афанасьевской культуры вычленяются вполне обоснованно. На скотоводческую направленность хозяйства афанасьевцев указывают многочисленные кости домашних животных в шести из семи памятников. Согласно данным по поселениям Балыктыюль, Кара-Тенеш, Малый Дуган и Нижняя Соору, кости МРС в среднем составляли 72 % от общего количества костей животных, КРС – 12 %, лошади – 5 %. Из диких животных значительно преобладали кости косули – 9,4 %. В Денисовой пещере также обнаружены кости КРС и лошади. Из домашних животных там преобладали кости МРС, а из диких – косули. Эти данные существенно отличаются от полученных на поселениях ржв. Ближе к последним только нижний (третий) слой из Партизанской Катушки, где кости лошади составляют 33 %, МРС – 24,1 %, КРС – 18,3 %, косули – 15 % (табл. 5)¹. Своеобразное соотношение костей на поселении Кучерла-1, расположенном у скалы в глубине ущелья на границы пастбища и труднопроходимой горной тайги. В этом месте уже с афанасьевского времени часто останавливались охотники, уходя или возвращаясь с промысла. Соотношение костей в афанасьевском слое №4 следующее: МРС – 29,1 %, лошадь, – 11,6 %, КРС – 3,8 %, марал – 28,4 %, косуля – 8 % (Молодин, Ефремова, 2010, табл. 3). Авторы публикации не без оснований рассматривают Кучерлу-1 как культовое место, где наскальные рисунки и характер отложений указывают на совершение у скалы различных промысловых обрядов (Молодин, Ефремова, 2010, с. 199–218). На это указывает необычайно большое количество костей марала, а также наличие костей различных диких животных.

Как видим, соотношение костей животных на указанных памятниках существенно варьирует, что вполне естественно, учитывая: 1) особенности памятников (от культового места до пещерной стоянки); 2) наличие в афанасьевских слоях артефактов последующих эпох; 3) сомнения в достоверности некоторых остеологических определений; 4) малые площади раскопок на однослойных (?) поселениях Балыктыюль и Нижняя Соору. Тем не менее, за единственным исключением (Узнезя-1), соотношение видов животных в афанасьевских слоях в основном совпадает. На первом месте в рационе питания и в стаде афанасьевцев был мелкий рогатый скот (овца, коза). Костей крупнорогатого скота и лошади значительно меньше, но они представлены на всех указанных памятниках. Была ли к тому времени одомашнена лошадь и как её могли использовать афанасьевцы, пока не ясно. Наличие же у них стада из мелкого рогатого скота и небольшого количества коров сомнений уже не вызывает. Обнаружение афанасьевских погребений на плато Укок выше границы леса (около 2400 м над уровнем моря), где земледелие невозможно, а охота малопродуктивна, также указывает на скотоводческую направленность хозяйства афанасьевцев (Савинов, 1994, с. 130). По наблюдениям автора во время работы метеорологом на метеостанции Бертек в 1976–1978 гг. содержание скота на подножном корме на Укоке сопряжено с большими трудностями. Несколько раз за

¹ В нижний слой с афанасьевской керамикой в Партизанской Катушке, несомненно, попали и кости ржв, но в какой степени они отразились на процентном соотношении видов животных, мы не знаем.

это время снег в долине Ак-Алахи был довольно глубоким, и чабанам на таких участках приходилось вначале пасти лошадей, разбивавших наст и обнажавших траву. Лишь после этого на подготовленный таким образом участок выгоняли овец и коров. Зимой 1977–1978 гг. из-за глубокого снега и сильных морозов, на Укоке погибло большое количество овец и даже сарлыков. Трупов лошадей автор не видел. Возможно, их лучше подкармливали, но главное, что лошади всё время могли пастись, добывая траву из-под снега. Из этого можно сделать важный вывод, что без использования лошадей, в первую же столь суровую зиму стадо из овец и коров у афанасьевцев на высокогорном плато Укок (высота долины около 2300 м над уровнем моря) могло погибнуть почти полностью. Сохранив оставшихся животных, афанасьевцы более бы не использовали эти пастбища в качестве зимников. Ведь в случае зимней бескормицы плато Укок становится западнёй, поскольку перегнать по глубокому снегу с Укока скот на реки Джазатор, Бухтарму (Казахстан) или в Монголию практически невозможно.

Доказательством наличия скотоводства у афанасьевцев является расположение почти всех их могильников и поселений в скотоводческой зоне. При этом они выбирали настолько удобные для скотоводов места под зимние поселения, что все последующие скотоводы с раннего железного века по XX в. останавливались там же, хотя уже не имели никакого представления о «первых скотоводах». Более поздние культурные слои не отмечены только на пяти из пятидесяти поселений с афанасьевской керамикой. Однако и на этих пяти поселениях могут быть слои других эпох. Сравнительно крупный раскоп (80 кв. м) был заложен только на поселении Балыктыюль, которое пока можно рассматривать как единственное в Горном Алтае афанасьевское поселение, позднее уже не заселявшееся.

В эпоху бронзы (II – начало I тыс. до н. э.) население Горного Алтая было крайне редким. Эта эпоха пока представлена всего несколькими небольшими могильниками каракольской культуры, случайными находками бронзовых изделий и незначительным количеством керамики на поселениях, значительная часть которых расположена по Катуні ближе к предгорьям (см. Погожева и др., 2006, с. 50–58; Кубарев, 2009; Молодин, Ефремова, 2010, с. 53; Степанова, 1994; Степанова, Соёнов, 2009; Бородовский, Бородовская, 2013; и др.). Важно подчеркнуть, что на скотоводческих поселениях по логам и у склонов гор керамика эпохи бронзы почти не встречается. Как правило, её находят на террасах, ближе к водоёмам. Но и там слои эпохи бронзы почти (или совсем) не вычлняются. На этом основании можно сделать следующие выводы. Во-первых, население Горного Алтая в эпоху бронзы было крайне редким, на что однозначно указывает малое количество погребений, а также отсутствие долговременных поселений эпохи бронзы с хорошо выраженным культурным слоем¹. Во-вторых, судя по находкам керамики, разрозненные группы населения эпохи бронзы в среднем и нижнем течении Катуні имели связи с Предалтайской равниной и селились не в традиционных для скотоводов местах, а на открытых террасах у водоёмов, как и на равнине. О типе их хозяйства говорить трудно, но оно, видимо, не предполагало сезонных вертикальных перекочёвок. Каракольцы же, в бассейне Урсула, по всей видимости, проживали в этих мес-

¹ По мнению В.Д. Кубарева (Кубарев, 2009, с. 6), основывавшегося на материалах из Тувы и Монголии, а также раскопках 1935 г. у пос. Курай, «в Чуйской, и Курайской котловинах известны сотни археологических объектов, визуально определяемых как курганы эпохи поздней бронзы». Если бы предположение подтвердилось, то можно было бы говорить о высокой степени заселённости скотоводами этих примыкающих к Туве и Монголии долин. Пока для этого нет оснований.

тах относительно длительное время и были традиционными скотоводами. На это также указывает нахождение автором керамики эпохи бронзы на двух скотоводческих поселениях у сёл Ело (Ело-6) и Озёрное (Озёрное-8).

Причины слабой заселённости Горного Алтая во II – начале I тыс. до н. э. не ясны. Запустение той или иной территории часто объясняется неблагоприятными природными условиями. Однако, ландшафтно-климатические условия Горного Алтая настолько разнообразны, что скотоводы могли там найти нишу при любом отклонении (усыхание или увлажнение, повышение или понижение среднегодовых температур). Судя по имеющимся данным, во II тыс. до н. э. климат не был особо неблагоприятным в сравнении с предыдущим (III тыс. до н. э.) и последующим (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.) тысячелетиями.

Поразительно, но в глубине Горного Алтая пока не найдено ни одного памятника, соседних андроновской и ирменской культур, хотя никаких значительных препятствий для прохода в горы по Бухтарме, Чарышу, Аную, Песчаной и Катуню нет. Самые крайние точки их проникновения зафиксированы на Нижней Катуню (Археологические памятники ..., 2008) и по Чарышу в Краснощёковском районе (Маяк-1) (Кирюшин, Шульга, 1996). Некоторые исследователи, учитывая известные немногочисленные погребальные памятники и случайные находки, всё же предполагали, что население эпохи бронзы в Горном Алтае было довольно многочисленным, что и сдерживало проживавших по соседству на равнине андроновцев и ирменцев на протяжении 500–600 лет. Автор придерживается другой точки зрения, согласно которой сложившийся на равнине в эпоху бронзы хозяйственно-культурный тип пастухов и земледельцев совершенно не вписывался в суровую природу Алтая. Иными словами, они сознательно не селились в горах, не желая покинуть привычные ландшафты и менять образ жизни.

Ранний железный век. Скотоводческая направленность хозяйства населения Горного Алтая в раннем железном веке сомнения не вызывает. Даже в увлажнённых северных и северо-западных предгорьях от Чарыша до Нижней Катуню проживали только скотоводы, с той лишь разницей, что в зимнее время они были привязаны к небольшим долинам с микроклиматом, позволявшим выпасать скот без заготовки кормов. На поселениях получено значительное количество остеологического материала, позволяющего достаточно точно реконструировать состав стада в I тыс. до н. э. Особое значение имеет возможность сопоставить полученные результаты с этнографическими данными.

В результате планомерных поисков и исследования поселений раннего железного века в Горном Алтае автором в 80-е гг. XX в. был получен массовый остеологический материал – около 10 тыс. фрагментов, что позволило сделать ряд значимых выводов о составе стада древних скотоводов и о влиянии окружающей среды на хозяйство жителей этого региона в I тыс. до н. э.

Основные средства к существованию население Горного Алтая в раннем железном веке получало от скотоводства. Кости домашних животных на всех поселениях ржв преобладают – более 80 % от общего количества определимых. На поселениях остепнённой зоны Центрального Алтая (Кастахта-3, Куротинский Лог-1, Чёрный Ануй-3) процент костей лошади составляет соответственно 34, 39,5 и 40,8 % от костей домашних животных. На поселениях, примыкающих к увлажнённой зоне Северного Алтая (Партизанская Катюшка, Элекмонар-4, Аскат-2), соотношение меняется, и лошади принадлежит соответственно 43,8, 49,6 и 61 %. Подобное изменение наблюдается при сравнении доли мелкого рогатого скота (МРС) в ос-

тепленной и увлажненной зонах. На поселениях скотоводческой зоны (Кастахта-3, Черный Ануй-3, Куротинский Лог-1) доля МРС в стаде колеблется от 34 до 51 %. Особенно высок процент костей МРС на самом южном поселении Кастахта-3, где при среднем уровне 50,9 %, в некоторых слоях кости МРС составляют 55,6 и даже 59,9 %. Многократное преобладание костей МРС отмечено на расположенных в засушливом южном участке Средней Катунки поселениях Кара-Тенеш (Погожева, Молодин, 1980, с. 97; Косинцев, Степанова, 2010, табл. 4) и Тогуслан-8. На поселениях, граничащих с увлажненным Северным Алтаем (Аска-2, Электронар-4, Партизанская Катуська), доля МРС намного ниже и составляет соответственно 20,2, 23 и 32 %.

Итак, в южной остепненной зоне основное место в хозяйстве занимала лошадь (34–41 %), затем – мелкий рогатый скот (МРС) (34–51 %) и крупный рогатый скот (КРС) (15 %). В увлажненной северной зоне значение лошади возрастает, на нее приходится от 44 до 61 %, значительно больше КРС – 19–27 % и меньше МРС – 20–32 %. Колебания видового состава стада обусловлены особенностями природных условий в районах, где расположены исследованные поселения. Небольшое количество снега, выпадавшее в зимнее время в остепненных районах, быстро сдувалось с безлесных террас и склонов южной экспозиции, делая их доступными для пастбы коров, овец и коз. В увлажненной зоне глубокий снег, залесенность склонов и террас затрудняли их выпас. В связи с этим преимущественно разводилась лошадь, способная тебеневать при глубине снега до 60 см (Федорович, 1973, с. 207). Возможности выпаса МРС значительно меньше, так как овца и коза тебенюют при мощности снега до 12–20 см (Одинцов, Челышев, 1947, с. 25; и др.). КРС тебеневать не может, а потому в самое снежное время подкармливался. Выводы, сделанные на поселенческом материале, подтверждаются этнографическими данными ясачной комиссии 1832 года (см. ниже) (Владимиров, 1984, 1990).

3.1.1. Особенности круглогодичного выпаса в Горном Алтае

Подавляющее количество памятников скотоводов Горного Алтая III тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и районы расселения занимавшихся скотоводством южных алтайцев в XIX в. расположены в границах территории, где в зимнее время выпадает небольшое количество снега (рис. 1а). В этих районах минимальное количество осадков (менее 10 мм) приходится на зимние месяцы – январь, февраль и март (Куминова, 1960, с. 44). Высота снежного покрова, который В.И. Цалкин называл «крупнейшим экологическим фактором» в жизни «всех племен, населявших холодную и умеренную зоны Европы и Азии» (Цалкин, 1956, с. 53), являлась и на Алтае основным фактором, регулирующим поголовье скота, его виды, определяющим места обитания скотоводов раннего железного века. В благоприятные годы в Горном Алтае благодаря действию ветров и солнечной радиации находящиеся на террасах и южных склонах пастбища почти полностью освобождаются от снега, что позволяет без затруднений выпастить не только тебенюющих животных (лошадь, коза, овца), но и крупный рогатый скот (КРС). КРС совершенно не приспособлен к тебеневке и разгребает снег носом, а при плотном снеге поедает лишь то, что наверху (Одинцов, Челышев, 1947, с. 24; Окулич-Казарина, 1961, с. 83; Руденко, 1961, с. 4; и др.). Одними из основных видов домашних животных, разводимых афанасьевцами, пазырыками и более поздними народами, включая южных алтайцев XVIII–XX вв. и современных скотоводов, были овцы и козы, которые могут тебеневать при высоте снежного покрова до 15–20 см (Одинцов, Челышев, 1947, с. 25; и др.). Козы мо-

гут выпастаться на почти отвесных склонах и «являются самыми приспособленными тебеневочными животными» (Одинцов, Челышев, 1947, с. 26). Важнейшим хозяйственным животным была лошадь. Это животное способно тебеневать при высоте снега до 50–60 см (Федорович, 1973, с. 207). До высоты в 20 см могут тебеневать жеребята всех возрастов (Насимович, 1955 с. 86; Чирков, 1952, с. 15). Однако нужно учесть, что выпас скота в значительной мере зависит от плотности снежного покрова. Например, в Кош-Агачском районе (юго-восточная провинция) лошади прекращали тебенёвку при высоте снега 30 см средней плотности или при высоте 20 см, если снег был плотным (Одинцов, Челышев, 1947, с. 75). Значение лошади состоит еще в том, что при высоком снежном покрове (более 20 см) овцы, козы и КРС могут кормиться вслед за лошадьми, поедаящими на расчищенном участке лишь часть (до 60 %) травостоя (Чирков, 1952, с. 15).

При экстенсивном ведении хозяйства древние горноалтайцы, как и поздние кочевники, страдали от джутов, под которыми, обычно, понимаются длительные особо неблагоприятные погодные условия в зимнее время – выпадение глубокого снега, образование ледяной корки, сильные морозы. Эти явления могут сопровождаться менее продолжительными сильными ветрами, метелями, а также туманами и осадками, которые и сами по себе препятствуют выпасу скота. Джутом можно назвать и ситуацию, когда из-за аномального отсутствия сильных ветров выпавший глубокий снег не сдувается и скрывает траву, препятствуя выпасу (Кармышева, 2009, с. 52–53). В равнинных степях, включая Монголию и Казахстан, составляющей джута для кочевников могла быть засуха. «В резко засушливые годы формирование урожая пастбищной растительности проходило крайне неудовлетворительно, летом она преждевременно выгорала, и скот входил в зиму ненагулянным отощавшим. Заготовка сена практически отсутствовала. Затем, как правило, следовала ранняя и продолжительная зима с частой сменой сильных похолоданий, снегопадов и метелей с оттепелями. Скудный травостой на зимних пастбищах из-за глубокого снега и льда становился недоступным для животных» (Чекерес, 1973, с. 31).

Случающиеся примерно раз в 10 лет джуты, могли иметь очень большое негативное влияние на жизнь древних скотоводов. При более частом повторении джуты могли приводить к временному или длительному запустению территории, вследствие гибели большей части скота и людей. Вероятность такого сценария увеличивалась в периоды длительных похолоданий. Не исключено, что в древности это иногда приводило к деградации той или иной культуры кочевников¹. Действительно, последствия даже одной зимы с продолжительным

¹ Хорошо знавший жизнь кочевников С.И. Руденко, допускал, что исчезновение пазырыкской культуры могло быть вызвано «в результате эпидемии или других катастрофических бедствий, вроде массового падежа скота от бескормицы, сопровождавшегося огромной смертностью населения от голода. Такие случаи в истории скотоводческих племён Центральной Азии нам хорошо известны ...» (Руденко, 1960, с. 341). По мнению Н.И. и В.А. Быковых, смены археологических культур Горного Алтая в I тыс. до н. э. случались после прохождения температурного минимума в середине VI и в III вв. до н. э., когда из-за похолодания увеличивалась величина и продолжительность залегания снежного покрова, приводившие к падежу скота и полному или частичному уходу скотоводов на равнину. После этого «незаселённые или слабозаселённые территории осваивались вновь народами с другой культурой» (Быков, Быкова, 2006, с. 28–33). К сожалению, данные дендрохронологических исследований, на которые опираются указанные авторы, не соотносятся с археологическим материалом. В конце IV – 1-й половине III в. до н. э., наоборот, произошло наиболее значительное расширение ареала пазырыкской культуры, охватившей даже ранее не заселявшиеся высокогорные районы

джутом, приводили к существенному ослаблению и даже гибели скотоводческих коллективов. Так, зимой 1879–1880 гг. в центральных районах Казахстана от зимней бескормицы из почти 13 млн. голов скота погибло 48 %. По одному из описаний «Джуты в казахских степях представляли страшную картину. Все пастбища бывали усеяны трупами павших животных. Оставшиеся в живых животные (кутеремы) к весне представляли жалкое зрелище – в подавляющем большинстве они были неспособны самостоятельно подниматься и идти на подножный корм» (Чекерес, 1973, с. 32). Несомненный интерес представляет случившийся двумя годами ранее джут в Каратегине (горная местность в Таджикистане). Известный этнограф Б.Х. Кармышева, проводившая там исследования в 50-х гг. XX в. отмечала, что вызванная джутом зимняя бескормица была много страшней засушливого лета. Наибольшие последствия имела лютая зима 1877–1878 гг., память о которой сохранялась и в 50-е гг. XX в. В.Ф. Ошанин, побывавший в Каратегине на следующий год после этой бедственной зимы, оставил следующее описание состояния киргизов: «Трава у зимовок бережётся на зиму, и скот, как и везде у киргиз, должен добывать её там из под снега. Для этой цели в особенности удобны склоны гор, с которых снег сдувается сильными ветрами. Поэтому для благосостояния киргиз необходима малоснежная и ветреная зима. Но если снега выпадает слишком много, если при том ветры не очистят от него хотя некоторых открытых пространств около зимовок, тогда скот, лишённый возможности добраться до корма, умирает голодной смертью. Именно такое бедствие постигло киргиз зимой 1877–1878 гг., и оно особенно тяжело отозвалось на кочевниках, имеющих зимовки в Каратегине и на Алае. ...Эта зима была очень сурова во всей Средней Азии. Снег даже на низменности держался долго, так что в Ташкенте, например, санный путь простоял около месяца, причём морозы доходили до 22 градусов R (т. е. 17,6 гр. С. – С.Г.). В горах, конечно, снега навалило целую массу. ...до двух сажень. Затем наступили жестокие морозы при полном безветрии ...Скот, не находя корму, начал слабеть. Киргизы, как известно, не заготавливающие сена на зиму, начали кормить скот зерном, припасённым для собственного продовольствия, ...чтобы хоть кое-как поддержать свой скот и не дать ему подохнуть с голоду. Наконец и зерна не стало. Начался падёж. Да и самим угрожал голод. ...Скота у киргизов пало очень много, особенно пострадали бараны. У иных лиц, имевших прежде до 2000 овец, осталось к весне штук по 50. Между лошадьми смертность была тоже очень велика. ...Лучше прочих выдержали голодовку верблюды». «Даже девять лет спустя, когда Каратегин посетил капитан Васильев, киргизы не могли оправиться от постигшего их несчастья. ...По-видимому, именно с этого года каждый стал прилагать усилия к заготовке сена. После этой бедственной зимы и начали строить зимние помещения для всех видов скота...» (Кармышева, 2009, с. 52–53). Как видим, после джута каратегинские киргизы не только были сильно ослаблены, но и существенно поменяли культурный облик, начав заготавливать корма и строить помещения для скота.

Случались джуты и в Горном Алтае. Например, в 1912 г. на территории Кош-Агачского района из-за глубокого снега и морозов пала 1/3 скота (Одинцов, Чельшев, 1947, с. 33). Джут означал гибель скота, а, следовательно, несчастье, голод и гибель людей, что нашло яркое отражение в эпосе кочевников. Иногда джут описывался непосредственно, как стихийное бедствие: «Начались туманы. Мгла. Семь суток шёл белый, как пена, снег, затем семь суток

возле Улагана, в Чуйской степи и на Укоке. Очевидно, что тогда произошло улучшение климатических условий, позволивших освоить территории, отличающиеся суровым климатом.

шёл тёплый дождь, и наконец, распространился холод». В результате всего этого «образовалась тогда ледяная гора ... Тогда все подданные далай-хана, скот, люди ...погибли» (Липец, 1984, с. 179). Много чаще в эпосе описание джута использовалось для особого эмоционального выражения какого-либо несчастья или народного бедствия. Например, приход завоевателя Кара-Кулы с войском на Алтай описан следующим образом:

«Подул ветер, валежник переворачивая,
Ударил мороз, стоящие деревья ломая,
В долине бело-серый туман стал кипеть,
На вершинах гор красный туман стал бурлить,
Крупный дождь пошёл,
Холодный резкий ветер подул,
Берега синей реки
На девять вершков промёрзли и треснули,
Ущелья гор-крепостей
На семь вершков промёрзли и растрескались.

...

Много ли мало ли времени прошло –

...

Со всеми одинаковыми воинами,

С чёрным, как ворон, народом

Кара-Кула каан [прибыл.]» (Маадай-Кара, 1973, с. 274–275).

Джуты представляли большую угрозу стадам на Алтае даже в благополучные 1970-е гг., когда заготавливалось на месте и завозилось с равнины Алтайского края большое количество кормов, а в распоряжении была различная техника, включая вертолёты. По наблюдениям автора в 1976–1978 гг., содержание скота на подножном корме на Укоке иногда было сопряжено с большими трудностями. В периоды сохранения высокого снежного покрова на плоскогорье и в долинах рек Ак-Алаха и Калгуты крупнорогатый скот без подкормки или расчистки пастбищ обречен на гибель, так как не способен тебеневать, а традиционных дополнительных источников питания (высокий камыш, ветви деревьев) там нет. Неоднократно приходилось наблюдать известный прием поочередного выпаса на зимнем пастбище: вначале кормились лошади, разбивавшие и разбрасывавшие снег, а затем овцы и коровы. Последние содержались всегда в небольшом количестве. Зимой 1977–1978 гг. из-за глубокого снега и сильных морозов (35–45°), державшихся около месяца, скот начал слабеть. Имевшейся подкормки не хватало, и её начали завозить вертолетами. Однако овцы настолько ослабели, что подкормка мало помогала, и тогда их стали вывозить вертолетами в расположенную ниже долину р. Джазатор. Часть овец и даже сарлыков погибла, и их трупы затем встречались в распадках.

3.1.2. Формы кочевания

С.И. Руденко, учитывая данные по скотоводству алтайцев, считал, что пазырыкцы занимались отгонным яйлажным скотоводством. Той же точки зрения придерживался С.В. Киселев. Эти исследователи полагали, что на месте зимников, а, возможно, и летников, находились рубленые жилища; перекочевки были очень незначительны, соответственно, образ

жизни назывался оседлым или полуоседлым (Руденко, 1960, с. 200; Киселёв, 1951, с. 357). М.П. Грязнов и С.С. Сорокин предполагали у пазырыкцев кочевое скотоводство (кочевание по долинам) (Грязнов, 1955, с. 29). Однако эти точки зрения не являются противоположными. М.П. Грязнов рассматривал непрерывное кочевание в теоретическом плане, говоря о происхождении скотоводства в степях. Так же обобщенно рисуются им «ранние кочевники» в работе за 1980 г. (Грязнов, 1980, с. 57). Что же касается Горного Алтая, то М.П. Грязнов и С.С. Сорокин считали, что у пазырыкцев имелись рубленые жилища с располагавшимися тут же родовыми кладбищами, и предполагали перекочевки с сезонными остановками (Грязнов, 1980, с. 57). Итак, сезонные перекочевки, проживание в рубленых домах, близ которых находились родовые кладбища, С.И. Руденко называл оседлым или полуоседлым скотоводством, а М.П. Грязнов – кочевым. По этим вопросам, касающимся терминологии скотоводческого хозяйства, опубликовано значительное количество работ. Мы принимаем точку зрения Г.Е. Маркова. Под кочевым или полукочевым скотоводством (последнее предполагает большую степень оседлости) понимается «экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования». Наличие зимника не является универсальным критерием для определения «вида кочевого хозяйства» (Марков, 1981, с. 84–85). Скотоводство древних горноалтайцев можно считать полукочевым для всего Горного Алтая, включая и Чуйскую степь в Кош-Агачском районе, где оно отличалось несколько большей подвижностью.

Алтайцы, народы Тувы, Монголии, Джунгарии и Памиро-Алая в подобных Алтаю условиях имели свои зимники на речных террасах, в долинах, откуда сдувался снег в зимнее время, а в случае джута была возможность перекочевки в более удобное место. В летнее время алтайцы перегоняли скот на альпийские луга. Перекочевка иногда могла занимать всего лишь несколько дней. В пользу вертикального кочевания скотоводов Горного Алтая в раннем железном веке можно привести следующие доводы.

1. Кочевание из долины в долину было затруднительным, так как передвижению вдоль рек, например Катунь, препятствуют непроходимые для скота бомы, которые нужно было обходить нелегкими тропами по системе ущелий. Если же передвижение в другую долину происходило через водораздел (например, из долины Нижней Катунь в долину р. Урсул; из долины р. Урсул в Ябоганскую долину и т. д.), то приходилось преодолевать густо поросший лесом перевал.

2. В каждой долине и даже небольших урочищах имеются цепочки фамильных или родовых курганов. Это указывает на то, что в период расцвета пазырыкской культуры все или большинство удобных да зимнего выпаса мест были заселены родственными коллективами, погребавшими здесь своих сородичей и чтившими, эти погребения как святыню. Следовательно, перекочевка в другую долину была бы возможна только при очень редкой заселенности Горного Алтая. В противном случае она бы затруднялась из-за постоянных столкновений с хозяевами зимников, защищающими свои жилища и могилы предков.

3. Перекочевка в другую долину в большинстве районов Горного Алтая нецелесообразна, так как почти всегда поблизости есть летние пастбища, чрезвычайно богатые кормом. Это не только высокогорные луга, но и леса и высокогорные тундры. Летние пастбища несравнимо выше зимних по урожайности. Например, в Усть-Канском районе производительность степей составляет около 12 центнеров кормов с одного гектара, а субальпийских лугов – 70–80 ц/га, иногда – до 150 ц/га (Куминова, 1956, с. 55).

Несколько отличные природные условия в Юго-Восточной провинции Алтая, в частности, Чуйской степи и плоскогорья Укок, близких соседним Туве и Монголии. В древности земледелие в Чуйской степи было невозможно по причине большой высоты над уровнем моря от 1700–1900 м до 2150 м в долине р. Уландрык, малого количества осадков и суровости климата. Лес в верховьях Чуи встречался лишь местами (см. гл. 2). Из-за большой высоты (2250 м и более) лес не произрастал и на плоскогорье Укок в долинах рек Ак-Алаха и Калгуты. Условия для охоты здесь хуже, чем в других районах. Сами природные условия определили еще большую значимость скотоводства для этого района. На наш взгляд, скотоводство на юго-востоке Горного Алтая не могло полностью компенсировать потерю средств от охоты, собирательства и земледелия. Население было более бедным, чем в Центральном Алтае. Жившие здесь вожди родственных групп не пользовались большим влиянием, на что указывает почти полное отсутствие больших «княжеских» курганов. Кочевание в Чуйской долине, по-видимому, отличалось большей сложностью и подвижностью, чем в других районах Горного Алтая. Алтайцы и казахи на этой территории в зимние месяцы пасли скот преимущественно по склонам гор и даже на моренах из-за меньшей глубины снега, большего количества травы и инверсии температур, благодаря которой температура воздуха на склонах на 5–15° выше, чем в долине (Куминова, 1960, с. 41). Весной они спускались в долину. С выгоранием трав поднимались на альпийские пастбища, находящиеся еще выше зимних (Одинцов, Челышев, 1947, с. 35). Подобная система перекочевков «за травой» могла существовать и у пазырыкцев в Чуйской степи. На сезонность и системность перекочевков указывают цепочки курганов, располагающиеся в местах зимников. В зимнее время каждый коллектив выпасал скот недалеко от этого места. Кочевание на Чуе было вертикальным, так как травяной покров долины очень редок. Уже в начале лета эти пастбища выгорают, и перегон скота обратно в горы является единственным условием для его нагула. На развитие скотоводства в Чуйской долине значительное влияние могло оказать предполагаемое увлажнение климата с VIII до III в. до н. э. В III в. до н. э. увлажнение достигало максимума (Косарев, 1971, с. 47; Малолетко, Орлова, 1986). Если это так, то страдающая от недостатка влаги Чуйская степь стала в IV–III вв. до н. э. богатым пастбищем, способным прокормить большое количество скота. Возросла и численность населения. Это подтверждается тем, что большинство вскрытых здесь курганов датируются IV – первой половиной III вв. до н. э.

3.1.3. Видовой состав стада в раннем железном веке

В раннем железном веке в Горном Алтае разводились те же виды скота, что и в XVIII–XIX вв. – лошади, овцы, козы, коровы, вероятно, яки и верблюды. Мясо этих животных составляло основу рациона кочевников. Кости домашних животных на всех поселениях раннего железного века и средневековья составляют более 80 % от общего количества определенных (табл. 1-5).

Лошади. Главное место в жизни ранних кочевников, как и в более поздних скотоводческих обществах, занимала лошадь. Лошадь служила средством передвижения, на ней пасли скот, перевозили грузы при перекочевках. Военные действия, захват скота и т. п. производились, как правило, также верхом на лошади. На лошади охотились. Из молока кобылиц изготавливали кумыс (Руденко, 1953, с. 76). Шкуры лошадей «шли на изготовление одежды, из конских кож выделывали сосуды и ремни» (Руденко, 1953, с. 71). Мясо лошадей составляло значительную долю в питании. Анализ остеологического материала показывает, что доля

костей лошади среди домашних животных на поселениях раннего железного века колеблется от 34 до 50–61 %. Из 71 особи с поселения Кастахта-3 (за исключением нескольких особей жеребят, не подходящих под данную методику) лошади до двух лет составляют 19 %, от двух до трех лет – 28,7 %, с трех до пяти лет – 31,5 %, с пяти до семи лет – 4,1 %, с семи лет и старше – 16,4 %. Согласно этим данным, основная масса лошадей забивалась в возрасте до пяти лет (79,2 %) (в основном от двух до пяти лет – 60,2 %), значительное количество забивалось в возрасте семь лет и старше (16,4 %).

На поселении Партизанская Катушка из 65 особей лошадей в возрасте до пяти лет забивалось 80,2 % и 16,6 % – старше семи лет. Ещё большая поляризация наблюдается на поселении Аскат-2 (29 особей): 55,2 % особей забивалось в возрасте до трех лет, а остальные – после семи лет (из них 5 особей старше 10 лет). На поселении Черный Ануй-3 из 36 особей 88,9 % относится к возрасту до пяти лет, а остальные 11,1 % имели возраст 10–12 лет. Для сравнения: в возрасте 3–4 лет забивались ботайские лошади Северного Казахстана (Зайберт, 1985, с. 11). Довольно высокий процент лошадей в возрасте 7–12 лет можно объяснить забоем старых лошадей. Лошади в возрасте от пяти до семи лет почти не забивались (Кастахта-3 – 4,1 %, Партизанская Катушка – 3 %). Очевидно, это связано с тем, что прошедшие в раннем возрасте выбраковку, лошади в возрасте от пяти до семи лет использовались в хозяйственных целях, оставлялись на племя («...при табунном скотоводстве жеребец начинает покрывать маток лишь на пятом году» (Руденко, 1953, с. 72) и на мясо забивались редко.

Большинство костей принадлежало лошади монгольской породы высотой в холке 130–134 см (Ело-5), однако, как и в Пазырыке, отмечаются значительные различия в экстерьере от стройных (Куротинский Лог-1) до крупных ширококостных (Черный Ануй-3). Утверждение о главенствующей роли лошади в хозяйстве древних горноалтайцев остается в силе, несмотря на то, что в процентном отношении на поселениях остепненной зоны костей лошади меньше, чем мелкого рогатого скота (МРС). Одна лошадь приравнивается 5–6 овцам и примерно равна взрослой особи крупного рогатого скота (КРС) (Руденко, 1961, с. 5; и др.).

Мелкий рогатый скот (МРС)

Овцы. По мнению С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 72), овцы занимали второе место по удельному весу в стаде пазырыкцев. Этот вывод не подтверждается. Конечно, от овец получали мясо, шкуры, шерсть, возможно и молоко (Руденко, 1953, с. 72), но общая доля ее в стаде колебалась от 20–25 % (Элекмонар-4, Партизанская Катушка) до 30 % (Кастахта-3). Если же учитывать всех животных вместе с дикими, то доля овцы будет еще ниже. Анализ овечьей шерсти из Пазырыкских курганов позволил С.И. Руденко писать о трех породах овец: 1) грубошерстных, из шерсти которых катали толстые войлоки (Руденко, 1953, с. 73); 2) слабожирнохвостых «из пуха которых изготавливался тонкий войлок типа фетра» (Руденко, 1960, с. 190); 3) тонкорунных, дававших шерсть высокого качества, не уступающую шерсти мериносов (Руденко, 1960, с. 192). Анализ остеологического материала пока не позволяет конкретизировать это деление. Несмотря на довольно большое количество найденных на поселениях костей овцы, только на поселении Кастахта-3 из 43 особей у 11 определен возраст: три особи в возрасте до двух лет, четыре – с двух до трех лет и четыре старше трех лет. На этом и других поселениях отмечается большое количество костей ягнят, встречаются и очень старые особи (Черный Ануй-3). Основная масса костных останков овцы на поселениях Кастахта-3 и Партизанская Катушка принадлежала молодым особям, что, очевидно, указывает

на использование овец, прежде всего, для получения мяса и шкур. Существовал и племенной скот. Это подтверждается находками крупных костей баранов.

Козы. По мнению С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 73), коз в стаде древних горноалтайцев было несравнимо меньше, чем овец. Ученый исходил из того факта, что шкура козы «с чрезвычайно тонким пухом» найдена только в Пятом Пазырыкском кургане. Учитывались, видимо, и этнографические данные. Поселенческие материалы позволяют переоценить значение козы в стаде. На поселениях Черный Ануй-3 и Партизанская Катюшка (2 и 3 слои) процент костей козы варьирует от 8 до 16 от количества костей домашних животных, уступая овце в 2–3 раза. На поселении Кастахта-3, где получен довольно представительный материал, коза незначительно уступает овце, соответственно 20,6 и 30,4 %, а во втором слое даже превосходит ее в 3 раза. Возрастное деление коз по особям выглядит следующим образом: большинство особей в возрасте до 1–2 лет (сюда же включается значительное количество козлят), часть особей определены как зрелые, есть старые в возрасте около 5 лет (Кастахта-3).

Крупнорогатый скот (КРС).

Значительное место в стаде горноалтайцев раннего железного века занимал крупный рогатый скот. На основе этнографических данных С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 73) предполагал, «что крупный рогатый скот, коровы, имелись в каждой семье». Наши исследования подтверждают эти предположения. Процент костей КРС на поселениях остепненной зоны Кастахта-3 и Черный Ануй-3, составляет соответственно 15,1 и 15,8 %. На поселениях увлажненной части Средней Катуни (Элекмонар-4, Партизанская Катюшка, Аскаат-2) доля КРС значительно выше и составляет соответственно 27,3, 26,5 и 18,8 %. Из 27 особей, у которых по зубам определен возраст, телята составляют 3,6% (одна особь), молодые – 44,4 %, взрослые – 33,3 %, старые – 18,5 %. Судя по этим данным, в раннем железном веке в разведении КРС преобладало мясомолочное направление. Скот был малорослым, приспособленным к жизни в суровых условиях. Определенный по астрагалам рост в холке для шести особей с поселений Партизанская Катюшка и Черный Ануй-3 равнялся 97,7, 105,2, 106, 106,7, 111,3 и 114,9 см. Сравнение доли КРС в разных климатических зонах позволяет предположить заготовку кормов в северной увлажненной зонах, где круглогодичное содержание на подножном корму для КРС затруднительно или невозможно. КРС не способен добывать траву из-под снега, и его доля на северных поселениях должна бы уменьшаться. Мы же наблюдаем обратный процесс – значительный рост с 15 % в остепненной зоне до 25 % – в увлажненной. Объяснить столь высокий процент КРС можно только заготовкой на зиму сена, а в течение зимы – веток и хвои. Что касается остепненной зоны Горного Алтая, то здесь, по-видимому, для КРС корм не заготавливался. Косвенно на это указывают не только благоприятные условия для круглогодичного выпаса, но и отмеченное выше полное совпадение доли КРС на поселениях Кастахта-3 и Черный Ануй-3. Наличие подкормки привело бы к значительным расходам.

Як. Кости яка в небольшом количестве встречены только на поселении Партизанская Катюшка. Очевидно, территория, на которой разводили яков в раннем железном веке, как и в настоящее время, ограничивалась Юго-Восточной провинцией Горного Алтая. Преимущественно в этом районе, по-видимому, разводили верблюдов, как в соседних Туве, Монголии, Синьцзяне и Казахстане. Об этом свидетельствуют реалистические изображения верблюдов на зеркалах (Малталу-4, Узунтал-3) (см. Кирюшин, Степанова, 2004, с. 83), на диадеме в

Уландрыке-1 и наскальных рисунках на Укоке (Кубарев, 1987, табл. IV.-4; Древние культуры..., 1994, рис. 52.-1–5; Молодин, Ефремова, 2010, с. 196). Непосредственно на присутствие верблюдов указывает наличие их шерсти в войлоках с Укока. Этот факт, в частности, позволил Н.В. Полосьмак (Полосьмак, 2001, с. 227) предполагать, что пазырыкцы разводили верблюдов, благодаря чему участвовали «в караванных маршрутах как в Синьцзян, так и в Среднюю Азию через Казахстан»¹.

В хозяйстве имелись и собаки, которые были нужны для охраны жилья и стада, при пастьбе скота и на охоте. Кости собаки встречаются почти на всех исследованных автором поселениях (до 1 % от всех костей). Известны и подхоронения собак в могильных ямах и насыпях курганов VI–III вв. до н. э. (Кара-Коба-2, Балык-Сооке-1 и др.) (Могильников, 1983, с. 60; Кубарев, Шульга, 2007, с. 163).

Исходя из реалистических изображений петухов в курганах, С.И. Руденко (1953, с. 74) считал возможным их разведение пазырыкцами в ритуальных целях. Изображения петухов-«фениксов» найдены и в Кош-Агачском районе (Кубарев, 1987). На поселениях костей домашней птицы не найдено, но не исключено, что куры всё же содержались в небольшом количестве служителями культа.

3.1.4. Зависимость видового состава стада от природного окружения

Сопоставление остеологического материала из различных природно-климатических зон Горного Алтая позволяет сделать ряд выводов о влиянии окружающей среды на хозяйство населения в раннем железном веке (табл. 1-5).

На поселениях остепненной зоны (Кастахта-3, Куротинский Лог-1, Черный Ануй-3) лошадь составляет соответственно 34, 39,5 и 40,8 % от костей домашних животных. На поселениях, примыкающих к увлажненной зоне Северного Алтая (Партизанская Катушка, Элекмонар-4 и Аскат-2), соотношение меняется и лошади принадлежит соответственно 43,8, 49,6 и 61 %. (табл. 4, 5) Подобное изменение мы наблюдаем и при сравнении доли МРС в остепненной и увлажненной зонах. На поселениях Кастахта-3, Черный Ануй-3 и Куротинский Лог-1 доля МРС в стаде колеблется от 34 до 51 %. (табл. 1-3). Особенно высок процент м.р.с. на самом южном поселении Кастахта-3, где при среднем уровне 50,9 %, в некоторых слоях м.р.с. достигает 55,6 и 59,9 %. Многократное преобладание костей м.р.с. отмечено на расположенных в засушливом южном участке Средней Катуни поселениях Кара-Тенеш (Погожева, Молодин, 1980, с. 97; Косинцев, Степанова, 2010, табл. 4) и Тогусхан-8 (раскопки автора). На последнем кости мелкокопытных составляют 90% от числа всех костей. На поселениях, граничащих с увлажненным Северным Алтаем (Аскат-2, Элеконар-4 и Партизанская Катушка), доля МРС намного ниже и составляет соответственно 20,2, 23 и 32%. Итак, в южной остепненной зоне основное место в хозяйстве занимала лошадь (34–41 %), затем – МРС (34–51 %) и КРС (15 %). В увлажненной северной зоне значение лошади возрастает, на нее приходится от 44 до 61 %, значительно больше КРС – 19–27 % и меньше МРС – 20–32 %. Очевидно, колебания видового состава стада объясняется особенностями природно-климатических условий в районах расположения исследованных поселений. Небольшой слой снега, выпадающий в зимнее время в остепненных районах, быстро сдувается с безлесных террас и склонов

¹ На поселениях кости верблюда автору не известны, но две определимых кости найдены в верхних слоях на культовом комплексе на Кучерле-1 (Молодин, Ефремова, 2010, табл. 3).

южной экспозиций, делая их доступными для пастбы скота. В увлажненной зоне глубокий снег, залесенность склонов и террас затрудняли выпас скота в зимнее время. В связи с этим, преимущественно разводилась лошадь, способная тебеневать при глубине снега до 60 см (Федорович, 1973, с. 207). Возможности выпаса МРС там значительно сокращаются, так как овца и коза тебенюют при мощности снега до 12–20 см (Одинцов, Чельшев, 1947, с. 25; и др.). КРС в самое снежное время должен был подкармливаться.

Выводы, сделанные на поселенческом материале, подтверждаются этнографическими данными по Горному Алтаю ясачной комиссии 1832 г. (Владимиров, 1990). Южные алтайцы объединялись в семь дючин. Для характеристики остепнённой зоны мы используем материалы по трем дичинам: седьмой, кочевавшей по рекам Катунь, Каракол, Уймон и др., где расположено поселение Кастахта-3; пятой – по рекам Катунь, Урсул, Талда, Туэкта, Курота и др. (поселение Куротинский Лог-1) и третьей, кочевавшей в верховьях Чарыша и Ануя, Кану и др. (поселение Черный Ануй-3) (Владимиров, 1984, с. 123). Для характеристики северной увлажненной зоны привлекались материалы по первой дючине, кочевавшей по рекам Катунь, Чемал, Элекмонар, Куюм, Сема, Черга, Майма и др. (поселения Элекмонар-4, Партизанская Катушка и Аскат-2).

В хозяйстве алтайцев третьей пятой и седьмой дючин на первом месте находилась лошадь, соответственно 33,3, 35,1 и 46,5 % (сравним 34–41 % на поселениях). На втором месте был МРС – соответственно 44,5, 43,2 и 36,1 % (сравним 34–51 % на поселениях). На третьем месте находился КРС – соответственно 22,2, 21,6 и 17,4 % (сравним 15–23 % на поселениях).

В первой северной дючине в хозяйстве алтайцев главное место также занимала лошадь – 66,2 % (сравним 44–61 % на поселениях), затем – КРС – 28,4 % (сравним 19–27 % на поселениях) и МРС – 5,4 % (сравним 20–32 % на поселениях).

Как видим, фиксируемые в составе стада изменения на поселениях раннего железного века, происходившие в зависимости от климатических зон, соответствуют изменениям в реальном составе алтайцев. Это соответствие прослеживается не только в виде тенденции к уменьшению или росту доли какого-либо вида. Во многих случаях совпадает и диапазон варибельности видов скота на поселениях и в дючинах (табл. 1–5). Наибольшее совпадение отмечено в остепненной зоне (табл. 1–3). В увлажненной зоне у алтайцев значительно больше лошади и меньше МРС. Объяснить это можно тем, что поселения Партизанская Катушка и Аскат-2 фиксируют ситуацию на южной границе увлажненной зоны (на поселениях Партизанская Катушка и Элекмонар-4 найдены кости дзерена – степного животного). Алтайцы же занимали территорию вплоть до р. Майма, отличающуюся большей влажностью. Значительную, пока не выясненную, роль сыграл процесс увеличения элементов номадизма, начало которого можно отнести к началу хуннского времени со II в. до н. э. На поселении Партизанская Катушка в средневековом слое увеличивается доля лошади (на 7 %), значительно упало количество КРС, уменьшилась доля козы, а овцы увеличилась (табл. 5). Как отметил А.В. Гальченко, средневековое стадо приобретает структуру, характерную для кочевников. У алтайцев эта тенденция в связи с частыми перемещениями и нестабильной политической обстановкой сохранилась.

Подобные колебания состава стада в зависимости от более южного засушливого или северного увлажненного положения прослеживаются в Казахстане, как в эпоху бронзы, так и в XVIII–XIX вв.: «...увеличение процента крупного скота у скотоводческого населения степей с юга на север, вслед за уменьшением аридности климата, экологически оправдано и высту-

пает как закономерность, на что неоднократно обращали внимание этнографы и путешественники» (Косарев, 1984, с. 68).

Количество годовых осадков, высота снежного покрова и рельеф местности определяли в Горном Алтае видовой состав стада скотоводов раннего железного века, средневековья и алтайцев, а, возможно, и в афанасьевское время. Предварительно можно ставить вопрос о правомерности соотнесения видов домашних животных по определяемым костным остаткам в поселенческих однокультурных слоях с количеством скота у жителей Горного Алтая в раннем железном веке. Определяя видовой состав стада по остеологическому материалу, исследователи берут за основу: соотношение количества определяемых костей животных (Ермолова, 1983; Макарова, 1974; Погожева, Молодин, 1980; Антипова, 1997; и др.), минимальное количество особей (Косарев, 1984, с. 68) или среднее арифметическое между процентом определенного вида животного в стаде по количеству костей и проценту по минимальному количеству особей (Потёмкина, 1983, с. 50). Методика определения по особям эффективна для закрытых комплексов. Однако при анализе костных остатков в поселенческих слоях, складывающихся десятки, а то и сотни лет, число установленных особей зависит от уровня профессиональной подготовки специалиста. Например, на поселении, где встречается мало представительных костей и зубов, из сотен костей в слое может быть выделено всего несколько особей. Третий, компромиссный метод, применяемый Т.М. Потемкиной, не оправдан по тем же причинам. Расчеты состава стада по остаткам костей с учетом сроков жизни животных и их воспроизводства, сроков забоя и т. п. сложны и требуют массу дополнительной информации. Не останавливаясь на этом вопросе, еще раз отметим, что расчет состава реального стада по количеству фрагментов костей в поселенческих слоях Горного Алтая дал наиболее приближенную к действительности картину (Гальченко, Шульга, 1992). Аналогичный вывод сделан и на материалах юга Восточной Европы (Антипина, 1997). Материалы с исследованных в Горном Алтае поселений, несмотря на определенные хозяйственные, культурные и стадийные различия, хорошо соотносятся со стадом у алтайцев в XIX в., проживавших в тех же природных условиях.

3.2. Охота ¹

Важное хозяйственное значение имела охота. В курганах встречаются клыки кабанов, поделки из рога и зубов маралов, волос оленя (Руденко, 1953, с. 75). В отличие от саглынец Тувы, в пазырыкских захоронениях отсутствуют клыки марала, но их иногда помещали в погребения раннескифского времени (Степанова, 1986, с. 79–81). В Пазырыкских курганах почти найдены изделия из шкуры леопарда, меха степной кошки, белки, соболя, выдры, горностая. С.И. Руденко предполагал, что Горный Алтай в скифское время был поставщиком пушнины в степные районы, примыкающие с запада и юга (Руденко, 1953, с. 75). К подобным выводам пришли и исследователи культового места Кучерла-1, считающих, «что богатейшая одежда из шёлка, обнаруженная в пазырыкских комплексах с мерзлотой, попадала в Горный Алтай из Индии и Китая..., благодаря обменным операциям, где со стороны носителей пазырыкской культуры эквивалентом выступала именно пушнина» (Молодин, Ефремова, 2010, с. 18). Очевидно, в соответствии с практической целесообразностью и требованиями

¹ Уже во время вёрстки данной книги была опубликована основательная работа, посвященная охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н. э. (Соенов, Константинов, 2014).

промысловой магии тушки и кости животных оставались на месте добычи или хранились в определенных местах (Кулемзин, 1984, с. 82–103; Молодин, Ефремова, 2010, с. 216; и др.). Действительно, на культовом месте в Кучерле-1, где охотники традиционно выполняли определённые ритуалы, доля костей диких животных (в том числе россомахи, соболя и зайца) была значительно больше, чем на поселениях (сравнить, Молодин, Ефремова, 2010, табл. 3; и табл. 1-5 в Приложении 3).

Основным промысловым животным в Горном Алтае была косуля. Кости и шкуры косули в курганах не найдены, но на поселениях дикие животные представлены, прежде всего, костями косули, доля которой составляет от всех костей диких и домашних животных от 5 % (Черный Ануй-3) до 15 % (Партизанская Катушка, Кастахта-3). На поселении Кастахта-3 во втором слое косуля занимает 26,3 %, лишь немного уступая МРС (32,2 %). Косуля являлась существенным подспорьем в питании жителей Горного Алтая в раннем железном веке и в средневековье (Партизанская Катушка, слой 1, табл. 1). Анализ изменения соотношения костей животных на поселении Кастахта-3 (слой 2) и Черный Ануй-3 (слой 3) показывает, что при резком сокращении количества костей лошади, овцы и козы (Кастахта-3) вследствие каких-то неблагоприятных событий или военных набегов, сразу же возрастала доля костей косули. Очевидно, в кризисные периоды население компенсировало нехватку продуктов питания увеличением добычи косули. Возможно, были и обратные ситуации, когда вследствие большого количества добываемой косули сокращался забой домашних животных. Охота на косулю широко практиковалась и позже. Во второй половине XIX в. на территории Республики Алтай ежегодная добыча косули достигала 200 тыс. голов (Собанский, 1988, с. 124). Это указывает на большой резерв мясной пищи у жителей Горного Алтая в древности. Наименование поселения Элекмонар-4, получившего свое название по месторасположению рядом с рекой и поселком «Элекмонар» переводится с алтайского языка как «огораживать косуль» или буквально «косуль посторожит» (Молчанова, 1979, с. 354). В названии нашли свое отражение традиция охоты на косулю в этих местах и один из способов этой охоты.

В нижнем течении Катуня среди костных остатков диких животных второе место после косули занимал марал – от 3,2 до 5,8 %. На поселении Аскат-2 его доля достигает 14%. Однако нужно учитывать, что по причине плохой сохранности мелких костей доля костей крупных животных здесь несколько завышена. Добывался марал и в остепненной зоне, но значительно меньше. На всех поселениях встречаются кости лося. В одном случае установлено, что лось (бык) был убит осенью (Аскат-2). На поселениях Партизанская Катушка и Элекмонар-4 обнаружены кости дзерена (небольшая антилопа, относящаяся к подсемейству газелей) – соответственно 1,5 и 9,6 %, Обитая в основном в центральной части Монголии еще в прошлом веке, тысячи дзеренов на зиму перекочевывали на Юго-Восточный Алтай, в Чуйскую и Курайскую степи, на плоскогорье Укок. Весной звери опять возвращались в Монголию (Собанский, 1988, с. 139). Очевидно, из Курайской степи по засушливым долинам Катуня дзерены проникали до Чемала, где и добывались в зимнее время. Кости кабарги встречаются только на поселении Партизанская Катушка и в Кучерле-1.

Повсеместно, хотя и в небольшом количестве, обнаружены кости дикого кабана, несколько реже встречаются кости медведя (см. Приложение 3). Как часто отмечается в литературе, охота на дикого кабана и медведя носила не столько промысловый, сколько спортивный характер. Кабаньи клыки, а иногда когти и клыки медведя, являлись доказательством отваги охотника, использовались в качестве амулетов.

В единичных случаях на поселениях встречены кости сурка, зайца, корсака, лисы и соболя (?). Охота на птицу не имела большого значения, кости встречаются редко. То же можно сказать о рыболовстве – только на поселении Кастахта-3 найден позвонок крупной рыбы, а на поселении Чепош-2 – каменное грузило.

В целом, можно заключить, что за период с I тыс. до н. э. до XIX в. охота, как и другие занятия населения Горного Алтая в аналогичном природном окружении, не претерпели значительных изменений.

3.3. Земледелие

Одной из самых малоизученных отраслей хозяйства у жителей Горного Алтая в раннем железном веке является земледелие. Жители Алтая традиционно воспринимались как скотоводы-кочевники подобно населению в горно-долинные ландшафты Тувы и Монголии. Действительно, природно-климатические условия на большей части Горного Алтая не благоприятны для выращивания зерновых, и не случайно, после распада СССР и крупных хозяйств, имевших государственную поддержку, пашни в скотоводческой засушливой зоне Горного Алтая были заброшены или стали засеиваться многолетними травами на корм скоту. Тем не менее, при наличии соответствующих навыков и посевного материала земледелие могло быть рентабельным не только в увлажнённых предгорьях с более мягким климатом, но и в некоторых долинах Центрального Алтая.

В эпоху неолита (афанасьевская культура III тыс. до н. э.) земледелия в Горном Алтае, по-видимому, не было, хотя, по мнению Я.И. Сунчугашева, наличие зернотёрок и пестов указывает на его существование у афанасьевцев Минусинской котловины (Сунчугашев, 1989, с. 21). По всем данным, афанасьевцы в Горном Алтае жили за счёт разведения скота, охоты и собирательства, в скотоводческой зоне, в тех же самых местах, где затем располагались зимние стоянки всех последующих скотоводов. Места, выбранные афанасьевцами под зимние поселения оказались настолько подходящими для этих хозяйственных занятий, что почти все из 52 учтенных поселений с афанасьевской керамикой перекрываются слоями более поздних эпох, в том числе, на 17 поселениях представлены все три основные эпохи: неолит, ранний железный век и средневековье. В поселенческих афанасьевских слоях зернотёрки достоверно не известны, но они встречаются на насыпях афанасьевских курганов (оград). Вопрос о назначении этих зернотёрок типа «паспах» возник после нахождения в Усть-Тёплой (Горный Алтай, р. Чарыш) почти целого экземпляра и крупного фрагмента нижних камней в оградах №16 и №7 (Шульга, 2010б). Изначально автор допускал, что зернотёрки могли попадать на афанасьевские ограды Усть-Тёплой в более позднее время, тем более, что на этом могильнике представлены захоронения почти всех эпох. Однако временной промежуток не мог быть большим, поскольку зернотёрки укладывались непосредственно на камни оград ещё до того, как были скрыты быстро образующимися в той местности наслоениями грунта и дёрном. Находка куранта на камнях кургана №3 в Щучьем Логу (в 20 км ниже по р. Чарыш), где поблизости не было найдено ни одного более позднего захоронения или поселения, позволяет рассматривать зернотёрки как артефакты, связанные с поминальными обрядами, проводимыми вскоре после сооружения указанных объектов. Подчеркнём, что во всех трёх случаях зернотёрки находились в северо-восточной части оград. С этой же стороны в Щучьем Логу на кургане №1 лежал пест, а в Покровке-4 устанавливались стелы, рядом с которыми найдены фрагменты керамики, кости животных и угольки (Шульга, 2010б, 2006, с. 59). Всё это

очень напоминает обстоятельства нахождения зернотёрок и жерновов в курганах скифского времени (Молодин, Бородовский, 1994), но было бы преждевременно считать эту черту обряда доказательством наличия земледелия у афанасьевцев.

Маловероятны занятия земледелием и в эпоху бронзы у носителей каракольской культуры, проживавших в бассейне Урсула. Возможно, в этот период (II – начало I тыс. до н. э.) климат Горного Алтая был более суров, чем в III и I тыс. до н. э., и не случайно занимавшиеся комплексным хозяйством андроновцы и ирменцы в глубину гор не проникали даже эпизодически. По-видимому, тогда были трудности даже у скотоводов Горного Алтая, на что указывает крайне малое количество захоронений и отсутствие поселений с хорошо выраженным культурным слоем.

Ранний железный век. Сравнительно больше данных о земледелии в раннем железном веке. Так, обнаружив семена проса в Туэкте-1, С.И. Руденко (Руденко, 1953, с. 76; 1960, с. 200) предположил, что в долине р. Урсул, отличающейся более мягким и теплым климатом, пазырыкцы сеяли эту злаковую культуру. М.П. Грязнов и С.В. Киселев считали, что пазырыкцы получали зерно путем обмена от оседлых земледельческих племен за пределами Горного Алтая (Руденко, 1960, с. 200–201). Вероятно, такой обмен существовал, на что, быть может, указывает обнаружение в Денисовой пещере в слое раннего железного века ямы с 15 кг пшеницы обыкновенной (*Triticum vulgare Host*). С учётом радиоуглеродных дат, исследователи склонны датировать слой, к которому относилась яма с зерном примерно III–II вв. до н. э. (Деревянко, Молодин, 1994, с. 105). Пещера находится на границе увлажнённых предгорий и скотоводческой зоны, и, могла быть своего рода перевалочной базой. По мнению В.И. Молодина (Молодина, 2003, с. 155–156) «...качественный скачок в развитии земледельческого хозяйства в Горном Алтае связан с пазырыкской культурой. ...Сакрализация земледельческих орудий у пазырыкцев (как, вероятно, и у тагарцев) ярко свидетельствует о весьма существенной роли земледельческого хозяйства, качественный скачок которого вполне логично связывать с пришлым иранским населением». Впрочем, как отмечалось выше, подобным образом относились к зернотёркам и афанасьевцы.

Значительный материал был получен и в ходе изучения поселений раннего железного века. В 1990 г. в Горном Алтае были выделены группы скотоводческих и «земледельческих» поселений (Шульга, 1990а, 1994). Последние не многочисленны. Они отличаются необычным расположением на пологих склонах южной экспозиции, мощным культурным слоем, специфической керамикой без валиков и большим количеством зернотёрок. Обнаружены «земледельческие» поселения на Нижней Катунь и в Центральном Алтае, где имеются условия для возделывания сельскохозяйственных культур (Модина, Югова, 1975, с. 79). Наиболее оптимальное, в сравнении с другими районами предгорий, сочетание влаги и тепла отмечается в долине р. Катунь от р. Чемал на юге до р. Майма на севере (Югова, 1975, с. 87). Условия для произрастания и возделывания культурных растений в окрестностях Маймы и Горно-Алтайска даже лучше, чем в степных и лесостепных районах Алтайского края. Климатические условия долины Катунь от Чемала до Маймы, с одной стороны, оставляли возможность для занятий скотоводством, а с другой – способствовали успешному занятию земледелием. Одним из аргументов в пользу наличия земледелия на этом отрезке Нижней Катунь является довольно прочная оседлость жителей поселения раннего железного века Чепеш-2 (Шульга, 1996а). В сохранившейся от разрушения части поселения расчищены три летние полуземлянки без очагов. Одна яма, заглубленная в материк на 105 см, изнутри была обмаза-

на глиной и, очевидно, использовалась как печь для обжига керамики (рис. 34. – 1). На поселении отмечена самая высокая концентрация керамики, местами до 80–120 фрагментов на квадратный метр. Большинство из 27 обнаруженных хозяйственных ям имели бочонковидную форму. Дно и стенки ям плотно утрамбовывались. Вполне возможно, что часть из них могла использоваться под хранение зерна, но это не более чем предположение. На занятие земледелием в Чепоше-2 указывают также зернотерки. Для большинства исследователей они служат главным аргументом, подтверждающим наличие земледелия, если не найдены злаки или их отпечатки (Сидоров, 1986, с. 54–66). На поселении Чепош-2 найдено 16 обломков от верхних и нижних камней зернотерок и один целый курант. Зернотёрки, как правило, находились в хозяйственных ямах полуземлянок. Размеры зернотерок составляют приблизительно 35×20 см. Судя по сохранившемуся куранту, ширина нижнего камня зернотерки, в комплекте с которой он использовался, равнялась 23–25 см. Обломки от 20 зернотерок (курантов и нижних камней) найдены на поселении Кастахта-3. Найденная там зернотерка размерами 53×25×6 см – одна из самых крупных, обнаруженных в Алтайском крае. Это максимальные размеры нижнего камня, так как «именно настолько позволяет совершать возвратно-поступательные движения длина человеческой руки» (Сидоров, 1986, с. 63). Один из курантов длиной 27 см применялся в комплекте с зернотеркой шириной до 22 см. Остальные зернотерки несколько меньше – в длину 35–40 см, в ширину – до 20 см. Куранты ладьевидные шириной – 6–10 см, сработаны на 1–2 см. Климатические условия Усть-Коксинской долины, где найдено поселение Кастахта-3, являются самыми благоприятными в Центральном Алтае для земледелия. Земля в долине плодородная, мощность гумуса до 1 метра. И не случайно, на этих землях поселились первые в Горном Алтае русские крестьяне.

На исследованных раскопами расположенных в логах типично скотоводческих поселениях зернотёрки встречаются значительно реже. По валиковой керамике они предположительно соотносятся с этнической группой собственно пазырыкцев, погребавших в срубках с лошадьми. Однако и они использовали зернотёрки достаточно широко. На это указывают не только случаи их обнаружения в пазырыкских курганах. Так, на относимом к пазырыкцам поселении Куротинский Лог-1, расположенном у известных Туэктинских курганов, в жилище было обнаружено четыре куранта (в том числе очень крупный, переделанный из нижнего камня зернотёрки), три заготовки курантов и обломок нижнего камня зернотёрки типа «паспах» (Шульга, 1997).

Найденные в Горном Алтае на поселениях раннего железного века зернотерки и куранты, вполне уместно рассматривать как показатель земледелия в местах их обнаружения. Однако, нахождение жерновов, курантов и зернотерок в пазырыкских курганах на р. Юстыд в Чуйской долине (более 2000 м над ур. моря), в безлесной высокогорной долине Бертек (около 2300 м над ур. моря) и примыкающей долине Мойнак (Кубарев, 1991, с. 166; Древние культуры..., 1994, рис. 59, 62. – 1, с. 72, 143; Молодин и др., 1993, с. 23, рис. 17), где земледелие было невозможно, а собирательство мало что давало, однозначно указывают, что данные зернотёрки указывают лишь на то, что на них могли растирать зерно. Выращено же оно могло быть только за пределами этих высокогорных пастбищ – в предгорьях, на Нижней Катунь или в Центральном Алтае. Очевидно, зернотёрками также перерабатывались дикорастущие растения, семена и плоды. В.Д. Кубарев считал, что аналогично алтайцам и монголам, пазырыкцы в этих высокогорных районах на юго-востоке Горного Алтая собирали впрок и употребляли в пищу корни сараны, стебли ревеня, дикий лук, семена сульхира и кедровые орехи.

Нехватка продуктов земледелия компенсировалась сбором дикорастущих злаков, в частности, волоснеца, лепешки из которого найдены в кургане №2 могильника Уландрык-1 (Кубарев, 1987, с. 137)¹. Таким образом, встречающиеся в Горном Алтае зернотёрки и ручные мельницы, а также относимые к раннему железу зёрна проса и пшеницы пока что указывают на наличие у пазырыкцев зерна и на высокую вероятность растирания зёрен в месте их нахождения.

Особый интерес представляют круглые жернова (ручные мельницы). Они были найдены комплектами по два камня в насыпях пазырыкских курганов Башадар-2 (Руденко, 1960, рис. 14); в кургане 1 на Бертеке-1 (Древние культуры, 1994, с. 65–66, рис. 62. – 1; Молодин, Бородовский, 1994) и В.Д. Кубаревым на Юстыде (см. Молодин, Бородовский, 1994, с. 77). Традиционно считалось, что такие жернова относятся к средневековью или этнографическому времени, и не случайно С.И. Руденко связывал комплект жерновов и даже зернотёрку типа «паспах» («паспак») из насыпи Башадара-2 с впускными погребениями алтайцев (Руденко, 1960, с. 32). Однако, по сводным данным В.И. Молодина и А.П. Бородовского (Молодин, Бородовский, 1994, с. 72), жернова (ручные мельницы) в Западной Сибири появились уже в эпоху бронзы, и могут «гарантированно свидетельствовать о наличии земледелия у человеческого сообщества, поскольку сама конструкция жерновов предопределяет растирание прежде всего зёрен». В.Д. Кубарев, учитывая находку жернова в Салбыкском кургане, также предполагал, что жернова и простые зернотёрки использовались в быту и поминальных ритуалах пазырыкцев (Кубарев, 1987, с. 166)². Похожая находка ручной мельницы в комплекте была сделана в северо-восточном секторе каменного кольца (в 37 см от него), окружавшего сакский курган V-IV вв. до н. э. в Алматинской области Казахстана неподалёку от известного кургана Иссык. Авторы раскопок полагают её привнесённой в более позднее время (Чотбаев, Онгар, 2014, с. 9), но она лежит на уровне камней кольца в рабочем положении, и само её расположение подобно зафиксированному на Бертеке, с той лишь разницей, что на Бертеке внешнего кольца не было и камни зернотёрки были положены в восточный сектор кольца (крепиды) кургана (Древние культуры ..., 1994, рис. 59).

Известны жернова и на древних поселениях Горного Алтая. В Текпенек-Боочи-2 (близ Больших Башадарских курганов) на глубине 23 см в слое с углями, костями животных и не орнаментированными фрагментами керамики (чуть ниже были встречены и фрагменты, достоверно относящиеся к скифскому времени) автором обнаружен верхний камень («бегун») ручной мельницы с двумя углублениями для съёмного штока (рис. 109. – 9). На такой же глубине от поверхности в комплексе с небольшими фрагментами керамики найдена половина ещё одного верхнего камня ручной мельницы на поселении Кемечекпан-2 (Нижняя Ка-

¹ Подробно об употреблении в пищу дикорастущих растений в высокогорных Кош-Агачском и Улаганском районах пишет В.П. Дьяконова (2001, с. 81), в частности отметившая растирание свежих ягод черёмухи зернотёрками «паспак».

² По мнению В.П. Дьяконовой, отнесение жерновов из археологических раскопок в Горном Алтае, Туве и Минусинской котловине к скифскому времени не обоснованно. В.П. Дьяконова полагала, что в Большом Салбыкском кургане были найдены только зернотёрки типа «паспак», как у теленгитов (Дьяконова, 2001, с. 76). Однако, Л.Р. Кызласов, на которого она ссылается, однозначно указывал о нахождении там нижнего жернова ручной мельницы «вместе с курантом зернотёрки» (Кызласов, 1979, с. 74). Я.И. Сунчугашев, опубликовавший рисунок нижнего камня мельницы из Салбыкского кургана, полагал, что такие ручные мельницы появились в скифское время, а, возможно, «ещё в эпоху бронзы» (Сунчугашев, 1989, с. 40, рис. 15).

тунь), где зафиксированы слои раннего железа и средневековья (рис. 67. – 11; 109. – 10). Очевидно, что слои с жерновами на указанных поселениях сложились значительно раньше этнографического времени. В Текпенек-Боочи-2 зафиксирована только афанасьевская керамика и фрагменты эпохи раннего железа (рис. 82), а потому найденный там «бегун» от жернова, скорее всего, относится к скифскому времени. Нижний камень жернова был найден и на многослойном (эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье) поселении Тыткескень-3 (рис. 71. – 24). По мнению А.Л. Кунгурова, он относится к эпохе средневековья (Кунгуров, 1994, с. 45).

Таким образом, имеющиеся данные, позволяют предполагать использование жерновов не только в средневековье, но и в скифское время, но это вовсе не является доказательством наличия пашенного земледелия у племён Горного Алтая уже в I тыс. до н. э. Нельзя согласиться и с заключением, что «земледелие в Горном Алтае с самого начала было орошаемым» (Соёнов, 2003, с. 171). Во-первых, в увлажнённой наиболее благоприятной для земледелия зоне, включая участок Катуня от Чемала до Маймы можно было вполне обойтись без полива. Во-вторых, у нас нет никаких оснований предполагать орошение в скифское время, и, тем более, в эпоху бронзы.

Итак, предположительно занимавшиеся выращиванием злаков скотоводы раннего железного века заселяли в основном увлажнённую часть Нижней Катуня от Чемала до Маймы (Чепош-2 и др.), отличающуюся мягким климатом и плодородием почвы (Археологические памятники..., 2008). В меньших масштабах земледелие было распространено в Центральном Алтае. При этом зернотёрки там обнаружены как на «земледельческих» поселениях с кастахтинской керамикой, так и на скотоводческих с куротинской керамикой. Их обитатели, очевидно, имели в долинах на зимних пастбищах селения из одного-трёх рубленых домов с загонами для скота. Поблизости могли располагаться небольшие посеы, за которыми летом ухаживали остающихся в посёлке люди. Большая часть жителей этих селений в летнее время находилась со скотом на летних пастбищах, расположенных в 10–30 км от зимника. Это большое расстояние можно было проехать верхом на лошади всего за несколько часов, а потому оставшиеся в посёлке люди постоянно поддерживали связь со своими откочевавшими родственниками. Всё это создавало стабильные условия для возделывания небольших земельных участков неподалёку от стационарных жилищ и зимних пастбищ, которые также нужно было охранять от поправки.

Эпоха средневековья. По мнению некоторых исследователей, многочисленные оросительные каналы (сувахи) на остепнённых террасах Катуня, Чуи, Чулышмана и других рек являются показателем расцвета земледелия в средневековую эпоху (см. Соёнов, 2003, с. 172). К сожалению, данной проблеме не уделяется должного внимания, и исследование этих чрезвычайно интересных сооружений ведётся крайне медленно (см. Вдовина, 2004, 2007; и др.). Назначение и датировка их не вполне ясны. Сторонники земледельческой направленности сувахов, как правило, ссылаются на сведения об использовании их в конце XVIII – начале XX в. (см. Вдовина, 2004) и на заключение о распашке, производившейся в древности в рамках оросительной системы урочища Тото в Курайской степи (Евтюхова, Киселёв, 1941; Киселёв, 1951, с. 513). Однако этих данных достаточно лишь для постановки проблемы. На наш взгляд, очень крупные размеры некоторых сувахов (длина до нескольких километров) не предполагали в древности столь же больших по площади обрабатываемых полей, сопоставимых с современными распашками. Основным их назначением, видимо, было орошение паст-

бищ. На использование каналов для орошения пастбищ указывал в 1927 г. С.И. Руденко, по результатам осмотра оросительных систем по Чулышману: «искусственное орошение целой системой арыков (сувахов) обеспечивает урожай хлебов и трав» (цит. по: Вдовина, 2004, с. 116). В Минусинской котловине, по мнению И.Я. Сунчугашева (Сунчугашев, 1989, с. 57, с. 90), уже в скифское время «Орошались не только посевы зерновых культур, но и пастбища». По наблюдениям автора в 80-х гг. XX в., сувахи на Катуня между Урсолом и Чемалом выводили воду не на плодородные участки с мощным слоем гумуса у склонов, а на выжигаемые солнцем террасы с бедным и тонким гумусированным слоем. Выращивание злаков в засушливой скотоводческой зоне по Катуня и Чуе, где далеко не везде и не всегда по долинам вырастает даже хорошая трава, в древности могло занимать очень скромное место в хозяйстве скотоводов. Думается, крупные сувахи на остепнённых и тем более высокогорных террасах предназначались, прежде всего, для орошения жизненно важных зимних пастбищ. Благодаря орошению в засушливые годы, урожай трав там мог быть увеличен во много раз. К тому же, более высокий благодаря орошению травостой меньше заносится снегом, и может поедаться даже не тебняющими коровами. *Фактически, поливные зимние пастбища можно считать своеобразным вариантом заготовки кормов на зиму без их скашивания.* Полив обеспечивал гарантированное получение максимального урожая трав, доступных скоту даже в многоснежные зимы благодаря высокому травостою. Этот факт трудно переоценить, поскольку полив пастбищ означал переход кочевников на более высокий путь интенсивного хозяйствования. Освоив сложную даже для земледельцев систему ирригации, они могли получать высокий гарантированный урожай травы в засушливой местности.

Такая система орошения пастбищ могла сложиться только в горной местности, а потому данный вопрос в изучении обитавших на равнине номадов не привлекал внимания и, по-видимому, не ставился. Насколько верными окажутся наши предположения, покажут дальнейшие исследования оросительных систем, но говорить о повсеместном (судя по наличию сувахов) распространении пашенного земледелия в Горном Алтае в эпоху средневековья пока нет оснований. На курганных насыпях в Чуйской степи у рек Юстыд и Барбургазы были обнаружены два лемеха и отвал эпохи Тан (VII–X вв. до н. э.) (Кубарев, 1997), предназначенные для распашки земель. Однако, суровый климат и щебнистая почва в той части долины (около 2000 м над ур. моря) не позволяют вызревать злаковым в этой местности. Очевидно, данные орудия использовались в более низких и плодородных долинах, а на курганы в верховьях Чуи были помещены согласно особенностям погребально-поминальной обрядности.

С начала монгольского времени в связи с известными военно-политическими событиями, население Горного Алтая, по-видимому, сокращается, а земледелие приходит в упадок. О хозяйстве и земледелии последующего времени говорить трудно, поскольку археологические памятники XV–XVI вв. не выявлены, а письменные источники по этому периоду не известны (Самаев, 1991, с. 53; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 164). По мнению некоторых исследователей, это запустение было вызвано очередным культурно-генетическим сбоем или (и) длительным похолоданием в XIV–XVI вв. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 164). Однако ландшафты Горного Алтая очень разнообразны и некоторое понижение среднегодовых температур не могло препятствовать в течение двух-трёх веков традиционным занятиям скотоводством и охотой в центральной и северной частях Горного Алтая, отличающихся более мягким климатом. На наш взгляд, отсутствие в Горном Алтае памятников этого времени объясняется произошедшими изменениями в погребальном обряде – как и в соседней Монголии умерших

перестали хоронить в могилах. Это предположение подтверждается сохранением у алтайцев во второй половине XIX в. обычая погребать умерших на поверхности земли в срубках, на деревьях или кремировать на поверхности (иногда с последующим подвешиванием останков на дереве), как это было широко распространено у других тюркских народов Сибири (см. Тощакова, 1978, с. 127–141; Жамбалова, 2000, с. 292–297; и др.). По мнению В.П. Дьяконовой (Дьяконовой, 1991, с. 194), в более раннее время наземный способ погребения у алтайцев преобладал. Зафиксировать такие погребения через 600–300 лет практически невозможно. Очевидно, жители Горного Алтая в XIV–XVI вв. также пасли скот, занимались охотой, а мотыжное земледелие играло подсобную роль.

По данным о хозяйстве южных алтайцев середины XVIII в. мотыжным земледелием занимались во многих местах от р. Майма до р. Чуя, но наиболее часто возделываемые участки фиксировались в увлажнённой зоне по рекам Майма и Сема (Самаев, 1991, с. 40; и др.). В высокогорной юго-восточной части Горного Алтая в верховьях Чуи (Кош-Агачский район) зерновые культуры (ячмень, пшеница, рожь) стали возделываться только в 40–50-х гг. XX в. (Дьяконова, 2001, с. 74).

3.4. Керамическое и другие производства, обработка дерева, рога (кости) и иных материалов

Вся керамика, происходящая из поселений и захоронений раннего железного века, лепная. По тщательности изготовления она значительно превосходит керамику эпохи средневековья, найденную нами в верхних слоях 27 поселений раннего железного века и в средневековых городищах Нижний Чепеш-3, 4. Основная масса сосудов произведена ленточным способом. Небольшие сосуды сделаны путем выдавливания из комка глины. Если в погребениях из Горного Алтая керамика имеет неравномерный обжиг на костре (Суразаков, 1989, с. 61), то на поселениях большинство фрагментов красного и темно-коричневого цвета хорошего обжига. В небольшом количестве (Чепеш-2) встречаются чрезвычайно плотные черепки серого цвета толщиной 0,4–0,6 см. На поселениях земледельцев фрагменты керамики на изломе обычно имеют однородный цвет, на скотоводческих чаще встречаются черепки двух- и трехслойные. Подобное соотношение вполне естественно, если учесть, что у скотоводов керамическое производство было хуже развито. На это указывает бедность культурных слоев поселений и частое отсутствие глиняных сосудов в курганах (Нижняя Катунь, Юго-Восточный Алтай). Керамика обжигалась преимущественно на костре. Более прочные красно-коричневые сосуды могли обжигаться в специальных ямах. По-видимому, одна из таких ям обнаружена на поселении Чепеш-2. Диаметр ямы в верхней части 220 см, глубина – 105 см (рис. 34. – 1). В ее центре расчищено вытянутое скопление светлого материкового песка в виде перевернутого усеченного конуса. Конус подстилался слоем гумусированного песка с углями. Ниже заполнение ямы состояло из перемежающихся слоев светлого песка и гумусированной, насыщенной углями супеси. Стенки ямы от уровня материка были обмазаны глиной и сильно прокалены. Очевидно, в яме вокруг насыпанной песчаной площадки горел огонь. Яма, предположительно, представляла собой примитивную печь для обжига керамики. Сосуды устанавливались на площадку из песка. Когда печь перестали использовать, верхняя часть площадки осыпалась в стороны, приобретая форму перевернутого усеченного конуса.

Бронзовые изделия на Алтае встречаются в курганах на протяжении всей скифской эпохи. Зачастую это модели кинжалов, чеканов, украшения и т. д. Прimitивно сделанные модели не были предметом импорта, а изготавливались на месте. Следы бронзолитейного производства найдены на многих поселениях. На поселении Аскат-2 расчищено скопление камней и обожженной глины, вокруг которого найдены обломки литейных сопел, литейных форм и ошлакованные фрагменты керамики (рис. 41). Одна формочка не использовалась и сохранилась полностью (рис. 44. - 26). Её размеры 5,8×5,3×2,0 см. Литейные формы в Аскате-2, как и обломки сопел, изготовлены из теста без добавления отошителей. Процесс изготовления формы был следующим: плоский комок глины разрезался пополам. Видимо, немного подсушивался, затем между половинками зажималась модель нужного изделия (в данном случае – пряжка) (рис. 44. - 27). При получении отпечатка половинки форм разделялись, а после извлечения модели вновь плотно составлялись и обмазывались. Вверху проделывалось широкое прямоугольное отверстие. Для извлечения готового изделия форма разбивалась. Такая техника литья отмечена М.П. Грязновым на Больших Елбанах (Грязнов, 1956, с. 91). Изделия могли отливаться и по восковой модели. В этом случае при нагревании воск вытекал через отверстия, и форму не требовалось разделять для извлечения модели. Обломки формочек найдены на поселении Нижний Чепош-2 (рис. 29). Рядом с ними находилось большое скопление красной глины. Кусочки шлака и ошлакованной керамики найдены на поселении Инышкин Лог (рис. 64) На поселении Майма-1 также встречены следы бронзолитейного производства (Киреев, 1986, с. 165). В Центральном Алтае на поселении Текпенек-Боочи-3 в жилище найдены крупные куски медной (?) руды. Железо было широко распространено в Горном Алтае уже на самом раннем этапе пазырыкской культуры (Кайнду, к. 7; Первый Туэктинский курган и др.). Железоделательные печи найдены на р. Балыктыюль (рис. 68. – В) (Зиняков, 1979). Мощный слой шлаков обнаружен на поселении Ламах-2 в Усть-Канском районе (см. Приложение 1) (Мамадаков, Цыб, 1990, с. 44). По-видимому, основным центром железоделательного производства на позднепазырыкском этапе была Чуйская степь, где по рекам Юостыд, Уландрык и др. отмечено много древних разработок и скоплений шлаков (Кубарев, 1987, с. 137).

Золото добывалось и обрабатывалось, по-видимому, не во всех районах Горного Алтая, но использовалось пазырыкцами повсеместно. На это однозначно указывают находки в собственно пазырыкских срубных погребениях (с конскими подхоронениями или без них). Изделия из золота помещались с умершим во все курганы, но цельнозолотыми в погребениях были только серьги. Все остальные предметы изготавливались из тонкой фольги толщиной от 2–3 до 7–10 мм, предположительно получаемой амальгамированием (Щербаков, Рослякова, 2000). В элитных погребениях золотой фольгой покрывались изготавливавшиеся из дерева, кожи и войлока детали снаряжения лошади и воина, одежда и различные аппликации на погребальной колоде, сосудах и войлоках. Всё это даже породило мнение о существовании в Горном Алтае своеобразного «золотого века», когда этот металл был доступен каждому скотоводу. На поселениях никаких следов добычи и обработки золота не выявлено. Лишь в Чепоше-2 часть залощенных галечек (рис. 38) теоретически, могла использоваться для раскатки золотой фольги (определение Н.Ю. Кунгуровой).

Древние горноалтайцы занимались обработкой кости, дерева, кожи, шерсти (Руденко, 1960, с. 214–222; Бородовский, 1997, 2007; Мыльников, 1999, 2008; Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005; и др.). Для выделывания шкур использовались скребла из ребер жи-

вотных и плоские галечки (рис. 80. – 3; 109. – 3, 4). Анализ тканей из курганов позволил С.И. Руденко констатировать высокий уровень развития текстильного производства. Ткани изготавливались из шерсти и растительных волокон конопли и кендыря. На поселении Кастахта-3 найдены изделия из рога марала (рис. 106. – 9, 10) для прядения тканей (определение Н.Ю. Кунгуровой) и несколько крупных костей, по-видимому, использованных как трепала для разминания волокон травы. Уникальное орудие, которым обрабатывали жерди диаметром до 6 см, найдено на поселении Текпенек-Боочи-2 (рис. 107. - 1). Также занимались обработкой шерсти (пряслица), кожи (лошила из ребер лошади) и кости. Материалом для незавершенного изделия (подпружной пряжки?) послужил рог марала (рис. 107. – 2). Из рога изготовлены наконечники стрел (рис. 106. – 1, 3, 5), застёжка для пут (рис. 106. – 11) и прямоугольная панцирная пластинка (рис. 106. - 16). Первоначальная длина пластинки около 75 мм, ширина 18–21 мм, толщина 4–5 мм. На концах расположено по паре сквозных отверстий диаметром 3 мм, по центру имелось три сквозных отверстия диаметром 3–4 мм.

Несомненный интерес представляют целое и обломанное костяные изделия с отверстиями по одному краю из Кастахты-3 (рис. 107. – 5, 6). Предположительно, это могли быть накладки на изготавливавшиеся из кожи луки седла (Шульга, 2008а, с. 102). Достоверные роговые, деревянные и кожаные накладки на луки сёдел известны лишь в пазырыкское время. В раннескифских сбруйных наборах на Саяно-Алтае и в Казахстане таких деталей пока не обнаружено, да и о наличии собственно мягких сёдел можно судить только по плохо сохранившимся остаткам (Гилёво-10, Машенка-1) и устройству седельных ремней, полностью соответствующих пазырыкским. Между тем, в поминальнике раннескифского захоронения в Чесноково-1 найдено заполированное от долгого использования изделие из ветви челюсти животного длиной по хорде 21 см с двумя отверстиями и следами затёртостей от ремешка (Шульга, 1998б). Фрагмент изделия из кости с двумя отверстиями обнаружен в одной из четырёх устроенных дугой жертвенных выкладок на могильнике Усть-Тёплая близ Сентелека (Шульга, 2008а, рис. 63. - 2). В двух из этих выкладок находились кости овцы и лошади, а в третьей – безынвентарное погребение человека в скорченной позе на спине. У одной из выкладок обнаружен бронзовый нож VI в. до н. э., но могильник разновременный, и время сооружения этих ритуальных сооружений пока не ясно. По размерам, степени изогнутости и наличию равномерно расположенных отверстий по краям и в центре костяные изделия из указанных поминальников и поселения близки накладкам сёдел из Пазырыкских курганов (Руденко, 1953; Шульга, 2008а).

Глава 4

Поселенческие материалы раннего железного века в Горном Алтае ¹

4.1. Керамика

4.1.1. Керамика раннескифского времени

По имеющимся данным, население Горного Алтая во II тыс. до н. э. было крайне редким, но, начиная с VIII-VII вв. до н. э., оно резко увеличивается. На это указывает большое количество раннескифских курганов, а также поселений раннего железного века, часть которых, очевидно, была обитаема уже в VIII-VII вв. до н. э. К настоящему времени в Горном Алтае и предгорьях выделены бийкенская и майэмирская археологические культуры VIII – начала VI в. до н. э., погребальный обряд которых предполагал подхоронения лошадей и конского снаряжения. Захоронения бийкенской культуры (умерший укладывался скорченно, головой в северо-западный сектор, в каменном ящике у поверхности земли) располагаются в Горном Алтае, а захоронения майэмирской культуры (умерший укладывался вытянуто, головой в северный сектор, в относительно глубокую яму) преимущественно находят в северо-западных предгорьях Алтая и на примыкающей территории Восточного Казахстана. К настоящему времени на территории Горного Алтая автором учтено более 200 поселений с керамикой раннего железного века, однако ни одно из них пока достоверно не связано с бийкенской или какой-либо другой культурой раннескифского времени. Причиной тому является, с одной стороны, слабая изученность этих поселений и отсутствие на них изделий, уверенно датирующихся VIII-VI вв. до н. э. С другой стороны, согласно требованиям погребального обряда, в раннескифские погребения керамика не ставилась. Соответственно, погребальные и поселенческие комплексы не удаётся соотнести и синхронизировать. Вместе с тем, в насыпях бийкенских курганов иногда встречается керамика, что позволило в общих чертах говорить о наличии у раннескифского населения (бийкенцев) керамической посуды и её сходстве с керамикой на поселениях Горного Алтая и Верхней Оби (Марсадолов, 1987, 2004; Шульга, 1990а, 1995, 1998а; Тишкин, 1996, 2005). С накоплением материалов появилась возможность вновь обратиться к данной теме.

Значительное количество керамики происходит из насыпей курганов (иногда и погребений) раннескифского времени в устье р. Бийке (правый приток Катуня) (Тишкин, 1996; Тишкин, Горбунов, 2005) и в Кызык-Телани-1 (Суразаков, Тишкин, 2007). Развалы сосудов и отдельные фрагменты с орнаментацией обнаружены в могильниках Усть-Куюм (Степанова, 1996б), Тыткескень-6 (Кирюшин и др., 2011), Кор-Кобы-1 (Суразаков, 1990), в кургане на поселении Партизанская Катюшка (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999), Сальдьяр-2 (Могильников, Суразаков, 1997), Нижний Тюмечин-2 (Степанова, 1996а) и Семисарт-1 (Марсадолов, 2001, рис. 16; 94) (рис. 5-8). Из них семь могильников (Усть-Куюм, Тыткескень-6, Бийке,

¹ Основная масса находок на поселениях представлена керамикой и костями диких животных. Обнаруженные орудия труда, как правило, изготовлены из кости и камня. Предметы вооружения и изделия из металлов встречаются редко.

Бийке-3, Бийке-3а, Кор-Кобы-1, Кызык-Телань-1) находятся в Чемальском районе на участке Катуня протяжённостью всего 20 км. Партизанская Катущка расположена в 45 км ниже по течению Катуня. Остальные три могильника (Сальдьяр-2, Нижний Тюмечин-2, Семисарт-1) выявлены за Семинским перевалом в Онгудайском районе (Центральный Алтай). Помимо этого керамика была найдена в не относящихся к бийкенской культуре захоронениях могильника Чесноково-1 на р. Чарыш в низкогорьях Северо-Западного Алтая (Краснощёковский район Алтайского края) на территории майэмирской культуры, примерно в 200 км к западу от вышеуказанных могильников (рис. 8) (Шульга, 1998а).

Достоверно к раннескифским погребениям относятся баночные сосуды из Усть-Бийке-3, Бийке и Усть-Куюм, где они изначально устанавливались вверх дном на перекрытия ящиков над головами умерших (рис. 5. – 2, 12; 7. – 2) (Степанова, 1996б; Тишкин, 1996, с. 22). Возможно, синхронны погребению и фрагменты из заполнения ящика в Нижнем Тюмечине-2 (рис. 7. – 18-20) (Степанова, 1996а). С захоронениями, несомненно, связана и керамика из Чесноково-1, найденная в поминальниках, устроенных в заполнениях могил (рис. 8). Большая часть остальных опубликованных фрагментов и развалов сосудов из насыпей бийкенских курганов (рис. 5), видимо, синхронна им. Однако, полной уверенности в этом быть не может, поскольку нельзя точно установить время попадания этой керамики в насыпи. Итак, все три достоверно раннескифских сосуда в бийкенских курганах являются баночными закрытого типа. Один из них высотой 12 см украшен под венчиком строчкой из редких угловых вдавлений (рис. 5. – 12), у второго высотой 22 см две таких строчки дополнены расположенной между ними строчкой чередующихся вдавлений и жемчужин (рис. 7. – 2), а у третьего строчка состоит из жемчужин, разделённых 3-4-мя косыми насечками (рис. 5. – 2).

Особый интерес представляет керамика из могильников в устье р. Бийке. Большая часть выявленных там фрагментов, как и два вышеописанных сосуда, происходят от баночных плоскодонных сосудов за исключением не орнаментированного сосуда горшковидной формы (рис. 5. – 21). Представлены следующие орнаменты: строчки жемчужин (рис. 5. – 5, 7); жемчужин с разделителем в виде единичных наклонных насечек (рис. 5. – 6); строчки овальных, подтреугольных или округлых вдавлений (рис. 5. – 8, 9, 11-13). Два фрагмента, вероятно, орнаментированы ёлочкой (рис. 5. – 4), а развал одного из сосудов - своеобразными ромбами, составленными из четырёх кружков (рис. 5. – 3). Помимо этого, в кургане 20 могильника Бийке найден развал крупного сосуда диаметром по венчику около 28 см, украшенный строчкой вдавлений и расположенным ниже наlepным валиком (рис. 5. – 10). Налепные валики зафиксированы ещё на двух фрагментах, но один из них с остатками строчки вдавлений (рис. 5. – 16) найден за пределами кургана, а другой обнаружен «при раскопках курганов в Бийке», как и ещё три фрагмента сосудов с отогнутыми венчиками (рис. 5. – 17, 19, 20). Синхронность этих фрагментов раннескифским курганам не очевидна.

На могильнике Кызык-Телань-1 керамика найдена в 13 объектах (курганах), и в пяти случаях за границами исследованных объектов. К сожалению, эта керамика опубликована в виде фото низкого качества без прорисовок, реконструкций и профилей (Суразаков, Тишкин, 2007, с. 57-59). Сравнительный анализ керамики по этим фото сделать невозможно, а потому ограничимся имеющимся суммарным описанием. Керамика из Кызык-Телани-1 «имеет сходство с ... материалами из Семисарта, Бийке и других памятников бийкенской культуры». Авторы выделили две основные группы керамики, различающиеся по составу теста и орнаментации. «Первую образуют довольно грубые сосуды баночной формы ... Орнамент вдоль

венчика обычно отсутствует.» Из орнамента упоминаются лишь обломки стенок с «зигзагообразной нарезкой» и «беспорядочными наколами по тулову» (Суразаков, Тишкин, 2007, с. 57). «Вторая группа керамики представлена фрагментами сосудов баночной формы с гладкой поверхностью и довольно плотной структурой. ... Вдоль венчика идёт орнамент из ряда ямок или «жемчужин», а иногда «жемчужин», чередующихся с подтреугольными, каплевидными и ямочными оттисками». По наблюдениям авторов, исследованные объекты, как правило, содержат керамику первой или второй групп, и, зачастую, локализируются в разных частях некрополя. По их мнению, керамика второй группы «является, видимо, несколько более поздней, хотя нельзя исключить одновременное существование двух традиций. По фактуре, примеси крупного песка и орнаментации она наиболее близка керамике так называемого бийского этапа большереченской культуры» (Суразаков, Тишкин, 2007, с. 58-59)¹. Однако, указанные авторы по-разному воспринимали и датировали «бийский этап» и «бийскую» керамику. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский рассматривали бийский этап в русле культурно-хронологической схемы М.П. Грязнова (Грязнов, 1956), но датировали его несколько иначе – V–IV вв. до н. э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 77, 182). В погребениях же этого этапа керамика имеет не «бийскую», а «березовскую» орнаментацию, на что уже неоднократно указывалось (Фролов, 1989; Фролов, 2008, с. 28-30; Абдулганеев, 1992, с. 92; Абдулганеев, 1993; Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 11–15; Троицкая, 1997). Соответственно, «бийская» керамика по М.П. Грязнову принципиально отличается от керамики бийского этапа по Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовскому (см. ниже). Собственно, же «бийской» керамики с орнаментом из двух строчек чередующихся жемчужин и уголкового вдавления в бийкенских курганах не известно. Отсутствует такая керамика и на поселениях в Горном Алтае. Исключениями являются развал сосуда с поселения Чепош-2 (рис. 37. – 1) (Шульга, 1996а), а также немногочисленные фрагменты из поселений Узнезя-1, Малый Дуган и Денисовой пещеры (Степанова, 1998; Деревянко, Молодин, 1994, рис. 48, 4). Однако, почти все эти фрагменты имеют орнаментацию по венчику, что характерно для более раннего ближнеелбанского этапа переходной большереченской культуры. Правомерность выделения первой группы неорнаментированной керамики по опубликованным материалам из Кызык-Телани-1 проверить не удаётся. Возможно, это местная особенность, поскольку на других могильниках сосуды, как правило, имели орнаментацию. Не исключено, что часть этой керамики попала в (на) насыпи курганов позднее. Итак, согласно описанию, в Кызык-Телани-1 зафиксированы строчки вдавления и жемчужин, а также жемчужины, чередующихся с ямочными и уголковыми вдавлениями. Керамика с валиками, строчками только уголкового вдавления или жемчужник с разделителем в виде нескольких наклонных линий не упоминается.

Значительное количество керамики было найдено на могильнике Тыткескень-6, расположенном на левом берегу Катуня напротив с. Еланда, примерно в 7 км к СЗ от устья р. Бийке (правый приток Катуня). В насыпи кургана 85 обнаружены фрагменты баночных сосудов, орнаментированных «ямками», «жемчужником», «вдавлениями палочкой», вдавлениями трубочкой», «угловыми вдавлениями» и «валиком с рассечением» (рис. 7) (Кирюшин, Тишкин, Матрёнин, 2011, с. 102). Из них опубликовано пять баночных сосудов, три из которых украшены строчкой округлых вдавления, один – строчкой вдавления с разделителем, и

¹ Далее следует ссылка на статью М.Т. Абдулганеева и монографию Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовского.

один - строчкой жемчужин с разделителем. В примыкавшей с севера выкладке №85а было обнаружено более 165 фрагментов керамики без орнамента.

В Тюмечине-2 и Сальдьяре-2 сосуды предположительно имели чашевидную форму. По венчику они орнаментировались строчкой округлых вдавлений. Такой же орнамент имеется на баночном сосуде из Партизанской Катушки (рис. 56), но этот фрагмент мог попасть в верхнюю часть заполнения ограбленного ящика позже во время функционирования поселения, расположенного в непосредственной близости.

В насыпи кургана 1 из Семисарта-1 найдены венчики от 3-4-х сосудов, орнаментированных жемчужником (рис. 6. – 2-5) (Марсадалов, 2001). Один сосуд с сильно отогнутым венчиком мог быть горшкообразным. Наиболее крупный фрагмент, видимо, происходит от чаши. Два других фрагмента могли происходить как от чаш, так и от банок (рис. 6. – 3, 5). Находки из культового места («поселения») в раскопе 2 у могильника Семисарт-1 (рис. 6. – 6-29), на наш взгляд разновременные, что вполне естественно на площадке в устье лога, удобной для стоянок скотоводов. Не случайно, фрагменты из этого раскопа площадью 30 кв. м отличаются особым разнообразием. Почти все они мелкие, дроблёные за время длительного нахождения на поверхности. Мощность надматерикового гумусированного слоя составляла там всего около 30 см, а культурного слоя – 5-10 см (Марсадалов, 2001, с. 19). Вероятно, на поселении в раскопе 2 есть прослойка раннескифского времени (на VII-V вв. до н. э. указывает втульчатый пулевидный наконечник), но вычленив среди находок раннескифскую керамику по внешнему облику пока невозможно¹. Там же в раскопе 2 имеется типично средневековый венчик с расширением в верхней части, орнаментированной вдавлениями (рис. 6. – 21). Подобные встречаются на поселениях Горного Алтая в средневековых слоях. Поздними выглядят ещё два венчика и реконструированный сосуд, не имеющий аналогий и среди чаш раннего железного века, у которых венчик не отгибался наружу (рис. 6. – 17, 20, 29).

Подчеркнём, почти вся керамика из курганов бийкенской культуры VII – начала VI в. до н. э. не несёт никаких следов орнаментации эпохи поздней бронзы, и внешне не отличается от известной в Горном Алтае поселенческой керамики раннего железного века. Исключением является лишь курган 2 в Кор-Кобы-1, в насыпи которого обнаружены фрагменты сосуда с орнаментацией, характерной для ирменской культуры и переходного времени (рис. 7. – 10-12, 14). Интересно, что по чумбурному блоку (рис. 7. – 13) данный курган уверенно относится к завершающему этапу раннескифской культуры, т. е. ко второй половине VII – началу VI в. до н. э. (Шульга, 2008а, с. 86). В связи с этим, особый интерес представляет керамический комплекс из поминальника кургана 8 в Чесноково-1. Профилировка двух сосудов и орнамент на одном из них характерны для эпохи бронзы (рис. 8. – 5, 6). Третий крупный баночный сосуд украшен строчкой редких жемчужин и местами заметными двумя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 8. – 3), что по аналогиям с керамикой из Казахстана считается ранним признаком. В захоронении кургана 8 датирующих вещей не обнаружено, но по специфическому погребальному обряду он однозначно относится к группе расположенных рядом раннескифских курганов, датируемых примерно первой половиной VI в. до н. э. (Шульга, 1998в; 2008а, рис. 40, 40а). Орнаментированный жемчужником фрагмент найден и в поминальнике кургана 4а могильника Чесноково-1 (рис. 8. – 8). Итак, в Кор-Кобы-1 и Чесноково-1 в распо-

¹ Пулевидные наконечники в основном характерны для VII-VI вв. до н. э., но в Горном Алтае иногда встречаются и в V в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 92-96).

ложенных над умершим поминальниках помещалась посуда, характерная для эпохи поздней бронзы и переходного времени на Верхней Оби¹. Сосудов типа двух найденных в Чесноково-1 (рис. 8. – 5, 6) в Горном Алтае автору не известно. Очевидно, традиция изготовления посуды таких форм и орнаментации ещё существовала на Верхней Оби в VII в. до н. э. (см. Папин, Шамшин, 2005; Членова, 1994; и др.), откуда она иногда привносилась в Горный Алтай в результате переселения групп или отдельных людей. Фрагмент керамики с гладким валиком под венчиком из Партизанской Катуски (рис. 7. – 4) также не характерен для Горного Алтая, и имеет аналогии в керамике донгальского типа в Казахстане (Ломан, 1987, рис. 2. – 1, 2; Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 26. – 1, 2 и др.).

В связи с этим, обратим внимание на мнение В.В. Боброва о возможном участии ирменцев «верхнеобского бассейна» в формировании раннескифской (бийкенской – *П. Ш.*) культуры в Горном Алтае, и сосуществовании с ней какое-то время (Бобров, 1999, с. 22-23). Судя по керамике из поселений Горного Алтая и бийкенских курганов, собственно ирменцы в глубине гор не проживали, хотя отдельные их представители могли включаться в состав местного населения (керамика из курганов Кор-Кобы-1 и Чесноково-1).

Проникновение населения с равнины прослеживается и по орнаментации скифского облика на двух сосудах, достоверно соотносящихся с погребениями в каменных ящиках бийкенских курганов (рис. 5. – 2; 7. – 2). Наиболее показателен сосуд из Бийке-3, украшенный жемчужинами, разделёнными 3-4-мя линиями (рис. 5. – 2). Такой орнамент получает широкое распространение в ирменской и переходной керамике, но там он всегда является лишь элементом сложной композиции (Папин, Шамшин, 2005). В это же время жемчужник с разделителем иногда встречается и в Казахстане (Ломан, 1987, рис. 8. – 4; Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 76. – 1, с. 239). Параллельно в эпоху поздней бронзы как элемент существовал орнамент в виде чередующихся жемчужин и ямок, отмеченный у сосуда из Усть-Куюма (рис. 7. – 2). В VI–V вв. до н. э. разнообразные сетки, ёлочки, горизонтальные линии и геометрические фигуры на прилегающей к Горному Алтаю равнине почти полностью исчезают, и нанесённый в одну строчку жемчужник с разделителем становится основным видом орнамента наряду с расположенными также в одну строчку вдавлениями или жемчужником (см.: Абдулганеев, Владимиров, 1997)². Маловероятно, чтобы сосуд из Бийке был предметом импорта, а потому можно полагать, что его изготовил человек, переселившийся на Катунь с прилегающей равнины. Орнаментация сосуда из Усть-Куюма представляет собой смесь кастахтинского орнамента и предгорного. Влияние последнего выражается в замене средней строчки округлых вдавлений чередованием жемчужника с округлыми вдавлениями. В горах такой орнамент встречается редко, за исключением керамики элекмонарского типа, где чередование имеется, но разделитель всегда в виде уголка лопатки. Как видим, орнаментация обоих сосудов указывает на прямое проникновение или опосредованное влияние традиций с приле-

¹ На сосудах эпохи бронзы из Горного Алтая иногда встречается орнаментация в виде сетки, ёлочки и жемчужин (см. Кирюшин, Тишкин, Степанова, Кунгурова, 1995; Молодин, Ефремова, 2010, рис. 60; и др.), но лишь на двух фрагментах из Кара-Тенеша и Узнези-1 под венчиком имеется орнамент из сетки и ряда жемчужин, похожий на обнаруженный в Кор-Кобы-2 (рис. 7 – 10-12, 14) (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, с. 57, рис. 12. – 11; Степанова, 1998).

² По данным ряда исследователей, в Центральном и Северном Казахстане предельное упрощение орнаментации до строчки редко посаженных вдавлений или жемчужин произошло уже в VII в. до н. э. На этом основании была выделена «ямочно-жемчужная» керамика кеноткельского типа (см. Хабдулина, 1994; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238).

гающей равнины. В Кызык-Телани-1 и Тыткескене-6 также зафиксирован орнамент из жемчужин, чередующихся с ямочными и уголковыми вдавлениями. При этом необходимо подчеркнуть, что Бийке, Тыткескень-6, Усть-Куюм, Кор-Кобы и Кызык-Телань-1 находятся на близком к равнине участке Катуня. Известная там поселенческая керамика элекмонарского типа (рис. 42. – 1; 59. – 13, 26, 27; 63. – 9; и др.) и погребальный обряд VI–III вв. до н. э. сильно отличаются от характерных для пазырыкской культуры Центрального Алтая. В целом, керамика, орнаментированная жемчужником с разделителем, однозначно указывает на традиционные связи населения этого участка Катуня с предгорьями и равниной.

Из всего вышеуказанного следует несколько выводов. 1. Судя по керамике из насыпей курганов и поселений, формы сосудов и основные типы орнаментации поселенческой керамики в Горном Алтае имелись уже у бийкенцев в VII в. до н. э. и продолжали существовать без особых изменений почти до рубежа эр. Этот комплекс полностью наследуется носителями последующей пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.), что хорошо прослеживается на поселениях с керамикой туэктинского (рис. 77), кастахтинского (рис. 96а) и смешанного (элекмонарского) типов. В бийкенских курганах пока не встречено характерной для элекмонарцев валиковой керамики со строчкой жемчужин, разделённых уголковыми вдавлениями (рис. 63. – 9), а также раннетуэктинской валиковой керамики (рис. 77. – 11–13). 2. Местной основы для появления раннескифского керамического комплекса в Горном Алтае не было. Простейшие орнаменты (строчка жемчужника или округлых вдавлений), вероятно, были привнесены из Казахстана, предположительно, в VIII–VII вв. до н. э. С юго-запада, по видимому, происходит и валиковая керамика, но почему в бийкенских курганах нет ранних форм, пока не ясно. 3. Часть поселений в Горном Алтае имеют слои VIII–VII вв. до н. э., оставленные бийкенцами и пришлым населением, но они пока не вычлениваются из общей массы керамики раннего железного века. 4. Абстрагируясь от периодически меняющегося погребального обряда, можно сказать, что после долгого запустения эпохи бронзы, в VIII–VII вв. до н. э. в Горном Алтае резко увеличивается скотоводческое население, проживавшее в тех же местах почти до рубежа эр.

Керамика в майэмирских курганах фиксируется крайне редко. Показательно, что на самом крупном могильнике Гилёво-10 площадью около 110х60 кв. м, где было вскрыто 31 захоронение раннескифского времени, скопления керамики и орнаментированные фрагменты отсутствовали, в том числе и на размытой части могильника. Помимо находок из Чесноково-1 (рис. 8) автору известен лишь один орнаментированный гладким штампом фрагмент из заполнения могилы в Машенке-1 (рис. 8. – 11).

С приходом населения из Казахстана можно связать часть валиковой керамики из поселения Куротинский Лог-1, расположенного у с. Туэкта Онгудайского района Республики Алтай (рис. 77. – 11–13) (Шульга, 1997). На некоторых фрагментах в Куротинском Логу-1 строчка орнамента располагается под валиком, а сами валики расположены близко к краю венчика и, иногда, несколько свисают (77. – 2, 3, 11–13). Аналогии известны только в керамике эпохи поздней бронзы (в том числе донгальской) из Казахстана и примыкающей части Алтайского края. Подобная керамика обнаружена на поселении Горелый Кордон (юг Кулунды, у границы с Казахстаном), который исследователи относят к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 101. – 4–7) (Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238). Подобные фрагменты найдены по одному на Катуня в насыпи бийкенского кургана Партизанская Катушка,

на поселениях Хемчик-2 и Тыткескень-6 (рис. 7. – 4; 64. – 15; 72. – 30). К какой культурной группе Горного Алтая относится эта валиковая керамика, пока не ясно. Предварительно её можно датировать в рамках VIII–VII в. до н. э.

4.1.2. Керамика Горного Алтая в среднескифское время из поселений и захоронений

Различие между поселенческой и погребальной керамикой характерно для многих культур, в том числе для Алтая и Верхнего Приобья. Так, в ареале каменной культуры V–III вв. до н. э. от Иртыша до широты г. Новосибирска керамика из поселений по форме и орнаментации совершенно иная, нежели в погребениях. Для захоронений этой культуры характерно большое количество небольших, кувшиновидных сосудов, часто с округлым днищем и с орнаментацией, имитирующей швы на кожаных сосудах. Большая часть погребальных кувшинчиков не имеет орнамента или украшены «ёлочкой» (см. Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Шульга, 2003а, Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Шульга, Уманский, Могильников, 2009). На поселениях же Верхней Оби этого времени (V–III вв. до н. э.) повсеместно встречаются баночные и горшковидные сосуды, орнаментированные жемчужником или жемчужником, чередующимся с округлыми или подтреугольными вдавлениями (см. Троицкая, Бородовский, 1994; Абдулганеев, Владимиров, 1997; и др.). Керамика таких форм и орнаментации иногда встречается и в захоронениях (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXII и др.; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 33, и др.), но большая часть из них являются уменьшенными копиями без следов использования. Настоящие, применявшиеся в быту баночные и горшковидные сосуды более крупных размеров иногда находят в насыпях курганов. В быстрианских предгорных погребениях кувшиновидные сосуды составляют абсолютное большинство (Завитухина, 1961, 1962, 1966; Могильников, Уманский, 1981; и др.), тогда как на поселениях встречаются банки, горшки и чаши. Наиболее хорошо различия удалось зафиксировать в предгорьях у с. Майма на быстрианских и пазырыкских могильниках, где в погребениях находились кувшины, а в насыпях на местах тризн – банки, горшки и чаши (рис. 14; 15).

Аналогичная ситуация и в пазырыкской культуре Горного Алтая. В Горном Алтае в погребениях, как правило, находятся только кувшины, а на поселениях представлены банки, горшки и чаши (рис. 102; 104). Почти полное отсутствие кувшинов и кринков на поселениях Горного Алтая нельзя объяснить малой степенью изученности поселений, ведь при распашке многих поселений в северной и центральной частях Алтая на больших площадях фрагменты от кувшинов также почти не встречается. Высказывалось мнение, что кувшины использовались при перекочевках, отчего их и не находят на поселениях. Неправомерность этого предположения была очевидна изначально. Так, С.И. Руденко писал о невозможности перевозок «огромных и тяжелых» глиняных кувшинов из курганов знати, а также «тонкостенных небольших кувшинов» из малых курганов (Руденко, 1960, с. 201). Наличие кувшинов в погребениях объясняется тем, что они имели сакральное значение. Обычай ставить умершему кувшины и кринки, а на тризне использовать традиционную кухонную посуду, хорошо прослеживается на примере Больших курганов пазырыкской культуры. В насыпях Башадара-1, 2 и в Туэкте-2 находились горшковидные сосуды, а в погребениях – кувшины. Несоответствие форм керамической посуды, найденной в каменных насыпях (банки, горшки) и в погребениях (кувшины, кринки) этих же курганов, зафиксировано и в рядовых захоронениях повсеме-

стно: на юго-востоке Горного Алтая (Кубарев, 1987, с. 48; и др.), на Катуня (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 42-43), на Чуе (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 42, 44) и в других местах.

Керамика из захоронений пазырыкской культуры

Характерной чертой погребального обряда пазырыкской культуры является помещение в захоронение керамических и деревянных сосудов. В наиболее ранних погребениях керамические сосуды часто не ставились, в чём просматривается сохранение раннескифской традиции. В мерзлотных Больших пазырыкских курганах найдены кожаные сосуды, но в рядовых захоронениях (в том числе мерзлотных) они, как правило, не встречаются. В Пазырыке и на юго-востоке Горного Алтая известны роговые сосуды (Пазырык-2, 5; Юстыд-13, к. 5; Ак-Алаха-3, к.1; Верх-Кальджин-2, к. 1, 3) (см.: Бородовский, 2000). В «классических» пазырыкских погребениях (в срубках с восточной ориентацией умерших) керамические сосуды, как правило, находятся в северной хозяйственной половине напротив голов умерших или ближе к центру рядом с блюдом, жертвенной пищей и ножами. Число керамических сосудов (как и ножей) обычно соответствует количеству умерших (Кубарев, 1991, с. 59; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 24).

Изначальный состав помещавшейся в захоронение посуды существенно отличался от фиксируемого археологами в большинстве курганов. Раскопки мерзлотных курганов позволяют говорить о помещении с каждым умершим определённого набора разнотипной посуды из разных материалов (Кубарев, Шульга, 2007, с. 58-63). Полные наборы включали деревянное блюдо с заупокойной пищей, и «триаду» из круглодонной деревянной кружки или ковша, керамического и рогового сосудов (Ак-Алаха-1, к. 1) (Полосьмак, 1994, с. 25; Молодин, 2000, с. 93). Иногда в захоронение помещался дополнительный керамический сосуд и блюдо (Ак-Алаха-3, к. 1; Верх-Кальджин-2, к. 3) (Полосьмак, 2001, табл. VI; Молодин, 2000, рис. 108). В Уландрыке-1 (к. 2) вместо рогового сосуда находился берестяной (Кубарев, 1987, табл. VI). В Юстыде-13 (к. 5) в наборе отсутствовал керамический сосуд (Кубарев, 1991, табл. LXI). Судя по материалам из Юго-Восточной провинции Горного Алтая, существовал и уменьшенный набор из керамического сосуда, деревянной кружки или ковша и деревянного блюда. Очевидно, блюда и сосуды из органических материалов были и в захоронениях без мерзлоты, но не сохранились. На существование данной традиции и на северо-западной окраине ареала пазырыкской культуры указывает обнаружение в Сентелеке керамических имитаций роговых сосудов (рис. 105. – 10) (Гельмел, Дёмин и др., 1996, рис. 1; Шульга, 1997, с. 75). Вполне вероятно, что многие керамические кувшины и кринки с имитациями швов на Алтае (рис. 14. – в, г), копировали не кожаные (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 60-62), а роговые сосуды. Это, отчасти, подтверждается исследованиями А.П. Бородовского (Бородовский, 2000, с. 157). Небезынтересно отметить, что обычаем помещать с умершим наборы разнотипных керамических сосудов, в том числе из различных материалов, существовал в Горном Алтае уже в афанасьевское время. Так, в кургане 1 могильника Бертек-33 с одним умершим находился набор из керамического, деревянного и берестяного сосудов (Савинов, 1994, с. 48). Наличие берестяных (деревянных) сосудов предполагается и в некоторых других афанасьевских захоронениях (Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 25; Шульга, 2006, с. 69). Вероятно, за обычаем намеренно помещать с одним умершим определённый набор сосудов в афанасьевской и пазырыкской культурах стояли близкие религиозные представления.

Традиционно считается, что посуда из пазырыкских погребений использовалась в быту. Однако, по мнению автора это верно лишь относительно деревянных кружек (ковшей) и блюд (блюд-столиков), а также керамики баночной и горшковидной форм из насыпей курганов. Составляющие большинство в захоронениях кувшиновидные и кринковидные керамические сосуды являлись сакральными (рис. 14. – б-д; 21. – 14). По всей видимости, они изготавливались только для совершения обрядов, в том числе погребального. Одним из основных аргументов в пользу такого заключения является практически полное отсутствие кувшинов и кринок на поселениях раннего железного века в Горном Алтае. На поселениях представлены банки, чаши (миски) и горшки. Именно эту керамику, непохожую на погребальную, находят в насыпях курганов (рис. 5-8; 14; 15; 21) (Руденко, 1960; Кубарев, 1987, с. 48; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 42; Каммарт и др., 1998). Принципиальные различия поселенческой и погребальной керамики характерны для многих культур эпохи бронзы и скифского времени, в том числе и на равнине Алтая (Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 46-61; Троицкая, Бородавский, 1994, с. 39; Могильников, 1997, с. 30; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.).

Керамика из пазырыкских погребений рассматривалась неоднократно (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Суразаков, 1989; Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 90-103; Кирюшин, Степанова, 2004). Наиболее последовательно этой темой занималась Н.Ф. Степанова (Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, 2004). На основе используемой в этнографической и археологической литературе терминологии, она выделила для Горного Алтая следующие виды сосудов: горшки, горшкообразные, кринки, кринкообразные, корчаги, банки, кувшины, кувшиновидные, чайникообразные, кружки (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 24–33). Однако, нужно учитывать, что общепринятых стандартных параметров того или иного вида посуды в раннем железном веке не существовало. Сосуды изготавливались вручную, зачастую, в разном этнокультурном окружении и разными по квалификации мастерами, в меру своих возможностей воспроизводивших образ кувшина, кринки, банки, чаши или горшка. Поэтому все сосуды между собой различаются, и имеется большое количество изделий промежуточных форм (см. Кубарев, 1991, с. 55; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 27). Помимо этого, на наш взгляд, существенное влияние на особенности сосудов оказывала традиция разделения посуды на ритуальную, предназначенную для помещения в погребальные камеры, и на бытовую (поселенческую), иногда встречающуюся в насыпях курганов¹. Наиболее ярко действие этой традиции видно при сравнении керамики из поселений и собственно пазырыкских захоронений с лошадьми. В погребения ставили преимущественно кувшиновидные и кринкообразные сосуды, а на поселениях они практически не встречаются, и наоборот, наиболее распространённые на поселениях банки, чаши и горшки в захоронения не ставились, за единичными исключениями. Именно банки и горшки встречаются в насыпях курганов на местах тризн (рис. 5-8; 14; 15; 21)². В северной части ареала пазырыкской культуры на Средней Катуні собственно пазырыкских погребений сравнительно немного, и погребальная керамика несколько иная. Там с умершим также не ставили чаши и банки, но в могилах имеется большое количество кринок и горшкообразных, в том числе с

¹ Н.Ф. Степанова это обстоятельство не учитывает. Она разделяет всю посуду на столовую (кувшины, кувшиновидные, чайникообразные, кружки) и кухонную (все остальные из вышеперечисленных). По этой причине взаимозаменяемые в погребениях кринки и кувшины оказались у неё в разных классах (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 28).

² Повсеместно распространённые на поселениях чаши в местах тризн встречаются редко.

ушками (рис. 102) (Кирюшин, Степанова, 2004). Последние встречаются на многих поселениях в этой местности (рис. 36. – 1–4; 50. – 9, 10). Как видим, на Средней Катуне не было столь жёсткого разграничения посуды на бытовую и ритуальную. Между тем, сам по себе факт изготовления сосуда (пусть и горшковидного) специально для похорон, вероятно, приводил к отклонению от нормы (сказывался на форме, составе теста или обжиге), как это фиксируется в погребаемом оружии, конском снаряжении и украшениях. К сожалению, такого рода исследования на керамике не проводились.

К горшкам (11 экз.)¹ Н.Ф. Степановой отнесены приземистые сосуды с невысокой профилированной шейкой, у которых диаметр венчика примерно равен высоте сосуда и несколько меньше диаметра тулова (рис. 102). К ним близки горшкообразные (10 экз.), отличающиеся более вытянутыми пропорциями (рис. 102). К кринкам (29 экз.) и кринкообразным (42 экз.) отнесены вариации высоких сосудов с высокой шейкой и отогнутым венчиком (рис. 102). Некоторые из них близки по форме кувшинам, и, зачастую, так и называются в археологической литературе. Основной особенностью кринок является сравнительно небольшая разница у них между диаметром шейки и тулова, и относительно большой диаметр днища. Кувшины (169 экз.) отличаются большим диаметром тулова по отношению к венчику и тулову (рис. 102). Классические кувшины из элитных погребений могли достигать высотой до полуметра, при малом диаметре днища были не устойчивы, а потому ставились в специальные кольца. Например, кувшин из элитного погребения в Боротале-1 имел высоту 55 см, диаметр дна – 9,5 см, венчика – 12 см (рис. 102. – 1) (Кубарев, Шульга, 2007, с. 181). Обеспечивавшие устойчивость поддоны зафиксированы только дважды (рис. 21. – 14). В целом, формы и размеры кувшинов сильно варьировали (рис. 102). Кувшиновидные сосуды (37 экз.) очень близки кринкам, но выделены в отдельную группу (рис. 102). Чайникообразных сосудов со сливами зафиксировано в погребениях пять экземпляров в разных районах Горного Алтая (рис. 102. – 25) (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 32, 37), кружек с ручками – четыре экземпляра (рис. 102. – 27) (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 32, 37), хотя в реальной жизни деревянные кружки (как и блюда) широко использовались. Корчагами называются крупные сосуды с раздутым туловом и относительно узкой горловиной. Таковых в погребениях учтено три (рис. 102. – 26). Баночные сосуды также встречены лишь дважды (2 экз.) и только на Средней Катуне (рис. 102. – 23, 24). Всего, по подсчётам Н.Ф. Степановой в погребениях пазырыкской культуры кувшины и кувшиновидные сосуды «составляют около 80 %. Для Средней Катунь отмечено преобладание кринкообразных изделий, а кувшины по численности занимают второе место. Здесь велика доля горшков и горшкообразных сосудов, которые в совокупности составляют 18 %, в то время как в Горном Алтае – менее 2 %. Картографирование позволило выявить следующую закономерность: для разных районов характерны разные типы глиняной посуды». При этом была отмечена специфика керамики на Средней Катуне: «Кувшины на Средней Катуне и в других районах Горного Алтая составляют соответственно 24 и 68 %, кринкообразные сосуды – 30 и 6 %, горшки и горшкообразные – 18 и 1,4 %» (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 33).

Следует отметить необычную керамику из курганов могильников Балык-Соок-1, 2. В переходных захоронениях первой половины VI в. до н. э. были найдены сосуд с сильно разду-

¹ В этом разделе приводится количество экземпляров из общего количества (313 экз.), учтённых Н.Ф. Степановой по Горному Алтаю.

тым туловом и валиком и бочёнковидный сосуд (рис. 21. – 21, 22) (Кубарев. Шульга, 2007, с. 60–61, рис. 11; 12). Сосуд с валиком явно инокультурный, видимо, указывающий на западные связи. Бочёнковидные сосуды довольно редки, но встречаются на обширной территории, в том числе, один известен в Горном Алтае в более позднем захоронении булан-кобинской культуры (рис. 103. – 21). До недавнего времени в Южной Сибири их датировали не ранее IV–III вв. до н. э., но находки в кургане 27могильника Балык-Соок-1, датируемого примерно серединой VI в. до н. э., значительно удревели их. Бочонковидный сосуд из Балык-Сока-1 (к. 27) представлял собой хорошо заглаженный чуть уплощённый бочонок с горловиной по центру (рис. 21. – 22). Следов краски не отмечено, а обширные тёмные пятна, по всей видимости, результат неравномерного обжига. Длина сосуда 32,5 см, максимальный диаметр по центру 21–21,5 см, диаметр в торцах около 13 см, по венчику – 10,5 см. Изготовлен из двух совмещённых половин, из которых одна фактически представляла собой нижнюю часть заготовки сосуда с плоским тонким днищем. У второй половины «днище» также плоское, но заovalено по краям, что у сосудов встречается редко. После совмещения половин, по центру была помещена короткая расширяющаяся (как у кувшинчиков) горловина высотой около 4,5 см. Нижняя стенка сосуда не уплощена, поэтому для сохранения устойчивости на ровной поверхности под него, очевидно, подкладывали валики соответствующей конфигурации. Толщина стенок сосуда составляла около 7–9 мм. В археологических памятниках Горного Алтая похожий сосуд находили лишь однажды, и в более позднем погребении хуннского времени (рис. 103. – 21). На Верхней Оби их значительно больше. Аналогичные или близкие сосуды происходят из захоронений каменской культуры, где автору известно девять экземпляров. Территория распространения этих сосудов совпадает с ареалом каменской культуры от могильника Леонтьевка на Иртыше до Быстровки в Новосибирском Приобье. Большинство сосудов (семь) обнаружено в северной части (Быстровка-1, Раздумье-4, Зайцево-1, Камень-2, Масляха-1, Фирсово-11) (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 47; Могильников, 1997, с. 34; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2. – 11), но считать этот район местом особой концентрации бочонковидных сосудов было бы преждевременно, поскольку в южной части захоронений исследовано в несколько раз меньше. На территории Алтайского края за пределами каменской культуры один крупный бочонковидный сосуд найден в северных предгорьях в ареале быстрианской культуры (раскопки М.Т. Абдулганеева). Некоторые исследователи полагали, что этот, достаточно редкий тип сосудов, заимствован из территории к востоку, где они найдены в большом числе в погребениях раннеташтыкской эпохи Хакасии и гунно-сарматских курганах Тувы (Кызласов, 1960, табл. 4, 72; Вадецкая, 1999, рис. 22. – 15, табл. 51; Вайнштейн, 1970, рис. 80. – 9; 82. – 2; Дьяконова, 1970, табл. VII). В.А. Могильников подверг сомнению такую связь, поскольку тувинские и минусинские бочонковидные сосуды датируются более поздним временем (II в. до н. э. – II в. н. э.), чем керамические сосуды подобной формы из Верхнего Приобья (Могильников, 1997, с. 34 – 35). К тому же, хакасские и тувинские сосуды выполнены в основном из дерева. Они имеют в средней части отверстия с трубчатой пробкой, а по бокам утолщения в виде двух ободков. Последняя деталь интерпретируется некоторыми археологами как имитация толстых швов, а сами бочонки – как модель кожаных бурдюков, подобных ташаурам современных алтайцев (см.: Уманский, 1987, с. 37; Могильников, 1997, с. 35). Думается, такие утолщенные ободки были функционально оправданны и необходимы для более удобного слива из бочонка жидкости (вода, кумыс, молочная водка и др.). Они, несомненно, присутствовали и на настоящих, большего объема, бочонках,

использовавшихся древними кочевниками в быту. Об этом свидетельствует сохранение ободков в конструкции деревянных бочонков, традиционных для хакасов и тувинцев (Вайнштейн, 1991, рис. 60. – 2-4). А.П. Уманский отмечал близость каменных бочонков таштыкским керамическим сосудам подобного типа и бочонковидным флягам джетысарской культуры Средней Азии (Уманский, 1987, с. 36 – 37, рис. 1. – 1), но джетысарские сосуды существенно отличаются по форме и являются флягами. Время их появления определяется Л. И. Левиной концом хронологического периода Ia, т. е. примерно IV-III вв. до н. э. (Степная полоса ..., 1992, с. 62, 67; Левина, 1996, с. 190). Следует отметить обнаружение бочонковидного сосуда в бассейне р. Или в Синьцзяне (Шульга, 2010а, рис. 58. – 16), но далее на восток подобной керамики автору не известно. Материалы из Балык-Соока-1 однозначно указывают на существование бочонковидных сосудов на Алтае уже в первой половине VI в. до н. э., т. е. в промежутке между раннескифскими и раннепазырыкскими комплексами. Было бы неверно сделать из этого заключение о появлении бочонковидных сосудов в Горном Алтае. Курганы 21 и 27 из Балык-Соока-1 здесь, несомненно, инокультурные, и более близки некоторым раннескифским с левобережья Оби. Соответственно, можно полагать, что бочонковидные сосуды появляются на левобережье Верхней Оби не позже первой половины VI в. до н. э., а потом бытуют в каменной культуре.

Следует упомянуть керамику, найденную в отвале у раскопанной центральной части элитного кургана 5 могильника Балык-Соок-2 (Кубарев, Шульга, 2007, с. 165–166). При разборе отвала В.Д. Кубаревым обнаружено значительное количество керамики и роговая седельная подвеска, указывающая на проникновение грабителей (?) до погребения лошади в могиле. Почти все находки представлены фрагментами керамики от четырёх сосудов. Наибольшее количество фрагментов (71 экз.) относятся к сосуду №1 с каннелюрами (рис. 21. – 19). Керамика однородного серого цвета на изломе хорошего обжига, чрезвычайно прочная «со звоном» типа шифера. Тесто однородное без крупных фракций. Места сломов прямые. Этим сосуд принципиально отличается от большинства находимых в пазырыкских погребениях сосудов, которые во влажной среде, как правило, крошатся и расслаиваются на фрагменты с рваными и осыпающимися краями. Реконструируемая высота сосуда около 35–40 см, диаметр тулова – 30–35 см, дна – 15 см. Сосуд имеет гладкую поверхность, от дна до горловины украшен горизонтальными желобками шириной около 1,5 см. Толщина дна составляет 8–10 мм, толщина стенок – от 7–8 мм (внизу), до 4–5 мм (у горловины). Фрагменты венчика отсутствуют, но по конфигурации горловины и желобков можно сказать, что рядом с узкой горловиной сосуда, очевидно, имелся носик-слив. Сосуд, возможно, изготовлен на гончарном круге. Горизонтальные желобки выполнены очень тщательно и везде параллельны между собой, чего обычно не бывает при ручной лепке.

Сосуд полностью не реконструируется, но сохранились крупные фрагменты плоского днища диаметром 15 см (толщина 0,9 см), тулова и верхней части с остатками обломанной горловины. Вероятно, он представлял собой корчагу с короткой горловиной или нестандартный кувшин со сливом и сильно раздутым туловом. Аналогий этому сосуду на Алтае и Верхней Оби нет ни в погребениях, ни на поселениях. Похожий способ оформления стенок сосудов (только на плечиках) отмечен в верховьях Чуи (Кубарев, 1987, рис. 15; 1992, рис. 14). Украшенные «реберчатым орнаментом» сосуды имеются в Туве. Вл. А. Семёнов пишет: «Этот орнамент создаётся за счёт разной ширины горизонтально опоясывающих сосудов валиков, которые заглаживаются лощилом, после чего валик имеет приострѐнное или заovalен-

ное ребро. После того, как сосуд покрывается ангобом и приобретает ровную поверхность, создаётся впечатление, что рёбра составляют единое целое со стенками – эффект, который можно было бы получить только на круговой керамике, тогда как вся керамика этого времени в Туве лепилась вручную» (Семёнов, 2003, с. 48). В отличие от указанной керамики, рёбра у сосуда из Балык-Соока-2 (к. 5) не наклепные, а формованные и у горловины, по-видимому, имелся носик-слив. Можно предположить, что этот сосуд импортный. Остальные сосуды из Балык-Соока-2 ручной лепки, из них к поселенческой керамике могут быть отнесены фрагменты баночного сосуда №2 с толстыми стенками (около 13 мм) и прямым заovalенным венчиком (рис. 21. – 20).

Особый интерес представляет керамика из погребений хуннского времени в долине р. Эдиган на Средней Катуни из могильника Усть-Эдиган (по: Худяков, 1998). Ю.С. Худяков относит данные погребения к булан-кобинской культуре, и, по-видимому, датирует их в рамках II в. до н. э. – I в. н. э. В 90-х годах XX в. на могильнике Усть-Эдиган им было исследовано 74 погребения хуннского времени, в которых обнаружено 30 керамических сосудов (опубликовано 21 сосуд). Все сосуды лепные, за исключением двух ваз хуннского облика, изготовленных на гончарном круге (рис. 103. – 16, 17). С небольшой корректировкой типологии Ю.С. Худякова, сосуды подразделяются на банки закрытого и открытого типов (рис. 103. – 1–12; примерно 13 экз.), горшки (рис. 103. – 13–15; примерно 9 экз.), «вазы» (рис. 103. – 16, 17; 3 экз.); кубки (рис. 103. – 18, 19; 2 экз.). По одному найдены – бочонок (рис. 103. – 21) и бомбовидный сосуд (рис. 103. – 20). Ю.С. Худяков во время написания статьи, видимо, ещё не был знаком с уже публиковавшимися поселенческими материалами раннего железного века из Горного Алтая, а потому посчитал баночные сосуды привнесёнными извне, как и «вазы» хуннского облика, аналогии которым были обнаружены В.Д. Кубаревым в Кош-Агачском районе (Худяков, 1998, с. 207; Кубарев, Журавлёва, 1986). Между тем, почти все формы сосудов из Усть-Улагана существовали в Горном Алтае в пазырыкское время и даже раньше, в том числе, баночные и горшкообразные (см. рис. 104; и др.). В среднескифское (пазырыкское) время на Алтае также были известны сосуды на поддоне (рис. 21. – 14) и бочёнковидные сосуды (рис. 21. – 22). Фактически, новой формой в Усть-Эдигане являются изготовленные на круге «вазы». Наибольшее сходство имеют пазырыкские и усть-эдиганские баночные сосуды с характерными профилями венчиков, орнаментированные чистым жемчужником или жемчужником, чередующимся с овальными или подтреугольными вдавлениями (рис. 103. – 2, 3, 5–8, 10–13). На наш взгляд, проживавшие на Средней Катуни носители булан-кобинской культуры сохранили с пазырыкского времени как местную традицию помещения в захоронения посуды бытовых форм (банки, горшки), так и сами эти формы. В целом, же, *баночные сосуды с простейшей орнаментацией (округлые и угловатые вдавления, жемчужник и их чередование) сохранялись в быту населения Горного Алтая, по меньшей мере, с VII в. до н. э. по рубеж эр* (см. рис. 104).

Керамика из поселений раннего железного века

Керамические сосуды раннего железного века изготавливались ленточным способом. Сосуды малых размеров выдавливались из цельного куска глины. В качестве отошителя применялся песок (часто со слюдой), дресва и мелкий гравий. Керамика красного и темно-коричневого цвета, обычно хорошего обжига, за исключением чаш, которые иногда почти не обжигали. Внутренняя поверхность многих горшков и банок имеет следы нагара. Все сосуды

плоскодонные. Как правило, сосуды орнаментировались. Исключение составляет поселение Текпенек-Боочи-3, где высокий процент неорнаментированных сосудов (рис. 82). Эта особенность керамики башадарских поселений подтверждается находками в насыпи расположенного неподалеку кургана Башадар-2, где из 18 сосудов орнаментированы только пять (рис. 83).

Орнаментальные мотивы

Поселенческая керамика раннего железного века в Горном Алтае орнаментировалась скупо, как и во многих других культурах этого времени. На «скотоводческих» поселениях орнамент наносился, как правило, в 3-6 см ниже венчика, в одну строчку, редко – в две-три. На «земледельческих» поселениях орнаментированная зона сосуда часто расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа, иногда из прочерченных косых линий (Чепош-2). В нескольких случаях такой орнамент покрывал до двух третей поверхности сосуда (рис. 36. – 6). На поселении Кастахта-3 из Центрального Алтая представлен орнамент в виде двух или трех поясков из наколов и уголкового вдавления (рис. 96а). На «земледельческих» поселениях венчики могли орнаментироваться насечками. Орнаментация венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встречается на всех широко представленных типах сосудов. Орнаментация днища отмечена лишь в одном случае на поселении Текпенек-Боочи-2 (рис. 82. – 23).

В орнаментации сосудов с поселений раннего железного века Горного Алтая можно выделить несколько устойчивых элементов и их комбинации. Большая часть элементов (округлые и уголкового вдавления, «жемчужины») универсальны и характерны для широкого круга культур Евразии I тыс. до н. э., но некоторые их комбинации (сочетания) присущи только Горному Алтаю, или отдельным его районам. При этом орнаментация сосудов из «скотоводческих» и «земледельческих» поселений сильно различалась.

На исследованных автором поселениях раннего железного века Горного Алтая вне зависимости от месторасположения, хронологии и этнокультурной специфики, 50–60 % орнаментированных сосудов украшались округлыми (овальными) вдавлениями, расположенными под венчиком в один горизонтальный ряд (строчку) (см. табл. А на рис. 105). Вероятно, он был в большом количестве представлен и на других поселениях Горного Алтая, но пока выборки керамики раннего железного века по ним незначительны. Значительное количество венчиков с округлыми вдавлениями зафиксировано в насыпях курганов скифского времени (рис. 14; 15). Орнамент округлыми вдавлениями являлся основным и в раннескифское время (рис. 5; 7). На Нижней Катунь он оставался преобладающим и во II-I вв. до н. э., что демонстрируют материалы поселения Майма-1, расположенного на границе с равниной (рис. 11; 12) (см. Киреев, 1986, рис. 11). В горах для этого времени пока имеется только керамика из Усть-Эдигана (рис. 103), где преобладает орнаментация одной строчкой жемчужника или его чередованием с вдавлениями. Предположительно, большая часть керамики из Усть-Эдигана соответствовала поселенческой, но не исключено, что в реальной жизни строчкой вдавлений орнаментировали значительно чаще. С раннескифского времени в Горном Алтае известен ещё один орнамент – подтреугольные вдавления уголкового вдавления лопатки одной строчкой или в виде композиции (рис. 5. – 11, 12; 7. – 2). Однако, на поселениях в чистом виде уголкового вдавления имеются только в Кастахте-3 (11,9 %) (рис. 96а. – 6; 105).

Вторым по распространению был орнамент в виде строчки «жемчужин» (округлых бугорков на внешней поверхности сосуда, образованных вдавлением изнутри округлой в сечении палочкой) также был широко распространён с эпохи поздней бронзы. На «скотоводческих» поселениях этот орнамент повсеместно занимал второе место. Среди орнаментированных венчиков (сосудов) у него удивительно стабильная позиция – 13–16 % (см. табл. А на рис. 105). Тогда как, на «земледельческих» поселениях этот орнамент вообще не встречается (Чепеш-2) или является исключением (1,6 % в Кастахте-3) (см. табл. А на рис. 105). Только на «скотоводческих» поселениях сосуды украшали валиками, в чистом виде также занимавших стабильную позицию – 2 % (см. табл. А на рис. 105).

Значительно меньше были распространены орнаменты в виде ёлочки, выполненной гладким (чаще) или гребенчатым (реже) штампом. Они зафиксированы только на «земледельческих» поселениях Кастахта-3 (16,3 %) и Чепеш-2 (7 %). При этом в Чепеше-2 ёлочка могла сочетаться с округлыми вдавлениями или дополнялась одним-двумя рядами оттисков гладкого штампа (см. табл. А на рис. 105). Помимо этого, иногда орнамент наносился и по верху венчика. Почти всегда это косые насечки или вдавления гладкого штампа. На «скотоводческих» поселениях таких венчиков 1-3 %, а на «земледельческих» значительно больше – 8 % в Чепеше-2 и 10,6 % в Кастахте-3.

На составлявших подавляющее большинство «скотоводческих» поселениях все остальные орнаменты были комбинированными. Из них самыми простыми мотивами были чередование округлых (уголковых) вдавлений с «жемчужинами» (см. табл. А на рис. 105). Этот орнамент, сохранившийся с эпохи поздней бронзы почти во всех культурах, в Горном Алтае был явно чуждым, и зафиксирован только на 2-3 % орнаментированной керамики. Несколько больше его только в Элекмонаре-4 (6 %), расположенном сравнительно недалеко от предгорий. А вот, на «земледельческих» поселениях таких чередований совсем нет, если не считать, ранний «бийский» сосуд из Чепеша-2 (рис. 37. – 1). Ещё три комбинации образовывали между собой округлые и уголкового вдавления (см. табл. А на рис. 105). Первая комбинация, представлявшая их чередование в одну строчку, встречена только в Партизанской Катуске (3 %). Вторая и третья состоят из ряда округлых вдавлений, сопровождаемых одним или двумя рядами уголкового вдавления. Почти все они происходят из «земледельческого» поселения Кастахта-3 (рис. 96. – 10-12; см. табл. А на рис. 105). Важно отметить наличие такого очень редкого орнамента на сосуде из насыпи Башадара-2 (рис. 83. – 20). Особое место занимает керамика, украшенная валиками.

Валиковая керамика. На известных автору *поселениях* валики украшали только баночные сосуды. Последовательность завершающих операций на баночных сосудах с валиками была следующей: 1) налип валика, 2) орнаментация валика, 3) нанесение изнутри или снаружи орнамента (округлых или уголкового вдавления, жемчужника) в зоне между венчиком и валиком, 4) заглаживание поверхности. На большинство валиков орнамент наносился техникой штампования. Судя по отпечаткам, орнамент представлял собой удлиненную палочку с заостренным (рис. 51. – 7) или немного заovalенным (рис. 51. – 11) рабочим краем. На трех сосудах (рис. 51. – 1, 2, 4) обнаружены следы орнамента с рубчатой поверхностью рабочего края. Длина рабочей поверхности орнамента колебалась от 8 мм (рис. 51. – 6) до 22 мм (рис. 51. – 8). Вдавления производились под прямым углом к поверхности сосуда или с небольшим наклоном к венчику. В последнем случае на нижней, обращенной к днищу стороне валика образовывались наплывы (рис. 51. – 1, 2; 42. – 3). В некоторых случаях после вдавления

ния имело место протягивание орнамента вправо (рис. 51. – 2, 9) или влево. На фрагменте из Аската-2 протягивание совершалось вправо и влево (рис. 42. – 3). Валики на сосудах из пазырыкских *погребений* украшались также по-разному (Сорокин, 1974, рис. 7. – 25; Кубарев, 1987, табл. VIII. – 1; XXVII. – 1; XXXIII. – 5; Владимиров, Шульга, 1984, рис. 2. – 13; Дервянко, Молодин, Савинов и др., 1994, рис. 63; и др.). Способы орнаментации этих валиков не изучались, но, судя по известным автору образцам и рисункам, на большинстве из них разрезания с протягиванием (протягивания) не происходило. Общепринятая характеристика «пазырыкских» и предгорных валиков как «рассеченных» не совсем верна. Под это определение подпадает лишь часть валиков, передавленных до уровня стенки сосуда (рис. 51. – 6–8), если иметь в виду такие значения слова «рассечь»: «разрубить», «глубоко поранить» (Ожегов, 1987, с. 576). На валиках с поселения Партизанская Катюшка, а также на рассмотренных фрагментах из поселения Аскат-2 прослеживается три способа нанесения орнамента: 1) штампование (рис. 51. – 1, 2, 4); 2) рассечение (рис. 51. – 7, 8, 11) и 3) комбинированный, проводимый в два приема штампованием или рассечением с последующим протягиванием (рис. 42. – 3; 51. – 9). Вдавления наносились преимущественно с наклоном вправо, в единичных случаях – влево (рис. 51. – 5), иногда оба приема фиксируются на одном сосуде, образуя зигзаг или косые кресты (рис. 42. – 5, 10, 11; 77. – 7, 10, 12; 105. – 4, 6, 8, 11). В одном случае на Партизанской Катюшке вдавления поперечные (рис. 49. – 12). После орнаментации валика его края снизу, сверху или с обеих сторон заглаживались. Валики располагались на 2–3 см ниже венчика, в одном случае – 1,5 см, в трех – до 4 см (рис. 49; 51; 105).

Часть относимых к банкам венчиков имела более сложную орнаментацию. В разных частях поселения Партизанская катушка на 1, 2 и 3 штыках встречены обломки сосуда, аналогичного найденному на поселении Аскат-2 (рис. 51. – 2, 3; 42. – 1, 3). Это один из вариантов валиковой керамики элекмонарского типа (59. – 24–27). Только в данном случае уголкового вдавления между жемчужинами заменяются уголками, выполненными двумя оттисками гладкого штампа. За пределами района Элекмонар – Чепош аналогий элекмонарской валиковой керамике автору не известно, а достоверность орнамента на сосуде из поселения Малоугренево (Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 56. – 5) вызывает сомнения (сравнить с: Абдулганеев, Владимиров, 1991, рис. 5. – 3). На фрагментах от двух сосудов в Партизанской Катюшке отмечена орнаментация жемчужником с уголкового разделителем (рис. 49. – 7; 53. – 1), еще на четырех фрагментах от трех сосудов — орнаментация из чередующихся округлых и уголкового вдавлений (рис. 53. – 2–5). На поселении Куротинский Лог-1 орнамент на валиках обычно наносился округлой или плоской палочкой с наклоном вправо, иногда влево или вертикально (рис. 77). На некоторых сосудах встречается одновременно наклоны вправо и влево, образующие зигзаг или сетку (рис. 77. – 7, 10, 12), при этом вдавления с левым наклоном всегда перекрывают вдавления с наклоном вправо, т. е. наносились они позже. В отличие от поселения Элекмонар-4, нарезка на валиках встречается редко. Сопутствующий орнамент, за исключением четырех случаев (рис. 77. – 11–13), наносился над валиком. На двух фрагментах валиками обводились отверстия для подвешивания (рис. 77. – 18, 19). Не орнаментированный валик достоверно встречен только на двух сосудах (рис. 78. – 3).

Временные границы бытования валиковой керамики раннего железного века в Горном Алтае не совсем ясны. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения, так как валик известен здесь уже в афанасьевской культуре и в эпоху бронзы. Фрагменты украшенных валиками сосудов встречены и в насыпях раннескифских курганов (рис. 5. – 10; 7. – 4), но среди сосудов,

достоверно связанных с имевшимися там погребениями, валиковых пока не найдено. В захоронениях пазырыкской культуры сосуды с налепными валиками появляются в погребениях IV–II вв. до н. э. В ранних захоронениях VI–V вв. до н. э. они пока не известны¹. В соседней быстринской культуре из предгорий валиковые сосуды встречены в одном из ранних погребений Маймы-19 (Киреев, 1992, с. 41, рис. 1. – 5), а также Бийска-1 (Завитухина, 1961), но в значительном количестве они также распространяются в IV–III вв. до н. э.

Появление валиков на пазырыкской посуде из курганов относилось А.А. Гавриловой к шибинскому времени и связывалось с южными районами (Гаврилова, 1957, с. 267). В.Д. Кубарев присутствие валиков объяснял "восточным хуннским влиянием" (Кубарев, 1987, с. 47), В.А. Могильников – воздействием на пазырыкцев населения предгорий и низкогорий Северного Алтая (Могильников, 1988, с. 80), автор – проникновением населения из Казахстана (Шульга, 1990а, с. 85). Ни одна из приведенных точек зрения не обосновывалась должным образом и не утвердилась. Хотя, на наш взгляд, все они отмечают различные аспекты непростого процесса сложения в Горном Алтае и предгорьях керамических комплексов раннего железного века с валиковой керамикой. Что же касается датировки куротинской валиковой керамики, то можно предположить ее происхождение от позднебронзовой валиковой керамики Казахстана и степного Алтая, просуществовавшей до VIII–VII вв. до н. э. (Ломан, 1987; Удодов, 1988; Могильников, 1995, с. 84; Шульга, 1997; и др.). Исходя из этого, в куротинской керамике можно выделить ряд архаичных черт: 1) орнаментация под валиком (четыре сосуда, рис. 77. – 11–13); 2) близкое расположение валика к венчику, в 1–2 см (рис. 77. – 4, 11, 14, 16); 3) отвисание валика (четыре сосуда, рис. 77. – 2, 3, 9, 10). Указанные особенности отличают куротинскую керамику от аскатской в сторону удревнения, хотя по форме сосудов и венчиков, орнаментации валиков они очень близки (рис. 51).

Поселения с валиковой керамикой в Горном Алтае связывались автором с населением, оставившим погребения пазырыкского типа (Шульга, 1990; 1997), поскольку аналогии ей известны только в керамике эпохи поздней бронзы (в том числе донгальской) из Казахстана и примыкающей части Алтайского края. Подобная керамика обнаружена на поселении Горелый Кордон (юг Кулунды, у границы с Казахстаном), который исследователи относят к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 101; Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238). Подобные фрагменты найдены по одному на Катунь в насыпи бийкенского кургана Партизанская Катущка, на поселениях Хемчик-2 и Тыткескень-6 (рис. 56. – 33; 64. – 15; 72. – 30). Определяются три типа орнаментации валиковой керамики и территории их распространения.

Тип 1. Выявлен на Центральном Алтае и средней Катунь (поселения Куротинский Лог-1, Аскат-2, Партизанская Катущка и др.). Орнаментация простейшая: налепной валик сочетается с одной строчкой округлых вдавлений или жемчужин. Этот тип орнаментации для Горного Алтая по месту первых раскопок назван туэктинским. В орнаментации сопутствующей керамики "жемчужник" с разделителем округлыми вдавлениями почти не встречается (Куротинский Лог-1) или содержание его незначительно (рис. 105). На «земледельческих» поселениях Кастахта-3 и Чепош-2 валиковых сосудов нет вовсе. В предгорьях валики обычно сопровождаются строчкой жемчужин с разделителем (рис. 100. – 12) (см. Абдулганеев,

¹ В наиболее ранних захоронениях пазырыкской культуры керамика в погребения, как правило, вообще не ставилась, как и в раннескифское время.

Владимиров, 1997). Исключение, насколько известно автору, представляет поселение Точильное-1, где валики часто сочетаются со строчкой жемчужин или округлых вдавлений (рис. 100. – 4, 5, 14, 15).

Тип 2. Выявлен в районе средней Катуня между селами Чемал и Усть-Сема (поселения Элекмонар-4, Узнезя-1). Валик сочетается с расположенным выше пояском "жемчужин" с уголковым разделителем (рис. 62-63; 59; 105). Этот тип орнаментации по месту первого местонахождения в комплексе назван элекмонарским. В орнаментации сопутствующей керамики встречается "жемчужник" с разделителем из уголковых или округлых вдавлений.

Тип 3. Поселения расположены в северных предгорьях Алтая. Относятся М.Т. Абдулганеевым к быстрианской культуре. Насчитывается около 20 сочетаний валика с другими видами орнамента (Абдулганеев, 1994, с. 106). Валик повсеместно сочетается с пояском "жемчужин" с различным разделителем, но элекмонарский тип орнаментации почти не встречается. Пожалуй, это основное различие орнаментации валиковых сосудов Горного Алтая и предгорий. Границей распространения туэктинской и элекмонарской валиковой керамики по Катуня пока можно считать поселение Муны-1 (рис. 22. – 16, 18, 21). Там же и неподалёку у с. Манжерок (рис. 9) встречены венчики предгорного типа с чередованием жемчужника и округлых вдавлений (рис. 20. – 1; 23. – D5) (Молодин, Петрин, 1985, рис. 5. – 3; Бородовский, 1991). Материалы из погребений, в целом, подтверждают это наблюдение.

Виды керамической посуды на поселениях. По форме, соотношению диаметра верхнего края, высоты, диаметра дна и функциональному назначению керамика из погребений и поселений подразделяется на шесть групп: 1) баночные сосуды; 2) чаши; 3) горшкообразные сосуды; 4) кувшиновидные (кринкообразные) сосуды; 5) корчаги; 6) чайниковидные сосуды¹.

1. Баночные сосуды. Самая многочисленная группа на поселениях. Полностью или частично реконструируется 89 сосудов (рис. 104. – 1, 2, и др). Почти все они закрытого типа. На скотоводческих поселениях большинство баночных сосудов имеют горизонтальный, как правило, наклепной валик, расположенный ниже венчика на 1,5–4 см. Валики украшались косыми насечками, вдавлениями палочки или толстого стебля травы, в одном случае наклонные вдавления на валике были сделаны пальцем руки. Насечки и вдавления имеют наклон по кругу против часовой стрелки, что, очевидно, связано с нанесением орнамента правой рукой при вращении сосуда левой рукой по часовой стрелке. Лишь на немногих сосудах орнамент наносился по часовой стрелке. В единичных экземплярах встречаются валики, орнаментированные перекрещивающимися насечками, зигзагом или перевернутой «птичкой». Дополнительная орнаментация сосуда в виде пояса из округлых вдавлений или «жемчужин», расположена между венчиком и валиком. Последний как бы ограничивает распространение орнамента вниз, что справедливо отмечено А.А. Казаковым для поселения Точильное-1 (рис. 100) (Казаков, 1989, с. 61). Орнаментация в виде вдавлений или «жемчужин» ниже валика, по нашим материалам, встречена только в четырех случаях в Куротинском Логу-1, Тыткескене-6 и Хемчик-2 (рис. 77. – 11-13; 64. – 15; 72. – 30). Значение валика, как ограничителя орнаментальной зоны пока не ясно, т. к. известные в Горном Алтае уже в афанасьевской культуре и в эпоху бронзы (Нижний Чепеш-2) (рис. 29) валики не выполняли такой функции. В Центральном Казахстане в переходное время от эпохи бронзы к раннему железу (Ломан,

¹ Ниже данные по количеству и процентному соотношению сосудов приводятся только по материалам автора.

1987, рис. 1. – 1–3; 5–7; Варфоломеев, 1987, рис. 4, 5) керамика, за редким исключением, орнаментировалась ниже валика. Валиковая орнаментация на поселениях присуща исключительно баночным сосудам. По крайней мере, пока на поселениях раннего железного века автору не известны реконструируемые сосуды с валиком в форме горшка, чаши или кувшина. Аналогичная картина и в предгорьях (Казаков, 1989, с. 61). Однако в захоронениях пазырыкской культуры, посуда из которых представлена кувшинами, валик встречается повсеместно как в относительно ранних (Башадар-2), так и в поздних захоронениях (Сорокин, 1966; Владимиров, Шульга, 1984; Кубарев, 1987; и др.). Венчики баночных сосудов, как правило, заовалены, прямые и скошены вовнутрь или несколько отогнуты наружу. Все баночные сосуды плоскодонные. Переход от днища к стенке сосуда резкий в виде тупого угла, иногда имеются закраины. На «земледельческих» поселениях обнаружены самые крупные сосуды до 24 см диаметром по венчику при высоте 26–32 см. Самые малые баночки имеют диаметр по венчику 4–6 см, высоту – 5–6 см.

2. Чаши. Найдены обломки или развалы от 61 чаши (рис. 104. – 4, 5). Орнаментация чаш довольно проста: поясок из вдавлений или «жемчужин». Пока выявлены лишь незначительные различия между чашами из скотоводческих и «земледельческих» поселений. На поселениях «земледельцев» чаши не орнаментировались «жемчужником» и имеют несколько большие размеры. Диаметр сосудов по венчику от 16–22 см до 28–30 см (Киреев, 1986, с. 170), высота не превышает 10 см. Встречаются миниатюрные чаши диаметром по венчику 4,5–6 см и высотой 3,0–3,5 см. Венчики чаш заовалены, скошены вовнутрь или отогнуты наружу. В отличие от других групп керамики, днища чаш тонкие, плавно переходят в стенки сосудов. Другим отличием является слабый обжиг большинства чаш, но встречается и хорошо обожженные. Во влажной почве Северного Алтая (Чепош-2, Майма-1) слабообожженное тесто чаш раскисает, поэтому без подсушивания во время раскопок их невозможно извлечь целиком. Слабый обжиг, а, возможно, и отсутствие его, отмечает С.М. Киреев на поселении Майма-1 (Киреев, 1986, с. 170). Следов нагара на чашах не зафиксировано. Отсюда можно констатировать, что чаши не использовались для хранения жидкостей и варки пищи, а также длительного хранения сыпучих продуктов.

3. Горшкообразные сосуды. Общее их число в развалах и обломках не менее 30 (рис. 104. – 7, 13, 20). Встречаются преимущественно на «земледельческих» поселениях. На скотоводческом поселении Партизанская Катюшка встречены обломки от одного горшка, а на Аскате-2 и в Куротинском Логу-1, без учета промежуточных форм, не встречены вовсе. Однако мы не думаем, что горшки на этих поселениях не имели применения. Очевидно, их было мало, и они будут обнаружены при вскрытии больших площадей. Венчики горшков прямые уплощенные, заовалены или заострены и отогнуты наружу. Диаметр венчика обычно 10–14 см, высота от 12 см. Днища плоские, такие же, как и у баночных сосудов. Некоторые отличия имеют горшки из поселений Чепош-2 и Текпенек-Боочи-3, и расположенного близ него Второго Башадарского кургана, где встречаются горшки с днищем, плавно переходящим в стенку сосуда. Орнаментация горшков на поселении Чепош-2 более разнообразна. Многие из них украшены ёлочкой или рядами наклонных оттисков гладкого штампа, который покрывает 1/3, в одном случае больше половины поверхности сосуда. Один из горшков имеет отверстие для подвешивания. Подобный сосуд обнаружен автором в захоронении кара-кобинского типа могильника Ело-2 (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 17. – 12). Близкие по форме, но отличающиеся по орнаментации, сосуды найдены в Алферовском могильнике (Суразаков, 1982, рис. 1).

Многие горшки сильно закопчены и имеют следы нагара – это однозначно указывает на их использование для варки пищи. Вполне возможно, что на поселениях в окрестностях Башадарских курганов преобладали горшки, на что указывают находки в насыпи кургана Башадар-2 преимущественно горшковидных сосудов (рис. 83).

4. Кувшиновидные (кринкообразные) сосуды. В эту группу входят кувшины и кринки, повсеместно встречаемые в погребениях пазырыкской культуры (рис. 102). На исследованных нами поселениях сосуды этого типа найдены по одному на поселениях Чепош-2 и Кастахта-3, возможно, к кувшинам относится и фрагмент сосуд из поселения Партизанская Катущка (рис. 50. – 10). Единичны находки кувшинов и на предгорных поселениях. Упоминание С.М. Киреевым «кувшинов разных вариантов» на поселении Майма-1 можно объяснить как дань традиции (Киреев, 1986, с. 171), так как в известных публикациях их нет.

5. Корчаги. На поселениях, как и в захоронениях, встречено небольшое количество корчаг. Обнаружены в Башадаре-2 и Катонском могильнике (Руденко, 1960, рис. 41, 43, с. 201; Сорокин, 1966; Суразаков, 1989, с. 69). К этой группе относится и небольшой сосуд из жилища на поселении Текпенек-Боочи-3. Судя по редкости находок на поселениях и в курганах, корчаги не имели широкого распространения в Горном Алтае.

6. Чайникообразные сосуды. Эта группа также немногочисленна. В захоронениях известно пять таких сосудов: в могильниках Кызыл-Джар-3, Верх Еланда-2, Кастахта и Барбургазы-1 (см. сводку: Кирюшин, Степанова, 2004, с. 32). Встречаются они и в захоронениях каменной культуры (Староалейка-2, Быстровка-1). В.А. Могильников связывал подобные сосуды с посудой саков Восточного Казахстана (Могильников. 1983, с. 48). Однако, такая направленность контактов не вполне очевидна (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 37). Сосуды с носиком, хоть и в небольшом количестве, были распространены в раннем железном веке по всему Горному Алтаю. Обломки от двух таких сосудов нами найдены на поселении Черный Ануй-3 (рис. 90. – 35, 36) Усть-Канского района. Носики сосудов или их фрагменты обнаружены на поселениях Теректа Усть-Коксинского района (рис. 98а. – 11), Куротинский Лог-1 Онгудайского района (рис. 78. – 25), возможно, в Аскате-2 (рис. 43. – 5) и Элекмонаре-4 (рис. 63. – 5) Чемальского района. Сосуд из поселения Чёрный Ануй-3 полностью реконструируется (рис. 90. – 36). Он имеет высоту 9 см, диаметр по венчику 7 см, и подобен сосуду из могильника Староалейка-2 (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 3. – 6). Носики сосудов располагается очень близко от венчика: в Чёрном Ануе-3 в 0,8 и в 2 см, в Теректе – в 1,1 см. В Теректе носик сосуда укреплен дополнительно наклепными валиками. Это отличает его от сосудов из Кызыл-Джара, Чёрного Ануя-3 и Староалейки-2.

О «большереченской» керамике и «большереченской культуре», «бийской» керамике и «бийском этапе»

Понятия «большереченская» керамика, «большереченская культура», «бийская» керамика и «бийский этап» часто использовались и продолжают использоваться в описаниях этнокультурной ситуации и керамики Верхнего Приобья, предгорий и Горного Алтая, а потому необходимо остановиться на этом вопросе более подробно. Большереченская культура была выделена М.П. Грязновым после раскопок в 1925, 1946, 1947 и 1949 гг. нескольких могильников и поселений в урочище Ближние Елбаны (БЕ) у с. Большая Речка, находившегося на правом залесённом берегу Оби в 60 км к югу от г. Барнаула. С течением времени взгляды исследователя на данные памятники, их хронологию и культурную принадлежность не-

сколько видоизменялись (см. Фролов, 2008, с. 23–31), но в итоговом труде М.П. Грязнов писал об одной большереченской культуре «оседлых постушеско-земледельческих племён Верхней Оби, населявших лесостепные берега р. Оби от её начала при слиянии рр. Бии и Катуня до низовьев р. Томи» (Грязнов, 1956, с. 44). Фактически же им рассматривались памятники залесённого правобережья Оби от Барнаула до Бийска. В рамках культуры было выделено три этапа: большереченский (VII–VI вв. до н. э.), бийский (V–III вв. до н. э.) и берёзовский (II–I вв. до н. э.).

Долгое время материал из Ближних Елбанов оставался единственным представительным комплексом, своего рода эталоном для соседних территорий. В скором времени находимую в предгорьях и в Горном Алтае керамику, с похожей на большереченскую орнаментацией, стали называть «большереченской». При этом, зачастую, наличие этой керамики в том или ином месте связывалось с проникновением большереченского населения. В ходе исследования поселений в предгорьях (см. Абдулганеев, Владимиров, 1997) и в Горном Алтае (Шульга, 1990а, и др.) там были выявлены особые керамические комплексы, указывающие на существование (по меньшей мере, с VII в. до н. э.) местных традиций орнаментации, не связанных непосредственно с большереченской культурой (Шульга, 1995). К тому же, стало очевидным, что многие простейшие виды орнамента (строчка различных вдавлений, жемчужника или чередования этих элементов) имели в чрезвычайно широкое распространение уже с VIII в. до н. э. от Казахстана до Забайкалья. После выделения большереченской культуры переходного времени (см. ниже), а также находящихся на этой же территории каменной, староалейской и быстрианской культур скифского времени понятие «большереченская керамика» вовсе утратило первоначальный смысл, и в работах специалистов используется только в определённом контексте.

«Бийский этап» большереченской культуры был выделен М.П. Грязновым по сборам на поселении Бийск-Скотобойня под г. Бийском, а также находкам у с. Большая Речка и ещё в четырёх пунктах на территории от Барнаула до Бийска (Грязнов, 1956, с. 89). Основным критерием для выделения этапа послужила керамика, занимавшая промежуточное положение между сложной орнаментацией большереченского этапа (VII–VI вв. до н. э.) и простейшей – берёзовского этапа (II–I вв. до н. э.); обычно, одна строчка жемчужин или жемчужин с разделителем). Датировался «бийский этап» V–III вв. до н. э. (Грязнов, 1956, с. 85, 89). Вместе с тем, М.П. Грязнов уже тогда отметил, что сосуды с берёзовской орнаментацией встречаются с бронзовыми орудиями (БЕ-12) и, конечно же, существовали значительно раньше II в. до н. э. На этом основании М.П. Грязнову пришлось выделить особый период «керамика берёзовского типа и бронзовые орудия», условно отнесённый к «бийскому этапу» (Грязнов, 1956, с. 90). Т. е. в данном случае при отнесении к бийскому этапу М.П. Грязнов взял за основу хронологию объекта (по бронзовым орудиям), разведя тем самым понятия «бийский этап» и «керамика бийского типа». Иного выхода у него просто не было, поскольку о хронологии бийской керамики имелись лишь общие представления, а захоронений с этой керамикой не было известно. В последствии под «бийским этапом», как правило, понимали лишь временной отрезок. Вначале, вслед за М.П. Грязновым его датировали V–III вв. до н. э. в рамках большереченской культуры скифского времени (Полторацкая, 1961, с. 88; Завитухина, 1961, с. 107; Завитухина, 1966, с. 53; и др.). Затем, в связи с удревнением времени распространения железных изделий, бийский этап был определён в рамках рубежа VI–V – начала IV в. до н. э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 77, 182).

В 80-е гг. XX в. ряд исследователей отказались от культурно-хронологической схемы М.П. Грязнова и выделили наиболее ранние памятники большебереченского этапа большебереченской культуры (по М.П. Грязнову) в особую большебереченскую (Могильников, 1986; Шамшин, 1988; и др.) или завьяловскую (Троицкая, 1981, 1987 и др.) культуру переходного времени VIII–VI вв. до н. э.¹ Первоначально А.Б. Шамшин выделял в переходной большебереченской культуре два этапа: мыльниковский (вторая половина VIII–VII в. до н. э.) и ближнеелбанский (VII–VI вв. до н. э.) (Шамшин, 1988). Затем к нему был отнесён третий заключительный «бийский этап» с керамикой бийского типа по М.П. Грязнову (Абдулганеев, 1991; Шамшин, 1994; Папин, Шамшин, 2005, с. 68). К концу переходного периода отнесла «бийскую» керамику и Т.Н. Троицкая, тем не менее, предложившая «сохранить за первым этапом культуры раннего железного века название «бийский», поскольку оно прочно вошло в литературу» (Троицкая, 1997, с. 144).

Особый интерес представляет датировка «бийской» керамики. Первым обративший внимание на проблему «бийского этапа» Я.В. Фролов предложил датировать его с начала V в. до н. э. до времени «появления могильников с берёзовской керамикой.» (Фролов, 1989, с. 70)². По мнению М.Т. Абдулганеева бийский этап можно предварительно датировать VI – началом V вв. до н. э. (Абдулганеев, 1991, 1992, 1993), а согласно Т.Н. Троицкой «рассматриваемую «бийскую» керамику можно предположительно отнести ко второй половине VI в. до н. э.» (Троицкая, 1997, с. 143). Определяя время бийского этапа указанные исследователи исходили из принятых датировок объектов переходного (VIII–VI вв. до н. э.) и среднескифского времени – V–III вв. до н. э. Очевидно, если «бийская» керамика занимает между керамикой данных периодов промежуточное положение, то единственно приемлемой датой для неё будет являться VI в. до н. э. По этой причине для раннескифских наконечников стрел из поселения Боровое-3 и трёхдырчатого псаля из Ордынского-9 были выбраны самые верхние даты – VI–V вв. до н. э. (Абдулганеев, 1993, с. 52; Троицкая, 1997, с. 143). Однако, в настоящее время они не могут быть приняты. В захоронениях среднескифского времени на Алтае и в предгорьях автору известно всего две уздечки с достоверно трёхдырчатыми роговыми псалями, но они использовались как двудырчатые (Шульга, 2008а, рис. 53. – 19, 20). Все остальные датированные трёхдырчатые псаляии происходят из раннескифских комплексов. Соответственно, вероятность использования псаля из Ордынского-9 во второй половине VI в. до н. э. крайне мала.

Не находят себе места в VI–V вв. до н. э. и бронзовые втульчатые асимметрично-ромбические наконечники стрел из поселения Боровое-3. На Алтае, в Туве и в Казахстане такие наконечники в VI в. до н. э. уже не использовались (Чугунов, 2000: и др.). Среди этих наконечников нет ни одного экземпляра поздних типов, распространившихся со второй половины VII в. до н. э. (Гилёво-10, Аржан-2; Чинге-Тэй). Таким образом, данные наконечники отливались не позднее VII в. до н. э.³ Итак, бийская керамика в предгорьях (Боровое-3) ис-

¹ При этом Т.Н. Троицкая предложила сохранить название «большебереченская культура» за памятниками скифского времени. Историография данного вопроса подробно изложена в работе Я.В. Фролова (Фролов, 2008, с. 38–46).

² Согласно имеющимся данным, так называемая «берёзовская» керамика является основной на баночных сосудах уже в наиболее ранних погребениях староалейской, каменной и быстринской культур VI–V вв. до н. э. Бийская же керамика в погребениях этих культур вовсе не встречается.

³ Предположение о консервации ранних традиций изготовления наконечников принять нет оснований. Достаточно сказать, что даже в Бобровском могильнике переходного времени уже имеются

пользовалась, когда ещё отливались втульчатые асимметрично-ромбические наконечники, вероятней всего, в первой половине – середине VII в. до н. э. Напомним и уже упоминавшийся факт отсутствия бийской керамики даже в самых ранних погребениях староалейской, пазырыкской и каменной культур, где присутствует только «берёзовская» орнаментация и более поздние композиции на погребальных кринковидных сосудах¹. Более того, по видимому, привнесённая с равнины «берёзовская» орнаментация встречена на сосудах в бийкенских погребениях Горного Алтая (рис. 5–8). Следовательно, в VII – начале VI в. такая орнаментация уже была распространена в предгорьях, чему не стоит удивляться, поскольку неподалёку в Северном и Центральном Казахстане простейшая орнаментация пояском округлых вдавлений или жемчужин уже была широко распространена в раннескифское время (Хабдулина, 1994; Бейсенов, Ломан, 2009). Вместе с тем, в одном из поздних бийкенских курганов (Кор-Кобы) и в Чесноково-1 обнаружены фрагменты, привнесённые с равнины со сложной орнаментацией эпохи поздней бронзы или переходного времени (рис. 7. – 10–12; 8. – 5). При этом в Чесноково-1 присутствовала и керамика, украшенная только редким жемчужником, т. е., у проживавших там (примерно в первой половине VI в. до н. э.) людей сосуществовали традиционно считавшиеся ранними и поздними типы сосудов и орнаментов (рис. 8. – 2-6).

На этом основании можно сделать несколько довольно нестандартных выводов. Во-первых, «берёзовская» керамика появляется в предгорьях и в Горном Алтае уже в VII в. до н. э., и какое-то время сосуществует с уже сложившейся керамикой бийского типа, и ещё сохраняющейся на Верхней Оби переходной керамикой². Не исключено, что в это время эти типы керамики разделялись и территориально: переходная большереченская культура – в Барнаульском Приобье, «бийская» керамика – в Бийском Приобье, а простейшая «берёзовская» керамика получила распространение в предгорной зоне и Горном Алтае. Распространение «берёзовской» керамики могло быть связано с активным продвижением в предгорья Алтая в VII в. раннесакских племён. Следует добавить, что в последнее время у автора появились основания предполагать: 1) наличие значительного хронологического разрыва между раннескифскими и среднескифскими комплексами (Шульга, 2013а, 2013б); 2) более поздние датировки, считавшихся самыми ранними, комплексов пазырыкской, быстрианской и каменной культур. В этом случае бийская керамика могла доживать до конца VI в. до н. э., до формирования вышеуказанных культур, поскольку, финальные раннескифские комплексы традиционно относятся к началу VI в. до н. э., а большая часть ранних среднескифских комплексов пазырыкской культуры, возможно, датируется не VI в., а V в. до н. э.

только типологически более поздние наконечники: черешковые трёхлопастные и трёхгранно-трёхлопастной и даже втульчатый трёхгранный (Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, рис. 4).

¹ Следует вспомнить, что по мнению Т.Н. Троицкой слой с берёзовской керамикой из БЕ-1 «относится не к берёзовскому, а к бийскому этапу большереченской культуры (среднескифского времени – прим. П.Ш.), и датируется временем не позже V в. до н. э.» (Троицкая, 1992, с. 35).

² Уже после написания этих строк автор обратил внимание на подобную мысль в обобщающей работе М.Т. Абдулганеева, где он указал «наличие на поселении Боровое 3 двух разнокультурных (бийской и берёзовской), но, скорее всего, одновременных бронзолитейных мастерских» (Абдулганеев, 1997, с. 65), хотя ранее считал берёзовскую мастерскую более поздней (Абдулганеев, 1992, с. 94). Вопрос о возможности сосуществования на одном поселении местных «большереченцев» и пришлых из Казахстана «берёзовцев», М.Т. Абдулганеев не рассматривал.

Литейные формы. На поселениях раннего железного века Горного Алтая, аналогично большереченцам на Ближних Елбанах, для извлечения отлитого изделия формы разбивались. Литейная форма пряжки (рис. 108. – 2, 3) на поселении Аскат-2 и обломки форм на этом же поселении и поселении Нижний Чепош-2 изготовлены из хорошо отмученного пористого теста без отощителей. Из этого же теста изготовлена «плюшка» на поселении Чепош-2 (рис. 108. – 15).

«Печать». Представляет собой плоский округлый предмет размерами 2,5x2,5x0,4 см (рис. 108. – 7). По всей видимости, этим комочком глины запечатывали какую-то трубку или горлышко сосуда. На поверхности «печати» выдавлены тамгообразные знаки.

Пряслица. Найдены на всех поселениях. Почти все пряслица дисковидной формы диаметром 4–6 см, толщиной 1,4–2 см (рис. 108. – 8-10). Два пряслица изготовлены из стенок керамических сосудов (рис. 108. – 11). Исключением являются целое коническое пряслице из поселения Аскат-2, украшенное по бортику и в нижней части точечными вдавлениями и фрагмент подобного из Партизанской Катуски (рис. 48. – 5; 108. – 12).

Зашлифованные диски неизвестного назначения, изготовленные из стенок сосудов, найдены на поселениях Тузаков Лог-1 и Кастахта-3 (рис. 108. – 13, 14).

4.2. Изделия из рога (кости), металлов и камня

4.2.1. Изделия из рога (кости)

Наконечники стрел. Наконечники стрел пазырыкской культуры хорошо известны по материалам из погребений воинов. Подавляющее число наконечников стрел из захоронений пазырыкской культуры – роговые. Бронзовые наконечники встречаются редко. Железные пока не зафиксированы, но они могли быть на вооружении, как и в соседней каменной культуре, где железные наконечники появляются, возможно, уже в V в. до н. э. (см. Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 153). В пазырыкских мерзлотных погребениях найдено значительное количество заострённых наконечников из дерева. Зафиксированы случаи помещения деревянных древков без наконечников или их моделей (Кубарев, 1992, с. 74). Как правило, деревянные наконечники из пазырыкских захоронений нельзя отнести к охотничьим томарам – это имитации условных втульчатых или черешковых трёхгранных наконечников. Очевидно, они помещались в погребения и в других районах Горного Алтая, но без мерзлоты не сохранились. Количество наконечников в захоронениях невелико – от одного до четырёх, что также было связано с ограничениями погребального обряда. С накоплением материала удалось проследить эволюцию основных типов наконечников с VII по III вв. до н. э., в том числе количественно преобладающих роговых (Кубарев, Шульга, 2007, с. 90–99).

В первой половине VI в. до н. э. на Алтае и в Туве распространяется несколько основных типов роговых наконечников: черешковые трёхгранные с башневидной (в том числе приталенной) и остроугольной головкой (рис. 110. – 5, 6, 10, 11, 37, 38, 59, 60), а также втульчатые пулевидные (рис. 110. – 4, 9, 18, 45). В колчан с умершим намеренно помещали разнотипные роговые наконечники, которые могли образовывать устойчивые сочетания. Так, появляющееся в раннескифское время сочетание черешковых башневидных и остроугольных наконечников, становится характерной чертой колчаных наборов VI в. до н. э. (рис. 110. – 59, 60). Помимо указанных типов на Алтае и в Туве в VI в. до н. э. задолго до хунну существовали характерные наконечники (обычно с трёхгранной башневидной головкой) с длинным расщеплённым насадом (рис. 110. – 39).

60). Помимо указанных типов на Алтае и в Туве в VI в. до н. э. задолго до хунну существовали характерные наконечники (обычно с трёхгранной башневидной головкой) с длинным расщеплённым насадом (рис. 110. – 39).

На раннепазырыкском этапе в Горном Алтае всё ещё продолжали сохраняться в изменённой форме раннескифские формы башневидных и пулевидных наконечников. При этом появились неизвестные ранее втульчатые башневидные с треугольными вырезами в основании (рис. 110. – 20). Доминировавшая башневидная форма головки начинает заменяться сводчатой (остролистной) у всех типов наконечников. Появляются крупные наконечники со сводчатой головкой (рис. 110. – 14, 15, 19, 24). Длина головки у крупных раннепазырыкских наконечников такая же, как в раннескифское время, а уменьшение общей длины происходит за счёт укорачивания черенка. Как и в раннескифское время наряду с крупными существуют наконечники средних и малых размеров.

В позднепазырыкское время (IV–III вв. до н. э.) роговые черешковые и втульчатые наконечники в Горном Алтае полностью утрачивают характерные для VII–VI вв. до н. э. черты (рис. 110. – 23–30). Почти все наконечники имеют сводчатую форму головки. Соотношение черешковых и втульчатых наконечников существенно меняется в пользу последних (см.: Суразаков, 1989, с. 56–57; Кубарев, 1987, рис. 24; 1991, с. 83; 1992, рис. 22; Молодин, 2000, рис. 135; Кубарев, Шульга, 2007). Однако по *суммарным* подсчётам всех наконечников из пазырыкских захоронений VI–III вв. до н. э., втульчатых всё же значительно меньше, чем черешковых. Так, по данным В.А. Кочеева, на 1992 г. из 200 известных ему «костяных» наконечников втульчатых было около 60 (Кочеев, 1993, с. 173). Аналогичное соотношение и на Средней Катуни (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 64). Черешковые наконечники по средним показателям в сравнении с VII–VI вв. до н. э. значительно уменьшаются по длине. При этом сохраняется установившееся в VI в. до н. э. соотношение между крупной головкой и коротким черешком. Почти все наконечники трёхгранные с опущенными жальцами и треугольными вырезами в основании сводчатой головки (рис. 110. – 27, 28). Наибольшее распространение среди втульчатых получили трёхгранные сводчатые (остролистные) или остроугольные с треугольными вырезами в основании (рис. 110. – 26, 30). Иногда они имеют плоское основание (рис. 110. – 23). Втульчатые ромбические в сечении (рис. 110. – 29) представлены в небольшом количестве (Суразаков, 1989, с. 56; Кирюшин, Степанова, 2005, рис. 26). Явное преобладание втульчатых наконечников с начала IV в. до н. э. наблюдается и на Северо-Западном Алтае, где из 16 обнаруженных по Чарышу наконечников, черешковых только два длиной около 4 и 5 см. Существенной особенностью многих втульчатых наконечников с Предалтайской равнины от найденных в Горном Алтае является арочная форма вырезов в основании, тогда как в Горном Алтае они треугольные. Пулевидных наконечников в позднепазырыкских погребениях нет.

На поселениях раннего железного века в Горном Алтае пока известны только единичные роговые наконечники стрел. Как правило, эти находки сделаны на многослойных поселениях вне представительных вещевых комплексов, а потому нет уверенности, что они относятся к раннему железному веку. Что же касается роговых (костяных) наконечников из Маймы-1 (рис. 11. – 5а, 5б, 5в) и Усть-Кубы (рис. 65. – 15 16), то авторы раскопок на этих памятниках относят их к более позднему времени. Исключением является Денисова пещера (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 34–39). Сравнительно много наконечников и заготовок найдено и в Кучерле (Молодин, Ефремова, 2010, рис. 70, 71).

На поселениях, исследованных автором, найдено три наконечника. Все они черешковые – два трехгранные в сечении (рис. 106. – 1, 5) и один близкий к ромбическому (рис. 106. – 3). Наиболее типичным для раннего железного века Горного Алтая является наконечник из жилища поселения Чепош-2 с немного опущенными жальцами (см. рис. 110). Два наконечника, происходящие с поселения Кастахта-3 не характерны для погребений раннего железного века Горного Алтая. Один из них очень крупный без жалец и шипов, с обломанным острием, длиной 13 см. Второй наконечник близок к ромбическому в сечении, имеет опущенные жальца, острие также обломано. Важно подчеркнуть, что согласно имеющимся материалам, основные виды керамических сосудов и орнаментации были примерно одинаковыми, по меньшей мере, с VII по II вв. до н. э., а датирующих вещей на поселениях почти не встречается. Соответственно, пока мы можем достоверно отличать керамику раннего железного века лишь от керамики поздней бронзы и развитого средневековья, т. е. возможная ошибка при датировке того или иного поселения (и найденных на нём наконечников стрел) может составлять 500–800 лет.

В Денисовой пещере к раннему железному веку отнесено три бронзовых наконечника и 56 роговых (костяных). У большей части роговых наконечников кончики обломаны, что, предположительно, было следствием ритуальной стрельбы в стены пещеры (Деревянко, Молодин, 1994, с. 102-103). Из роговых наконечников выделена группа I из 12 втульчатых наконечников – в том числе пять с выступающей и семь со скрытой втулкой (рис. 111. – 15-22). К группе II отнесено 20 черешковых наконечников (рис. 111. – 23-28, 31-34). В группу III включено шесть вкладышевых наконечников (рис. 111. – 30). Томары, по-видимому, представлены одним экземпляром (рис. 111. – 13). Все три бронзовых наконечника втульчатые (рис. 111. – 10-12). Два из них датируются в широких рамках (VI–IV вв. до н. э.), а третий с длинными жальцами (рис. 111. – 12) имеет сходство с похожими редкими типами в раннескифских памятниках Восточного Казахстана, предгорий Алтая и Тувы. Роговые втульчатые и черешковые с жальцами (рис. 111. – 15-28) относятся к типам, известным в погребениях (см. рис. 110), чего нельзя сказать о группе вкладышевых наконечников (рис. 111. – 30) и наконечников с плечиками без жалец (рис. 111. – 31-34). Возможно, значительная часть последних относится к средневековью, впрочем, похожий крупный костяной наконечник был найден в Кастахте-3 (рис. 106. – 1).

В Кучерле-1 найдено 10 роговых (костяных) наконечников (в том числе 2 томара) и 9 заготовок. Четыре наконечника черешковые трёхгранные с небольшими жальцами, в том числе асимметричными (рис. 111. – 3, 4, 6, 7). Два наконечника, по-видимому, представляли заготовки втульчатых наконечников (рис. 111. – 8, 9). Назначение одного массивного наконечника без черешка и втулки, но с обработанным основанием не вполне ясно (Молодин, Ефремова, 2010, рис. 70, 71)

Накладка на лук. Обнаружена в жилище на поселении Кастахта-3 (рис. 106. – 4). Изделие обломано с двух сторон. Сохранившаяся часть имеет длину 6,5 см. По-видимому, изготовлена из рога. В захоронениях Южной Сибири подобные накладки появляются в гунно-сарматское время, т.е. в последние века до н. э. На территории же Северного Китая и в Синьцзяне роговые накладки различных форм были широко распространены уже в раннескифское время. Достоверно боевых или охотничьих луков скифского времени в Горном Алтае пока не выявлено, но, судя по сложным лукам из Кызык-Телани-1 и верховий Чуи, составленных из деревянных пластин (Суразаков, 1983; Кубарев, 1987, 1992), последние могли в

реальности заменяться роговыми накладками, как это зафиксировано на Верхней Оби в более раннее время М.Т. Абдулганеевым.

Накладки на упор (луку) седла (?). На поселении Кастахта-3 найдено одно целое изделие, предположительно определённое как лука седла. Там же был обнаружен фрагмент ещё одной такой же поделки (рис. 107. – 5, 6). Целое изделие представляет собой фрагмент обработанной тазовой кости коровы длиной 18 см, шириной до 5 см. Изделие сильно затёрто особенно верхняя и нижняя грани. В верхней грани просверлены три равных отверстия диаметром 0,3 см. Очевидно, отверстия служили для более прочного подшивания. Ещё одно похожее изделие и фрагмент второго были найдены автором в одной из четырёх устроенных дугой жертвенных выкладок на могильнике Усть-Тёплая и в поминальнике раннескифского захоронения в Чесноково-1. Последнее было изготовлено из ветви челюсти животного длиной 21 см и заполировано от долгого использования. На нём имелось два отверстия и следы затёртостей ремешками (Шульга, 2008а, рис. 63). По размерам, степени изогнутости и наличию равномерно расположенных отверстий по краям и в центре костяные изделия из указанных поминальников и поселения близки накладкам сёдел из Пазырыкских курганов. Похожие параметры имеют и седельные дужки V–IV вв. до н. э. (Руденко, 1960, рис. 79, 80; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 47–48). Однако, конструкция последних иная, поскольку они накладывались и пришивались на верхний выступ упора (луки), а не на её торцовую часть, подобно накладкам.

Застёжка для пут. Найдена на поселении Кастахта-3, длина её 9 см, ширина 2,5 см (рис. 106. - 11). В середине расположена прорезь, через которую пропускались ремень (ремни?), а внизу напротив видны две зашлифованные выемки под два тонких ремешка. В раннем железном веке Горного Алтая аналогий автору не известно, хотя сам принцип застёжки с перехватом посередине известен в Южной Сибири, по меньшей мере, с раннескифского времени. В Пазырыке-1 застёжки приторочных ремней также имеют существенные отличия (Грязнов, 1950, рис. 22; Руденко, 1953, табл. LIV. - 5). В средневековых захоронениях аналогичные, но, как правило, без вырезов, изделия встречаются парами в сбруйных наборах, и убедительно трактуются как застёжки для пут (см.: Кубарев Г.В., 2005, с. 136-137). На этом основании, следовало бы отнести застёжку из Кастахты-3 к эпохе средневековья (VI–X вв. н. э.), однако точно такие же застёжки вместе с ремнями пут были найдены в могильнике скифского времени в Синьцзяне (Шульга, 2010а, рис. 71. – 7). Учитывая существование связей между кочевниками Синьцзяна и южной частью Горного Алтая, нельзя исключить датировку застёжки из Кастахты-3 также скифским временем.

Панцирная пластина из Куротинского Лога-1 (рис. 106. - 16). Прямоугольной формы, длиной около 75 мм, шириной 18- 21 мм, толщиной 4-5 мм. На концах пластинки расположено по паре сквозных отверстий диаметром 3 мм, по центру имелось три сквозных отверстия диаметром 3-4 мм. Пластина отнесена В.В. Горбуновым к ламелярным, нашиваемым на доспех в вертикальном положении. На Алтае исследователю было известно всего две близких типологически обломанных пластинки из довольно позднего могильника каменной культуры Масляха-1 (Горбунов, 1999, с. 48). В лесостепном Алтае крупная прямоугольная пластина происходит из большереченской землянки VII-VI вв. до н. э. (Грязнов, 1956, с. 47, табл. IX, 8). За пределами Алтая подобные пластины находят в курганах V-III вв. до н. э. (Матвеева, 1987, с. 60-67; Геннинг, 1992; и др.).

Шесть обработанных костяных пластин длиной 6,4–7,5 см, шириной 1,5–2 см обнаружены в хозяйственной яме жилища на поселении Элекмонар-4 (рис. 106. – 15). Назначение их не ясно. Возможно, это были заготовки панцирных пластин.

Костяная пластина. Обнаружена на поселении Кастахта-3. Зашлифована. Возможно, также относилась к конской упряжи (рис. 106. – 7).

Поделки из рога марала в виде цилиндров длиной 3,5 см и 4 см. По определению Н.Ю. Кунгуровой, предположительно, могли применяться при прядении тканей (рис. 106. – 9, 10).

Кость для разделки мяса. Происходит из поселения Чёрный Ануй-3 (рис. 107. – 3). В обломках такие кости со средами резки (рубки) мяса встречается на других поселениях.

Скребок для ошкуривания и дальнейшей обработки тонких жердей, диаметр которых не превышал 6 см (рис. 107. – 1). Эта уникальная находка сделана на поселении Боочи-2 рядом с баночными сосудами скифского времени (рис. 82. – 16, 17). Орудие составное. Изготовлено из тазовой кости коровы. Рабочая часть представляет собой вырез в кости, в который вставлена железная пластина размерами 8,6x1,8x0,2 см. В верхней части скребок имеет втулку для вставки ручки.

Проколка. Изготовлена из кости косули. Поверхность сильно зашлифована (рис. 106. – 6). Находка сделана в хозяйственной яме на поселении Чепеш-2.

Скребки для выделки шкур и разминания ремней целые или в обломках встречается на всех поселениях. Изготавливались из ребер лошади или коровы. Характерный скребок из Куротинского Лога-1 представляет собой зашлифованное сработанное в центральной части ребро лошади длиной 22 см (рис. 107. – 4).

Две сильно сработанные трубчатые кости из Кастахты-3, возможно, применялись для рыхления земли. Несколько крупных костей использовались как *трепала* (Кастахта-3) для разминания волокон травы. Значительная часть обработанных костей или имеющих следы сработанности пока не поддается определению (рис. 106. – 12-14). Непонятно и назначение предмета, изготовленного из ребра лошади, на грани которого нанесено тринадцать насечек и один желобок (рис. 106. – 8).

4.2.2. Изделия из металлов

На поселениях автором найдено два орудия из железа. Одно составное, описанное выше, представляло собой костяной скребок с железной пластиной (рис. 107. – 1). На поселении Кастахта-3 обнаружено железное четырехгранное заострённое с одной стороны изделие с расклепанной и несколько отогнутой тыльной частью (рис. 108. – 6). Достоверных шильев скифского времени на Алтае нам не известно, и не исключено, что изделие является заколкой для волос. Такие бронзовые и железные заколки довольно часто находят в погребениях пазырыкской культуры.

По несколько бронзовых изделий (ножи, наконечники стрел и др.) было найдено только в Денисовой пещере (рис. 91; 111) (Деревянко, Молодин, 1994) и на памятнике Кучерла-1 (рис. 95) (Молодин, Ефремова, 2010). В частности, в Кучерле был найден фрагмент поясной обоймы VII–VI вв. до н. э. (рис. 95. – 25).

Плавка изделий из бронзы практиковалась повсеместно. Прежде всего, это заключение касается votивных, зачастую примитивных изделий, которые могли производиться в каждом коллективе из нескольких семей. Как правило, это символические уменьшенные копии зеркал, чеканов, кинжалов и ножей. Большая часть из них изготовлены на месте и довольно не-

брежно. Высокохудожественные качественные изделия из бронзы и других металлов встречаются довольно редко, и, как правило, в элитных погребениях. Следы бронзолитейного производства (шлаки и др.) в Горном Алтае фиксируются далеко не на всех поселениях. В жилище на поселении Текпенек-Боочи-3 найдены крупные куски медной (?) руды, а на поселении Аскат-2 – остатки литейного производства, в том числе обломки форм отлитых изделий и одна целая литейная форма, по которой автором была отлита восковая модель пряжки V–IV вв. до н. э. (рис. 108. – 2-5). Значительное количество шлаков обнаружено на поселении Ламах-2 (см. Приложение 1), но вскрытая там площадь была незначительной, а полученные материалы не были опубликованы.

4.2.3. Изделия из камня

Изделия из камня составляют самую большую после керамики и костей группу находок: нижние и верхние камни зернотерок, песты, различные тёрочки, точила и галечки.

Зернотерки. Обломки верхних камней зернотёрок (курантов) и нижних камней зернотёрок найдены на большинстве поселений, но распределены они крайне неравномерно. На поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 найдены обломки соответственно от 16 и 20 зернотерок (рис. 38; 97). На поселении Куротинский Лог-1 обнаружен один нижний камень и три куранта, из которых один был первоначально тоже нижним камнем (рис. 80. – 7-10). В Аскате-2 – найдено два обломка курантов, а на поселениях Партизанская Катушка и Элекмонар-4 зернотёрок не найдено. Самая крупная целая зернотерка (нижний камень) размерами 53×25×6 см обнаружена на поселении Кастахта-3 (рис. 97. – 1). Средняя ширина нижних камней зернотерок 18–20 см. Два сохранившихся целыми куранта имеют длину 26 и 32 см (рис. 38; 80; 97. – 12). Все куранты ладьевидной формы. Зернотерки изготавливались из подходящего материала, имевшегося в окрестностях поселений. В Чепоше-2 это гранит, в Кастахте-3 – сланец. На поселении Текпенек-Боочи-2 обнаружен целый верхний камень ручной мельницы диаметром 26 см (рис. 109. – 9). Половина такого же камня, диаметром 32 см найдена автором на поселении Кемечпан-2 (рис. 109. – 10). Подобные камни ручных мельниц относят к средневековью и этнографическому времени. Однако оба описанных камня обнаружены на глубине 20–25 см в соседстве с обломками керамики, не характерной для алтайцев XVII–XIX вв. (см. гл. 3).

Песты. Встречаются на всех поселениях. Как правило, это подобранные у реки гальки подходящих формы и веса (рис. 97. – 13–16). Специально обработанные конические песты встречена только на двух поселениях – Челтук-1 (рис. 109. – 8) и Партизанская Катушка. Некоторые камни использовались вторично. Например, на поселении Кастахта-3 обломок куранта использовался в качестве песта (рис. 97. – 11). Некоторые гальки применялись сначала как тёрочки, а затем, или одновременно, как песты (рис. 97. – 15). Некоторые из пестов применялись для растирания твердой породы.

Точила. Из найденных точил для заточки металлических орудий использовалось 2–3 изделия (рис. 109. – 7). Основная масса являлась тёрочниками. Для этого выбирались плоские широкие или узкие удлиненные гальки без дополнительной обработки.

Гальки. Большая часть галек происходит из поселения Чепош-2. На поселении Чепош-2 найдено две галечки с заполированной поверхностью, предположительно, для раскатывания металлической фольги. Несколько галечек использовалось при выделке шкурок для их выминания (рис. 109. – 3, 4). Для других почти таких же 43 округлых и плоских галечек одинаковых пропорций, толщиной 0,5–1,5 см, диаметром 4–8 см характерны поперечные, реже

продольные следы затёртости. Вероятнее всего, этими галечками растирали грубочастное вещество нерастительного происхождения (шамот, дресва). Подобное назначение могли иметь две удлинённые гальки с поперечной абразивной затёртостью размерами 2×8 и 16×7 см. На некоторых гальках видна забитость. Преемственность традиции использования галек сохранялась на Катунь и позднее. В 15 км от поселения Чепош-2 на поселении Аскат-2 также найдено несколько десятков похожих галечек. Такого количества галек больше не найдено ни на одном исследованном автором поселении, несмотря на близость рек с галечными берегами.

Пряслица. Одно найдено в жилище на поселении Текпенек-Боочи-3; другое, с не досверленным отверстием – на Аскате-2 (рис. 109.– 1). Пряслица дисковидные, диаметр 4–5 см, толщиной 0,6–0,6 мм, изготовлены из сланца.

Курильница. На поселении Кастахта-3, в жилище у очага найден единственный обломок курильницы, представлявшей собой плоскую гальку с выровненным дном и выбитым округлым углублением (рис. 109. – 5). Возможно, применялась в качестве светильника.

На поселении Чепош-2 найден *предмет из парфюмерного набора* древних жителей – плоская галечка с высверленным отверстием, заполненным охрой (рис. 109. – 2).

Шары. Встречено несколько шаров. На поселении Элекмонар-4 найден хорошо обработанный гранитный камень размерами 5×8 см, формой напоминающий продолговатое яйцо (рис. 62. – 23). Возможно, эти шары использовались в качестве бола для охоты на копытных.

Стерженьек неизвестного назначения происходит из поселения Кастахта-3. Изготовлен из песчаного сланца. Тщательно зашлифован. В разрезе имеет форму прямоугольника (рис. 109. – 6).

На поселении Аскат-2 найдено большое скопление крупных галек, побывавших в огне и потрескавшихся от перегрева. Возможно, их предполагалось использовать как отощитель при изготовлении керамики.

Глава 5

Этнокультурная ситуация по данным погребальных и поселенческих комплексов. Датировка поселений раннего железного века

5.1. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае в VIII–III вв. до н. э. (по погребальным памятникам)

Археологические культуры Горного Алтая I тыс. до н. э. традиционно изучаются по погребальным и поминальным памятникам. Начиная с раскопок В.В. Радлова в 1865 г. на территории Горного Алтая вскрыто почти тысяча курганов VIII–III вв. до н. э., в том числе мерзлотные пазырыкские с большим количеством сохранившейся органики. На этих материалах основываются практически все имеющиеся представления об археологических культурах, их периодизации и хронологии. Соответственно, в предлагаемой главе они рассматриваются в первую очередь.

Не смотря на различия сменявших друг друга культур, в погребальном обряде населения Горного Алтая, начиная с III тыс. до н. э. и до этнографического времени, прослеживается много общего. В отличие от соседних регионов, в Горном Алтае под курганами, выкладками и другими сооружениями во все времена устраивалась только одна могила для одного-двух умерших. При этом в расположении и устройстве курганов, а также в погребальном обряде VIII–III вв. до н. э. прослеживаются черты, зародившиеся ещё в III тыс. до н. э.: расположение курганов цепочками; наличие кольцевого кромлеха или стенки; наличие стел с восточной стороны; помещение в насыпь кургана зернотёрок и керамики; обычай сопровождать умершего набором сосудов, в том числе из различных материалов; и др. С VIII в. до н. э. у заселявших Великую степь народов распространяется обычай подхоранивать лошадей к умершим всадникам, но только в Горном Алтае он сохранялся постоянно в течение почти трёх тысяч лет вплоть до XIX в. Таким образом, не смотря на происходившие смены археологических культур и населения, в Горном Алтае на протяжении тысячелетий продолжали воспроизводиться специфические особенности в устройстве курганов и погребальном обряде. Причины этой уникальной для степной Евразии стабильности пока не вполне ясны. Вероятно, на Алтае сказались относительная изоляция населения в труднодоступной горной стране, а также специфические природно-климатические условия, позволявшие длительное время выживать только полукочевникам, занимавшимся скотоводством и охотой. По всей видимости, скотоводы проживали в Горном Алтае всё это время, и даже в периоды запустения во II тыс. до н. э.¹

Характерный для скотоводов скифского времени образ жизни в Горном Алтае был заложен в III тыс. до н. э. племенами афанасьевской культуры, являвшихся первыми скотоводами и металлургами Южной Сибири. Они же первыми на Алтае начали сооружать курганные кладбища, устройство которых в той или иной мере прослеживается и у последующих народов на Алтае (Суразаков, 1988, с. 168; Абдулганеев, Ларин, 1992; Шульга, 2006, с. 70).

¹ По данным антропологов, часть пазырыкцев (VI–III вв. до н. э.) относится к автохтонному населению, проживавшему в Горном Алтае с неолита-энеолита (Чикишева, 2010, с. 36), то есть, полной смены населения не происходило.

Несомненное сходство между афанасьевцами и ранними скифами можно предполагать и в образе жизни, поскольку они были скотоводами и даже стоянки располагали в одних и тех же местах. При этом афанасьевские культурные слои, как правило, перекрывались слоями раннего железного века. Между тем, по имеющимся данным (в том числе поселенческим материалам), скотоводов афанасьевской культуры и ранних скифов на Алтае разделял хронологический промежуток протяжённостью более тысячи лет, в рамках которого существовали культуры эпохи бронзы¹. Так или иначе, но, не смотря на смены культур и запустение во II тыс. до н. э., часть местного населения Горного Алтая, видимо, продолжала сохраняться с III тыс. до н. э. по скифское время.

Памятники эпохи бронзы в Горном Алтае крайне малочисленны, хотя и представлены практически во всех районах скотоводческой зоны Горного Алтая, в том числе и в Чуйской степи (см. сводки по погребальным и поселенческим комплексам: Кубарев, 2009, с. 5–7; Молодин, Ефремова, 2010, с. 51–53). По мнению В.Д. Кубарева, захоронения эпохи бронзы распространены на Алтае более широко, нежели представляется, и «только в Чуйской и Курайской котловинах известны сотни археологических объектов, визуально определяемых как курганы эпохи поздней бронзы» (Кубарев, 2009, с. 6). К сожалению, такого рода памятники на юго-востоке Горного Алтая почти не исследовались, и веских подтверждений предположению В.Д. Кубарева пока нет. В Чуйской степи также известны херексуры и оленные камни, указывающие на раннее присутствие там населения, связанного с культурами Монголии и Тувы. Значительно больше данных по центральным и северным районам, где к тому же выявлено значительное количество древних поселений, наличие которых достоверно указывает на довольно длительное пребывание населения в ту или иную эпоху. Однако, керамика эпохи бронзы встречается там редко, а достаточно мощные слои этого времени вообще не зафиксированы, в том числе и в тщательно исследуемой многие годы Денисовой пещере (Деревянко, Молодин, 1994, и др.). Судя по погребальным и поселенческим материалам, немногочисленные памятники эпохи бронзы были оставлены небольшими группами населения, проживавшими на ограниченной территории в нижнем течении Катуня и в Центральном Алтае. Из них относительно неплохо представлены только погребения каракольской культуры (см. Кубарев, 2009). Вероятно, основу хозяйства этих групп также составляло скотоводство.

Пытаясь решить проблему редкой встречаемости в Горном Алтае памятников эпохи бронзы (в том числе полного отсутствия андроновских и карасукских), М.П. Грязнов предположил, что и во II тыс. до н. э. «в горах Алтая по-прежнему жили афанасьевские племена с их охотничье-скотоводческой культурой, не изменившие существенно своего этнографического облика» (Грязнов, 1955, с. 28; цит. по: Тишкин, 2011, с. 273). Эту же проблему пришлось решать через 30 лет авторам обобщающей статьи по эпохе бронзы Горного Алтая, заключивших, «что на протяжении всего II и первой половины I тыс. н. э. Горный Алтай был заселён. Однако, пока нет оснований для того, чтобы сделать вывод о существовании какого-

¹ Данные палеогенетического и антропологического анализа по материалам из Горного Алтая указывают на длительную (на протяжении как минимум трёх тысячелетий) преемственность населения (Чикишева, Губина, 2008, с. 280). Согласно заключению Т.А. Чикишевой «Афанасьевское население Горного Алтая не принимало участия в расогенезе ранних кочевников горного Алтая» (Чикишева, 2003, с. 116). Вместе с тем, в антропологии рядовых пазырыкцев, включая каракобинскую группу, прослеживается автохтонный морфологический компонент, уводящий «его генетическую линию развития от пазырыкцев через население каракольской культуры к рубежу неолита – раннего металла в среду племён, оставивших захоронения в пещерах Горного Алтая» (Чикишева, 2010, с. 36).

то другого, отличного от афанасьевского, населения.» (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 62). В.А. Могильников также допускал, что «в замкнутых горных долинах это население могло существовать вплоть до конца II тысячелетия до н. э., а может быть, и до начала I тысячелетия до н. э., трансформировав при этом свою культуру.» (Могильников, 1987, с. 29). Позднее М.Т. Абдулганеев обратил внимание на сходство расположения и устройства надмогильных конструкций афанасьевцев и раннескифского населения («майэмирцев»). Это, несомненно, верное наблюдение, стало основным аргументом нового предположения уже не только о доживании афанасьевцев до раннескифского времени, но и об их непосредственном участии «в этногенезе майэмирского населения» (Абдулганеев, Ларин, 1992, Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 26–27; и др.). Данная точка зрения вызвала возражения (см. Абдулганеев, Ларин, 1992, с. 33; Кубарев, 2009, с. 4–5; Тишкин, 2007, с. 98–101; Тишкин, 2011) и после 1996 г. (Елин, Ларин, 1996) рассматривалась лишь в историографических разделах (Тишкин, 2007, 2011; Кубарев, 2009, с. 4–5).

5.1.1. Формирование в Горном Алтае культур раннескифского и среднескифского времени

Крупных комплексных исследований по изучению данного вопроса не велось, однако новые материалы позволяют хотя бы наметить возможные пути его решения¹.

В настоящее время в Горном Алтае и в предгорьях выделено две культуры раннескифского времени – бийкенская и майэмирская VII – начала VI вв. до н. э., погребальный обряд которых предполагал подхоронения лошадей и конского снаряжения. Захоронения бийкенской культуры располагаются в Горном Алтае, умерших погребали головами в северо-западный сектор скорченно в небольших каменных ящиках у поверхности почвы. Лошадь помещалась в ногах, также в небольшой ящик или ямку (рис. 5. – 1; 6. – 1; 7. – 1). Могильники крупные, некоторые насчитывают десятки курганов. Майэмирцы обитали, преимущественно, в северо-западных предгорьях Алтая и на примыкающей территории Восточного Казахстана. Их могильники, как правило, состояли всего из нескольких курганов. Умерших погребали по одному в довольно глубоких ямах, вытянуто, головой в северный сектор (иногда в подбое или в большом каменном ящике). Параллельно умершему или в ногах укладывали лошадь со сбруей и овцу (козу) (см. Шульга, 2008а). Керамика у майэмирцев не встречается.

Традиционно появление раннескифской культуры в Горном Алтае связывалось с проникновением населения из Казахстана и предгорий Алтая. По мнению С.И. Руденко «скотоводческие племена пришли в Горный Алтай с вполне сложившейся культурой из юго-западных степей примерно в начале VII в. до н. э. В Горном Алтае они застали племена иной культуры, основным занятием которых была охота. Эти последние племена были либо оттеснены в северную тайгу, либо ассимилированы пришельцами» (Руденко, 1960, с. 201). Такой сценарий прихода кочевников в Горный Алтай исследователю подсказывали зафиксированные в пазырыкской культуре ранние связи с Передней Азией и сакским миром, этнографические материалы и география расположения Алтая на границе обширных степных пространств, простиравшихся на тысячи километров к юго-западу и западу. Впрочем, о ран-

¹ Следует сразу оговориться, что в полной мере ответить на данный вопрос не удастся, поскольку он непосредственно связан с не решаемой проблемой формирования раннескифской культуры и появления во второй половине VI в. до н. э. культур соврамато-пазырыкского круга.

нескифском времени на Алтае тогда было мало информации, и даже в начале 80-х гг. XX в. М.П. Грязнов писал, что археологические материалы этого периода из Горного Алтая «ещё совершенно недостаточны и фрагментарны» (Грязнов, 1983, с. 9). По М.П. Грязнову, неоднократно отмечавшему отсутствие в Горном Алтае памятников андроновской и карасукской культур, ранние кочевники проникли туда через северные предгорья (см. Тишкин, 2007, с. 102).

Позднее, точку зрения С.И. Руденко рассмотрел В.А. Могильников, располагавший значительно большими материалами. Прародины «майэмирцев» в Казахстане он не нашёл¹. Отметив много общего, В.А. Могильников предположил «традиционные давние связи с населением Казахстана – саками, у которых с населением Алтая был, видимо, общий компонент» (Могильников, 1986, с. 46–47). По его мнению, раннескифская культура Горного Алтая сформировалась на основе местного населения, восходящего к афанасьевской культуре (Могильников, 1986, с. 48), а «миграция населения в Горный Алтай в VII–VI вв. до н. э. из степных районов с юго-запада имела место, но её размеры, характер взаимодействия с местным этническим субстратом и направления остаются недостаточно ясными» (Могильников, 1986, с. 47). Пазырыкская культура (собственно пазырыкцы и каракобинцы), по мнению В.А. Могильникова сформировались из двух основных групп местного раннескифского населения, и «представляет, по-видимому, сложное образование, сложившееся к концу VI в. до н. э. в результате взаимодействия местного населения ... и продвинувшегося сюда населения из степей восточного и юго-восточного Казахстана» (Могильников, 1986, с. 53). Эту точку зрения поддержал А.С. Суразаков, считая раннескифское население Горного Алтая «этнической базой (или одним из её компонентов)» формирования пазырыкской культуры (Суразаков, 1989, с. 7)².

Новые данные, полученные в ходе масштабных разведок и раскопок 80-х гг. XX в. показали, что основную часть раннескифских памятников в Горном Алтае составляют погребения «бийкенского» типа в каменных ящиках, принципиально отличных от культур Казахстана, но имеющих аналогии в Туве и Монголии. Соответственно, вектор предполагаемых миграций в Горный Алтай стал прямо противоположным. Впервые в развёрнутой форме предположение о формировании культур Горного Алтая в результате миграций с востока сделал А.С. Суразаков. Допуская вероятность участия афанасьевцев в этногенезе ранних скифов Горного Алтая, он всё же считал «основными исходными этническими компонентами населения Горного Алтая скифского времени» культуры эпохи поздней бронзы херексуров и монгун-тайгинскую (Суразаков, 1988). По его мнению, херексуры с кольцевидными оградами и погребениями в цистах на поверхности трансформировались в раннескифские надмогильные конструкции (сначала бийкенского, а потом майэмирского типов – *П. Ш.*), а затем – и в двойные ограды элитных пазырыкских курганов. От мангун-тайгинских памят-

¹ В.А. Могильников и не рассчитывал на такой результат. На его взгляд, в период перехода от эпохи бронзы к эпохе железа изменения были настолько быстрыми и значительными, что между этими культурами «обычно остаётся мало общего» даже там, где, по-видимому, миграций не было, и состав населения не менялся (Могильников, 1986, с. 46). Действительно, по прошествии почти 30 лет можно вновь констатировать, что все раннескифские культуры к западу от Монголии и Северного Китая возникают «внезапно», и прародину той или иной культуры не удаётся найти ни в месте её нахождения, ни на иных территориях.

² Необходимо указать, что тогда же А.С. Суразаков опубликовал тезисы о вероятности происхождения раннескифской и пазырыкской культур Горного Алтая в результате миграций из Монголии и Тувы (Суразаков, 1988).

ников, по А.С. Суразакову, были унаследованы каменные ящики раннескифского времени, сохранившиеся в каракобинской культуре VI–III вв. до н. э. Позднее вероятность возникновения бийкенской культуры в результате миграций с востока тезисно отмечали А.А. Тишкин (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111; Тишкин, 2011, с. 288) и А.Д. Таиров, полагавший исходной территорией миграций районы Восточного Туркестана, Северного Китая и Монголии, первая волна которых приходится на конец IX – начало VIII в. до н. э. (Таиров, 2003, с. 46; 2007, с. 62)¹.

Несомненный интерес представляет и особое мнение В.В. Боброва об участии ирменцев «верхнеобского бассейна» в формировании раннескифской культуры Горного Алтая, с которой они могли сосуществовать какое-то время (Бобров, 1999, с. 22–23). Наличие отмеченного В.В. Бобровым сходства погребального обряда (одиночное захоронение в кургане у поверхности, наличие крепиды, скорченное положение, каменные ящики и крепиды, отсутствие керамики подхоронения черепов (шкур?) лошадей, установка камней-обелисков) сомнений не вызывает. Однако, значительная часть этих особенностей имеет эпохальный характер и уверенно выделить в бийкенской культуре черты, непосредственно привнесённые ирменцами, мы пока не можем. Судя по керамике из поселений Горного Алтая и бийкенских курганов, собственно ирменцы в глубине гор не проживали, хотя отдельные их представители могли включаться в состав местного населения (керамика из курганов Кор-Кобы-1 и Чесноково-1).

На наш взгляд, бийкенская культура сложилась на местной основе. По меньшей мере, комплекс характерных черт погребального обряда этой культуры, несомненно, сложился в Горном Алтае, и не является привнесённым. В частности, традиция погребения в каменных ящиках существовала там уже в эпоху бронзы, в том числе выступающих на поверхности (Кубарев, 1988; Степанова, 1996, с. 68–69; и др.), а ряд элементов в планировке могильников и устройстве надмогильных сооружений складывается ещё раньше – в афанасьевской культуре (Абдулганеев, Ларин, 1992; Шульга, 2006, с. 70; и др.). На местную основу бийкенцев указывает и компактное расположение погребений в рамках скотоводческой зоны Горного Алтая. Однако этого сходства явно недостаточно, чтобы выводить бийкенцев из культур энеолита и бронзы Горного Алтая. Проблема в том, что в степном поясе Евразии раннескифские культуры возникают внезапно, и, как правило, не имеют почти ничего общего с предшествующими (см. выше). Исключением являются лишь культуры относительно замкнутой восточной историко-культурной общности (Северный Китай, Центральная и Восточная Монголия, Забайкалье), где погребальный обряд и вещевой комплекс постепенно трансформировались с эпохи бронзы до средневековья (Шульга, 2011б).

Особое значение для решения данного вопроса имеет керамика из бийкенских курганов и поселений раннего железного века, на которых, несомненно, имеются пока не вычлененные слои раннескифского времени (см. гл. 4). Установлено, что в бийкенских курганах представлены те же виды посуды и орнаментации, что и на поселениях раннего железного века. В них не обнаружена лишь валиковая керамика раннего облика (рис. 77. – 11–13) и один из орнаментов элекмонарской керамики (рис. 63. – 9). В комплексе большая часть бийкенской керамики характерна только для Горного Алтая. Помимо этого, в бийкенских курганах

¹ В последние годы в Китае вышло значительное количество обобщающих работ по археологии Синьцзяна и Северного Китая в раннескифское время. Активно печатаются и материалы по Монголии. Однако, нигде на этой территории не зафиксирован погребальный обряд бийкенского типа, который мог быть привнесён оттуда в Горный Алтай мигрантами.

встречена свойственная племенам Верхней Оби ирменская или переходная орнаментация (рис. 7. – 10–12), а также простейшая («берёзовская») в виде ояска вдавлений или жемчужин (рис. 7), что однозначно указывает на присутствие среди бийкенцев групп или отдельных людей с равнины.

Что же касается *майэмирской культуры* в западных и северо-западных предгорьях Алтая, то география расположения захоронений, особенности погребального обряда и инвентаря не оставляют сомнений в её происхождении. Она складывается в результате интенсивного движения разнородных групп кочевого населения из Казахстана, контактировавшего в предгорной зоне друг с другом, а также племенами Верхней Оби и бийкенцами. Поэтому практически все захоронения существенно отличаются друг от друга (Шульга, 1999, 2003б, 2008а, и др.). Достаточно сказать, что даже на хронологически и территориально компактном могильнике Гилёво-10 зафиксировано несколько типов погребальных конструкций и, по меньшей мере, пять вариантов подхоронения животных (Шульга, 2003б, с. 523, 2008а). Окажись эти захоронения на разных могильниках, то можно было бы считать их разнокультурными, как это уже было сделано в отношении захоронений в каменных ящиках «иртышцев» (Марсодолов, 2001, с. 26). Не менее показательны захоронения из Чесноково-1 с особым погребальным обрядом, похожим на выявленный в Синьцзяне (Шульга, 1998г, 2010а). Так, в поминальнике кургана 8 были найдены крупные фрагменты двух горшков, по профилировке и орнаментации относящихся к посуде эпохи поздней бронзы или переходного времени Верхней Оби (рис. 8. – 5, 6). Третий крупный баночный сосуд с редким жемчужником и прочерченными горизонтальными линиями имеет сходство с казахстанской керамикой (рис. 8. – 3). Сосуду из кургана 2 известны аналогии в Казахстане и на Тянь-Шане (рис. 8. – 2). На примере Чесноково-1 мы также наблюдаем поразительную смесь различных культур, первоначально занимавших огромную территорию, но ко времени сооружения этого могильника (первая половина VI в. до н. э.) смешавшихся в одном котле. Погребальный обряд большей части майэмирских погребений близок тасмолинской культуре (глубокая узкая могила, положение умершего вытянуто головой в северный сектор), но некоторые из этих же захоронений по инвентарю, сбруе, звериному стилю и особенностям расположения стрелковых поясов имеют явные аналогии с Тувой (например, Гилёво-10 на Алтае и Аржан-2 в Туве).

Керамика в майэмирских курганах фиксируется крайне редко¹. Показательно, что на самом крупном могильнике Гилёво-10 площадью около 110×60 м, где было вскрыто 31 захоронение раннескифского времени, скопления керамики и орнаментированные фрагменты отсутствовали, в том числе и на размытой части могильника. Помимо находок из Чесноково-1 (рис. 8) автору известен лишь один орнаментированный гладким штампом фрагмент из заполнения могилы в Машенке-1 (рис. 8. – 11), но он мог попасть туда и случайно из расположенных рядом поминальных сооружений и поселения.

С приходом населения из Казахстана можно связать часть валиковой керамики из поселения Куротинский Лог-1, расположенного у с. Туэкта Онгудайского района Республики Алтай (рис. 77. – 11–13). На этих немногочисленных фрагментах в Куротинском Логу-1 строчка орнамента располагается под валиком, а сами валики расположены близко к краю венчика и, иногда, несколько свисают. Аналогии известны только в керамике эпохи поздней бронзы (в

¹ Находки в Чесноково-1 являются исключением, а само отнесение их к майэмирской культуре под вопросом.

том числе донгальской) из Казахстана и примыкающей части Алтайского края. Подобная керамика обнаружена на поселении Горелый Кордон (юг Кулунды, у границы с Казахстаном), который исследователи относят к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 101) (Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238). Похожие фрагменты валиковой керамики найдены по одному на Средней Катуні в насыпи бийкенского кургана Партизанская Катущка, на поселении Хемчик-2 и Тыткескень-6 (рис. 72. – 30). К какой культурной группе Горного Алтая относится эта керамика, пока не ясно. Предварительно её можно датировать в рамках VIII–VII в. до н. э.

Особый интерес в майэмирских захоронениях представляют переходные черты к пазырыкской культуре VI–III вв. до н. э. 1) В майэмирских захоронениях в VII в. до н. э. лошадь впервые на Саяно-Алтае начинают захоранивать взнузданной в одной могиле с умершим на приступке. При этом лошадь, как у пазырыкцев, часто укладывалась на брюхо с подогнутыми ногами и поднятой головой, и ориентировалась в ту же сторону, что и умерший. Наиболее хорошо переходные черты удалось проследить на самом крупном в предгорьях раннескифском могильнике Гилёво-10. В Гилёво-10 могилы с погребениями людей 5 и 8 имели широтную ориентацию. При этом в могиле 5 установлена восточная ориентация взрослого человека, и найден характерный для первой половины VI в. до н. э. роговой черешковый башневидный наконечник стрелы. Головой на восток был погребён и младенец в ногах женщины в могиле 16. Костяки всех семи лошадей, обнаруженных в могилах с умершими и в отдельных ямах глубиной 1,8–2,5 м располагались осью тела в восточный сектор. У четырёх из них морды изначально были повернуты на север или северо-восток, а у трёх – по оси тела – в восточный сектор. В подпрямоугольных могилах 21 и 26 ориентированные в восточном направлении лошади помещались вдоль северных стенок (в мог. 26 на уступе), а южные половины могил оставались свободными, как бы оставленные для захоронения человека. В могилах 16 и 21 лошади находились на уступах высотой 7 см и 60–80 см, а в могиле 26 на уступ высотой 20 см помещались баран и голова лошади. Под шеи и головы лошадей подсыпался грунт для придания им положения лежащего с поднятой головой животного (Шульга, 2003б, 2008а). Аналогичное погребение с двумя баранами, сбруей и тремя лошадьми, расположенными на уступах и ориентированными на восток, исследовано в 55 км к юго-западу в Восточном Казахстане в кургане Кондратьевка-21 (Алёхин, Шульга, 2003; Шульга, 2008а)

На соседних территориях такого обряда тогда не было. В VI–III вв. до н. э. обряд погребения лошадей с человеком в одной яме на приступке опять же фиксируется только в пазырыкской и родственной ей быстринской культуре в предгорьях Алтая. Т. е. данный обряд на протяжении 500 лет существовал только в предгорьях и в Горном Алтае, ненадолго проникая в IV–III вв. до н. э. в соседние Туву, Монголию и Синьцзян с представителями пазырыкской культуры. Наиболее вероятно, что данный обычай был воспринят пазырыкцами от своих непосредственных предшественников на Алтае – майэмирцев?

В Карбане-1 на «Средней» Катуні в ареале бийкенской культуры также обнаружено погребение майэмирского типа (Дёмин, Гельмел, 1992). Заполнение ямы сверху закладывалось плитами, лошади в нём находились на приступке высотой 65 см, а женщина располагалась в небольшом подбое. Под её «черепом было зафиксировано пятно чёрного цвета, возможно, следы минерального красителя, которым были окрашены волосы погребённой» (Дёмин, Гельмел, 1992, с. 30). Если это так, то в Карбане-1 впервые зафиксирован характерный для собственно пазырыкцев головной женский убор с сажистым наполнителем. Женщи-

на и лошади ориентировались в Карбанае-1 на запад, как и в Покровском Логу-4 (Шульга, 2008а, рис. 38). Эта черта позднее прослеживается в двух раннепазырыкских курганах на «Средней» Катунь (Кайнду, к. 7; Тыткескень-6, к. 27) (Кирюшин, Степанова, 2005). С определёнными оговорками они относятся к пазырыкской культуре, но западная ориентация умерших и расположение конских подхоронений слева (к северу) имеет явные аналогии с расположением лошадей или шкур в майэмирских курганах типа Машенки-1, переходного Чесноково-1, а также в своеобразных погребениях в могильниках Кузнецк-1/4 и 1/5 в Кузнецкой котловине (Ширин, 2004). Подобным образом, головами на запад, у северного края могилы погребалась четвёрка лошадей в раннескифском кургане №27 в Сентелеке на могильнике Покровский Лог-4 (Шульга, 2008а). Вполне естественно наблюдать сохранение этого обряда в середине VI в. до н. э. и на примыкавшем к предгорьям участке Катунь (Кайнду, Тыткескень-6). Эпизодически эта особенность обряда встречается и позже в пазырыкской культуре (Кок-Су-1 и др.).

5.1.2. Среднескифское время (2-я половина VI – III в. до н. э.). Пазырыкская и быстринская культуры

В середине – 2-й половине VI в. до н. э. в Горном Алтае, как и во всей остепнённой зоне, погребальная обрядность, вещевые комплексы и искусство кардинально меняются. Причины этой эпохальной смены культурного облика на столь обширной территории пока не ясны. Некоторые исследователи объясняют эти изменения миграциями. Для отдельных районов такой подход выглядел бы оправданным. Однако смена культурного облика произошла в короткие сроки повсеместно от Причерноморья и до Тувы. Для заселения столь огромной территории потребовались бы миллионы людей с уже где-то сложившейся культурой и скотоводческим хозяйством. Такой исходной области формирования народов, известных по десяткам археологических культур, в VIII в. до н. э. и во второй половине VI в. до н. э. не было ни к северу, ни к югу от пояса Великой степи. Очевидно, что полной смены населения в этих регионах не могло произойти.

Значительная часть населения Горного Алтая в VI в. до н. э., видимо, продолжала проживать на своих местах, по-прежнему занимаясь скотоводством, охотой, а в благоприятных условиях и земледелием. В пользу этого говорят данные антропологии и палеогенетики, согласно которым погребённые в курганах каракобинского типа и в значительной мере пазырыкского близки местному населению Горного Алтая эпохи неолита, бронзы и раннескифского времени (Чижишева, 2003, с. 109–116; Чижишева, Губина и др., 2007, с. 131, 139–140; Молодин, 2003). По материалам Т.А. Чижишевой «Антропологические данные свидетельствуют об автохтонном происхождении основного пласта пазырыкского населения, о его генетической связи с населением каракольской культуры и местными неолитическими племенами», вместе с тем, «племена Горного Алтая со 2-й половины II тыс. до н. э. не прерывали своего взаимодействия с населением северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии», а «основной европеоидный компонент населения пазырыкской культуры имеет те же генетические корни, что и население кочевых и полuosедлых племён скотоводов, обитавших на территории Парфии, Маргианы, Северной Бактрии (Чижишева, 1998, с. 639; Чижишева, Губина и др., 2007), т.е. часть пазырыкцев были потомками выходцев из Передней Азии или Казахстана. Согласно особой точке зрения Л.С. Марсадолова, значительная часть пазырыкцев, определившая характерные особенности культуры, пришла с территории

современной Турции после разгрома кочевников в 585 г. до н. э. (Марсадолов, 1997, и др.). Однако, археологический материал указывает на более ранние миграции на Алтай населения из Казахстана. К этому, в частности, склонялся С.И. Руденко, полагавший, что «интересующие нас скотоводческие племена (пазырыкцы – *II. III.*) пришли в Горный Алтай с вполне сложившейся культурой из юго-западных степей примерно в начале VII в. до н. э. В Горном Алтае они застали племена иной культуры, основным занятием которых была охота. Эти последние племена были либо оттеснены в северную тайгу, либо ассимилированы пришельцами» (Руденко, 1960, с. 201). По М.П. Грязнову, неоднократно отмечавшему отсутствие в Горном Алтае памятников андроновской и карасукской культур, ранние кочевники проникли туда через северные предгорья (см. Тишкин, 2007, с. 102). Позднее, точку зрения С.И. Руденко рассмотрел В.А. Могильников, располагавший значительно большими материалами. Пра-родины «майэмирцев» в Казахстане он не нашёл (см. выше).

Пазырыкская культура (собственно пазырыкцы и каракобинцы), по мнению В.А. Могильникова сформировались из двух основных групп местного раннескифского населения, и «представляет, по-видимому, сложное образование, сложившееся к концу VI в. до н. э. в результате взаимодействия местного населения ... и продвинувшегося сюда населения из степей восточного и юго-восточного Казахстана.» (Могильников, 1986, с. 53). Эту точку зрения поддержал А.С. Суразаков, считая раннескифское население Горного Алтая «этнической базой (или одним из её компонентов)» формирования пазырыкской культуры (Суразаков, 1989, с. 7), а затем и автор (Шульга, 1998). С вышеуказанными мнениями в какой-то мере перекликается мнение В.И. Молодина, что «в основе пазырыкской культуры лежат два компонента – местный самодийский и пришлый иранский. Синтез этих образований, произошедший, по-видимому, в эпоху поздней бронзы, породил культуру раннескифского времени» (Молодин, 2003, с. 156).

Большинство исследователей признают существование на территории Горного Алтая и примыкающей части Восточного Казахстана единой пазырыкской археологической культуры, представленной несколькими типами погребений, включающих два основных – классические захоронения в срубках с лошадьё и каракобинские в каменных ящиках без лошади (см.: Кубарев, Шульга, 2007, с. 9–16). Общее количество исследованных захоронений пазырыкской культуры составляет уже около 700. Курганы пазырыкцев устраивались на зимниках, в удобных для ведения полукочевого скотоводства остепнённых долинах Горного Алтая (Республика Алтай) и Восточного Казахстана до Тарбагатайского хребта и Иртыша. Мало-пригодные для круглогодичного выпаса скота северо-западные низкогорья и среднегорья Горного Алтая с мощным снежным покровом в зимнее время использовались пазырыкцами гораздо меньше. Этот пояс увлажнённых предгорий шириной 80–120 км служил своеобразным буфером между скотоводами Горного Алтая и населением равнины уже со времени распространения афанасьевской культуры (рис. 1а) (Шульга, 1990а, 1994, 1998а, 1998е; и др.). Аналогичная ситуация прослеживается и в скифскую эпоху. В указанном поясе курганы встречаются редко, обычно в долинах и урочищах с особым микроклиматом (в основном по Чарышу и Аную), где скотоводы могли проживать сравнительно долго. В некоторых из них даже сформировались довольно крупные афанасьевские и пазырыкские могильники. Предельные границы распространения собственно пазырыкцев в северном направлении на Катунь фиксируются по могильнику Майма-4 у г. Горно-Алтайска (Киреев, 1991, 1992; Абдулганеев, Киреев, Кунгурова и др., 2004; Археологические памятники..., 2008) и захоронению из

Точилинского Елбана на р. Песчаной (Абдулганеев, Тишкин, 1999). В северо-западном направлении крайней точкой является могильник Маяк-1 на Чарыше (Шульга, 1997, 2003а, с. 113). К востоку в Туве несмотря на сравнительно неплохую исследованность найдено всего одно погребение пазырыцкого типа (сруб и подхоронение лошадей, восточная ориентация) в могильнике Саглы-Бажи-2 (Грач, 1980, с. 38, 112, рис. 19) недалеко от границы с Монголией, примерно в 150 км по прямой от пазырыцких курганов по рекам Юстыд (Республика Алтай). Ещё два захоронения в срубках и с лошадьми найдено у оз. Ак-Холь (Семёнов, 1997, с. 12–13, рис. 7, 9), примерно в 40 км к СВ от пазырыцких курганов Юстыда и Сайлюгема, исследованных В.Д. Кубаревым в Кош-Агачском районе Республики Алтай (Кубарев, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007). Помимо типично пазырыцких черт (в том числе, узкогорлые сосуды и золотая фольга), все эти курганы демонстрируют и особенности местной уюкско-саглынской культуры. В Саглы-Бажи-2 это квадратный сруб с тремя погребёнными, у которого с севера была устроена приступка с подхоронением двух лошадей. В результате яма была расширена к северу и приобрела в плане не свойственную пазырыку форму меридионально вытянутого прямоугольника. В Ак-Холе отличия более существенные – западная ориентация умершего и расположение лошади с юга. В пазырыцкой культуре немногочисленные (в основном, на границе с Монголией и Тувой) ориентированные на запад умершие почти никогда не сопровождались подхоронениями лошадей, а если это случалось, то лошади всегда укладывались с севера. Эти черты (западная ориентация и лошадь с юга) характерны для быстринской культуры на Предалтайской равнине, но погребения в Ак-Холе к ней не имеют никакого отношения. Очевидно это местная особенность погребального обряда, возможно, также возникшая как противопоставление пазырыцкому. По имеющимся материалам, в том числе железным удилам и ножам, погребения датируются в рамках IV–III вв. до н. э. и, видимо, появились в ходе «экспансии» пазырыццев в конце IV – III вв. до н. э.

Значительно больше пазырыцких курганов в Монголии на территории, примыкающей к Республике Алтай и отделённой от пазырыцких могильников Чуйской степи легко проходным перевалом Сайлюгем (Молодин, Парцингер и др., 2006, 2012). Самые удалённые курганы пазырыцкого типа с балбалами выявлены в 200 км южнее российско-монгольской границы (Варёнов, Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2004; Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2007, с. 85). Перевалы на границе Монголии с Чуйской степью и плато Укок не являлись препятствием для скотоводов. Значительно трудней было сообщение с отделёнными мощными хребтами Джунгарией (Синьцзян). Однако и там, в 150 км к югу от плато Укок также найдены типично пазырыцкие или очень похожие захоронения в срубке с конём (Варёнов, 1999; Варёнов, Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2004; Кэцзыцзя, 2010). Помимо этого, на Тянь-Шане у г. Турфан (Синьцзян) на могильнике Цзяохэ Гоубэй обнаружены погребения с подхоронениями лошадей и верблюдов, во многом похожие на пазырыцкие (Шульга, 2010а, с. 82–93). По всей видимости, в Джунгарии (северная часть Синьцзяна) в V–III вв. до н. э. проживали родственные пазырыццам племена скотоводов, а также собственно пазырыццы, заселявшие южные склоны Алтая (см.: Полосьмак, 1998; Шульга, 2010а). Были ли это племена юэчжей, как предполагал С.И. Руденко и некоторые другие исследователи, мы едва ли узнаем, поскольку по имеющимся данным уверенная идентификация этнонима «юэчжи» с конкретными археологическими памятниками Синьцзяна и Ганьсу не возможна. Так или иначе, но обнаружение в Джунгарии близкого пазырыццам населения существенно меняет наши представления о месте пазырыцкой культуры в древнем мире, её контактах и дальнейшей судьбе.

Пазырыкские курганы располагаются меридиональными цепочками, состоящими из нескольких микроцепочек по 2–3 кургана. Каждая микроцепочка имеет несколько отличную ориентацию и отделена от соседних сравнительно большим интервалом (рис. 4). Курганы в микроцепочках могут почти примыкать друг к другу, но случаи взаимоперекрывания редки. Предположительно каждая микроцепочка является последовательным захоронением ближайших родственников, образующих могильник (цепочку курганов). В пазырыкских курганах устраивалось только по одной, расположенной у центра, могиле. Классический *собственно пазырыкский* курган имел округлую каменную насыпь диаметром от 3–5 до 30–70 м. К востоку от насыпи часто фиксируется широтный ряд вертикальных камней (балбалов) высотой от 0,5 до 4,5 м. Могила представляла собой яму с отвесными стенками прямоугольной или подквадратной формы глубиной 2–3 м. Длинные стенки ям располагались в широтном направлении, а сами стенки ориентировались по сторонам света. В элитных курганах могилы были только квадратными, глубина их достигала 5–7 м. На дне ямы ближе к южной стенке устанавливался сруб (в элитных курганах сруб был двойным), в котором на помостах (в элитных, обычно, в колодах) погребалось 1–3 человека (чаще два), уложенных на правом боку с подогнутыми ногами головой в восточный сектор. В северной части ямы за стенкой сруба на приступку укладывались одна или несколько лошадей (в элитных до 22 особей), обычно в положении на животе с подогнутыми ногами и поднятой головой, обращенной к востоку (рис. 14. – а).

Каракобинские захоронения также совершались под округлыми каменными насыпями, но среди них нет элитных, а потому размеры таких курганов не превышают 10–15 м. Ямы прямоугольные в плане, глубиной около 2 м. Ориентировались длинными сторонами в широтном направлении. На дне устанавливался каменный ящик из нескольких, уложенных на ребро крупных плит, в котором погребали 1–2 человек, уложенных на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток. За единичными исключениями лошади в каракобинские могилы не подхоранивались. Помимо характерных («классических») пазырыкских и каракобинских погребений в Горном Алтае известно большое количество захоронений с погребальным обрядом как бы промежуточного характера. Подавляющее количество их представляют собой подкурганые погребения в срубах (иногда, рамах) с ориентацией умерших в восточный (в ряде случаев западный) сектор, но без конских подхоронений. Расположение погребенных в них людей, инвентаря и его набор в общих чертах одинаковы. Все рассмотренные типы погребений встречаются повсеместно в ареале распространения пазырыкской культуры, но представлены в разных соотношениях.

В настоящее время в рамках пазырыкской культуры выделено два локальных варианта (северный или тыткескенский и юго-восточный) и поставлен вопрос о возможном выделении северо-западного (Степанова, 2004; Тишкин, Дашковский, 2002; Кубарев, Шульга, 2007). Своеобразны и памятники пазырыкской культуры Восточного Казахстана. Уже из названий выделяемых или предполагаемых локальных вариантов пазырыкской культуры видно, что они расположены вокруг условного центра, отмеченного наибольшей концентрацией элитных («царских») курганов диаметром до 40–70 м. Это периферийные контактные территории, где значительная часть памятников носит черты соседствующих культур Тувы, Монголии, Казахстана и равнинных предгорий Алтая.

Наибольшая близость у пазырыкцев прослеживается с соседствовавшей с севера быстринской культурой, погребальный обряд которой, очень схож с пазырыкским, и различается

лишь противоположной (западной) ориентацией умерших и лошадей (рис. 15. – 1). Орнаментация быстрианской поселенческой посуды также имеет ближайшие аналогии в пазырыкской культуре (рис. 13–15; 100) (Абдулганеев, Владимиров, 1997). Представляется, что обе культуры оставлены родственными племенами. С традиционной каменной культурой у пазырыкцев мало общего, но в западных предгорьях (верховья р. Алей) на могильнике Локоть-4а в каменных захоронениях отмечаются аналогии в погребальном обряде, инвентаре, оформлении головных уборов и в обычае использовать золотую фольгу (Шульга, 2003а)¹. Но было и обратное влияние. Так, на р. Чарыш обнаружен пазырыкский могильник Маяк-1 с многомогильными курганами (Шульга, 2003а). Наибольшие отличия имеет староалейская культура, оседлое население которой погребало умерших в грунтовых могилах. С соседями (каменной и быстрианской культурами) её сближают лишь ориентация умерших на запад, юго-запад, да использование специфической поясной фурнитуры с бабочковидными бляшками.

Итак, на территории Горного Алтая (Республика Алтай) в раннескифское время (VIII – начало VI вв. до н. э.) в основном проживали племена, оставившие курганы бийкенской культуры. Судя по расположению курганов, они, подобно афанасьевцам (III тыс. до н. э.), заселяли практически всю скотоводческую зону за исключением восточной части Чуйской степи. В этих же территориальных рамках проживали и пазырыкцы на раннем этапе (2-я половина VI–V вв. до н. э.) и только в IV–III вв. до н. э. они существенно расширяют ареал, заселив Восточный Казахстан, Чуйскую степь, Укок и прилегающую часть Монголии, и, вероятно, горы Алтая на севере Джунгарии.

5.2. Датировка поселений раннего железного века Горного Алтая

Проблема датирования и хронологии поселений раннего железного века в Горном Алтае в настоящее время стоит столь же остро, как и 15–20 лет назад (Шульга, 1990а, 1990б, 1996, 1998а; Абдулганеев, 1998). Датировочные вещи на поселениях почти не встречаются, а выделить ранние и поздние керамические комплексы в рамках VII–III вв. до н. э. пока не удаётся, поскольку мы располагаем слишком малым количеством поселенческих материалов. Не случайно автор и многие другие исследователи, зачастую, определяют время того или иного поселения не одним-двумя веками, а в рамках целой эпохи – ранним железным веком – с VIII по II–I вв. до н. э.² Стратифицированные поселения скифского времени пока не исследовались, и хронологически значимые особенности керамики пока не выделены. Поэтому, зачастую, нельзя с уверенностью отличить по фрагментам сосуда VII–VI вв. до н. э. и III–II вв. до н. э. Показательно, что баночные сосуды с орнаментом в виде строчки вдавлений или жемчужника бытовали в Горном Алтае уже в VIII–VII вв. до н. э. и доживают, по меньшей мере, до II–I вв. до н. э. (см. ниже). Датировка поселенческой керамики осложняется её отсутствием в раннескифских захоронениях VIII – середины VI вв. до н. э. Исключением является лишь керамика из насыпей бийкенских курганов и поминальников Чесноково-1 (рис. 5-8). Керамические сосуды начинают помещать с умершими только со второй половины VI в. до н. э. На позднепазырыкском этапе (IV–III вв. до н. э.) они ставились почти в каждом погребении по количест-

¹ Похожий обряд зафиксирован и в неподалёку расположенных элитных курганах могильника Бугры (Чугунов, 2014).

² Ранний железный век или эпоха раннего железа формально охватывает большой период с VIII в. до н. э. по V в. н. э., в том числе – гунно-сарматское время (II в. до н. э. – V в. н. э.). В литературе по археологии Сибири под «ранним железным веком» обычно подразумевается период с (VIII)VII по III(II) вв. до н. э.).

зырыкском этапе (IV–III вв. до н. э.) они ставились почти в каждом погребении по количеству умерших, но, как оказалось, это была ритуальная посуда, на поселениях почти не встречающаяся. То есть, в захоронениях VIII–III вв. до н. э. мы почти не встречаем бытовой керамики, которая присутствует на поселениях. Соответственно, мы пока не можем с уверенностью синхронизировать бытовую и ритуальную посуду пазырыкцев VI–III вв. до н. э. В результате, для раннего железного века мы имеем почти не разделяющийся во времени (VIII–II вв. до н. э.) набор поселенческой керамики. При этом время бытования форм сосудов и орнаментов по погребальной керамике не устанавливается, поскольку в VII – 1-й половине VI вв. до н. э. её почти нет, а в V–III вв. до н. э. она изготавливалась специально для погребальных ритуалов и не соотносится с поселенческой керамикой.

Предварительная датировка небольших серий поселенческой керамики, полученных в результате сборов, шурфовок или небольших раскопов, производилась исследователями по аналогии с Ближними Елбанами и керамикой из быстрянских погребений. Все поселения середины и второй половины I тыс. до н. э. относились либо к «бийскому» этапу большереченской культуры на основании орнаментации в виде поясков из чередующихся «жемчужин» и угловых вдавлений (Лапшин, Молодин, Петрин, 1982, с. 21; и др.); либо к «березовскому», по орнаменту в виде поясков из «жемчужника», ямок или их чередования (Суразаков, 1982, с. 133; и др.). Подобный подход к датированию поселений, с их автоматическим отнесением к большереченской культуре, к настоящему времени себя исчерпал, поскольку содержание и хронология этих понятий полностью изменились. К тому же, «берёзовская» орнаментация в виде пояска вдавлений, «жемчужника» или их чередования широко распространена не только на Верхней Оби и в Горном Алтае, но и в Новосибирском Приобье, в тагарской культуре, Туве и в Казахстане. Как отмечал А.И. Мартынов: «круглоямочный и кружковый узоры встречаются настолько широко и в степной и в лесостепной зонах Сибири, что их происхождение трудно связать с какой-то конкретной территорией» (Мартынов, 1979, с. 129).

Поселение Чепош-2. Вскрыто более 700 кв. м, получено 4476 фрагментов керамики, из них венчики и орнаментированные фрагменты от 480 сосудов. На поселении не найдено узко датированных вещей, тем не менее несколько изделий (кинжал, наконечник стрелы и два керамических сосуда) имеют определённые хронологические рамки бытования. Бронзовому кинжалу из жертвенника (рис. 38. – 3) полных аналогий автору не известно. По форме он напоминает карасукские кинжалы VIII–VII вв. до н. э. с кольчатой навершием, расходящимися под углом концами плоского перекрестия и некоторым сужением клинка у перекрестия. Высокое содержание олова (определение С.В. Хаврина) подтверждает его ранний возраст. Кинжал обнаружен на краю выложенного из камней кольца диаметром около 1 м, заполненного сильно гумусированной землёй с мелкими кальцинированными косточками животных. Судя по устройству и заполнению, это был не очаг, а жертвенник. Вероятно, кинжал переиспользован. Ещё до этого у него были частично обломаны навершие и острие (как и у некоторых других карасукских ножей), но нельзя исключить и намеренной порчи вещи. Первоначальная длина кинжала составляла около 17 см. Уже обломанный клинок длиной 6 см затем был сильно раскован по сторонам и заточен. По всей видимости, применялся он не для хозяйственных целей. Костяные черешковые трёхгранные наконечники с двумя слабо выделенными жальцами (рис. 38. – 2) относится к универсальному типу бытовавшему в Верхнем Приобье с эпохи бронзы (Папин, Шамшин, 2005, рис. 12–16) на протяжении всего I тыс. до н. э. (рис. 110) (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 110, 111; Дураков, Мжельская,

1995, рис. 5). Наиболее узкие хронологические рамки у сосуда с двумя рядами жемчужника, чередующегося с подтреугольными вдавлениями уголка лопатки, и расположенными по венчику пояском из косых оттисков гребенчатого штампа (рис. 37. – 1). В этом он подобен керамике большереченской культуры VII–VI вв. до н. э. (Грязнов, 1956, табл. X. – 9, XIII. – 3; и др.). Та же орнаментация, но с заменой гребенчатого штампа гладким на сосуде из землянки №5 (Грязнов, 1956, табл. XIV. – 12). Два пояска жемчужин, чередующихся с подтреугольными вдавлениями, имеют сосуды бийского этапа большереченской культуры VI–V вв. до н. э. (Грязнов, 1956, табл. XXII. – 5). Обломки рассматриваемого сосуда лежали на одном уровне на площади около 1,5–2 кв. м и перекрывали яму №24, откуда происходят фрагменты керамики, украшенные пояском из наколов в чистом виде и в сочетании с гладким штампом, два фрагмента орнаментированы елочкой (рис. 37. – 5-8). Орнаментация и формы сосудов из ямы №24 типичны для всего керамического комплекса поселения Чепош-2. В пользу ранней датировки говорит находка в квадрате Ж/4 на древней свалке мусора в слое с типичной для поселения керамикой развала ещё одного баночного сосуда, украшенного двумя рядами подтреугольных вдавлений и находящимся между ними пояском округлых вдавлений (рис. 35. – 9). Ближайшие, надежно датируемые фрагменты баночного сосуда с подобной орнаментацией, происходят из остатков тризны под каменной насыпью Второго Башадарского кургана (рис. 83. – 20) (Руденко, 1960, рис. 42. – б), датируемого около середины V в. до н. э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 28–30). Таким образом, вышерассмотренные сосуды и кинжал позволяют нам датировать поселение Чепош-2 в пределах VII–V вв. до н. э.

Вместе с тем, М.Т. Абдулганеев отстаивал более позднюю дату Чепоша-2, который он синхронизировал с поселением Майма-1, отнесённого к майминской культуре гунно-сарматского времени (I в. до н. э. – V в. н. э.) (рис. 11; 12) (Абдулганеев, 1998). К майминской культуре им отнесены также городища Сайлап, Курлап и поселение Ушлэп-5, предварительно датированные II–V вв. н. э. (Скопинцева, 1993; Кунгуров, Горбунов, 1993). Действительно, поселение Майма-1 расположено на подобном же пологом склоне южной экспозиции, где выявлен довольно мощный культурный слой с большим количеством керамики и зернотёрками. Есть определённое сходство и в орнаментации сосудов, однако формы, профилировка горловины и венчиков имеют принципиально важные отличия. Прежде всего, горловины у крупных горшков находятся под самым венчиком, который сильно отогнут во внешнюю сторону и иногда имеет карнизик. Эти характерные черты для средневековой керамики черты наиболее хорошо выражены в Сайлапе, Курлапе и Ушлэпе-5, но там к ним добавляется волнистый венчик с вдавлениями в расширенной верхней уплощённой части. Очевидно, что эта керамика иной эпохи, нежели в Чепоше-2, где этих особенностей нет. Поселение Майма-1 многослойное. Найденные артефакты датировались от эпохи бронзы до середины I тыс. до н. э. Первоначально большая часть находок относилась к скифскому времени (Киреев, 1986, с. 177), но после раскопок М.Т. Абдулганеева «основное количество находок» было отнесено к майминской культуре (Археологические памятники..., 2008, с. 23). К сожалению, материалы поселения Майма-1 опубликованы фрагментарно, но в 1996 г. автор имел возможность посмотреть керамику с любезного разрешения М.Т. Абдулганеева. На наш взгляд, керамика майминской культуры существенно отличается от чепошской. Она «средневекового» облика по обжигу, профилировке, орнаментации и известна нам по поселенческим материалам Горного Алтая, где хорошо вычленяется стратиграфически. Некоторые элементы орнаментации керамики Сайлапского и Курлапского городищ и слоя I тыс. н. э.

на поселении Майма-1 (сочетание наколов с елочкой, нанесенной гладким или гребенчатым штампом и вертикальных вдавлений стеблем травы), наблюдаемые и в чепошской керамике, могут быть объяснены как стадияльными изменениями, приведшими к исчезновению «жемчужника» и налепных валиков в начале I тыс. н. э. в северных предгорьях Алтая, так и возможной культурной преемственностью более поздних «майминских» поселений. Более всего на чепошскую по профилировке и орнаментации «ёлочкой» похожа керамика из поселения Урлу-Аспак, расположенного в верховьях р. Маймы в 25 км к северо-востоку от Чепоша-2 (рис. 19). Поселение также расположено на склоне южной экспозиции, имеются зернотёрки, в орнаментации керамики полностью отсутствует жемчужник и валики. На основе сходства с Маймой-1, полученные в Урлу-Аспаке материалы и исследованное жилище отнесены к майминской культуре (см. Акимова, 2008; Акимова и др., 2008). Датированных изделий в Урлу-Аспаке не найдено. Итак, в ходе раскопок Маймы-1 были найдены изделия гунно-сарматского времени, а в Чепоше-2 – VII–V вв. до н. э. При этом, если бронзовый кинжал мог быть переиспользован по прошествии столетий, то сосуд с двумя рядами чередования жемчужин и уголковых вдавлений, однозначно указывает, что в данное место было обитаемо в VII–VI в. до н. э. Следует добавить, что жертвенник с кинжалом и развал указанного сосуда находились на расстоянии около 1,5 м, и вполне вероятно, синхронны. Вместе с тем, едва ли стоит распространять эту датировку на всё поселение, основываясь только на прослеженной стратиграфии залегания развала сосуда с двумя рядами чередований и заполнения в яме 24. Каких-либо стерильных прослоек между ними не было, а потому вопрос о датировании основной площади поселения будем считать открытым.

Датировка поселения Кастахта-3 не столь определена. Железное четырехгранное шило и обломок накладки на лук скорее указывают на последние века I тыс. до н. э. (рис. 106. – 4; 108. – 6). Наконечники костяных черешковых стрел представленных в Кастахте-3 форм пока датируются в очень широких рамках от эпохи бронзы до средневековья. Аналогии кастахтинской керамике с поясками уголковых вдавлений и пояском вдавлений имеются на поселениях в Башадаре-2 середины V в. до н. э. (рис. 83. – 20 и 96а. – 11, 12) и в Кучерле, где найден обломок бронзовой поясной обоймы VII–VI вв. до н. э. (рис. 95). О верхней и нижней границах существования рассмотренной керамики говорить трудно. Орнаментация кастахтинского типа существовала в Горном Алтае по меньшей мере с VII по III вв. до н. э., а, возможно, и в более широких рамках. Находки сосудов в Усть-Куюме и Бике подтверждают ее раннюю датировку (рис. 5. – 11, 12; 7. – 2) (Степанова, 1996, рис. 1, 2; Тишкин, 1997, рис. 21). О значительной древности поселения Кастахта-3 говорит и чрезвычайно мощный культурный слой – до 90–120 см. Предположительно время существования данного поселения можно определить VI–I вв. до н. э.

Поселения Текпенек-Боочи-2 и 3 с большой вероятностью датируются также VI–IV вв. до н. э. Горшки из жилища на поселении Текпенек-Боочи-3 (рис. 82) по профилировке (редко встречаемой в Горном Алтае и предгорьях) и отсутствию орнамента соответствуют горшкам, разбитым во время тризны на Втором Башадарском кургане, датированным примерно серединой V в. до н. э. (рис. 83). В этом же кургане найдена корчага с дном, украшенным точечным орнаментом в виде окружностей, фрагмент подобного днища в Горном Алтае найден только на поселении Текпенек Боочи-2 (рис. 82. – 23). Крупные фрагменты меньшей размерами корчаги найдены в жилище на поселении Текпенек-Боочи-3. На поселении Тек-

пенек-Боочи-2 обнаружены неорнаментированные баночный сосуд и горшок такой же профилировки, как и в Башадаре-2.

Поселение второй группы Аскат-2 датируется V–IV вв. до н. э. по обнаруженной там, среди обломков форм и ошлакованных черепков керамики, целой литейной формочки, в которой автором была отлита восковая модель бронзовой поясной пряжки (рис. 108. – 2, 5). Пряжка относится к типу поясных рамчатых с выступающим носиком. Наиболее ранний экземпляр встречен в кургане 2-й половины VI – V вв. до н. э. на могильнике Юбилейный-2 (Уманский, Шульга, 2005), но чаще они встречаются в Горном Алтае и на Верхней Оби в курганах V–III в. до н. э. (Руденко, 1960, табл. СІХ. – 5; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 114; и др.). Керамика в Аскате-2 очень однородна по орнаментации и по тесту. Часть сосудов, возможно, изготовлена одним мастером. Очевидно, поселение существовало недолго.

Поселение Партизанская Катушка. На основе сходства керамики и находок фрагментов с имитацией уголковых вдавлений (рис. 25. – 1) материалы раннего железного века можно датировать в рамках VI–II вв. до н. э. Значительная часть слоя отложилась во время существования поселения Аскат-2, относимого к V–IV вв. до н. э. В это же время был сооружен очаг №2. Валиковая керамика этих поселений имеет много общего: только на них встречены венчики сосудов с имитацией уголковых вдавлений (рис. 42. – 1, 3; 51. – 2, 3) и биконические орнаментированные пряслица (рис. 43. – 5а; 48. – 5). Различные приемы орнаментации валиков этих сосудов доказывают параллельное использование подобных банок на двух соседних поселениях Партизанская Катушка и Аскат-2.

По-видимому, наиболее древним является поселение Куротинский Лог-1 – единственное крупное поселение близ Больших Туэктинских курганов (рис. 73). На поселении не найдено узко датированных вещей. Панцирная пластинка пока не имеет аналогий в Горном Алтае, хотя за его пределами подобные пластины находят в курганах V–III вв. до н. э. (Матвеева, 1987, с. 60–67; Генинг, 1993, с. 72–101; и др.). В лесостепном Алтае крупная прямоугольная пластина происходит из большереченской землянки VII–VI вв. до н. э. (Грязнов, 1956, с. 47, табл. ІХ. – 8). Для определения времени существования поселения необходимо обратиться к керамическому материалу. Близкая орнаментация сосудов вдавлениями, «жемчужинами» и наклепными валиками обнаружена на поселении Аскат-2, датированном V–IV вв. до н. э.

В пазырыкской культуре сосуды с наклепными валиками появляются в погребениях только с IV в. до н. э., но на поселениях валик, видимо, появляется намного раньше. Что же касается датировки части куротинской валиковой керамики, то можно предположить ее происхождение от позднебронзовой валиковой керамики Казахстана и степного Алтая, просуществовавшей до VIII–VII вв. до н. э. (Ломан, 1987; Удодов, 1988; Могильников, 1995, с. 84; и др.). Исходя из этого, в куротинской керамике можно выделить ряд архаичных черт: 1) орнаментация под валиком (четыре сосуда, рис. 77. – 11-13); 2) близкое расположение валика к венчику, в 1–2 см (рис. 77. – 11, 16 и др.); 3) отвисание валика (рис. 77. – 2, 3, 9). Указанные особенности отличают куротинскую керамику от аскатской в сторону удревнения, хотя по форме сосудов и венчиков, орнаментации валиков они очень близки. Судя по ранней валиковой керамике, данный участок поселения был освоен не позже VIII–VII вв. до н. э. Поскольку поселение Куротинский Лог-1 можно считать единственным в долине долго обитаемым, то в этом месте скотоводы должны были жить и позже, в том числе, хоронившие своих умерших в Туэкте-1, 2 в конце V – начале IV вв. до н. э.

На поселении Элекмонар-4 датирующих вещей не найдено. Аналогичная валиковая керамика элекмонарского типа найдена в слое ржав на поселении Узнезя-1, который предварительно датирован серединой – 2-ой половиной I тыс. до н. э. (Степанова, 1994, с. 22). Керамика поселения Элекмонар-4 близка найденной на поселении Аскат-2 (рис. 105, табл. А), датирующемся литейной формой пряжки V–IV(III) вв. до н. э.

В данном разделе мы приводим датировки большинства поселений в рамках VI–I вв. до н. э., однако, как указывалось выше, почти все виды орнаментов и сосудов фиксируются в Горном Алтае уже в раннескифское время с VII в. до н. э. (рис. 5-8) и частично сохраняются даже в гунно-сарматское время (рис. 103) (Худяков, 1998). Наиболее ранними являются нижние слои поселений Чепоше-2 и Куротинский Лог-1, отложившиеся уже в VIII–VII вв. до н. э.

5.3. Культурная принадлежность поселений раннего железного века

Проведенные автором исследования позволяет выделить три группы поселений, имевших между собой хозяйственные и этнокультурные различия.

I. Группа «земледельческих» поселений. К ней относятся поселения Чепош-2 и Кастахта-3, возможно, Узнезя-4, Текпенек-Боочи-3). Рассматриваемые поселения имеют между собой много общего, отличающего их от других: 1) они расположены, как правило, на склонах южной экспозиции, а не в логах и у подножья гор, где обычно жили скотоводы с эпохи энеолита. По этим причинам на указанных поселениях имеются только слои раннего железного века; 2) на исследованных сравнительно большими раскопами однослойных поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 обнаружены обломки соответственно от 16 и 20 зернотерок. Очевидно, на поселениях значительный вес в хозяйстве имело земледелие; 3) На поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 зафиксированы наиболее мощные культурные слои, указывающие на длительность проживания и активную хозяйственную деятельность; 4) главной особенностью керамики «земледельческих» поселений является отсутствие «жемчужин» и налепных валиков, а также высокий процент гладкого и гребенчатого штампа (см. рис. 105, табл. А).

Отсутствие валиков отличает поселения «земледельцев» от всей массы поселений Горного Алтая и предгорий, где валиковая керамика встречается повсеместно (Точильное-1, Фоминское, Солонцы-1, Ст. Бехтемир, Енисейское, Малоугренёво, Красный Яр, Усть-Иша-3 и др.) (см. Абдулганеев, Владимиров, 1997). Отсутствие «жемчужника» отличает поселения первой группы не только от Горного Алтая и предгорий, но и от других культур Верхней Оби и Минусинской котловины. Как отмечалось выше, по многим позициям поселениям первой группы близки памятники Майма-1 и Урлу-Аспак майминской (?) культуры, но, думается, Майма-1, Курлап, Ушлёт-5 и др. функционировали позже и относятся к иной эпохе. Вместе с тем керамика Чепоша-2 и Кастахты-3 существенно различается: если в Чепоше-2 из 480 сосудов только на трех отмечен уголок лопатки, то в Кастахте-3 этот орнамент встречен на 23% сосудов. В своё время широкое распространение получила точка зрения о заимствовании горноалтайцами этого элемента у большереченцев (Могильников, Елин, 1982, с. 108), и проникновении большереченцев в Северный Алтай и на Среднюю Катунь (Могильников, 1988, с. 82–83). Однако, на основе приведённых выше материалах установлено, что уголковая орнаментация, как и «жемчужник», существовала в Горном Алтае уже в раннескифское время. При этом уголок лопатки или треугольное в давление выступает в Горном Алтае как самостоятельный орнамент или в сочетании с пояском ямочных вдавлений (см. рис. 105, табл. А). В предгорьях и в лесостепном Алтае такие сочетания встречаются крайне редко и,

наоборот, могут быть результатом влияния Горного Алтая. В орнаментации керамики рассматриваемых поселений доля округлых вдавлений примерно одинакова: в чистом виде составляет 44–57 % в сочетаниях с другими элементами – 64–67 %. Характерен гребенчатый и гладкий штамп, но встречаемость этих орнаментов различна: гладкий штамп и прочерченные линии в виде елочки на поселении Кастахта-3 составляет 14 %, а на Чепоше-2 – 36 %; гребенчатый штамп – соответственно 2,5 и 36 %. Наиболее существенным отличием керамики чепошского типа (Чепош-2, Узнезя-4) от керамики кастахтинского типа (Кастахта-3, Кучерла) является то, что в Северном Алтае орнаментация уголком лопатки практически отсутствует, тогда как на Кастахте-3 в сочетаниях составляет 23 %. В Центральном Алтае значителен процент неорнаментированных сосудов (Текпенек-Боочи-2, 3, Башадар-2) а в Северном это редкое исключение.

Таким образом, отмечая общность «земледельческих» поселений, нужно учитывать и существенные различия между поселениями Северного и Центрального Алтая. Думается, поселения с керамикой кастахтинского типа можно соотнести с какими-то группами населения бийкенской культуры, тогда как чепошская керамика пока не соотносится ни с одной известной культурой в Горном Алтае I тыс. до н. э.

II. Ко второй группе «скотоводческих» поселений с валиковой керамикой относятся поселения Аскат-2, Партизанская Катушка, Куротинский Лог-1, и, возможно, Ело-6, Барагаш-4, 5; Муны-1. Поселения оставлены скотоводами, на что указывает их месторасположение и редкая встречаемость зернотерок. Эту группу мы связываем с пазырыкской культурой, возможно, с населением, оставившим курганы пазырыкского типа. Поселения этой группы, несомненно, распространены много шире, чем известно сейчас, в частности, в Кош-Агачском районе, где поселения раннего железного века не исследовались.

Необходимо отметить наличие в предгорьях Алтая и в увлажненной зоне Нижней Катунь многочисленных поселений с валиковой керамикой (Майма-2, Точильное-1 и др.). Однако в комплексе орнаментация предгорной керамики отличается от горноалтайской, прежде всего, расположенным над валиком (или без него) пояском из чередующихся вдавлений разной формы и «жемчужин» (рис. 100. – 12). На поселении Куротинский Лог-1 из фрагментов от 132 сосудов чередование вдавлений и «жемчужин» (без валиков) отмечено на двух фрагментах. На Аскате-2 – на двух фрагментах из 146 сосудов, на Партизанской Катушке – на четырех фрагментах из 166. В Горном Алтае с валиками сочетаются только пояски вдавлений, как правило, округлых или «жемчужин». Предгорный вариант не встречается. Поясок из чередующихся наколов и «жемчужин» нужно рассматривать как характерную черту для всей керамики степных предгорий и лесостепного Алтая. От «земледельческих» поселений «скотоводческие» отличаются с одной стороны наличием валика и «жемчужин», а с другой – отсутствием орнамента уголком лопатки, гребенчатого и гладкого штампа.

III. Поселения третьей группы отличаются от других лишь некоторыми особенностями орнаментации керамики. К ним отнесены находящиеся неподалёку друг от друга на Нижней Катунь поселения Элекмонар-4 и Узнезя-1. Возможно, к ним окажутся близки ещё шесть поселений (Хемчик-1, 2, Ело-5, Озёрное-5, 6, Лебедь-1). Большая часть этих поселений тяготеют к предгорьям. Керамика поселений в процентном соотношении элементов орнамента в основном совпадает со второй группой «скотоводческих» поселений. Главное отличие орнаментации третьей группы от второй и первой заключается в широком распространении на этих поселениях элементов типично «большереченской» орнаментации в виде поясков

«жемчужника», чередующегося с уголковыми вдавлениями и отсутствие повсеместно встречающихся в степном и лесостепном Алтае поясков из чередующихся «жемчужин» и ямочных вдавлений. Последний орнамент встречен только на двух сосудах поселения Элекмонар-4. *Особенностью двух исследованных поселений данной группы (Элекмонар-4 и Узнезя-1) является нигде не встречаемое в предгорьях сочетание пояска из чередующихся «жемчужин» и уголковых вдавлений с рассеченными валиками* (рис. 105, табл. А). Возможно, подобное сочетание будет встречено и на других, еще не изученных поселениях, отнесенных к этой группе. Таким образом, керамика третьей группы имеет свои отличия как от пазырыкской поселенческой керамики (наличие уголковых вдавлений, чередующихся с «жемчужником»), так и от предгорий (наличие валика в сочетании поясками чередующихся жемчужин и уголковых вдавлений, отсутствие поясков из чередующихся ямок и «жемчужин»).

Существовало мнение, что некоторые поселения Северного Алтая и Средней Катуни (Кудыргэ, Лебедь-1, Иогач, Денисова пещера и Кара-Тенеш) оставлены большемерченцами, проникавшими вглубь Алтая, в том числе, в связи с ослаблением пазырыкцев приблизительно с III в. до н. э. (Могильников, 1980, с. 45; Киреев, 1987, с. 70; Савинов, 1989, с. 15; и др.). Анализ керамики из этих районов выявил ее специфические черты, отличные от керамики предгорий и лесостепного Алтая, поэтому непосредственное проникновение значительных групп населения из равнинного Алтая в горы со своими традициями изготовления и орнаментации керамики не подтверждается. Очевидно, имел место длительный процесс взаимодействия и ассимиляции, в результате которого происходили изменения в культуре и хозяйственном укладе населения.

В целом, на основе анализа поселенческих и погребальных материалов можно сделать следующие выводы по этнокультурной ситуации Горного Алтая и предгорий в раннем железном веке.

1. После угасания афанасьевской культуры, в эпоху развитой и поздней бронзы население Горного Алтая было крайне редким, оставившим немногочисленные погребальные памятники и места обитания без выраженного культурного слоя. В VIII–VII вв. до н. э. Горный Алтай вновь становится одним из центров древнего скотоводства Центральной Азии. Полукочевники выбирали под зимние стойбища те же наиболее удобные для скота и людей места, что и жившие до них афанасьевцы. При этом, в районах с наиболее мягким климатом и плодородными почвами (долина р. Катунь ниже р. Чемал, Усть-Коксинский и Онгудайский районы) часть населения в раннем железном веке могла заниматься комплексным хозяйством, включавшим земледелие, скотоводство и охоту. Уже тогда в VII в. до н. э. на территории Горного Алтая имелся известный нам керамический комплекс (банки, чаши, горшки) и комбинации орнаментальных мотивов. Очевидно, определенное участие в формировании культурного облика и керамики приняли выходцы из Казахстана и Верхнего Приобья, но процесс сложения бийкенской культуры раннескифского времени от нас пока скрыт. Столь же загадочно и образование пазырыкской культуры, пришедшей на смену бийкенцам. Между тем, места расположения поселений остались теми же, не изменилась и используемая в быту керамика. Это указывает на сохранение автохтонного населения, проживавшего, по меньшей мере, с VIII в. до н. э. в наиболее благоприятных долинах Центрального Алтая и к северу по Катуни. Во второй половине IV – первой половине III вв. до н. э. наступает краткий (полувековой) период экспансии пазырыкцев во все направления кроме северной тайги. В это время пазырыкские курганы появляются в северо-западных предгорьях Алтая, Восточном Казах-

стане, в Синьцзяне, на Укоке, в Чуйской степи и Монголии. Попытки найти в этих местах их поселения пока не увенчались успехом, что вполне естественно, поскольку проживали они там всего несколько десятилетий.

2. Дифференциация поселенческой керамики Горного Алтая, на наш взгляд, позволяет разграничить керамику из поселений степных предгорий. Хорошо прослеживаются поселения с керамикой, близкой пазырыкской валиковой, но с указанными выше отличиями (Майма-2, 12, Точильное-1, Фоминское, Ст.-Бехтемир, Енисейское, Малоугренёво, Красный Яр). На этих же поселениях, как правило, есть и керамика большереченского типа. Другая часть поселений не имеет валиковой керамики. Вероятно, предгорья, как и Горный Алтай, в VI–IV вв. до н. э. были заселены родственными пазырыкцам племенами «быстрянцев», проживавших совместно с местным (большереченским?) населением.

Заключение

В основе данной книги лежит диссертационное исследование «Поселения раннего железного века в Горном Алтае», подготовленное в 1990 г. (Шульга, 1990а). В течение предшествующих тому 7-8 лет автору удалось выработать методику поиска и обнаружить в Горном Алтае 92 поселения с керамикой раннего железного века, зачастую, содержавших более раннюю керамику афанасьевского облика (рис. 56. – 22–31), и более позднюю – эпохи средневековья (рис. 54–56). На некоторых из них были проведены раскопки, впервые позволившие составить общее представление о поселенческой керамике раннего железного века, и существенно дополнить наши знания о хозяйстве, составе стада и образе жизни древних скотоводов.

За прошедшее время количество выявленных в Горном Алтае поселений, содержащих древнюю керамику, увеличилось почти вдвое с 123 до 226. К сожалению, они не привлекают внимания исследователей, предпочитающих изучать более яркие погребальные комплексы. Справедливости ради, отметим, что в соседних регионах, включая Туву, Хакасию, Монголию, Сибирь и Восточный Казахстан, ситуация значительно хуже – поселения древних скотоводов, обычно, даже не ищут. Между тем, на примере Горного Алтая можно с уверенностью сказать, что в подобных ландшафтах на зимниках скотоводов формировались заметные культурные слои, иногда достигающие мощности 30-60 см и более. Проведенные на Алтае работы показали, что в подобных горных долинах природные условия жёстко определяли характер перекочёвок и места основных поселений (зимников) скотоводов, практически не менявшихся на протяжении пяти тысячелетий. Яркой иллюстрацией тому является наличие многослойных древних поселений на местах современных зимних стоянок чабанов. Очевидно, что в соседних регионах перспективных для исследования поселений довольно много, и необходимо лишь приложить усилия для их поисков и изучения. Справедливость этого заключения, сделанного 25 лет тому назад, недавно подтвердилась в Туве, когда в 2011 г. автором в районе известного кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980) в укромном логу было найдено скотоводческое поселение Желвак-1 с культурным слоем мощностью более 1 м (Шульга, 2011а). Вскоре по отработанной на Алтае методике в указанном районе было найдено ещё несколько поселений древних скотоводов (Жогова, 2014).

Алтай становится скотоводческой горной страной с III тыс. до н. э., когда здесь складывается афанасьевская культура. Суровая природа Алтая не благоприятствовала занятиям земледелием, а потому до недавнего времени в течение пяти тысячелетий основным занятием местного населения были скотоводство и охота. Всё это время, не смотря на хронологические и этнические различия, кочевники придерживались одной модели выпаса скота, и продолжали устраивать свои зимние жилища в одних и тех же местах. При этом более поздние стоянки и жилища, зачастую, перекрывали культурные слои предыдущих эпох. Можно полагать, что их быт и образ жизни также были очень близки, что обуславливалось одним хозяйственно-культурным типом и проживанием в идентичном природном окружении. Значительно сложнее понять причины сходства погребальной обрядности у скотоводов Горного Алтая. Так, уже на самых ранних могильниках афанасьевцев в III тыс. до н. э. устанавливаются особенности погребальной обрядности, из которых многие характерны и для последующих культур: расположение курганов цепочками с ориентацией умерших перпендикулярно оси цепочки; расположение под курганом одной заглубленной могилы с одним умершим; устройство над могилой каменной насыпи (выкладки) с кольцевидной крепидой

или (и) кромлехом из вертикально установленных плит. На некоторых афанасьевских курганах зафиксирован обряд помещения на насыпь зернотёрок и даже установки небольших стел, встречающихся в раннем железном веке и средневековье. Особый интерес представляет и необычайно устойчивая традиция в Горном Алтае подхоранивать с умершим лошадь. Появляется она в VIII в. до н. э., как и в соседних регионах. Однако, в отличие от Казахстана, Тувы и других территорий Евразии, этот обряд продолжал сохраняться на Алтае почти 3 тысячи лет, вплоть до XX в. Всё это позволяет рассматривать население Горного Алтая III тыс. до н. э. – II тыс. н. э. как череду генетически и культурно связанных скотоводческих сообществ одного хозяйственно-культурного типа.

Судя по количеству поселений с керамикой раннего железа (133 поселения), это была эпоха максимального заселения Горного Алтая, когда осваивались ранее пустовавшие районы и урочища. Количество поселений в энеолите (около 50 поселений с керамикой афанасьевского облика) и в средневековье (46 поселений и городищ) была примерно одинакова. Почти на всех из них присутствует керамика раннего железного века. Это означает, что в скифское время были освоены все пастбища, привлекавшие скотоводов как в предыдущее, так и в последующее время. Более того, в полувековой период экспансии пазырыкской культуры (около 325–275 гг. до н. э.) скотоводы Горного Алтая вышли далеко за пределы Центрального Алтая, ненадолго освоив северо-западные низкогорья, Чуйскую степь, Укок, а также прилегающие районы Восточного Казахстана, Синьцзяна и Монголии.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Заключительный этап большереченской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 98–100.
- Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 91–105.
- Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С. 51–56.
- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 106–109.
- Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 59–63.
- Абдулганеев М.Т. Поселения скифского времени лесостепного и предгорного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996. – 38 с.
- Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 165–171.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1982. – С. 52–77.
- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 33–36.
- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос ун-та, 1994. – С. 24–36.
- Абрамзон С.М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
- Абсолямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – Вып. 9. – С. 34–42.
- Акимова (Вдовина) Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН. 2008 – Вып. 7. – С. 37–42.
- Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.
- Акишев К.А. Саки Семиречья // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 7. – Алма-Ата, 1959. – С. 204–214.
- Археологические памятники и объекты Майминского района / Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. – Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.

- Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник // Тр. ИАЭ. Алма-Ата, 1956. – Т. I, серия археологическая. – С. 184–206.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазыдандыбаевскую эпоху. - Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2008. – 112 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия. 2009. – 264 с.
- Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н. э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 20–23.
- Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у посёлка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. – С. 38-40.
- Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на нижней Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 18–22.
- Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). – Новосибирск: Изд-во ИА и Эт СО РАН, 1997. – 224 с.
- Бородовский А.П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 144–157.
- Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катунь (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – №7 – С. 56–67.
- Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 176 с. + цв. вкл. 8 с.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – 220 с.
- Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда // Казаки: Антропол. очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана, С.И. Руденко / МОКАСИР (Материалы Особого комитета по использованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР). Сер. казахстан. – Л., 1927. – Вып. 3.
- Быков Н.И., Быкова В.А. О синхронности исторических и климатических периодов на Алтае // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в южной Сибири и Западной Монголии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 24–35.
- Быков Н.И., Быкова В.А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. - Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. - С. 6–7.
- Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю. Погребальные сооружения как источник по изучению лесопользования у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. №2 (22). – С. 60–67.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Варёнов А.В., Ковалёв А.А., Эрдэнэбаатар Д. Разведка пазырыкских курганов в Северо-Западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.

дельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. 1. – С. 211–216.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. – С. 56–68.

Вдовина Т.А. Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 116–131.

Вдовина Т.А. Оросительные системы Чемальского района // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 174–178.

Вдовина Т.А. К археологической карте Майминского района РА // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН. – Вып. 2. – 2005. – С. 90–103.

Вдовина Т.А. Обследование ирригационных сооружений Онгудайского района Республики Алтай в 2005 году (предварительные итоги) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. XV. – С. 173–175.

Вдовина Т.А. Методические аспекты археологического изучения остатков ирригационных сооружений Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007 – Вып. 5. – С. 144–153.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 124 с.

Владимиров В.Н. Численность и расселение южных алтайцев в XVIII–XIX веках // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. – С. 115–126.

Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. – С. 150–160.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // [СА. XXVII](#). 1957. – С. 250–268.

Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 94–106.

Гельмель Ю.И., Демин М.А., Ситников С.М., Шульга П.И. Работы в долине р. Сентелек // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 13–16.

Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АлтГУ. 1996. - С. 109–114.

Генинг В. Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н. э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. - Екатеринбург, 1992. - С. 72–101.

Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 47–55.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М.: Изд-во «Наука», 1980. - 256 с.

- Грачёва Г.Н. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 38–51
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. – 90 с.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955. – Вып. 24. – С. 19–29.
- Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 256 с. (МИА; №48).
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1980. – 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С. 3–18.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – Ч. 1. – 262 с.
- Дёмин М.А., Гельмелль Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул, б.и., 1992. - С. 28–34, 170–175.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. - Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. 1994. - 224 с.
- Динесман Л.Г., Болд Г. История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем. – М., 1992. – С. 172–216.
- Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сюмер», 2001. – 224 с.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 224 с.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 20 с., ил.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. - СПб: Изд-во «Теза», 2005. - 290 с., 173 илл.
- Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Отчёт о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. 16. – С. 75–117.
- Елин В.Н., Ларин О.В. Обследование аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1998. – Вып. IX. – С. 64–67.
- Ермолова Н.М. Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Изд-во Наука, Ленинградское отделение, 1983. – С. 107–113.
- Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 400 с.
- Жогова Н.А. Первые результаты поисков стоянок раннего железного века на севере Тувы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. – Казань: Отечество, 2014. – С. 202–204.

Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. - Вып. 3. - С. 89–108.

Завитухина М.П. Второй Бийский могильник // АСГЭ. – 1962. – Вып. 22. – С. 28–30.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. - Вып. 8. - С. 61–77.

Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-2 на Алтае // АСГЭ. – 1966. – Вып. 27. – С. 51–53.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 3–17.

Зиняков Н.М. Исследование горно-металлургического центра в Горном Алтае // АО–1978. – М., 1979. – С. 225–226.

Казаков А.А. Керамический комплекс поселения Точильное-1 // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул, 1989. – С. 60–62.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матрёнин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрянской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. XXI. – С. 103–109.

Каммарт Л., Хюле В.В., Буржуа И., Миккельсен Я.Х. Два сезона комплексных Бельгийско-Российских исследований в долине Себыстея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. - Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998. - Т. 1. - С. 229–239.

Кармышева Б.Х. Каратегинские киргизы. – М.: Наука, 2009. – 284 с.

Киреев С.М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 165–191.

Киреев С.М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 61–73.

Киреев С.М. Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 53–57.

Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 55–56.

Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. - С. 92–799.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 146–152.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катуня // Археология Горного Алтая. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1994. - С. 111–127.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2004. – 282 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 231 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матрёнин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткескень VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. - С. 97–116.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. - С. 6–19.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. 1996. №2. – С. 33–38.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л. Изд-во Наука Ленинградское отделение, 1969. – 240 с.

Климонтов М.А. Климат окрестностей города Горно-Алтайска // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул, 1975. – С. 64–76.

Косарев М.Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тыс. до н. э.) // СА–1971. – №2. – С. 39–50.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Косинцев П.А. Фауна поселения Нижняя Соору // В кн.: Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдыр-1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 160–167.

Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 121–129.

Кочеев В.А. Костяные втульчатые наконечники стрел из курганов скифского времени Горного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. I. – С. 173–175.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1987. – 299 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1992. – 220 с.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. - С. 74–77.

Кубарев В.Д. Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 2001. - №7. - С. 120–144.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Кубарев В.Д., Журавлёва А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101–119.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 282 с.

Кубарев Г.В. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. №2. – С. 154–157.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кузеев Р. Очерки исторической этнографии Башкир. – Уфа: Изд-во Башкирское книжное, 1957. – Ч. I. – 184 с.

Куминова А.В. Некоторые вопросы правильного использования и улучшения сенокосов и пастбищ Горного Алтая // Естественная кормовая база Горно-Алтайской а.о. – Новосибирск: Наука, 1956. – С. 135–159.

Куминова А.В. Растительный покров Алтая. – Новосибирск: Наука, 1960. – 450 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 37–59.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлѣп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. — С. 99–107.

Кунгурова Н.Ю. К вопросу о технологии производств афанасьевской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. – С. 47–49.

Кызласов Л.Р., Смирнов К.Ф. Рецензия на книгу С.И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы» – М.; Л., 1952 // СА–1954. – №19. – С. 325–328.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – М.; Самара, 2005. – 96 с., ил.

Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 18–23.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш II // Археологические исследования на Катуні. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. - С. 19–197.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 264 с.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115–129.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. – 465 с., ил.

Макарова Л.А. Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане // Вглубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 201–208.

Макашев А.П. Региональные особенности развития сельского хозяйства в горно-Алтайской автономной области (1897–1940) // Природные резервы Горного Алтая и их хозяйственное использование. – Барнаул, 1980. – С. 58–73.

Малолетко А.М., Орлова Л.А. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986. – С. 50–52.

Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом // Охрана и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – Вып. IX. – С. 73–77.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Поселение Ламах-2 в Западном Алтае и вопросы охраны разрушающихся археологических памятников // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 44–45.

Маргулан А.Х. Архитектура древнего периода // Архитектура Казахстана. – Алма-Ата, 1959. – С. 9–55.

Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: Учебное пособие по спецкурсу. – Барнаул: БГПИ, 1987. – 110 с.

Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ–1981. – №4. – С. 83–94.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н. э. // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1987. – Ч. II. – С. 62–66.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). – СПб., Вып. I. 1997. – 56 с.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. – СПб., 2001. – 65 с., ил.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н. э. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 37–51.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Изд-во Наука СО. 1979. 208 с.

Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири. К постановке проблемы // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово, 1986. – С. 28–33.

Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н. э. // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1989. – Ч. I. – С. 5–12.

Матвеева Н.П. Погребение знатного воина в Красногорском 1 могильнике // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 60–67.

Матвеева Н.П. Социальное развитие народов западносибирской лесостепи в раннем железном веке // Сибирь в панораме тысячелетий. В 2 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 359–366.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаёжная зоны). – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 399 с.

Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (Итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 41–50.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 40–71.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 52–89.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986а. – С. 35–67.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986б. – С. 29–32.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 23–34.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 60–107.

Могильников В.А. Поселение Гилево 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. 5. Ч. 2. – Барнаул, 1995. – С. 78–84.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997. – 196 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // КСИА, 1982. – № 170. – С. 103–109.

Могильников В.А. Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 126–144.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // КСИА. 1981. – №167. – С. 80–86.

Модина Т. Д., Югова Н.И. Агроклиматическая оценка долин Северного Алтая // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул, 1975. – С. 77–86.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000а. – С. 86–119.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-прес, 2000б. – 192 с.: ил.

Молодин В.И. Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–178.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. – Новосибирск, 1994 – Вып. 4. – С. 72–79.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с. + 2 вкл.

Молодин В.И., Каен-Делайе А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Майнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. – Новосибирск, 1993. – Вып. 2. – С. 21–49.

Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995. – С. 121–160.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. – Новосибирск, 1994. – Вып. 4. – С. 72–79.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. – С. 50–73.

- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1979. – 398 с.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИА и Эт СО РАН, 1999. – 232 с.
- Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.
- Насимович А.О. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. – М., 1955. – 272 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. – 384 с.
- Одинцов А.В., Челышев Д.И. Зимние пастбища и зимнее содержание скота в Кош-Агачском аймаке. – Ойрот-Тура, 1947. – 87 с.
- Окулич-Казарина Л.В. Научные труды по овцеводству и козловодству. – Горно-Алтайск, 1961. – 120 с.
- Оразбаев А.М. Курганы с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – С. 175–191.
- Оразов А., Чарыев Д. Некоторые верования и обряды туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 2000. – С. 154–164.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. – М.: Таус, 2012. – 472 с.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.
- Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ, вып. Д 1-4, – М., 1967. – 180 с.
- Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // МИА. № 142. М. 1967. – 198 с.
- Плетнёва С.А. О построении кочевнического лагеря вежи // СА. – 1964. – №3. – С. 133–140.
- Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш // Археологический поиск: Северная Азия. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1980. – С. 92–98.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Часть 1. – Барнаул: Азбука, 2006. – 234 с.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Изд-во ВО «Наука», 1994. – С. 137–144.
- Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука». Издательская фирма, 1994. – 125 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Изд-во «ИНФОЛИО-пресс», 2001. – 336 с.: ил.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 337–343.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с., ил.

- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии, 2000. – №4. – С. 66–87.
- Полторацкая В.Н. Могильник Берёзовка-I // АСГЭ. 1961. – Вып. 3. – С. 74–88.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
- Потёмкина Т.М. Некоторые аспекты интерпретации остеологических материалов с поселений и могильников при реконструкции хозяйства // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 48–53.
- Ревякин В.С., Пушкарёв В.М., Ревякина Н.В. География Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 128 с., ил.
- Руденко С.И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки: Антропол. очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана, С.И. Руденко / МОКАСИР (Материалы Особого комитета по использованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР). Сер. казахстан. – Л., 1927. – Вып. 3. – С. 13–17.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., ил.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с., ил.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. – М.: Изд-во Восточная литература, 1961. – 68 с.
- Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. – Л., 1961. – Вып. I. – С. 2–15.
- Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 205 с.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. Т. 3. – С. 37–52.
- Рудский В.В. Алтай. Эколого-географические основы природопользования. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – 240 с.
- Савинов Д.Г. Соотношение социального уровня развития южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н. э. // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1989. – Ч. I. – С. 12–16.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // в кн.: Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская форма. 1994. – С. 39–49.
- Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. – 256 с.
- Самашев З. Берел. – Алматы: Издательский дом «Таймас». 2011. – 236 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. – Алматы, 2000. – 56 с.
- Семёнов Вл.С. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). – СПб., 1997. – 48 с., ил.
- Семёнов Вл. С. Суглук-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2003. – 240 с.

Сенигова Т.Н. К изучению технических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. – 1959. – Т. 7. – С. 215–229.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 54–66.

Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н. э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 62–71.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 2010. - 34 с.

Снесарёв Г.П. Большевесемейные захоронения у осёдлого населения левобережного Хорезма // КСИЭ. – М., 1960. – №33. – С. 60–71.

Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1988. – 160 с.

Соёнов В.И. Разведки на северном побережье Телецкого озера // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. Пед. Ун-та, 2003. – Вып. 13. - С. 107–108.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. – Л., 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. – Л., 1981. – Вып. 22. – С. 23–39.

Справочник по климату СССР. – М.: Гидрометиздат, 1969. – Вып. 20. – 332 с.

Ставинский Б.Я. Между Памиром и Каспием. – М.: Наука, 1966. – 327 с.

Степанова Н.Ф. Куёмский тип памятников VIII-VI вв. до н. э. // Скифская эпоха тая. - Барнаул, 1986. – С. 79–81.

Степанова Н. Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 19–26.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племён Алтая. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996а. - С. 54-69.

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куёмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996б. - С. 115–119.

Степанова Н.Ф. Керамика VIII-VI вв. до н. э. с поселений Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. – Вып. IX. - С. 115–119.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998б. - С. 137–145.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 267–274.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 11–24.

Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. - Горно-Алтайск: АКИН, 2009. – 212 с.

Сунчугашев Я.И. Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 104 с.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ. 1982. – С. 121–136.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань 1 (К вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.

Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 168–171.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1989. – 216 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56–96.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. – 232 с.

Соёнов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье. Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 169–172.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск: «Рифей», 2003. – 68 с.: ил.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 247 с.: ил.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 1996. – С. 20–54.

Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – Т. 2. – С. 169–178.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 146–158.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 272–290.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО РАН, 1978. – 160 с.

Троицкая Т.Н. Поселение раннего железного века Ближние Елбаны-1 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 35-38, 176-180.

- Троицкая Т.Н. К вопросу о керамике бийского этапа большереченской культуры // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 143-144.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.
- Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988, – С. 107–110.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с., ил.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Находки из раннего быстрианского кургана на могильнике Юбилейный-2 // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2005. – С. 144–149.
- Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1973. – С. 207–222.
- Фролов Я.В. Бийский этап (к постановке вопроса) // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул, 1989. – С. 69–70.
- Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.: ил.
- Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений – Горелый Кордон // Михайловский район: Очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 66–69.
- Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 135–139.
- Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. – Алматы: Изд-во Гылым, 1994. – 170 с.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. – М.: Наука, 1977. – 266 с.
- Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 206–211.
- Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция керамической посуды из могильника Усть-Эдиган // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 131–134.
- Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА–1956. – №52. – 186 с.
- Чекерес А.И. Погода, климат и отгонно-пастбищное животноводство. – Л.: Гидрометиздат, 1973. – 176 с.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 132–137.
- Чернопицкий М.П. Курганный ансамбль // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 176–186.
- Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до начала нашей эры) // Сибирь в панораме тысячеле-

тий Материалы международного симпозиума): в 2 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т 1.- С. 631–643.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. - С. 63–120.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века. Автореф. дис. док. ист. наук. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. - 50 с.

Чикишева Т.А. Физическая антропология ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. - С. 346–357.

Чикишева Т.А., Губина М.А. Некоторые результаты палеогенетического и антропологического изучения древнего населения Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. - Т. XIV. - С. 275–281.

Чикишева Т.А., Губина М.А., Куликов И.В., Карафет Т.М., Воевода М.И., Ромашенко А.Г. Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. №4. С. 130–142.

Чирков В.Г. Организация тебенёвки лошадей. – Челябинск, 1952. – 65 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. - М.: Изд-во Пушкинского НЦ РАН, 1994. - 170 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. - М.: Изд-во Пушкинского НЦ РАН, 1994. - 170 с.

Чотбаев А, Онгар А. Некрополь Катартобе – памятник кочевой элиты Восточного Жетысу // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – С. 63–87.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение, археология, ритуал, культура. – СПб., 2000. – С. 213–238.

Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 358–369.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988. – 343 с.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. - С. 111–115.

Шамшин А.Б. Историко-культурная ситуация в лесостепном Алтайском Приобье в переходное время от бронзы к железу // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. - С. 87–89.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. – С. 69–88.

Шиббаева Ю.А. Животноводство киргизов Восточного Памира // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1973. – С. 99–132.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир (вторая пол XIX – первая четв. XX в.). – М.: Изд-во Наука, 1984. – 245 с.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир: Тезисы докладов к конференции. – Кемерово, 1989. – Ч. II. – С. 41–44.

Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае. Автореф. канд. диссертации. – Кемерово, 1990а. – 16 с.

Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990б. – С. 83–87.

Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 155–159.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 48–60.

Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии №1. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – С. 59–75.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996а. – С. 106–123.

Шульга П.И. Чарышский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996б. – С. 228–234.

Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Вып. №2. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – С. 73–84.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катунь // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – С. 146–164.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998б. С. 702–712.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998в. – Вып. № 3. – С. 58–69.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998г. - Т. IV. - С. 379–385.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1998д. - С. 25–49.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. С. 245–250.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 148–150 (0,4 п. л.).

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. – 204 с., ил.

Шульга П.И. Могильник Гилёво-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г.) – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003б. – Т. IX. Ч. 1. С. 521–527.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 47–72.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010а. – 238 с.

Шульга П.И. Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильников Щучий Лог-1 и Усть-Тёплая // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010б. – С. 189–199.

Шульга П.И. О топографии поселений древних скотоводов в горно-степных ландшафтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 265–268.

Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник. Кн. 2. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 189–199.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова): – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013а. – 149 с.

Шульга П.И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н. э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013б. – №3 (23). – С. 319–323.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

Шульга П.И., Кунгуров А.Л. Древнее прошлое // Чарышский район. Страницы летописи. – Барнаул: Изд-во ГИПП «Алтай», 2002. – С. 15–37, 209–214.

Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И. Городища Нижний Чепеш-3 и 4 //

Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – Вып. 4/2(68/2). – С. 249–253.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 250–255.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 179–187.

Югова Н.И. Некоторые особенности агроклиматических условий территории Горно-Алтайской автономной области // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. – Барнаул, 1975. – С. 87–90.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть 1: монография / А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. – Барнаул: АзБука, 2006. – 234 с.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Кэцзыця. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна. Раскопки могильника Кэцзыця в городском округе Алтай в 2009 году // Синьцзян Вэньбу, 2010. 201. – Вып. 1. – с. 35–46.

Список сокращений

АГКМ (бывш. АККМ) – Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул).

АГУ (ныне АлтГУ) – Алтайский государственный университет.

АИМК – Академия истории материальной культуры.

АН СССР – Академия наук Советского Союза.

АО – Археологические открытия.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

БГПУ (бывш. БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет.

ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГАНИИИЯЛ (ныне ГАИГИ) – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИА и Эт. СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

РА – Российская археология.

РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.

СЭ – Советская этнография.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

Summary

The book “Herders of Mountain Altai in Scythian Time (settlement materials)” deals with the Early Iron Age settlements (the 8th-2nd centuries B.C.) in the Mountain Altai, most of them belonging to the world-famous Pazyryk culture (the 6th-3d centuries B.C.) studied traditionally according to burial monuments data. Settlements data provide an opportunity to consider scarcely studied questions of nomads' economic and settlement activity in Altai as well as to correct and add information to the understanding of ethnic and cultural situation in the Mountain Altai in the Scythian time. A lot of unpublished settlement materials from the Eneolithic Period (the Afanasevo culture) to the Middle Ages have been introduced into scientific use. In the light of comprehensive studying of the burial and settlement sites a view on the Pazyryk culture as a whole has been attempted.

Chapter 1. Settlements' topography and characteristics. Homes

One of the major objectives of studying herders settlements in the Eurasian steppe belt is to develop methods of their search. In many areas including Tuva, Mongolia, Minusinsk Basin, Kazakhstan, Xinjiang and North China nomadic settlement are not known, or their belonging to the cultures of nomads is questionable. On the ground of the analysis of climatic conditions and herders lifestyle in the Altai Mountains in the 18th-20th centuries, the author has assumed that the system of their migrations and the location of the main settlements – *zimniks* (winter locations) – have been the same for the past five thousand years. Field studies conducted by the author fully confirmed the assumption: most of the 92 settlements found were located not on the banks of water bodies (as in the plains) but in winter pastures at mountain slopes, rocks outcomes and in the narrows, where herders could protect their cattle and homes from wind and enemies in case of danger. For these reasons, the settlements are usually multi-layered (the Eneolithic, Early Iron Age and Middle Ages). Modern shepherds' *zimniks* are often found in these same places (Shulga, 1990a). Such method can be applied in similar landscapes of Tuva, Mongolia, Minusinsk Basin, Kazakhstan, Xinjiang and North China, which was proved by finding herders settlements in Tuva, near the burial mounds Arzhan-1 and Arzhan-2 (Shulga, 2011; Zhogova, 2014). Judging by the small area of the found settlements, winter locations included from one to three homes of related families both in ancient times and in the 18th-20th centuries. The number of homes in the *zimniks* was finally determined by the area and the quality of available pastures necessary to maintain the herd in winter food shortage. The homes were arranged in *zimniks* in a row, similar to the burial mounds location (Fig. 3, 4).

Chapter 2. Natural environment, climate and physical-geographical zoning of the Altai Mountains

According to the available data, it is certain to conclude that, despite certain fluctuations, climatic conditions in the 1st millennium B.C. in the territory of the Altai Mountains were approximately the same as at present. In the Altai Mountains since antiquity there have been two climatic zones – unsuitable for livestock unpopulated humid foothills and steppe cattle breeding area (Fig. 1a), in the latter's winter pastures near the settlements there is a vast majority of known Afanasevan burials (Eneolithic), Pazyryk and Turkic burial mounds.

Chapter 3. Economy of the Mountain Altai population in ancient times

Ancient and modern herders practiced vertical migrations. In the summer the cattle grazed on alpine meadows situated 10-30 km away from winter locations, and in the winter they went down to the valley winter pastures with little snow and grass available to livestock. In the Early Iron Age the same livestock as in the 18th-19th centuries was bred in the Altai Mountains: horses, sheep, goats and cows. Yaks and camels were less used. The composition of the herd was also similar to the one of the 19th century. (See Table. 1-5). In the areas with little snow there was a high proportion of sheep, goats and cows who can not get grass under the snow. In the areas with relatively deep snow horses dominated, as well as goats and sheep. Hunting for roe deer and fur animals was important. In the Central Altai and in the Lower Katun River population also practiced agriculture.

Chapter 4. Settlement materials of the Early Iron Age in the Altai Mountains

Most findings in the settlements are ceramics and bones of wild animals. The tools were usually made of bone and stone. Weapons and metal objects are found rarely (Fig. 106-111). It was proved that in everyday life (in the settlements) residents of the Altai Mountains in the early Iron Age did not use jars and jugs found in the graves (Fig. 102 – 1–15) but used cups, pots and bowls (Fig. 104). Ornamentation on the vessels was almost the same both in the Early Scythian (the 8th-7th centuries B.C.) and in the Middle Scythian time (the 5th-3^d centuries B.C.) (Fig. 104). It means that in spite of rapid change of cultures (Biykenskaya to Pazyryk) in the 6th century B.C., the population was mainly unchanged.

Chapter 5. Ethnocultural situation according to the settlement and burial sites data. Dating of the Early Iron Age settlements.

According to the burial sites in the Altai Mountains, the Biykenskaya culture of the Early Scythian time (the 8th-7th centuries B.C.) and the Pazyryk culture of the Middle Scythian time (the 5th-3^d centuries B.C.) are distinguished. Funeral rites, weapons, horse and rider equipment are fundamentally different in those cultures. The Biykenskaya culture people were buried at the soil surface in stone boxes, in a crouched position with the head to the northwest (Fig. 5. – 1, 6. – 1, 7. – 1) and the Pazyryks – in wooden log constructions set in deep pits, in a sleeping position with the head to the east. Therefore, many researchers considered them as separate peoples; however, the uniformity of the settlement pottery shows that in the 8th-3^d centuries B.C. the population of the Altai Mountains remained the same but changed its cultural identity.

Judging by the number of settlements with the Early Iron Age ceramics (133 settlements), it was the epoch of the maximum inhabiting of the Mountain Altai, when previously unoccupied areas became populated. The number of settlements in the Eneolithic (about 50 settlements with ceramics of Afanasevan type) and in the Middle Ages (46 villages and settlements) was approximately the same. Almost all of them contain the Early Iron Age pottery. It means that in the Scythian time all the pastures that attracted herders both at earlier and later times were used. Moreover, in half a century of the Pazyryk culture expansion (about 325–275 B.C.) the Mountain Altai herders went for some time far beyond the Central Altai to the northwestern lowlands, the Chuya River steppe, the Ukok, as well as the surrounding areas of East Kazakhstan, Xinjiang and Mongolia.

Свод древних поселений в Горном Алтае от энеолита до средневековья

Особенности проведения разведочных работ в Горном Алтае

Достоверность и качество информации по месторасположению и особенностям археологических памятников во многом зависят от условий и обстоятельств, в которых проводятся изыскания. Основное количество древних поселений, как и других археологических памятников, в Горном Алтае было выявлено в 70-80-е годы XX в. усилиями учёных ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), созданного в 1973 г. Алтайского госуниверситета (Барнаул), а также Горно-Алтайска. На смену проводившим точечные раскопки археологам из Санкт-Петербурга и Москвы пришли десятки молодых исследователей, постоянно проживавших в регионе, широко привлекавших для проведения работ местных студентов и школьников. Среди них был и автор данной книги, до поступления в Алтайский госуниверситет пять лет (1976-1980 гг.) отработавший на труднодоступных метеостанциях Бертек (на Укоке) и Уландрык (в Чуйской степи у н. п. Ташанта) в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Это было время открытий и масштабных раскопок в Горном Алтае могильников афанасьевской и каракольской культур, бийкенских и каракобинских погребений в каменных ящиках, памятников эпохи средневековья, а также палеолитических стоянок и древних поселений. Археологические отряды часто не имели своего транспорта, и были ограничены в оборудовании и финансах. Работа рядовых участников из студентов и школьников не оплачивалась. Несколько лучше положение было только на хоздоговорных работах, однако даже там рядовые рабочие (обычно, студенты или школьники) получали минимальную зарплату или только расписывались за неё, поскольку деньги шли на транспорт и питание. По этим причинам разведочные отряды работающих по своей научной теме молодых археологов были малочисленными и без транспорта. В район работ добирались подобно туристам того времени на поездах и автобусах с минимумом вещей, продуктов и инвентаря. В пеших разведках всё это приходилось нести на себе в неудобных рюкзаках. Вместе с тем, такие мобильные группы проходили по тропам в самые глухие места, в том числе через перевалы и водоразделы между бассейнами рек. По возможности использовался попутный транспорт.

Значительная часть планов расположения памятников, в том числе найденных автором в 1980-х годах, довольно приблизительные. В пеших разведках массивные и тяжёлые теодолиты, нивелиры и кипрегели обычно заменялись буссолью или компасом. Соответственно, расстояние до отдалённых объектов определялось приблизительно «на глаз» или шагами. На близких расстояниях использовались рулетки. Работы в горах сильно осложнялись недоступностью карт с рельефом масштаба 1:100 000 (в 1 см 1 км) и засекреченных 1:25 000 (в 1 см 250 м). В связи с этим многие памятники было трудно привязать к удалённым населённым пунктам, поскольку без подробной карты зачастую не было возможности точно установить своё местонахождение. Так, обнаружив памятник вдалеке от населённых пунктов, нужно было найти местного жителя, со слов которого записывалось название данной местности (реки, лога, долины, горы и пр.). С его же слов часто указывалось и расстояние до ближайшего села. При этом расстояние до него определялось всегда приблизительно, по-

сколькx чабаны и охотники передвигались на лошадях и были склонны оценивать расстояние не в километрах, а по времени в пути.

На равнине Алтайского края проблема привязки памятника на местности не стояла столь остро, поскольку была возможность копировать землеустроительные схематичные карты сельхозугодий масштаба 1:25 000. Землеустроительные карты не имели рельефа, и не обладали высокой точностью, но, в отличие от Горного Алтая, большая часть территории на равнине использовалась под распашку или сенокосы. Соответственно они покрывали большую часть Алтайского края, позволяя «привязывать» памятники на местности довольно точно и почти без ошибок. Именно на эти карты наносились археологические памятники на территории Алтайского края во время масштабных работ по их картографированию в 1990-1997 гг. В тех случаях, когда разведки проводились в больших по площади лесных массивах, не отображаемых на землеустроительных картах, иногда использовались грифовые топографические карты с. к. 1963 г. масштаба 1:25 000. Такие карты отражают рельеф и гораздо подробнее схем сельхозугодий. К тому же на них часто наносились хорошо заметные в рельефе курганные насыпи и даже крупные жилищные западины (Бородаев, Шульга, 1993). К сожалению, для получения доступа к таким картам нужно было оформлять соответствующие допуски, их нельзя было тиражировать. Существовали и другие ограничения, не позволившие в дальнейшем широко использовать эти карты. Возможность довольно точно определить местонахождение памятника на карте масштаба 1:25000 позволила изменить и точку отсчёта расстояний и азимута от населённых пунктов в Алтайском крае. Если раньше привязки делались от постоянно изменявшихся границ населённых пунктов, водонапорных башен, школ и прочих зданий, то с появлением карт, точками отсчёта стали служить кладбища, долгое время сохраняющиеся даже после исчезновения населённых пунктов. В последнее десятилетие всё шире стали применяться приёмники GPS, позволяющие за считанные минуты устанавливать точные координаты не только памятника, но и конкретных объектов. Тем не менее, реальное использование и охрана археологических памятников не возможны без точных и подробных карт.

В предлагаемой книге места расположения обнаруженных автором памятников указываются в соответствии с описаниями в археологических отчётах и полевых дневниках 80-х гг. прошлого века, а памятников, обнаруженных другими исследователями – по публикациям. При этом необходимо подчеркнуть, что археологи, производившие разведки в 1970-1980-х гг. зачастую «привязывали» памятники на местности приблизительно от границ населённых пунктов, существовавших тогда дорог (трактов) с указанием данных на километровых столбах, а также заметных географических объектов и структур, таких как слияние рек, устье реки, устье ущелья (место его выхода в долину), межелик (обособленно стоящая небольшая гора), заметный скальный выход и т. п. С течением же времени границы большинства населённых пунктов существенно поменялись: одни уменьшились, другие – существенно увеличились. Так, поселения Элекмонар-4, 4а, 4б, находившиеся в 0,7-1,2 км к северу от с. Элекмонар (ныне с. Эликмонар) сейчас застроены. При этом не всегда ясно, где проходит граница населённого пункта, а где начинаются участки, отведённые под гостиничные комплексы, дачи и тому подобные объекты. В последние годы стали общедоступными приборы GPS, позволяющие установить достаточно точные координаты (5-10 м) объектов, облегчился и доступ к картматериалам. Однако для установления точных координат всех ранее выявленных объектов и нанесения их на карты соответствующего масштаба с рельефом требуется прове-

дение крупных работ с обследованием всех этих памятников. В обжитых районах это вполне выполнимо, но на практике ситуация почти не изменилась. Достаточно назвать вышедшие в Республике Алтай своды археологических памятников Шебалинского (2006 г.), Майминского (2006 г.) и Чемальского (2009 г.) районов, где картматериалы приводятся только в издании 2006 г.¹ Географические координаты по GPS-приёмнику, как правило, не указаны. Не имея возможности выполнить работу с полным обследованием сотен памятников, авторы свода по Чемальскому району были вынуждены ограничиться описаниями и планами (в основном, глазомерными), взятыми из археологических отчётов или публикаций (Степанова, Соёнов, 2009).

В ходе подготовки данной монографии автору удалось в октябре 2011 г. посетить места расположения ряда поселений (зачастую не заходя на их территорию) от Маймы до Чемала и от Усть-Семы до Ело, Туэкты и Кулады. В описания осмотренных памятников были внесены изменения, но координаты были определены только для нескольких. В конечном итоге было решено оставить необходимую работу по картографии поселений соответствующим организациям по охране культурного наследия Республики Алтай, и ограничиться публикацией материалов, значительная часть которых дожидается этого уже четверть века.

Всего к настоящему времени в Горном Алтае автором учтено около 226 «поселений»². В их число входят и археологические объекты, называемые «местонахождениями». Так называются места, где обнаружено всего лишь несколько фрагментов керамики или других изделий без культурного слоя. На большей части «местонахождений» раскопок не проводилось, поэтому среди них могут находиться и перспективные поселения. По той же причине подобные объекты иногда называются поселениями. В этих случаях первооткрыватель, вероятно, предполагает наличие культурного слоя. Существуют также многослойные поселения, на которых какая-то эпоха (например, скифское время на Тыткескене-6) почти не представлена. Поэтому наличие того или иного объекта в списке поселений ещё не означает, что на нём имеется выраженный культурный слой раннего железного века.

На многих выявленных в Горном Алтае поселениях производились только сборы на обнажениях почвы, появляющихся результате распашки, различного рода строительных работ и эрозии почвы, зачастую также связанной с деятельностью человека. В этом случае стратиграфия на объекте не устанавливается, а присутствие культурного слоя лишь предполагается. На многих поселениях имеются вертикальные обнажения в оврагах, размывах, по берегам водоёмов и котлованах. Там, обычно, производились подчистки, позволяющие проследить стратиграфию и расположение культурного слоя, а также его насыщенность артефактами. Наиболее достоверные результаты даёт шурфовка. Для выявления слоёв энеолита-средневековья обычно закладываются стандартные шурфы размерами 1×1 м. Если материк находится на значительной глубине, то они расширяются или превращаются в небольшие траншеи размерами 1×2 м. Следует подчеркнуть, что вследствие фактора слу-

¹ Авторы данного свода указывают, что использовали опубликованные карты масштаба 1:200 000 (Соёнов, Айношев, 2006, с. 4), но включённые в книгу фрагменты карт даны без масштаба. По отношению к оригиналам большинство из них увеличены до масштабов от 1:100 000 до 1:150 000. Соответственно, масштабы этих карт можно высчитать лишь приблизительно по указанным в тексте расстояниям между памятниками и центральными частями близлежащих населённых пунктов.

² В свод включены все объекты, найденные автором, в том числе не опубликованные. Сведения о других, вошедших в свод поселенческих объектах, взяты из публикаций.

чайности даже большие шурфы (2×2 м) не всегда дают объективную информацию о культурных слоях поселения. Для этого необходимо закладывать несколько шурфов или небольших раскопов.

Раскопки проводились на 32 поселениях, из которых почти все содержали материалы поселений раннего железного века. В Майминском районе таковых поселений семь: Майма-1 (988 кв. м); Майма-3 (1216 кв. м); Майма-9 (20 кв. м); Майма-12 (382 кв. м); Майма-18 (104 кв. м); Майма-21 (36 кв. м); Урлу-Аспак (51 кв. м); Пещера Иульчак. В Чемальском районе 15 поселений: Чепош-2 (около 750 кв. м); Аскат-2 (250 кв. м); Партизанская Катущка (300 кв. м); Узнезя-1 (более 1400 кв. м); Усть-Куюм; Королой (10 кв. м); Элекмонар-4 (56 кв. м); Усть-Куба – (16 кв. м); Чёба-1 (20 кв. м); Эдиган-5 (72 кв. м); Кара-Тенеш (700 кв. м); Тыткескень-2 (1136 кв. м); Тыткескень-3 (600 кв. м); Тыткескень-6 (1700 кв. м); Сары-Бел (48 кв. м). В Онгудайском районе четыре поселения: Куротинский Лог-1 (132 кв. м); Текпенек-Боочи-3 (28 кв. м); Семисарт-1 (42 кв. м); Ело-5 (30 кв. м.). В Усть-Канском районе работы велись на одном поселении Черный Ануй-3 (30 кв. м) и в пещере Каминная; в Усть-Коксинском районе – на двух поселениях: Кастахта-3 (300 кв. м) и Кучерла-1 (390 кв. м); в Улаганском – на одном поселении Балыктыюль (80 кв. м); в Алтайском – на одном поселении (Бирюзовая Катунь-7) и в Тавдинской гроте; в Солонешенском – в Денисовой пещере; в Чарышском – на одном поселении Усть-Черновая.

Из 32 частично исследованных поселений 23 (2/3 всех) находятся по Катунь на отрезке протяжённостью 146 км от с. Майма до с. Куюс. Население, проживавшее на этой территории в раннем железном веке, было неоднородным. Судя по материалам исследованных здесь многочисленных могильников, доля собственно пазырыкцев (погребавших в срубах и с лошаадьми) была невысока. В традиционных скотоводческих районах, где преимущественно проживали пазырыкцы, раскопки велись всего лишь на шести поселениях.

Майминский район

Имеющиеся у автора данные по поселенческим комплексам в Майминском районе соотнесены с опубликованными в последнее время обобщающими сводами (см. Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.; Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – 220 с.). В обобщающем своде (Акимова и др., 2008) приведены карты с достаточно точно обозначенными местами расположения поселений, их краткие описания и некоторое количество характерных артефактов. К сожалению, ни одно из исследованных в Майминском районе поселений полностью не опубликовано. По многим памятникам приведены лишь краткие описания находок без иллюстраций с указанием их предполагаемой культурной принадлежности и датировки. На большей части из них проводились только сборы, и трудно сказать, являются ли такие объекты представительными памятниками с мощным культурным слоем, или наоборот, местом временной стоянки с небольшим количеством костей и несколькими десятками мелких фрагментов керамики. Поэтому один и тот же объект иногда называется то «местонахождением», то «поселением». Почти все известные объекты с поселенческими слоями из Майминского района частично изданы или упомянуты в указанных публикациях (см. Акимова и др., 2008; Бородовский, Бородовская, 2013; и др.), а потому в этом своде мы

ограничимся краткими описаниями и имеющимися рисунками инвентаря. В предлагаемом Приложении 1 поселенческие объекты приводятся в том же порядке, что и в своде по Майминскому району (см. Акимова и др., 2008), тогда как иллюстрации с поселенческими материалами размещены в Приложении 2 последовательно с севера на юг, согласно взаиморасположению поселенческих объектов на территории Майминского района.

с. Алфёрово

Татарья-1, 2, 3. Поселения. Обнаружены в 1994 г. М.Т. Абдулганеевым в 2,3-2,5 км к северу от с. Алфёрово на правом (Т-1, 2) и на левом (Т-3) берегах ручья Татарья – правого притока р. Улалушка. На поселениях обнаружены фрагменты керамики (Акимова и др., 2008, с. 5). Предположительно относятся к раннему железному веку.

с. Барангол

Барангол-5. Городище. Памятник открыт А.П. Бородовским. Расположен на уплощённом мысовидном горном склоне высотой до 30 м. На огороженной валами и рвами площадке размерами 105×75 зафиксировано 18 подпрямоугольных жилищных западин. По керамике, собранной на склоне террасы, городище отнесено к эпохе раннего железа. Керамика представлена обломками горшков с отогнутым венчиком и банками с прямым венчиком. Керамическое тесто имело тёмно-коричневый цвет, было хорошо обожжено и имело примесь в виде дроблёного камня. Отмечено, что это и другие городища в Манжероке, Суртайке, Берёзовке и Сростках находятся в нескольких километрах выше по течению реки к юго-востоку от некрополей скифского времени (Акимова и др., 2008, с. 9; Бородовский, Бородовская, 2013).

Барангол-Карьер. Местонахождение у с. Барангол нескольких фрагментов керамики «эпохи палеометалла» (Акимова и др., 2008, с. 10).

Усть-Барангол. На окраине села были обнаружены остатки железоплавильного производства, предположительно I тыс. до н. э. В настоящее время территория памятника застроена (Акимова и др., 2008, с. 10).

с. Бирюля

Ебула. Местонахождение. Расположено ниже с. Бирюля в устье ручья Ебула (на левом берегу), впадающего в р. Майма. Открыто в 1987 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. На осыпях и размывах обнаружены фрагменты хорошо обожжённых сосудов баночной формы, орнаментированных ямочными вдавлениями различной формы. Датировано ранним железным веком (Акимова и др., 2008, с. 12)

г. Горно-Алтайск

Бочкарёвка. Поселение¹. Располагалось на юго-восточной окраине г. Горно-Алтайска на высокой правобережной террасе р. Майма. Ко времени обнаружения в 1984 г. С.М. Киреевым, территория памятника, по большей части, была разрушена хозяйственными постройками и огородами. На поселении собрана керамика раннего железного века и обломок пряслица (Киреев, 1987, с. 67).

¹ В своде поселение не упомянуто, см. Акимова и др., 2008.

с. Долина Свободы

Долина Свободы-1. Поселение. Расположено в 1,2 км к югу от одноимённого села на 4-5-метровой правобережной террасе р. Катунь. Обнаружено в 1986 г. С.М. Киреевым. Прослежено три круглые жилищные западины диаметром 6-8 м. На объекте обнаружены мелкие фрагменты керамики, зубы лошади и овцы. Предположительно датировано концом поздней бронзы – ранним железным веком (Акимова и др., 2008, с. 13).

Долина Свободы-2. Поселение¹. Открыто С.М. Киреевым в 1989 г. Предварительно датировано рубежом эр (см. Бородовский, Бородовская, 2013, с. 15).

с. Дубровка

Страшной Лог. Местонахождение. Находится примерно в 2,5 км к СВ от с. Дубровка в средней части большого урочища Страшной Лог. На двух мысовидных выходах заложено три разведочных шурфа размерами 2×2 м. Начиная с глубины 0,25-0,3 м от современной поверхности в чёрном гумусе обнаружены мелкие неорнаментированные фрагменты сосудов ручной лепки и керамическая крошка. Датировка затруднительна. Памятник открыт в 1986 г. С.М. Киреевым (Акимова и др., 2008, с. 15)².

с. Карасук

Пещера Иульчак. Расположена в долине ручья Верхняя Еланда – левого притока р. Карасук, в 1 км от его устья. Найдены немногочисленные изделия эпохи камня, бронзы и раннего железа (Барышников, Кирюшин, Малолетко, 1980; Акимова и др. 2008, с. 15–16).

пос. Куташ

Куташ-2. Поселение (рис. 16). Расположено на высокой надпойменной террасе правого берега р. Сайдыс, на северной окраине пос. Куташ. Проводились сборы. Датировается по керамике ранним железным веком (Вдовина, 2005; Акимова и др., 2008, с. 16–17).

с. Кызыл-Озек

Кызыл-Озёк-2. Поселение (рис. 17). Расположено в 4 км к ЮВ от с. Кызыл-Озек на правой надпойменной террасе р. Майма. На площади около 3 тыс. кв. м собраны: обломки зернотёрок, курант, а также керамика раннего железного века (Акимова и др., 2008, с. 17).

Кызыл-Озёк-3. Поселение. Расположено на северной окраине с. Кызыл-Озек в логу на левом берегу безымянного ручья – правого притока р. Майма, в 500 м к СВ от его устья. Проводились сборы на пашне. Найдена керамика, орнаментированная наколами, жемчужинами, оттисками гребенчатого штампа и лепным валиком. Предварительно отнесено к раннему железному веку (Акимова и др., 2008, с. 17–18).

Кызыл-Озёк-4а. Поселение (рис. 16). Расположено в урочище Бирюля в 2,5 км к востоку от с. Кызыл-Озек, на правом берегу ручья Бирюля, у подошвы южного склона горы Сарак. На пашне собраны песты и сравнительно много керамики раннего железного века, орнаментированной строчкой наколов или жемчужин, иногда с чередованием. На двух фрагментах отмечены валики (Вдовина, 2005; Акимова и др., 2008, с. 18)

¹ В своде поселение не упомянуто, см. Акимова и др., 2008).

² В Отчёте за 1986 г. Киреев писал о трёх поселениях Страшной Лог-1, 2, 3.

Кызыл-Озёк-6. Поселение (?) (рис. 16). Находится в 1 км к юго-западу от с. Кызыл-Озёк на левом берегу ручья Сиульта. На разрушенных участках почвы собраны фрагменты от двух сосудов раннего железного века (Вдовина, 2005; Акимова и др., 2008, с. 19).

Кызыл-Озёк-7, 8, 9. Местонахождения. На разрушенных участках почвы и пашни найдены немногочисленные фрагменты, как правило, не орнаментированной керамики. Дата не ясна (Вдовина, 2005; Акимова и др., 2008, с. 19).

с. Майма

подавляющее количество поселенческих и погребальных объектов в районе с. Майма было выявлено и частично исследовано С.М. Киреевым в 80-х годах XX в. На этих материалах был выделен Майминский археологический микрорайон (рис. 10).

Майма-1. Многослойное поселение (рис. 11; 12). Располагалось на южном склоне террасы в 3 км к северу от с. Майма. До разрушения могло считаться одним из самых крупных поселений с мощным культурным слоем. К настоящему времени практически уничтожено хозяйственными работами. Открыто Кадиковым в 1956 г. В 1977 г. Суразаков заложил раскоп площадью 36 кв. м. В 1991 и 1994 гг. М.Т. Абдулганеев вскрыл 796 кв. м. Киреев в 80-е гг. делал сборы и заложил несколько раскопов площадью 56 кв. м. Всего вскрыто – 988 кв. м. Найдено 8 тыс. предметов, из них около половины – фрагменты керамики, в том числе более 800 венчиков примерно от 270 сосудов. Помимо этого зафиксированы остатки долговременных жилищ, очаги, а также 17 зернотёрок и курантов (Абдулганеев, 1998, с. 167). Часть керамики относится исследователями к скифскому времени (быстрянская культура), но основное количество находок – к I в. до н. э. – V в. н. э. (майминская культура гунно-сарматского времени) (см. Киреев, 1986; Абдулганеев, 1998; Акимова и др., 2008).

Майма-2. Поселение и стоянка (рис. 13). Располагалось на террасе у с. Майма. Открыто геологом В.Е. Рясиной в 1956 г., а в 1956-57 гг. Б.Х. Кадиков вскрыл 51 кв. м. Позже работы проводил С.А. Суразаков. Выявлены слои эпохи камня и раннего железного века. Керамика отнесена к быстрянской культуре (Акимова и др., 2008, с. 24).

Майма-3. Поселение. Располагалось на невысокой понижающейся террасе в 5,5 км к северу от с. Майма. Открыто в 1984 г. С.М. Киреевым, раскопавшим в 1985-93 гг. почти всё поселение и вскрывшим 1216 кв. м. Раскопано три жилища. Памятник многослойный, выделено пять хронологических периодов: верхний палеолит; эпоха неолита; поздняя бронза (ирменская культура); переходное время VII – сер. VI вв. до н. э.; ранний железный век (быстрянская культура) (Акимова и др., 2008, с. 26).

Майма-5. Местонахождение. В 1989 г. уничтожено карьером. До этого на пашне С.М. Киреевым были собраны различные артефакты, в том числе «керамика быстрянской культуры от не менее чем четырёх баночных сосудов», орнаментированных ямками и строчкой «жемчужника», разделённого подтреугольными вдавлениями (Киреев, 1988, рис. 8; Акимова и др., 2008).

Майма-8. Поселение. Открыто в 1984 г. С.М. Киреевым. Заложено четыре шурфа. Проводились сборы. Зафиксировано три жилищные западины округлой в плане формой размерами примерно 5,5×6 м. Керамика представлена 34 венчиками и «несколькими сотнями неорнаментированных фрагментов. Сосуды плоскодонные, в основном, банки, встречаются кувшинчики. Орнаментация представлена вдавлениями различной формы, «жемчужником» и их сочетанием (Киреев, 1988, рис. 8).

Майма-9. Поселение. Расположено на катунской террасе. Открыто в 1985 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. Разведочным раскопом площадью 20 кв. м выявлен слабо насыщенный культурный слой мощностью до 0,8 м. Керамика орнаментирована вдавлениями «жемчужинами», крестовым орнаментом и оттисками штампа (Акимова и др., 2008).

Майма-10. Местонахождение. Располагалось к северу от с. Майма на невысокой катунской террасе. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым. В трёх шурфах обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики, предположительно отнесённой к раннему железному веку.

Майма-11. Поселение. Находится на катунской террасе в 5,5 км к северу от с. Майма. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. На пашне собрано несколько десятков фрагментов керамики раннего железного века баночной и горшковидной формы, орнаментированных пояском вдавлений и крестовым орнаментом (Акимова и др., 2008).

Майма-12. Поселение. Располагалось в 3 км к северу от с. Майма в пойме р. Катунь около высохшей старицы, у подножья террасы. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. Вскрыто 382 кв. м. Полностью исследовано жилище с достоверно ирменской керамикой. К раннему железному веку (быстрянской культуре) отнесены баночные сосуды, орнаментированные одним или двумя рядами «жемчужника» в сочетании с оттиском угла лопаточки, а также вдавлениями других форм и налепными валиками (Акимова и др., 2008).

Майма-13. Местонахождение. Располагалось в 1,5 км к северу от с. Майма на левой террасе ручья Алгаир. Открыто в 1988 г. С.М. Киреевым и О.М. Нуянзиным. На обнажениях почвы собрана керамика, орнаментированная вдавлениями и «жемчужником». Предварительно датирована ранним железным веком (Акимова и др., 2008).

Майма-14. Поселение. Находилось на правом берегу ручья Алгаир на склоне горы. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым и И.В. Усановым. Разрушалось карьером, в осыпях и стенках которого найдено около двух десятков фрагментов керамики от сосудов горшковидной формы с отогнутыми наружу венчиками, орнаментированными округлыми вдавлениями и гребенчатым штампом. Отнесено к майминской культуре и раннему средневековью (I тыс. до н. э.) (Акимова и др., 2008).

Майма-15. Поселение. Находилось в 3,8 км к северо-востоку от с. Майма в пойме р. Катунь у подножия террасы, в 300 м от поселения Майма-12. В ходе сборов получена керамика ирменской и быстрянской культур (см. Акимова и др., 2008).

Майма-16. Поселение. Находилось в 5,3 км к ССВ от с. Майма на пологом склоне горы. Открыто в 1988 г. С.М. Киреевым и П.И. Шульгой. На пашне были собраны фрагменты керамики раннего железного века от сосудов горшковидной и баночной формы, орнаментированными округлыми вдавлениями, «жемчужинами» и валиками (см. Акимова и др., 2008).

Майма-17. Местонахождение. К северо-востоку от Маймы-1 в карьере найдены немногочисленные артефакты разрушенного поселения (см. Акимова и др., 2008).

Майма-18. Поселение (рис. 13). Располагалось рядом с Маймой-3. Открыто в 1986 г. С.М. Киреевым. Были видны три расположенные в ряд жилищные западины. Вскрыто 104 кв. м. с частью одного жилища в 1992-93 гг. Керамика представлена баночными сосудами, украшенными вдавлениями, часто в сочетании с жемчужником. Два сосуда были дополнительно украшены налепными валиками (рис. 13. – 10). Датировано неолитом и ранним железным веком (быстрянская культура) (см. Акимова и др., 2008).

Майма-20. Городище. Располагалось в 1,6 км к северу от с. Майма. Зафиксировано два ряда по три жилищных (?) западины. На территории собрана неорнаментированная керамика. Дата не ясна (см. Акимова и др., 2008).

Майма-21. «Сторожевой пункт» (рис. 13). Расположен в 3 км к северу от с. Майма на скалистом возвышении, не пригодном для постоянного проживания. Исследован раскопом площадью 36 кв. м. Обнаружены артефакты эпохи камня и майминской культуры (см. Киреев и др., 2008; Акимова и др., 2008; Бородовский, Бородовская, 2013).

«СПТУ». Местонахождение (рис. 13). На распаханной террасе собраны фрагменты керамики, не менее чем от восьми сосудов. Датировано концом I тыс. до н. э. (см. Акимова и др., 2008).

с. Манжерок

Едрала-4. Стоянка. Расположена на р. Едрала. Открыта В.И. Молодиным и В.Т. Петриним. Помимо каменных изделий найдена керамика раннего железного века (рис. 20) (Молодин, Петрин, 1985; Акимова и др., 2008).

Еловый ключ-2. Поселение. Обнаружено А.П. Бородовским в 2005 г. на мысу в месте слияния р. Едрала с Еловым ключом. Зафиксировано расположенных в широтный ряд семь жилищных западин размерами около 3х3 м. Дата не ясна (Акимова и др., 2008; Бородовский, Бородовская, 2013).

Манжерок-3. Городище общей длиной около 500 м, шириной – 100-120 м (рис. 25). Находится на окраине с. Манжерок, на крутом высоком левом берегу р. Манжерочка. Открыто в 2001 г. А.П. Бородовским и А.Н. Политовым. В ходе первоначальных обследований собрана небольшая коллекция керамики, содержащая афанасьевские фрагменты. По мнению А.П. Бородовского, остальная керамика относится к раннему железному веку (Акимова и др., 2008, с. 47). Этим же временем была датирована и более значительная коллекция из 248 фрагментов керамики, собранная в 2008 г. на площади в 9 кв. м (Бородовский, Бородовская, 2013, с. 26, рис. 44).

Между тем, датировка городища может быть пересмотрена. Так, на подобных городищах выше по Катуню у с. Чепош (городища Нижний Чепош-3, 4), по результатам первоначальных сборов немногочисленных фрагментов керамики, автор отметил там афанасьевскую керамику и раннего железа. Однако дальнейшие исследования и раскопки показали, что крепости функционировали не ранее конца I тыс. до н. э. Афанасьевские фрагменты попали на территорию городища Н.Чепош-4 с прилегающего афанасьевского поселения, а за керамику ржв, видимо, были приняты неорнаментированные фрагменты местной «средневековой» керамики. Нужно отметить в Манжероке-3 отсутствие среди опубликованных мелких фрагментов хорошо выраженных венчиков раннего железного века, сопоставимых с быстрянскими или пазырыкскими. Очевидно, что для определения хронологии и культурной принадлежности этого городища необходимо проведение раскопок.

Манжерок-5. Поселение (рис. 20). Находилось в пределах села, недалеко от Манжерокских порогов на р. Катунь. При строительстве фундаментов нескольких домов выявлен слой с керамикой афанасьевского и скифского времени (по описаниям быстрянская) (Акимова и др., 2008, с. 48; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 17, рис. 23). По всей видимости, отсюда же происходит значительная коллекция керамики скифского времени, переданная в Алтайский государственный университет из с. Манжерок.

Манжерок-7. Поселение (?). Расположено на правом берегу р. Манжерочка в 1,5 км от устья (рис. 20). Открыто А.П. Бородовским, собравших на разрушенных участках почвы фрагменты керамики, в том числе с афанасьевской орнаментацией (см. Акимова и др., 2008).

с. Муны

Муны-1. Многослойное поселение (рис. 22; 23). Находится на правом берегу р. Муны, в 2 км вверх по течению от с. Муны. Открыто в 1979 г. В.И. Молодиным и В.Т. Петриным, обнаруживших изделия каменного века и керамику скифского времени (Молодин, Петрин, 1985). В 1992-2000 на поселении проводил раскопки А.П. Бородовский, обнаруживший слой с афанасьевской керамикой (Бородовский, 2001, рис. 6. – 4). Позднее А.П. Бородовский отметил и наличие слоя майминской культуры, но материалы этого времени не приведены (Бородовский, Бородовская, 2013, с. 17). Вскрытая на поселении площадь, планы раскопов и количественная характеристика полученных артефактов не указаны. Судя по опубликованным рисункам, найдено сравнительно небольшое количество орнаментированных фрагментов керамики, а также каменные и железные орудия, в том числе зернотёрки и ножи (Бородовский, 2001; Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 24, 25). Реконструировано наземное не заглубленное в материк жилище типа округлой в плане конусообразной юрты (Бородовский, 2001, с. 58; Тоцакова, 1978, с. 84). По мнению А.П. Бородовского, поселение маркирует северную границу распространения афанасьевской культуры и южную границу ирменской культуры. С последним нельзя согласиться, поскольку единичный найденный вне слоя фрагмент ирменской керамики не может рассматриваться как доказательство включения этой территории в ареал ирменской культуры, распространявшейся только эпизодически до выхода Катуня на равнину в районе с. Майма (см. поселения Майма-3, Майма-12).

Усть-Муны-2. Поселение (?). В устье р. Муны при строительных работах у моста по Чуйскому тракту найдена керамика палеометалла, возможно относящаяся к разрушенному культурному слою сезонного поселения (см. Акимова и др., 2008).

Усть-Мунушка-1. Местонахождение в устье р. Мунушка. Объект открыт Чевалковым в 1998 г. Определён как сезонная стоянка раннего железного века (см. Акимова и др., 2008).

Соузга

Верх-Соузга. Поселение. Находилось на левом берегу р. Соузга, к востоку от б. н. п. Верх-Соузга. В 1999 А.П. Бородовским обнаружено несколько жилищных западин диаметром до 4-5 м, глубиной до 0,5 м, вытянутых в линию вдоль реки. Дата не ясна (см. Акимова и др., 2008).

Река Улалушка¹

Улалушка-1. Поселение. Расположено на террасовидном выступе р. Улалушки, в 6 км от устья. В 1974 г. С.С. Зяблицким и Л.М. Чевалковым на пашне были сделаны сборы керамики, а в размыве на глубине 25-30 см зафиксирован насыщенный находками культурный слой раннего железного века. Материалы не опубликованы (см. Акимова и др., 2008).

¹ Из собранной на поселениях Улалушки большой коллекции опубликовано всего несколько изделий без указания мест их нахождения (рис. 17; 18) (Киреев, 1987; Акимова и др., 2008, рис. 79).

Улалушка-3, 4. Поселения (?). Находились в 7,5 км и 10 км от устья р. Улалушка. В ходе обследования найдены изделия эпохи камня и керамика раннего железного века. Материалы не опубликованы (см. Акимова и др., 2008).

Улалушка-6, 7. Поселения. Располагались в 12 км и 13,5 км от устья Улалушки. Открыто С.С. Зяблицким в 1975 и 1976 гг., в 80-х годах XX в. обследовались С.М. Киреевым. В ходе сборов получен значительный материал, включая большое количество орнаментированной керамики, обломки зернотёрок и песты. По мнению С.М. Киреева, поселения датируются «улалушинским вариантом майминской культуры» (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.). Материалы не опубликованы (см. Акимова и др., 2008).

Улалушка-8. Поселение. Находились в 14 км от устья р. Улалушка и в 2 км к востоку от деревни Улалушки на слегка пологом склоне горы. Обнаружено в 1985 г. С.М. Киреевым. На пашне собрано около 400 фрагментов, в том числе, более 70 орнаментированных, обломков пряслица и обломки курантов. Материалы отнесены к «северо-алтайскому варианту пазырыкской культуры и улалушинскому варианту майминской культуры» (см. Акимова и др., 2008, с. 63).

с. Урлу-Аспак

Урлу-Аспак-1. Поселение (рис. 19). Находилось на наклонном участке мысовидного выступа правобережной надпойменной террасы р. Майма, к западу от кладбища с. Урлу-Аспак. Открыто и исследовано Т.А. Акимовой в 2007 г. Вскрыто 51 кв. м с частью жилища, имевшего отопительную систему. Найдено значительное количество керамики (2210 фрагментов) от горшков, банок и чаш, а также нижний и верхний камни зернотёрок, точило и другие изделия. Материалы и жилище отнесены к майминской культуре (см. Акимова, 2008; Акимова и др., 2008). Автор раскопок отмечает высокую степень концентрации керамики, а также отсутствие в орнаментации сосудов «жемчужника» и налепных валиков (Акимова, 2008, с. 42). К этому следует добавить широкое использование зубчатого и гладкого штампов в сочетании с округлыми вдавлениями. Эти особенности сближают Урлу-Аспак с поселением Чепеш-2, датируемом более ранним временем (Шульга, 1996).

с. Черемшанка

Черемшанка. Городище (рис. 24; 25). Располагалось на высокой террасе у южной окраины с. Черемшанка. Открыто в 1958 г. Б.Х. Кадиковым. В 1989 и 1994 г. городище обследовалось С.М. Киреевым, зафиксировавшим жилищную западину размерами 5×5 м и две крупные хозяйственные ямы. В 2006-2007 г. памятник обследовался А.П. Бородовским. Материалы отнесены к майминской культуре (Акимова и др., 2008).

Всего в Майминском районе учтено 54 объекта с керамикой и другими поселенческими артефактами эпохи бронзы, раннего железного века и гунно-сарматского времени, включая Бочкарёвку и Страшной Лог, а также четыре городища (Майма-20, Черемшанка, Барангол-5, Манжерок-3), остатки железодельного производства (Усть-Барангол) и сторожевой пункт (Майма-21). На девяти из них проводились раскопки площадью от 20-50 кв. м до 1000-1216 кв. м. Материалы опубликованы фрагментарно, без планов раскопов и подробных описаний. На многих поселениях выделяются керамика и культурные слои «раннего железного

века (быстрянская культура середина VI-II вв. до н. э.)» и «гунно-сарматского времени (майминская культура конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.)»¹.

Почти все перспективные поселения с насыщенными артефактами культурными слоями концентрируются по рекам Майма и Улалушка, что в значительной мере объясняется благоприятным для земледелия климатом (см. гл. 2), а также проведением сплошных обследований и наличием многочисленных разрушений почвенного слоя пашнями, карьерами и дорогами. Наиболее хорошо была освоена р. Майма: в устье (Майма-1), средней части (у с. Кызыл-Озёк) и в верховьях (Урлу-Аспак-1), где в раскопе 51 кв. м найдено жилище и 2210 фрагментов керамики (Акимова, 2008).

Выше по течению Катуня раскопки велись только на поселении Муны-1, где выявлены слои ранней бронзы (афанасьево) и раннего железного века, но материал также опубликован фрагментарно. Остальные «верхние» поселения (всего восемь, в том числе два городища) разрушены (в с. Манжерок), не исследовались или с бедным культурным слоем.

Значительная часть поселений (в том числе почти все крупные) по рекам Майма и Улалушка, по мнению М.Т. Абдулганеева, С.М. Киреева, А.П. Бородовского, Т.А. Акимовой и др. исследователей, заселялись носителями особой майминской культуры (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.). Памятник Муны-1 относится А.П. Бородовским к особой изолированной группе населения, сочетавшего в керамике пазырыкские и быстрянские черты (Бородовский, 2001, с. 58-59). В целом, поселение Муны-1, по его мнению, находилось в контактной зоне этнокультурных образований с афанасьевского времени по ранний железный век. В 7 пунктах дата не установлена (Страшной Лог; Кызыл-Озек-7, 8; Майма-17, 20; Еловый Ключ-2; Верх-Соузга).

Большая часть поселений многослойные, в том числе содержавшие немногочисленные артефакты каменного века. Слои с керамикой раннего железного века встречены на 28-30 поселениях, с керамикой майминской культуры – на 13 поселениях (см. Акимова, 2008, с. 42), с керамикой поздней бронзы – на двух поселениях в месте выхода Катуня на равнину (Майма-3, Майма-12), с афанасьевской керамикой – на одном поселении (Муны-1, возможно, на поселениях Манжерок-5 и Манжерок-7, где были найдены отдельные фрагменты). Отдельно расположенных однослойных поселений энеолита (афанасьевской культуры) и бронзы не зафиксировано. Поселений с достоверно средневековой керамикой, оставленной населением после майминской культуры в районе пока не выявлено. Из 46 датированных пунктов материалы энеолита (афанасьевская культура) встречены в четырёх пунктах; бронзы – в пяти; раннего железного века – в 41, майминской культуры – в 7 пунктах; средневековья – в одном. Интересно, что на поселениях, обычно, фиксируются слои только двух эпох: слой ржв соседствует с афанасьевским на трёх памятниках; с артефактами эпохи бронзы – на пяти поселениях; с керамикой майминской культуры – на пяти поселениях.

В целом, явно доминируют памятники ржв (41 из 46). При этом, их число может быть увеличено за счёт пока не датированных поселений или отнесённых к майминской культуре. Остальные, как правило, совмещены с ржв. Необычно мало энеолита (что объясняется нахождением района за рамками ареала афанасьевской культуры) и практически нет средневековья, если не считать майминскую культуру.

¹ При этом авторы Свода памятников иногда относят к раннему железному веку все культуры с середины VI в. до н. э. до V в. н. э. (Акимова и др., 2008, с. 23).

Исследованные в Майминском районе могильники также почти все скифского времени. Есть несколько афанасьевских (Илбик, Усть-Муны-3). К майминской культуре предположительно относятся только курган 87 (один из 43 в Майме-7) и несколько в Чултуковом Логу-1. Из средневековых упоминаются раннесредневековый курган в Усть-Мунах-1 и позднесредневековый в Манжероке-11. Нужно сказать, что само содержание майминской поселенческой культуры не определено, а отнесение к ней нескольких погребений, вероятно, сделано только на основании датировки.

Поселения на левом берегу Катунь, расположенные напротив Майминского района Республики Алтай.

Алтайский район Алтайского края

Летом переправиться через бурную Катунь на отрезке от с. Майма до с. Усть-Сема довольно сложно, но в зимнее время Катунь замерзала, а потому проживавшее там население могло несколько месяцев в году свободно переходить на другую сторону, в том числе и со своими стадами. Левый берег Катунь менее благоприятен для проживания, менее исследован, но и там выявлены как могильники, так и поселения. В ходе работ автора в 2002-2007 гг. на участке от реки Устюба и почти до границы Алтайского района выше Большой Тавдинской пещеры, наиболее тщательно с частой шурфовкой были обследованы земельные участки турбазы Талда» и Бирюзовой Катунь. Однако, на всей этой территории обнаружен только один крупный могильник Тавдушка V-III вв. до н. э. (около 35 курганов) и, сравнительно небольшое поселение Бирюзовая Катунь-7. Помимо этого было выявлено всего несколько средневековых курганов.

Ая. Поселение. Расположено на правобережной террасе р. Ая у склона горы на юго-западной окраине с. Ая. Открыто в 1987 г. Шульгой П.И. На время обследования в 700 м к северу находился карьер. В результате шурфовки и сборов за огородами получена небольшая коллекция керамики раннего железного века.

Тавдушка. Поселение. Находится в 4 км к ЮЮВ от с. Нижняя Каянча на мысу высокой левобережной террасы р. Катунь непосредственно к западу от устья р. Тавдушка (левый приток Катунь). На катунской террасе к северу ранее располагалась деревня Тавда, а с 2002 г. – турбаза Талда. В двух шурфах в слабо насыщенном культурном слое обнаружены небольшие фрагменты керамики раннего железного века, орнаментированные округлыми вдавлениями в одну строчку. Поселение частично разрушено бывшей деревней Тавдушка. Площадь сохранившегося в удовлетворительном состоянии участка поселения равна около 150-200 кв. м. Памятник открыт П.И. Шульгой и Д.А. Пугачёвым во время сплошного обследования и шурфовки участка турбазы в 2002 г. Предварительно датируется второй половиной I тыс. до н. э. Данная информация с планами была отражена в научном отчёте П.И. Шульги в ОПИ за 2002 г., в отчёте заказчику работ – турбазе «Талда», передана работникам краеведческого музея Алтайского района. На противоположном берегу Тавдушки артефактов не было обнаружено.

Необходимо отметить, что согласно одной из работ (Бородовский, Бородовская, 2013, с. 18), примерно в этом же месте А.Л. Кунгуровым, как будто, было обнаружено два поселения – Усть-Тавда-1 и Усть-Тавда-2. Год обнаружения и источник получения информации авторами не указаны. При этом, по поселению Усть-Тавда-2, отмечено, что оно «открыто

А.Л. Кунгуровым на правом берегу р. Катунь, в устье р. Тавдушка.» Здесь явная описка, поскольку р. Тавдушка является левым притоком Катуни. На прилагаемой карте этот памятник (Усть-Тавда-2) не фигурирует (Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 5).

Тавдинский грот. Расположен на левом берегу Катуни, в 7 км выше по течению с. Манжерок, в скалах у подножия Большой Тавдинской пещеры. В ходе раскопок 2005 и 2008 гг. выявлено два основных культурно-хронологических горизонта: раннего железного века (слой 2) и финального неолита-раннего энеолита (слой 3). Почти вся керамика происходит из слоя 2, где обнаружены венчики от 46 (?) сосудов скифского и переходного времени, орнаментированных жемчужинами с разделителем, вдавлениями, валиками, а также гребёнкой, образующей ёлочку и сетку. Помимо этого найдено несколько сотен мелких фрагментов стенок сосудов размерами от 1×1 см до 2×2 см, обломок бронзового ножа, поделки из рога, кости животных, птиц, рыб и грызунов. Исследователи склонны рассматривать памятник как культовое место (Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2005; Кирюшин, Семибратов, 2009).

Бирюзовая Катунь-7. Поселение. Расположено примерно в 2 км к ЮЮЗ от Большой Тавдинской пещеры, в 100 м от склонов горы Скалистая. Памятник обнаружен в 2004 г. П.И. Шульгой у края 5-ти метровой левобережной террасы р. Катунь, на выступе, обращённом на восток к Катуни. В 25 м к западу проходила основная меридиональная дорога, ведущая от границы Алтайского района с Республикой Алтай к Тавдинским пещерам. В 50 м северней от основной дороги к востоку к Катуни отходила туристическая дорога. В 5-8 м от края террасы в 2004 г. была зафиксирована слабозаметная подпрямоугольная западина (размеры 5×4,5 м), ориентированная по линии ЗСЗ-ВЮВ. В заложенном шурфе (1×1 м) на глубине 25-40 см обнаружено три неорнаментированных фрагмента керамики, венечная кость лошади и уходящий в стенку шурфа крупный вытянутый камень. Керамика предположительно отнесена к раннему железному веку.

В 2008 и 2010 гг. на поселении по обе стороны дороги вскрыта площадь 928 кв. м. Исследовано два жилища раннего железного века, в одном из которых (восточном, у Катуни) найдены развалы керамических сосудов, пряслица, бронзовые нож и шило. Жилище имело подпрямоугольную в плане форму размерами 8×6 м. Котлован жилища был углублён в материк на 0,3-0,35 м (0,5-0,6 м от современной поверхности). В жилище находился подпрямоугольный каменный очаг. Вход в жилище зафиксирован с восточной стороны, от р. Катунь. На поселении также обнаружены роговые наконечники стрел. Из полученных материалов опубликована керамика (Семибратов, Кирюшин, Ситников, Дёмин, 2010; Гальева, Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2011).

Чемальский район

Поселения в данном своде расположены по схеме, предложенной составителями обобщающего свода «Археологические памятники и объекты Чемальского района» (Степанова, Соёнов, 2009). Памятники последовательно перечисляются, начиная с северной части Чемальского района (с. Чепош) до южной (с. Куюс). Важно отметить, что в 70-80-е годы XX в., когда наиболее активно велись археологические изыскания, земли по Катуни от с. Усть-Сема до с. Куюс относились к Шебалинскому району. В 1992 г. эта территория по Катуни с право-

бережными притоками была выделена из Шебалинского района в Чемальский район. Шебалинский район сохранился, но площадь его сократилась. Соответственно, в изданиях до и после 1992 г. одни и те же памятники упоминаются сначала в рамках Шебалинского, а затем Чемальского районов (Степанова, Соёнов, 2009). В Чемальском районе работали многие исследователи (см. Степанова, Соёнов, 2009). Значительная часть поселений со слоями эпохи энеолита, ржв и средневековья были выявлены в ходе целенаправленных разведок и раскопок, проводившихся П.И. Шульгой по Катуню в 1984-88 гг. и в 1995-96 гг. Ниже приводится краткое описание этих работ.

В 1984 г. по Катуню разведки проводились автором на двух участках. В июле 1984 г. обследовался восьмикilометровый отрезок правобережной Катуню с впадающими в неё реками Узнезя, Куям и Элекмонар (между сёлами Узнезя и Элекмонар) (рис. 26-28). Долины Катуню осматривались полностью от реки до горных склонов. Притоки обследовались на 3-5 км выше по течению от места их впадения в р. Катунь. Тогда у с. Узнезя автором было найдено поселение Узнезя-4, на р. Куям – поселение Куям, а у с. Элекмонар – поселения Элекмонар-4, Инышкин Лог, Хемчик-1, 2. На поселении Элекмонар-4 заложен разведочный раскоп площадью 60 кв. м. (Шульга, 1995). Затем, в августе 1984 г. проводилась разведка по правому берегу Катуню на отрезке протяжённостью по прямой 50 км от р. Бике до р. Большая Сумульта. Впадающие в Катунь реки Бике, Эдиган, Тогусхан (Тогус-Кан), Карасу, Кемечекпан, Каянча и Большая Сумульта обследовались на 2-7 км от их устья. Река Нижний Куям пройдена по всему её течению от истоков до места впадения в Катунь. В результате в августе было найдено ещё пять поселений (Нижний Куям; Кызык-Телань-4; Тогусхан-7, 8; а также поселение Кемечекпан-2, находящееся чуть выше по Катуню, но уже в Онгудайском районе)¹.

В 1985 г. проводились разведки правого берега Катуню и притоков на отрезке в 10 км по прямой от с. Узнезя до с. Чепош. Найдено 10 поселений: (Узнезя-6, 7; Партизанская Катушка; Аскат-1, 2; Чепош-1, 2, 4; Чичка, Нижний Чепош). В 1986 г. на этом же участке выявлено ещё три поселения (Карасу-1, 2; Нижний Чепош-2), а также городище Нижний Чепош-3 (первоначально было определено как поселение), оборонительные сооружения которого были замечены только осенью 1995 г. (Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010). На поселении Чепош-2 вскрыта площадь 165 кв. м. В 1987 г. продолжились раскопки Чепоша-2, и было обнаружено городище Нижний Чепош-4 (рис. 28; 30). В 1988 г. производились раскопки выявленных ранее поселений Аскат-2 и Партизанская Катушка (Шульга, 1992, 1998а).

В 1995 г. на поселении Карасу-2 был заложен разведочный шурф (6 кв. м), а на поселении Чепош-2 сделана прирезка, в которой был найден жертвенник с бронзовым кинжалом (Шульга, 1996а). В 1996 г. были продолжены раскопки на Чепоше-2 и заложен раскоп на городище Нижний Чепош-3.

¹ За год до этого, в августе 1983 г. автор принимал участие в разведке М.Т. Абдулганеева по местами необжитому и труднопроходимому левому берегу Катуню от устья р. Урсул до реки Тыткескень, впадающей в Катунь напротив с. Еланда. Разведка проводилась в целях выявления археологических памятников в зоне затопления Катунской ГЭС. Помимо стоянок каменного века, в некоторых местах на Катунских террасах в обнажениях почвы встречались небольшие фрагменты невыразительной керамики и кости животных. К таковым относятся и открытые тогда поселения Тыткескень-2, 6 (см. ниже). Поселений III тыс. до н. э. – I тыс. н. э. с хорошо выраженным культурным слоем по долинам Катуню тогда не было обнаружено.

Правый берег Катуня (рис. 26-28) ¹

Чепош-1. Поселение (рис. 29. – 2-5). Расположено между склоном южной экспозиции и Чемальским трактом, примерно в 1,5-1,8 км к ЮВ от с. Чепош (по дороге в сторону Чемала) и в 300 м к ЮВ от поселения Чепош-2. По поселению проходит ЛЭП. Возле двух опор ЛЭП, на разрушенных при их строительстве участках почвы в 10-20 м от тракта в 1985 г. П.И. Шульгой собрано 7 фрагментов керамики, в том числе фрагмент венчика. Три фрагмента украшены орнаментом афанасьевского облика (рис. 29. – 2-4). В месте сборов культурный слой незначительный. Возможно, это окраина поселения, которое могло располагаться чуть восточнее в расширении долины, где шурфовка не производилась. Данное место заселялось в афанасьевское время и, судя по облику неорнаментированной керамики, в скифское.

Чепош-2. Поселение (рис. 28; 33–38). Расположено на правобережье р. Катунь, в логу, на обширном довольно ровном склоне южной экспозиции с уклоном около 15 градусов. В 150-200 м к югу от поселения проходит Чемальский тракт, за которым располагается афанасьевский могильник Чепош-3 (Шульга, 1993). Село Чепош находится примерно в 1,2 км к СВ. Ко времени первого обследования в 1985 г. основная площадь поселения уже была уничтожена карьером, который продолжают разрабатывать с перерывами уже более 30 лет. По записанным в 1985 г. сообщениям местных жителей при разработке карьера находили кости, горшки и бронзовые вещи. Вещи утеряны. Оставшаяся часть поселения примыкала к карьере с ССВ. С востока поселение ограничено довольно крутым скалистым склоном, вдоль которого проходит ЛЭП. В 1985 г. на краю карьера в его северо-западной части была сделана зачистка (размеры 4×1 м) осыпавшейся стенки, превратившаяся в нижней части в траншею. В траншее обнаружено 360 фрагментов керамики, в том числе 47 орнаментированных венчиков от 32 сосудов, 7 орнаментированных фрагментов боковин и 13 фрагментов донышек. Там же найдено два обломка от двух пряслиц, одно из которых сделано из стенки сосуда, галька с углублением наполовину заполненным охрой (рис. 38. – 7) и пест-тёрочник. Наибольшая концентрация керамики отмечена в юго-западной части подчистки. По всей видимости, это была мусорная яма.

В 1986 и 1987 гг. на поселении была вскрыта площадь 700 кв. м. Около 150 кв. м было исследовано в 1995 и 1996 гг. В силу особенностей относительно влажного и тёплого климата данная местность отличается довольно мощным гумусом. На склоне у карьера общая толщина гумусированного слоя земли вместе с дёрном составляла 50–85 см (в среднем – 70-75 см). Культурный слой мощностью 20-25 см отличался от выше- и нижележащего гумуса большим количеством мелких камней, сланцевых плиток, галек, отчего выглядел более светлым и неоднородным. Особенно хорошо культурный слой прослеживался в юго-западной части сохранившегося поселения, где находились остатки древней мусорной свалки, разрушенной карьером – на один кв. м там приходилось до 80–120 фрагментов керамики. Количество находок постепенно уменьшалось по направлению к северу и в стороны от краев карьера. Раскопки показали, что основная часть поселения с жилищами и очагами уже уничтожена карьером.

Хозяйственные ямы. На исследованной территории найдено 30 хозяйственных ям. Большинство из них фиксировалась в 15–20 см выше материка. Ямы №№ 3, 11, 12 являлись остатками временных летних сооружений без очагов, где производились определенные хозяй-

¹ В данный раздел включено одно поселение с левого берега Катуня – Аскат-1).

ственные работы, возможно, и помол зерна, на что указывают зернотерки. Здесь же встречаются обломки глиняных пряслиц, галечки со следами сработанности и слабообожженные чаши (рис. 35), в которых хранение и приготовление жидких продуктов было, по-видимому, невозможно. Несмотря на частое присутствие мелких угольков, найдено лишь одно небольшое кострище. Почти нет закопченной керамики, со следами нагара. Все это говорит о том, что на вскрытой окраине поселения приготовлением пищи не занимались.

Хозяйственная яма № 3. Размеры ямы 280×140 см. При выборке ямы обнаружено около 70 фрагментов керамики (рис. 34. – 4) и небольшое количество мелких обломков костей животных. Яма заглублена в материк на 41–64 см. На дне её находились рваные камни и плиты. Заполнение состояло из гумусированной земли с вкраплениями углей. В своей юго-восточной части нижней части яма имеет ответвление (вход?), возле которого лежала плитка-терочник. Дно ямы № 3, как и других больших, выравнивалось по горизонтали.

Хозяйственная яма № 11. Размеры ямы 400×180 см. В центральной части находились рваные камни, 37 фрагментов керамики и продолговатые гальки (рис. 34. – 5). Глубина ямы от уровня материка выше по склону – 42 и ниже – 20 см, т.е. яма также врезалась в материк и выравнивалась. Вход обращен вниз по склону на юго-восток.

Хозяйственная яма № 12. Размеры – 310×295 см. Заполнение состояло из гумусированной земли с большим количеством материкового песка и щебня, что могло быть следствием намеренного ее засыпания в древности. При выборке заполнения обнаружено 40 фрагментов керамики (рис. 36. – 9, 10), костяной наконечник стрелы (рис. 38. – 2) и продолговатые гальки. Глубина ямы в западной части – 70 см, а с северо-востока, где расположен вход, она выводилась на уровень материка.

Отдельное сооружение, очевидно, представляло собой скопление ям №№ 16, 17, 18, 19, 21. Их контуры проявились на уровне материка, так как они заглублялись уже с уровня пола жилища на 2-10 см (рис. 34. – 3).

Яма № 16. Имела размеры 160×120 см, глубину до 30 см. В центре – скопление рваных камней, среди которых половина – зернотерки. В заполнении обнаружено несколько фрагментов керамики, два из них являются обломками горшка из ямы № 21 (рис. 36. – 5). Части этого горшка распределялись в заполнении ямы № 21 от поверхности до -80 см. Несколько фрагментов его было найдено в ямах №№ 1, 15, 16, 17 в квадратах 3/2 и В/3. В надматериковом заполнении над описываемыми ямами находок нет. Столбовые ямы не выявлены. Очевидно, временное сооружение над ямами №№ 16, 17, 18, 19, 21 занимало около 50 кв. м. Постройка функционировала на последнем этапе существования поселения, так как в западине культурный слой уже не образовался. Вероятно, какое-то сооружение располагалось в северной части поселения над ямами №№ 26-30, где найдено значительное количество керамики, а в ямах №№ 26, 28 – обломки зернотерок. Можно предположить, что прямоугольная яма № 25 также является остатком жилища, заглубленного в материк на 53 см. В заполнении – рваные камни и более десятка фрагментов керамики (рис. 37. – 4, 9, 10).

Остальные ямы сильно различаются по размерам. №№ 13 и 30 с отвесными стенами, диаметром 30-40 см, глубиной 60 и 47 см. Ямы №№ 4, 8, 9, 10, 21, 26, 27, 28 диаметром от 60 до 100 см заглублялись в материк от 50-70 см до 123 см (яма № 21). Все они имели в профиле бочонковидную форму, поэтому диаметр верхних краев ям всегда на 15-25 см меньше, чем в средней части. В заполнении всех ям встречены фрагменты или развалы сосудов, кости животных.

Единственный очаг в соседстве с двумя хозяйственными ямами найден в квадрате С/9. Очаг представляет собой пятно золы диаметром 60 см, мощностью до 10 см, расположен на 5 см выше материка. Супесь под очагом слабо прокалена. Каких-либо сооружений у очага не отмечается. Из этого можно сделать вывод, что очаг функционировал непродолжительное время.

Яма № 5. Диаметр на уровне материка 220 см (рис. 34. – 1). Стенки ее от уровня материка были обмазаны глиной и прокалены. Вероятно, данная яма представляла собой печь для обжига керамики.

Жертвенник. Находился в квадрате Х/2 (рис. 33). Выложен в виде круга диаметром около 1 м из небольших сланцевых плиток размерами до 30×10×7 см. Пространство между плитками заполнено гумусом, насыщенным мелкими обломками кальцинированных косточек. Мощность заполнения – 15–18 см. В северо-восточной части жертвенника, в слое кальцинированных косточек (часть из них принадлежит мелкому рогатому скоту) находился бронзовый кинжал с обломанным в древности острием (рис. 38. – 3). Верх рукояти несколько расплюсчен ударами по направлению к перекрестью. Длина рукояти до перекрестья 7 см. Клинок имеет ребро жесткости. Его ширина у основания 2,6 см, на месте слома – 1,4 см. Общая длина кинжала 14,5 см, первоначальная – около 17 см. Перекрестие кинжала плоское, концы расходятся под углом. Навершие сохранилось частично и в деформированном виде. По-видимому, в ходе отливки предполагалось кольцевидное навершие, но металлом была заполнена только часть у рукояти. Затем выступающие концы были несколько уплощены и загнуты в сторону. По форме кинжал напоминает карасукские кинжалы с кольчатым навершием, расходящимися под углом концами плоского перекрестия и некоторым сужением клинка у перекрестия. Высокое содержание олова (определение С.В. Хаврина) подтверждает его ранний возраст. Вероятно, кинжал переиспользован в VII–VI вв. до н. э. К этому времени у него были частично обломано (?) и загнуто в сторону навершие, острие обломано. Уже обломанный клинок длиной 6 см был сильно раскован по сторонам и заточен. Несмотря на уменьшенные формы, кинжал мог применяться по назначению в ритуальных действиях; его рукоять без навершия удобно захватывается рукой, клинок, по-видимому, неоднократно проковывался (отбивался) и затачивался. По всей видимости, применялся он не для хозяйственных целей, и нельзя исключить намеренной порчи вещи. В связи с этим, напрашивается аналогия с помещаемыми в захоронения пазырыкской культуры в качестве кинжалов часто раскованных ножей карасукских форм (Кубарев, Шульга, 2007, с. 79).

Всего в культурном слое и хозяйственных ямах поселения найдено 45 неполных развалов сосудов и 4476 фрагментов керамики, из них 417 венчиков, 140 фрагментов днищ. Почти все сосуды орнаментировались. Орнамент, как правило, наносился под венчиком. Поясок из округлых ямок встречен на 49 фрагментах, где ямочки всегда располагаются в один ряд, а в сочетаниях – на 70 %. Орнаментированная зона сосуда расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (22 %), иногда – из прочерченных косых линий (рис. 35. – 3). В некоторых случаях так украшалась значительная часть поверхности сосуда (рис. 36. – 5, 6). Гребенчатый орнамент встречен на 6 % фрагментов (рис. 36. – 19, 20, 22, 23), в чистом виде – на 2 %. По срезу венчики орнаментировались гладким, иногда гребенчатым штампом или косыми насечками (8 %). Орнаментация венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встреча-

ется на всех типах сосудов. Важно подчеркнуть, что «жемчужник», *формованные или наленные валики на поселениях отсутствуют.*

Керамика подразделяется на четыре группы. Первая, самая многочисленная – баночные сосуды, почти все закрытого типа (рис. 35. – 1-10). Частично реконструируются 20 сосудов. Вторая группа представлена чашами (рис. 35. – 11, 12, 16-19). Почти все они орнаментированы только пояском из ямок. Сосуды слабого обжига, в культурном слое расслаиваются от влаги. В хозяйственных ямах их сохранность удовлетворительная. Реконструируется 15 чаш. Подобные чаши, также слабообожженные, в большом количестве встречены при раскопках почти всех поселений Средней Катуни (Элекмонар-4, Партизанская Катушка, Аскат-2, Куротинский Лог-1 и др.). Таким образом, на поселенческом материале Чепоша-2 была выделена группа керамики, ранее в Горном Алтае по погребальным комплексам почти не известная. Третья группа представлена горшками. Частично реконструируются четыре сосуда; однако, судя по числу венчиков, их доля на поселении значительнее (рис. 36. – 5, 6). Четвертую группу составляют кринкообразные сосуды. По форме они близки к горшкам. Из них достоверно кринкообразными можно назвать только два полностью восстановленных сосуда с раздутым туловом и выделенной короткой шейкой (рис. 36. – 1, 2). К ним близки верхние части ещё трёх сосудов, но форма тулова у них нам не известна (рис. 36. – 3, 4). Все сосуды плоскодонные. При этом у чаш и двух кринкообразных сосудов переход к днищу заovalен. У банок и горшков этот переход ярко выражен утолщением и ребром. Подавляющее количество обломков днищ на поселении принадлежит к хорошо узнаваемым не обожжённым чашам или имеют днища с утолщением. Это обстоятельство ещё раз указывает на малое количество кринкообразных сосудов.

На поселении, обнаружено 16 обломков зернотерок и курантов. Куранты типично ладьевидные, сильно сработанные (рис. 38. – 9, 10). Большинство фрагментов и все половины зернотерок (рис. 38. – 8) найдены в хозяйственных ямах. Найдены обломки от десяти пряслиц и одно целое. Поверхность их не орнаментирована, все однотипны (рис. 38. – 4-6).

Широко представлены каменные орудия. Н.Ю. Кунгуровой определены 3 песта для растирания твердой породы (рис. 38. – 14, 15), грузило-утяжелитель, 2 галечки с заполированной поверхностью, предположительно, для растирания металлической фольги. Несколько галечек, возможно, использовались при выделке шкур. Для 43 округлых и плоских галечек одинаковых пропорций, толщиной 0,5-1,5 см, диаметром 4-8 см, характерны поперечные, реже – продольные следы затертости (рис. 38. – 12, 13). Вероятнее всего ими растирали грубодластое вещество нерастительного происхождения (шамот, дресва). На некоторых галечках видна забитость. В месте древней свалки найдена плоская овальная галечка со сверленной лункой в центре. Лунка заполнена красной охрой (рис. 38. – 7).

Изделия из кости и другой остеологический материал были только в хозяйственных ямах, так как в культурном слое поселения кость не сохраняется. В ямах №№ 12 и 21 обнаружены костяной черешковый трехгранный наконечник стрелы и проколка, изготовленная из кости косули, путем незначительной подработки (рис. 38. – 1, 2). Кости сохранялись только в хозяйственных ямах, углубленных в материк, а потому их найдено сравнительно мало. Из 73 определимых костей лошади принадлежало 19 фрагментов, крупнорогатому скоту – 19, овце (козе) – 26, собаке – 3, козуле – 4, лисе обыкновенной – 1, дикому кабану – 1 фрагмент. Кроме того, 77 мелких неопределимых костей отнесены условно мелким рогатым животным –

домашним и диким, а 13 фрагментов принадлежали крупным рогатым животным (Гальченко. Шульга, 1992).

Жители поселения Чепош-2 вели комплексное хозяйство. В отличие от полукочевых соседей, значительную роль в их хозяйстве, видимо, играло земледелие. Судя по полученным поселенческим материалам раннего железного века, с учетом природно-климатических условий и этнографических параллелей, можно говорить, что первое место в стаде занимала лошадь, затем – крупнорогатый скот и, сравнительно немного, содержалось мелкорогатого скота, так как на покрытых лесом склонах на этом увлажненном участке реки Катунь, при высоком снежном покрове, добывать корм было затруднительно. Население охотилось ради мяса, шкур, пушнины, для чего, конечно, использовались собаки. находка грузила указывает на занятие рыбной ловлей.

Чепош-4. Поселение. Расположено в 300 м к юго-востоку от Чепоша-1 на правобережной террасе р. Катунь между горными склонами южной экспозиции и Чемальским трактом, в 20-30 м от тракта, в 1,8 км к ЮВ от с. Чепош. Открыто П.И. Шульгой в 1985 г. По поселению проходит ЛЭП 110 квт. Возле опоры ЛЭП, где верхний слой почвы был нарушен, собрано несколько фрагментов керамики, из них один афанасьевского облика, орнаментированный гребёнкой (рис. 29. – 6). Остальные фрагменты не орнаментированы. Часть фрагментов может быть отнесена к раннему железному веку.

Нижний Чепош-1. Местонахождение. Находится в верховьях р. Нижний Чепош на правобережной террасе, в 20 м от места пересечения реки просёлочной дорогой, ведущей к перевалу (в 300 м к СЗ) в долину р. Каральки, примерно в 8-10 км от с. Чепош. Открыто П.И. Шульгой в 1985 г. На краю пашни, в 4-5 м от дороги в канавке от плуга найдено 7 фрагментов неорнаментированной керамики. Датировка не ясна. Собранная керамика предположительно относится к раннему железному веку. В 40 м к СВ на левом берегу реки, на дороге найдено несколько отщепов.

Нижний Чепош-2. Поселение (?). Расположено рядом с р. Нижний Чепош на невысокой (высота 2-3 м) правобережной террасе. Поселение находится в 200-х метрах к югу от фермы и в 2,5 км северо-восточнее с. Чепош (рис. 29) Открыто П.И. Шульгой в 1986 г. Юго-восточная часть террасы разрушена при прокладке просёлочной дороги. При осмотре на осыпающемся склоне террасы обнаружены фрагменты керамики. Для определения стратиграфии и хронологии памятника была сделана подчистка склона размерами, приобретшую внизу форму шурфа размерами 2×1,2 м. Почти все найденные в шурфе обломки керамики принадлежали одному горшковидному сосуду (рис. 29. – 1) с формованным валиком под венчиком. Сосуд орнаментирован гребенчатым штампом и вертикальными строчками полукруглых вдавлений. Здесь же найдены небольшие обломки литейных форм. Некоторые из них подошли друг к другу, но восстановить форму отлитых предметов не представляется возможным. Большая часть этих находок располагалась на глубине 25-30 см от современной поверхности. Ниже зафиксировано скопление красной глины мощностью до 20-25 см, занимавшее значительную часть шурфа. Под слоем глины находилась тонкая прослойка гумусированного суглинка, а ниже, на глубине около 50 см – материковый гравий. Орнаментация горшка позволяет датировать его концом II - началом I тыс. до н.э.

Нижний Чепош-3. Городище (рис. 30). Расположено на высокой левобережной террасе р. Нижний Чепош, в 300-х метрах к югу от поселения Нижний Чепош-2, в 1,1 км (по прямой) к северо-востоку от центра с. Чепош, неподалёку от кладбища с. Чепош. По террасе прохо-

дит ЛЭП и две просёлочные дороги. Вдоль одной из них, ведущей к ручью Чичка в обнажениях культурного слоя в 1986 г. были найдены кости животных, 8 мелких фрагментов керамики, два из которых украшены жемчужником, а три фрагмента подобны керамике из находящегося поблизости (в 150 м к востоку) поселения Чичка. Тогда же в дороге и на осыпающемся краю террасы обнаружены мощные скопления обожжённой глины (без примесей), несколько похожей на битый кирпич, залегавшей в 10-15 см от поверхности почвы. По сведениям местных жителей в этом месте раньше не было свалки или селения. На этом основании было сделано предположение о значительной древности находок, и вероятности существования на данном участке террасы поселений эпохи бронзы и ржв.

Валы и рвы тогда не были замечены, поскольку основная дорога располагалась в разрыве укрепленной линии. Остатки укреплений городища Нижний Чепош-3 были обнаружены П.И. Шульгой и Н.Ф. Шульгой только в 1995 г. после сборов на сильно размытой дороге в северной части на спуске к ручью Чичка. При осмотре обнажений и образовавшейся в песчаной террасе глубокой промоины были найдены костяные наконечники стрел, керамика, изделия из камня, очаги. По всей площади размыва встречались кости животных настолько хорошей сохранности, что признать их древность пришлось лишь после находок аналогично выглядящих древних наконечников стрел и других изделий из кости. Тогда же у дороги и в западной части по краю лога были обнаружены рвы и валы, что позволило считать поселение городищем Нижний Чепош-3. В 1996 г. по кромке размываемой террасы у дороги П.И. Шульгой был заложен раскоп, выявивший не просматриваемый на поверхности глубокий ров и многочисленные жилищные и хозяйственные ямы. В надматериковом культурном слое обнаружено значительное количество керамики, а также изделий из кости рога и камня. По ряду причин работы не были завершены. Раскоп законсервирован по уровню материка и заложен дерном. Полученная в раскопе керамика резко отличалась от известной из поселений ржв как по форме, так и по орнаментации. По форме венчиков она имеет аналогии со средневековой керамикой в Горном Алтае, всегда залегающей над слоем ржв. На сравнительно позднее время указывает и близость культурного слоя к современной поверхности (около 15 см). Позднее городище неоднократно осматривалось и исследовалось вместе с соседним городищем Нижний Чепош-4 (см. ниже; Соёнов и др., 2011). Общая площадь городища Нижний Чепош-3 составила примерно 6000 кв. м (300×200 м). Там выделяется несколько оборонительных линий по периметру площадки, ограниченной террасой.

Нижний Чепош-4. Городище (рис. 30-32). Первые сведения о городищах около села Чепош зафиксированы в материалах ответов на «Программу для собирания сведений о природе и населении Алтая», которую разработало Общество любителей исследования Алтая, созданное в Барнауле в 1891 г. В сообщении Чемальского отдела Алтайской духовной миссии от 31 июля 1892 г. священник Петр Бенедиктов написал следующее: «Около Чепоша, на берегу Катуня, есть место, где заметны следы древнего (?) городища или военного лагеря, заметны вал и ров, окружающие это место. Говорят, таких мест (городищ. – авт.) много в нашем отделении» (см. Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010). Очевидно, данное краткое описание можно связать с ныне известным археологическим комплексом Нижний Чепош-4 с хорошо выраженными на местности остатками фортификационных сооружений. Далее П. Бенедиктов отметил еще одно место у Чепоша, окруженное канавой, как бы от очень большой юрты. Согласно легенде, канаву протоптал богатырский конь, ходивший по кругу на приколе. Судя по контексту, место это сравнительно небольшое, и его можно увидеть издали. Такое описа-

ние не может быть соотнесено с крепостными конструкциями памятников Нижний Чепош-3 и 4. Несмотря на обследования окрестностей села, подобных объектов там пока не выявлено. Каких-либо работ по уточнению местонахождения указанного городища у с. Чепош, описанного П. Бенедиктовым, до недавнего времени не проводилось. Археологам отмеченные у с. Чепош памятники стали известны примерно через сто лет (см. Соёнов и др., 2011, с. 7-12)¹.

В 1986 г. местные жители рассказали П.И. Шульге о каких-то «окопах» на реке Нижний Чепош. Возникло предположение о наличии там городища, но поиски его в 1986 г. результатов не дали. В 1987 г. информаторы из с. Чепош сообщили более точные сведения о местонахождении «окопов», что позволило сузить район поисков и обнаружить городище, названное Нижний Чепош-4 диаметром около 150 м. Тогда же в ходе предварительного осмотра внутри крепости у берегового откоса П.И. Шульгой замечены оплывшие вал и ров от более раннего укрепления. В границах этого объекта был заложен шурф 2×2 м, в котором найдено большое количество фрагментов от нескольких десятков крупных лепных сосудов (рис. 31). Другой шурф затронул жилище. В его границах над основным культурным слоем, непосредственно под дерном, фиксировался еще один слой с керамикой. На основе этого было сделано предварительное предположение о повторном заселении городища. Затем на памятнике производилась инструментальная съемка для выяснения основных конструктивных особенностей оборонительных линий и определения его площади.

По результатам вышеуказанных работ П.И. Шульга сделал несколько значимых наблюдений, а также ряд довольно условных предположений. Эти материалы изложим следующим образом. Представляется, что первым возведено укрепление на углу, в месте выхода глубокого лога к реке. Это позволяло значительно сократить линию обороны с напольной части, где были устроены ров и широкий вал. В плане первое городище имело чечевицеобразную форму размерами около 80×50 м. Затем площадь комплекса Нижний Чепош-4 была увеличена в 5-6 раз и окружена мощной оборонительной линией, включавшей до пяти чередующихся валов и рвов и достигавшей с напольной стороны 25 м в ширину. Городище являлось постоянно заселенным центром для контроля за путями по Катуню и Семе, ведущими с равнины в глубь Горного Алтая и далее в Монголию. С течением времени на противоположной стороне лога образовался своего рода посад. В основном для его защиты возведено новое овальное в плане укрепление, ограничивавшее большую территорию городища Нижний Чепош-3. По результатам раскопок и визуальным наблюдениям можно утверждать, что наиболее плотно там была заселена более безопасная территория у берегового откоса. Если принять предположение о последовательном расширении и сосуществовании обеих крепостей, то городища Нижний Чепош-3 и 4 можно считать важным центром или форпостом значительного государственного образования. По какой-то причине строительство третьей - самой большой крепости в полном объеме не было завершено, а население, видимо, покинуло это место. По мнению П.И. Шульги, создание столь мощного центра на Катуню осуществ-

¹ Согласно В.И. Соёнову, П.И. Шульга полагал, «что описание миссионера не может быть отнесено к городищам Нижний Чепош-3 и 4» (Соёнов и др., 2011, с. 11). В действительности, это мнение относилось не к данным городищам, а к описанному П. Бенедиктовым кольцевидному рву, поскольку городища Нижний Чепош-3, 4 нельзя наблюдать издали. Как выяснил в 2011 г. В.И. Соёнов, описанный П. Бенедиктовым видимый издали кольцевидный ров, по всей видимости соотносится с Емурлинским городищем, расположенным на противоположном левом берегу Катуню (Соёнов и др., 2011, с. 12).

влено крупным государственным образованием, заинтересованным в контроле над территорией Горного Алтая (Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010).

Имевшиеся данные о разведочных работах П.И. Шульги послужили основой для продолжения исследований на выявленных и зафиксированных объектах. В 2001 г. Горно-Алтайским археологическим отрядом Алтайского государственного университета (АлтГУ) на городищах Нижний Чепош-3 и 4, разделенных логом глубиной от уровня террасы более 10 м, производились очередные археологические исследования. Они осуществлялись в рамках проекта ФЦП «Интеграция» по теме «Изучение средневековых крепостей Саяно-Алтая», который реализовывался Алтайским государственным университетом совместно с Институтом археологии РАН (научный руководитель – И.Л. Кызласов). На первоначальном этапе стояла задача получения точных планов местности с остатками крепостных сооружений. Для выполнения этой части программы был приглашен инженер-геодезист А. О. Карьков, который под руководством А.А. Тишкина и осуществил инструментальную съемку памятников. Геодезические работы проводились тахеометром ТА-3М. В них приняли участие П.И. Шульга, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов и А.Л. Кунгуров. Для тахеометрической съемки на городище Нижний Чепош-4 в качестве схемы использовался план памятника 1987 г. В ходе дополнительного обследования на городище Нижний Чепош-3 были обнаружены остатки не замеченных ранее рвов и валов в восточной части городища, что позволило установить его реальные размеры. По материалам обследований и инструментальной съемки был получен топографический план в масштабе 1:500, с высотой сечения рельефа 0,5 м (рис. 30).

На следующем этапе запланированных работ производилась зачистка разрушенного дорогой северо-восточного участка городища Нижний Чепош-3 по линии ров-вал. Длина раскопа составила 30 м. В ходе исследований были зафиксированы три рва и небольшое количество находок. Кроме этого, делались описания обозначенных памятников, уточнялись особенности их оформления и нахождения. По завершении работ 2001 г. А. А. Тишкин также пришел к выводу о том, что обследованные городища представляют единый комплекс (Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010). Было высказано предположение, что памятники являются многослойными и существовали в разные периоды раннего железного века и Средневековья. Более точное время сооружения оборонительных линий предполагалось выяснить в ходе дальнейших раскопок. Сделано заключение, что планиграфически памятник Нижний Чепош-3 является более поздним, чем Нижний Чепош-4, который состоит из двух площадок, окруженных системой ров-вал. Там, по всей видимости, сначала была оформлена и укреплена площадка, которая находится ближе к обрывистому склону. Общие размеры этой «цитадели» овальной формы составляют 100×65 м. Именно с этого места, скорее всего, начиналось строительство всего комплекса крепостей. Внутренняя площадка первого укрепления размерами 82×48 м с запада, юга и востока была окружена системой вал-ров шириной от 8 до 11 м. Высота валов от современной поверхности террасы составляла от 0,2 до 0,6 м, глубина рвов – от 0,1 до 0,4 м. Северная часть оказалась оформлена эскарпом высотой до 2,2 м. Внизу имелась площадка шириной 2-2,5 м. По всей видимости, данный укрепленный участок играл роль форпоста и до окончания строительства другой части крепости, которую было предложено обозначить как Нижний Чепош-4б. Общие параметры данного подпрямоугольного в плане объекта с округленными углами 210×150 м. Внутренняя часть площадки имела размеры 166×104 м. Она также окружена сложной системой рвов и валов. Западная часть была укреплена рвом и валом шириной до 10 м. Западный и юго-западный участки защищались сис-

темой в два вала и два рва. Между ним и предыдущим отрезком зафиксирован проход шириной 2,5-3 м.

Южный и юго-восточный участки крепости представляли собой достаточно мощную систему из рвов и валов. Она начиналась с трех валов и трех рвов, затем добавлялись один вал и ров, заканчивалась система на востоке, где зафиксирован проход шириной до 7.5 м. Далее система, оформленная в три рва и два вала, сливается с восточной частью форпоста Нижний Чепош- 4а, постепенно переходя в один вал и ров, который заканчивается у эскарпа. Следует указать, что эскарпирован также северный участок длиной 20 м при закруглении системы вал-ров на западе крепости. Между ним и форпостом оформлена смычка в виде небольшого вала и рва. Между юго-западной и южной системой ров-вал зафиксирован проход шириной от 15 до 20 м. Подобная ситуация не исключает существования там главных ворот крепости. Однако в центре этой площадки находится сейчас высоковольтная ЛЭП, и при ее установке строители могли сnivelировать рассматриваемый участок. На территории крепости Нижний Чепош-4 зафиксировано несколько западин.

В 2001 и 2004 гг. обследование городищ осуществлял В.И. Соёнов. Им сняты планы памятников с использованием ОР8-приемника, а на северной части комплекса Нижний Чепош-3 в разрушениях были собраны фрагменты керамики и костей. В 2009 г. при поддержке указанного проекта «Давняя и средневековая фортификация Алтая» на памятниках Нижний Чепош-3 и 4 В.И. Сосновым и С.В. Трифановой заложены траншеи, пересекающие валы и рвы, для изучения фортификационных конструкций. В результате раскопок на каждом из городищ изучены остатки сложных сооружений, состоящих из нескольких рядов валов и рвов. (см. Соёнов и др., 2011). Произведенные работы позволили выявить и некоторые особенности устройства крепостей. На обоих городищах в валах были зафиксированы глубокие ямы, заканчивающиеся в материке. По всей вероятности, эти ямы делались под опоры деревянных защитных сооружений, имевшихся в свое время на валу. На городище Нижний Чепош-4 в яме вала обнаружено значительное количество древесного угля и остатки обожженного дерева. Находки на городищах представлены предметами вооружения, керамикой, орудиями труда, костями животных.

Для проведения работ по изучению характера и структуры магнитного поля, а также выявления участков антропогенных нарушений на памятниках был приглашен геофизик А.В. Шитов. Магниторазведка производилась при помощи квантового магнитометра ММП-303 на участках закладки траншей для сверки результатов магниторазведки и раскопанных мероприятий. В результате профильных работ на городищах было выявлено, что вскрытые позже раскопками валы и рвы выделяются в магнитном поле. Магниторазведка также проводилась у грунтовой дороги в юго-восточной части городища Нижний Чепош-3, на участке предполагаемого разрыва валов и рвов. В результате выявлено, что на самом деле система ров-вал продолжается, хотя визуалью почти не фиксируются.

Произведенные при раскопках наблюдения и инвентарь из культурного слоя позволили В.И. Соёнову датировать городища Нижний Чепош-3 и 4 «гунно-сарматским» временем. Девять радиоуглеродных дат (СОАН – 7852-7861), полученные Л.А. Орловой (Институт геологии РАН) в результате анализа древесного угля и почвы на QUANTULUS 1220 (по бензольно-сцинтилляционному варианту), не противоречат этому. Четыре даты по анализу почвы относятся к широкому временному диапазону (в рамках I тыс. до н.э. – I тыс. н. э.), но остальные пять показателей (три даты по древесному углю и две по почве из столбовой ямы и

со дна рва) при калибровке REV 4.3 с вероятностью 2σ и OxCal v.3.0 с вероятностью 95,4 % укладываются в рамки 125 г. до н.э. – 400 г. н.э. (Соёнов и др., 2011).

Чичка. Поселение. Расположено примерно в 1,5 км к северо-востоку от с. Чепош на небольшой левобережной террасе ручья Чичка, впадающего в р. Нижний Чепош. Напротив, на более высокой террасе находится городище Нижний Чепош-3. Открыто П.И. Шульгой в 1985 г. На обочине просёлочной дороги, ведущей в верховье реки Каралька, найдено 5 фрагментов керамики, один из которых по орнаментации имеет афанасьевский облик (рис. 29. – 7). Предположительно, основная часть поселения находится на обширной террасе по другую сторону ручья, где впоследствии также были найдены фрагменты афанасьевской керамики.

Карасу-1. Поселение (рис. 27; 28). Расположено у одноимённой кошары в месте вытекания ручья Карасу из ущелья. В 250-300-х метрах к югу находится 15-й км Чемальского тракта (отсчёт от с. Усть-Сема). Открыто П.И. Шульгой в 1986 г. На территории поселения имеется траншея и силосная яма, а также несколько размывов, где собрано 25 фрагментов неорнаментированной керамики и кости животных. В силосной яме сделана подчистка стенки и прослежена следующая стратиграфия: ниже дёрна (10 см) находились три слоя гумуса мощностью по 15-20 см, перемежающихся двумя слоями гумуса мощностью 20-25 см с большим количеством рваного камня размерами около $15 \times 10 \times 7$ см. По всей видимости, слои с камнем образовались в результате его выноса водными потоками из ущелья. В нижнем третьем слое гумуса найдено несколько фрагментов неорнаментированной керамики. Поселение Карасу-1 по своему расположению и характеру аналогично поселению Инышкин Лог на террасе у с. Элекмонар и также характеризуется как временное. Датировка поселения затруднительна, но значительная глубина залегания керамики, позволяет предположительно отнести его к раннему железному веку.

Карасу-2. Поселение (рис. 39). Расположено в 250-ти метрах к западу от поселения Карасу-1. Поселение находится у склона южной экспозиции на правобережной террасе р. Катунь, его южная часть распаивается. В 1986 г. П.И. Шульгой в траншее, у опоры ЛЭП, были сделаны сборы и подчистка обнажений почвы. Найдено 96 фрагментов костей животных и 28 фрагментов керамики; из них венчики от 5 сосудов и фрагменты днища. Судя по керамике, данное место заселялось, в основном, в эпоху средневековья. Керамики ржв сравнительно немного. Высокая степень насыщенности культурного слоя костями и керамикой делает перспективным исследование поселения Карасу-2, несмотря на тяжёлый грунт, насыщенный мелким камнем.

27 и 28 августа 1995 г. в этом же месте у опоры ЛЭП был заложен шурф размерами 2×3 м. Материк (мелкий щебень со светлым песком) находился на глубине 65-70 см от поверхности. Наличие скифской керамики под вопросом, но есть «гуннская» и средневековая. Встречались каменные пластины. Кости животных хорошей сохранности, в том числе один обломок орудия из кости.

Аскат-1. Поселение (?) (рис. 58. – 8, 9). Расположено в южной части с. Аскат, на левом берегу р. Аскат (левый приток Катунь) у места выхода реки из ущелья. Поселение занято огородами и жилыми постройками. Обнаружено П.И. Шульгой в 1985 г. На огородах были проведены сборы, в результате которых найдено 6 фрагментов керамики, из них 2 венчика. Предварительно поселение может быть отнесено к раннему железному веку.

Аскат-2. Поселение (рис. 40-45). Находится на 12-ти метровой правобережной террасе р. Катунь, примерно в 70 м к СЗ от моста через Катунь на с. Аскат. С севера и востока терраса

ограничена горными склонами и скалами, с юга - Чемальским трактом, разрушившим часть поселения. В 1985 г. П.И. Шульгой при обследовании обочины тракта найдены керамика и каменные отщепы. Тогда же для выяснения стратиграфии и хронологии поселения на краю прорезающей поселение траншеи была сделана зачистка, перешедшая на глубине 1,1 м в шурф со сторонами 2,0×1,4 м. Стратиграфия: дёрн 18-20 см, чёрная гумусированная земля 65-70 см, гумусированная супесь 20-25 см, материк – жёлтая супесь. В процессе работы выявлено три культурных слоя, относящихся к раннему железному веку, эпохе бронзы и палеолиту. Находки ржав сделаны на глубине 20-25 см. Найдено 7 венчиков от разных сосудов и 27 неорнаментированных фрагментов. На глубине 30-35 см найдено 56 фрагментов афанасьевского облика. Большинство их украшены горизонтально прочерченными линиями, гладким и мелкозубым штампом, образующим ёлочку (рис. 44. – 13-22). Поверхность 8 фрагментов затёрта. Вперемежку с керамикой найдено 7 обломков глиняных литейных форм. Значительно ниже, в слое гумусированной супеси, подстилаемой жёлтой материковой супесь, было обнаружено скопление каменных изделий: плитки сланца с подработанными краями, чоппер, грубый клиновидный нуклеус, крупный отбойник, нуклеус одноплощадный многофронтальный, скопление (35 шт.) ножевидных пластинок без обработки из одного материала, нуклеус, пластинчатый отщеп с прерывистой ретушью по краю, одна чешуйка, 8 мелких и 8 крупных отщепов. Каменные орудия можно отнести к финальному палеолиту.

В 1987 и 1988 гг. на памятнике вскрыто 250 кв. м. В ходе работ выяснилось, что площадь поселения с артефактами незначительна, а находки эпохи камня и энеолита концентрируются, преимущественно, вокруг бульдозерной траншеи. Для уточнения площади поселения в 40 м к северо-западу был заложен шурф, не выявивший культурного слоя. В 6 м к востоку от основного раскопа была заложена меридиональная траншея размерами 2×6 м. Там были встречены единичные неорнаментированные фрагменты керамики и несколько обломков костей животных. У края террасы, к югу от раскопа находки отсутствовали. В раскопе вокруг средневекового кургана также найдено всего несколько фрагментов керамики и костей.

Поселение многослойное. На террасе, поочередно располагались стоянка финального палеолита, поселения эпохи энеолита (афанасьевская культура) и раннего железного века. Находки углей и костей сразу же под дерном указывают на заселение этого места и в этнографическое время. В эпоху средневековья на этом месте было совершено подкурганное захоронение. Скопление орудий каменного века, обнаруженное в 1985 г. было единственным. На остальных участках в слое гумусированной супеси (-80-105 см) встречались лишь единичные обломки кремнистого сланца и ножевидные пластинки, аналогичные найденным в 1985 г.

Находки афанасьевской культуры. На глубине 30-45 см от современной поверхности встречались небольшие фрагменты керамики афанасьевской культуры. Площадь их распространения была незначительной. Наибольшее число фрагментов обнаружено в шурфе 1985 г., и к северу от него, а также в квадратах Г6 и Д6, где, возможно, находилась не заглубленная в материк хозяйственная яма эпохи энеолита. На это указывает и находившееся в скоплении большое количество костей животных. Очагов или заглубленных в материк афанасьевских хозяйственных ям не найдено. Помимо венчиков и стенок, найдено два фрагмента остродонных сосудов. Все фрагменты венчиков, стенок и днищ афанасьевских сосудов были орнаментированы гребенчатым и гладким штампом, косыми насечками и прочерченными горизонтальными линиями. Внутренняя поверхность имеет характерные следы затёртости

Находки раннего железного века. Наибольшей насыщенностью отличался слой эпохи раннего железа мощностью 20-25 см. Находки представлены керамикой, орудиями из камня (песты, терочники и т. д.), костями животных. Прослежено несколько хозяйственных ям, но в материк заглаблялась лишь одна в квадрате Д4. В центральной части раскопа на глубине 40 см от поверхности почвы зачищен очаг №1 (рис. 41). Мощность прокала до 20 см. Вперемешку с углями и золой найдено несколько фрагментов керамики раннего железного века, обломки литейных форм и много кусков глиняной обмазки с отпечатками деревянной основы, на которую лепилась глина. Следы обмазки встречались на площади 5×6 м, и вероятно указывают на существование не заглабленного в материк полуземляночного жилища подпрямоугольной формой размерами около 5×6 м. С этой площадкой связано нахождение и большей части других изделий раннего железного века. В частности, там обнаружена большая часть следов бронзолитейного производства – обломки литейных форм и ошлакованные фрагменты керамики (рис. 44. – 23-26). В северо-восточной части раскопа находился ещё один временный (?) очаг без обкладки. К востоку от очага, недалеко от скопления обломков литейных форм найдена целая глиняная форма для отливания бронзовой пряжки. Форма изготовлена из двух половинок с отпечатками верхней и нижней частей пряжки, половинки были совмещены и обмазаны слоем глины. В форме автором отлита восковая модель пряжки (рис. 44. – 26, 27). По обломкам других форм восстановить отливаемые предметы не представляется возможным, но очевидно, что некоторые из них были довольно крупных размеров (рис. 44. – 23, 24). В слое раннего железного века найдено также глиняное коническое пряслице, покрытое точечным орнаментом (рис. 108. – 12) и заготовка каменного пряслица с недосверленным отверстием (109. – 1).

Очевидно, поселение ржв существовало сравнительно недолго. Керамика однородна по орнаментации и тесту. Часть сосудов, возможно, изготовлена одним мастером. Орнаментация керамики типична для скотоводческих поселений, связываемых автором с пазырыкской культурой. Большинство венчиков украшено одним рядом вдавлений (81 %) или жемчужником (12 %). Рассеченные наклепные валики присутствуют на 10 % венчиков на баночных сосудах и сочетаются с вдавлениями, реже с жемчужником. Исключение составляют два сосуда, где валики соседствуют с жемчужником, разделенным уголками, отпечатанными гладким штампом (рис. 42. – 1, 3). Вся определяемая керамика происходит от баночных и горшковидных сосудов, а также чаш. Сосуды хорошего обжига, красноватого цвета с примесью песка и слюды. Рассматриваемая керамика по основным параметрам соответствует керамике из исследованных автором поселений по Средней Катуні (Партизанская Катущка) и центрального Алтая (Куротинский Лог-1) (рис. 105. – табл. А).

Обломки литейных форм, по определению Н.Ф. Степановой от 29.05.2000 г., изготовлены из ожелезнённой низкопластинчатой глины, в которую в значительном количестве добавлена органика в виде травы (возможно, навоза). Для изготовления форм использовались другие глины, нежели для керамических сосудов. В культурном слое раннего железного века найдено значительное количество каменных изделий: два обломка курантов, терочники и песты. Основная масса остеологического материала также относится к раннему железному веку. Преобладают кости домашних животных (лошадь, крс и мрс), представлены и дикие животные (см. табл. 4).

Очаг №1 (рис. 41). Зачищен в кв. Г5 на глубине около 40 см. Размеры его 70x45 см, мощность прокала до 20 см. Восточная часть очага с трёх сторон обложена каменными плитками.

Несколько уплощённых камней лежало сверху. Вперемешку с углями и золой найдено несколько фрагментов керамики раннего железа и много кусков глинистой обмазки. На фрагментах обмазки сохранились отпечатки деревянной основы (трубы или стенки печи?), которая обмазывалась глиной. На одном фрагменте имеется отпечаток пальца.

Хозяйственная яма. Единственная яма ржав, заглубленная в материковый слой на 9 см (глубина от поверхности 101 см) располагалась на границе квадратов Д3 и Д4. Контуры ямы проявились в слое гумусированной супеси на глубине -92 см от современной поверхности. Заполнение состояло из гумусированной земли с углями и мелкими фрагментами костей и керамики, орнаментированной вдавлениями. На дне ямы находилось два лежащих друг на друге крупных уплощённых камня размерами 32×50×10 (нижний камень) и 29×44×7 см (верхний камень). Помимо этого, в границах предполагаемого жилища найдено два обломка курантов (рис. 41).

Останки людей. Кроме вышеуказанного, в квадрате Е7 на глубине -56 см от поверхности обнаружены обломки черепа человека. В квадрате Б1 в гумусированном слое на уровне -58-60 см расчищен костяк человека, уложенного на спину, вытянуто, головой на восток-юго-восток (рис. 41; 42. – 15). Сохранность костей плохая, тазовые кости почти истлели. Длина костяка 162 см. Справа от челюсти лежал железный стерженёк. В его тонкой центральной части были продольные полоски истлевшей древесины. Каких-либо остатков погребальной камеры не обнаружено. Датировка погребения затруднительна.

Поселение раннего железного века Аскат-2 датируется литейной формой поясной пряжки, найденной, как и другие обломки литейных форм, в одном слое вперемешку с керамикой раннего железа. Подобные поясные пряжки с выступающим вперёд носиком фиксируются в Северном Китае и восточной Монголии уже в VII в. до н. э., но на Алтае они распространяются только в V–IV вв. до н.э. Самое раннее погребение с подобной пряжкой найдено в предгорьях Горного Алтая в быстринском погребении на могильнике Юбилейный-2, датируемого в рамках V в. до н.э. (Могильников, Уманский, 1981).

Курган на поселении Аскат-2 (рис. 45). Примерно за месяц до начала раскопок в 1988 г. по территории поселения была проложена канава под телефонный кабель, затронувшая каменную насыпь ранее не замеченного полностью задернованного кургана. Курган располагался в 8 м к юго-востоку от раскопа. Диаметр насыпи 5,2 м, высота около 10 см. В центре прослеживалась незначительная западина. Надмогильное сооружение имело в центральной части хорошо выраженную овальную крепиду из крупных камней, вытянутую по линии С-Ю, размерами 3,9×3 м. Вокруг крепиды камни лежали в один-два слоя. Уже в ходе зачистки насыпи, в её западной части были обнаружены обломки костей и железная поясная пластинка с прямоугольным отверстием. Погребение было потревожено в древности. После снятия насыпи, в центре кургана выявлена подпрямоугольная ориентированная в широтном направлении могила размерами около 2×1,25 м, глубиной от уровня древней поверхности около 30 см (75 см от современной поверхности). В её заполнении встречались обломки костей человека. Кости черепа отсутствовали. В первоначальном порядке находились пяточные кости и фаланги. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на восток. В западной части могилы обнаружены железный черешковый нож и железная поясная пластина, аналогичная найденной в насыпи (рис. 45. – 1, 2, 5). В восточной части захоронения найдена обломанная костяная (роговая) концевая накладка на лук (рис. 45. – 3, 4). Погребение может быть датировано концом I – началом II тыс. до н. э. После зачистки могилы площадь кургана была ис-

следована по слоям, как поселение. В слабо насыщенном слое было найдено небольшое количество мелких фрагментов керамики раннего железного века и обломки кремнистого сланца.

Партизанская Катущка. Поселение. Обнаружено П.И. Шульгой в 1985 г. в ходе обследования правого берега р. Катунь между селами Чемал и Чепош. Оно расположено примерно в 900 м к северо-западу от с. Узнезя, между скалой «Партизанская Катущка» (по рассказам местных жителей в гражданскую войну «белые» сталкивали со скалы пленных красных партизан) и Чемальским трактом (рис. 46; 47). Площадь его сравнительно невелика – 60×40 м (2400 кв. м). В 1985 г. в 15 м от скалы был заложен разведочный шурф 1×1 м, в котором было найдено 19 фрагментов костей и 14 фрагментов керамики, в том числе три орнаментированных ржв и эпохи средневековья.

В 1988 г. в северо-западной части поселения был вскрыт одиночный раннескифский курган с ограбленным погребением в каменном ящике и подхоронением лошади (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999). Тогда же на территории поселения изучена площадь 300 кв. м. В связи с ожидавшимися работами по расширению дорожного полотна раскоп был заложен от кювета по направлению к горному склону (рис. 46. – 2, 3). Количество находок в южных квадратах у дороги незначительно. По мере продвижения к скале слой гумуса увеличивался, количество керамики и костей животных также возрастало, что объясняется расположением многих поселений раннего железного века как можно ближе к скале или крутому склону. На всей площади раскопа фиксировалось три культурных слоя: эпохи энеолита (афанасьевский), раннего железного века и средневековья.

Эпоха энеолита представлена немногочисленными фрагментами керамики афанасьевского облика и костями животных, располагавшихся в слое гумуса и гумусированной супеси на 50–75 см ниже современного уровня поверхности почвы. Всего найдено 25 фрагментов стенок, три венчика (рис. 56. – 22–24), часть днища остродонного сосуда (рис. 56. – 25) и каменный скребок. Несколько фрагментов находились в среднем слое и один – в верхнем. Необходимо отметить, что в третьем (нижнем) слое обнаружено значительное количество скоплений керамики раннего железного века, находившейся, преимущественно, в слабых ямках, впущенных из среднего слоя. Афанасьевская керамика имеет на внутренней поверхности характерные следы заглаживания. По определению Н.Ф. Степановой, в некоторых случаях заглаживание производилось орнаментиром с зубчатым рабочим краем. Судя по трем венчикам и фрагменту днища, сосуды были остродонными с круто изогнутой шейкой в месте перехода от венчика к тулову. Орнамент наносился штампованием (рис. 56. – 22–24), шаганием с протягиванием (рис. 56. – 27–29) и протягиванием (рис. 56. – 31). Обнаруженный на глубине 58 см в квадрате Е6 очаг №1 можно отнести к этому же времени (рис. 48), так как в его заполнении и рядом найдено несколько фрагментов афанасьевской керамики (рис. 56. – 27, 29–31) и отщепы кремнистого сланца. Очаг имел овальную форму размерами 80×72 см. Мощность скопления золы и углей достигала 20 см, глина под очагом была сильно прокалена. С западной стороны находился камень размерами 48×40×18 см.

Находки раннего железного века встречались на глубинах 25–55 см, а в древних ямках и выборках – почти до материка. В материковом суглинке ям или жилищных котлованов не отмечено. К этому времени относятся венчики 160–170 сосудов. Для статистической обра-

ботки отобрано 136 венчиков (рис. 105). Ранним железным веком датируется большая часть из 1090 неорнаментированных фрагментов стенок сосудов и 71 фрагмента днищ. Все сосуды лепные, плоскодонные. Большинство достаточно крупных фрагментов и развалов, по которым устанавливается форма сосудов, принадлежит к банкам – 16 сосудов (рис. 49. – 1-12) и чашам – 8 сосудов (рис. 50. – 1-8). К кринкообразным можно отнести крупные фрагменты двух неорнаментированных сосудов, один из которых имел налепное ушко для подвешивания (рис. 50. – 9). Пропорции тулова, основания шейки и придонной части сосуда с ушком близки керамике из погребений Кара-Кобы и Бике (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 4. – 1; 11. – 1). Высота его не превышала 24 см. Сосуд с короткой шейкой и сильно отогнутым венчиком (рис. 50. – 10), по-видимому, занимает промежуточное положение между кринками и горшками, ближе к последним. На других поселениях раннего железного века обломки сосудов, близких к кувшинам или кринкам, также встречаются редко, ни один из них не реконструируется. Очевидно, в жизни пазырыкцев Горного Алтая эти сосуды преимущественно связывались с погребальной обрядностью, совершением различных ритуалов. С этим, по-видимому, связана явная непрактичность размеров и форм кувшинов из Пазырыкских курганов с малым дном, использовавшихся только с войлочными кольцами (Руденко, 1953, с. 90–91), обычай расписывать или украшать их спиральным и змеевидным орнаментом (Суразаков, 1994, с. 73–74).

Баночные сосуды относятся к типу закрытых (рис. 49. – 1-10): диаметр тулова (18–22 см) всегда превышает диаметр по венчику (12–19 см). Приблизительная высота сосудов – 16–20 см. Два сосуда имели диаметр по венчику 8 см и 3 см (рис. 49. – 9, 11). Величина банок соответствует среднему показателю для таких сосудов из других поселений раннего железного века с валиковой керамикой. Сосуды с валиками имеют слегка намеченную шейку (рис. 49. – 1-4). Эта особенность отличает их от большинства банок на других поселениях. Венчики на срезе овальные (рис. 49. – 1-3) или приостренные с округлым скосом внутрь (рис. 49. – 4-7). Все реконструируемые баночные сосуды орнаментировались по венчику строчкой округлых вдавлений или жемчужин (рис. 49. – 1-10; 105). Больше половины банок имеют налепные валики. Всего на Партизанской катушке рассмотрено 24 венчика с валиками и фрагменты с обломанными венчиками от 15–18 сосудов. Валики в сечении овальные (рис. 51. – 1, 9), подтреугольные (рис. 51. – 6, 7; 49. – 12), уплощенные трапецевидные (рис. 51. – 2-4). Форма последних – следствие окончательного заглаживания (рис. 51. – 4) или часто расположенных вдавлений (рис. 51. – 2, 8). Один валик не орнаментирован (рис. 51. – 12).

Чаши имеют сравнительно небольшие размеры. Их диаметр по венчику равен 14–15 см и 17–20 см, высота сосудов – 6–9 см (рис. 50. – 1–8). Здесь не встречено крупных чаш как на поселениях Аскат-2, Элекмонар-4 и Чепош-2, диаметр которых достигает 24–30 см. Днища их плоские, плавно переходящие в тулово. Венчики на срезе округлые, уплощенные и несколько приостренные с плавным скосом внутрь. Как и на других поселениях Горного Алтая, представлены чаши с прямыми, отогнутыми наружу или внутрь венчиками. В отличие от баночных сосудов, на стенках которых встречается нагар, на чашах нет следов огня. Использовались они, по-видимому, под сыпучие продукты и для принятия жидкой пищи. Орнаментация их простейшая – по венчику наносились в одну строчку округлые, иногда овальные вдавления или жемчужник. В общих чертах орнаментация чаш и банок соответствует керамике поселений Аскат-2 и Куротинский Лог-1.

К раннему железному веку можно отнести обломок пряслица биконической формы с точечными вдавлениями (рис. 48. – 5), ближайшая аналогия которому происходит из поселения Аскат-2 (рис. 43. – 5а). К этому же времени относится очаг в квадрате Е8, представлявший собой вытянутое с юга на север скопление сланцевых плиток размерами от 12×8×1 см до 40×24×4 см, между которыми встречались крупные куски глиняной обмазки толщиной 1–3 см и угли. Между плитками и под ними найдены фрагменты сосуда с валиком (рис. 49. – 3) и другая керамика (рис. 52. – 39; 53. – 15, 28). Размеры скопления 140×60 см. Очаг находился на глубине 50–58 см от современной поверхности. По отпечаткам на некоторых кусках обмазки можно предположить, что сланцевые плиты очага промазывались глиной. Часть плиток по краям очага стояла на ребре. Заглубленность очага относительно слоя раннего железного века указывает на наличие неглубокого жилищного котлована, проследить который в слое гумуса не удалось. Здесь же найдена плоская плитка из белого камня в форме круга диаметром 13–15 см. Из второго слоя происходят два обломка стенок сосудов с просверленными сквозными отверстиями (рис. 48. – 1, 2), на одном из них (рис. 48. – 1) отверстие сделано аналогично обнаруженному на венчике с рассеченным валиком (рис. 51. – 7).

Верхний культурный слой прослежен на глубинах 15–25 см (до -30 см) от современной поверхности почвы. Он хорошо отличим от нижележащего и уверенно может быть отнесен к эпохе средневековья. Подавляющая часть находок – керамика и кости животных. Как и на других поселениях Горного Алтая, основная масса средневековой керамики отличается темным цветом и довольно грубым исполнением с хорошо заметными следами затирания. Степень насыщенности верхнего слоя артефактами скифского и афанасьевского времени незначительна. Здесь найдено два фрагмента из 25 афанасьевских, три венчика с налепными валиками из 24 и три фрагмента с уголковыми вдавлениями из 16. Средневековая керамика представлена 60 венчиками не менее, чем от 30 сосудов (рис. 54; 55; 56. – 1-21). Все они плоскодонные, лепные. Преобладали слабопрофилированные горшки диаметром по венчику 12–18 см с прямыми или слабоотогнутыми венчиками (рис. 54. – 1, 3, 5, 7 и др.) и банки (рис. 54. – 2, 4). Приблизительно у 40 % сосудов срез венчиков украшался продолговатыми вдавлениями, образующими елочку (рис. 54. – 10, 11, 13–15, 17), или две параллельные линии пунктира (рис. 54. – 12); чередующимися насечками (рис. 54. – 16, 19); подпрямоугольными (рис. 55. – 6) и пальцевыми вдавлениями; ногтевыми защипами, делающими срез венчика волнистым (рис. 55. – 1–5, 9). На фрагментах от двух сосудов волнистость венчика достигалась формовкой (рис. 55. – 8). В некоторых случаях елочка или вдавления смещены на внешний или внутренний край венчика (рис. 54. – 14, 15; 55. – 2, 5, 9). Шейка и тулово большей части сосудов не орнаментировались. На украшенных венчиках преобладают неглубокие округлые вдавления в одну строчку (рис. 55. – 2, 3 и др.), встречаются ногтевые вдавления (рис. 54. – 7), жемчужник (рис. 56. – 5) и вдавления в 2–3 строки (рис. 54. – 14, 18). Некоторые сосуды по венчику и тулову украшались гребенчатым орнаментом (рис. 55. – 10, 13, 17, 20, 22), зубчатым штампом (рис. 55. – 19), прямыми прочерченными линиями (рис. 55. – 10-15), лунками, наколами (рис. 55. – 16, 18, 21) и отступающими вдавлениями, образующими узоры (рис. 55. – 24, 25). Один фрагмент имеет гладкий валик (рис. 56. – 6). Следует обратить внимание на однотипность большинства венчиков. Как правило, они прямые или несколько отогнуты с уплощенным верхом, иногда немного расширяющимся (рис. 54. – 4, 5, 7; и др.) или имеющим небольшой карнизик с внешней стороны. Венчики за-

крытых баночных сосудов – уплощенные с заостренным внутренним краем (рис. 54. – 2; 56. – 5, 6).

В восточной части раскопа в квадратах Ж12 и Е12 на глубине 20–30 см от поверхности обнаружен очаг и примыкающая к нему с юга овальная хозяйственная яма размерами 120×80 см, контуры которой устанавливались по скоплению в гумусе костей животных, керамики и угольков (рис. 46). На дне ямы найдено три венчика от одного сосуда (рис. 54. – 4), обломок изделия из стенки сосуда округлой формы с зашлифованными краями (рис. 48. – 3) и мелкие неорнаментированные фрагменты. Контуры жилища и его глубина относительно уровня древней поверхности не прослеживались. Очаг имел округлую форму размерами 44×40 см, мощность скопления золы – около 8–10 см, ниже отмечен прокал. К северо-востоку от очага найден пест из продолговатой гальки с заполированной рабочей частью (рис. 48. – 6). Из первого слоя происходит и просверленный фрагмент головки бедренной кости животного (рис. 48. – 4).

На северо-западной окраине поселения был вскрыт курган с каменным ящиком бийкенской культуры раннескифского времени (рис. 46. – 2; 56. – 34, 35). При разборке насыпи обнаружено два фрагмента керамики (рис. 56. – 32, 33). Предположительно они связаны с курганом, но нельзя исключить их более позднее попадание с поселения.

Узнезя-1. Поселение (рис. 59). Расположено на мысовидном выступе (высота около 10 м) левого берега р. Узнезя, в 1,5-2 км выше по реке от с. Узнезя. Открыто Н.Ф. Степановой 1980 г. В 1985-1989 гг. вскрыто более 1400 кв. м. Полученные материалы относятся к афанасьевской культуре и раннему железному веку. В небольшом количестве встречена средневековая керамика (Степанова, Соенов, 2009). Материалы не стратифицированы, тем не менее, коллекция керамики ржав представляет особый интерес, поскольку там найдено сравнительно большое количество валиковой керамики элекмонарского типа (рис. 59. – 13, 24-27), а также подобная орнаментация без валиков с чередованием жемчужин и угольковых вдавлений, начиная с переходного времени (рис. 59. – 10-12, 15-20).

Поселение Узнезя-4 (рис. 57; 58). Расположено на северной окраине с. Узнезя, на склоне южной экспозиции. Поселение находится в 260 м к северу от места впадения в Катунь р. Узнезя, в 60 м к югу проходит Чемальский тракт, в 80 м к ЮЗ находился продовольственный магазин. Открыто в 1984 г. Шульгой П.И. Керамика найдена на старой дороге Узнезя-Бешпельтир, идущей за огородами вдоль склона горы, примерно на 3-4 м выше уровня тракта. Крутизна склона в районе дороги 20-25 градусов, а потому дорога врезана в склон на 0,6-1,1 м. Судя по находящемуся к востоку карьеру, гора сложена из песка с прослойками галечника. Для определения стратиграфии и хронологии культурного слоя у дороги сделана подчистка осыпающегося склона. Вследствие большой мощности культурного слоя подчистка внизу приобрела форму шурфа размерами 1,3×1,3 м (рис. 57. – 2). В разрезе хорошо прослеживается 5 слоёв: дёрн (0-10 см); прослойка светлого песка (10-22 см), в которой, как и в дёрне, находки отсутствовали; слой гумусированного песка мощностью около 20 см (22-44 см); слой светлого песка (46-95 см); второй слой гумусированного песка (95-107 см); ниже идёт материк - галечник и светлый песок. Расположенный под дёрном слой светлого песка – очевидно, результат оползания склона. По-видимому, и четвёртый слой (светлый песок) образовался по этим же причинам.

В дёрне и в подстилающей его прослойке светлого песка находок не было. Керамика и кости животных содержались в верхней части второго слоя светлого песка (-45-75 см).

Большое количество керамики (27 фрагментов) обнаружено на глубине около 50 см (рис. 57. – 3-14). На глубине -75-85 см находок не было, что, возможно объясняется малой площадью шурфа. Основная масса керамики (112 фрагментов) и костей встречена в слое гумусированного песка над материком (-85-105 см) (рис. 57. – 15-25; 58). Там же на дне шурфа на одном уровне найдены баночный сосуд с утраченным венчиком, находившийся на сланцевой плитке размерами 37×16×5 см (рис. 58. – 3) и развал верхней части другого более крупного баночного сосуда, орнаментированного строчкой округлых вдавлений (рис. 58. – 1). Всего при зачистке найдено 147 фрагментов керамики. Среди них венчики от 21 сосуда и доньшки от 7 плоскодонных сосудов. Основная масса венчиков происходит от баночных и горшковидных сосудов. Найдено 22 определимых кости животных: косуля – 15 (из них 6 костей на глубине 40-50 см); овца – 5; лошадь – 2. Судя по глубине залегания находок в нижнем слое и крутизне склона, на месте шурфа, вероятно, находилось врезанная в склон землянка. Орнаментация керамики и формы сосудов имеют аналогии в Чепеше-2.

Узнезя-5. Поселение (?). Находится в 3,5-4 км от с. Узнезя по дороге в с. Бешпельтир, на правом берегу р. Узнезя, приблизительно в 150 м к западу от реки, на мысовидном выступе высотой 10 м. По памятнику проходит дорога Узнезя-Бешпельтир. Открыто в 1985 г. Н.Ф. Степановой, собравшей на обнажениях около 30 фрагментов керамики ржв (Степанова, Соёнов, 2009, с. 15).

Узнезя-6. Поселение (рис. 58). Располагалось на северо-западной окраине с. Узнезя, в 120 м к северо-западу от поселения Узнезя-4, в небольшом логу, обращённом в южную сторону. В 40-50 м к югу проходит Чемальский тракт. Площадь лога около 100×60 м. Выявлено в 1985 г. П.И. Шульгой. В прорезающей лог промоине и в близлежащем огороде было найдено 19 фрагментов керамики. Из них три фрагмента венчиков от трёх сосудов баночной формы, орнаментированных округлыми вдавлениями и редкозубым штампом, а также фрагмент днища от плоскодонного сосуда. Поселение относится к раннему железному веку. Не исключено, что в какой-то период расположенные рядом поселения Узнезя-6 и Узнезя-4 существовали.

Узнезя-7. Поселение (рис. 28; 49. – 13). Обнаружено в 1985 г. П.И. Шульгой. Тогда оно располагалось в 250 м к СЗ от западной окраины с. Узнезя, занимая пространство шириной 40-50 м между Чемальским трактом и горным склоном южной экспозиции. Примерно в 600 м к СЗ от поселения вдоль тракта находится скала «Партизанская Катюшка». Протяжённость поселения вдоль тракта и склона не установлена. Ко времени последнего осмотра в 2011 г. на северной окраине с. Узнезя появилось значительное количество строений, связанных с развитием туризма. Располагаются они, преимущественно между трактом и Катунью, а потому поселение Узнезя-7 ещё не застроено, но постройки находятся к поселению значительно ближе, чем в 1985 г.

Поселение было выявлено первоначально по нескольким фрагментам керамики в проложенном вдоль тракта кювете. Затем в 30 м от тракта и в 15-20 м от склона на поросшем сосняком участке был заложен шурф 1,5×2 м. В шурфе на глубине 35-50 см находились остатки какого-то сооружения из плиток и рваных камней. Под верхним слоем камней был расчищен развал сосуда баночной формы, украшенный по венчику тремя рядами наколов (рис. 49. – 13). Примерно на этой же глубине от поверхности (-30-40 см) встречены почти все находки: шесть неорнаментированных фрагментов керамики от других сосудов, зуб лошади, несколько неопределимых косточек и угольки. Назначение скопления костей не ясно. По-

добные, скопления камней в сопровождении костей и керамики, зафиксированы в жилище на Элекмонаре-4.

Прослежена следующая стратиграфия: дёрн – 20 см, чёрная гумусированная земля – 60 см, мешанка (гумусированный суглинок) – 15-20 см; и на глубине около 1 м от поверхности находился материковый суглинок.

Узнезя-мост. Поселение. Находилось в с. Узнезя, на правом берегу р. Узнезя, у моста. На разрушенной части террасы в этом месте у моста собраны фрагменты керамики эпохи бронзы, ржв, средневековья, изделия из камня. На ближайшем к реке огороде собраны фрагменты керамики и шлаки (Степанова, 1995, с. 63; Степанова, Соёнов, 2009, с. 15).

Узнезя-школа. Поселение (?). Находилось на высоком левом берегу р. Узнезя. На территории школьного огорода. Собраны фрагменты керамики афанасьевской культуры и ржв (Степанова, 1995, с. 63; Степанова, Соёнов, 2009, с. 15).

Айбарка. Поселение (?). Находилось на правом берегу р. Узнезя, в 1,5 км от устья, на мысовидном выступе, в 0,4 км к ЮЗ от лога Айбарка и от поселения Узнезя-1. По территории памятника проходит дорога в с. Бешпельтир. Н.Ф. Степановой найдены фрагменты керамики афанасьевской культуры и раннего железного века (Степанова, 1995, с. 63; Степанова, Соёнов, 2009, с. 12-13).

Усть-Куюм. Поселение. Находится на правобережной террасе Катуня, на левом берегу р. Куюм в месте её впадения в Катунь. Открыто Г.П. Сергеевым во время раскопок могильника в 1932 г. В 1980-е гг. XX в. исследовалось Н.Ю. Кунгуровой. Выявлены культурные слои от эпохи палеолита до средневековья. находки ржв незначительны (Кунгурова, 1990, 1992; Степанова, Соёнов, 2009)

Малый Дуган. Поселение (рис. 60). Находится на правом берегу р. Куюм, в 0,4-0,5 км от устья р. Куюм. В 1987-1990 гг. Н.Ф. Степановой на поселении вскрыто более 900 кв. м. Обнаружены находки, датируемые с эпохи энеолита до средневековья. находки керамики ржв незначительны (Степанова, Соёнов, 2009, с. 20).

Куюм. Поселение (рис. 39). Расположено на месте фермы Куюм и несколько севернее её, на склоне южной экспозиции. Ферма Куюм находится на правом берегу р. Куюм, в 1,2 км от её устья, в 30 м севернее дороги на с. Нижний Куюм. При строительстве кошары в 1983 г. был нарушен культурный слой мощностью 20-30 см. Открыто в 1984 г. Шульгой П.И. Собрано 42 фрагмента керамики, из которых три орнаментированы вдавлениями. Один из крупных фрагментов происходит от чаши (рис. 39. – 8). Керамика относится к ржв.

Большой Дуган. Находится в 0,6-0,7 км от устья р. Куюм по дороге в с. Верх. Куюм, на высокой террасе правого берега р. Куюм, к западу от лога Большой Дуган. Открыто в 1987 г. Н.Ф. Степановой. Собрана керамика эпохи бронзы, раннего железа и, по-видимому, средневековья (Степанова, 1995; Степанова, Соёнов, 2009, с. 21).

Бурла. Поселение (рис. 60. – 13-16). Открыто Л.М. Чевалковым в 1986 г.¹. «Поселение расположено в 2 км выше устья, на правом берегу реки Куюм в месте впадения в нее ручья Бурла. Ручей прорезает вторую и третью надпойменные террасы Куюма, которые в этом месте, имеют форму мыса, и делит их на две части. В этом месте находится старый заброшенный колхозный сад и проходит дорога к селу Нижний Куюм.

¹ Описание памятника даётся по: Чевалков, 1993.

Здесь на обоих берегах ручья в обнажениях почвы и прямо на полотне дороги был собран подъемный материал, представляющий собой четырнадцать фрагментов керамики, шесть отщепов и одну ножевидную пластину. Керамика тонкостенная, залощена, с большой примесью дресвы, хорошо обожжена. Установить, хотя бы приблизительно, форму сосудов не представляется возможным из-за малых размеров фрагментов. На четырех фрагментах керамики имеются элементы орнамента. Два из них являются обломками венчиков. Орнамент на одном – ямочный вдоль венчика (рис. 60. – 13). На другом – в виде вдавлений или насечек по венчику гребенкой (рис. 60. – 14, 15), а вдоль венчика видны следы вдавления палочкой, в результате чего получался орнамент в виде ямок и жемчужин. На третьем фрагменте можно проследить орнамент, нанесенный мелкозубчатой гребенкой в виде углов или ёлочки. На четвертом видно только два вдавления палочкой в форме треугольника (рис. 60. – 16).

Датировать поселение и сделать культурную привязку его по имеющимся материалам затруднительно, но можно предположить, что три орнаментированных фрагмента керамики относятся к эпохе раннего железа». Таким образом, можно предположить, что на поселении имеются, по крайней мере, два культурных слоя – раннего железа и ранней бронзы.

Бурла. Поселение. Расположено на левом берегу р. Бурла, правого притока р. Куюм, в 0,5-1 км от устья р. Бурла, на высокой террасе. Собрана коллекция керамики периода раннего железа (Степанова, 1995; Степанова, Соёнов, 2009, с. 21).

Коболок-суу, Барангол, Кегибаш. Группа поселений (?), найденных в устьях пяти притоков р. Куюм (Коболок-суу, Барангол, Кегибаш и два безымянных ручья). Поселения отнесены к афанасьевской культуре (Суразаков, Чевалков, 1988; Степанова, Соёнов, 2009, с. 21).

Королой. Поселение (рис. 60. – 17-32)¹. Поселение находится неподалеку от села Нижний Куюм. В этом месте река Куюм делает крутой поворот, образуя петлю, врезаясь в правый берег долины, который является склоном горы. Левая сторона долины в этом месте представляет собой остатки по крайней мере трех речных террас. Рельеф третьей террасы осложняется склоновым сползанием почв с ближайших горных вершин. С северной стороны эти отложения глубоко прорезает ручей Королой, впадающий в реку. В обнажениях были собраны каменные изделия позднепалеолитического облика, а также обломок куранта зернотерки из мелкозернистого серого гранита и несколько фрагментов керамики. Два из них являются верхними частями сосудов и имеют орнамент. Первый – обломок венчика толсто-стенного сосуда. Тесто с примесью дресвы, плотное. Орнамент представляет собой перекрещивающуюся штриховку (рис. 60. – 17). На втором фрагменте видны жемчужины. Стенки тонкие, хорошо залощены. Тесто с примесью дресвы (рис. 60. – 18). Ещё на двух мелких фрагментах был орнамент в виде уголка лопаточки (рис. 60. – 19).

На месте сбора подъемного материала была сделана зачистка стенки оврага, а затем заложен небольшой разведочный раскоп с квадратами 1-А и 1-Б площадью 10 кв. м. Культурный слой начинается сразу под дерном на уровне 0,05–0,08 м и прослеживается на всю глубину гумусированных слоев, до глубины 0,5–0,55 м от поверхности земли.

В результате снятия первого пласта до глубины 0,12 м в кв. 1-А и в зачистке со стороны этого квадрата были обнаружены плитка из сланца со следами обработки, зуб лошади, обломок литейной формочки, несколько мелких неорнаментированных фрагментов тонкостенной керамики, небольшие кусочки дерева, три мелких отщепов. Находки рассеяны по всей площа-

¹ Описание памятника и находок приводится с небольшими купюрами по: Чевалков, 1993.

ди квадрата. Кроме этого был обнаружен отбойник из серого гранита овальной формы, один конец которого плоский и утолщенный, другой немного заостренный. В квадрате 1-Б найдены обломок глиняного пряслица (рис. 60. – 32), несколько неорнаментированных мелких фрагментов тонкостенной керамики, несколько мелких отщепов, ножевидная пластинка и сланцевая плитка со следами обработки. Второй пласт был снят до глубины 0,36 метров. Найдено несколько фрагментов керамики. Один орнаментирован треугольниками по венчику. Был обнаружен обломок второго пряслица, обломок зуба животного, несколько отщепов, ножевидные пластинки различных размеров и скол с площадки нуклеуса. В раскопе на уровне второго пласта в кв. 1-А были найдены семь фрагментов керамики, один из которых был орнаментирован по венчику треугольными вдавлениями углом лопаточки, фрагмент ножевидной пластины и несколько отщепов, два обугленных фрагмента дерева со следами обработки, несколько мелких колотых косточек. В квадрате 1-Б обнаружены четыре мелких орнаментированных фрагмента керамики и восемь небольших отщепов без следов вторичного использования. На глубине 0,3–0,36 м зачищено несколько крупных камней. Проследить закономерность в их расположении не удалось. При снятии третьего пласта по всей площади кв 1-А и 1-Б было найдено множество фрагментов орнаментированной и неорнаментированной керамики, отщепов, ножевидных пластин, несколько орудий на отщепах и пластинах, мелкие обломки литейных форм. Причем фрагменты керамики концентрировались в основном в юго-восточной части квадрата 1-А, а отщепы и орудия в северо-восточном углу квадрата 1-Б и вокруг большого камня, который находился почти в центре квадрата. На глубине 0,4–0,45 м в южной части квадратов 1-А и 1-Б и в зачистке появились крупные обожженные камни и угольки, мелкие кальцинированные косточки. На глубине 0,5 м были полностью зачищены камни и зольное пятно, с включением мелких угольков, кальцинированных косточек, мелких фрагментов керамики. В кв. 1-А было сосредоточено большое количество фрагментов керамики. Многие из них были орнаментированы. Один фрагмент украшен двумя рядами треугольных вдавлений углом лопаточки и жемчужинами, другой – перекрещивающимися линиями, нанесенными мелкозубчатой гребенкой, третий – с овальными вдавлениями, расположенными цепочкой. Два фрагмента имели сложный орнамент, в составе которого жемчужины, штриховки, вдавления палочкой. Два других фрагмента венчиков носят на себе простой орнамент из жемчужин и насечек. Кроме этого было найдено несколько отщепов. В разделяющей квадраты бровке встречались мелкие фрагменты керамики, отщепы. На уровне второго пласта на глубине 0,3–0,36 м был обнаружен развал сосуда, а на уровне третьего пласта на глубине 0,4–0,45 м было обнаружено несколько крупных фрагментов керамики от двух сосудов со сложным орнаментом и без него. Орнамент одного сосуда концентрировался широкой полосой вокруг венчика и представлял собой сетку, нанесенную гребенкой, ограниченную сверху и снизу прямыми параллельными линиями (рис. 60. – 31). Второй сосуд орнаментирован пояском чередующихся угольковых вдавлений и жемчужин и мелкозубчатой гребенкой (рис. 60. – 30). Тесто обоих сосудов плотное, хорошего обжига, у одного с большой примесью слюды. В ходе зачистки очага в золе обнаружены угольки, мелкие кальцинированные косточки и фрагменты керамики. Дно очага находилось на желтой глине.

Л.М. Чевалков отнёс материал из раскопа к раннему железному веку (орнаментированная гладкостенная керамика с примесью слюды) и к эпохе бронзы (лепная керамика с узорами в виде штриховки и с «гребенкой»). К эпохе бронзы («афанасьевскому времени») им,

предположительно, отнесена и большая часть каменного инвентаря стоянки. При этом указано, что некоторые предметы имеют позднепалеолитический облик (Чевалков, 1993).

Элекмонар-4, 4а, 4б.

Поселения расположены на правобережной надпойменной террасе р. Катунь, у подножья крутых безлесных склонов, обращённых на юг и запад. Судя по сборам и содержанию шурфов, поселения с небольшими разрывами протянулись вдоль склона примерно на 500 м полосой шириной 40-80 м (рис. 61. – 1). Река Катунь протекает в 250-450 м к западу. Поселения обнаружены в 1984 г. П.И. Шульгой. Тогда же они были условно разделены на три части, названные Элекмонар-4, 4а, 4б¹. Северная часть была названа Элекмонар-4б. Она находилась к северу от скального выхода, и в 1,1-1,2 км севернее окраины с. Элекмонар того времени. К югу от него выделено поселение Элекмонар-4а, отделённое от Элекмонара-4б хорошо заметным, образующим небольшой лог, скальным выходом. Ещё южнее располагалось самое протяжённое (около 300 м) поселение Элекмонар-4, примыкавшее с севера и востока к саду. Его южная часть находилась примерно в 700-900 м к северу от с. Элекмонар. Основная площадь поселений в 70-80-е гг. XX в. ежегодно распахивалась тракторами под посадки картофеля². На поселении **Элекмонар-4б** проводились только сборы (1984 г.), в ходе которых обнаружено около 15 неорнаментированных фрагментов керамики и кости животных.

Поселение **Элекмонар-4а** расположено в пространстве, образованном скальными выходами, защищающими площадку от ветров с низовий Катунь (рис. 61. – 1). Во время осмотра картофельного поля там обнаружены фрагменты керамики (рис. 61а. – 1-4) и кости животных. Тогда же по краям поля в логу было заложено два шурфа. Шурф №1 (1,2х2,2 м) находился в логу к востоку от скального выхода, выше по склону за пределами картофельного поля (рис. 61). Большинство находок обнаружены в нём на глубине 20-30 см: кости животных; фрагмент чаши (высота около 7 см), орнаментированной пояском округлых вдавлений (рис. 61а. – 9); фрагмент глиняного пряслица; небольшие гальки в виде пестов без следов сработанности (рис. 61а. – 12, 13), фрагмент керамики с гребенчатым орнаментом, а также венчики с округлыми и подтреугольными вдавлениями (рис. 61а. – 7, 8, 10). Отдельные кости и три фрагмента керамики зафиксированы также в гумусе до глубины 50-70 см. После обнаружения довольно крупных плит и сильно гумусированного пятна была сделана прирезка, в которой расчищена конструкция из положенных друг на друга трёх плит, перекрывавшей гумусированную ямку, врезанную в материк на 10-12 см. В ямке находилась поставленная на ребро плитка размерами 30×8×3 см и зуб человека. Между плит перекрытия встречено несколько неорнаментированных фрагментов керамики. К востоку от ямы был уложен ряд из

¹ Очевидно, что реальная картина была много сложнее. Сборы на картофельных полях, несколько шурфов и разведочный раскоп позволяют лишь констатировать, что на этой территории сравнительно долго проживали в скифское время, в частности, у скального выхода в северной части поселения Элекмонар-4а, и в центральной части Элекмонара-4. Найдена здесь и средневековая керамика, но заметного культурного слоя этой эпохи не было выявлено.

² Приводимые выше привязки были сделаны в 1984 г. К октябрю 2011 г., когда автору удалось частично осмотреть данную территорию, ситуация кардинально изменилась. Практически вся территория поселений застроена домами с. Эликмонар (новое название, вместо прежнего Элекмонар) или застраивается. Тем не менее, места нахождения поселений довольно точно устанавливаются по выдвинутому на террасу скальному выходу, разделявшему поселения Элекмонар-4а и Элекмонар-4б, и частично сохранившемуся саду.

плит и камней в два слоя. Назначение ямки с зубом и каменной кладки не ясно, но очевидно, что данный объект находился в рамках культурного слоя поселения (рис. 61. – 2).

Шурф №2 (1×1,2 м) закладывался в 30 м к западу, у скального выхода, в двух метрах к югу от скалы. Начиная с глубины -20 см в большом количестве попадались обломки костей животных, угольки и керамика, орнаментированная зигзагом и ёлочкой (рис. 61а. – 14, 16-18). С глубины 50-55 см находок стало меньше (рис. 61а. – 15, 19). В небольшом количестве они встречались до -90-95 см. Заполнение шурфа везде было одинаковым – гумус и небольшие камни. На глубине -1,2 м шурф вышел на скальное основание и крупные камни, после чего работы были прекращены. Всего в шурфе 2 обнаружено 27 фрагментов керамики, в том числе три венчика и пять орнаментированных боковин.

Элекмонар-4. Сборы на картофельных полях дали сравнительно небольшое количество керамики (26 фрагментов), на двух из них имелись вдавления. Большая часть находок была сделана к северу от сада фруктовых деревьев, где вначале был заложен шурф, а затем и разведочный раскоп (рис. 61б). Какое-то время на территории поселения за картофельным полем сваливали мусор, но в 1984 г., из-за сложности подъезда мусор стали вывозить в другие места. Разведочный раскоп был заложен в центральной части поселения, на границе пашни и бывшей свалки мусора, недалеко от склона горы, примерно в 240 м к востоку от Чемальского тракта, и в 150-170 м к югу-востоку от описанного скального выступа (рис. 61. – 1). После нескольких прирезок раскоп приобрёл подпрямоугольную форму, а площадь его составила 56 кв. м (рис. 61б).

Мощность гумуса вместе с дерном (около 20 см) на поселении составляла 80-90 см. В поверхностном слое на глубине до -20см находок не было. Раскоп выбирался по штыкам в 20 см. Фрагменты неорнаментированной керамики стали встречаться на втором штыке с глубины -30 см от современной поверхности. Орнаментированная керамика раннего железного века появилась только с глубины -35-40 см и в незначительном количестве (рис. 62. – 1-4). На третьем штыке (40-60 см) керамики и костей было больше (рис. 62. – 5-9), среди которых и фрагмент венчика с жемчужником (рис. 62. – 6). Подобные венчики были встречены на штыке 2 (рис. 62. – 2, 3), но их не было в нижнем слое и в жилище. Вполне вероятно, керамика с жемчужником характеризует сравнительно поздний комплекс, существовавший позже нивелировки жилищной западины. При этом в данный комплекс ещё входили традиционные чаши и валиковая керамика (рис. 62. – 4, 5, 9). В нижних слоях кости и керамика концентрировались у очагов, хозяйственных ям и скоплений камней. Раскопом было разрезано жилище-полуземлянка значительных размеров с очагами №№1-4, пол которого не достигал материковой супеси примерно 15 см¹. Уровень древней поверхности не фиксировался. Судя по залеганию керамики и костей, он мог бы находиться примерно в 35 см от современной поверхности, и в этом случае глубина жилищного котлована составляла бы около 40 см. Однако, практически вся площадь раскопа приходилась на жилище, где долгое время имела жилищная западина, в которой скапливались керамика и кости более поздних обитателей. Очевидно, уровень поверхности на поселении вне жилища был выше на 10-15 см, т. е. находился на 20-25 см ниже современной поверхности. На такой же глубине (20-25 см) фиксировалась верхняя часть слоя раннего железного века на расположенных неподалёку посе-

¹ В ходе раскопок предполагалось, что ширина полуземлянки могла быть не более 6 м, но площадь раскопа невелика, и о реальных площади и устройстве жилища судить трудно.

лениях Элекмонар-4а и Партизанская Катушка. Соответственно, глубина жилищного котлована на Элекмонаре-4 могла достигать 50 см.

В южной части раскопа над материком отмечен слой гумусированной супеси мощностью 12-22 см со щебнем и мелкими сланцевыми плитками. Согласно сделанным наблюдениям, этот слой перекрывал ямы 2 и 4. По всей видимости, этот слой насыпной и образовался в результате перестройки жилища, в результате чего яма №4 была засыпана полностью, а яма №2 – частично. Следует отметить почти одинаковый уровень выборки материка к северу от насыпи и *одновременность существования скопления камней №1 и №2, а также очага №2*, где находились фрагменты от одних и тех же сосудов. *Подклеивались фрагменты также в квадратах 2В и 3Г, 1В и 4Г.* Согласно этим данным, большинство очагов, ям и скоплений камней существовали на протяжении сравнительно непродолжительного периода времени.

Всего в раскопе учтено: шесть очагов (№№1-6) и одно кострище под скоплением камней №3; пять хозяйственных ям (№№1-5); три крупных скопления камней от каких-то конструкций и 9-10 скоплений по несколько камней. Большинство этих скоплений находились примерно на одном уровне, сопровождалось керамикой и костями животных. Некоторые из них, видимо, маркируют относительно поздние ямки, впущенные в заполнение уже присыпанного жилища. Часть небольших скоплений, находившихся рядом и чуть выше очагов №№ 1, 4, 6, существовали с ними одновременно, что доказывается нахождением в них керамики от одних и тех же сосудов.

В центре раскопа расчищен очаг №1. В его северо-восточной части имелась небольшая приступка, где обнаружен перевернутый вверх дном горшок с отбитыми ручками-упорами и доньшком (рис. 63. – 11). Заполнение до дна (-28 см от уровня материка) состояло из углей, золы, пережженных костей, фрагментов керамики (рис. 63. – 9, 10), обгоревшей коры березы и хвойного дерева. К северо-востоку от очага №1 находилась неглубокая (-18 см) яма №6 диаметром также около 1 м, соединенная с ним слабозаметной канавкой, в которой лежали сланцевые плитки и точило (рис. 63. – 12). В яме №6 обнаружена целая метаподия лошади с неотделенной грифельной косточкой, из чего можно заключить, что кость с находившимся на ней мясом не использовалась в качестве пищи.

Очаги №№2 и 3 располагались соответственно в 45 и 95 см к юго-западу от очага №1 на уровне материка. В заполнении мощностью 9-10 см встречены угли, зола, пережженные косточки и мелкие фрагменты керамики. Рядом с очагом №2 найден крупный фрагмент чаши, украшенной пояском каплевидных вдавлений (рис. 62. – 21).

Очаг №4 располагался в 2,4 м к северо-западу от очага №1. Несколько плит обнаружено чуть выше. Возле них и у очага находилось скопление костей лошади, косули и к.р.с. (всего более 50 фрагментов). От очага сохранилась квадратная обкладка из трех поставленных на ребро плит размерами до 50×20×10 см и одной небольшой (14×6×3 см). Плиты обкладки были установлены на материковой супеси и во время функционирования очага почти не возвышались над уровнем пола. Заполнение очага состояло из плотно слежавшегося слоя золы мощностью 7 см, насыщенного пережженными косточками. Ниже был пятисантиметровый слой прокаленной глины. Непосредственно на очаге и под его северо-западной стенкой встречены фрагменты шейки одного сосуда, украшенного налепным валиком (рис. 62. – 16). Рядом с очагом на его уровне найдено довольно много костей и керамики, в том числе от сосуда с валиком и единственный на поселении фрагмент венчика от маленького тонкостенно-

го кринковидного сосуда (рис. 62. – 17-19). В 1,25 м к северо-востоку от очага №4 зачищена столбовая яма глубиной 32 см, диаметром 14 см.

Очаг №5 содержал золу с пережженными косточками, угли, керамику, кости. Устроен в ямке размерами 70×90 см, заглубленной в материк на 5-7 см. С севера к нему примыкала столбовая яма глубиной 16 см, диаметром 13-15 см. Так как уровень пола жилища был здесь на 20-25 см выше материка, то общая глубина ямы равнялась 35-40 см. Возле очага найдено три обломка венчиков. В том числе два с круглыми вдавлениями (рис. 63. – 19-21) и фрагмент чаши с каплевидными вдавлениями (рис. 63. – 22).

Очаг №6 размерами 70×100 см заглублялся в материк на 20-30 см и отличался мощным слоем золы – до 40 см. Первоначально, по-видимому, имел обкладку из плоских камней. Среди камней и в очаге найдены крупные фрагменты чаши с овальными вдавлениями и фрагмент стенки второй чаши (рис. 63. – 13, 18). Там же встречены венчики с жемчужинами и вдавлениями, а также фрагменты толстого днища и носика-слива (рис. 63. – 14-17).

Бросается в глаза большое количество очагов в раскопе на малом расстоянии друг от друга. В двух случаях (очаги 1 и 2; 5 и 6) они располагались примерно в 50 см друг от друга (рис. 61б). При этом очаги 5 и 6 были впущены с одного уровня. Очевидно, все шесть очагов не могли функционировать одновременно, но устраивались они к северу от насыпи, примерно на одном уровне (около 90-100 см) от уровня современной поверхности. Можно предположить, что время от времени жилище перестраивалось, что приводило и к изменению места расположения основного очага.

Хозяйственные ямы №№1-5 имели диаметр 80-100 см, глубину от уровня материка от -7 до -45 см. Две ямы (2 и 4) были присыпаны щебнистой насыпью мощностью до 30 см над ямой №4. Наиболее интересна бомбовидная в профиле яма №2, на дне которой найден крупный фрагмент чаши, орнаментированный вдавлениями (рис. 62а. – 8), и шесть однотипных костяных пластин длиной 6,4-7,5 см (рис. 62а. – 11). Остальные ямы содержали кости животных, угли, мелкие фрагменты керамики.

Скопления камней (с. к.). Скопление камней №1 выявлено первым разведочным шурфом, вышедшим на крупный завал уплощённых камней и плит (кв. 4Б), и во время его расчистки даже возникло предположение о наличии здесь перекрытого плитами захоронения. С. к. №1 представляло собой протянувшуюся с СЗ на ЮВ рассыпавшуюся стенку из сланцевых плит, находившуюся на поверхности насыпи из гумусированной супеси. В северо-западной части стенки, между ямами 1 и 2 лежало шесть плит, уложенных или завалившихся параллельно друг другу в широтном направлении. Среди камней и под ними обнаружено значительное количество керамики и кости (рис. 62а. – 1-7). Вероятно, стенка была связана с какой-то постройкой, возводившейся уже на указанном выкиде грунта (насыпи). Стенка резко обрывается на его границе, и не исключено, что она разрушена основным котлованом. Назначение стенки не установлено, но во время функционирования жилища она не была засыпана и как-то была с ним связана. На это указывает нахождение фрагментов от одних и тех же сосудов (чаша и сосуд с валиком) в с. к. 1 и с. к. 2 (рис. 63. – 1, 8).

Скопление камней №2. Находилось между ямой №1 и очагом №1. Вокруг скопления земля была интенсивно чёрного цвета с углями. Скопление состояло из плиток размерами не более 18×10×3 см, находившихся на уровне пола жилища (в 8-12 см выше материка. Плитки частично перекрывали скопление керамики, включавшее два венчика и 25 боковин от различных сосудов, а также развал почти целой чаши (рис. 63. – 1-8). Здесь же найдено большое

количество костей животных. Вокруг с.к. 2 в рамках кв. 3Б найдено ещё 29 фрагментов керамики, в том числе четыре венчика от разных сосудов и фрагмент боковины с валиком.

Скопление камней (с. к.) №3 находилось между ямами №№ 2 и 3 в 10-12 см выше материка. Состояло из камней размерами до 44×23×12 см. Под камнями и между ними найдены керамика (рис. 62. – 22), кости животных и обработанный камень яйцевидной формы из гранита (бола?) размерами 9×5,5 см (рис. 62. – 23). В западной части скопления под камнями находилось кострище диаметром около 25 см. Угли залегали слоем в 2-3 см. В квадрате 3В в слое, перекрывавшем с. к. №3 и яму №3 обнаружено 65 фрагментов керамики, в том числе четыре венчика от трёх сосудов и обломок днищ.

Помимо развала чаши и горшка на поселении найдены венчики от 66 сосудов. Большинство из них могут быть отнесены к чашам и плоскодонным горшкообразным сосудам. Некоторые венчики, предположительно принадлежали баночным сосудам. В с.к. №1 в квадрате 4В обнаружены две почти одинаковые части сосуда (ов) с рассеченным валиком и ушками, в которых было проделано по одному горизонтальному отверстию (рис. 62. – 1, 2). У скопления камней в кв. 3Г найден фрагмент сосуда с налетом, рядом с которым, видимо, находилось отверстие для подвешивания (рис. 62а. – 13). Эти сосуды, по всем данным, имели горшкообразную форму. У очага №4 обнаружен единственный на поселении фрагмент венчика от маленького тонкостенного кринковидного сосуда. В очаге №6 также сохранился обломок носика диаметром 2,5 см от чайника баночной или горшковидной формы.

В орнаментации преобладает мотив в виде пояска округлых вдавлений (см. рис. 105), налипные валики в чистом виде и в сочетаниях (12 %), на трех сосудах жемчужник чередуется с округлыми вдавлениями, на четырех – с подтреугольными уголковыми вдавлениями. Налпные валики рассечены с наклоном вправо, в двух случаях к этой орнаментации добавляется разрез с наклоном влево, образуя тупой угол, и с наклоном влево – 1 фрагмент. В таблице (рис. 105) не отражены данные о наличии еще 13 фрагментов керамики без венчиков с валиками не менее, чем от 5-6 сосудов. На поселении найдено 457 фрагментов костей животных. Из определимых костей (312 фр.) 40,7 % относились к лошади, 22,4 % – к КРС, 18,9 % – к МРС, 7,4 % - к косуле, 0,7 % - к маралу, 9,6 % - к дзерену и 0,3 % (один фрагмент) – к лисе (см. табл. 5).

Инышкин Лог. Поселение (рис. 64). Расположено у ручья, в месте его выхода из Инышкиного лога, у подножья склона южной экспозиции. В 1984 г. в 250 м к западу находился трудовой лагерь, а с. Элекмонар – в 600-700 м к ЗЮЗ. На поселении располагались старые кошары и посадки картофеля. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой. На поле и в местах размывтой почвы на площади около 2000 кв. м обнаружены керамика (23 фрагмента) и кости животных и кусочек литейного шлака. Среди фрагментов керамики было три венчика, один из которых орнаментирован строчкой осыпавшихся жемчужин и горизонтальными оттисками зубчатого штампа (рис. 64. – 2-4). Остальные фрагменты представляли собой не орнаментированные стенки сосудов, за исключением одного с округлым вдавлением. Поселение предположительно можно отнести к раннему железному веку.

Хемчик-1. Поселение (рис. 64). Расположено на наклонной к югу правобережной надпойменной террасе р. Элекмонар у склонов южной экспозиции. Часть поселения занята огородами жителей восточной окраины с. Элекмонар, называемой «Хемчик». В 400 м к востоку расположено кладбище, в 1 км к западу находился мост через р. Элекмонар и клуб фермы. Река Элекмонар протекает в 300 м к югу. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой. На огородах и к

западу от них были сделаны сборы керамики. Керамика и кости животных встречались в понижениях по двум ложкам. На расположенных между ними возвышенных участках находок почти не было. Культурный слой незначителен, и на огородах, по-видимому, полностью перемешивается при распашке. За пределами огородов слой гумуса в подчистках вместе с дёрном составлял всего 25-30 см, а ниже шёл серый материковый песок. Керамика встречалась на глубине 15-30 см. В основном это были мелкие не орнаментированные фрагменты толщиной 0,5-1 см. Общая площадь распространения находок составила около 13000 кв. м. Несколько не орнаментированных фрагментов керамики найдены в 150 м восточнее.

Подобно многим другим поселениям (Элекмонар-4 и др.) поселение Хемчик-1 располагается у склона горы и не распространяется ниже в сторону реки. В ходе сборов и в подчистках найдено 97 фрагментов керамики, в том числе венчики от 12 сосудов. Орнаментация типична для поселений ржв: округлые вдавления, жемчужины, чередование жемчужин с угловыми вдавлениями. Своеобразен лишь фрагмент венчика от бомбовидного сосуда, по-видимому, относящегося к эпохе средневековья (рис. 64. – 6). Также найдено не орнаментированное глиняное пряслице диаметром 4,1 см (рис. 64. – 9) и два обломка от глиняных литейных форм.

Хемчик-2. Поселение (рис. 64). Расположено на высокой правобережной террасе р. Элекмонар, в 430 м к востоку от кладбища с. Элекмонар. С юга поселение ограничено краем террасы, где проходит просёлочная дорога. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой. В 1984 г. ближайшие два дома восточной окраины с. Элекмонар находились в 40-60 м к юго-западу. В южной части поселения у края террасы зафиксирован курган, высотой 30 см. Курган имел каменную насыпь диаметром 8 м (высота 30 см) без западины.

В 1984 г. терраса разделялась надвое сухим руслом ручья, а в юго-восточной части имела геологическая траншея. В траншее несколько фрагментов керамики найдены только у её верхнего конца. При зачистке сухого русла ручья в 20 м от края террасы было найдено 42 фрагмента керамики, в том числе венчики от пяти сосудов, и кости животных. Мощность гумуса в этом месте составила 50-55 см. Примерно на глубине 60 см начинался материковый песок. Находки встречались на глубине -25-50 см. Вся керамика относится к раннему железному веку.

В заложенном неподалёку шурфе 1x1 м прослежена аналогичная стратиграфия. На первом штыке, начиная с глубины 25 см, обнаружено четыре фрагмента неорнаментированной керамики, венчик с вдавлением и кости животных. На втором штыке найдено восемь мелких фрагментов стенок сосудов, фрагмент днища с вдавлением (рис. 64. – 17), своеобразный венчик с валиком поверху (рис. 64. – 15) и кости животных. В углу шурфа зачищен край очага, у которого найдены кости животных и скопление керамики, в том числе крупный фрагмент не орнаментированного баночного сосуда (рис. 64. – 14) и фрагмент горшкообразного сосуда с частично оббитым выступом-упором, орнаментированного строчкой чередующихся жемчужин и угловых вдавлений (рис. 64. – 16). Высокая концентрация находок и своеобразие керамики делали поселение перспективным для исследования, но к 1995 г. терраса уже была застроена. Находившийся у края трасы курган тогда ещё не был потревожен.

Карасу. Поселение. Расположено в 12 км к востоку от с. Элекмонар, на второй надпойменной правобережной террасе р. Элекмонар в устье ущелья, из которого вытекает ручей Карасу. В 500 м ниже по течению реки Элекмонар прежде находилась деревня Туебель на одноимённой реке, а в 1,2-1,4 км выше поселения в Элекмонар впадает левый приток –

р. Каракол (по сообщениям местных жителей, р. Элекмонар выше слияния называлась Бельтир). На террасе в 1987 г. производилась разделка древесины. Открыто П.И. Шульгой в 1987 г. В двух местах с нарушенным верхним слоем почвы на глубине 25-50 см найдено 8 фрагментов керамики афанасьевского облика.

с. Чемал

Усть-Куба. Поселение (рис. 65). Находится на высоком, поросшем лесом и кустарником мысу (стрелке) у слияния рек Чемал и р. Куба (правый приток Чемала), в 5 км к ЮВ от с. Чемал¹. Топографической карте наиболее точно соответствует план М.Т. Абдулганеева (рис. 65. – 1) (см. Степанова, Соёнов, 2009, рис. 22. – 3).

Поселение открыто в конце 50-х гг. XX в. или в 1962 г. Б.Х. Кадиковым². С.М. Киреев пишет о найденных Б.Х. Кадиковым двух жилищных западинах, сборах у края террасы и закладке одного шурфа³. Из сборов Б.Х. Кадикова происходит керамика от двух-трех сосудов эпохи бронзы (рис. 65) (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982), а из шурфа – «керамика большереченского облика» (Киреев, Ларин, 2004, с. 53). По данным С.М. Киреева в шурфе было найдено 33 фрагмента керамики, в том числе 7 венчиков, 5 орнаментированных стенок и 2 придонные части сосудов. Венчики почти идентичны по оформлению обнаруженным в 1985 г., та же структура керамического теста и подобный обжиг. Орнамент: ямки круглой и подтреугольной формы, длинные насечки. Кроме того, встречены полукруглые вдавления, образованные оттиском края круглой палочки (Киреев, Ларин, 2004, с. 53). В 1983 г. поселение обследовалось М.Т. Абдулганеевым, отнёсшим его к раннему железному веку (Абдулганеев, 1985)

В 1985 г. С.М. Киреевым и О.В. Лариным на поселении было заложено три разведочных шурфа общей площадью 16 кв. м. Судя по плану, шурфы располагались на мысу в виде треугольника со сторонами около 60-70 м (рис. 65. – 1). Зафиксированная протяжённость поселения составляет около 200 м. Находки артефактов начинались с глубины 15-16 см от современной поверхности, сразу же под дёрном в рыхлом черно-коричневом гумусе. Мощность культурного слоя в различных местах памятника колебалась от 50 до 105 см. В двух шурфах встречены каменные подовальные кладки из рваных валунов, которые, возможно, были частью конструкций жилищ или хозяйственных построек. Часто в культурном слое попадались угли и зола.

На поселении обнаружено большое количество остеологического материала хорошей сохранности, особенно в шурфе №1. Всего найдена 221 кость, в том числе 54 определимые. Преобладают кости дикой птицы, найдены кости лошади, коровы, овцы (по две особи), косули (три особи), собаки (1 особь). Кости крупных животных чаще встречались в верхнем горизонте культурного слоя до -35 см, а ниже преимущественно кости птицы. Подавляющее чис-

¹ В некоторых имеющихся публикациях расположение поселения относительно с. Чемал указано неверно. В своде памятников Чемальского района поселение расположено «в 6 км к ССВ от с. Чемал» (Степанова, Соёнов, 2009, с. 26). На глазомерном (?) плане, помещённом в специальной статье из-за неверно указанного стрелкой «севера», р. Чемал течёт не на СЗ (как в действительности), а на ЮЗ (Киреев, Ларин, 2004, рис. 1. – 1).

² Время открытия поселения указывается по-разному (см. Киреев, Ларин, 2004, с. 53; Степанова, Соёнов, 2009, с. 26).

³ Далее описание поселения и находок даны по: Киреев, Ларин, 2004.

ло костей, в том числе и небольших, расколоты в основном вдоль. Часть костей имела следы обработки: сверление, надрезы, насечки, строгание. Несколько костей были обожжены.

В культурном слое шурфа №1 обнаружено три костяных изделия. Это плоский удлиненно-ромбический в сечении, шипастый наконечник стрелы с длиной головки 4,8 см и обломанным почти у основания черешком (рис. 65. – 14). Также найдено небольшое трехгранное шило (рис. 65. – 16) или наконечник стрелы. Третьим изделием является стерженок длиной 8,5 см, из расколотой вдоль птичьей кости с заостренным на одном конце и остатком эпифиза на другом конце.

Из шурфов получена небольшая коллекция каменного инвентаря: крупный обломок нижнего камня зернотерки, сколы, отщепы, микропластинки, а также керамический комплекс: венчики, стенки, днища и придонные части не менее чем от 18 сосудов. Для анализа отобрано 32 фрагмента венчика и крупных орнаментированных стенок. Тесто всех сосудов плотное, с примесями в качестве отошителя песка, дресвы, шамота, обломочной породы (встречаются фракции различных размеров: мелкие, средние, достигающие до 2-3 мм и отдельные крупные – до 5 мм). Керамика изготавливалась ленточным налепом, швы и поверхность грубо заглажены, обжиг очень хороший. Цвет черепков коричневый, серо-коричневый, красно-коричневый. Встречаются фрагменты с обжигом при недостаточном доступе кислорода, что дает в изломе черепок черного цвета. Значительная часть керамики имеет нагар с внутренней и закопченность с внешней стороны. Все сосуды плоскодонные, преимущественно баночной формы, имеются венчики от горшков. Орнаментация сосудов бедная: ямочные вдавления круглой, округлой и подтреугольной формы, длинные насечки, комбинации ямок и насечек. Орнамент нанесен в один, реже – в два ряда. Большая часть сосудов не орнаментирована. Венчики срезаны во внутрь или наружу, имеют наплывы с внешней стороны, отогнуты наружу. Согласно петрографическому анализу двух фрагментов венчиков сосудов из шурфа 1, они изготовлены из каолиновой глины с добавками кварца, полевого шпата, биотита, речного песка, шамота, дробленой горной породы. Установлено, что температура обжига данных сосудов приближена к 800 градусам по Цельсию, а по структуре и характерным особенностям формовочной массы близки керамике основного комплекса поселения Майма-1 и некоторых образцов с поселений Улалушка-5, 6, расположенных в бассейне р. Майма.

По мнению авторов раскопок, керамика из Усть-Кубы характеризуется рядом датирующих признаков: структура теста, некоторая небрежность в формовке, хороший обжиг, форма, бедный орнамент и большая доля неорнаментированных сосудов, отсутствие налепных валиков и жемчужника в чистом виде или с разделителем, характерных для поселений скифского времени Алтая и предгорий, наличие большого процента орнамента из ямочных вдавлений и насечек. Все это, позволило С.М. Кирееву датировать поселение рубежом эр – серединой I тыс. н. э., и отметить наиболее близкие аналогии в керамике поселения Майма-1 (Абдулганеев, 1993, с. 3-5), городища Черемшанка (Киреев С.М., 1991, с.84-89), расположенных на Средней Катунь, а также, частично городищ Сайлап и Курлап на Бие (Скопинцева, 1993, с. 62-64, рис. 4-6) и на находящихся, как и Усть-Куба, на Средней Катунь поселениях Чепош-2 и Узнезя-4. Керамики эпохи бронзы в 1983 г. (Абдулганеев, 1985), и в 1985 г на поселении не было найдено, но, по мнению С.М. Киреева и О.В. Ларина, отрицать её наличие в Усть-Кубе было бы преждевременно (Киреев, Ларин, 2004).

Бийка (Усть-Бийке-1). Поселение (стоянка). Находилось на краю второй надпойменной террасы р. Катунь, в устье р. Бийки, на её правом берегу, в 7 км к ЮВ от с. Еланда. Открыто в 1976 г. Б.И. Лапшиным. В 1996 г. на поселении вдоль обрыва террасы заложен раскоп площадью 16 кв. м. Памятник многослойный. Два основных культурных слоя датированы поздним и средним мезолитом. В верхнем почвенном слое, примерно на глубине 15-30 см, обнаружено около трёх десятков фрагментов керамики неолита и бронзы. Культурный слой с керамикой не прослеживался (Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 8; Семибратов, Степанова, 2006; Степанова, Соёнов, 2009, с. 34).

Река Чёба

Чёба (Чёба-1) и Чёба-2. Поселения. Расположены в 100 м друг от друга на небольших выступах террасы р. Катунь к северо-западу (Чёба-1) и юго-востоку (Чёба-2) от устья безымянного ручья, в 2,4 км к ССВ от устья р. Чёба и в 9,5 км к ЮВ от с. Еланда. В 30-50 м к СВ от поселений проходит тракт Чемал-Куюс. Оба поселения открыты В.И. Соёновым в ходе разведок в 1989 г. (Чёба-1) и в 2006 г. (Чёба-2). В 2006-2007 гг. на поселении Чоба-1 было вскрыто 20 кв. м. Находки представлены предметами эпохи бронзы – средневековья, в том числе афанасьевской культуры (Соёнов, Трифанова, 2007; Степанова, Соёнов, 2009, с. 40; Карушев, 2008). На поселении Чоба-2 в 2006 г. был заложен шурф 1x1 м, в котором были обнаружены небольшие фрагменты керамики без орнамента, фрагменты костей животных и кремнистый отщеп. По внешнему виду керамики, материалы поселения предположительно отнесены к эпохе бронзы – средневековья (Степанова, Соёнов, 2009; с. 40).

с. Эдиган

В районе с. Эдиган учтено почти 50 археологических памятников. Из них 30 могильников и семь поселений с керамикой. Все поселения выявлены по террасам рек Катунь и Эдиган на небольшой площади в предустьевой части р. Эдиган. Столь высокая концентрация поселений на одном участке объясняется, прежде всего, масштабами раскопок могильников. На их территории обнаружено, по меньшей мере, четыре поселения (Бильдыр, Бузургаш, Верх. Тельтехмень-2, 5). Культурные слои обычно не выделяются и бедны материалом. Керамика представлена небольшим количеством мелких, как правило, не орнаментированных, фрагментов. В этом нет ничего странного, поскольку скотоводы Горного Алтая такие открытые, продуваемые ветрами места считали непригодными для длительного проживания вместе со скотом. По всей видимости, данные артефакты отложились на поселениях в ходе эпизодических остановок, пастбы скота, культовых действий на могильниках и пр. Долговременных поселений эпохи бронзы-средневековья на Эдигане пока не известно. Не удалось их найти и автору, обследовавшему в 1984 г. оба берега Эдигана и предустьевый участок р. Кайнзара у с. Эдиган. В ходе шурфовки и зачистки обнажений в долине Эдигана единичные фрагменты керамики без орнамента и древние косточки животных встречались неоднократно, но сколько-нибудь заметного культурного слоя не зафиксировано.

Бедик. Поселение расположено в 4,5 км к ЗЮЗ от с. Эдиган, на высокой террасе левого берега р. Эдиган у подножья горы. На пологом склоне террасы, на поверхности песчаных обнажений, на площади 60x70 м обнаружены фрагменты керамики и железное шило. Памятник отнесён к раннему железному веку (Худяков, 2009, с. 18).

Бильдыр. Находится на первой низкой террасе правого берега р. Катунь, в 0,3 км ниже устья Ороктой, примерно в 6 км к ЮЗ от с. Эдиган, к западу от дороги Чемал-Куюс. В шурфе (шурфах?) на «памятнике» (могильнике? – *П.Ш.*) обнаружен поселенческий культурный слой, насыщенный находками костей животных и керамикой эпохи раннего железа (Худяков, Бородовский, 1993, с. 17; Степанова, Соёнов, 2009, с. 43).

Бузургаш. Судя по имеющимся кратким сообщениям, поселенческие артефакты, предположительно, выявлены на территории могильника Бузургаш, расположенного неподалёку от поселения Бильдыр, к западу от дороги Чемал-Куюс, на высокой надпойменной террасе правого берега Катунь, примерно в 6 км к ЮЗ от с. Эдиган. В шурфе (шурфах?) обнаружен поселенческий культурный слой, насыщенный находками костей животных и керамикой эпохи раннего железа (Худяков, Бородовский, 1993, с. 17).

Верх. Тельтехмень-2. Поселение обнаружено на территории курганной группы №1 могильника Верх. Тельтехмень-4, расположенного на второй надпойменной террасе правого берега р. Эдиган, в 0,8 км от устья р. Эдиган, у юго-западного подножия горы Верх. Тельтехмень. Памятник разновременный. Верхний слой, предположительно, относится к эпохе бронзы. Ниже найдены изделия из камня ранней стадии голоцена (Семибратов, Степанова, 1993; Степанова, Соёнов, 2009, с. 45).

Верх. Тельтехмень-5. Поселение обнаружено на территории курганной группы №2 могильника Верх. Тельтехмень-4, расположенной на первой надпойменной террасе правого берега р. Эдиган, в 0,8 км от места её впадения в Катунь. Культурный слой с изделиями эпохи камня и немногочисленными фрагментами керамики неолита-эпохи бронзы найдены под насыпью одного из курганов группы №2 (Семибратов, Степанова, 1993; Степанова, Соёнов, 2009, с. 45)

Верх. Тельтехмень-6. Поселение расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Эдиган напротив курганной группы №2 могильника Тельтехмень-4. Открыто в 1989 г. Н.Ф. Степановой. В обнажении берега собраны фрагменты керамики без орнамента, кости животных и отщепы (Семибратов, Степанова, 1993; Степанова, Соёнов, 2009, с. 45).

Кишнег-Лог. Местонахождение. Памятник расположен на правом берегу р. Эдиган на пологом склоне сухого лога, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,1 км к ЗСЗ от с. Эдиган. На поверхности горной тропы обнаружен фрагмент лепного керамического сосуда раннего железного века (Худяков, 2009, с. 20).

Кыгыш. Местонахождение. Расположено на правом берегу р. Эдиган, на высокой надпойменной террасе, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,9 км к ЗСЗ от с. Эдиган (Худяков, 2009, с. 21).

Эдиган-Чол. Местонахождение. Расположено на правом берегу р. Эдиган на первой надпойменной террасе, к югу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,6 км к З от с. Эдиган. На просёлочной дороге обнаружены фрагменты лепных керамических сосудов, обломок железной панцирной пластины и обломок железного ножа. Керамика отнесена к пазырыкской культуре, железные предметы – к эпохе средневековья (Худяков, 2009, с. 25).

Усть-Эдиган. В тезисах Ю.С. Худякова имеется упоминание о находках каменных отщепов, а также фрагментов керамики скифского и хуннского времени на поселении Усть-Эдиган, но нет указаний о его местонахождении (Худяков, 1995, с. 136). Согласно своду памятников Чемальского района, поселение расположено на правом берегу р. Катунь, на высокой террасе Бузур-Таш, по обе стороны дороги от паромной переправы (Степанова, Соёнов,

2009, с. 48, фото 16). Судя по названию памятника и фото, сборы производились к северу от устья Эдигана.

Эдиган-5. Поселение (рис. 65). Расположено на мысовидном выступе 5-ти метровой террасы на левом берегу р. Эдиган. В 1988 г. Эдиганским отрядом археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ на поселении был заложен раскоп 12×6 м¹. Культурный слой включал дёрн и прослойку однородной светло-коричневой гумусированной почвы мощностью 0,3-0,4 м. Снизу культурный слой подстилался материковым светло-серым слоем песка аллювиального происхождения. В результате распашки культурный слой был сильно поврежден. Находки распространены по всему раскопу почти равномерно. Наиболее насыщенными оказались первый и второй пласты. В раскопе часто встречались крупные камни, но проследить закономерность их распространения не удалось. По всему раскопу рассеяны угольки, зола и только в некоторых местах остались скопления углей, кальцинированных косточек и золы, видимо не совсем уничтоженные распашкой очаги.

В ходе раскопок было обнаружено более 1 тыс. мелких фрагментов керамики и каменных предметов. Остеологический материал представлен в основном неопределимыми обломками костей животных и несколькими зубами лошади. Керамический комплекс составлен разновременными предметами, неоднороден по культурной принадлежности. Тесто керамики с большей или меньшей примесью дресвы, стенки иногда залощенные, иногда затертые щепой или пучком травы, обжиг хороший. Определить форму сосудов по имеющимся фрагментам трудно. Среди 54 фрагментов венчиков различных сосудов насчитывается 11 орнаментированных. Всего фрагментов с различными элементами орнамента 77.

Все керамические находки разделены на две группы. Небольшой комплекс составили фрагменты, которые можно датировать эпохой раннего железа. Комплекс включает, в частности, скопление фрагментов двух сосудов, обнаруженных в кв. 6-К на глубине около 0,3 м. Сосуды баночной и кувшиновидной (? – П. Ш.) формы. Тесто их идентично по составу: имеет примесь дресвы со слюдой, хорошего обжига. Один сосуд по венчику украшен редко поставленными "жемчужинами" (рис. 65. – 17), второй не орнаментирован. Другие фрагменты керамики этой группы оформлены ямками, вдавлениями углом лопаточки в виде треугольников, орнаментом, составленным ямками и "жемчужинами". Судя по фрагментам венчиков, некоторые сосуды имели форму банок.

Наиболее многочисленную группу составили фрагменты керамики, основными орнаментальными мотивами которой являются прочерченные палочкой ряды линий, штриховка, "елочка", а также нанесенная ногтем "елочка". Имеются фрагменты, украшенные рядами оттисков гребенчатого штампа. Несколько обломков венчика и шейки одного сосуда сероватого цвета украшены желобками с рядами вертикальных палочек или оттисков мелкозубчатого штампа, рядами неглубоких вдавлений. Один фрагмент венчика сосуда оформлен оттисками мелкозубчатой гребенки. Орнамент состоит из желобков в сочетании с небольшими ямками и "ёлочными" вдавлениями по срезу венчика. Другой фрагмент украшен оттисками "отступающей" гребенки с внешней стороны и косыми насечками с внутренней. Пять фрагментов одного сосуда имеют элементы орнамента, нарисованного палочкой. На фрагменте донной части сосуда видны сходящиеся в одну точку линии, выполненные концом палочки. Фрагмент венчика толстостенного сосуда орнаментирован оттисками косо поставленной крупной

¹ Описание поселения и находок дается по: Чевалков, 1990).

гребенки на фоне горизонтально расположенных параллельных линий, по срезу венчика – косые глубокие насечки). На некоторых фрагментах на внешней поверхности видны следы беспорядочной штриховки, нанесенной после лощения. По мнению Л.М. Чевалкова, эта керамика имеет ближайшие аналогии среди находок из голоценовой пачки отложений Денисовой пещеры и поселения Кара-Тенеш (Чевалков, 1990).

Кара-Тенеш. Поселение (рис. 66). Расположено на левом берегу р. Нижний Куюс (Нижняя Куба), на 20-метровом террасовидном уступе в урочище Кара-Тенеш, в 6,5 км от с. Куюс вверх по течению р. Нижний Куюс открыто Б.Х. Кадиковым в 1974 г. по информации местных жителей. В ходе начавшихся здесь с 1976 г. раскопок под руководством А.П. Погожевой было вскрыто 700 кв. м. «Поселение многослойное, практически не стратифицированное. Оно включает материалы верхнего палеолита, афанасьевской культуры, развитой и поздней бронзы, раннего железного века, средневековья X–XII вв. и этнографический материал» (см. Степанова, Соёнов, 2009, с. 58; Погожева, Молодин, 1980; Погожева и др., 2006). Преобладала керамика энеолита (афанасьевская) и эпохи бронзы. По керамике раннего железного века отмечено, что сосуды по горловине «часто украшались рядом «жемчужин» (Погожева, Молодин, 1980, с. 94).

Нижний Куюс. Поселение (рис. 66). Расположено в 30–50 м к северо-востоку от места слияния двух ручьёв, образующих р. Нижний Куюс, в юго-западной части высокогорного покоса. Село Куюс находится примерно в 7 км ниже по течению, а в 250 м к северу–северо-востоку – перевал в долину р. Куюс. Обнаружено в 1984 г. П.И. Шульгой и А.А. Казаковым. Находки сделаны в шурфе и при подчистке разрушающегося берега на левом берегу северного ручья. В шурфе на первом штыке на глубине 15 см обнаружен железный черешковый нож, а на втором штыке (–25–35 см) – два венчика, из которых на одном имелось подтреугольное вдавление. Материковая глина зафиксирована на глубине 50 см. Рядом в подчистке на площади менее 1 кв. м в культурном слое (до –35 см) обнаружено 22 фрагмента боковин керамических сосудов. На глубине около 40 см найдено изготовленное из гальки скребло. Дополнительных работ на поселении не проводилось, но очевидно, что данное место периодически заселялось с эпохи камня или энеолита и до позднего средневековья. По словам местных жителей раньше (т. е. примерно в 40–60-е гг. XX в.) на этом месте была стоянка чабанов. К 1984 г. на прилегающей местности деревья уже были выкорчеваны, и освободившаяся площадь использовалась под покосы. Интересно, что на расположенном чуть ниже мысу в древности не селились, на что указывает отсутствие керамики и костей в имеющихся обнажениях (две траншеи и пр.).

Ниже по реке Нижний Куюс в нескольких местах в шурфах и на обнажениях почвы встречались лишь отдельные неорнаментированные фрагменты керамики и дроблёные кости животных. В месте выхода реки в долину Катуня есть хорошие места для стоянок, но находок не было. Мощность гумуса там составляла 6–9 см. В 3–4 км выше по реке имеются небольшие удобные террасы и стояла кошара. Чуть выше кошары у обрыва террасы найдено 3 неорнаментированных фрагмента керамики (мощность гумуса около 80 см). Там же в шурфе встречено два фрагмента от толстостенных сосудов и фрагмент днища от тонкостенного. В некоторых шурфах мощность гумуса достигала 1,05 м. На соседней террасе гумусированный слой мощностью до 50 см был перекрыт слоем галечника и плитняка (толщина слоя 40–50 см), выше которого находился ещё слой гумуса с дёрном. Подобные прослойки зафиксированы в нескольких местах, но находок в них не было.

Айрыдаш-2. Культовые (?) ограды из вертикально поставленных камней с керамикой раннего железного века (рис. 69). Находились на территории могильника Айрыдаш-2 в долине Айрыдаш в 2 км к юго-востоку от с. Куюс (Ларин, 1990). Ограда №1 подквадратной формы размерами 7,7×9,3 м с овальной в плане ямой по центру размерами 1,4×1,3, глубиной 0,6 м от уровня погребённой почвы. В ограде и рядом на слое погребённой почвы (около -25 см) найдены остатки 10 керамических сосудов, курант зернотёрки и остатки костей животных. Большая часть сосудов баночной формы без орнамента толщиной 0,5-1,5 см. На некоторых следы нагара. Ограды №2 и №3 округлой формы и несколько меньше (около 4×4 м). В каждой их них найдены фрагменты от двух сосудов. Автор публикации всю керамику относил к раннему железному веку, но профилировка некоторых венчиков из ограды №1 имеет аналогии в средневековой керамике (рис. 69. – 3, 5, 9), а венчик из ограды №2 орнаментирован не угловыми вдавлениями (как может показаться по рисунку), а ногтевыми (рис. 69. – 2), не встречающимися в раннем железном веке.

Поселение Кызык-Телань-4 (рис. 67). Расположено в 300 м к северу от зимника Кызык-Телань, на правобережной террасе р. Катунь. В 8 км вниз по р. Катунь находится пос. Куюс. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой и А.А. Казаковым. У склона южной экспозиции заложен разведочный шурф 2×2 м. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн 8 см; гумусированный суглинок 8-12 см. На глубине 20 см от поверхности идёт светлый материковый суглинок. Все находки происходят из слоя гумусированного суглинка. Найдено 84 фрагмента керамики (из них несколько орнаментированы) и 256 фрагментов костей. Из костей определено 49: лошадь – 16; КРС – 2; овца – 26, коза – 1; косуля – 4. Поселение, по-видимому, было обитаемо в ржв и средневековье.

Поселение Тогусхан-7 (рис. 68). Расположено на правобережной террасе р. Тогусхан (Тогус-Кан – П.Ш. 2011 г.), на склоне южной экспозиции. В 3,5 км ниже по течению река Тогусхан впадает в р. Катунь. В 50 м к югу находится стоянка чабанов. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой и А.А. Казаковым. На размывом участке почвы сделаны сборы керамики. Здесь же найден обработанный рог козы. Датировка поселения затруднительна. Возможно, оно относится к I тыс. до н. э.

Поселение Тогусхан-8 (рис. 68). Расположено в логу на правобережной террасе р. Тогусхан, в 2,5 км от устья. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой и А.А. Казаковым. Был заложен разведочный шурф 2×2 м, давший 61 фрагмент керамики, два из которых орнаментированы вдавлениями и 430 фрагментов костей. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн 6-8 см; супесь с гравием 6-8 см; слой древнего навоза 3-4 см; прослойка супеси с гравием 3-4 см; материк – галечник. В дёрне находок не было. Основное количество керамики и костей обнаружено в слое навоза и перекрывавшем его слое супеси с гравием мощностью 6-8 см. В тонком слое супеси с гравием, подстилавшем слой древнего навоза, найдена ножевидная пластинка (рис. 68. – 5). Лог, где найдено поселение, заселялся с древности. Возможно, на этом месте находился загон для скота. Из общего количества костей (430) 90% принадлежало МРС, 5 % – лошади, 4 % – КРС. Получена керамика раннего железного века и средневековья.

Кемечекпан-2. Поселение (рис. 67). Впадающая в Катунь река Кемечекпан находится на территории Онгудайского района, но всего лишь в 8 км к югу от реки Тогусхан (Тогус-Кан), и в аналогичном природном окружении. Поэтому поселение Кемечекпан-2 рассматривается нами в данном разделе. Поселение расположено в логу на правобережной террасе р. Кемечекпан, в 2 км от места её впадения в р. Катунь. Открыто в 1984 г. П.И. Шульгой и

А.А. Казаковым, первоначально обнаруживших на склоне южной экспозиции в кротовинах несколько фрагментов керамики и кости. Там же был заложен шурф 2×2 м. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн 8-9 см; гумусированная супесь 11-15 см, материк – галечник. Находки встречались как в гумусированной супеси, так и в дёрне. Найден 21 фрагмент керамики, половина верхнего круга от каменной ручной мельницы и 9 фрагментов костей животных. По внешнему виду керамика относится к раннему железному веку и средневековью (рис. 67. – 7-10).

Левый берег Катунь

(поселения, расположенные по р. Катунь выше Чемала)

Бертка. Поселение (рис. 69). Расположено по обоим берегам р. Бертка, при выходе из ущелья на первой надпойменной террасе левого берега Катунь. Выявлено в 1984 г. новосибирскими исследователями (Южно-сибирским отрядом Северо-азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР). «Судя по набору находок, памятник многослойный, включает заготовки и сколы эпохи верхнего палеолита, скребки и керамику энеолитического времени, а также керамику раннего железного века» (Захаров, Худяков, 1990, с. 34). Почти вся керамика обнаружена по разрушениям в строящейся дороге на правом берегу р. Бертка. Керамика разделена на тонкостенную орнаментированную и толстостенную неорнаментированную (Захаров, Худяков, 1990, с. 32). Среди опубликованных фрагментов достоверно афанасьевской керамики нет, но есть средневековая с отогнутыми венчиками и закраинами (рис. 69. – 10-13). Несколько фрагментов могут быть предположительно отнесены к раннему железному веку.

Нижняя Балыкту (рис. 69. – 17-19). Расположено на левом берегу Катунь, на первой надпойменной террасе, на правом берегу р. Нижняя Балыкту, на старой пашне. На обнажениях «обнаружены отщепы и сколы кремнистого сланца, фрагменты неорнаментированной керамики. Судя по облику инвентаря, памятник относится к периоду неолита и эпохе раннего железа» (Захаров, Худяков, 1990, с. 34).

Нижнетыткескенская пещера-I. Находится напротив с. Еланда, в устьевой зоне р. Тыткескен. Исследовалась в 1991-92 гг. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Выделена керамика афанасьевской культуры (150 фрагментов), эпохи бронзы (2 фрагмента) и раннего железного века («значительное количество обломков»). Вся отнесённая к ржв керамика не орнаментирована, в том числе и четыре венчика (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 11).

Тыткескен-2. Поселение. Находится на правом берегу р. Тыткескен (левый приток Катунь), примерно в 100 м от места её впадения в р. Катунь. Открыто в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым. В 1984, 1988-1994 гг. вскрыта площадь 1136 кв. м. Поселение многослойное от мезолита до ржв. Однако там не зафиксирована афанасьевская керамика, а находки более поздних эпох встречались под дёрном (бронза) и в дёрне (ржв). Комплексы этих «культурных горизонтов малочисленны и невыразительны» (Кирюшин, Кирюшин, 2008, с. 16). Наиболее вероятно, что эти фрагменты керамики оставлены населением, проживавшим в непосредственной близости от этого места на поселении Тыткескен-3.

Тыткескен-3. Поселение (рис. 70; 71). Расположено на правом берегу р. Тыткескен, напротив с. Еланда на остатках третьей надпойменной террасы р. Катунь (10-12 м над уровнем р. Тыткескен), в 150 м от места их слияния. Площадка поселения ограничена с востока,

севера и запада рекой Тыткескень, а с юга склонами горы и известняковой скалой. Судя по плану, размеры основной части площадки около 50x30 м. Открыто в 1985 г. Н.Ю. Кунгуровой (Кунгуров, 1994). В 1988-91 гг. на поселении вскрыта площадь 600 кв. м. Поселение многослойное. Помимо палеолита на поселении выявлены слои эпохи бронзы, ржв и средневековья. Автором публикации отмечался скрытый характер площадки, окружённой горами и маскируемой деревьями, растущими на береговом откосе. Быть может, это обстоятельство в какой-то мере компенсировало неудобства, связанные с недостаточным прогревом площадки, закрытой горами от солнца со всех сторон. Так или иначе, но Тыткескень-3 пока единственное поселение на данном участке Катуня, где на сравнительно большой площади получен значительный материал по ржв и средневековью ¹.

Культурный слой эпохи средневековья (глубина залегания от 0 до 0,25 м). Находки располагались довольно равномерно на всей площади раскопа. Средневековая керамика в нижних слоях почти не встречалась. Зафиксированные объекты: каменная «выкладка» и «ритуальная» яма. Характер керамики, даже без орнамента, существенно отличается от предшествующей посуды раннего железного века большей рыхлостью теста и толщиной стенок сосуда. Имеются все данные для обоснования принадлежности этому слою фаунистических остатков, иллюстрирующих скотоводческое хозяйство с развитой охотой.

Характеристика керамики. Керамический комплекс первого культурного слоя представлен 438 обломками керамики не менее чем от сотни сосудов. Наиболее распространенная форма – профилированные плоскодонные горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 71), баночные сосуды крупных размеров (рис. 71. – 10). Реже встречаются небольшие банки и миски (рис. 71. – 8). Орнаментация бедна: ямки неправильной формы, насечки, защипы (рис. 71. – 12), «след лося» – отпечатки отступающего двузубого штампа, очень редко встречаются гребенчатый штамп (рис. 71. – 13) и треугольники из отпечатков семечковидной формы (рис. 71. – 1). В целом следует отметить, что большая часть средневековой посуды не имеет орнамента. Встречено только одно изделие из керамики – цилиндрическое пряслице, украшенное отпечатками штампа – «трубочки», образующими солярный орнамент (рис. 71. – 21).

Орудийный набор: три железных ножа, шило, три изделия из бронзы, костяное острие и обрезанный рог косули, нижний камень жернова и серия точильных камней-брусков. Ножи разных размеров и типов. Один черешковый, небольшой величины со сточенным лезвием найден в центральной части выкладки. Два других обнаружены под скалой. Оба имеют изогнутую серповидную форму (рис. 71. – 22, 23). Из бронзы сделана плоская подвеска (?) подтреугольной формы, несомкнутое кольцо с насечками по внешнему краю (серьга) и фрагмент изделия с заклепкой. Также найдены: зуб молодого медведя с недосверленным отверстием посередине и несколько костей коровы со следами работы металлическими орудиями.

В квадратах 48-56/Д-М на глубине 0-0,25 м расчищена выкладка (длина 9 м, ширина 1-7 м) не ясного назначения из уложенных бессистемно в один слой известняковых глыб и окатанных валунов с реки. Возможно, это развал загородки от ветров, дующих с верховьев р. Тыткескень. Среди камней найдены, предположительно переиспользованные половинки зернотерок из слоя ржв (рис. 71. – 26). В квадрате Ж/56 расчищен нижний камень жернова (рис. 71. – 24), под которым обнаружилось большое количество семян и пыльцы лекарственных и

¹ Ниже в краткой форме приводятся опубликованные данные по: Кунгуров, 1994.

съедобных трав (крапива двудомная, лебеда, мята, душица, шалфей, лапчатка, котовник). Найдено несколько пестов (рис. 71. – 25) с сильно избитыми рабочими плоскостями и нескольких кусков железной руды, свидетельствующих о знании древними тыткескенцами способов выплавки железа, однако никаких объектов, которые можно было бы связать с металлургическим производством, не зафиксировано.

Рядом с северной оконечностью выкладки располагалась «ритуальная» яма размерами 1,9×1,2 м глубиной около 1,55 м. Яма заполнена темно-серой гумусовой супесью с вмясками древесного угля и находок не содержала. Вокруг ямы в радиусе до 2 м зафиксировано 11 небольших ямок, напоминающих столбовые (рис. 70. – 2). Одна из них прорезает край жилища раннего железного века. Глубина ямок (первоначальная) колеблется от 0,35 до 1,7 м (из-за резкого поднятия уровня поверхности террасы к западу от «ритуальной» ямы). Заполнение всех ямок полностью идентично заполнению центральной ямы. Назначение этого объекта неясно.

Культурный слой эпохи раннего железного века (глубина залегания от 0,25-0,3 до 0,5-0,55 м, в ямах и котлованах до 1-1,5 м). Зафиксированные объекты: жилище, большая часть расчищенных на вскрытой площади хозяйственных ям. Культурный слой раннего железного века также прослежен по всей площади раскопа. Видимо, основное количество ям относится именно к нему, так как в некоторых встречены керамика раннего железа, оселок, зернотерка и т. п. Фаунистические остатки второго культурного слоя также демонстрируют развитое скотоводческое хозяйство с существенной ролью охоты. Кроме того, А. В. Гальченко отмечает наличие костей очень крупной волкообразной собаки, напоминающей современных пастушеских волкодавов. Подобные собаки сопровождают обычно пастухов на дальних длительных выпасах, что подтверждает еще раз сформировавшуюся в последние годы среди исследователей раннего железного века Алтая точку зрения об отгонном (яйлажном) скотоводстве в скифское время. Наличие жилища позволяет предположить зимний характер поселения Тыткескеня 3 в эпоху раннего железа.

Керамический комплекс второго культурного слоя составляет 356 фрагментов не менее чем от сотни сосудов. Примерно треть их составляют профилированные горшки, остальное – банки закрытого типа. Орнамент традиционен для раннего железа Горного Алтая: жемчужник «чистый» и с разделителем, ямки, оттиски гладкого штампа, налипной валик. Единично встречаются насечки по краю венчика. В заполнении жилища находки практически отсутствовали. Только в яме, исследованной наполовину, найден развал слабопрофилированного горшка без орнамента (рис. 70. – 9), небольшой черешковый четырехгранный наконечник стрелы (рис. 70. – 4), костяное ложило и обломок каменного оселка. В 1989 г. была вскрыта часть этого же жилища и там был найден развал сосуда (рис. 70. – 8) и бронзовый нож более раннего времени (рис. 70. – 3). Видимо, эту находку, как и значительное количество каменных изделий – переместили на свой уровень дневной поверхности обитатели Тыткескеня 3 раннего железа. Скорее всего, это произошло при рытье многочисленных ям и жилища.

Описание жилища. Размеры (видимые, включая часть, исследованную ранее) восток-запад – 4 м, север-юг – 8,8 м (рис. 70. – 2). Контур котлована неровный, но, судя по нему, жилище было подквадратной или подпрямоугольной формы со скругленными углами. Углублено в горизонт лессовидной супеси более чем на 0,1 м. В кв. 52/ЛМ на краю котлована лежит крупная глыба, возможно, использовавшаяся в качестве фундамента или крепиды жилой конструкции. В центральной заглубленной на 5-10 см части находился очаг диаметром

0,7 м. Жилище могло иметь подквадратную форму площадью 60-65 кв. или большую, если оно было прямоугольным. Вдоль южного края жилища (внутри его) зафиксированы два пятисантиметровых углубления и яма, глубиной от дна 0,25 м (она уже упоминалась в связи с находками в ней). Заполнение этих объектов однородно с заполнением жилища. В 4-8 м от жилища к берегу речки расчищено свыше 70 хозяйственных ям, а между ними встречены более древние очаги третьего культурного горизонта (очаги в кв. ИМ/25-28 и СФ/29-32), обложенные по периметру мелкими камнями.

Находок изделий с поселения немного. Это 7 обломков нижних и верхних камней зернотерок, небольшое костяное изделие в виде рыбки, обломок недоделанного оселка. Кроме этих находок на поселении со второго культурного слоя было собрано больше количество целых и колотых галек небольших размеров. Всего в слое ржв было собрано и учтено 58 различных колотых галек и валунов без следов обработки и 40 изделий из камней. По определению Н. Ю. Кунгуровой, среди них были четыре округлых гальки с выбоинами, предположительно «шары боласов или пращные ядра», верхние и нижние камни зернотёрок, лощила по коже и керамике, песты (в том числе для дробления и растирания дресвы, шамота, глины и охры), отбойники, наковальни для обивки камня, скрёбла (Кунгуров, 1994, с. 48-49). Помимо этого, на поселении собрано значительное количество костей животных – 1063 из средневекового слоя и 595 из слоя ржв. Они были изучены А.В. Гальченко и опубликованы (Кунгуров, 1994, табл. 1, 2). На данное время это второе на Катунь поселение, на котором получен представительный сравнительный материал по костям животных в ржв и средневековье.

Культурный слой эпохи ранней бронзы. Мощност и распространение этого (третьего) культурного слоя не установлены. Судя по находкам около очага в жилище ржв предполагаемый уровень залегания третьего культурного слоя 0,6-0,7 м. Здесь найден венчик сосуда елунинской культуры (рис. 70. – 5). К этому же комплексу относится еще несколько фрагментов, украшенных отпечатками крупнозубой гребенки (рис. 70. – 6, 7) и прочерченными линиями, 3 дисковидных скребла и бронзовый нож (рис. 70. – 3).

По мнению А.Л. Кунгурова, ножи и пробойник из средневекового слоя находят аналогии в памятниках VII-XII вв., а сам средневековый слой оставлен жившими здесь представителями древнетюркских племён Средней Катунь (Кунгуров, 1994, с. 46). Второй слой раннего железного века предположительно был отнесён им «к пазырыкской культуре с сильным влиянием предгорий», и по значительному удельному весу жемчужника датирован VI-IV вв. до н. э. (Кунгуров, 1994, с. 58)

Тыткескень-6. Поселение (рис. 72). Расположено на высокой левобережной террасе р. Катунь, напротив с. Еланда, примерно в 100 м к северо-западу от места впадения р. Тыткескень в р. Катунь. В ходе раскопок в 1988-1993, 2006 гг. было вскрыто около 1700 кв. м, получены материалы эпох неолита, энеолита, бронзы, ржв и средневековья (Кирюшин. Кунгуров, 1994; Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006; Степанова, Соёнов, 2009, с. 75). Сравнительно полно опубликованы только материалы из раннего раскопа площадью 200 кв. м (Кирюшин. Кунгуров, 1994). Достоверной афанасьевской керамики там не найдено, а обнаруженные в 2006 г. две курильницы авторы раскопок склонны относить к более позднему времени (Кирюшин, Семибратов, и др., 2006, с. 367). Слой эпохи бронзы слабо прослеживался на глубине 0,2-0,3 м, находок в нём мало. По наблюдениям исследователей, на поселениях Средней Катунь «Стратиграфически выделяется только слой энеолита и, соответственно, на-

ходки этого времени. Материалы эпохи бронзы, как правило, залегают в одном слое или стратиграфически никак не разделены.» (Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 113).

В культурном слое раннего железного века находок значительно больше¹. «Все находки встречены в верхней части почвенного горизонта. Не исключено, что часть керамики связана с поминальной обрядностью населения, оставившего многочисленные курганы могильника Тыткескень-6. К сожалению, пока достоверно связать сакральную и бытовую пазырыкскую керамику мы не можем, так как её различия очень сильны. Керамика курганов представлена преимущественно кувшинами, а в культурном слое встречены слабопрофилированные горшки (рис. 72. – 27) и крупные баночные сосуды (рис. 72. – 19-23). Орнаментация представлена ямками, ямками в сочетании с отпечатками гребенчатого (рис. 72. – 20, 22) и гладкого штампа, насечками, оттисками двузубого штампа (рис. 72. – 23), налипным рассечённым валиком (рис. 72. – 30) и прочерченными линиями (рис. 72. – 26). Единично встречаются оттиски по срезу венчика (рис. 72. – 25). Найдено также пряслице, выточенное из стенки сосуда (рис. 72. – 31). Аналогичная керамика найдена на многослойном поселении Тыткескень-3 ... и в верхних культурных слоях поселения Тыткескень-2. Дольно разнообразная орнаментация затрудняет более узкую датировку, чем вторая половина I тыс. до н. э.» (Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 113). Следует добавить, что один фрагмент имеет явно средневековый облик (рис. 72. – 25).

Сары-Бел. Поселение (рис. 72). Расположено на левом берегу р. Катунь, напротив с. Еланда, в 2 км на СЗ от устья р. Тыткескень, в горах, на высоте 200 м от уровня р. Катунь. Найдено на сравнительно небольшой наклонной площадке (100x80 м), закрытой со всех сторон горными склонами. Обнаружено в 1991 г. А.Л. Кунгуровым. В 1993 г. на поселении у отвесной скалы был заложен разведочный раскоп площадью 48 кв. м. Находки датируются от эпохи бронзы до средневековья. Основная масса артефактов происходила из квадрата у скалы. Обнаружено около 100 фрагментов керамики от 15-20 сосудов. Культурные слои плохо прослеживались, но, в целом, уровень залегания находок указывает на их хронологию: в первом (верхнем) слое встречались материалы средневековья; во втором – раннего железного века и бронзы; в третьем слое – только несколько фрагментов керамики эпохи бронзы. Большая часть керамики обнаружена на втором штыке. Остеологический материал распределился несколько иначе. Наибольшее количество костей встречено в первом слое (всего 539), несколько меньше во втором (всего 490). Совсем немного костей в третьем слое и представлены там почти исключительно кости диких животных. По соотношению видов домашних животных первый и второй слои заметно различаются, так количество костей КРС в первом (верхнем) слое вдвое больше, чем во втором (48 и 22). Очевидно, здесь сказался элемент случайности, поскольку на расположенном неподалёку поселении Тыткескень-3 увеличение КРС составило лишь 3% (Кунгуров, 1995), а на Партизанской Катунке доля костей КРС в средневековье даже уменьшилась на 2% (табл. 5).

Всего в Чемальском районе учтено 67 (в том числе Карасу на Элекмонаре и Чепош-3, 4) объектов с керамикой от энеолита до средневековья, расположенных по Катунь и в нижнем течении её притоков. Всего встречены: энеолит (афанасьево) на 23 поселениях, бронза – на

¹ Ниже приводится его описание по: Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 113, но с изменёнными ссылками на рисунки.

12, ржв – на 51, средневековье – на 16, хуннское время и майминская культура – на двух (Усть-Эдиган, Усть-Куба).

Однослойные объекты: энеолит – 5, это лишь упомянутые места находок на пяти ручьях по Куюму, на которых работ не проводилось, скорее всего, это местонахождения отдельных фрагментов афанасьевской керамики; эпоха бронзы – 2 (Н.Чепеш-2, Верх-Техтельмень-2), но это единичные находки керамики эпохи бронзы; ранний железный век – 24; средневековье – только Н. Чепеш-3, 4.

Таким образом, все поселения, за исключением поселений ржв и двух указанных городищ, являются многослойными и заселялись в течение нескольких эпох. В четырёх случаях были представлены все слои (энеолит, бронза, ржв, средневековье.), в семи случаях имелись все слои кроме бронзы, в четырёх случаях имелись все слои кроме афанасьевского. Нужно отметить, что многие многослойные поселения на открытых террасах Катуня фактически являются следами временных стоянок или обрядов, под которыми залегают культурные слои эпохи камня. Керамики энеолита, ржв и средневековья там очень мало, но часто встречается керамика эпохи бронзы. Реальные поселения скотоводов располагались у подножий горных склонов и в логах, где слой ржв соседствует с афанасьевской керамикой (8) или со средневековьем (5), или с ними обоими (7). Всего традиционные многослойные поселения зафиксированы в 20 случаях. Если прибавить к этому 24 «чистых» поселения ржв, получится 44 поселения, содержащих слои (часто основные) ржв (не считая стоянок с бронзой).

На участок Катуня с притоками от с. Чепеш до с. Чемал длиной 25 км приходится 41 поселение (в том числе два городища) с керамикой от афанасьевской до средневековой. Из них без учёта средневековых городищ Н.Чепеш-3, 4 перспективные слои ржв выявлены на восьми поселениях (Чепеш-2; Карасу-2, Партизанская Катущка; Узнезя-4; Элекмонар-4, 4а; Хемчик-2, Усть-Куба). На участок Катуня с притоками от с. Чемал до б.н. пункта Каянча-2 или р. Тогуслан длиной около 80 км приходится 26 поселений с керамикой от афанасьевской до средневековой. Богатых слоёв ржв на этих поселениях нет. Большая часть этих поселений выявлена на Катунских террасах, где были поселения эпохи мезолита – неолита. Слои афанасьевской культуры, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья, как правило, не выделяются, встречаются лишь отдельные фрагменты керамики этих эпох. В этой засушливой зоне в рамках долин по Катуня не найдено ни одного поселения энеолита-средневековья с мощным культурным слоем. Сколько-нибудь перспективными являются лишь поселения Тыткескень-3 и, возможно, Тогуслан-8. Оба они находятся по малым речкам.

Онгудайский район

с. Кулада

В ходе проводимых автором работ по выявлению и изучению древних поселений Горного Алтая, в 1987 г. в местности «Башадар» между с. Кулада и р. Талду (ручей Талду пересекает долину в 2 км к юго-западу от с. Боочи) на левом берегу р. Каракол проведено сплошное обследование долины протяжённостью около 3 км. Обнаружено пять поселений относящихся к энеолиту, раннему железному веку и средневековью (Текпенек-Боочи-1, 2, 3; Талду-1, 2). Ещё два поселения (Боочи и Кулада) найдены за рамками этого полностью обследованного участка.

Текпенек-Боочи-1. Поселение (рис. 73; 75; 81). Расположено в одноимённом логу в 600 м к западу от Второго Башадарского кургана, в 2 км к СЗ от с. Кулада. В 800 м к СВ от поселения находится одиночный скальный выступ называемый "Башадар" (с алтайского языка "простреленная голова"). Открыто в 1987 г. П.И. Шульгой. В логу в кротовинах на площади 1500 кв м собрано 57 фрагментов керамики эпохи энеолита, раннего железного века и средневековья (81. – 8). В 1987 г. шурфовка поселения не проводилась. Северо-восточная часть поселения разрушалась пашней. До июня склон лога сочится родничками, поэтому проходившие в это время по логу машины и трактора сильно разбивали слабый грунт. В 1988 г. заложен шурф, выявивший три культурных слоя: афанасьевский, раннего железного века и средневековья. Там же был найден верхний камень ручной мельницы (109. – 9).

Текпенек-Боочи-2. Поселение (73; 75; 82). Расположено в одноимённом логу в 100-150 м к С от поселения Текпенек-Боочи-1, от которого отделяется седловиной. В 750-800 м к СВ находится одиночный скальный выступ "Башадар". Открыто в 1987 г. П.И. Шульгой. На пашне и в кротовинах (в логу), вокруг невысокой горки со скальными выходами на площади 4000 кв. м найдено 34 фрагмента керамики эпохи энеолита и раннего железного века (рис. 82). Примечательно, что аналогией орнаментации найденного в кротовине днища сосуда (рис. 82. – 23) в Горном Алтае является днище корчаги из тризны под насыпью кургана Башадар-2 (Руденко. 1960), расположенного неподалёку от поселения (рис. 83. – 21). Вероятно, раскопки помогут выяснить наличие или отсутствие связи рассматриваемого поселения и захоронения в кургане Башадар-2. В 1988 г. был заложен шурф в нераспаханной части лога, выявивший мощный слой раннего железного века с большим количеством керамики и костей животных. Из трёх реконструируемых сосудов (рис. 82. – 16-18) два не имели орнамента, что характерно для посуды из Текпенек-Боочи-3 и остатков тризны в Башадаре-2 (рис. 83). Среди находок оказалось орудие труда состоящее из фрагмента тазовой кости крс в виде развилки, в которую была вставлена железная пластина (рис. 107. – 1). Поселение, несомненно, перспективно для исследования.

Текпенек-Боочи-3. Поселение (рис. 73; 75; 82). Расположено в одноименном логу в 2,5 км от с. Кулада. В 450 м к ЮЗ находится поселение Текпенек-Боочи-2, а скальный выход «Башадар» – примерно в 300 м к востоку. Открыто П.И. Шульгой в мае 1988 г. На пашне было собрано несколько фрагментов керамики, относящихся к раннему железному веку. Для выяснения структуры культурного слоя на краю пашни заложен шурф размерами 1x1 м. До 40 см от поверхности земля перемешана при обработке почвы. На глубине 56 см встречено скопление керамики, зола и угли. Очевидно, шурф был заложен над очагом в жилище раннего железного века. Зачищенный у очага крупный фрагмент горшка не имел орнамента, но профилировка цвет и техника изготовления позволили отнести найденную керамику к раннему железному веку. Затем, к шурфу с запада был прирезан квадрат (2x2 м) и ещё пять таких же квадратов с востока. Получилась траншея длиной 14 м, площадью 28 кв. м. Два шурфа было заложено к западу и к востоку. Там тоже найдена керамика, в том числе валиковая. В северной части траншеи находок немного (несколько фрагментов керамики, кости животных и каменная бусина). В южной части траншеи выявлены остатки заглублённого в материк (до 27 см) жилища с очагом. Очаг не был обложен камнем, но мощность прокала под ним достигала 25 см. На расчищенном участке жилища были найдены керамика, кости животных, глиняное пряслице и куски медной (?) руды. Аварийное состояние поселения и наличие жилища с значительным количеством находок требовали стационарных раскопок, а потому

траншея была присыпана грунтом с тем, чтобы провести крупные раскопки в 1989 г. К сожалению, более работы по исследованию поселений в Башадаре не проводились.

Курганы Башадар-1, 2. Керамика из мест тризны в насыпях.

Башадар-1. Сравнительно поздний курган пазырыкской культуры IV-III вв. до н. э. «На поверхности земляной насыпи, под каменной наброской, к югу от центра кургана были найдены обломки глиняной посуды и значительное количество костей овцы, главным образом передних конечностей и ребер» (Руденко, 1960, с. 28). «На поверхности земляной насыпи, южнее центра кургана, обнаружены черепки от нескольких глиняных сосудов, из которых удалось восстановить форму только двух горшков» (Руденко, 1960, с. 37). «По черепкам глиняной посуды, найденной под каменной наброской в верхнем слое земляной насыпи кургана, можно заключить, что она была плоскодонная, со слегка выгнутыми стенками и отогнутым наружу венчиком; диаметр сосудов от 15 до 25 см. ...Под венчиком – орнамент в виде вдавленных круглой и треугольной формы, нанесённых заострённой палочкой и углом деревянной лопаточки. Черепки принадлежат по крайней мере трём сосудам» Керамика лепная, обжиг неравномерный на костре (Руденко, 1960, с. 43). Эта керамика из насыпи не опубликована.

Башадар-2 (рис. 83). Наиболее ранний из собственно пазырыкских элитных курганов (V в. до н. э.). «Как только приступили к снятию земляной насыпи, состоящей из плотной слежавшейся глины с примесью гравия, на её поверхности до глубины 5-6 см начали попадаться черепки глиняной посуды. Они встречались только на поверхности насыпи кургана, главным образом в юго-западной, возвышенной её части» (Руденко, 1960, с. 32). «Это обломки по крайней мере восемнадцати глиняных сосудов, по форме существенно отличающихся от глиняных кувшинов, которые были найдены в погребальных камерах курганов данной эпохи... Большинство сосудов плоскодонные, баночной формы, с венчиком, слегка отогнутым у верхнего края. Имелись также больших размеров широкие корчаги с выпуклым дном. Значительная часть сосудов орнаментирована в верхней части тулова, при переходе его в горлышко. У некоторых сосудов орнаментирован верхний, плоский край венчика. После реставрации полностью удалось восстановить форму только двух сосудов. Первый из них (рис. 83. – 1) высотой 25 см при наибольшем диаметре 23,5 см, диаметр венчика со слегка отогнутым верхним краем 19,5 см, диаметр дна 16,5 см. В верхней части сосуд орнаментирован рядом ломаных линий, прочерченных палочкой до обжига сосуда. Второй сосуд (рис. 83. – 2) того же типа, но без орнамента и несколько больших размеров ... От четырнадцати сосудов сохранились только венчики, по которым для двенадцати представлялась возможность восстановить частично их форму и размеры (рис. 83). Как видно из рисунка, размеры их колеблются в значительных пределах, несколько варьируют и формы венчиков. За исключением двух, все остальные не орнаментированы. Своеобразен орнамент сосуда баночной формы с незначительно выпуклыми стенками, диаметром около 27 см. Его орнамент, состоящий из двух рядов треугольников, выдавленных углом деревянной лопаточки, с промежуточным рядом круглых углублений между рядами треугольников, примыкает к самому краю венчика. По верхнему плоскому краю венчика нанесён орнамент из ряда косых линий (рис. 83. – 20). ...Особое положение среди описанных выше сосудов занимает большая корчага с выпуклым дном. Диаметр тулова корчаги около 48 см, диаметр венчика около 41 см. По верхнему краю тулова на расстоянии 2 см от края венчика на этой корчаге нанесён орнамент из косых, перекрещивающихся на концах линий (рис. 83. – 22). По плоскому бортику венчика ногтем нанесена зигзагообразная линия, разделяющая бортик на ряд треугольников. В центре

выпуклого дна корчаги выдавлено три углубления, соответствующие углам равнобедренного треугольника. Ямки эти окружены тремя рядами концентрически расположенных углублений (вдавлений); ряды отстоят один от другого на 4 см (рис. 83. – 21). На одном из черепков с отогнутым краем венчика, на его наружной поверхности, имеется процарапанное, весьма схематичное изображение оленя – сохранилась передняя часть туловища и голова с ветвистыми рогами (рис. 83. – 18)». Все сосуды ручной лепки, обжигались на костре (Руденко, 1960, с. 63-65)¹. В начале описания указано, что под венчиком орнаментирована «значительная часть сосудов». Очевидно, речь идёт о пяти сосудах, из которых у одного орнамент сопоставим с отмеченным в Башадаре-1 (рис. 83. – 20). Указание С.И. Руденко о наличии этой орнаментации в местах тризн в обоих курганах говорит о *длительности её сохранения в данной местности, а также связях населения в Башадаре и Кастахте-3* (рис. 96), разделённых невысокими горами, богатыми летними пастбищами, кедром и дичью.

Талду-1. Поселение (рис. 73; 81). Расположено в логу у склона горы, в 1,3 км к ССЗ от одиночного скального выступа «Башадар». В 250 м к СВ от поселения протекает речка Талду. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Тогда в 800 м к ЮВ от поселения находилась кошара. В кротовинах на площади 3000 кв. м собрано 24 фрагмента керамики раннего железного века, из которых несколько фрагментов украшены округлыми вдавлениями (рис. 81. – 11-17).

Талду-2 (рис. 73; 81). Поселение расположено в 300 м к Ю от поселения Талду-1. В 1 км к ЮВ находится одиночный скальный выступ «Башадар». Поселение скрыто в конце длинного узкого лога, за невысокой горкой. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 400 кв. м собрано 30 фрагментов керамики (рис. 81. – 18-22). В целях выяснения стратиграфии и культурной принадлежности памятника заложен шурф 1×1 м, ориентированный сторонами по странам света. Выявлена следующая стратиграфия: дёрн 20 см, гумусированная земля – 30 см, гумусированный суглинок – 15 см. На глубине 65 см от поверхности находился материк – суглинок со щебнем. В гумусированном слое и в гумусированной супеси встречались угли, древесный перегной, кости животных, керамика. На дне шурфа найдены фрагменты слабообожжённой чаши, украшенной на венчику округлыми вдавлениями (рис. 81. – 19). Судя по этой керамике, поселение относится к раннему железному веку, но некоторые фрагменты, возможно, датируются эпохой средневековья (рис. 81. – 18).

Кулада. Поселение (рис. 81. – Б, 23-25). Поселение расположено в небольшом логу на левобережной террасе р. Кулада, в 2 км от с. Кулада, у дороги на перевал в бассейн р. Семисарт. Открыто в 1987 г. П.И. Шульгой. На площади 1200 кв. м в кротовинах собрано 14 фрагментов керамики, из них 2 фрагмента от плоскодонных сосудов и один венчик от чаши (?), орнаментированный вдавлениями. Поселение предварительно датируется ранним железным веком.

с. Боочи

Боочи. Поселение расположено в небольшом распадке в 50 м к западу от фермы Боочи, в 2-х км к северу от с. Боочи. Обнаружено в 1985 г. П.И. Шульгой. У склона горы был заложен шурф 60×80 см. Стратиграфия: дёрн 15 см, гумусированный суглинок 10 см, материк – желтоватый суглинок. В слое гумусированного суглинка найдено 6 неорнаментированных фраг-

¹ В цитируемых фрагментах изменены указания на рисунки.

ментов керамики размерами 2×3 см и 6 фрагментов костей домашних животных. Предположительно, датируется ржв.

с. Туэкта

В ходе проводимых автором работ по выявлению и изучению древних поселений Горного Алтая в 1987 г. у с. Туэкта проведено сплошное обследование пятикилометрового участка левобережной долины р. Урсул. Обнаружено пять поселений, относящихся к энеолиту, раннему железному веку и средневековью (рис. 73). Раскопки проводились на аварийном поселении Куротинский Лог-1.

Куротинский Лог-1. Поселение (рис. 73; 74; 76-80). Расположено в логу с одноимённым названием в 1,3 км к СВ от километрового столба 620/346 км на Чуйском тракте (указанный в 1987 г.), в 2 км к востоку от с. Туэкта, и в 1-1,5 км от расположенного между селом и склоном горы туэктинского могильного поля, насчитывающего сотни курганов, выкладок и культовых сооружений (Руденко, 1960, с. 93-96). Куротинский Лог представляет собой ответвление долины шириной до 400 м и длиной до 1,5 км постепенно повышающейся и сужающейся к северо-востоку, где лог связан седловиной с долиной р. Курота (рис. 73). Открыто в 1987 г. Шульгой П.И. В то время поселение распахивалось, за исключением южной части, где распашку прекратили примерно к 1970 г. В 90-х гг. XX в. общая обработка поля прекратилась, но сохранялись посадки картофеля. На пашне и в кротовинах на площади 8000 кв. м (на протяжении 400 м) в 1987 г. собрано 440 фрагментов керамики, в том числе, 76 венчиков от 68 сосудов и обломки от 7 днищ плоскодонных сосудов. В небольшом количестве найдены каменные отщепы, фрагменты афанасьевской керамики и эпохи бронзы. Основная масса находок относилась к раннему железному веку, и лишь несколько венчиков – к средневековью. В 1988 и 1992 гг. на поселении вскрыто 132 кв. м (Шульга, 1997).

До начала раскопок в 1988 г. на поселении хорошо прослеживались три жилищные западины, протянувшиеся в линию с ЮЗ на СВ с промежутками 6-8 м. Все западины имели одинаковые размеры – около 7×4 м, глубину – 10-20 см. Одна из них была включена в раскоп. Уже под дерном в западине встречалась керамика раннего железного века. На глубине -26 см от поверхности найден железный черешковый нож, в центре – остатки глиняной печи с обломками чугунного котла, с клеймом "33". Жилища, по-видимому, были обитаемы в XIX – нач. XX вв. н. э., так как опрошенные старожилы из соседних сёл их не помнят. Керамика скифского времени попала в исследованную западину в результате распашки. В последствии две оставшиеся западины были уничтожены картофельным полем.

Раскопки 1988 и 1992 гг. (в 1992г. совместно с археологами ГАНИИИЯЛ – А.С. Суразаковым и О.В. Лариным) показали, что на месте исследованного участка в устье небольшого ложка имеется только слой раннего железного века. Мощность культурного слоя составляла 20-30 см, местами до 40 см. Материк (суглинок с вкраплениями гравия) залегал на глубине 60-70 см от уровня современной поверхности. Большинство находок концентрировалось в центральной части раскопа между очагами №1 и №2 и к юго-востоку от них (рис. 76). В квадратах по линиям Г и Д культурный слой отличался особенно высокой степенью насыщенности мелкими фрагментами керамики (частью побывавшей в огне), костями и мелкими угольками. Вероятно, в определенный период существования поселения сюда выбрасывались зола и мусор из очагов более поздних жилищ. Выявлено 10 хозяйственных ям. Большинство из них мелкие, заглублялись в материк на 6-32 см. Ямы №№ 2, 3, 5, 6, 9 диаметром 20-35 см расположены в ряд с интервалом 2-3 м и, видимо, с ямой №1 представляют собой

столбовые ямы. В северо-западном углу раскопа, рядом с ямой №2, находилась такая же по диаметру, но более глубокая столбовая яма №1. Возможно, она указывает на существование второй перпендикулярной линии столбов. В отдельную группу выделяются ямы №№ 4, 8, 10. Все они заглублены в материк на 5-15 см и содержат преимущественно кости домашних животных, немного керамики. Другие объекты описываются отдельно.

Очаг №1. Представлял собой яму диаметром 80 см с прокаленными краями, глубиной -60 см. В верхнем заполнении ямы в ее южной части зачищено пять сланцевых плит размерами до 50×35×10 см. Там же находились: развал нижней части плоскодонного сосуда; более пятидесяти фрагментов керамики, из которых часть украшены в одну строчку жемчужинами или вдавлениями; зола и угли. К востоку от очага обнаружено ребро-лощило (рис. 80. – 3).

Очаг №2. Представлял собой сооружение размерами 90×100 см в виде буквы "П" из стоящих на ребре сланцевых плит размерами до 55×22×8 см. В очаге не было глиняной подсыпки, в небольшом количестве встречены зола, угли, керамика и кости животных. К северо-западу находилось скопление материкового суглинка, к востоку – две крупные плиты и небольшие камни, выложенные по линии на восток. Вокруг очага найдено значительное количество фрагментов керамики, кости животных, два куранта и плоский камень, служивший заготовкой для куранта (рис. 80. – 9, 10).

К востоку от очага №2 зачищено три обширных округлых понижения, названных скоплениями находок №№1, 2, 3, восточные части которых незначительно (на 5-12 см) заглублены в материк. Нахождение в скоплении №3 фрагментов керамики от сосудов у очага №2 указывает на взаимосвязь и одновременность этих сооружений. Во всех скоплениях находок №№1, 2, 3 находились угли, кости животных и керамика. Здесь найдено: две заготовки курантов (рис. 80. – 11); обломок куранта; курант, изготовленный из нижнего камня зернотерки (рис. 80. – 8); обломок зернотерки (рис. 80. – 7), изделия из кости и рога (рис. 8. – 1). У скопления №3 в культурном слое обнаружена костяная панцирная пластинка (рис. 8. – 2).

Наличие очагов, столбовые ямы, отсутствие у очагов и скоплений №№1, 2, 3 надматерикового слоя гумусированного суглинка (скрытого в древности) указывают на существование здесь жилища площадью не менее 30 кв. м. Поскольку это было наземное сооружение, то его размеры несомненно превышали участок с выбранным слоем гумусированной супеси (около 24 кв. м). По-видимому, очаг №1 и скопление находок №1 появились позже очага №2 и связанного с ним скопления находок №3 (возможно, и скопления №2). Незначительность вскрытой площади не позволяет определить назначение столбовых ям, так как столбовые конструкции не были нужны при строительстве пазырыкских рубленых домов.

На поселении получено сравнительно большое количество керамического и остеологического материала. Всего найдено 223 венчика, в том числе 64 происходят из сборов. Подавляющее большинство из них относятся к баночным сосудам, в том числе, все с валиками (рис. 77; 78). Похожую профилировку имеют и венчики чаш, но они отличаются худшим обжигом и орнаментацией только одним рядом вдавлений без валиков. По количеству чаши занимают второе место (рис. 78. – 6-8). Реконструируемых горшкообразных сосудов не найдено. Возможно, к ним относятся несколько отогнутых наружу венчиков и фрагмент одного из двух сосудов с носиком-сливом. Вся посуда плоскодонная. Кувшины и кринки, традиционно встречаемые в пазырыкских погребениях, не обнаружены.

Для статистической обработки взяты развалы и крупные венчики от 101 сосуда. Соотношение украшающих керамику орнаментальных мотивов в основном соответствует установ-

ленному на поселениях с валиковой керамикой (рис. 105, табл.). Орнамент обычно расположен чуть ниже венчика в одну строчку: вдавления округлой и каплевидной форм составили 61 %, "жемчужник" – 13 %. «Жемчужник» с разделителем встречен всего на трех фрагментах: на двух разделителем были округлые вдавления, на одном – подтреугольные (рис. 78. – 19, 20, 24). Валиком орнаментировано 9 % венчиков и сосудов. При этом валики украшали только банки, на которых они встречены в 19 %. Некоторые банки имели только валик (2 %; рис. 78. – 3), но, в большинстве случаев, он сочетался со строчкой вдавлений или "жемчужин" (рис. 77; 78). На чашах валики отсутствовали. Орнамент на валиках обычно наносился округлой или плоской палочкой с наклоном вправо, иногда влево или вертикально (рис. 77). На некоторых сосудах встречается одновременно наклоны вправо и влево, образующие зигзаг или сетку (рис. 77. – 7, 10, 12), при этом вдавления с левым наклоном всегда перекрывают вдавления с наклоном вправо, т. е. наносились они позже. В отличие от поселения Электронар-4 на Средней Катунь, нарезка на валиках встречается редко. Сопутствующий орнамент, за исключением четырех случаев (рис. 77. – 11-13), наносился над валиком. На двух фрагментах валиками обводились отверстия для подвешивания (рис. 77. – 18, 19). Неорнаментированный валик достоверно встречен только на двух сосудах (рис. 78. – 3). Пряслища найдены в трех экземплярах (рис. 80. – 4, 6), два из них (рис. 80. – 4) изготовлены из стенок сосудов, как и "фишка" (рис. 80. – 5).

На поселении найдено около 1200 фрагментов костей животных (табл. 2)¹. В результате раскопок 1992 г. количество определимых костей увеличилось более чем вдвое – с 293 до 646 единиц (см.: Гальченко, Шульга, 1992, с. 100, табл. 2). Дополнительный материал незначительно изменил процентное соотношение между видами домашнего скота в стаде, а также всех животных (см. табл. 2). В стаде преобладала лошадь (40,6 %), на втором месте по значимости находился крупный рогатый скот (23,1 %), а затем – мелкий рогатый скот (36,3 %). От общего количества костей животных доля диких животных осталась столь же незначительной – 5,8 % (из них косуля 4,7 %).

Наличие заглубленных в материк жилищ с очагами и столбовыми ямами, довольно мощный культурный слой (20-40 см) говорят о долговременности поселения. Его месторасположение в долине у склонов южной экспозиции, представляющих собой хорошие зимние пастбища, где снег в зимнее время сдувается и растапливается солнцем, позволяет видеть в нем зимник. Основой хозяйства его жителей являлось яялажное скотоводство с незначительными перекочевками на расположенные в 10-20 км летние пастбища. Найденные в жилище зернотерки и куранты, по-видимому, указывают на наличие земледелия. Однако, нахождение жерновов, курантов и зернотерок в пазырыкских курганах на р. Юстыд в Чуйской долине (около 2000 м над ур. моря), в безлесной высокогорной долине Бертек (2200 м над ур. моря) и прилегающей долине Мойнак (Кубарев, 1991, с. 166; Древние ... 1994, рис. 59, 62-1, с. 72, 143; Молодин и др., 1993, с. 23), где земледелие было невозможно, позволяют предположить и поставки зерна из предгорий или Нижней Катунь. Охота, несомненно, имела большее значение, нежели мы можем заключить из таблиц распределения остеологического материала (табл. 2) (Гальченко, Шульга, 1992; Кунгуров, 1994, табл. 2). На поселениях раннего железного века крайне мало костей пушных животных, являвшихся, по мнению С. И. Руденко, товаром для межплеменного обмена (Руденко, 1953, с. 75). Очевидно, в соответствии с практи-

¹ Все определения костей животных из раскопок автора выполнены А. В. Гальченко.

ческой целесообразностью и требованиями промысловой магии тушки и кости животных оставались на месте добычи или хранились в определенных местах (Кулемзин, 1984, с. 82-103; и др.). Занимались обработкой шерсти (пряслица), кожи (лошила из ребер лошади, рис. 80. – 3) и кости. Материалом для незавершенного изделия (подпружной пряжки?) послужил рог марала (рис. 80. – 1). Из кости (рога?) изготовлена и прямоугольная панцирная пластинка. Ее первоначальная длина около 75 мм, ширина 18-21 мм, толщина 4-5 мм. На концах пластинки расположено по паре сквозных отверстий диаметром 3 мм, по центру имелось три сквозных отверстия диаметром 3-4 мм (рис. 80. – 2).

Куротинский Лог-2 (рис. 73). Поселение расположено в 500 м к СЗ от поселения Куротинский Лог-1 на противоположной стороне лога. В 100 м к Ю от поселения находится кошара, в 1 км – километровый столб 620/346 км Чуйского тракта. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой В кротовинах на площади 500 кв. м собрано 22 мелких фрагмента неорнаментированной керамики и кости. Датировка поселения затруднительна. В 90-е гг. значительная часть лога была застроена.

Туекта-3. Поселение (рис. 73; 79). Расположено в узком логу левобережной долины р. Урсул в 800 м к СВ от цепочки Больших Туектинских курганов, в 1 км от с. Туекта. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 1200 кв. м найдено 75 костей животных и 22 фрагмента керамики в том числе венчики от пяти сосудов и обломок пряслица (рис. 79. – 40-48). Встречается много углей. Керамика украшена вдавлениями и жемчужинами. На одном из фрагментов (рис. 79. – 47) имеется типичный для раннего железного века Горного Алтая орнаментальный мотив – треугольное вдавление уголком лопатки. Шурфом 1×1 был выявлен культурный слой с двумя орнаментированными венчиками (рис. 79. – 49, 50). Поселение может быть отнесено к раннему железному веку.

По расположению поселение имеет не объяснимые особенности. Культурный слой с керамикой, костями и углями находился в довольно крутом узком логу, обращенном к юго-западу и открытому преобладающим там ветрам. По этим причинам, это место не подходило ни для проживания, ни для устройства загона. Не исключено, что в этом месте производилась плавка металла, на что, возможно, указывает большое количество углей. Аналогичным образом высоко на наветренном южном склоне располагалась древняя медеплавильная печь, обнаруженная автором в 2003 г. в долине Сентелека (левый приток Чарыша) на горе Воскударная Теплуха.

Тузаков Лог-1 (рис. 73; 79). Поселение расположено в логу на левом берегу р. Урсул, в 1,5 км к СЗ от кладбища с. Туекта. В 250 м к ЮВ находится межелик. Всё пространство между межеликом и склонами горы распахано. Поселение отделено от пашни сухим руслом ручья глубиной до 1,5 м. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой В кротовинах на площади около 900 кв. м были найдены неорнаментированные фрагменты керамики и кости. В целях выяснения стратиграфии и культурной принадлежности памятника был заложен разведочный раскоп площадью 8 кв. м со сторонами 2×4 м ориентированный по линии С-Ю. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн-15 см, гумусированная супесь-35 см, на глубине 50 см от поверхности находится материк-супесь. На глубине 15-30 см встречено значительное количество костей и несколько фрагментов керамики, на глубине 30-50 см встречены только кости животных. В культурном слое прослежены угли, остатки древесины или навоза. Основная масса костей сконцентрирована в северной части раскопа на глубине 35-40 см, в южной части встречались вертикально и горизонтально лежащие плитки камня размерами от 5×8×2 см

до 22×8×4 см. Обнаружено 26 фрагментов керамики (рис. 79) и 69 костей животных. Часть керамики с отогнутыми венчиками грубо заглажена и может быть отнесена к эпохе средневековья. Наличие вдавления на одном из фрагментов (рис. 79. – 34) ничего не меняет, так как такой способ орнаментации был распространён и в средневековье. Около 10 фрагментов по тесту и технике исполнения можно предварительно отнести к раннему железному веку. Вполне возможно, что кости в нижнем слое гумусированной супеси относятся к эпохе энеолита.

Тузаков Лог-2. Поселение (?) (рис. 73). Расположено в 300 м к востоку от поселения Тузаков Лог-1. Территория поселения распаивается. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На пашне на площади 600 кв. м найдено 16 фрагментов неорнаментированной керамики и фрагмент днища от плоскодонного сосуда. Шурфовка не производилась. Поселение может быть отнесено к раннему железному веку или эпохе средневековья.

с. Ело

Ело-5 (рис. 86). Поселение. Расположено в лого на правом берегу р. Урсул, в 5 км к северо-востоку от с. Ело. В 100 м к югу протекает ручей, в 650 м к юго-западу находилась кошара. В 1984 г. П.И. Шульгой при обследовании лога в кротовине были обнаружены керамика и кости, после чего был заложен разведочный шурф 2×2 м. Выявлена следующая стратиграфия: дёрн 16-18 см; чёрная гумусированная земля 14-16 см; материковая супесь. Находки концентрировались в гумусе, также в очаге диаметром около 90 см, контуры которого проявились на глубине 28-30 см. Очаг содержал угли и фрагменты керамики, из которых три были орнаментированы (рис. 86. – 1-3). В восточной части очага имелось прямоугольное углубление, на 6 см ниже уровня материка. Найденные над очагом кости принадлежали лошади монгольской породы с высотой 134 см в холке. Поселение датируется втор. полов. I тыс. до н. э. В 1988 г. к шурфу была сделана прирезка 4×1 м. Контуров жилища установить не удалось, но были обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные валиком и чередованием жемчужин с уголковыми вдавлениями (рис. 86. – 4-8).

Ело-6. Поселение (рис. 84). Расположено в узком лого на правом берегу р. Урсул, в 400 м к юго-западу от поселения Тюмечин-5. В 3 км к юго-западу находится с. Ело. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На площади 1400 кв. м в кротовинах собрано 59 фрагментов керамики ржв. Некоторые фрагменты можно отнести к эпохе бронзы. Заложено два шурфа 1×1 м. В восточном шурфе на глубине 35 см обнаружен фрагмент от сосуда эпохи бронзы, аналогичный найденному в кротовине (рис. 84. – 11, 21). На глубине 30 см находилось два фрагмента керамики ржв. Стратиграфия: дёрн – 15 см, гумусированная земля – 20 см, гумусированный суглинок – 10 см, материк – суглинок. В западном шурфе обнаружены угли, большое количество костей, в том числе и обожжённых, 14 фрагментов керамики и обломки глиняной обмазки. Как на поселении Партизанская Катюшка куски глиняной обмазки с отпечатками деревянной поверхности и угли указывают на наличие очага. Поселения с кусками глиняной обмазки найдены автором на аварийном поселении Аскат-2 и на средневековом городище Нижний Чепош-3.

Ело-7. Поселение (рис. 84). Расположено на правобережной террасе р. Урсул у подножья склона, в 200 м к Ю от поселения Ело-6. Примерно в 2,5-2,8 км к юго-западу находится с. Ело. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 400 кв. м найдено 12 фрагментов керамики (рис. 84. – 25, 26) и кости животных. Датировка поселения затруднительна.

Ело-8. Поселение (рис. 84. – 27-29). Расположено в 3 км к юго-востоку от с. Ело, восточнее могильника скифского и тюркского времени, состоящего из курганов до 30 м диаметром с глубокими грабительскими воронками. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах в двух смежных логах найдено 33 фрагмента керамики, основную массу которой можно отнести к ржв. Керамика красноватого цвета, украшена округлыми вдавлениями. Культурный слой на поселении беден.

Семисарт-1. Поселение на могильнике Семисарт-1 (рис. 6). Открыто и исследовано Л.С. Марсадоловым в 1985 и 1986 гг. В двух раскопах вскрыто 42 кв. м. Обнаруженная керамика соотносится Л.С. Марсадоловым с раскопанными там раннескифскими курганами и датируется VII-VI вв. до н.э. (Марсадолов, 2001, с. 19-20; 1987, с. 63). Однако факт расположения в непосредственной близости могильника (в 50-100 м) и поселения вовсе не означает их культурной и хронологической близости. Наоборот, такое соседство нигде не зафиксировано. Могильники в Горном Алтае находятся от ближайших поселений на расстоянии от нескольких сотен метров до 1-1,5 км. Судя по разнородной керамике, поселенческая площадка была обитаема в разные времена. Часть фрагментов керамики и пулевидный наконечник стрелы относятся к ржв (рис. 6. – 2-6, 13), часть керамики средневековая (рис. 6. – 17, 20-23, 29) (Марсадолов, 2001, рис. 94). Если учесть керамику эпохи бронзы из раскопа на кургане 4 (Марсадолов, 2001, рис. 44), то окажется, что люди на этой части террасы в устье лога периодически проживали с эпохи бронзы до средневековья.

Семисарт-9. Поселение (рис. 84. – А, 1-3). Расположено на правобережной террасе р. Туру, в 120 м от места её впадения в р. Семисарт. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На площади 800 кв. м в кротовинах собрано 16 фрагментов керамики. Датировка поселения затруднительна.

Семисарт-10. Поселение (рис. 84). Расположено в логу на второй надпойменной правобережной террасе р. Семисарт, в 1,2 км ниже места слияния рек Туру и Семисарт. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На площади 5000 кв. м в кротовинах по обе стороны дороги на с. Ело собрано 17 фрагментов керамики. Поселение предварительно датируется ржв.

Тюмечин-3. Поселение (рис. 85). Расположено на правобережной террасе р. Тюмечин, примерно в 1,5 км от места её впадения в р. Урсул и в 3,5 км к северо-востоку от с. Ело. В 160 м к западу находится зимняя стоянка чабанов. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В небольшом логу, на брошенной пашне на площади 4000 кв. м собран 101 фрагмент керамики, из которых более половины относится к раннему железному веку. Орнамент типичен для ржв - округлые вдавления и жемчужины. На одном фрагменте имеются насечки (рис. 85. – 4). Двадцать фрагментов относятся к афанасьевской культуре. Для этой керамики характерна затёртость внутренней поверхности и сплошная орнаментация внешней поверхности отступающим гладким и гребенчатым штампом. Некоторые венчики имеют средневековый облик (рис. 85. – 3). Не смотря на разрушенный пашней верхний слой почвы, раскопки поселения можно считать перспективными.

Тюмечин-4. Поселение (рис. 85). Расположено в 160 м к западу от поселения Тюмечин-3. Находки сделаны в логу, чуть восточнее указанной зимней стоянки. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах собрано 39 фрагментов керамики. Большинство фрагментов относится к раннему железному веку. Орнаментация обычная для раннего железного века – жемчужины и округлые вдавления. Часть фрагментов, возможно, относится к средневеко-

вью. В 40 м западнее стоянки на отвале ямы, выкопанной под скотомогильник, обнаружено 3 фрагмента керамики типичных для афанасьевской культуры.

Тюмечин-5. Поселение (рис. 85). Расположено на левобережной террасе р. Тюмечин в 350 м южнее поселений Тюмечин-3 и Тюмечин-4. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Поселение вытянулось узкой полосой вдоль склонов горы на 400 м, однако, судя по находкам в кротовинах, насыщенность культурного слоя невелика, встречаются кости животных и угли. Собрано 60 фрагментов керамики, которую можно отнести к раннему железному веку и средневековью. Керамика раннего железного века красноватого цвета хорошо заглажена с внешней стороны, украшена прямыми и косыми вдавлениями, жемчужником и в одном случае вдавлениями. Керамика средневековья грубая, неровно заглажена, тёмного цвета, вдавления, как правило, не столь глубоки и не имеют округлой формы.

с. Теньга¹

Теньга-5. Поселение (рис. 86). Расположено в логу на правом берегу р. Урсул в 80 м восточнее могильника Теньга-4, где зафиксированы погребальные сооружения афанасьевской культуры и «эпохи железа» (Степанова, Владимиров, Цыб, 2005, с. 24-26). Примерно в 3 км к северо-востоку (за р. Урсул) расположено с. Теньга. В 350 м к юго-западу от поселения находится зимняя стоянка, у которой найдено два фрагмента керамики. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 2400 кв. м найдено 60 фрагментов керамики, угли и кости животных. Замечена интересная особенность: в северо-восточной части лога собрано 30 фрагментов неорнаментированной керамики и только один афанасьевского облика. В юго-западной части лога почти все 29 фрагментов принадлежат к афанасьевской культуре. Они украшены отступающим гребенчатым штампом, внутренняя поверхность заглажена. Неорнаментированную керамику в южной части лога можно отнести к средневековью по отогнутым венчикам, небрежному заглаживанию и тёмному цвету поверхности. Поселение может быть перспективным для раскопок.

Теньга-6. Поселение (рис. 86). Расположено в широком логу на правобережной террасе р. Урсул, в 260 м к северо-востоку от поселения Теньга-5. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 900 кв. м собрано 57 фрагментов керамики эпохи энеолита, аналогичной из поселения Теньга-5, раннего железного века и средневековья.

с. Талда

Талда-1. Поселение. Находится в 1,5 км к северу от с. Талда и в 400 м к северу от цепочки «княжеских» курганов до 40 м в диаметре. Обнаружено в 1985 г. П.И. Шульгой. На пашне на протяжении 80-100 м вдоль склона южной экспозиции сделаны сборы керамики (16 фрагментов), один из которых орнаментирован ёлочкой. На пашне встречаются кости животных. В некоторых местах плугами вывернуты куски спёкшейся золы. По-видимому, это место заселялось с ржв. Собранная керамика относится к раннему железному веку и средневековью.

Талда-2. Поселение (рис. 81. – 26-29). Расположено в 3 км к северу от с. Талда в небольшом распадке, в 200 м к югу от фермы. Обнаружено в 1985 г. П.И. Шульгой. На распаханном участке сделаны сборы: 20 фрагментов керамики, в том числе два венчика и фрагмент днища,

¹ С.В. Трифанова, проводившая позже разведки в районе с. Теньга, не знала об исследованиях автора, а потому также выделила памятники (могильники) Теньга-5, 6 (Трифанова, 2005).

а также костяной четырёхгранный черешковый наконечник стрелы. В результате шурфовки и сборов получена керамика раннего железного века.

пос. Озёрное

Озёрное-4. Поселение (рис. 87). Расположено на северо-восточной стороне межелика (одиночно стоящей горы) в 900 м к северу–северо-востоку от посёлка Озёрное. В 1987 г. в 300 м к западу находится оз. Теньгинское. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах в логу на площади 600 кв. м собрано 20 неорнаментированных фрагментов керамики, кости животных, угольки. Датировка не ясна.

Озёрное-5. Поселение (рис. 87). Расположено в логу рядом с пасекой в 2 км к югу-юго-востоку от посёлка Озёрное. Лог распаивается. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На всей площади лога найдено 98 фрагментов керамики, из которых 59 афанасьевского облика украшены отступающей гребёнкой и насечками (рис. 87. – 15-17). Фрагменты, украшенные вдавлениями и налепными валиками относятся к ржв (рис. 87. – 6, 6а, 10), остальные неопределимые или датируются эпохой средневековья.

Озёрное-6. Поселение (рис. 88). Расположено в узком логу и его устье, где сейчас находятся посадки картофеля. В 20 м к югу расположена зимняя стоянка, в 1,5 км к северо-востоку – посёлок Озёрное. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах и в поле на площади 1500 кв. м собрано 62 фрагмента керамики. Большинство фрагментов относятся к раннему железному веку и украшены округлыми вдавлениями, а также рядом жемчужин в сочетании с подтреугольными вдавлениями. Часть фрагментов можно определить как средневековые, например, один из венчиков (рис. 88. – 22).

Озёрное-7. Поселение (рис. 87). Расположено в логу в 800 м к югу–юго-востоку от посёлка Озёрное. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В кротовинах на площади 1600 кв. м собрано 59 фрагментов керамики и кости домашних животных. Основное количество фрагментов относится к ржв, некоторые - к средневековью (рис. 87. – 20) и энеолиту. Керамика эпохи энеолита представлена мелкими фрагментами с гребёнкой, внутренняя поверхность затёрта.

Озёрное-8. Поселение (рис. 88). Расположено в 1,1 км к северу–северо-востоку от посёлка Озёрное у склона гор. В 200 м к югу от него находится поселение Озёрное-4. Поселение распаивается. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. С площади 9600 кв. м собрано 79 фрагментов керамики. Основное количество фрагментов относится к ржв. Очевидно, эпохой энеолита или бронзовым веком датируется фрагмент, украшенный глубоким гребенчатым штампом. Несколько фрагментов керамики средневековья можно отличить по тёмному цвету поверхности, грубому заглаживанию и насечкам поверху венчика (рис. 88. – 9).

Озёрное-9. Поселение (рис. 88). Расположено в 1,2 км к северу-северо-востоку от посёлка Озёрное, в 100 м к северо-востоку от поселения Озёрное-8. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Керамика собрана в устье лога на площади 400 кв. м. Найдено 33 фрагмента керамики эпохи энеолита, ржв и, по-видимому, средневековья.

Озёрное-10. Поселение (рис. 87). Расположено в северо-восточной части лога на распаиваемом участке, в 300 м к востоку от пос. Озёрное. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На пашне на площади 300 кв. м собрано 12 фрагментов керамики. Датировка поселения затруднительна.

Поселение Озёрное. Расположено у северо-западной окраины с. Озёрное (в 0,8 км к СЗ от центра с. Озёрное) на седловине между двумя бомами, в 0,5 км к ЮВ от истока р. Теньга.

Открыто С.В. Трифановой в 2002-2004 гг. (см. Трифанова, 2005). По поселению проходят колеи грунтовых дорог. В ходе осмотра седловины С.В. Трифановой были обнаружены фрагменты красновато-коричневой лепной керамики, представляющие собой фрагменты стенок сосудов: два небольших фрагмента не орнаментированы, два других – украшены чалкой, нанесённой штампом с очень мелкими зубцами (Трифанова, 2005, с. 68).

Каракудюр. Местонахождение керамики. Открыто Чевалковым Л.М. в 2002 г. (Чевалков, 2003). Выявлено на правом берегу реки Аккем правого притока р. Каракол, в 12 км к юго-востоку от с. Кулада примерно (около 20 км по дороге). На обнажениях почвы около летней стоянки собраны каменные орудия и три фрагмента керамики, отнесённой к афанасьевской культуре. Здесь же располагается могильник, насчитывающий 51 курган пазырыкской культуры с кольцами и балбалами.

Кемечекпан-2. Поселение (рис. 67. – 7-11). Расположено в логу на правобережной террасе р. Кемечекпан, в 2 км от места её впадения в р. Катунь. Обнаружено в 1984 г. П.И. Шульгой. Первоначально на склоне южной экспозиции в кротовинах было найдено несколько фрагментов керамики и кости. Там же заложен шурф 2х2 м. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн – 8-9 см; гумусированная супесь – 11-15 см, материк – галечник. Находки встречались как в гумусированной супеси, так и в дёрне. Найден 21 фрагмент керамики, половина верхнего круга от каменной ручной мельницы и 9 фрагментов костей животных. По внешнему виду керамика относится к раннему железному веку и средневековью.

Бичикту-Бом. Поселение расположено в урочище Алты-Айры у подножия горы близ с. Бичикту-Бом. На распаханном поле Ю.Т. Мамадаковым в 1982 г. собрана коллекция из 20 фрагментов афанасьевской керамики. Четыре невыразительных фрагмента, предположительно, отнесены к ржв или средневековью (Мамадаков, 1984; Мамадаков, Степанова, 1998).

Нижняя Соору. Поселение расположено в 3 км к ЮВ от с. Кулада на первой надпойменной террасе р. Каракол. Обнаружено в 1994 г. О.В. Лариным. Тогда же был заложен раскоп площадью 2,4 кв. м. Мощность культурного слоя, находившегося примерно на глубине 60 см от поверхности, составляла 16 см. На поселении помимо прямоугольной конструкции из плит размерами 32×25 см (очаг?) обнаружено 33 каменных изделия, большое количество костей домашних и диких животных и фрагментов керамики от 25 сосудов, в том числе корчаги и курильницы. По мнению авторов одной из публикаций, памятник можно считать одним из наиболее чистых афанасьевских поселений (Елин, Ларин, 1998; Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998). Особое значение имеет остеологический материал, значительная часть которого принадлежала домашнему скоту – овцам и коровам. Не исключено, что кости лошади относятся к одомашненному виду (Косинцев, 2005).

Всего в Онгудайском районе выявлено 38 поселений с керамикой от энеолита (афанасьевская культура) до средневековья. Расположение их в северной части района объясняется выбором места проведения разведок. Южная часть района (за Куладой) автором не обследовалась, а потому там известно лишь несколько поселений. Раскопки велись только на поселении Куротинский Лог-1 (в 1988 и 1992 гг. вскрыто 132 кв. м). Перспективны: Текпенек Боочи-1, 2, 3; Тюмечин-3; Теньга-5; Нижняя Соору; и некоторые другие. На многих из них афанасьевская керамика перекрывается слоем ржв, иногда и средневековья.

Усть-Канский район

с. Чёрный Ануй

Чёрный Ануй-1. Поселение (рис. 89). Расположено в логу на правобережной террасе р. Ануй в 600 м к северу от западной окраины с. Чёрный Ануй. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В результате шурфовки и сборов получена керамика раннего железного века.

Чёрный Ануй-2. Поселение (рис. 89). Расположено в логу в 230 м к северо-востоку от с. Чёрный Ануй, на правом берегу р. Черга. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. В результате шурфовки и сборов получена керамика раннего железного века, орнаментированная округлыми вдавлениями и жемчужинами.

Чёрный Ануй-3. Поселение (рис. 89; 90). Расположено в логу на правом берегу реки Ануй, протекающей в 1 км к югу. В 500 м к северо-западу находится южная окраина с. Чёрный Ануй. Обнаружено П.И. Шульгой в 1987 г. в ходе осмотра кротовин. Тогда же было заложено два шурфа, выявивших достаточно мощный культурный слой с большим количеством костей животных и керамикой. В 1988 г. на поселении заложен разведочный раскоп площадью 30 кв. м. Частично расчищено полуземляночное жилище. Культурный слой мощностью до 80-90 см с большим количеством костей (1053 фрагмента) и золы, и сравнительно малым числом фрагментов керамики (около 215 фрагментов). Перспективно для исследования. Полученная керамика относится к раннему железному веку. Венчики от банок, горшков, чаш и двух чайников (рис. 90. – 35, 36). Орнаментированных венчиков сравнительно немного, преобладают округлые вдавления и жемчужины в одну строчку. Особенностью орнамента керамики является: 1) редкая встречаемость комбинаций элементов (рис. 90. – 32, 35); 2) отсутствие валиков; 3) отсутствие вдавлений уголком лопаточки. По всем этим параметрам, керамика из Чёрного Ануй-3 не вписывается ни в одну группу поселений Горного Алтая и предгорий.

Кувьы Щёки. Поселение (рис. 91. – 37-41). Расположено в урочище Кувьы Щёки на правом берегу пересохшего ручья Куи, который впадал в р. Ануй в окрестностях с. Чёрный Ануй. Находки сделаны в чашевидном расширении долины ручья при его повороте из-за скальных останцов, хорошо прикрывающих со всех сторон поселенческую площадку¹. При обследовании разрушенной части площадки обнаружена керамика афанасьевской культуры, раннего железного века и средневековья, а также кости животных, шлаки и каменные отщепы (Бородовский, 1991)

Ламах-1. Поселение (?). Находится в урочище Ламах, в 1,5 км к ВСВ от с. Кырлык и в 1,5 км к ЮЮЗ от зимней фермы Ламах. У подножия горного отрога. Рядом с поселением проходит полевая дорога с. Кырлык – ферма Ламах. В 200-250 м к северу течёт р. Ламах (т. е. это поселение расположено на левом берегу реки). На поверхности почвы встречены неорнаментированные фрагменты керамики. Поселение открыто в 1983 г. Ю.Т. Мамадаковым.

Ламах-2. Поселение. Расположено на террасе в урочище Ламах, у склона горы, в 4 км к северо-востоку от с. Кырлык, в 2,5 км к северу от поселения Ламах-1 и в 2,3 км от р. Ламах (т. е. на правобережье этой маленькой речки). От фермы Ламах в 550-600 м к ССЗ, у подножия горного отрога. Судя по карте, поселение находится у вершины обширного правобережного лога, шириной в устье почти 1 км. Поселение открыто Ю.Т. Мамадаковым в 1983 г., а в 1984 г.

¹ План расположения поселения не опубликован.

им и С.В. Цыбом был заложен разведочный раскоп, выявивший мощный культурный слой, в котором было найдено значительное количество керамики эпохи энеолита и раннего железного века (Мамадаков, Цыб, 1990). Материал не опубликован, возможно, утрачен.

Памятник представляет особый интерес, а потому ниже почти полностью приводим описание раскопок и материалов 1984 г. (по: Мамадаков, Цыб, 1990). «Террасы, на которых расположено поселение Ламах-2, в поперечном направлении перерезаются оврагом (его длина 30-40 м, ширина до 7 м). ...Именно здесь, в селевой промоине, глубина которой достигает 3 м, были сделаны археологические находки ... В боковых стенках и на дне оврага были подобраны обломки керамики и костей животных. ... Раскопки 1984 г. ... подтвердили вывод о многослойном характере памятника. Верхний слой поселения (мощность до 0,15 м) содержал находки этнографического характера. Во втором слое (мощность до 1,5 м) были найдены многочисленные обломки костей животных и обломки керамики, типологически близкой керамике большереченской культуре лесостепного Алтая; здесь же были найдены и немногочисленные костяные поделки. Нижний слой поселения (мощность до 1 м), отделённый от предыдущего тонкой стерильной прослойкой, содержал керамику эпохи бронзы, по технологии изготовления и орнаментации, напоминающую керамику афанасьевской культуры Алтая; здесь также были найдены обломки костей животных.

Особый интерес представляет обнаружение остатков горно-металлургического дела в виде мощной (до 1,2 м) зашлакованной прослойки. Её стратиграфическое положение показывает, что она относится к эпохе раннего железного века, однако, остатков плавильных печей или других предметов металлургического производства во время раскопок и в подъёмном материале пока не было обнаружено. ... Нижний слой поселения, по всей видимости, относится ко времени существования афанасьевской культуры ... или к эпохе «послеафанасьевской бронзы»: керамический материал этого слоя имеет характерные афанасьевские черты (затёртость стенок сосудов гребёнкой, «ёлочный» орнамент и пр.), но, одновременно, отличается от афанасьевской керамики по ряду деталей (использование прочерченного и ямочно-накольчатого орнамента). Более высокий горизонт памятника, без сомнения может быть датирован эпохой раннего железа (VII-III вв. до н. э.): на это указывает «большереченский» облик керамики и датировка некоторых костяных изделий (наконечники стрел, гребень).» (Мамадаков, Цыб, 1990, с. 44-45). Поскольку материалы с поселения Ламах-2 не опубликованы и пока не найдены в хранилище АлтГУ, то позволим себе порассуждать об орнаментации керамики ржв. Обычно, под «большереченской» орнаментацией понимается орнамент в виде жемчужин, чередующихся с округлыми или уголковыми вдавлениями. Однако, на наш взгляд, в Ломахе-2 они не могли быть представлены в сколько-нибудь значительном количестве. Дело в том, что в горах Алтая оба эти варианта встречаются редко (2-3 %) или вовсе отсутствуют (см. табл. на рис. 105), но довольно много уголковых вдавлений в сочетании с валиками и без них (рис. 105). Валики в Ломахе-2 не упоминаются, а потому можно предполагать наличие там значительного количества сосудов, орнаментированных уголковыми вдавлениями в чистом виде и в сочетании с округлыми вдавлениями. Именно такой фрагмент виден на фото в отчёте М.Т. Мамадакова за 1983 г. Эта орнаментация хорошо представлена в керамике из расположенной в 70 км Кастахты-3 (см. рис. 96а. – 3, 10-12; 105), а также встречена в Башадаре-2 (рис. 83. – 20) и Кучерле (рис. 95. – 16-20). Все эти памятники находятся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга и разделены легко проходимыми перевалами.

Коргон-1. Расположено на краю второй правобережной террасы р. Чарыш. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранная керамика предварительно отнесена к раннему железному веку.

Коргон-2. Поселение. Расположено у склона горы в 400 м выше по ручью от поселения Коргон-1. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранная керамика относится к раннему железному веку.

Кара-Суу. Поселение (?). Расположено на левобережье р. Чарыш, в 1,5 км к северо-востоку от центра с. Мендур-Соккон в урочище Кара-Суу в ложбинке между двумя бoмами. Открыто В.И. Соёновым в 2003 г. При осмотре многочисленных обнажений, обнаружены фрагменты красно-коричневой и серо-коричневой лепной керамики, а также колотые гальки и кусочки шлака. Керамика представлена двумя венчиками (один с орнаментом) и фрагментами стенок сосудов, на одном из которых имеется округлое вдавление (Соёнов, 2005). Керамика, предположительно, может быть отнесена к ржв.

Усть-Коксинский район

Нижняя Катанда. Поселение (рис. 94). Расположено на правобережной террасе р. Нижняя Катанда в 3 км к северу от с. Катанда. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. Проводились шурфовка и сборы. Получена керамика раннего железного века и средневековья.

Катанда. Поселение (рис. 94). Расположено в логу в 3,5 км к северу от с. Катанда. В 600 м к юго-западу протекает р. Верхняя Катанда. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. Проводились шурфовка и сборы. Получена керамика раннего железного века.

Челтук-1. Поселение (рис. 94; 98а. – 34, 35). Расположено в логу в 2 км к востоку от с. Катанда в северной части лога Челтук. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В результате шурфовки и сборов получено 14 фрагментов керамики раннего железного века, кости животных, обломок зернотерки и замечательно обработанный каменный пест (рис. 109. – 8). Возможно, пест относится к эпохе средневековья.

Челтук-2. Поселение (рис. 94; 98а. – 30-33). Расположено в южной оконечности лога Челтук в 2 км к востоку от с. Катанда. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В результате шурфовки и сборов получено 14 фрагментов керамики раннего железного века (98а. – 31) и средневековья (98а. – 30, 32, 33), в том числе днище сосуда с отпечатком ткани (98а. – 33).

Чендек-1. Поселение (рис. 96; 98а. – 15-22). Расположено на невысокой левобережной террасе р. Чендек в 120 м к северу от окраины с. Чендек. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В шурфе получена керамика эпохи энеолита и раннего железного века. Находки встречались с глубины от 15 до 80 см. Ниже находилась прослойка щебня с глиной, затем около 20 см гумуса без находок, и на глубине около 1 м – материковый суглинок. Кости животных плохой сохранности, многие фрагменты керамики по виду замыты (заглажены) водой. Вероятно, уже с эпохи бронзы река периодически выходила из берегов. Штык 1 (до -40 см): четыре каменных отщепов, четыре фрагмента костей животных, 18 фрагментов керамики, в том числе три орнаментированные гребёнкой афанасьевские, и два венчика ржв (рис. 98а. – 15, 17, 22). Штык 2 (до -60 см): три отщепов; 17 фрагментов костей; 25 фрагментов керамики, в том числе 17 неорнаментированных два венчика и фрагмент ржв (рис. 98а. – 16, 18, 20) и пять фрагментов с характерной затёртостью внутренней поверхности и орнаментированной внешней эпохи бронзы (рис. 98а. – 19, 21). Штык 3 (до 80 см): девять отщепов; 15 фрагмен-

тов костей; семь фрагментов керамики, в том числе пять не орнаментированных, один афанасьевский (?), фрагмент венчика. Описанное смешение разновременных артефактов на большую глубину очевидно, объясняется периодическими размывами почвы и деятельностью кротов.

Чендек-2. Поселение (рис. 96). Расположено в логу в 700 м к северо-западу от окраины с. Чендек. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В ходе сборов в промоине найдено семь отщепов, много фрагментов костей животных, 24 неорнаментированных фрагмента керамики, а также фрагмент керамики с валиками хуннского (?) времени (рис. 98а. – 23). В шурфе находки встречались до -50 см: 34 неорнаментированных фрагмента керамики, 116 фрагментов костей, фрагмент шлака и отщеп. Керамика относится к ржв и средневековью (рис. 98а. – 24-26).

Теректа. Поселение (рис. 96; рис. 98а). Расположено на правом берегу р. Теректа в огородах с. Теректа, примыкающих к склону горы. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. Проведены сборы без шурфовки. Собран 41 фрагмент керамики: 26 не орнаментированных; 12 венчиков, три орнаментированных боковины и один фрагмент днища. Один из венчиков и фрагмент днища, видимо, относятся к лепной «русской» керамике (рис. 98а. – 1, 2), один венчик и фрагмент средневековые (рис. 98а. – 3, 4), остальные ржв, в том числе фрагмент венчика с коротким носиком от чайника (рис. 98а. – 11). Особенностью одного из венчиков ржв является большое расстояние между вдавлением и жемчужиной (рис. 98а. – 8).

Курунда. Поселение (рис. 96; рис. 98а). Расположено на левобережной террасе р. Курунды в огороде на северной окраине с. Курунда. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. Собрано пять фрагментов керамики эпохи бронзы (рис. 98а. – 28, 29), пять фрагментов керамики раннего железного века (рис. 98а. – 27) и несколько средневековой.

Кастахта-1. Поселение (рис. 96). Расположено на правобережной террасе р. Кастахта. Часть поселения занята старым кладбищем. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В результате шурфовки и сборов получена керамика раннего железного века.

Кастахта-2. Поселение (рис. 96). Расположено на уплощенном мысовидном выступе в 400 м к юго-западу от с. Кастахта. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. Собрана керамика раннего железного века и средневековья.

Кастахта-3. Поселение (рис. 96-98). Расположено примерно в 1,2 км к юго-западу от с. Кастахта в обширном логу южной экспозиции, рядом с зимней кошарой. В ходе работы трактора, расчищавшего от навоза территорию, в некоторых местах грунт с древними артефактами был нарушен до глубины в 0,5 м. Открыто в 1988 г. П.И. Шульгой. В 1989 г. на поселении было вскрыто 300 кв. м. Поселение примечательно мощным культурным слоем ржв (до -90 см), большим количеством костей и зернотёрок, особой орнаментацией керамики, отсутствием более ранних и поздних наслоений и наличием заглубленных в материк жилищ с очагами. Поселение раскапывалось пластами по 10 см, что позволило впервые проследить изменчивость в составе стада и добыче козули (см. гл. 3; табл. 1). Судя по довольно однородной керамике, имеющей аналогии в Башадаре-2 (рис. 83. – 20) и Кучерле (рис. 95), а также наличию роговой накладке на лук (?) (рис. 106. – 4), поселение существовало примерно в рамках VII-II вв. до н. э. Отнесено к «земледельческим» поселениям, наряду с Чепошем-2, в керамике которого также нет жемчужника и валиков, но довольно много ёлочного орнамента (рис. 105). Объединяет их расположение на склоне южной экспозиции и большое количество

зернотёрок. Вместе с тем, эти поселения явно разнокультурные, и причины их сходства в орнаментации керамики не вполне ясны.

Баштала. Поселение (рис. 96). Расположено в 200 м к северу от окраины с. Баштала в логу, образованным вытекающим ручьем. Значительная часть поселения разрушена бульдозером и размыта. Обнаружено в 1988 г. П.И. Шульгой. В результате сборов и подчисток получена керамика эпохи бронзы и раннего железного века.

Притор. Местонахождение. Расположено в 1,8 км к СЗ от центра с. Верх-Уймон, на северном краю поля у прижима перед Катунью. Открыто в 2003-2004 гг. В.И. Соёновым. В котловане и по береговому обрыву найдено четыре маленьких фрагмента керамики без орнамента. Предполагается, что объект относится к эпохе средневековья (Соёнов, 2007, с. 32)

Кучерла-1 (Грот Куйлю) (рис. 94; 95). Памятник расположен непосредственно у горного склона на высокой правобережной террасе р. Кучерла в 15 км к югу–юго-востоку от с. Тюнгур. Включает грот с наскальными рисунками и находящуюся перед ним пачку культурных отложений мощностью до 1,9 м. Вскрыто около 390 кв. м. Слои датируются эпохой раннего металла (афанасьевская культура), скифским временем и средневековьем. По мнению авторов раскопок и публикации, памятник является культовым комплексом, на котором производились ритуальные действия (Молодин, Ефремова, 2010).

Улаганский район.

Балыктыюль. Поселение эпохи энеолита. Располагалось в 300 м к востоку от с. Балыктыюль на невысоком левом берегу р. Балыктыюль, недалеко от склона горы. В 1980 г. на поселении было вскрыто 80 кв. м. Выявлен слой с керамикой, костями животных и двумя очагами афанасьевской культуры (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982)

Балыктыюль. Поселение (рис. 68. – В, 10, 11). Расположено на левобережной террасе р. Балыктыюль у склона южной экспозиции, примерно в 350 м к юго-востоку от южной окраины с. Балыктыюль. За горой, в 2 км к востоку находится котловина с Пазырыкскими курганами (Руденко, 1953). Обнаружено в 1986 г. П.И. Шульгой. Исследованное М.Т. Абдулганеевым поселение энеолита находится северней напротив села. Культурный слой был выявлен шурфом, заложенном в небольшом логу, в 100 м от плавильных печей, относимых Н.М. Зиняковым к раннему железному веку. В шурфе обнаружено пряслице и керамика раннего железного века.

Кудыргэ. Местонахождение. Расположено на правобережной террасе р. Чулышман в районе, раскапываемого ранее тюркского могильника, где тогда же были найдены «фрагменты керамики большереченского типа (Гаврилова, 1965). На дюнах в 1986 г. Шульгой П.И. были собраны фрагменты керамики раннего железного века (рис. 99. – 17, 18).

Шебалинский район

Сорной. Поселение (рис. 92; 93). Расположено в одноимённом логу на правобережной террасе р. Песчаная, в 4 км ниже и к северо-востоку от перевала, с которого дорога ведёт на пос. Озёрное Онгудайского района. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранный керамика относится к раннему железному веку и к средневековью.

Переёшка¹. Поселение (рис. 92; 93). Расположено на второй правобережной террасе р. Песчаной, примерно в 10 км к востоку-юго-востоку от с. Бешозек, и в 12 км от перевала на пос. Озёрное. В 350 м к северу-северо-западу от поселения в 1987 г. находилась перевалочная база. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранная керамика относится к эпохе бронзы и раннему железному веку.

Барагаш-4. Поселение (рис. 92; 93). Расположено в устье обширного лога на правобережной террасе р. Песчаной в 3 км к юго-востоку от с. Барагаш. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Шурфовка и сборы дали керамику эпохи энеолита и раннего железного века.

Барагаш-5. Поселение (рис. 92; 93). Расположено в 250 м к северу от поселения Барагаш-4, т. е., примерно в 2,8 км к юго-востоку от с. Барагаш, на правом берегу р. Песчаная. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранная керамика относится к раннему железному веку, а частично, возможно, к средневековью.

Куваш-2. Поселение (рис. 92; 93). Расположено в 5-6 км к ЮВ от с. Барагаш на левом берегу р. Куваш (Кубаш?), в 200 м к юго-востоку от дорожного моста (на дороге Бешозек-Барагаш) через эту реку. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собранная керамика предварительно относится к раннему железному веку и средневековью.

Беш-Озек. Поселение (рис. 92; 93). Расположено на левобережной террасе р. Песчаной в 4 км ниже села Беш-Озек. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. Собрана керамика эпохи энеолита и раннего железного века.

Куверги-1. Поселение (рис. 92; 93). Расположено на левом берегу р. Песчаная, примерно в 2 км к юго-западу от с. Шаргайта, в 300 м к западу от километрового столба (девятый км дороги от с. Беш-Озек в сторону Шаргайты) в логу, образованном ручьем Куберги (Куверги), который впадает в р. Песчаную. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На пашне было собрано значительное количество керамики и фрагментов костей животных. Керамика относится к раннему железному веку.

Куверги-2. Поселение (рис. 92; 93). Расположено в 60 м западнее поселения Куверги-1. Обнаружено в 1987 г. П.И. Шульгой. На пашне собрана керамика эпохи энеолита и раннего железного века.

Услея. Местонахождение². Находится на 10-ти метровой правобережной террасе р. Семы на левом берегу ручья Услея (Кислая). В 40-50 м располагается мост через р. Услея (Кислая), по которому проходит Чуйский тракт. Обнаружено в 1985 г. П.И. Шульгой. В промоине у дороги, ведущей в верховья реки, найдено 9 фрагментов не орнаментированной керамики, а также ножевидная пластина и каменное долотовидное орудие.

Мыюта-3. Поселение. Расположено на левобережной террасе р. Мыюта в 5-ти км выше по реке от с. Мыюта. Обнаружено в 1986 г. П.И. Шульгой. На террасе был заложен шурф 1×2 м, в котором на глубине 25-40 см обнаружены фрагменты костей, угли и пять фрагментов толстостенной керамики. Прослежена следующая стратиграфия: дёрн – до -20 см ; гумус – до -45 см, на -60 см начинается материковый суглинок. Значительная глубина залега-

¹ По всей видимости, это искажённое от «Передержка», указанное на топографической карте.

² Вероятно, название искажено, и название реки не Услея, а «Кислая», впадающая в Сему примерно в 2 км севернее с. Шебалино. На это указывает и порядок расположения памятников в отчёте П.И. Шульги за 1985 г.).

ния костей, углей и керамики, а также отсутствие внешних признаков поселения говорят о его древности, что позволяет отнести его к скифскому времени или средневековью.

Мыюта-4. Поселение. Расположено на правобережной террасе р. Мыюта, в 3,5 км выше по реке от с. Мыюта, в 100 м южнее находится ферма Чёрная Мыюта. Поселение обнаружено в логу по свежим кротовинам в 1986 г. П.И. Шульгой. Здесь же был заложен шурф 2×2 м, в котором на глубине 25-50 см найдено шесть фрагментов керамики (среди них один неорнаментированный венчик) и несколько костей животных. В окрестностях были обследованы обнажения по краям просёлочной дороги и многочисленные кротовины, в которых найден один неорнаментированный фрагмент керамики.

Малый Толгоек. Поселение. Располагалось на восточной окраине с. Верх-Апшухта. Открыто в 1991 г. В.И. Соёновым, обратившим на тропе и в кротовинах коллекцию керамики афанасьевского облика и периода ранней бронзы. В настоящее время территория поселения застроена (Соёнов, Айношев, 2006, с. 21).

Мост-Песчаная. Местонахождение. Открыто В.И. Соёновым в 2006 г. На левом берегу р. Песчаная, на мысовидном выступе, напротив устья р. Верх-Арбайта, в 7,5 км к ЮВ от центра с. Ильинка. На обнажениях собраны: несколько фрагментов неорнаментированной керамики; один фрагмент керамики, орнаментированный гребенчатым штампом; два каменных отщепов и обломки челюсти животного. Артефакты предположительно отнесены к афанасьевской культуре. По мнению В.И. Соёнова, площадка, где были сделаны находки, «вряд ли может служить удобным местом для длительного проживания людей, поэтому не совсем понятен характер памятника» (Соёнов, 2007, с. 30; Соёнов, Айношев, 2006, с. 24).

Усть-Сема. Поселение (?). Располагалось примерно в 1,5 км к западу от с. Усть-Сема, на левобережной террасе р. Семы неподалёку от места её впадения в р. Катунь. Кроме каменных орудий и отщепов на поселении собрано небольшое количество керамики раннего железного века. Памятник раскапывался Б.Х. Кадиковым в начале 60-х гг. (вскрыто 400 кв. м.), а в 1987 г. – А.Л. Кунгуровым (Кунгуров, 1997; Соёнов, Айношев, 2006, с. 24-25). Культурные слои относятся к верхнему палеолиту, мезолиту, неолиту, энеолиту и раннему железному веку. Данный памятник можно определить как место кратковременных стоянок раннего железного века. В данное время полностью разрушено.

Усть-Сема-3. Поселение (рис. 24). Расположено примерно в 1,2 км к западу (?) от с. Усть-Сема, к югу от дороги, на небольшом мыске 5-7 метровой катунской террасы. В 1987 г. поселение исследовалось А.Л. Кунгуровым, заложившим разведочный раскоп площадью 5 кв. м. В слое гумуса на глубине 20-30 см найдена керамика железного века, а также кости коровы, лошади и овцы. Ниже находился слой позднемезолитического времени (Кунгуров, 1997, с. 53; Соёнов, Айношев, 2006, с. 25).

Нижняя Кукуя. Поселение. Расположено в 1 км к юго-западу от центра с. Нижняя Кукуя, на правобережье р. Кукуя (левый приток р. Улус-Черга). Обнаружено В.И. Соёновым в 2003 г., собравшим на разрушениях террасы керамику, предположительно отнесённую к ржв (Соёнов, 2005; Соёнов, Айношев, 2006, с. 29).

Всего в Шебалинском районе к настоящему времени выявлено 16 пунктов, где найдены древняя керамика и кости животных. Однако, если убрать местонахождения и очень бедные поселения, то останется всего 10 поселений, и все они расположены по р. Песчаная.

Всего встречено: энеолит (афанасьевская культура) – на 6 объектах, развитая (?) бронза – на одном; ржв – на 13; средневековье – на 5. Основные сочетания слоёв; ржв+энеолит –

4 объекта, ржв+средневековье – 4 объекта. Однослойными пока можно считать только два поселения ржв.

Зачастую, керамика в этих пунктах не имеет хорошо выраженного орнамента, тем не менее, предварительно большая часть фрагментов отнесена к раннему железному веку. На это указывает не только внешний вид керамики, но и то обстоятельство, что в Горном Алтае практически на всех поселениях имеется керамика ржв, и мы почти не знаем достоверно однослойных поселений эпохи бронзы (энеолита) и средневековья. За исключением поселений Усть-Сема и Усть-Сема-3, где находок ржв очень мало, раскопки на памятниках Шебалинского района не проводились. Судя по сборам и шурфам, все поселения бедны материалом. Из них перспективным для исследования представляется лишь Куверги-1, где на пашне собрано значительное количество керамики и костей животных.

Солонешенский район Алтайского края

Денисова пещера (рис. 91). Расположена на крутом склоне правого берега р. Ануй, примерно в 6-7 км ниже по течению от с. Чёрный Ануй. Исследование многометровых наслоений в пещере показало, что она заселялась во все эпохи, начиная с каменного века. Имеется керамика афанасьевской культура (рис. 91. – 1-5), керамика и бронзовый нож поздней бронзы (рис. 91. – 6-9). Несколько слоев относятся к раннему железному веку, в которых найдено значительное количество фрагментов (всего 3901) керамики (Деревянко, Молодин, 1994, с. 101–102). Посуда плоскодонная, преобладают банки и горшки. Основным орнаментом является чередование жемчужин с угловыми и другими вдавлениями в одну строчку. Некоторые украшались строчкой округлых вдавлений или жемчужин (рис. 91. – 10-20). Имеются сосуды с валиками. Помимо керамики найдено два бронзовых ножа VIII-VII вв. до н. э. и лезвие от третьего бронзового ножа (рис. 91. – 25-27). К раннему периоду относятся бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы и каменная трёхжелобчатая застёжка (рис. 91. – 28, 34). Примерно V-III вв. до н. э. датируются роговые втульчатые наконечники (рис. 91. – 30-32). Значительно больше роговых (костяных) черешковых наконечников стрел (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 36-39), но большая часть из них относится к не изученным типам. Нужно отметить, что керамика ржв из Денисовой пещеры по орнаментации полностью отличается от найденной поблизости на поселении Чёрный Ануй-3 (рис. 89; 90).

Тог-Алтай. Поселение. В 1994 г. П.И. Шульгой собрана небольшая коллекция керамики на распаханной первой надпойменной террасе левого берега р. Ануй, в 0,3 км к юго-востоку от н. п. Тог-Алтай, и в 100 м к юго-западу от дороги Солонешное-Усть-Кан. Фрагменты керамики мелкие, без орнаментации. Некоторые из них по особенностям заглаживания могут быть датированы эпохой бронзы (Шульга, Шуньков, 2004)

Солонешное-1. Поселение (рис. 99. – 1-6). Находится на высокой правобережной террасе р. Ануй, в устье сухого русла безымянного ручья напротив северо-западной окраины с. Солонешное. Проведены сборы с незначительной подчисткой обнажений на просёлочной дороге и у опоры ЛЭП. Собраны фрагменты керамики ржв, орнаментированной округлыми вдавлениями в одну строчку, и каменный пест. Обнаружено в 1994 г. П.И. Шульгой (Шульга, Шуньков, 2004, рис. 10, с. 67-68).

Чарышский район Алтайского края¹

Машенка-2. Поселение. Находится в основании высокой правобережной террасы р. Чарыш, на которой располагался раннескифский могильник Машенка-1 (Шульга, 1998, 2008а), в устье речки Кедровая, в 3,5 км к северо-востоку от с. Сентелек. Обнаружено в 1993 г. П.И. Шульгой. Шурфовкой выявлен мощный (до 50-60 см), но слабо насыщенный находками культурный слой с керамикой эпохи бронзы и ржв.

Красный Яр-3. Находится на правом берегу Чарыша, в 1,5 км выше старого моста, соединявшего с. Сентелек и с. Машенка. Обнаружено П.И. Шульгой в 1993 г. На обнажениях береговой террасы собраны небольшая коллекция керамики ржв.

Большая Татарка. Поселение. Расположено на второй правобережной террасе р. Большая Татарка, в 200 м выше места ее впадения в р. Чарыш. Обнаружено П.И. Шульгой в 1987 г. В небольших обнажениях и кротовинах собрано 14 фрагментов неорнаментированной керамики и кости животных. Предположительно поселение относится к ржв и средневековью.

Усть-Черновая. Поселение. Находится на распахиваемой террасе в месте слияния рек Сентелек и Черновая. Основная площадь поселения распахивается. Обнаружено П.И. Шульгой. В 1993 г. на поселении собрана керамика эпохи бронзы и ржв. Заложенной в 1995 г. по краю пашни разведочной траншеей на глубине 30-70 см выявлен слабо насыщенный культурный слой эпохи бронзы. Судя по этим данным и по результатам сборов, поселение ржв находится в районе пашни ближе к склонам горы. По краю пашни на поверхности в просёлочной дороге и в траншее (в слое) иногда встречались отщепы и небольшие каменные орудия. Судя по расположению поселения, значительной площади сборов керамики и наличию поблизости погребальных памятников эпохи бронзы и скифского времени, Усть-Черновая в настоящее время является наиболее перспективным для исследования поселенческим объектом в Чарышском районе.

Покровский Лог-6. Поселение. Расположено у края высокой террасы на левом берегу маленькой речки Солоновка (правый приток р. Сентелек), примерно в 4-4,5 км к ЮЗ от с. Сентелек и в 1,5 км к востоку от могильника Покровский Лог-4. Обнаружено П.И. Шульгой. В местах закладки разведочных шурфов в 1993 г. культурный слой поселения распахан. Концентрация находок незначительная. Немногочисленные фрагменты керамики предварительно отнесены к ржв. На этой же террасе встречались каменные отщепы.

Урочище Балчикова-4. Поселение. Расположено у края высокой террасы на правом берегу речки «Бальчиков Ключ», в 5 км к западу-юго-западу от с. Сентелек. Постепенно разрушается промоиной, по краю которой в 1992 г. П.И. Шульгой была сделана зачистка, выявившая бедный культурный слой ржв.

Урочище Балчикова-7. Поселение. Расположено на пологом склоне на правом берегу речки «Бальчиков Ключ». Обнаружено П.И. Шульгой в 1992 г. Сборами и шурфовкой на большой площади выявлен слабо насыщенный находками культурный слой. Значительная часть найденной керамики имеет средневековый облик.

¹ Информация о поселенческих комплексах кратко публиковалась в нескольких предварительных сообщениях и сводах памятников Чарышского района (Гельмел, Демин, Ситников, Шульга, 1995, 13-16; Гельмел, Демин, Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 109-114; Шульга, Кунгуров, 2002, с. 15-37, 209-214. Более подробно поселенческие материалы из Чарышского района будут опубликованы в отдельной работе.

Урочище Балчикова-10. Грот. Находится в 4,7 км к западу-юго-западу от с. Сентелек, у подошвы горы Балчикова. По сообщениям местных жителей в гроте находили фрагменты керамики и наконечники стрел. Дата не ясна. Обследовался в 1999 г. П.И. Шульгой.

Воскударная Теплуха. Горные выработки и плавильная печь. Находятся в 3 км к западу-юго-западу от с. Сентелек на склоне южной экспозиции горы Воскударная Теплуха в 1,2 км к северу от «царского» кургана могильника Урочище Балчикова-3. В XIX в. там фиксировались чудские копи, а в 2001 г. П.И. Шульгой обнаружены остатки древней сложенной из камня литейной печи со шлаками и углями. Соответственно, в этой части горы не только добывали медную руду, но и плавил металл. Точная дата добычи и плавки меди не ясна, но по имеющимся данным, это происходило не позже I тыс. до н. э., когда «чудские копи» перестали функционировать и в Восточном Казахстане.

Сентелек-1. Находится на высокой террасе левого берега р. Чесноковка на юго-восточной окраине с. Сентелек. Обнаружено П.И. Шульгой в 1991 г. В ходе обследования и шурфовкой выявлена стоянка каменного века и слабо насыщенный культурный слой с керамикой, предположительно относящейся к ржв.

Алтайский район – не давать, т.к. он уже включён в раздел по Катуню.

Турочакский район

Юрок. Поселение. Расположено на правобережной террасе р. Юрок (правый приток р. Бии) в 0,3 км восточнее моста через р. Юрок. Открыто Б.Х. Кадиковым в 1962 г. датировано I тыс. до н. э. (Бородаев, Кадиков, 1986).

Иогач. Поселение. Расположено на мысу Щучьем, в 1 км к востоку от пос. Иогач. Открыто в 1965 г. Б.Х. Кадиковым. Собрана керамика раннего железного века (Бородаев, Кадиков, 1986).

Лебедь-1. Поселение. Расположено на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Лебедь, в 7-8 км от ее устья, и в 3 км к юго-востоку от с. Турочак. Открыто в 1978 г. Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным. В 1979 г. обследовано Б.И. Лапшиным, В.И. Молодиным и В.Т. Петриным. На время обнаружения и обследования поселение подмывалось рекой. Культурный слой фиксировался в обрыве на протяжении 60 м (Лапшин, Молодин, Петрин, 1982, с. 19). Получена керамика эпохи бронзы (рис. 99. – 14-16) и раннего железного века (рис. 99. – 7-13). Большая часть находок была сделана на глубине 0,3-45 см. К раннему железному веку относится более 50 фрагментов. «Сосуды плоскодонные, баночной формы с одутловатым туловом. ...Керамика светло-оранжевого цвета с примесью песка и слюды. Под краем венчика нанесён ряд ямочных вдавлений, или «жемчужин», чередующихся с вдавлениями уголкообразной палочки. Иногда срез венчика орнаментирован лёгкими косыми насечками. Тулово сосудов не орнаментировано. В ряде случаев, с внутренней стороны черепка видны следы лощения травой или щепой. В комплексе встречен один фрагмент тулова, украшенный рельефным валиком, рассечённым насечками». Керамика бронзового века «представлена обломками больших плоскодонных сосудов баночной формы, с чуть профилированным туловом. Керамика тонкостенная, тёмно-серого и коричневого цвета, в качестве примеси использовался песок и слюда. Сосуды сплошь покрыты орнаментом» (Лапшин, Молодин, Петрин, 1982, с. 21). Следует отметить значительность площади поселения, его расположение у берега реки, а

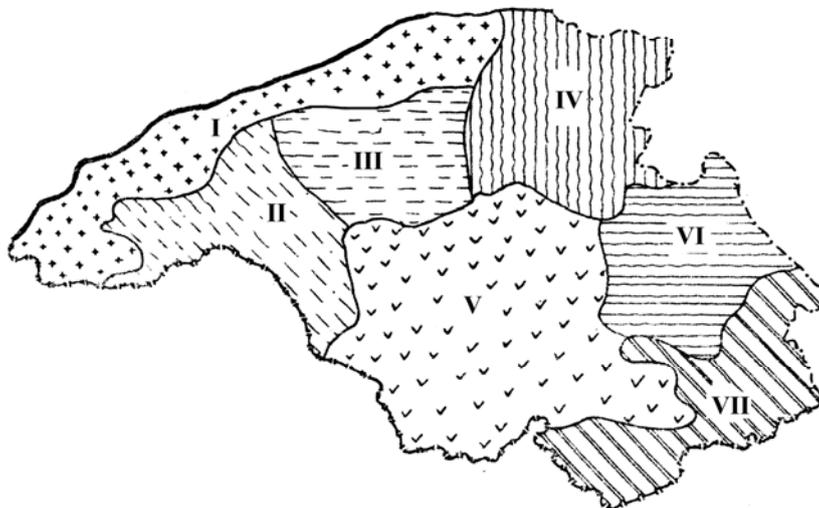
также редкий для этой бедной памятниками местности случай нахождения в одном и том же месте разновременных поселений с насыщенным культурным слоем. Керамика раннего железного века, судя по орнаментации, относится к скифскому времени. Венчики с пояском вдавлений, вероятно, происходят от чаш высотой не более 10 см, что хорошо заметно по профилю самого крупного фрагмента (рис. 99. – 12).

Тевенек. Местонахождение. Расположено восточнее с. Артыбаш в 500 м к СВ от устья р. Тевенек. В шурфе найдено каменное грузило и три фрагмента неорнаментированной керамики (Соёнов, 2003).

Кордон Кокши. Местонахождение. Расположено на территории кордона Кокши на восточном берегу Телецкого озера, к северу от Устья р. Кокши. В 1979 г. у подножия высокой мысовидной террасы был найден бронзовый нож (рис. 99. – 19), а в 1990 г. в небольшом шурфе В.Б. Бородаевым обнаружены следы культурного слоя в виде мелких фрагментов лепной керамики, предположительно, раннего железного века (Бородаев, 1992).

а

б

I – Предалтайская провинция	V – Центральная провинция
II – Северо-Западная провинция	VI – Восточная провинция
III – Северная провинция	VII – Юго-Восточная провинция
IV – Северо-Восточная провинция	

Рис. 1. а - карта Горного Алтая с указанием увлажнённой и скотоводческой зон, б - схема расположения физико-географических провинций в предгорьях (Алтайский край) и на территории Республики Алтай (по: Маринин, Самойлова, 1987; Ревякин, Пушкарёв, Ревякина, 1989)

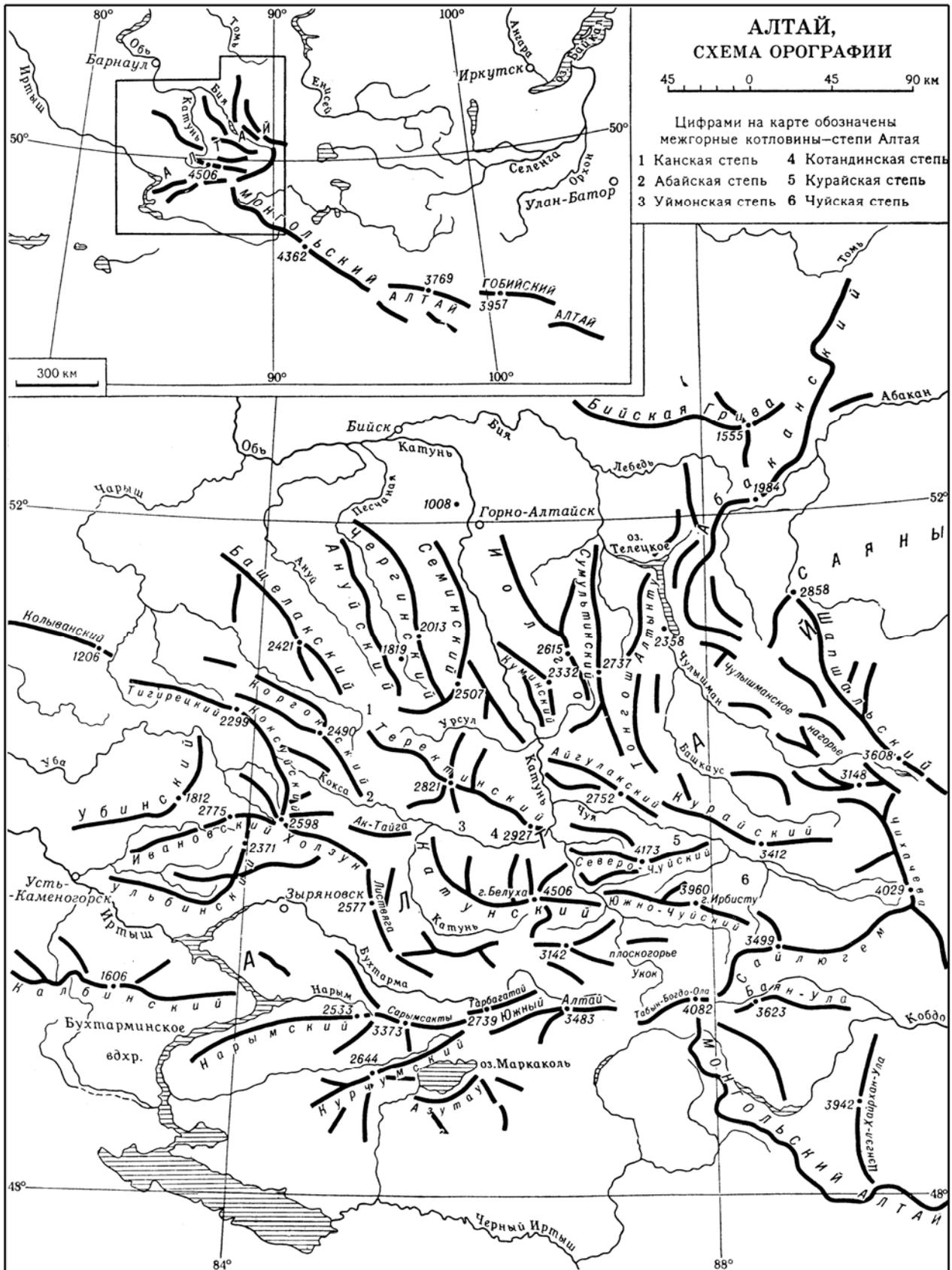

Рис. 2. Схема орографии Алтайских гор (по: Географический энциклопедический словарь, 1983)

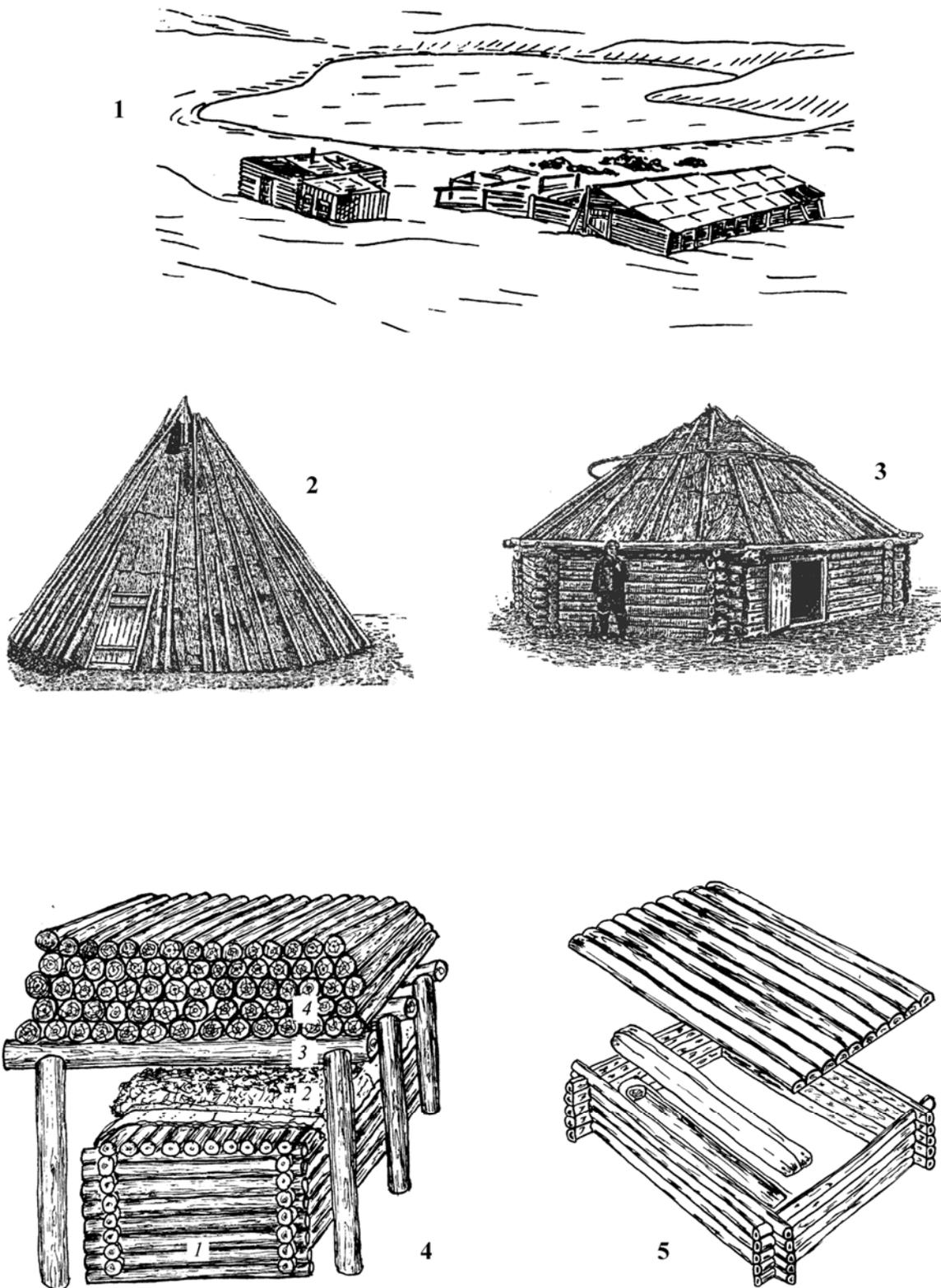

Рис. 3. Типы жилищ и срубные конструкции в курганах пазырыкцев: 1 – общий вид на зимник у озера на Уюке 1980-90-х годов (слева жилой дом с плоской крышей, справа загоны, кошара и бурты кизяка); 2, 3 – внешний вид аланчика и срубного многоугольного жилища у алтайцев (по: Потапов, 1956); 4 – обычная внутримогильная конструкция в элитных пазырыкских курганах (1 – сруб; 2 – настил из бересты и веток кустарника; 3 – навес; 4 – накат из брёвен; по: Мыльников, 2008, рис. 35); 5 – реконструкция пазырыкского погребального сруба с колодой внутри) (по: Мыльников, 2000, рис. 148)

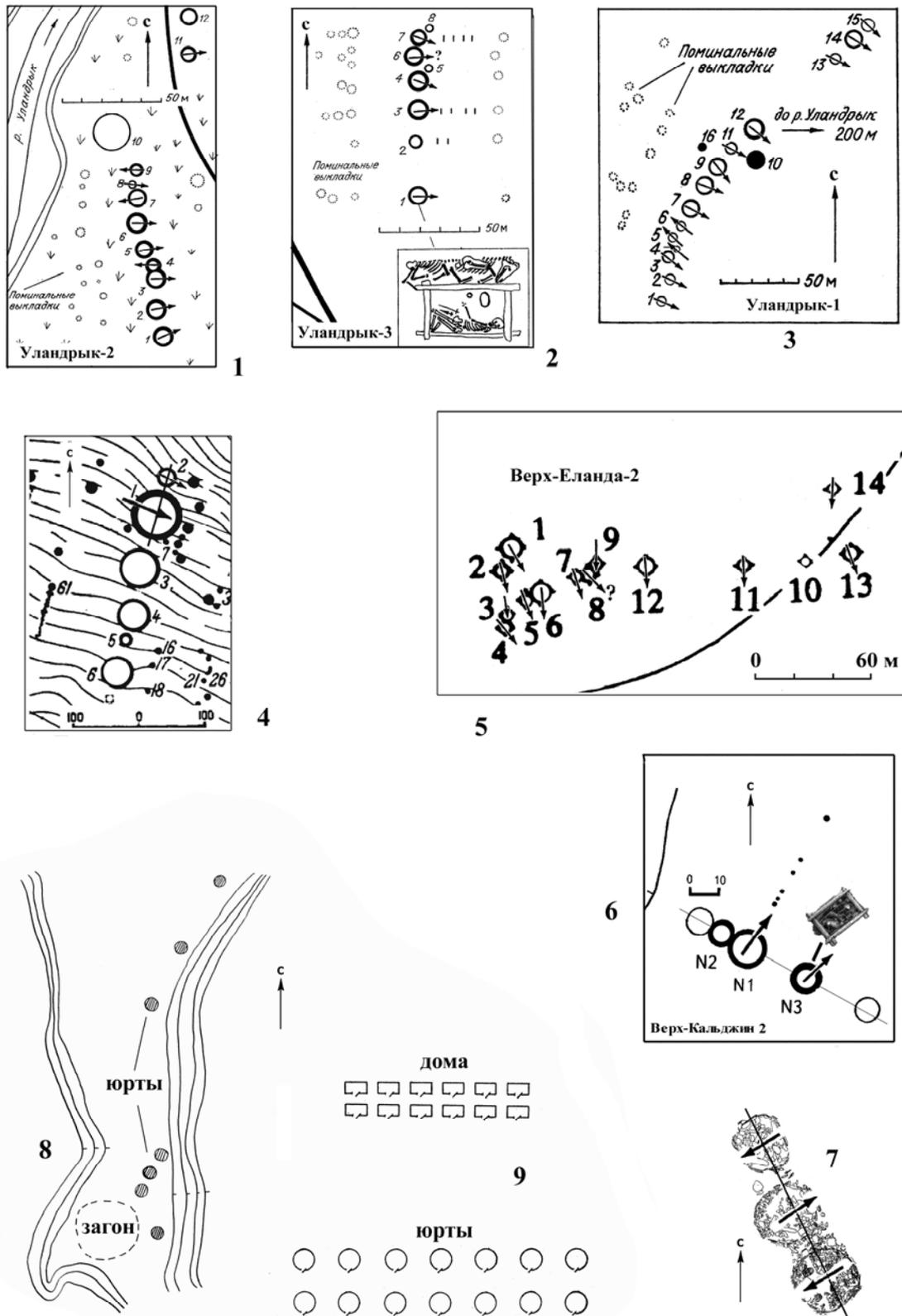

Рис. 4. Расположение цепочками курганов и жилищ. Принцип перпендикулярности на могильниках и поселениях: 1-3 – могильники Уландрык-1-3 (по: Кубарев, 1987); 4 – Большие Тузжтинские курганы (по: Руденко, 1960); 5 – Верх-Еланда-2 (по: Степанова, Неверов, 1994); 6 – Верх-Кальджин-2 (по: Молодин, 2000); 7 – Первый Межелик-1 (по: Владимиров и др., 1999); 8 – план расположения юрт в аиле киргизов на летнем пастбище (по: Шибаетаева, 1973); 9 – планы расположения монгольских юрт и стационарных домов на равнине (по: Викторова, 1980). 1-6 – пазырыкская культура V–III вв. до н. э., 7 – афанасьевская культура III тыс. до н. э.

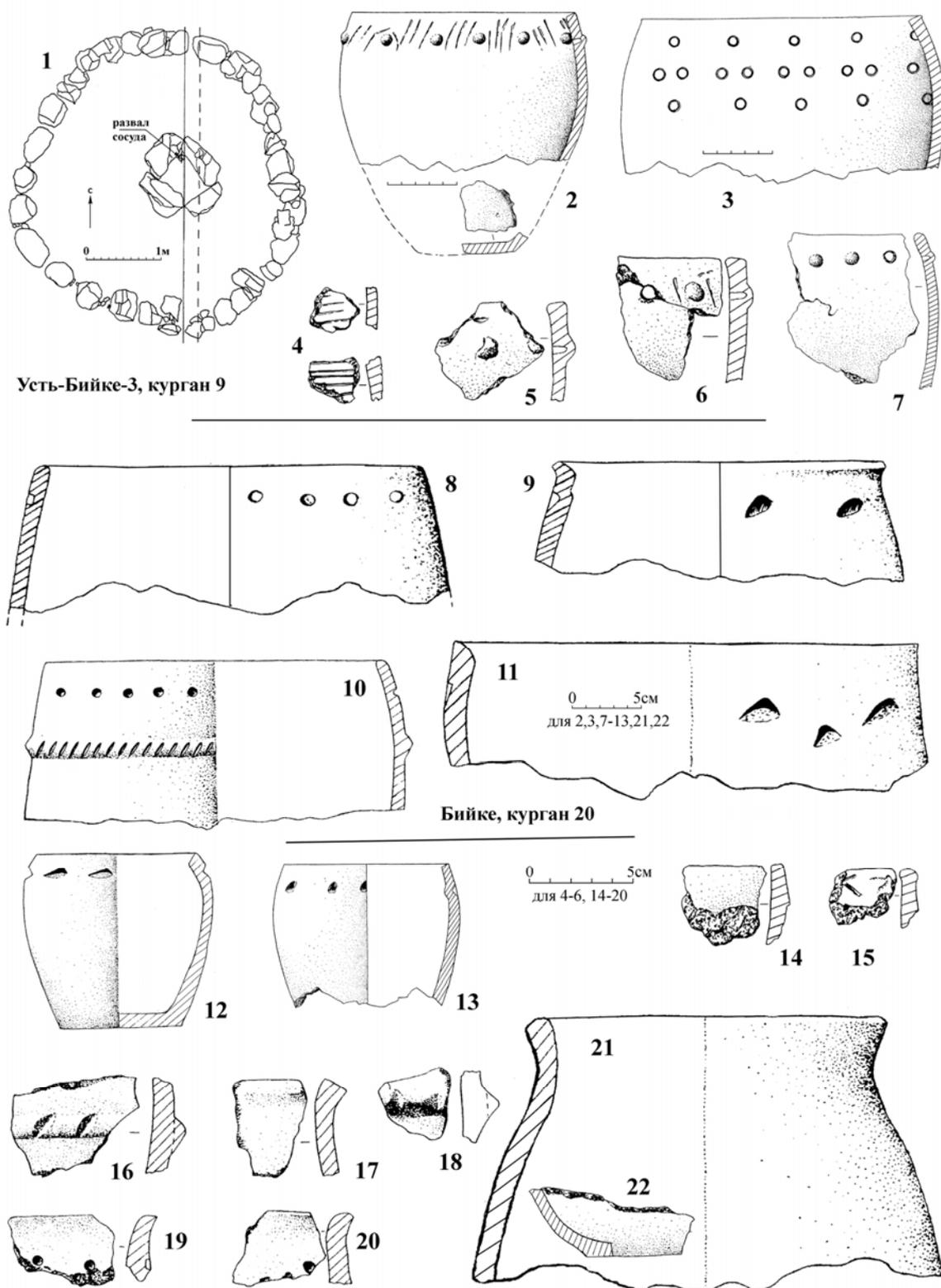

Рис. 5. Бийке. Керамика из раннескифских курганов на р. Бийке: 1 – Усть-Бийке-3, курган 9, план крепиды и ящика с сосудом; 2 – сосуд из каменного ящика в кургане 9; 3-7 - керамика из насыпи кургана 9; 8-11 – керамика из насыпи кургана 20 в Бийке; 12 – сосуд с перекрытия каменного ящика в кургане 1 в Бийке; 13 – реконструкция сосуда из разрушенного кургана в Бийке; 14, 15 – керамика из насыпи объекта 1 в Усть-Бийке-3а; 16 – фрагмент, найденный около насыпи кургана 14 в Бийке; 17-20 – фрагменты, «найденные при раскопках курганов в Бийке»; 21 – развал из насыпи кургана 19 в Бийке; 22 – часть плоскодонного сосуда из насыпи кургана 19 (?) в Бийке (по: Тишкин, 1996, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005)

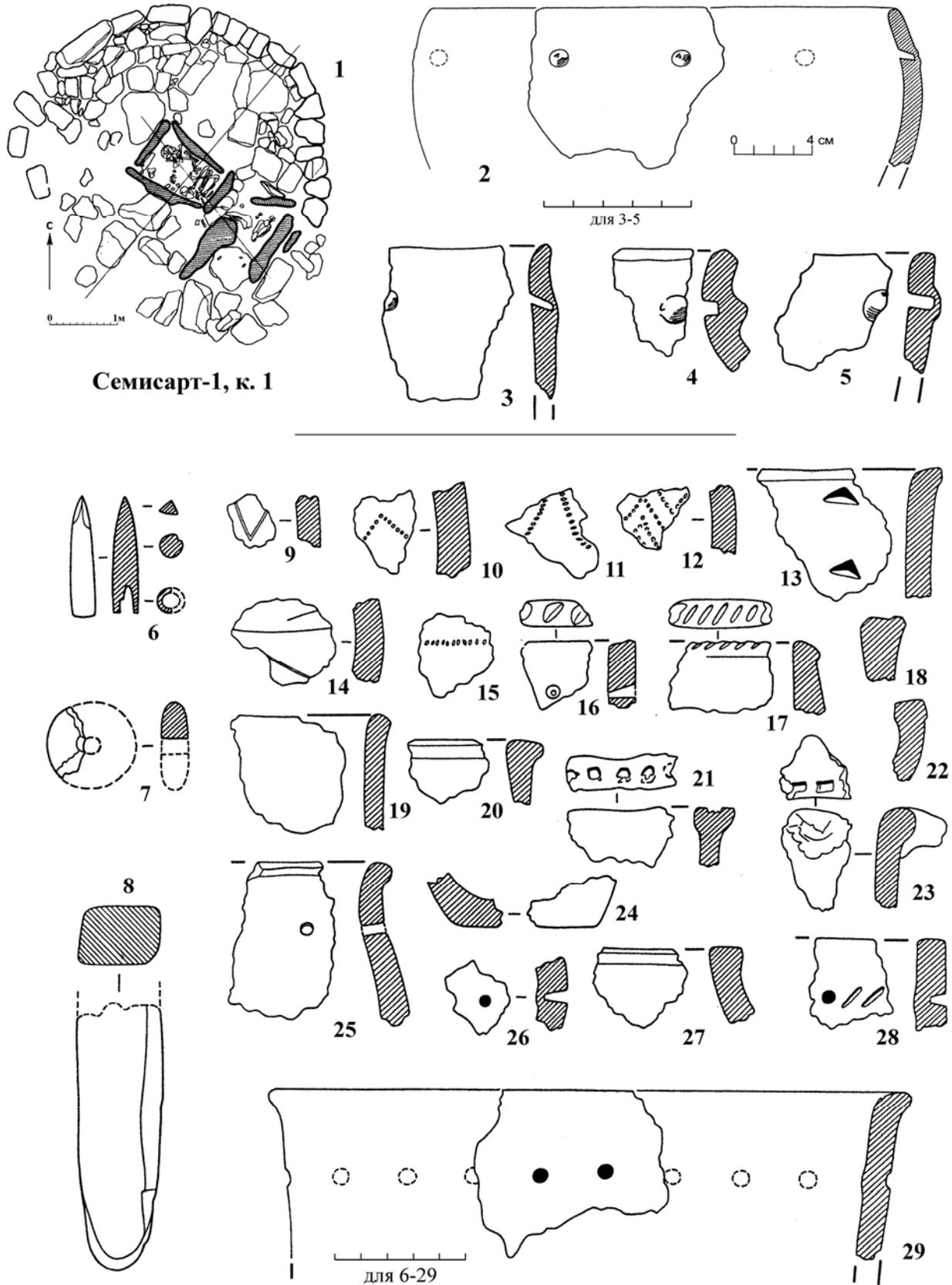

Рис. 6. План раннескифского кургана 1 могильника Семисарт-1 и керамика из его насыпи (1-5), находки из культового места («поселения») в раскопе 2 у могильника Семисарт-1 (6-29) (6 – роговой наконечник стрелы; 7 – фрагмент глиняного пряслица; 8 – фрагмент каменного точила; 9-29 – фрагменты керамики) (по: Марсадолов, 2001, рис. 16; 94)

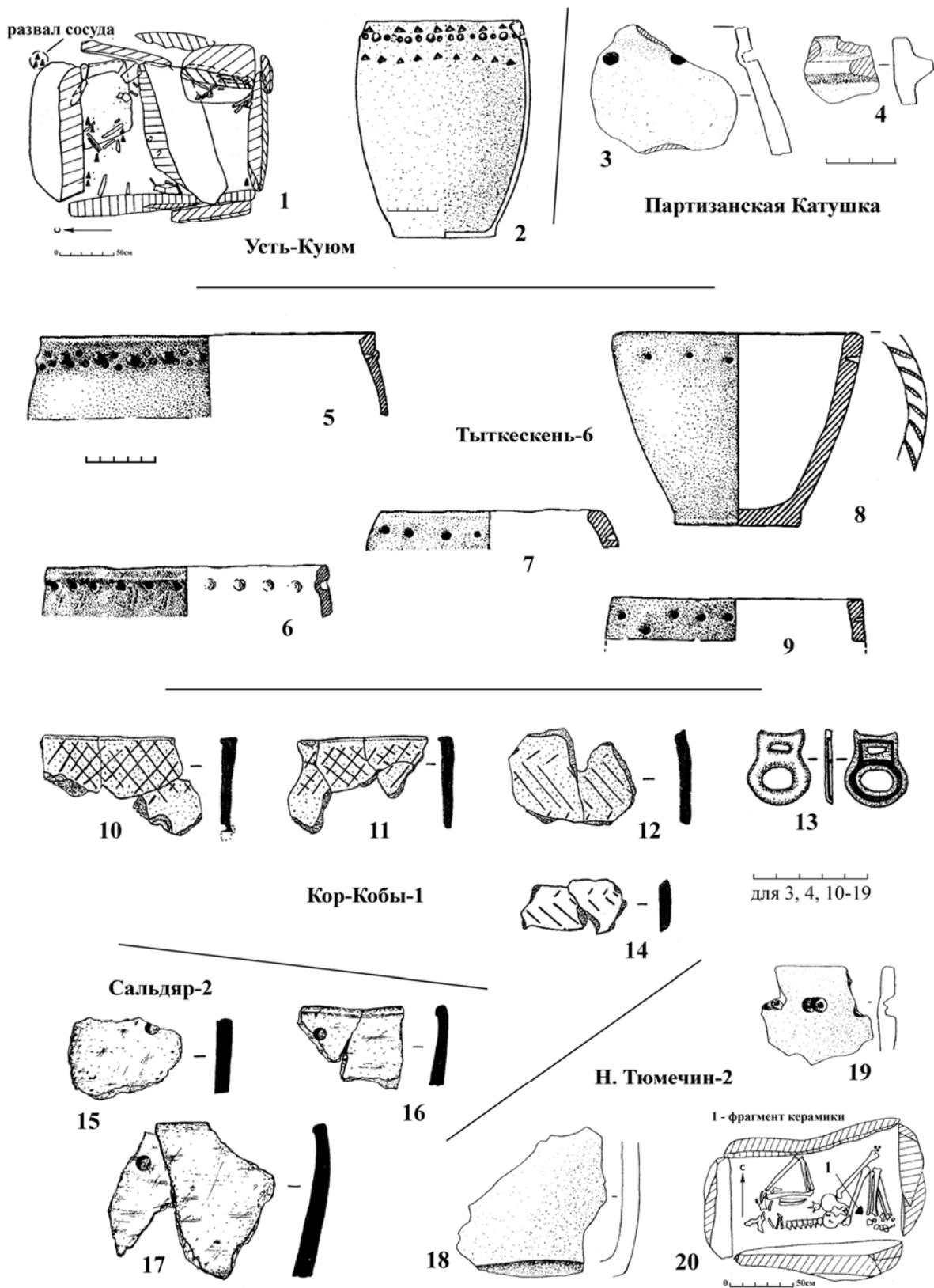

Рис. 7. Керамика из раннескифских курганов: 1, 2 – план каменного ящика и сосуд из Усть-Куюма (по: Степанова, 1996а); 3, 4 – фрагменты из кургана на поселении Партизанская Катюшка (по: Шульга, Шульга, 1999); 5-9 – керамика из кургана 85 могильника Тыткескень-6 (по: Кирюшин и др., 2011); 10-14 - керамика и бронзовый чумбурный блок из кургана 2 могильника Кор-Кобы-1 (по: Суразаков, 1990); 15-17 – керамика из кургана 3 могильника Сальдар-2 (по: Могильников, Суразаков, 1997); 18-20 – план захоронения в каменном ящике в кургане 6 из Нижнего Тюмечина-2 (по: Степанова, 1996б)

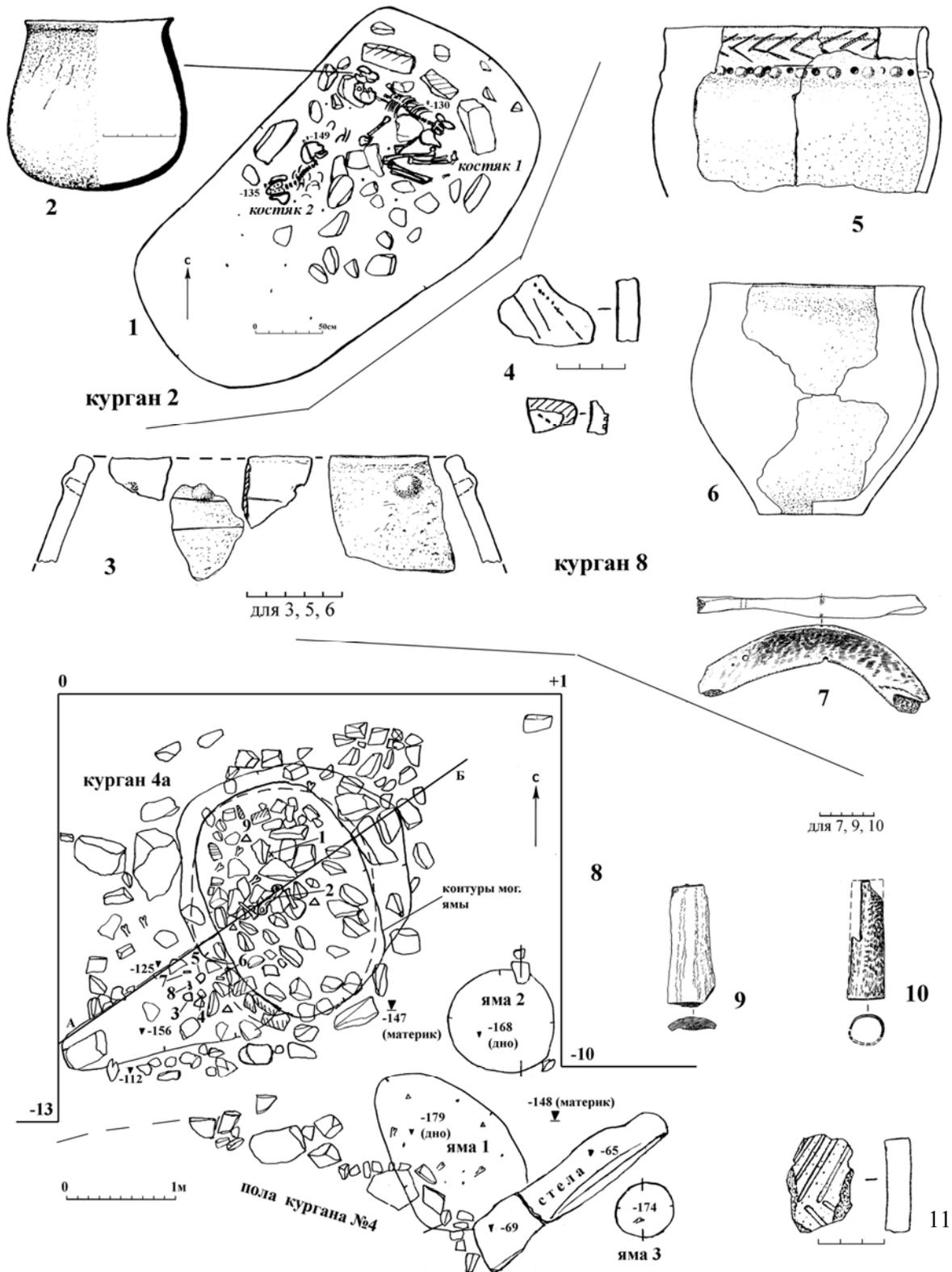

Рис. 8. Находки в раннескифских курганах могильника Чесноково-1: 1, 2 – план расположения костяков и сосуда в нижнем поминальнике кургана 2; 3-7 – керамика и изделие из кости из поминальника в кургане 8; 8 – план кургана 4а с находками из верхнего поминальника (1 – череп овцы; 2 – кости ноги лошади в сочленении; 3, 4 – половинки разбитого куранта; 5 – половинка нижнего камня зернотёрки; 6 – заготовка из рога марала; 7 – трубочка из кости; 8 – нижняя челюсть овцы; 9 – фрагмент керамики, орнаментированной «жемчужником» и прилегающих объектов; 9 - заготовка из рога марала 10 – трубочка из кости (по: Шульга, 1998а, 1998б). 11 – фрагмент керамики из заполнения могилы в Машенке-1 (по: Шульга, 1998)

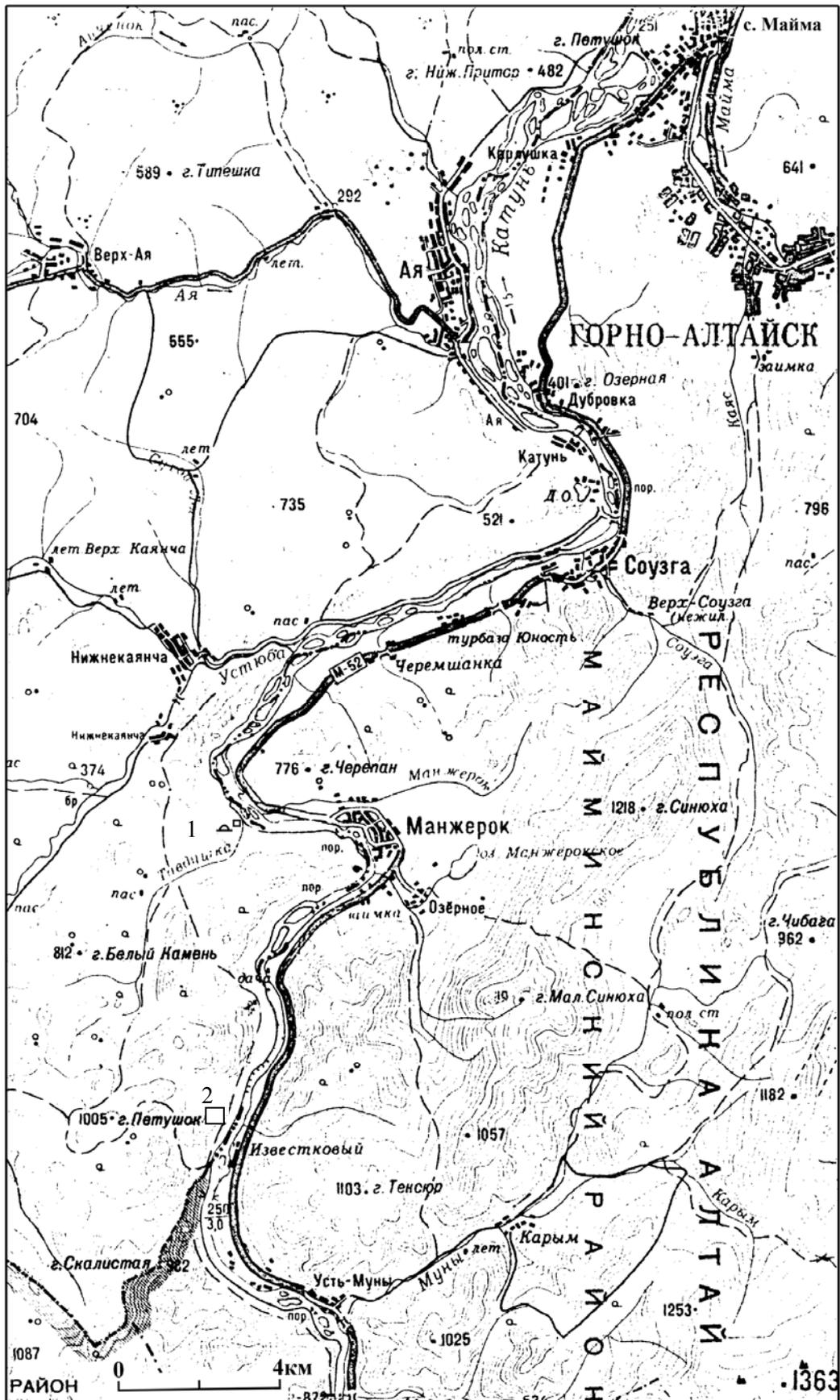

Рис. 9. Карта участка р. Катунь между населёнными пунктами Майма и Усть-Муны, с отмеченными поселениями на левом берегу Катунь в Алтайском районе Алтайского края:
 1 – поселение и могильник Тавдушка; 2 – поселение Бирюзовая Катунь

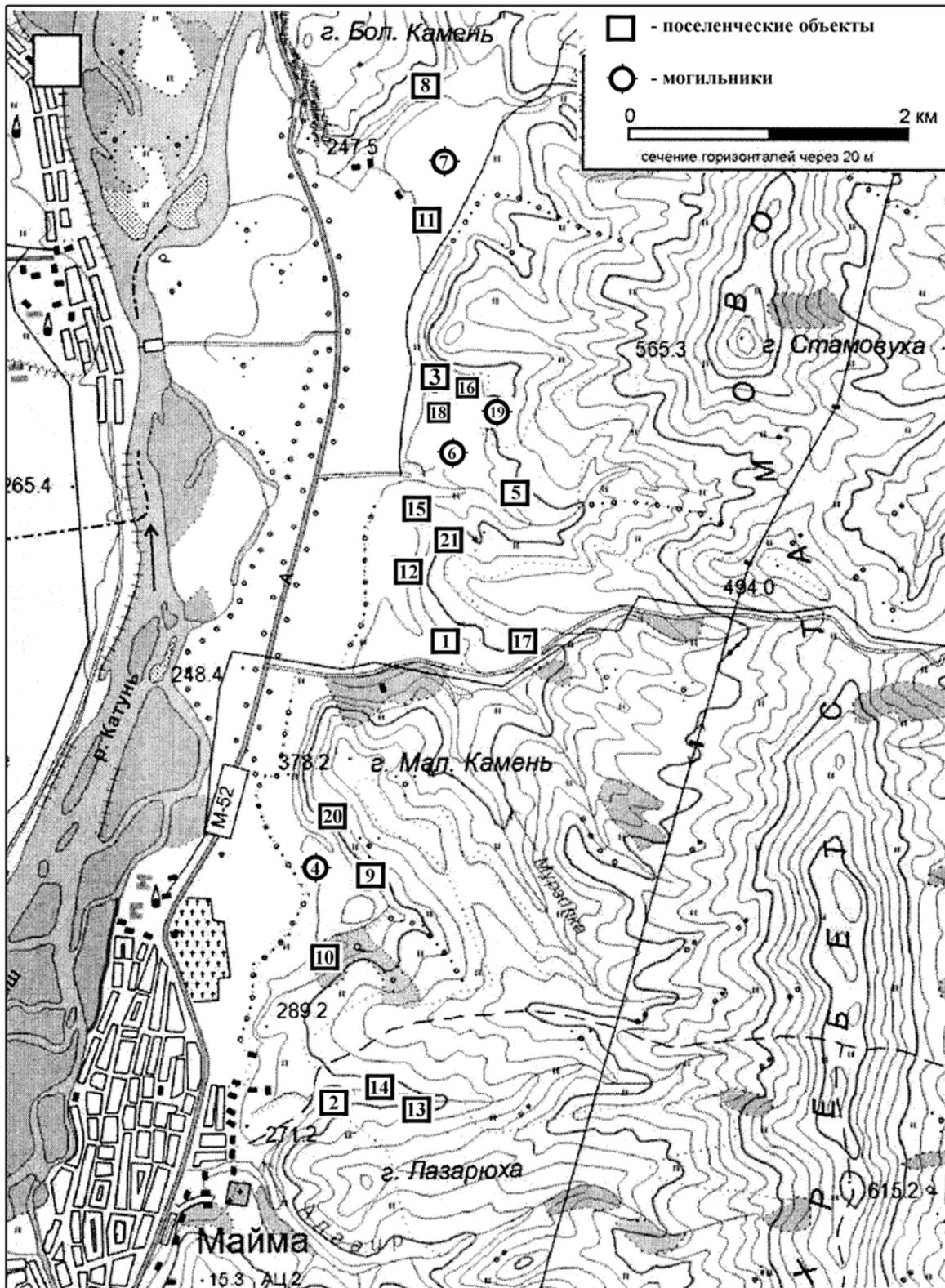

Рис. 10. Карта расположения памятников в Майминском археологическом микрорайоне:
 1 – поселение Майма-1; 2 – поселение Майма-2; 3 – поселение Майма-3; 4 – могильник Майма-4;
 5 – местонахождение Майма-5; 6, 7 – могильники Майма-6, 7; 8, 9 – поселения Майма-8, 9;
 10 – местонахождение Майма-10; 11, 12 – поселения Майма-11, 12; 13 – местонахождение Майма-13;
 14-16 – поселения Майма-14-16; 17 – местонахождение Майма-17; 18 – городище Майма-18;
 19 – могильник Майма-19; 21 – «сторожевой пункт» Майма-21 (по: Акимова и др., 2008; Бородовский,
 Бородовская, 2013, рис. 12)

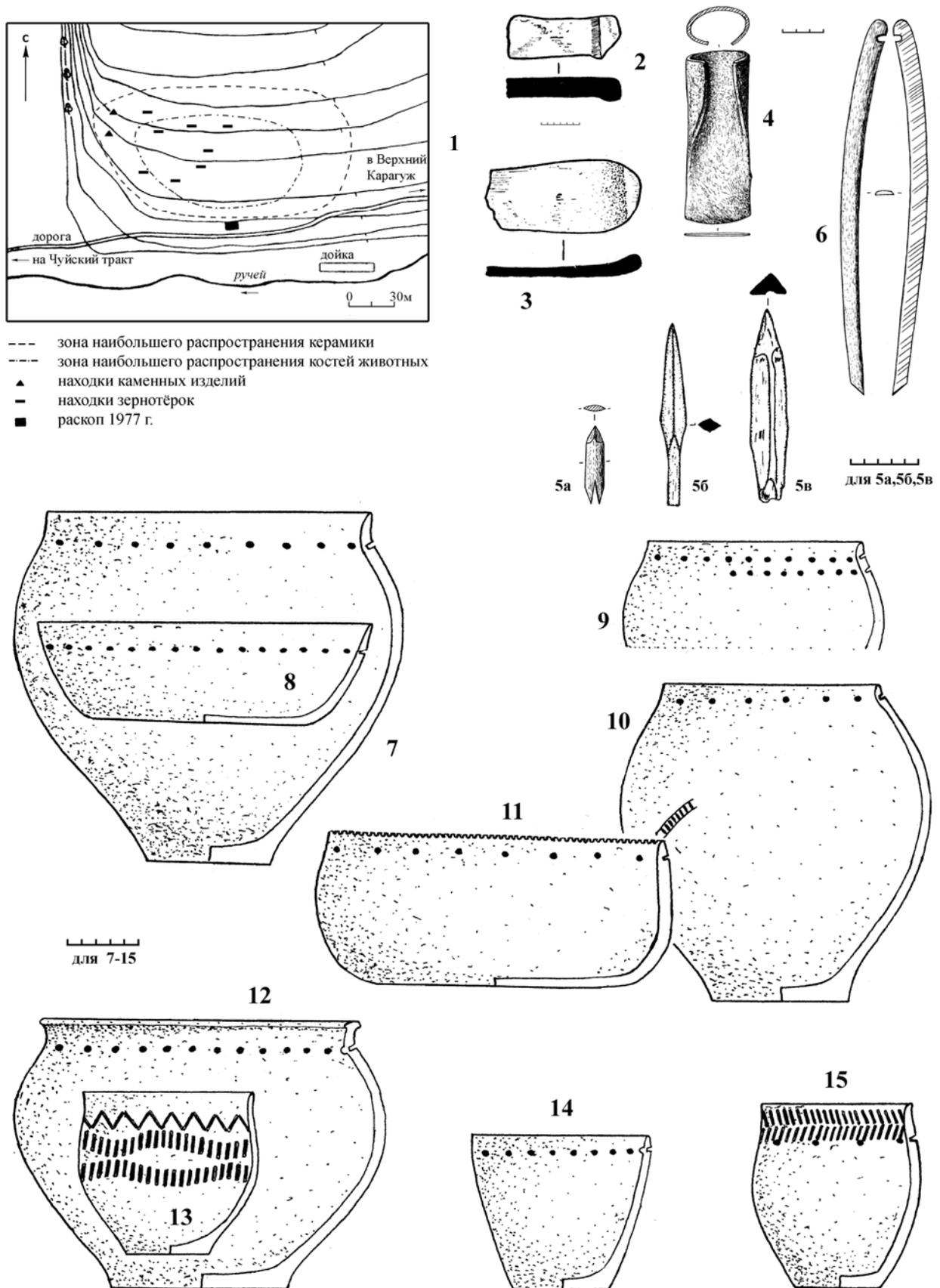

Рис. 11. Поселение Майма-1. План (1) и находки. Железо – 4; керамика – 7-15; кость (рог) – 5, 6; камень – 2, 3 (по: Акимова и др., 2008; Киреев, 1986; Абдулганеев, 1998)

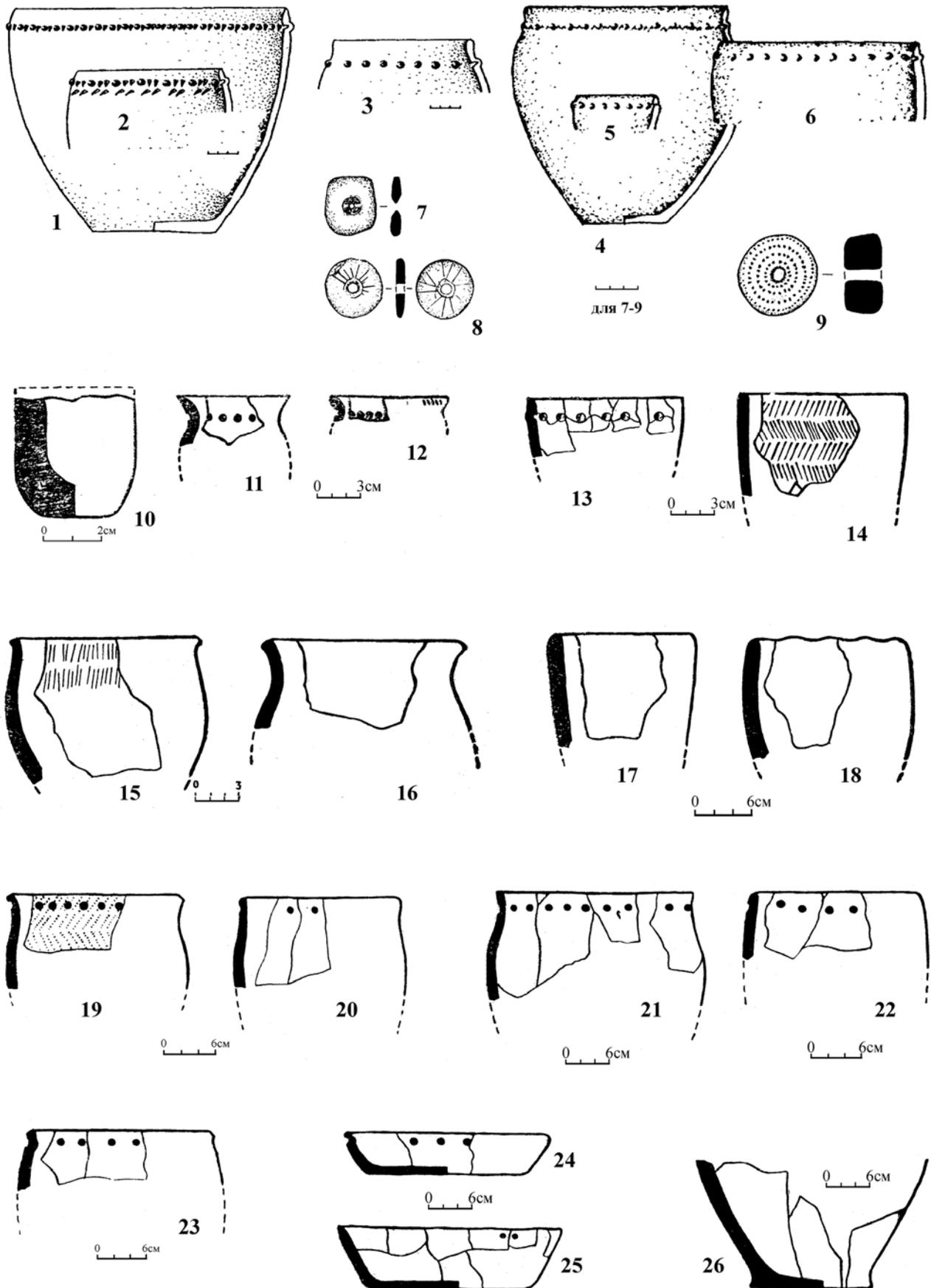

Рис. 12. Поселение Майма-1. Находки. Керамика – 1-6, 8-26; камень – 7 (по: Акимова и др., 2008; Киреев, 1986)

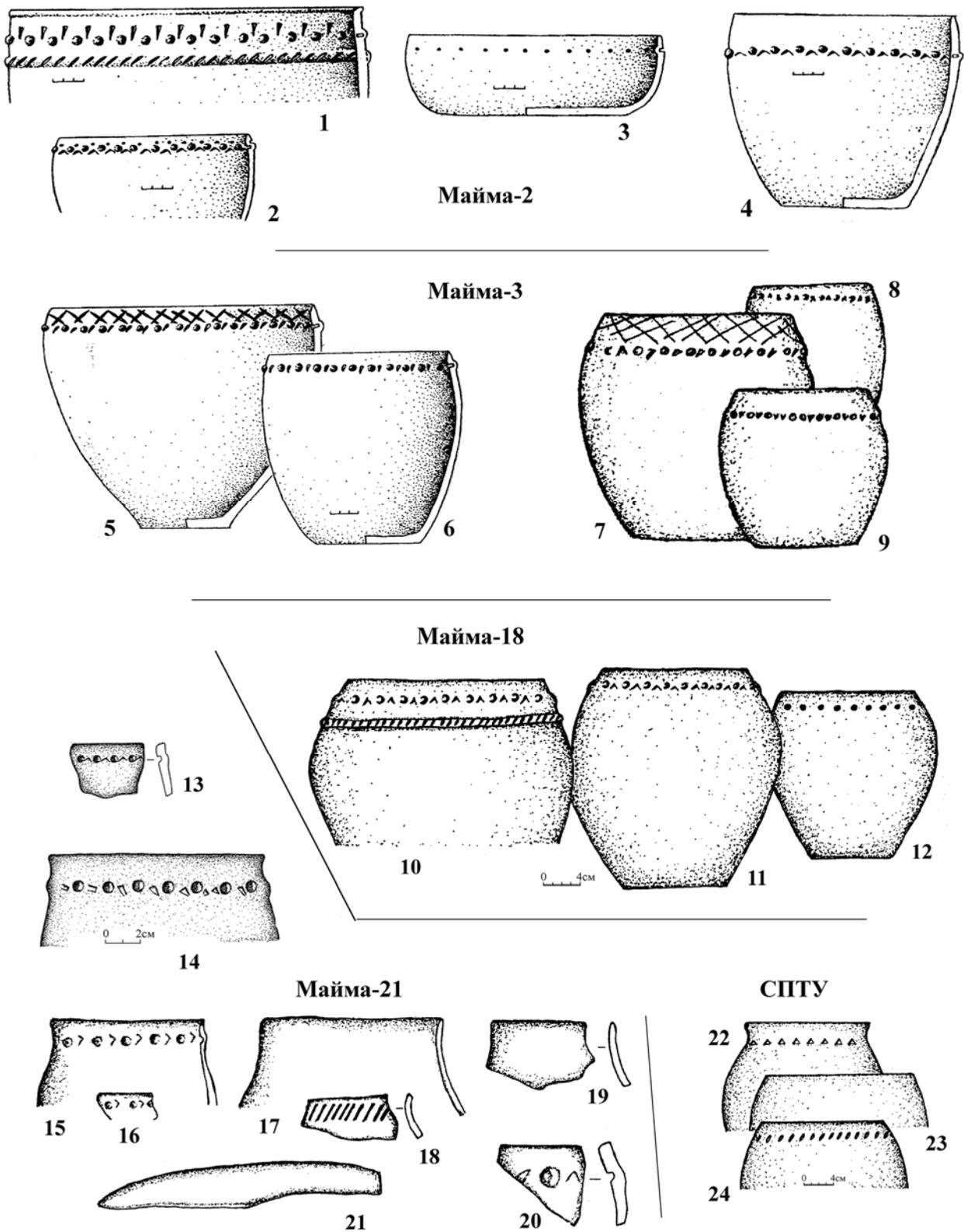

Рис. 13. Находки на объектах у с. Майма: 1-12 – поселения Майма-2, 3, 18; 13-21 – «сторожевой пункт» Майма-21; 22-24 – местонахождение «СПТУ». Керамика – 1-18, 20-22; бронза – 19 (по: Акимова и др., 2008)

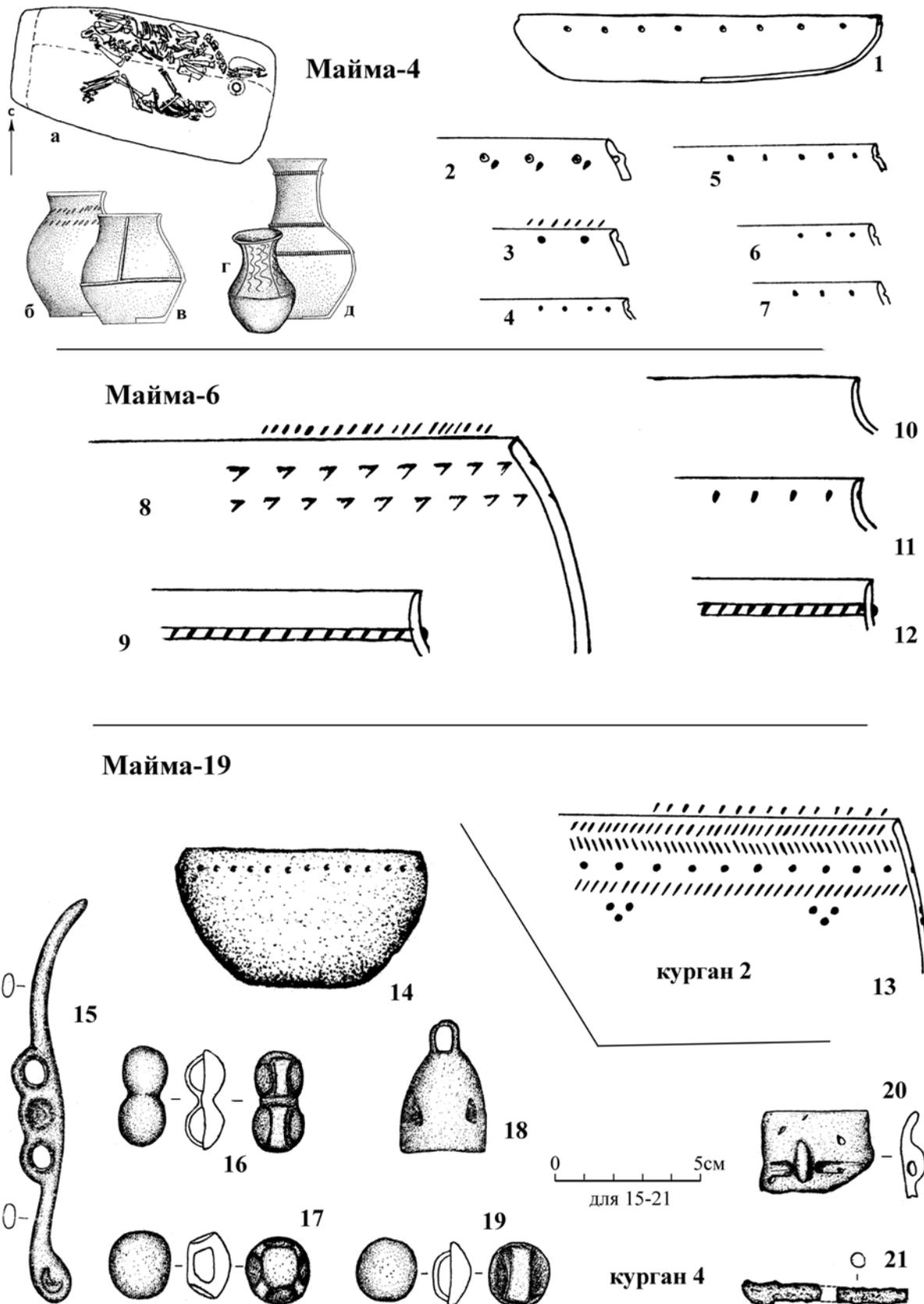

Рис. 14. Керамика из насыпей курганов у с. Майма. Находки в курганах пазырыкской (а-д, 1-7) и быстринской (8-21) культур. Схематичные изображения сосудов и орнаментов из могильников Майма-4 (1-7), Майма-6 (8-12), Майма-19 (13, 14). Инвентарь из погребения в кургане 4 в Майме-19: бронзовые псаий, двоитель, распределитель, колокольчик и бляшка (15-19); фрагменты керамического сосуда и железного стержня (20, 21): (по: Киреев, 1992, Киреев, 1999)

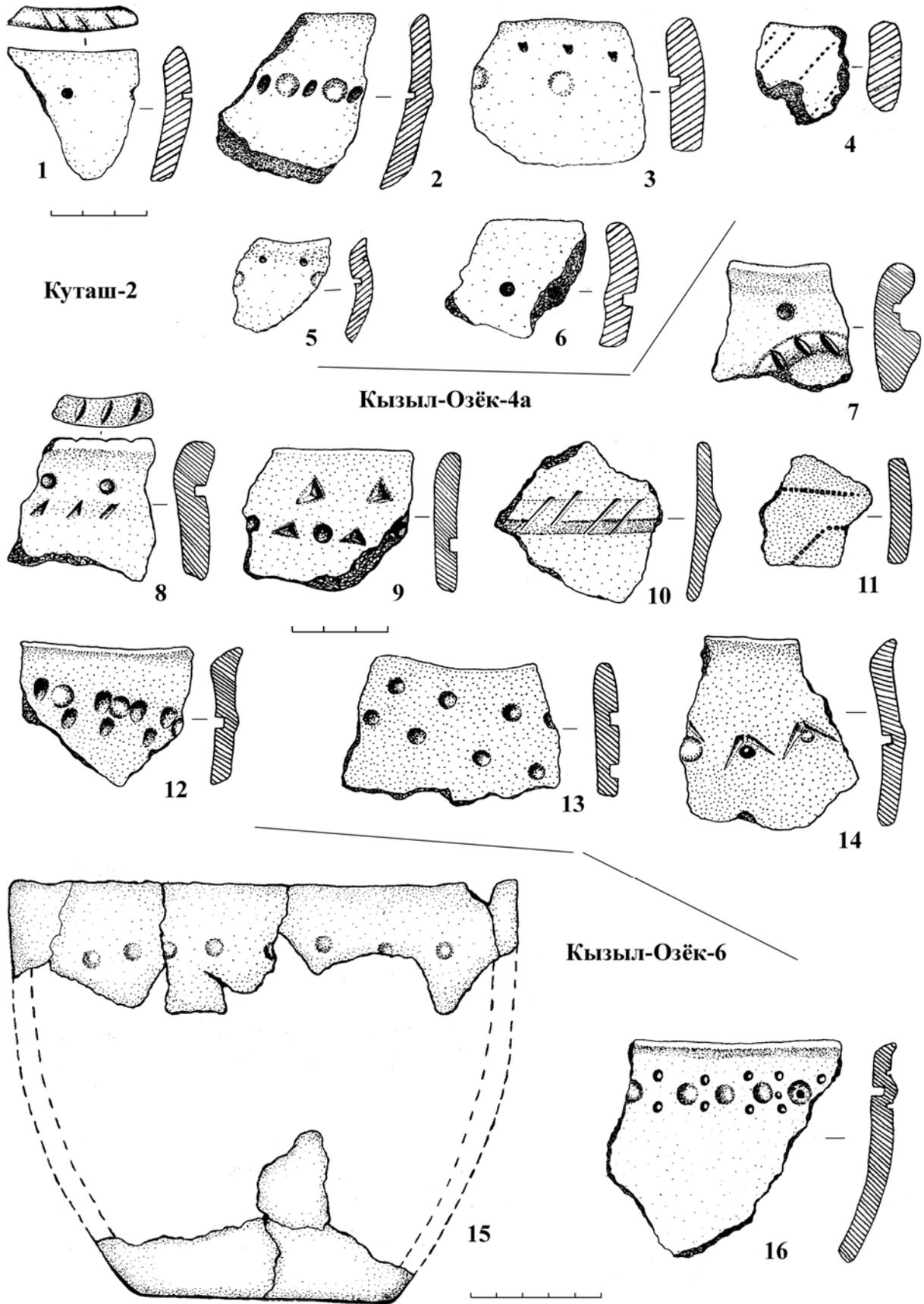

Рис. 16. Поселения Куташ-2 (1-6), Кызыл-Озек-4а (7-14) и Кызыл-Озек-6 (15, 16).
Керамика (по: Киреев, 1987; Акимова и др., 2008)

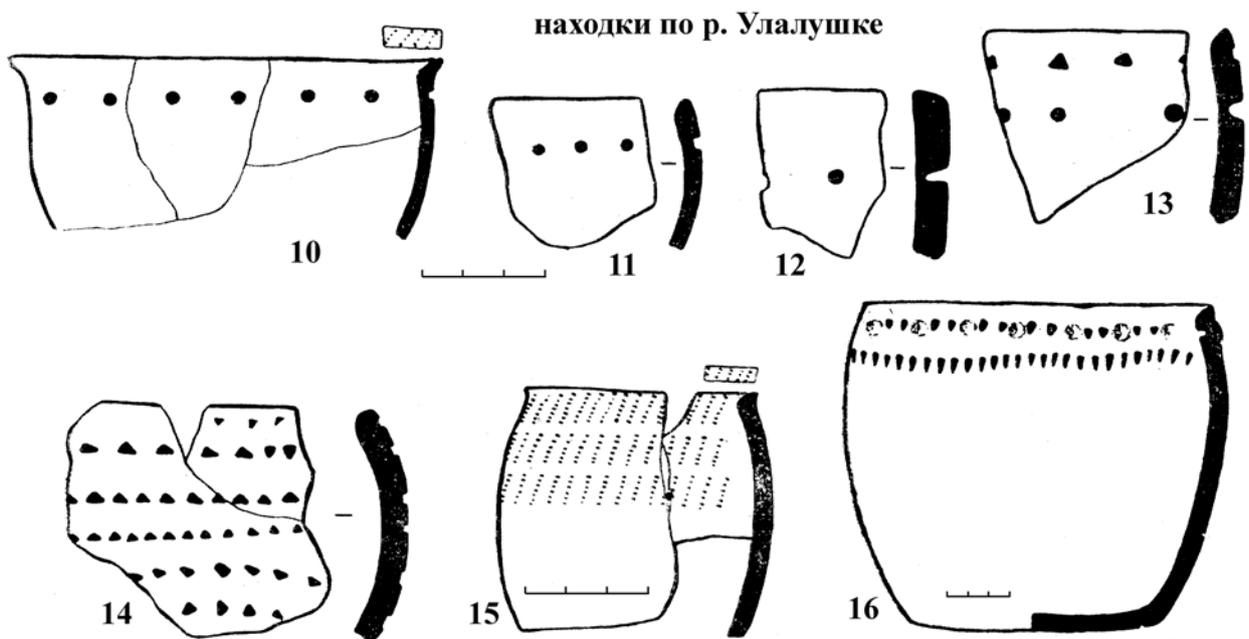
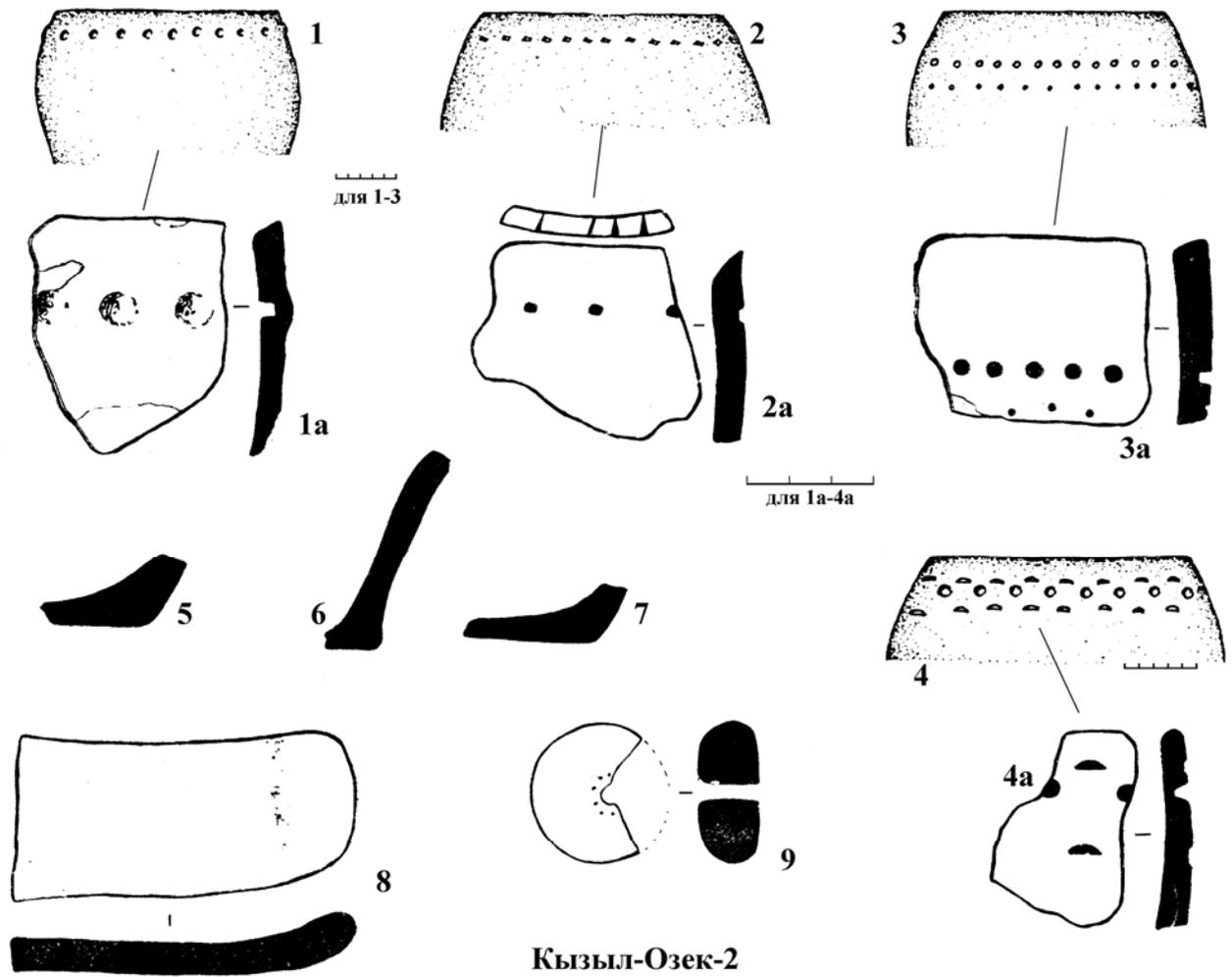

Рис. 17. Поселение Кызыл-Озек-2 (1-9) и находки по реке Уралушке (Улалинке) (10-16).
Камень – 8; остальное – керамика (по: Киреев, 1987; Акимова и др., 2008)

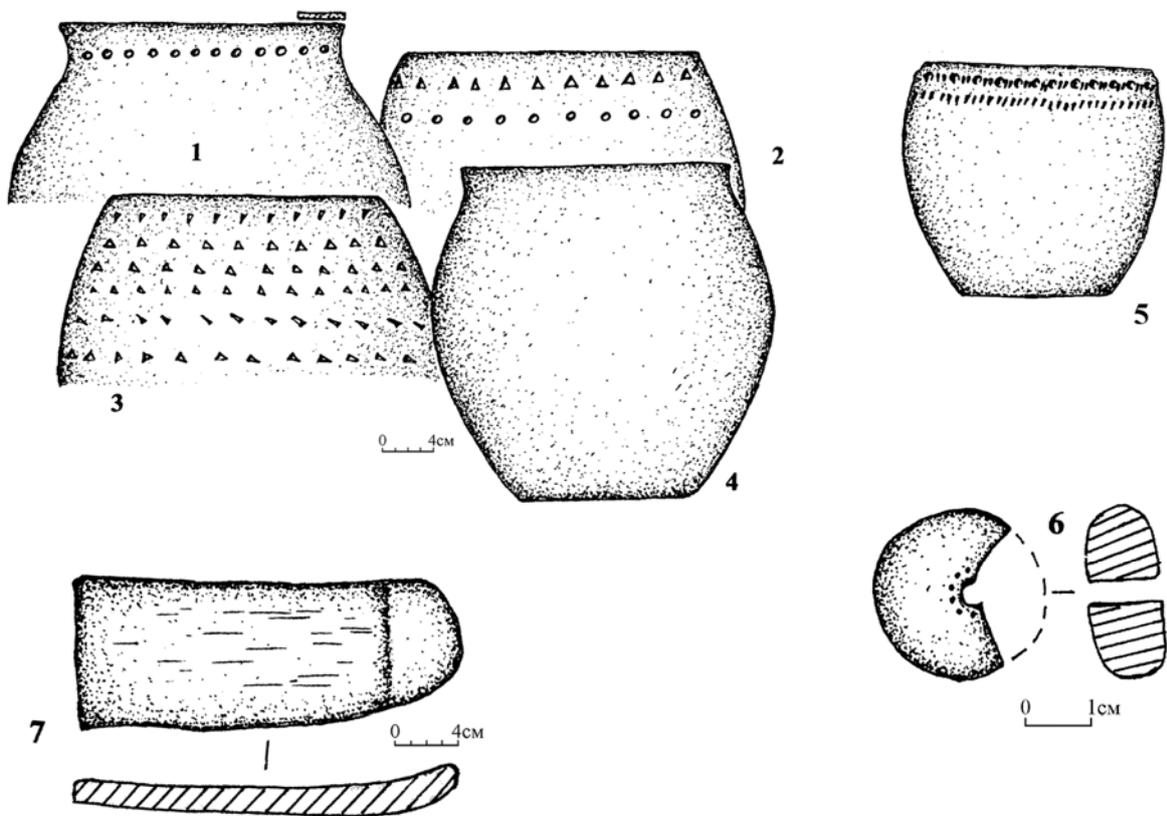
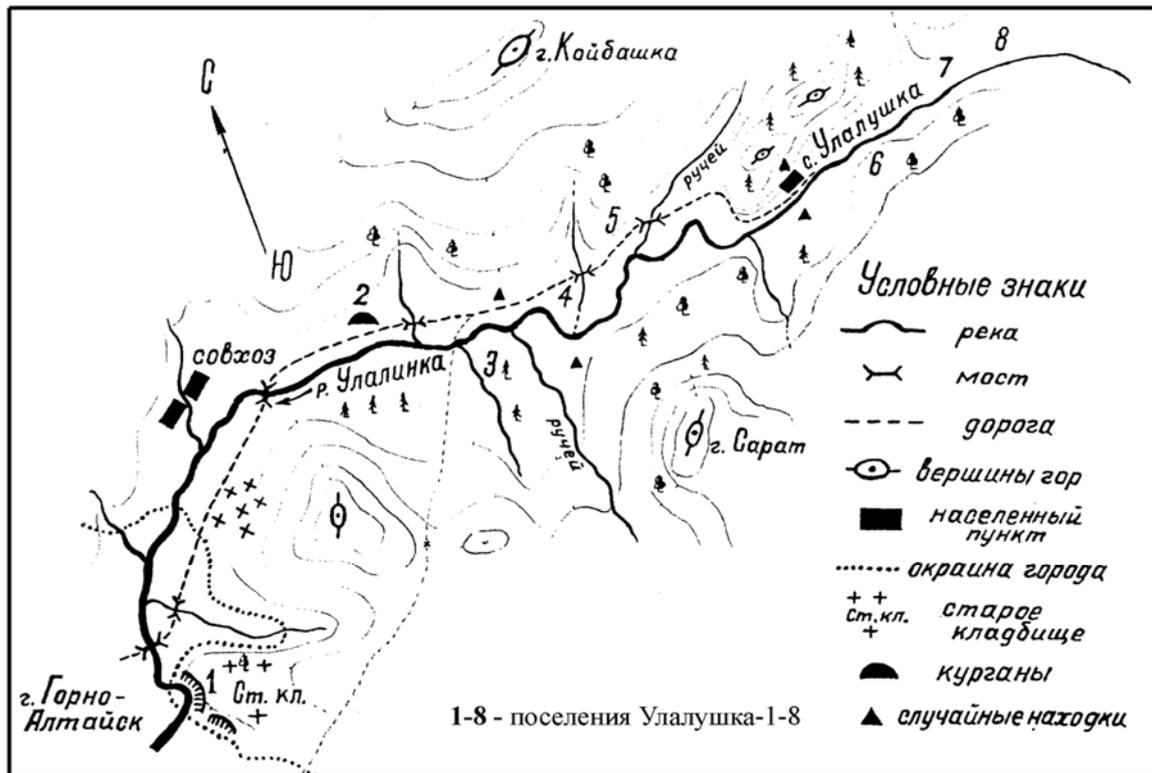

Рис. 18. Карта расположения археологических памятников по реке Улалинке (Улалушке).
1-8 – поселения Улалушка-1-8. Находки с поселений по р. Улалушке (1-7). Керамика – 1-6; камень – 7
(по: Акимова и др., 2008)

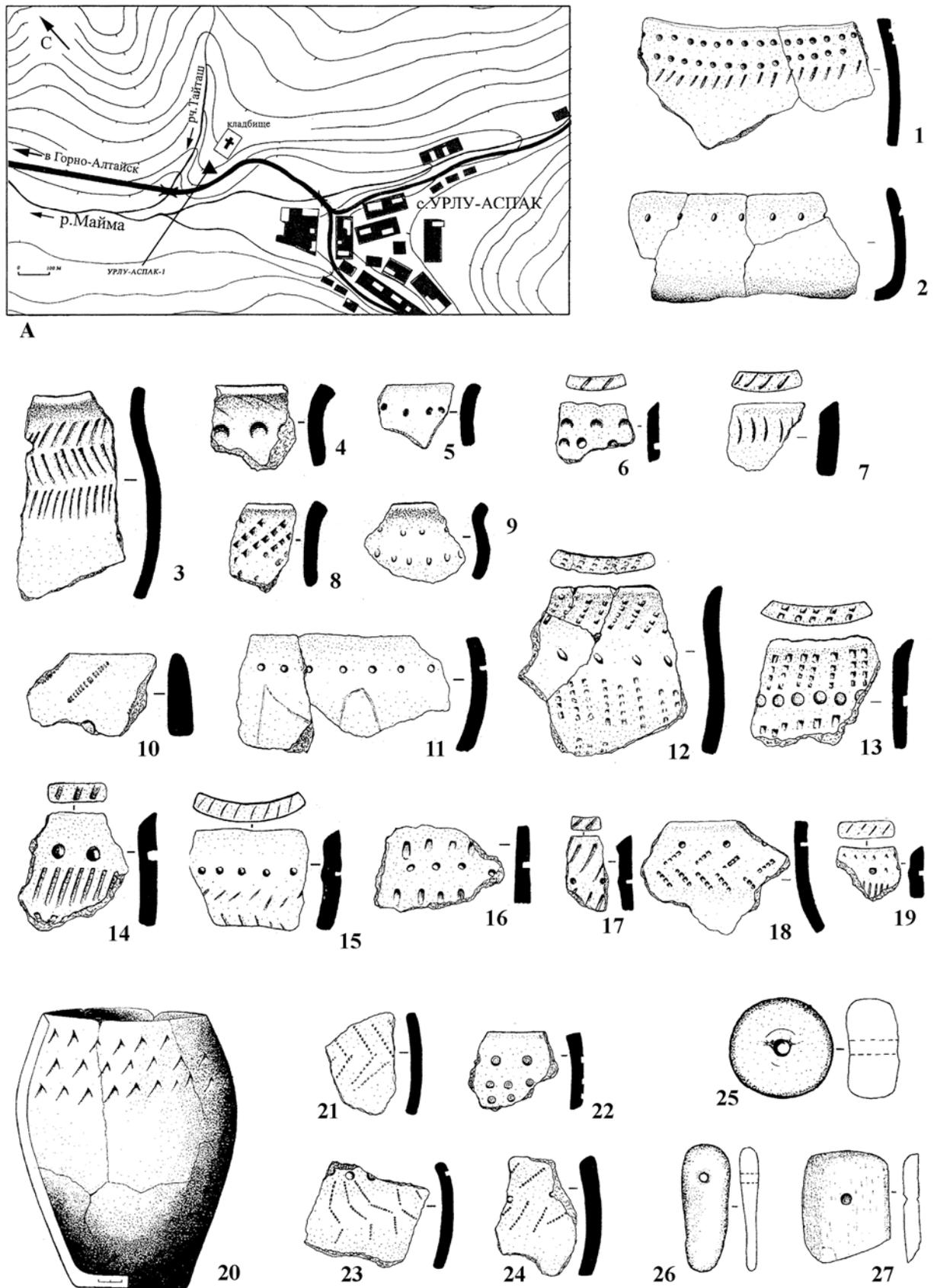

Рис. 19. Карта расположения поселения Урлу-Аспак (А). Находки в жилище – 1-27. Керамика – 1-25; камень – 26, 27 (по: Акимова, 2008)

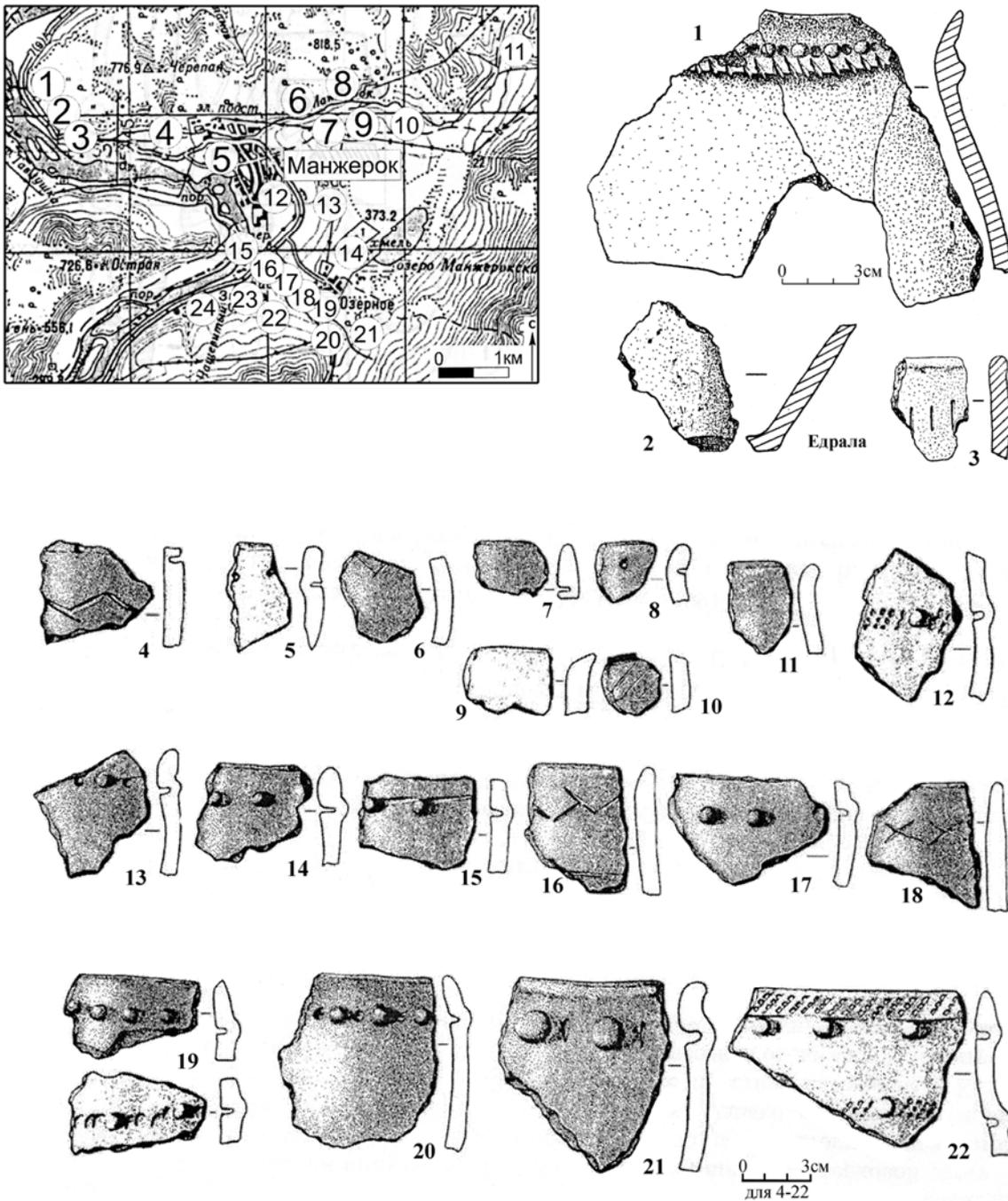

Рис. 20. Карта расположения археологических памятников в окрестностях с. Манжерок:
 1 – могильник Чултуков Лог-2; 2 – могильник Чултуков Лог-1 и сувак Чултуков Лог-1а;
 3 – могильник Чултуков Лог-3; 4 – могильник Манжерок-8; 5 – поселение Манжерок-5; 6 – поселение Манжерок-4; 7 – могильник Манжерок-Карьер; 8 – поселение Манжерок-7; 9 – городище Манжерок-3;
 10 – железоделательные печи Манжерок-10; 11 – могильник Манжерок-11; 12 – место находки наконечника стрелы Манжерокский ключ, могильник Манжерок-9; 13 – могильник Манжерок-12;
 14 – стела Манжерокское озеро-1; 15 – археологический комплекс Манжерок-1 в устье р. Едрала; 16-18 – стоянки Едрала-2-4; 19 – местонахождение Еловый ключ-1; 20 – поселение Еловый ключ-2;
 21 – мастерская Еловый ключ-3; 22 – стоянка Едрала-1; 23 – стоянка Манжерок-2; 24 – могильник Бурундуй-1 (по: Акимова и др., 2008, рис. 53); 1-3 – керамика со стоянки Едрала-4 (по: Молодин, Петрин, 1985); 4-22 – керамика из поселения Манжерок-5 (по: Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 23)

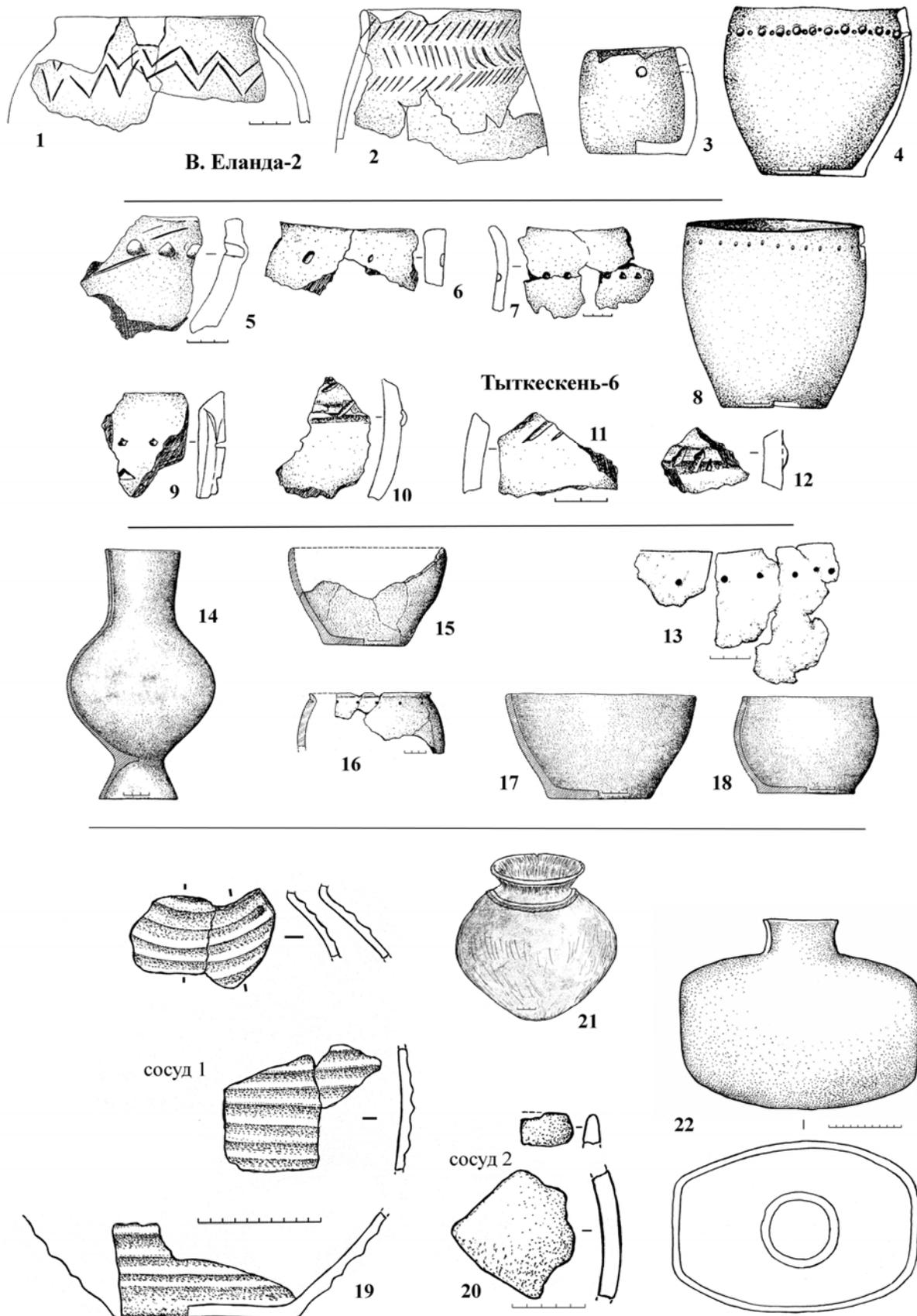

Рис. 21. Керамика из насыпей курганов (1-3, 5-11, 13, 15-18) и погребений (4, 12, 14, 19-22). Керамика бытовая (1-13, 15-18, 19-20, 23) и ритуальная (14, 21, 22). Верх-Еланда-2 (1-3), Тыткескень-6 (5-12), Бике-3 (13), Боротал-3 (14-16), Боротал-2 (17, 18), Блык-Соок-2 (19, 20), Балык-Соок-1 (21, 22). 1-12 – по: Кирюшин, Степанова, 2004; 13 – по: Кубарев, 2001; 14-18 – по: Могильников, Суразаков, 1980; 19-22 – по: Кубарев, Шульга, 2007

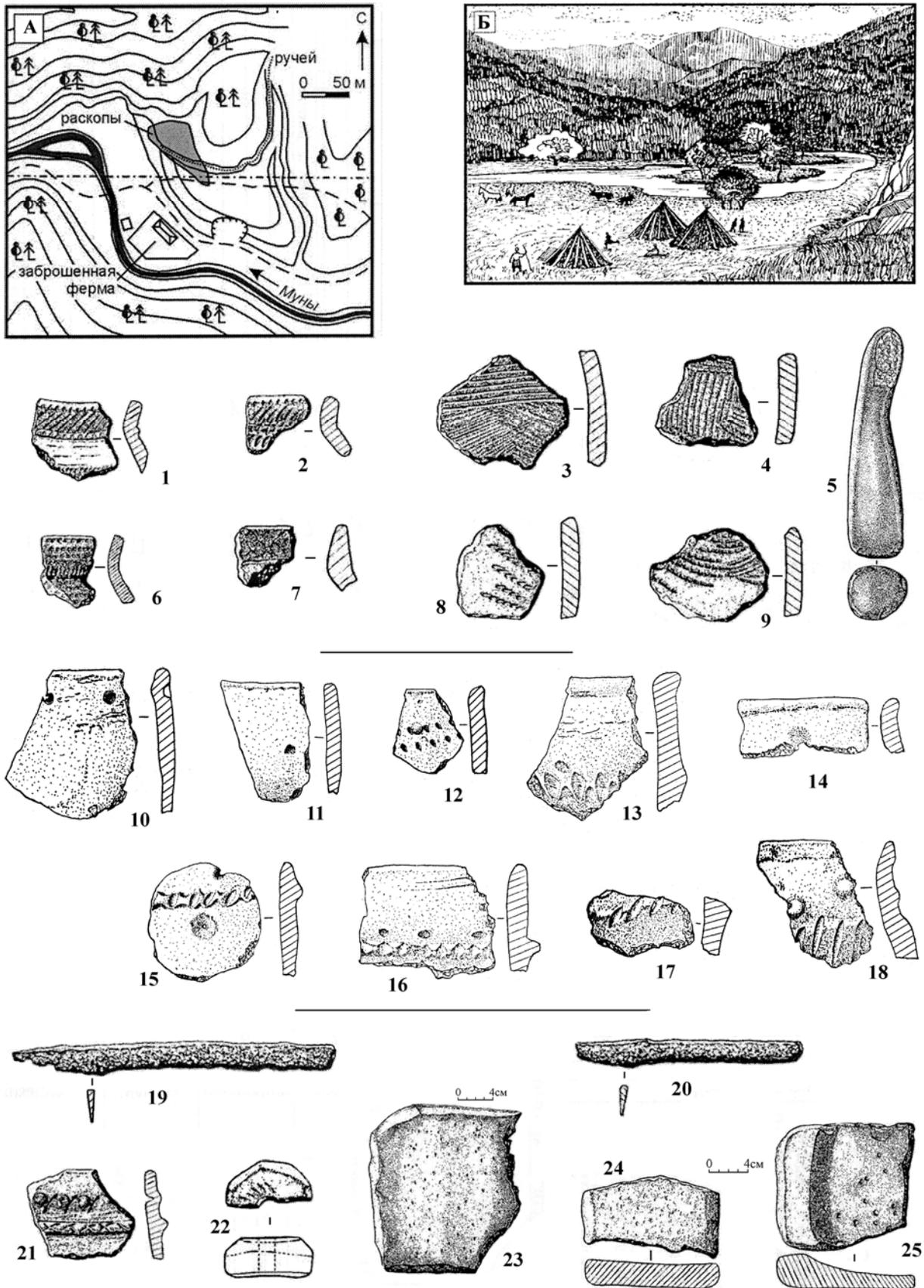

Рис. 22. Поселение Муны-1. А, Б – план и реконструкция жилищ. 1-9 – находки в слое афанасьевской культуры; 19-25 – находки в слое раннего железного века (по: Бородовский, Бородовская, 2013, рис. 24, 25). 10-18 – сборы керамики в 1979 г. (по: Молодин, Петрин, 1985). Железо – 19, 20; керамика – 1-4, 6-18, 21, 22; камень – 5, 23-25

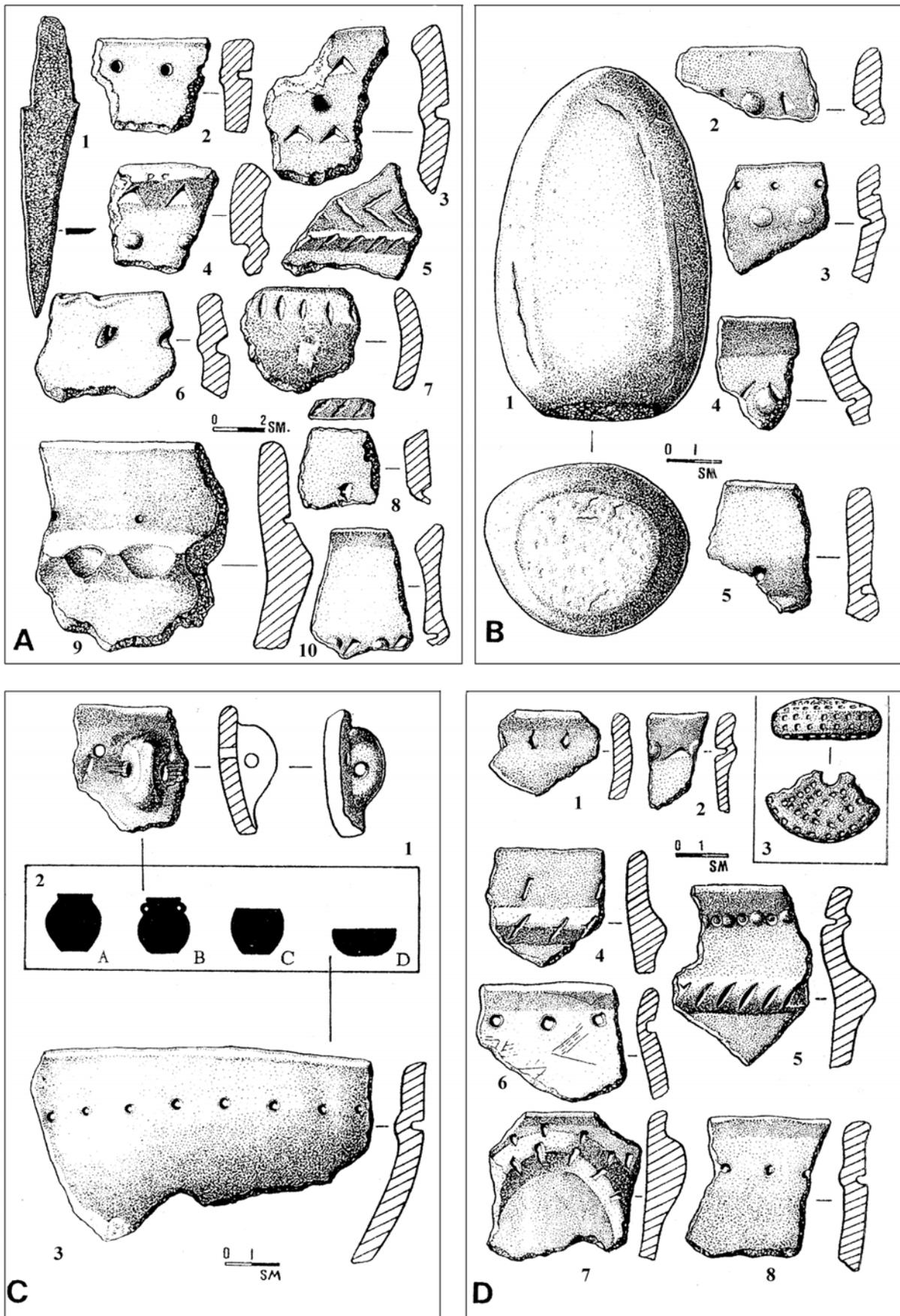
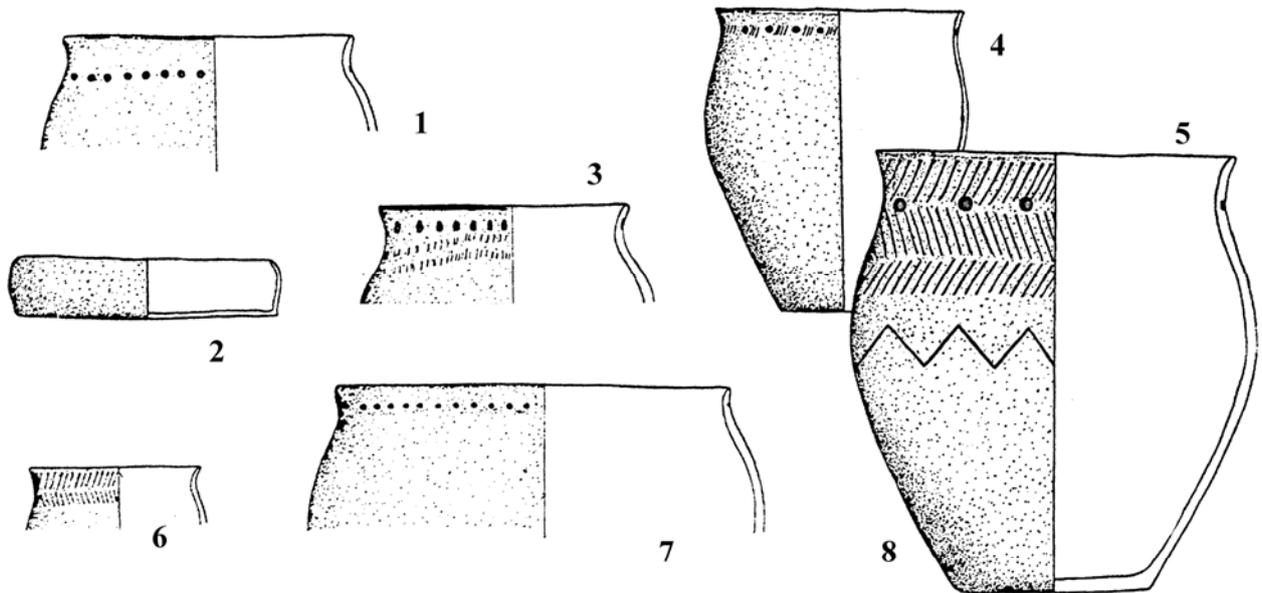
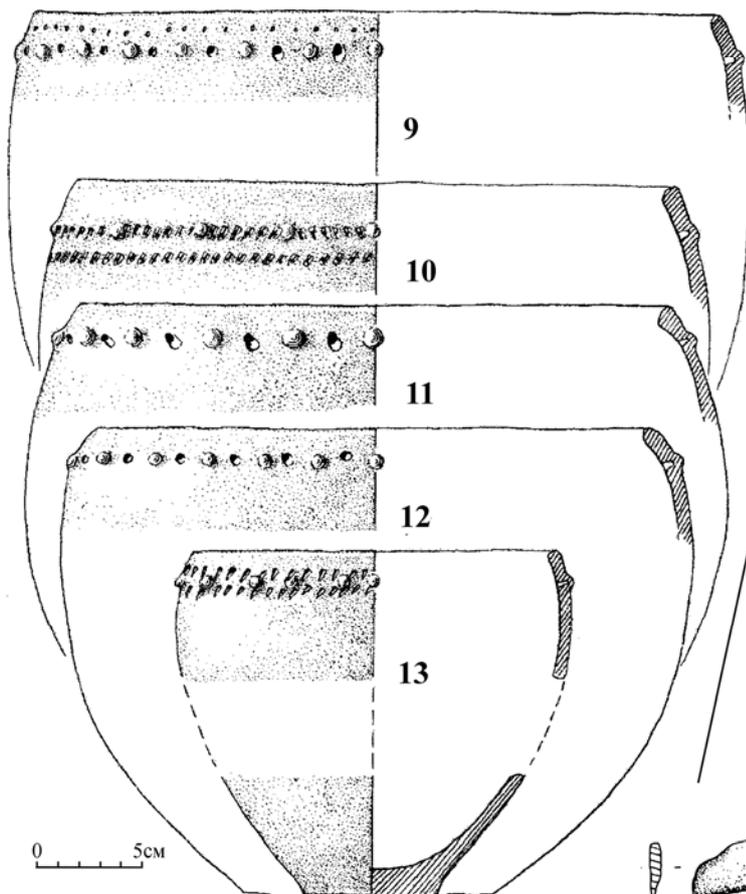

Рис. 23. Поселение Муны-1. Материалы из раскопок. Предметы эпохи раннего железа, слой 1. Железо – А/1; камень – В/1; остальное – керамика; С/2 – типы посуды (по: Бородовский, 2001, рис. 4)

городище Черемшанка

Бирюзовая Катунь-7

Усть-Сема

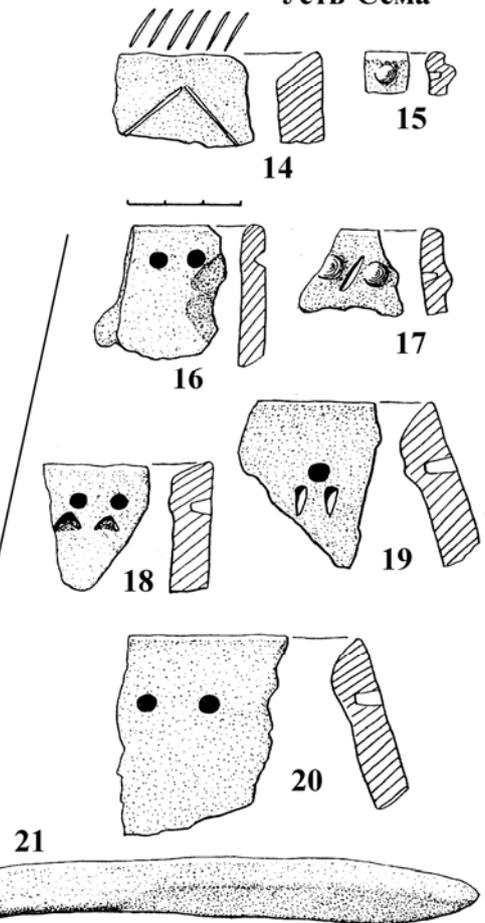
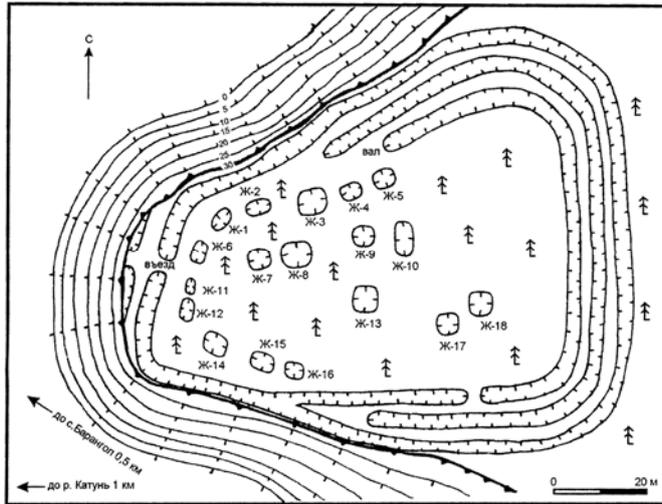
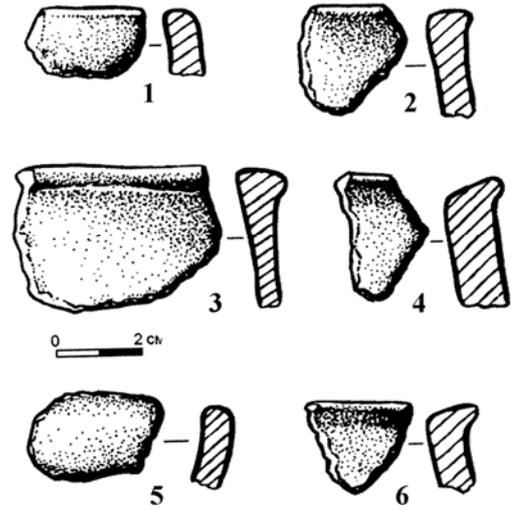

Рис. 24. Находки с городища Черемшанка (1-8), поселений Бирюзовая Катунь-7 (9-13) и Усть-Сема (14-21). Бронза – 21, остальное – керамика (по: Акимова и др., 2008; Семибратов и др., 2010; Соёнов, Ойношев, 2006, рис. 53)

городище Черемшанка

городище Манжерок-3

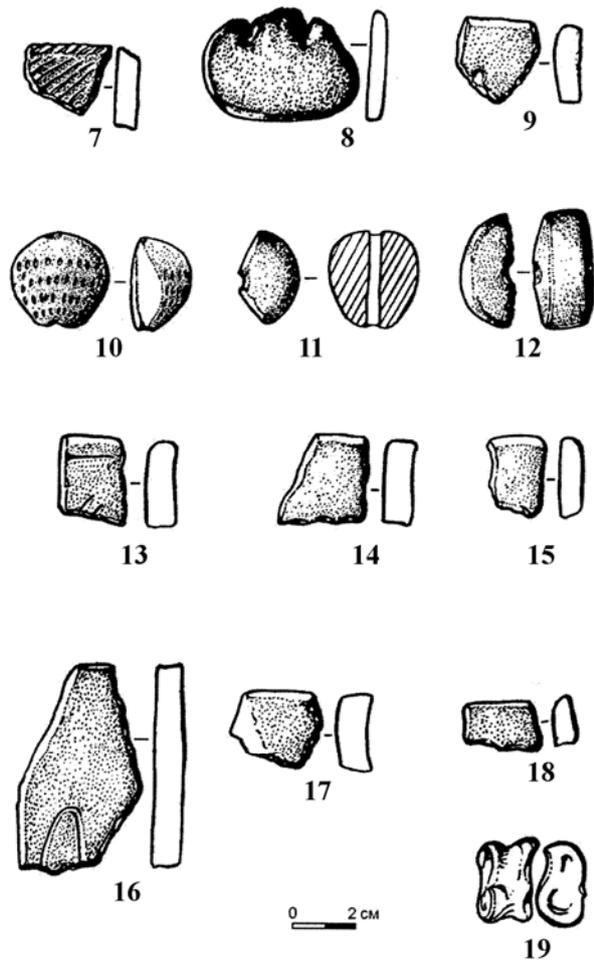
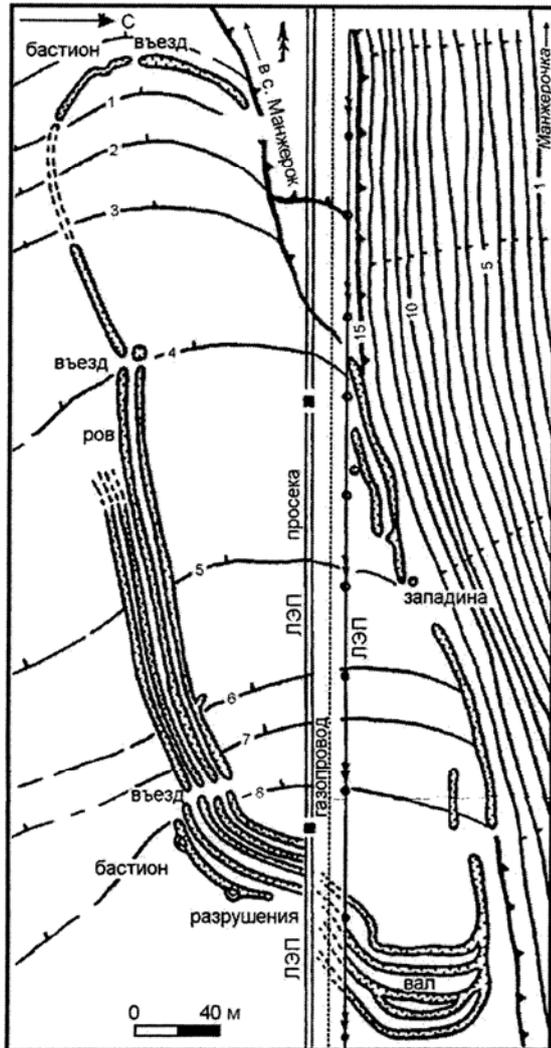

Рис. 25. Планы городищ Черемшанка и Манжерок-5, а также собранная на их территории керамика (по: Бородовский, Бородовская, 2013)

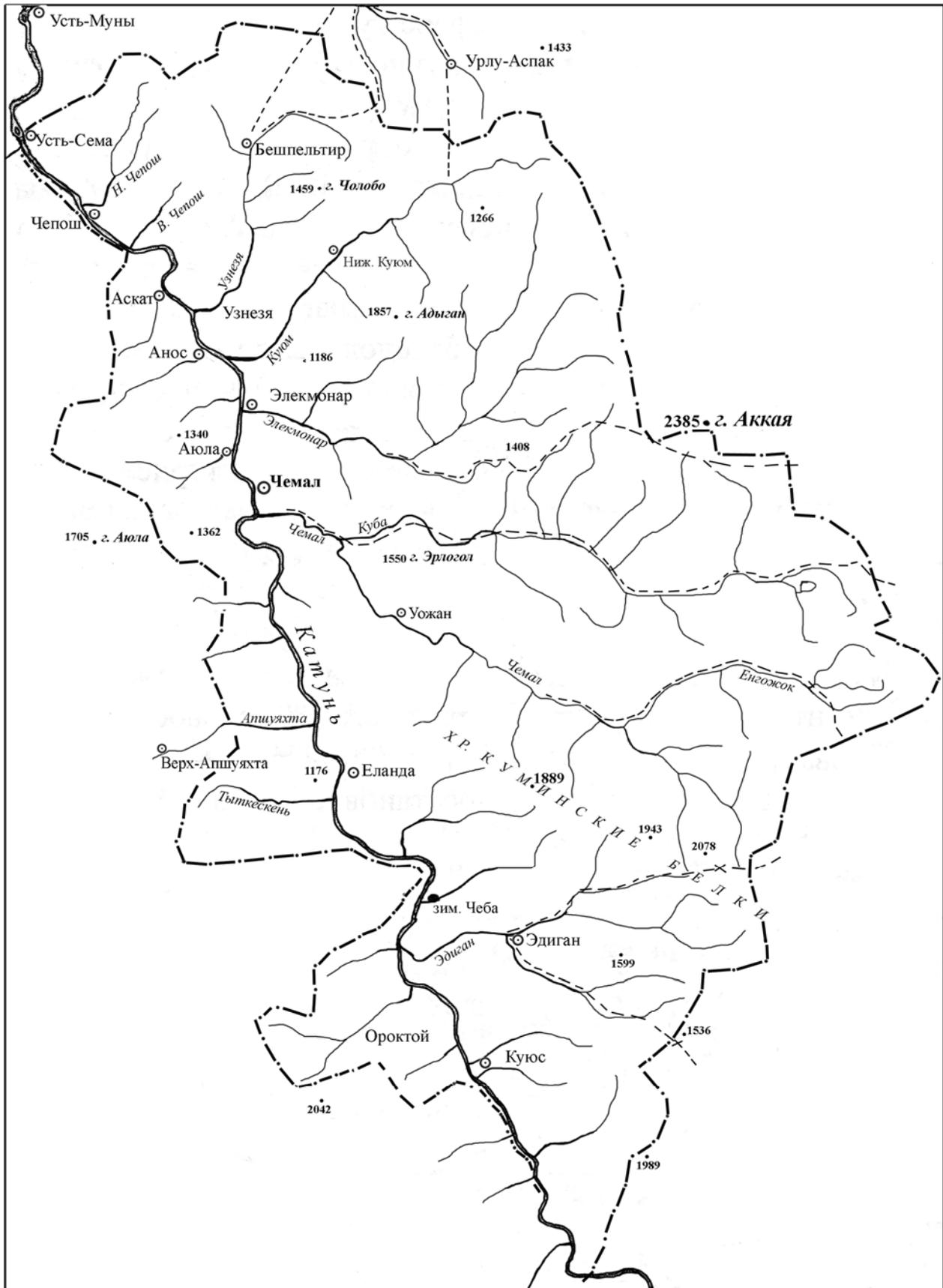

Рис. 26. Карта Чемальского район

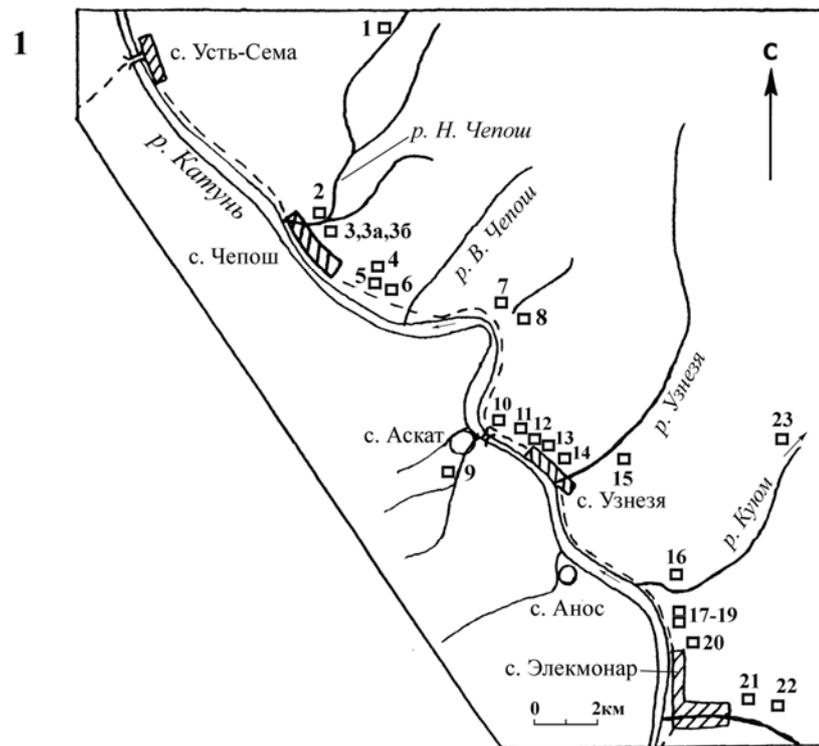

Рис. 28. Карта-схема расположения поселений и городищ по Катунь между сёлами Чепош и Элекмонар (1): 1, 2 – Нижний Чепош-1, 2; 3, 3а, 3б – городища Нижний Чепош-3, 4 и поселение Чичка; 4 – Чепош-2; 5 – Чепош-1; 6 – Чепош-4; 7 – Карасу-2; 8 – Карасу-1; 9, 10 – Аскат-1, 2; 11 – Партизанская Катужка; 12 – Узнезя-7; 13 – Узнезя-6; 14 – Узнезя-4; 15 – Узнезя-1; 16 – Курюм; 17-19 – Элекмонар-4, 4а, 4б; 20 – Инышкин Лог; 21, 22 – Хемчик-1, 2; 23 – Королой. Вид на место нахождения поселения Чепош-2 (2)

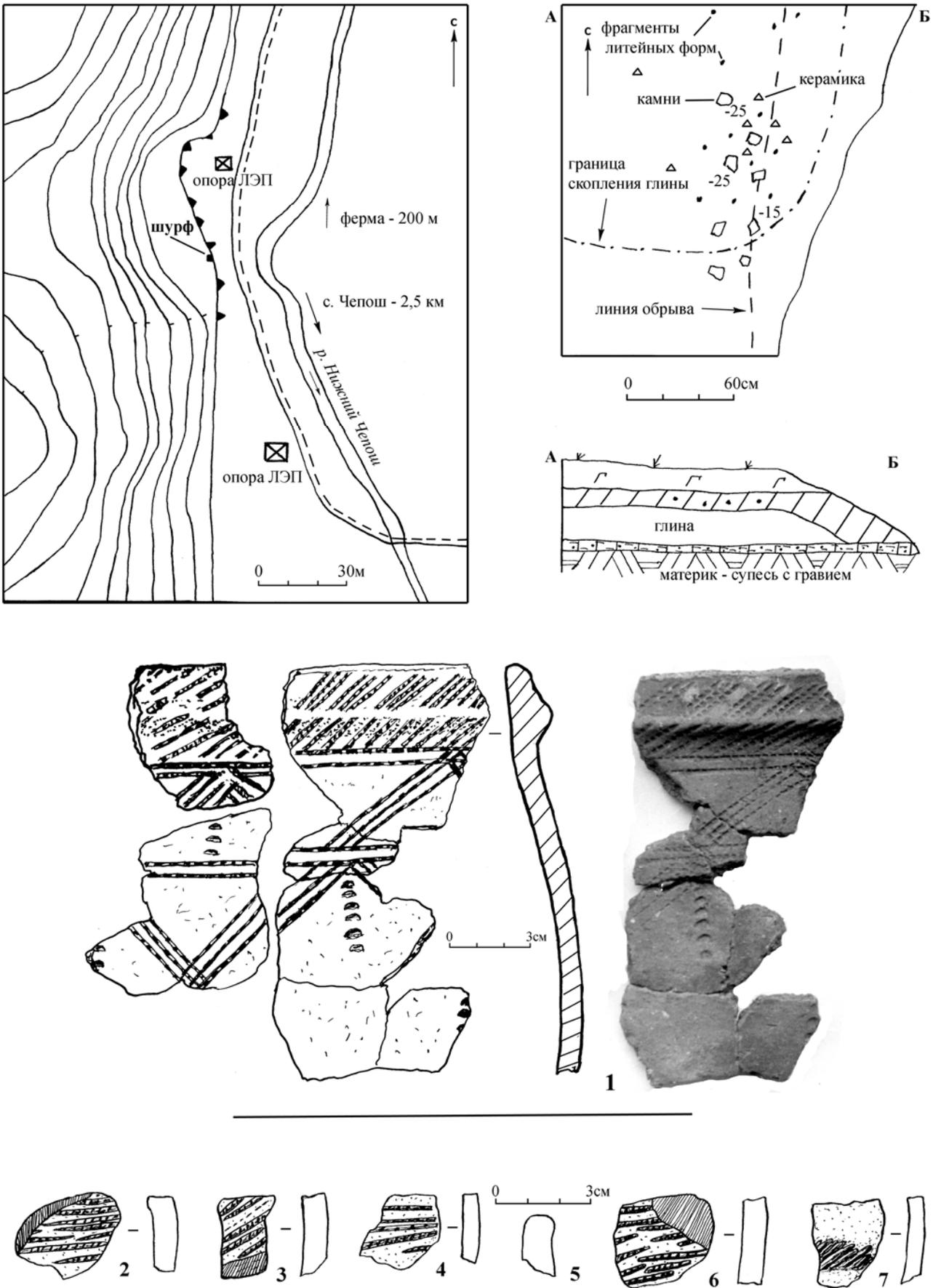

Рис. 29. Поселения Нижний Чепеш-2 (А, Б, 1); Чепеш-1 (2-56); Чепеш- 4 (6); Чичка (7).

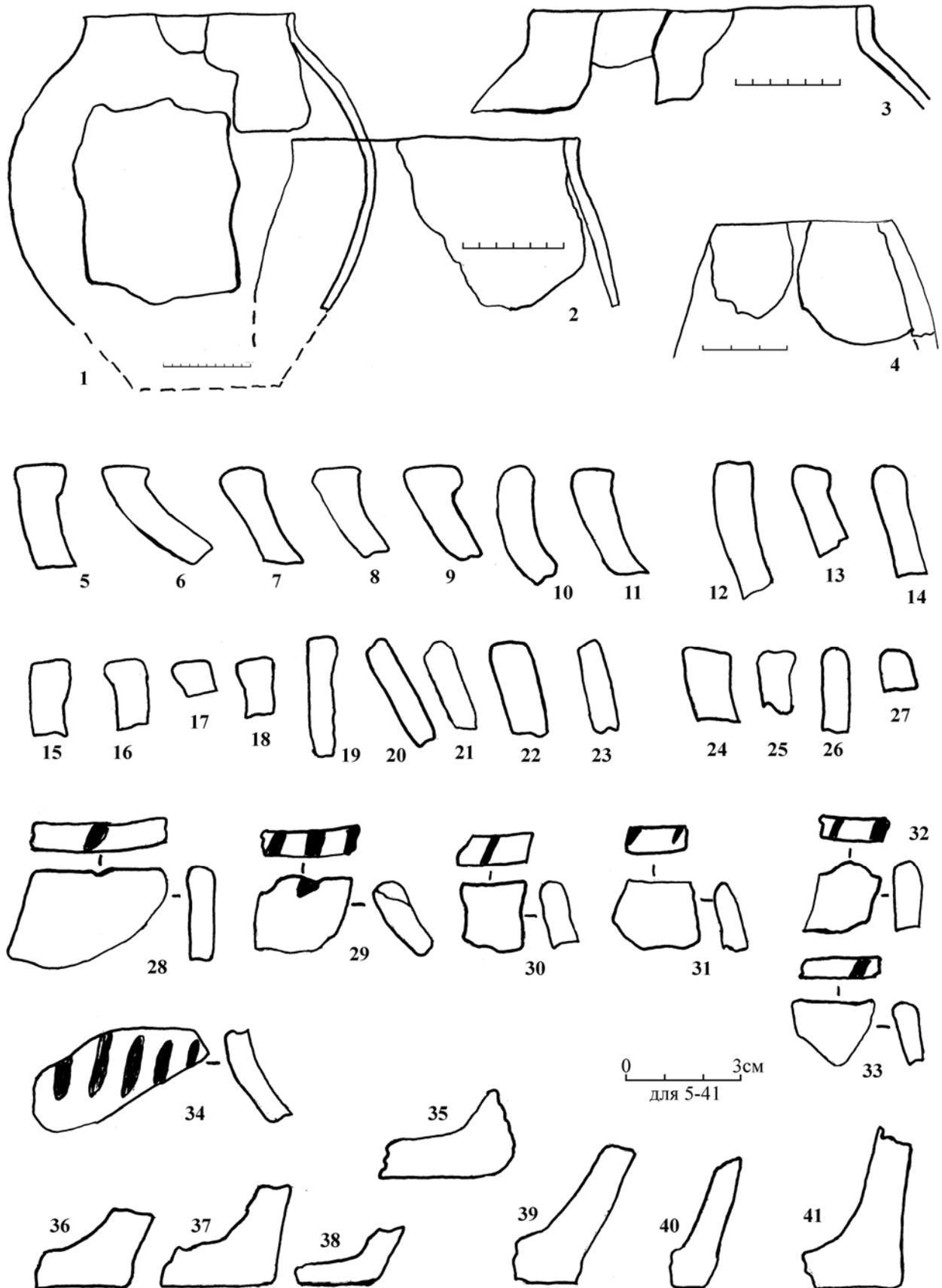

Рис. 31. Керамика, найденная в шурфе на городище Н. Чепош-4 в 1987 г.

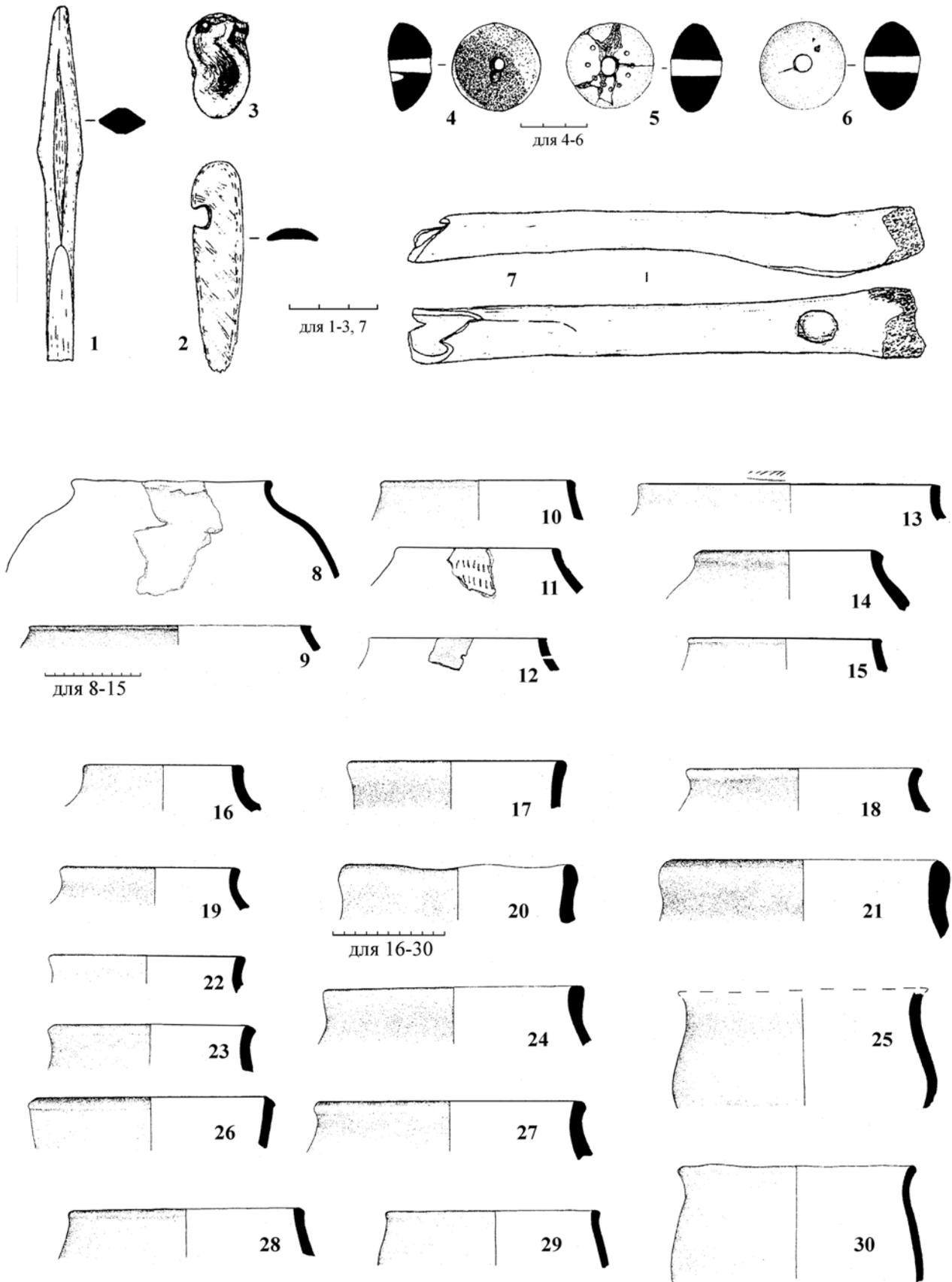

Рис. 32. Городища Нижний Чепош-3, 4. Материалы из раскопок В.И. Соёнова: наконечник стрелы, концевая накладка на лук, альчик, пряслица и мочеотводная трубочка (1-7), графические реконструкции сосудов (8-30). Керамика – 5, 6, 8-30; кость (рог) – 1-4, 7) (по: Соёнов и др., 2011)

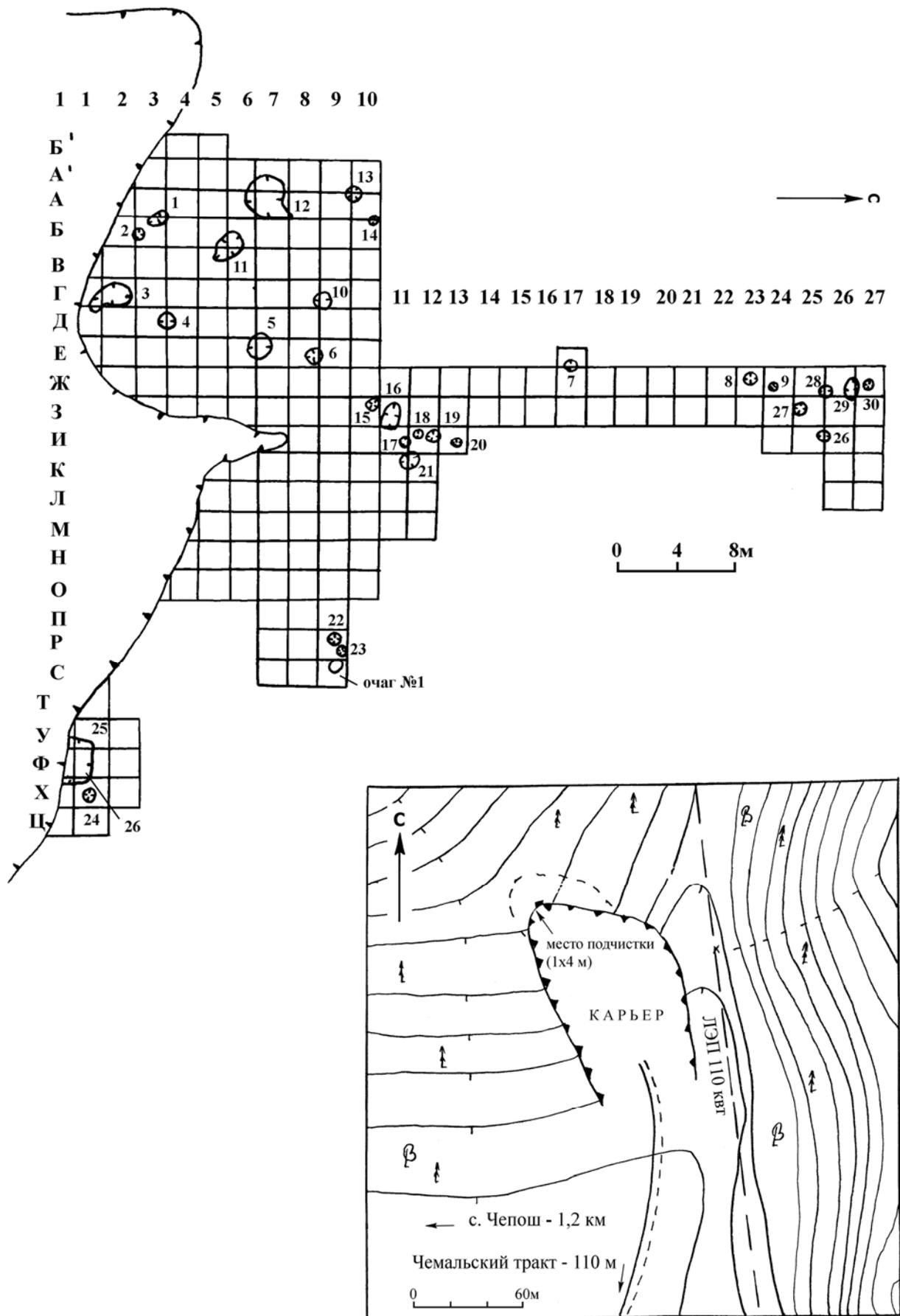

Рис. 33. Поселение Чепош-2. Глазомерный план места расположения поселения Чепош-2.
План раскопа

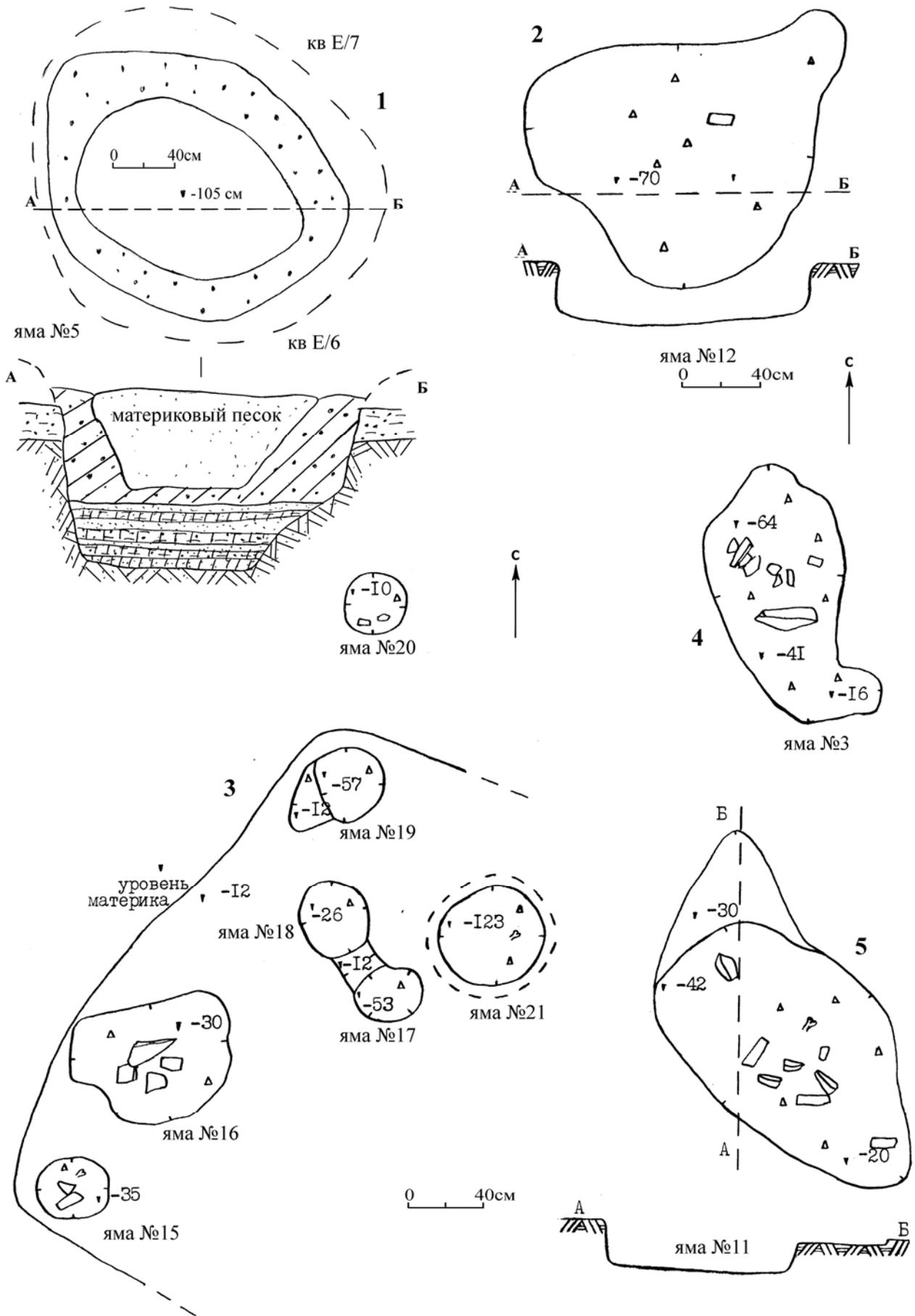

Рис. 34. Поселение Чепоч-2. Хозяйственные ямы и контуры жилища

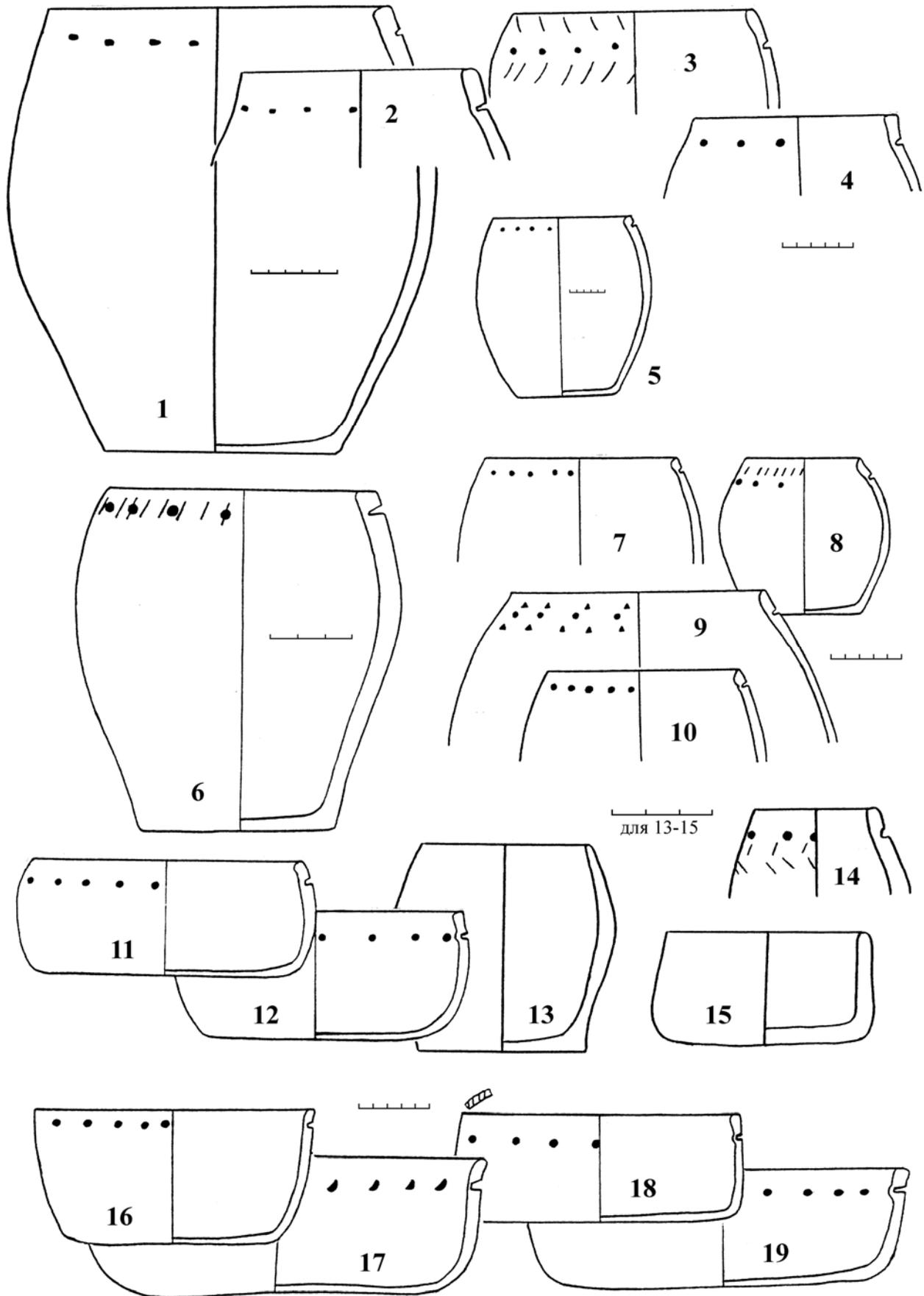

Рис. 35. Поселение Чепеш-2. Керамика

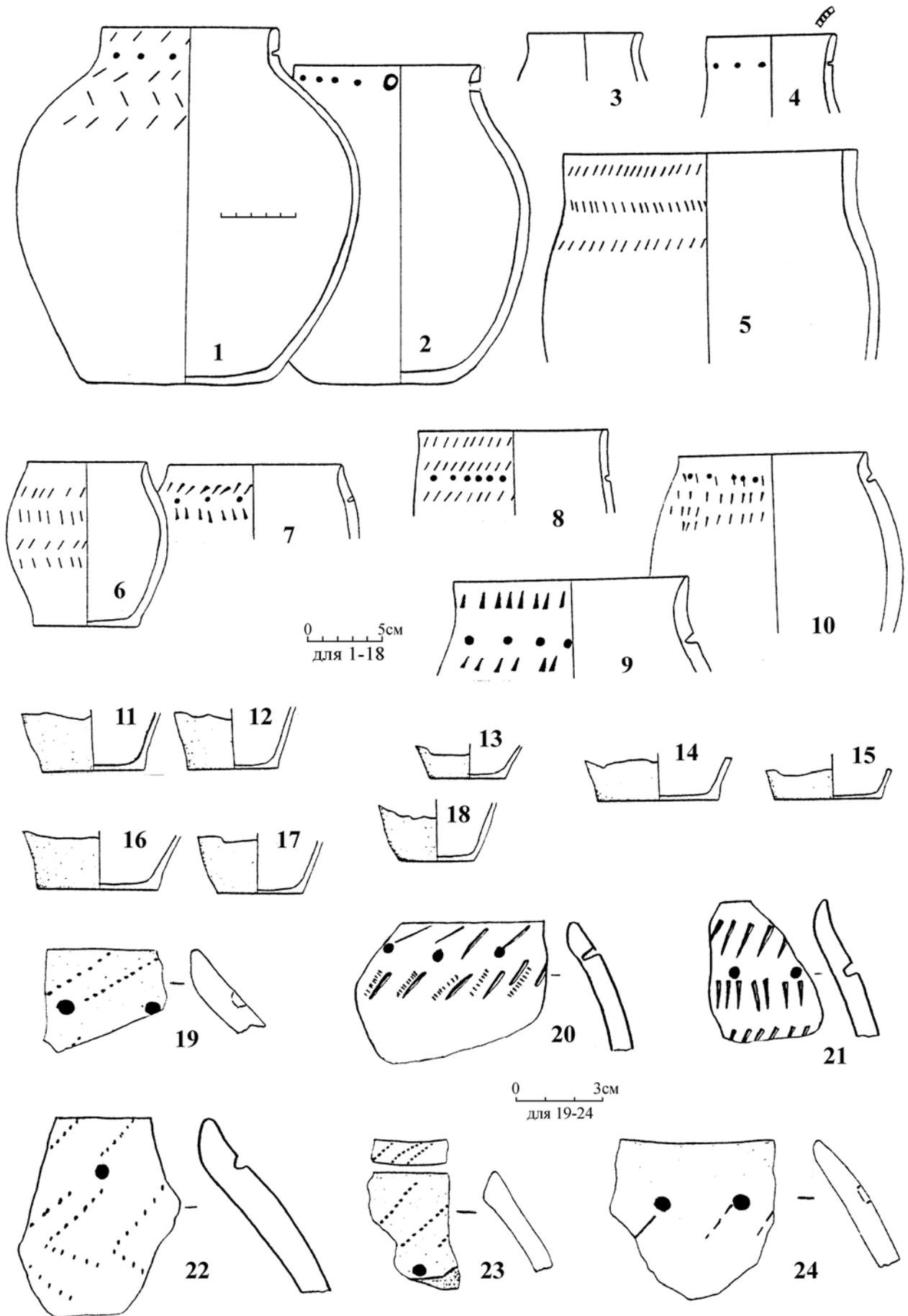

Рис. 36. Поселение Чепеш-2. Керамика

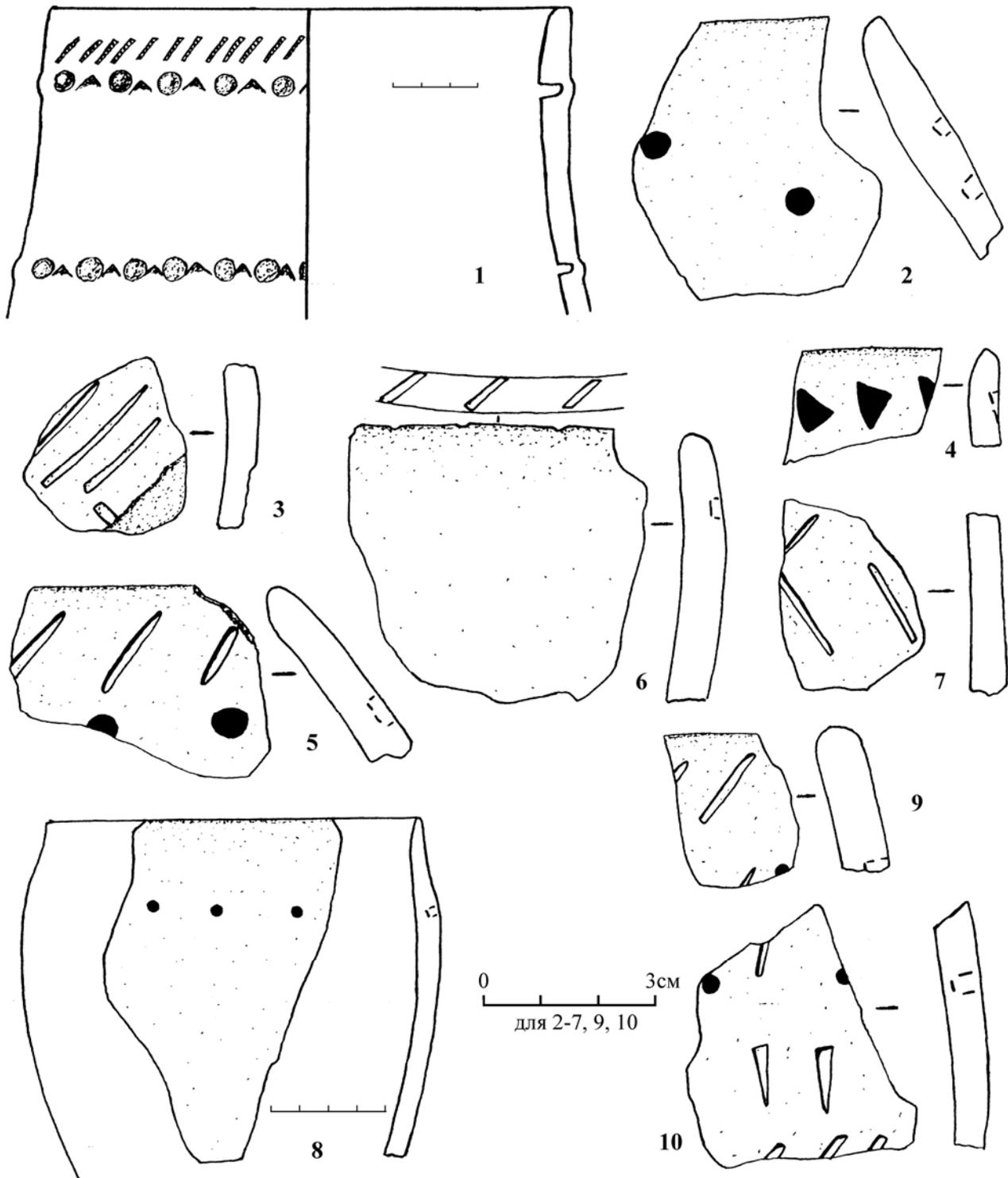

Рис. 37. Поселение Чепеш-2. Керамика из ям 24, 25 и перекрывающего их слоя (1-3):
яма 25 – 4, 9, 10; яма 24 – 5-8

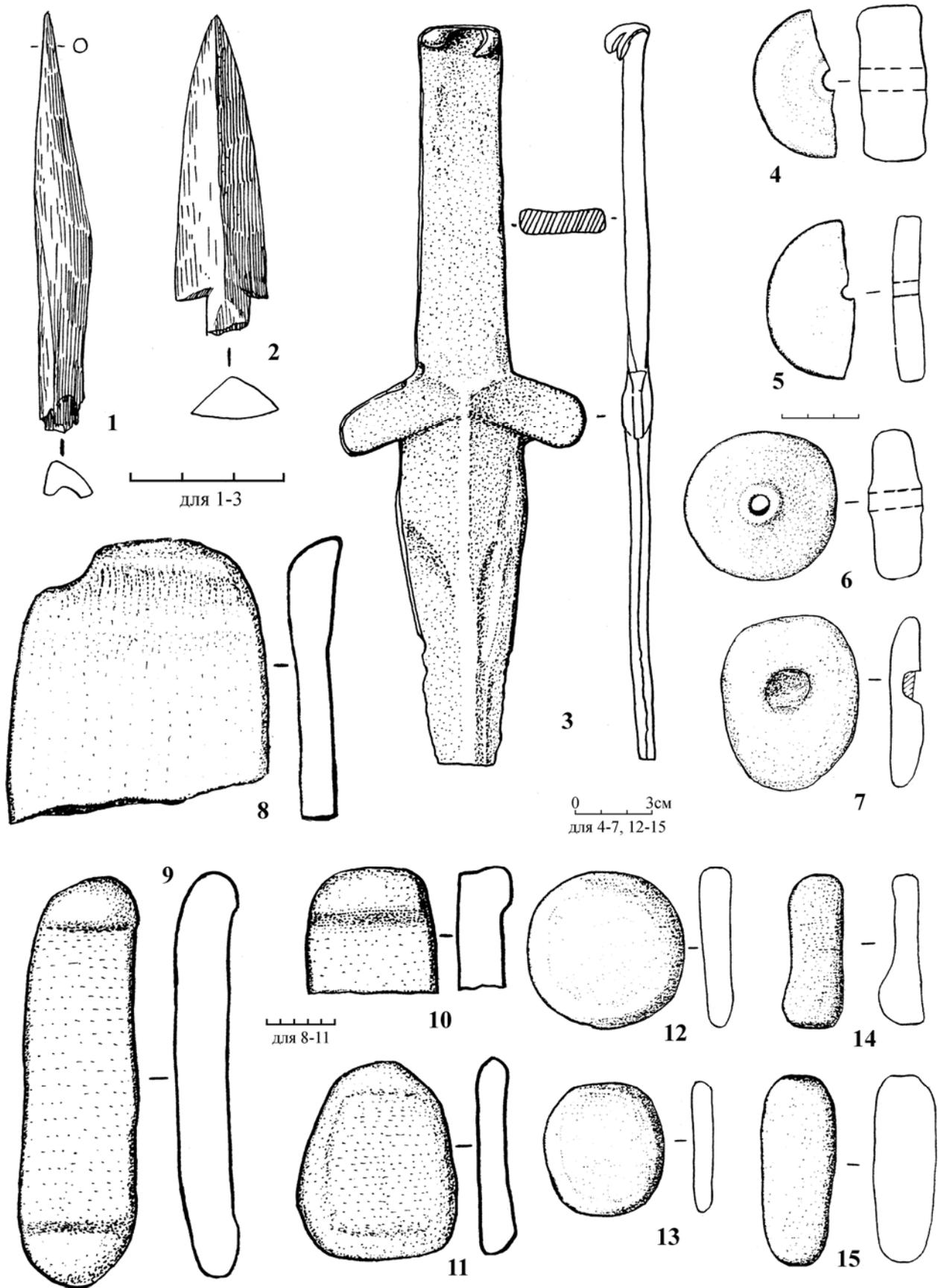

Рис. 38. Поселение Чепощ-2. Инвентарь: 1 – проколка (?); 2 – наконечник стрелы; 3 – кинжал;
 4-6 – пряслица; 7 – галька с охрой; 8, 11 – нижние камни зернотёрок; 9, 10 – верхние камни
 зернотёрок (куранты); 12, 13 – гальки; 14, 15 – песты. Бронза – 3; рог – 2; кость – 1; глина – 4-6;
 камень – 8-15; камень, охра – 7

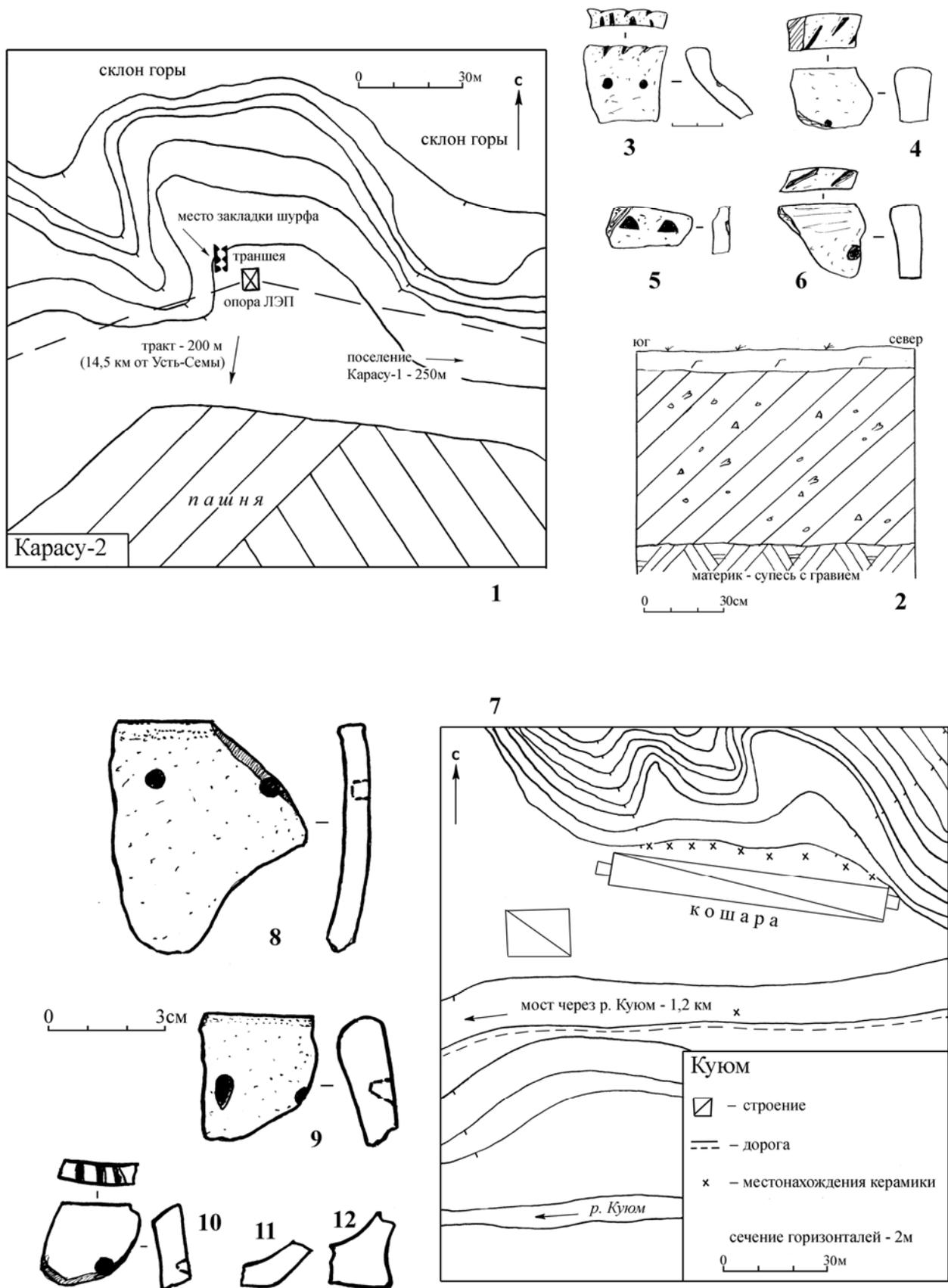

Рис. 39. Поселение Карасу-2 и Куюм. Карасу-2: 1, 2 – глазомерный план поселения и стратиграфия стенки шурфа; 3-6 – керамика. Куюм: 7 – глазомерный план; 8-12 – керамика

1

2

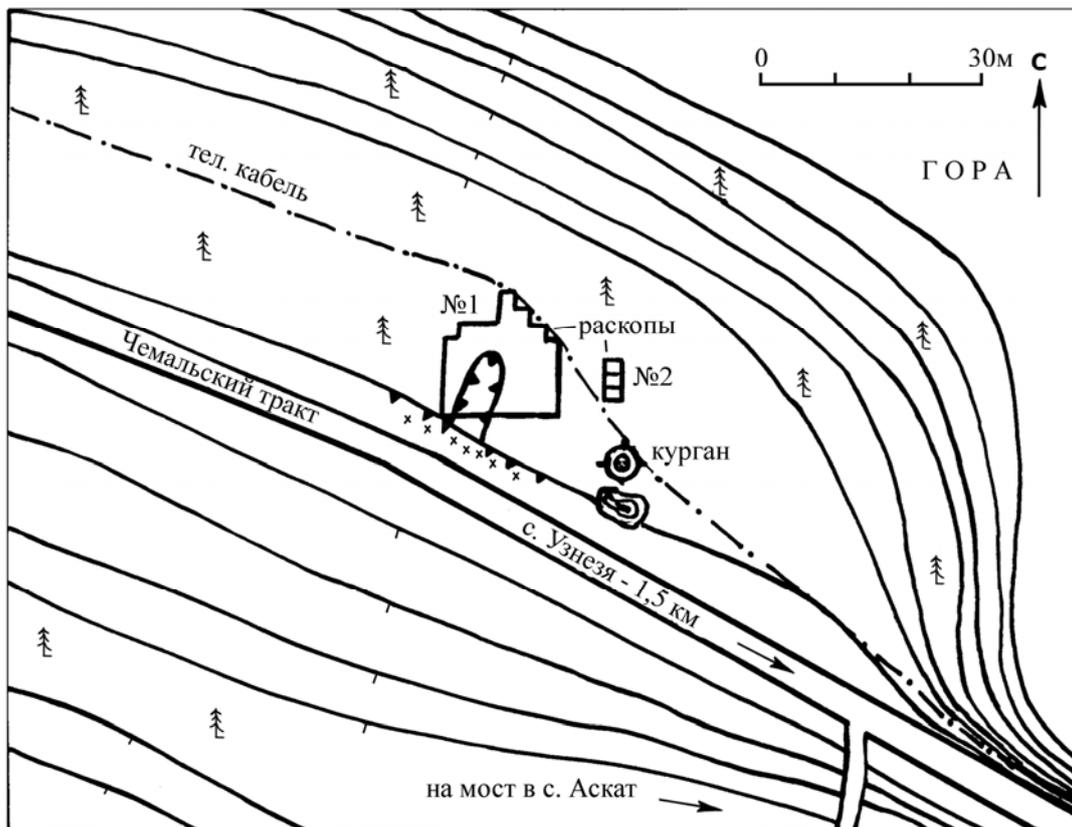

Рис. 40. Поселение Аскат-2: 1 – вид с юго-востока (место раскопа указано стрелкой);
2 – глазомерный план

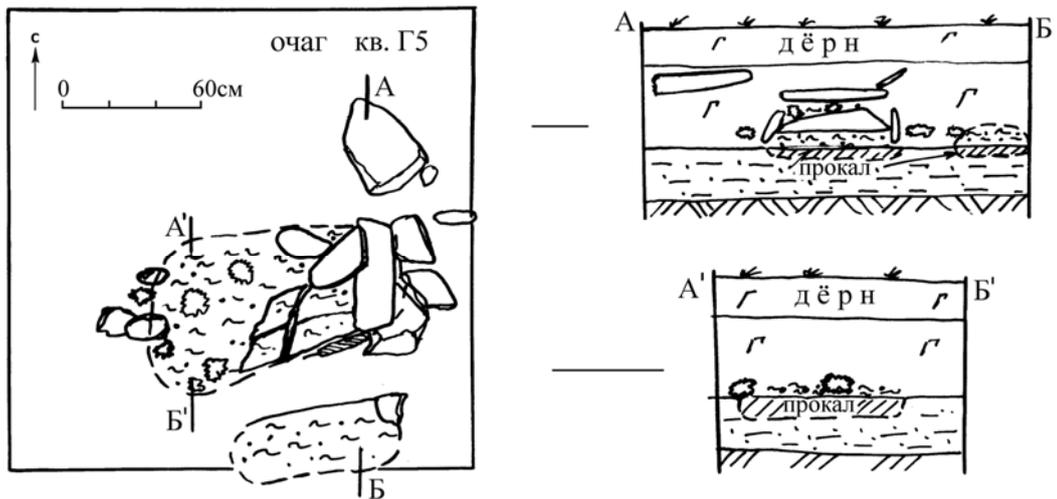
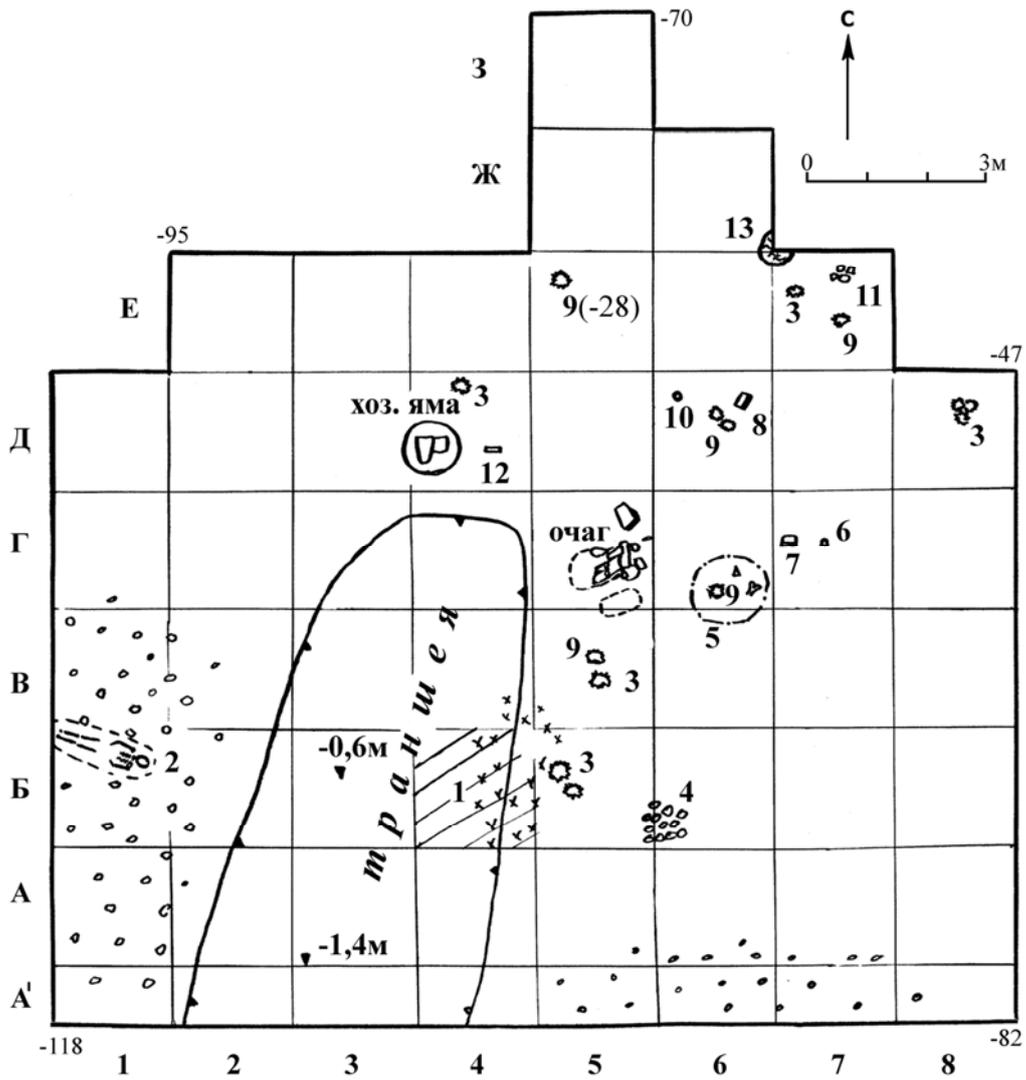

Рис. 41. Поселение Аскат-2. План раскопа (1 – скопление афанасьевской керамики (-35-45); 2 – захоронение человека (-60); 3 – кусочки глинистой обмазки (-30-40); 4 – скопление колотых галек (-35); 5 – скопление керамики и костей раннего железного века (-35-75); 6 – литейная форма пряжки (-37); 7 – обломок куранта (-40); 9 – обломки литейных форм (-30-35); 10 – пряслице (-30); 11 – фрагменты черепа человека (-56); 12 – обломок куранта (-51); 13 – скопление золы мощностью 5-6 см (-40). План и разрез очага в кв. Г5

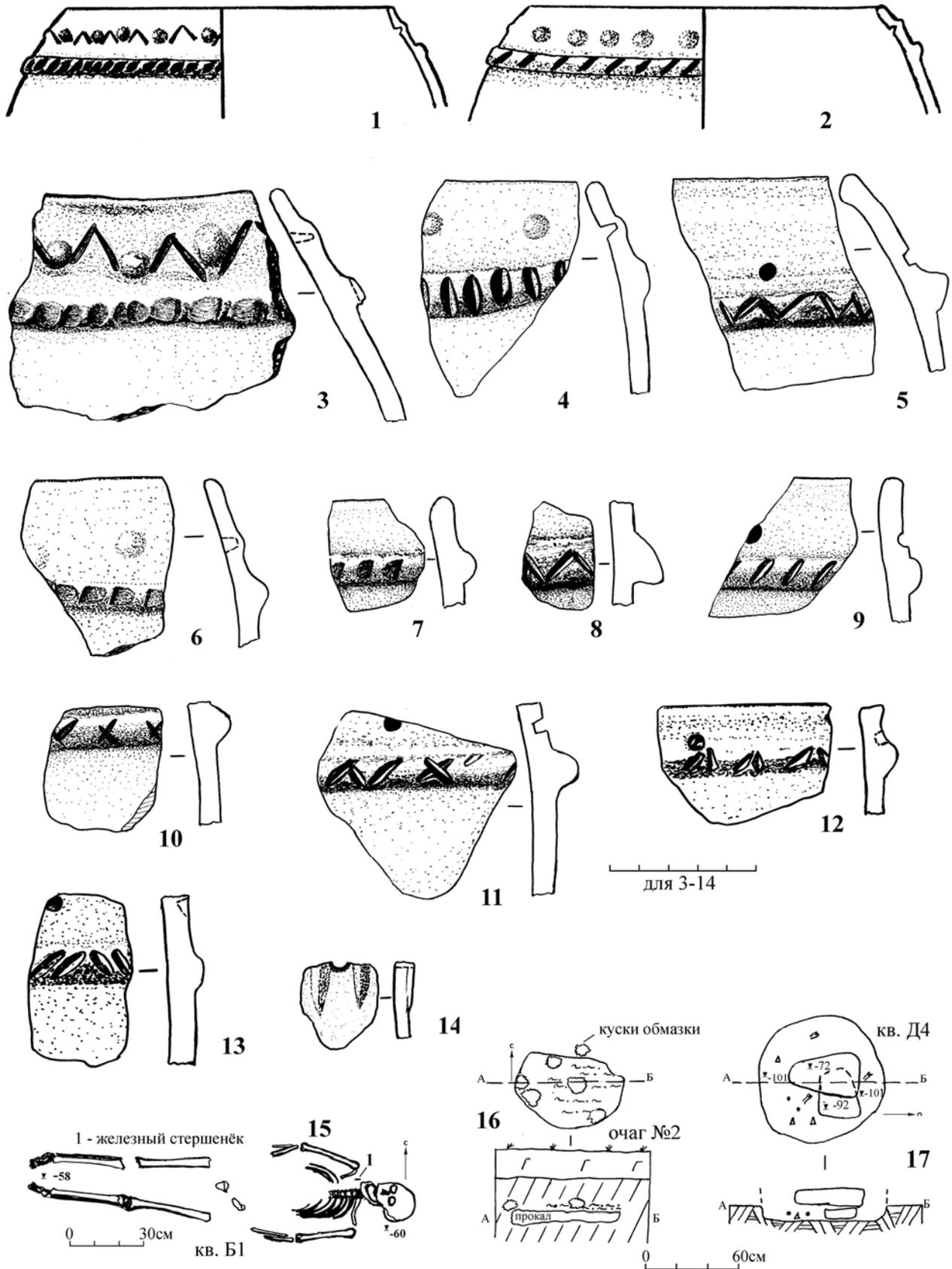

Рис. 42. Поселение Асгат-2. Валиковая керамика (1-14), костяк человека в кв. Б1 (15), очаг №2 и хозяйственная яма из кв. Д4 (16, 17)

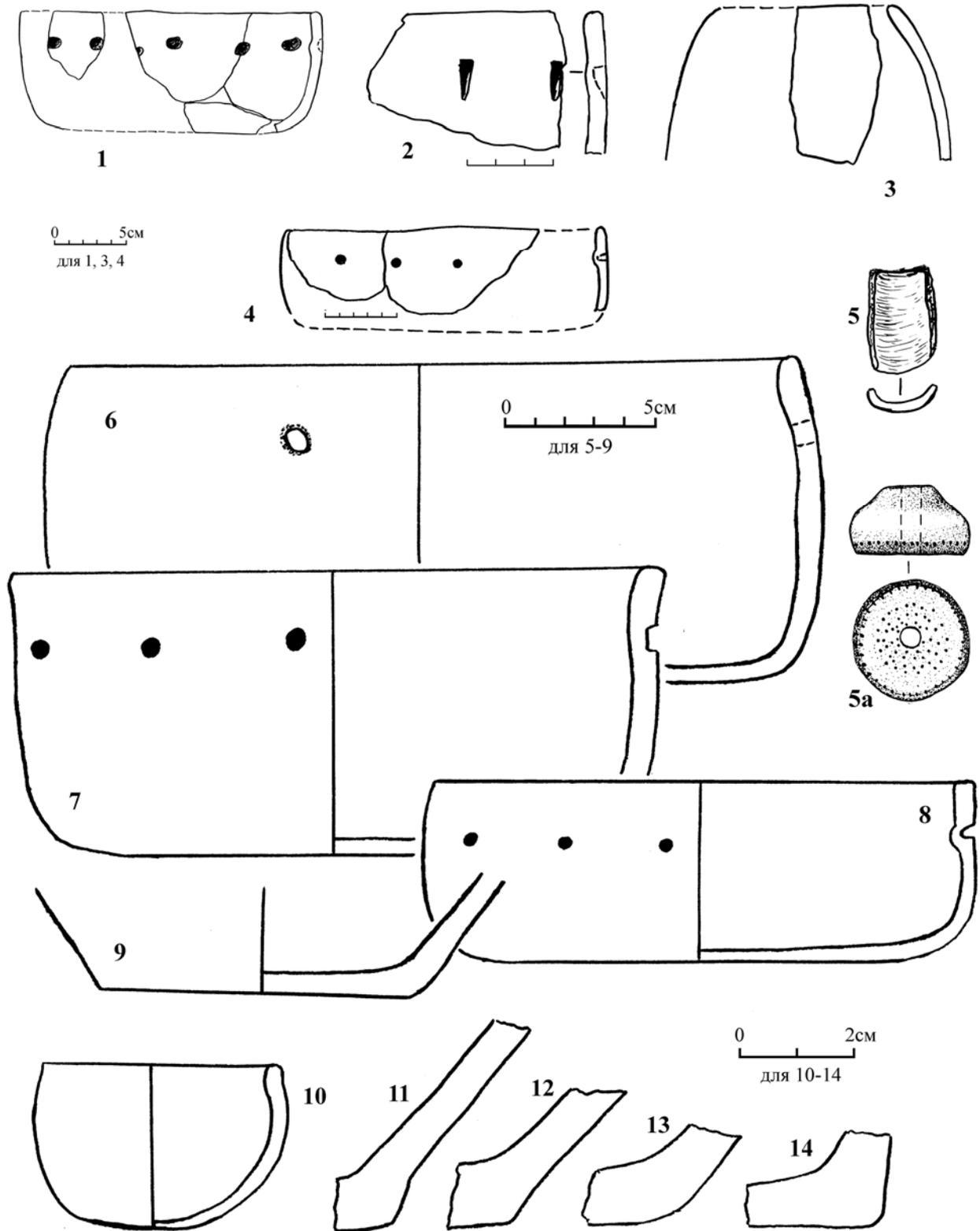

Рис. 43. Поселение Аскат-2. Керамика; чаши (1, 2, 4, 6-8); баночный сосуд (3); миниатюрный сосудик (10); днища (9, 11-14); фрагмент слива или трубочки (5); пряслице (5а)

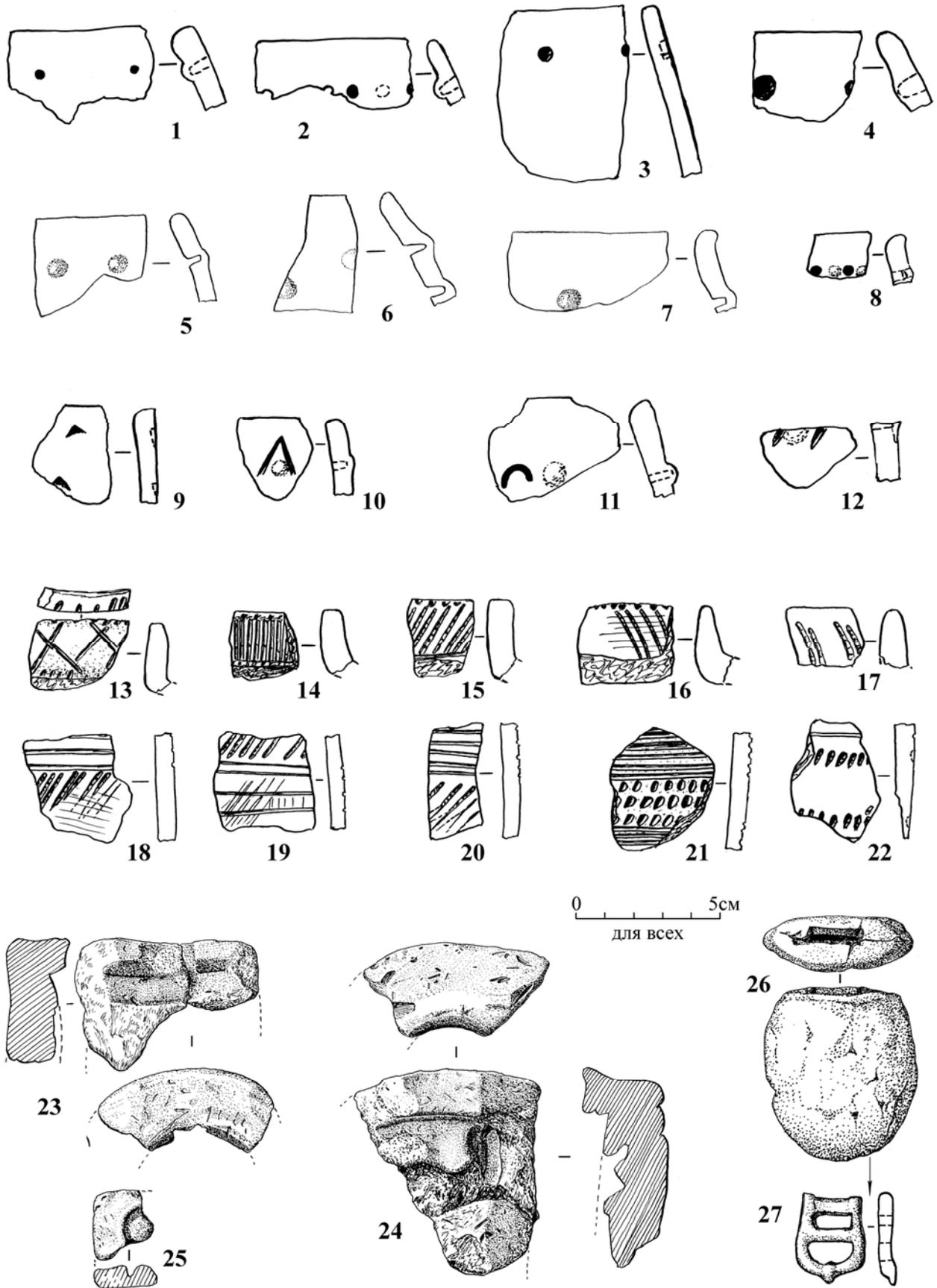

Рис. 44. Поселение Асгат-2. Различные виды орнамента керамики раннего железа (1-12) и афанасьевской культуры (13-22). Обломки глиняных форм (23-25), сохранившаяся форма и отлитая в ней восковая пряжка (26, 27)

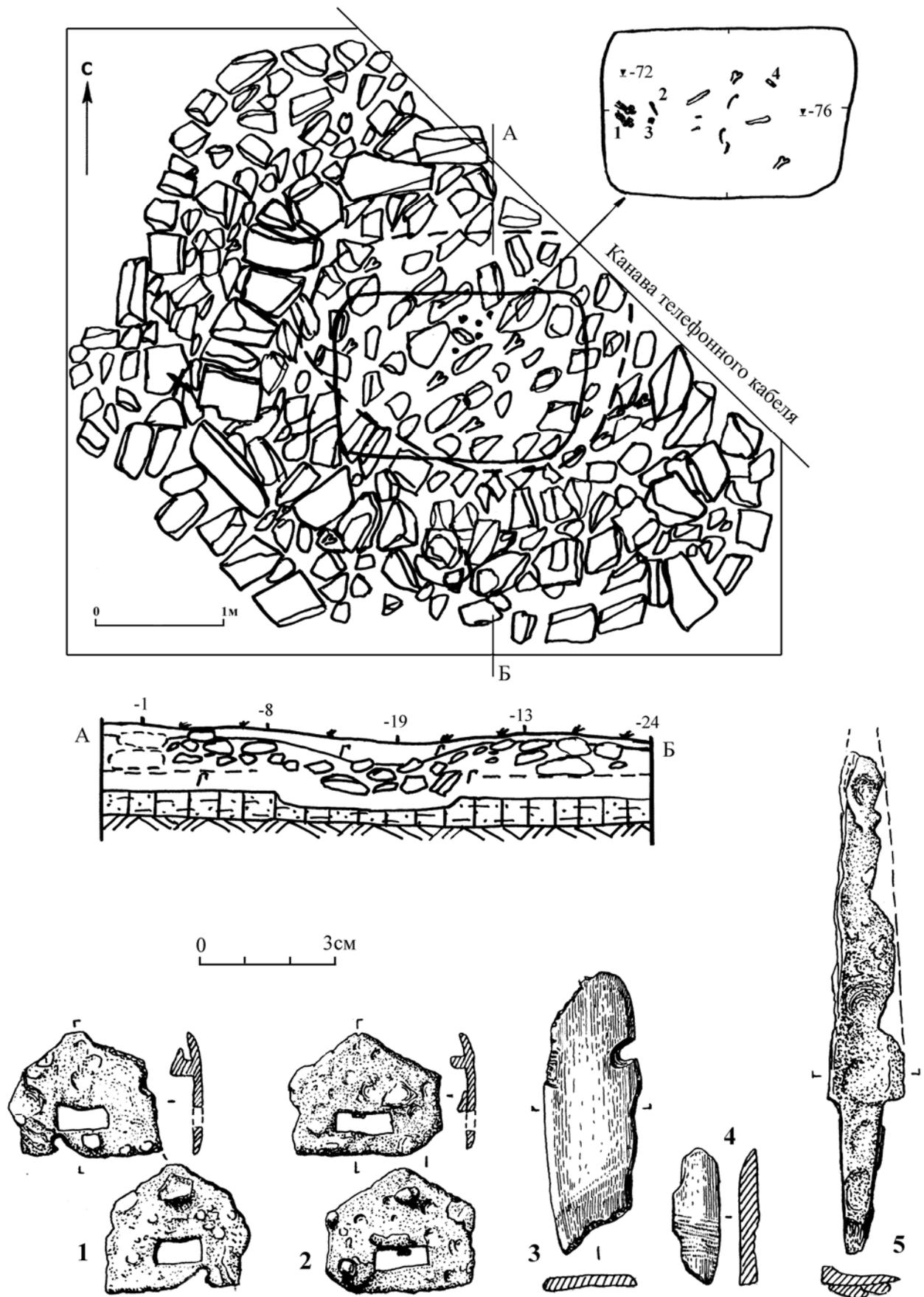

Рис. 45. Курган на поселении Аскат-2

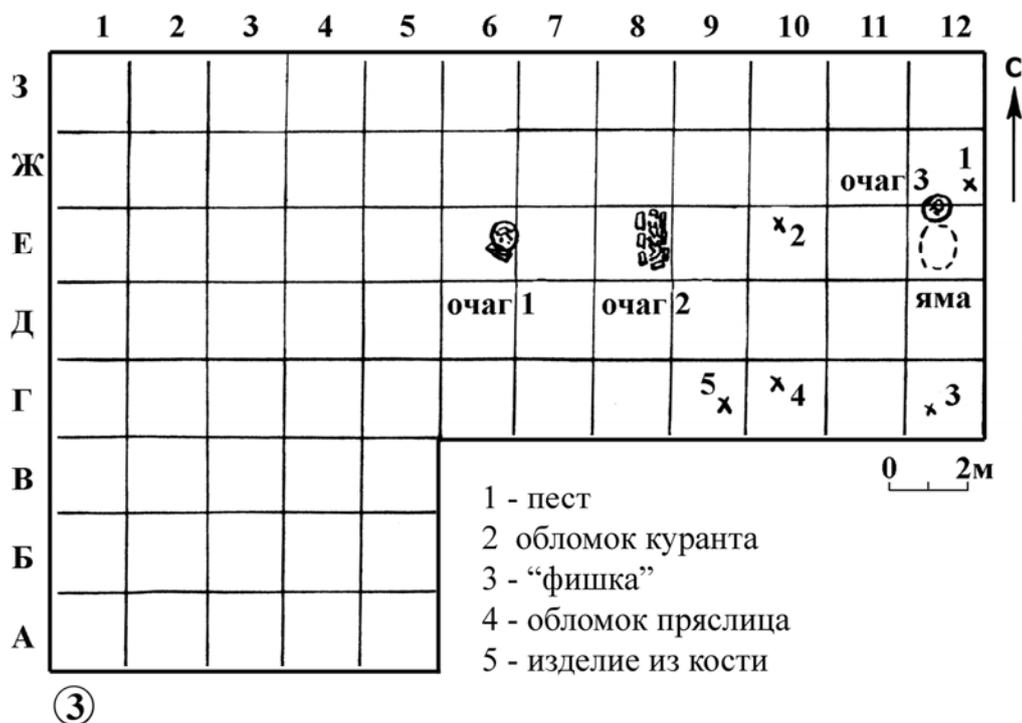
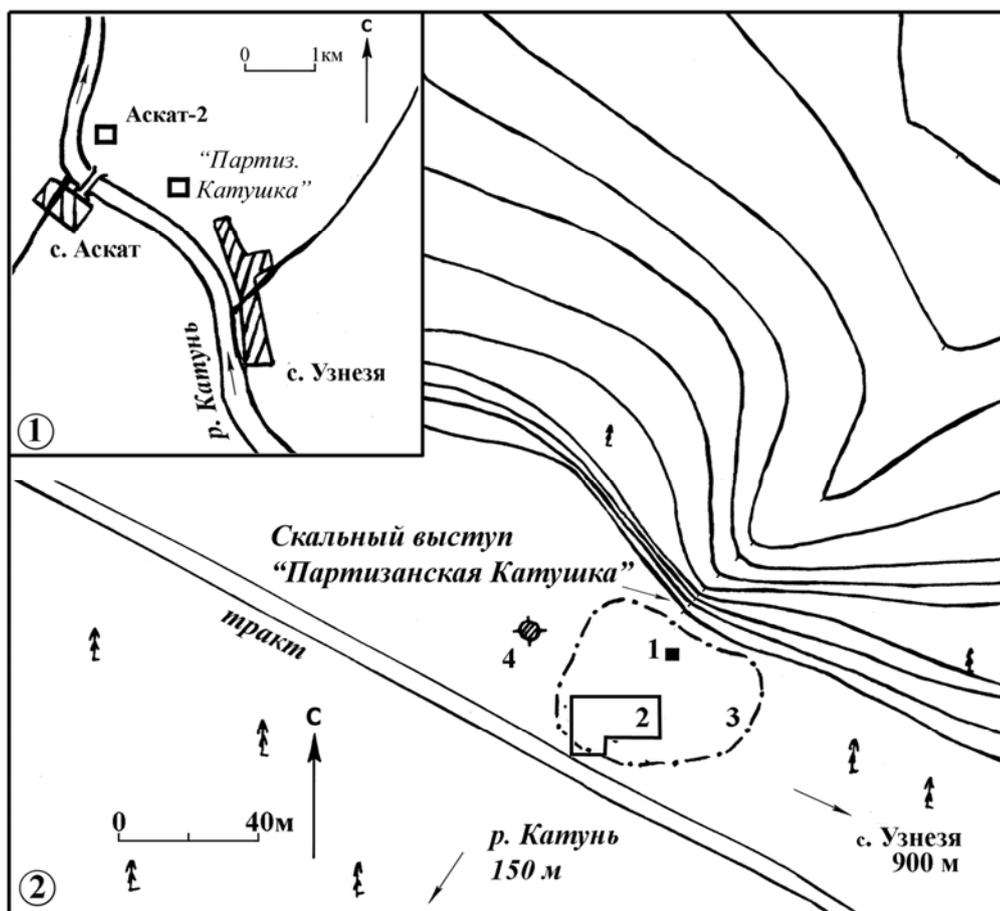

Рис. 46. 1 – карта-схема расположения поселений Партизанская Катущка и Аскаат-2;
 2 – план расположения поселения Партизанская Катущка (1 – шурф 1985 г.; 2 – контуры раскопа;
 3 – примерные контуры поселения; 4 – курган с раннескифским захоронением в каменном ящике);
 3 – план раскопа с указанием местонахождения очагов

Рис. 47. Поселение Партизанская Катюшка: 1 – общий вид с юго-запада;
2 – вид на раскоп в начале работ 1988 г. со скалы «Партизанская Катюшка»

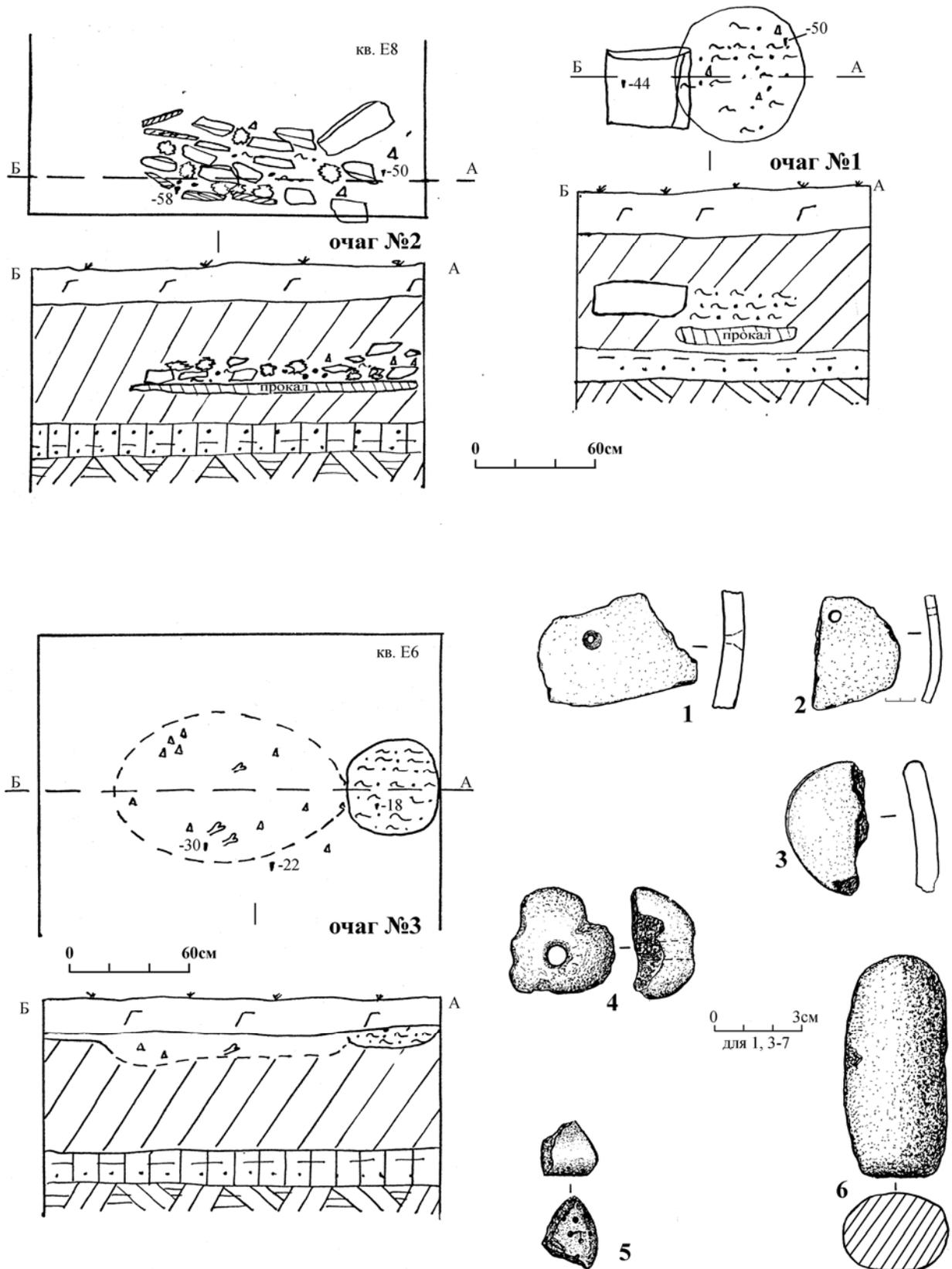

Рис. 48. Поселение Партизанская Катюшка. Планы и разрезы очагов №№1-3, стенки сосудов с отверстиями (1, 2), обработанная стенка сосуда (3), головка бедренной кости животного с отверстием (4), фрагмент конического пряслица и пест (5, 6). Керамика – 1-3, 5; кость – 4; камень – 6

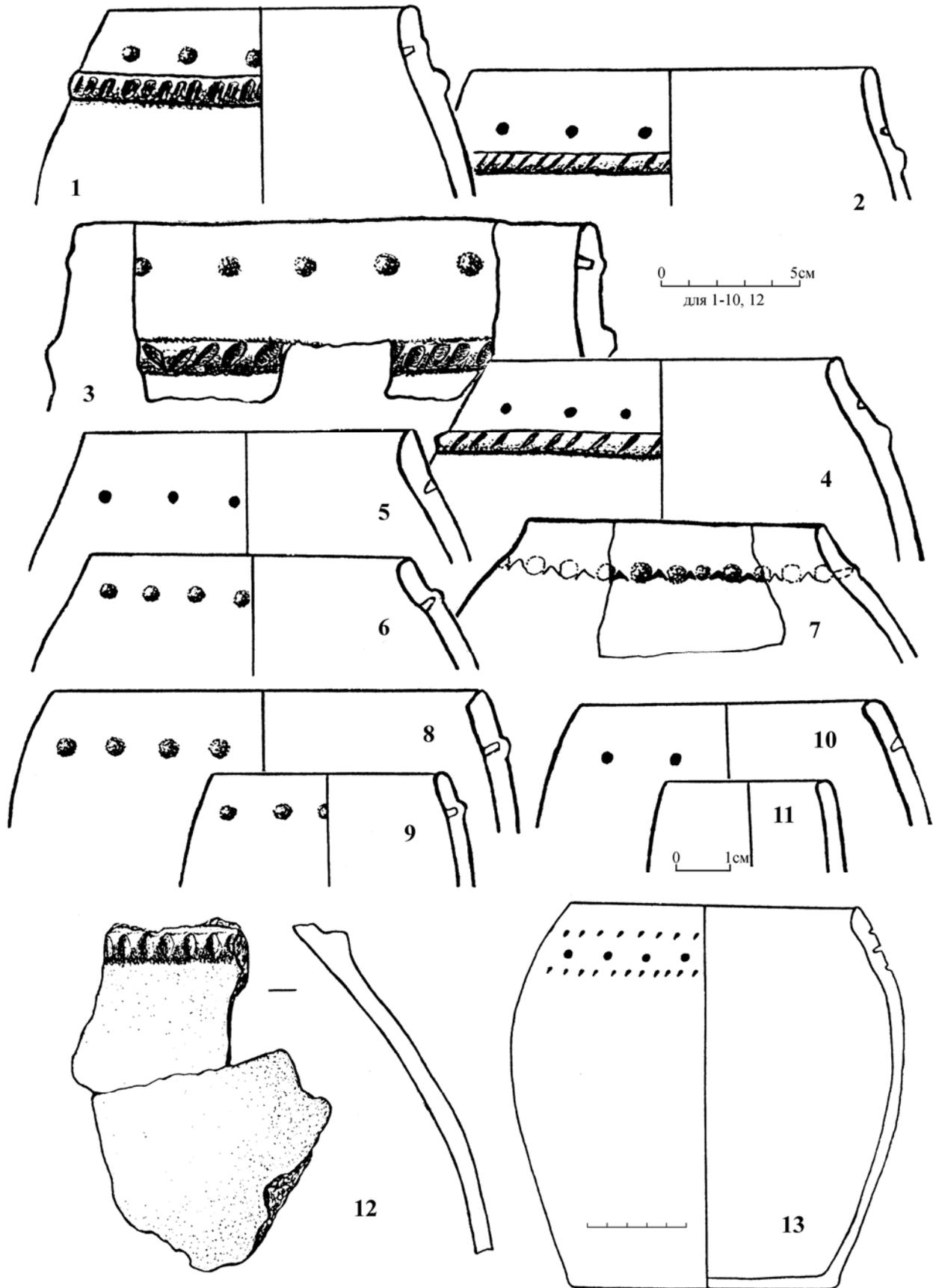

Рис. 49. Баночные сосуды из поселений Партизанская Катущка (1-12) и Узнезя-7 (13)

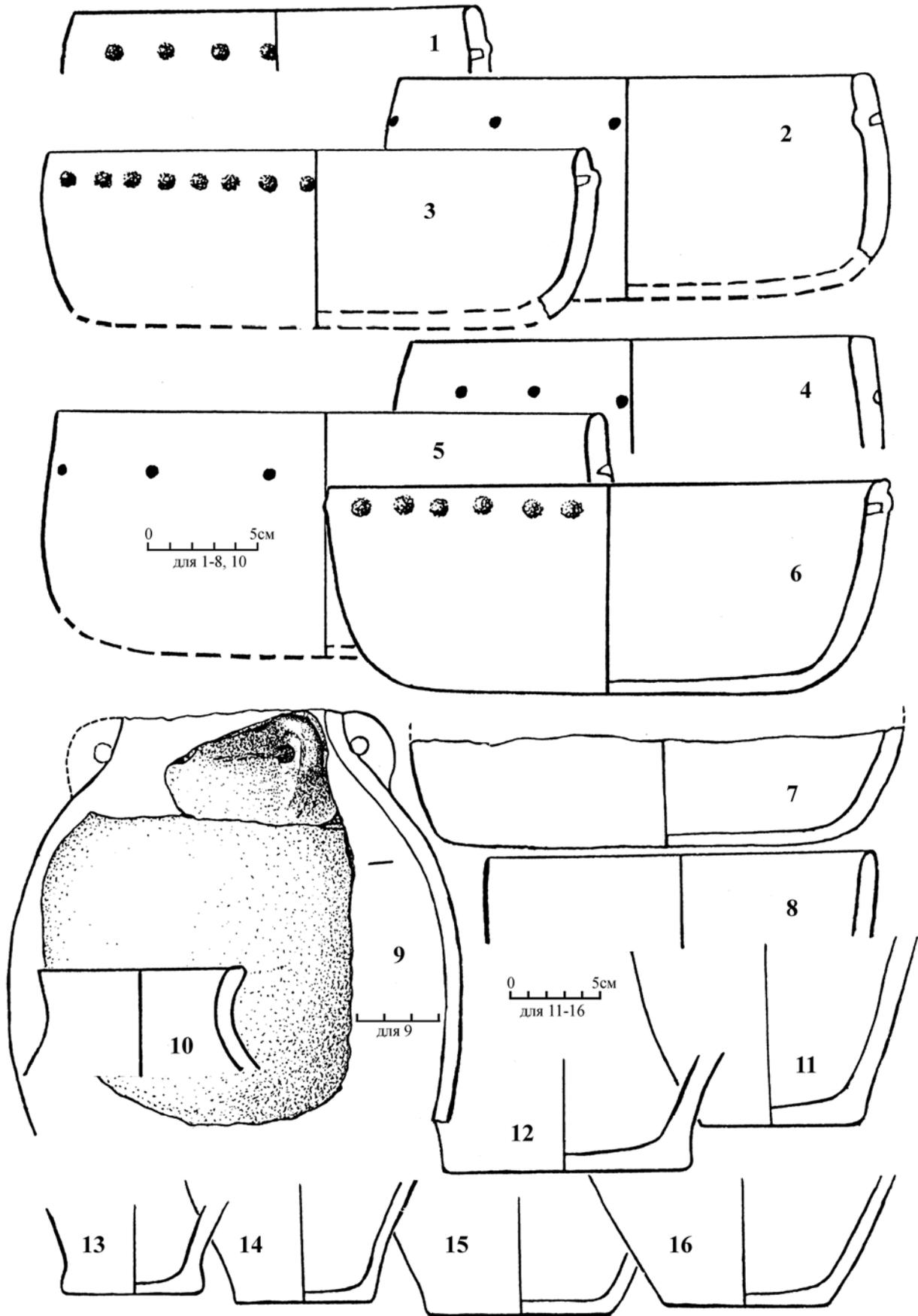

Рис. 50. Поселение Партизанская Катущка: чаши (1-8); кринки (9, 10); днища сосудов (11-16)

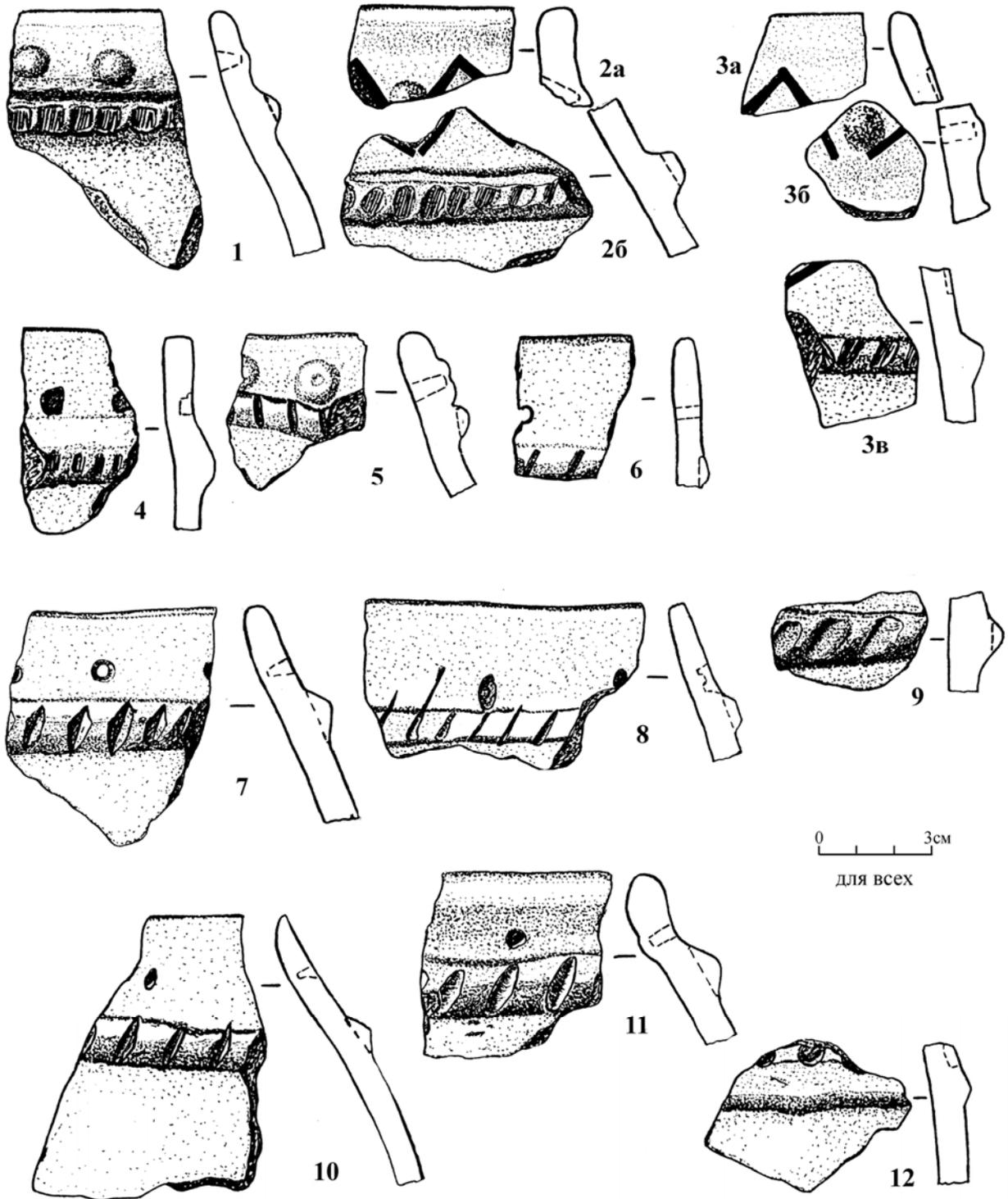

Рис. 51. Поселение Партизанская Катужка. Валиковая керамика. Варианты орнаментации

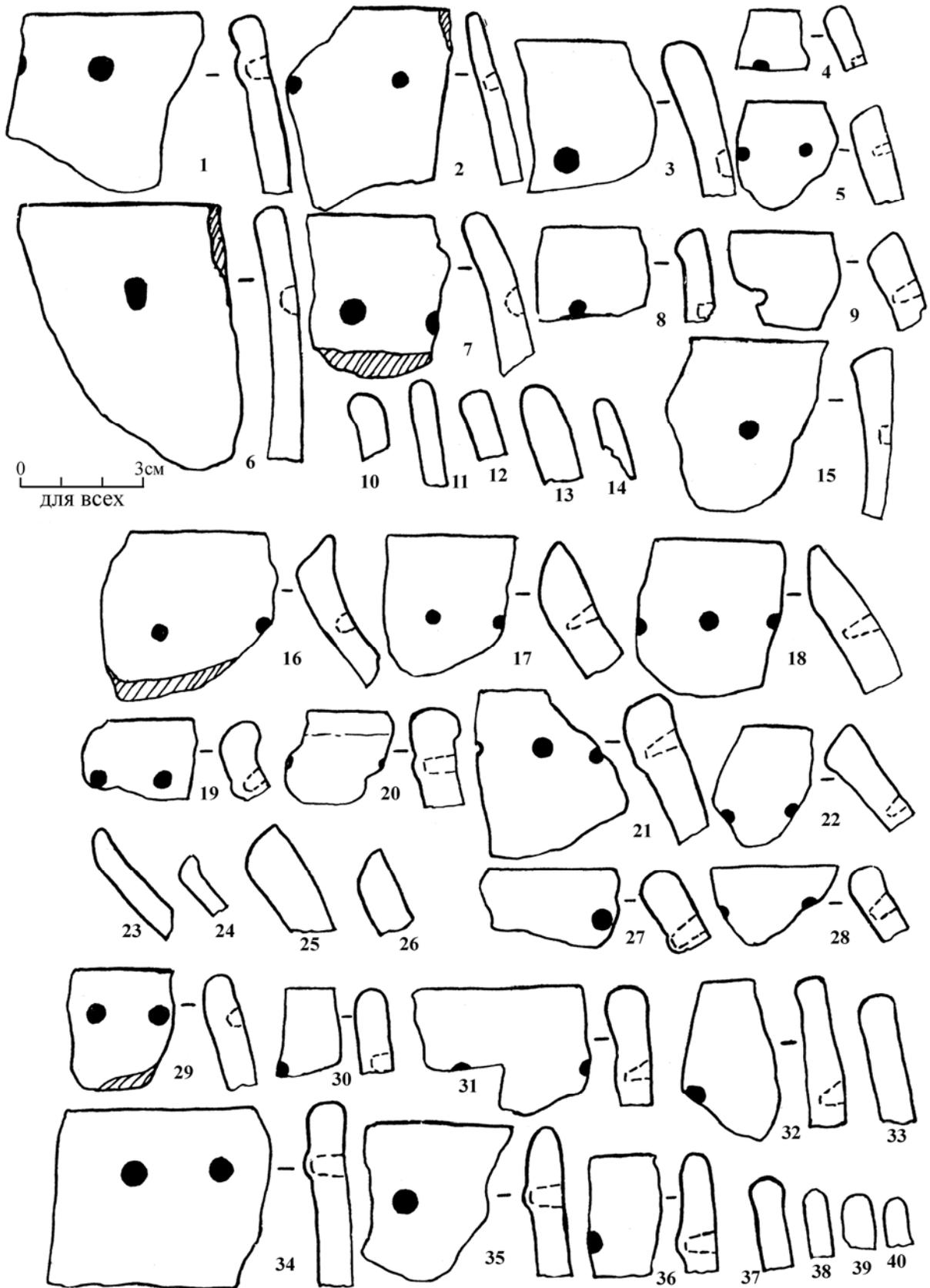

Рис. 52. Поселение Партизанская Катюшка. Керамика из второго (1, 4-8, 15-39) и третьего (2, 3, 9-14, 40) слоёв, орнаментированная округлыми вдавлениями. Очаг №2 (39)

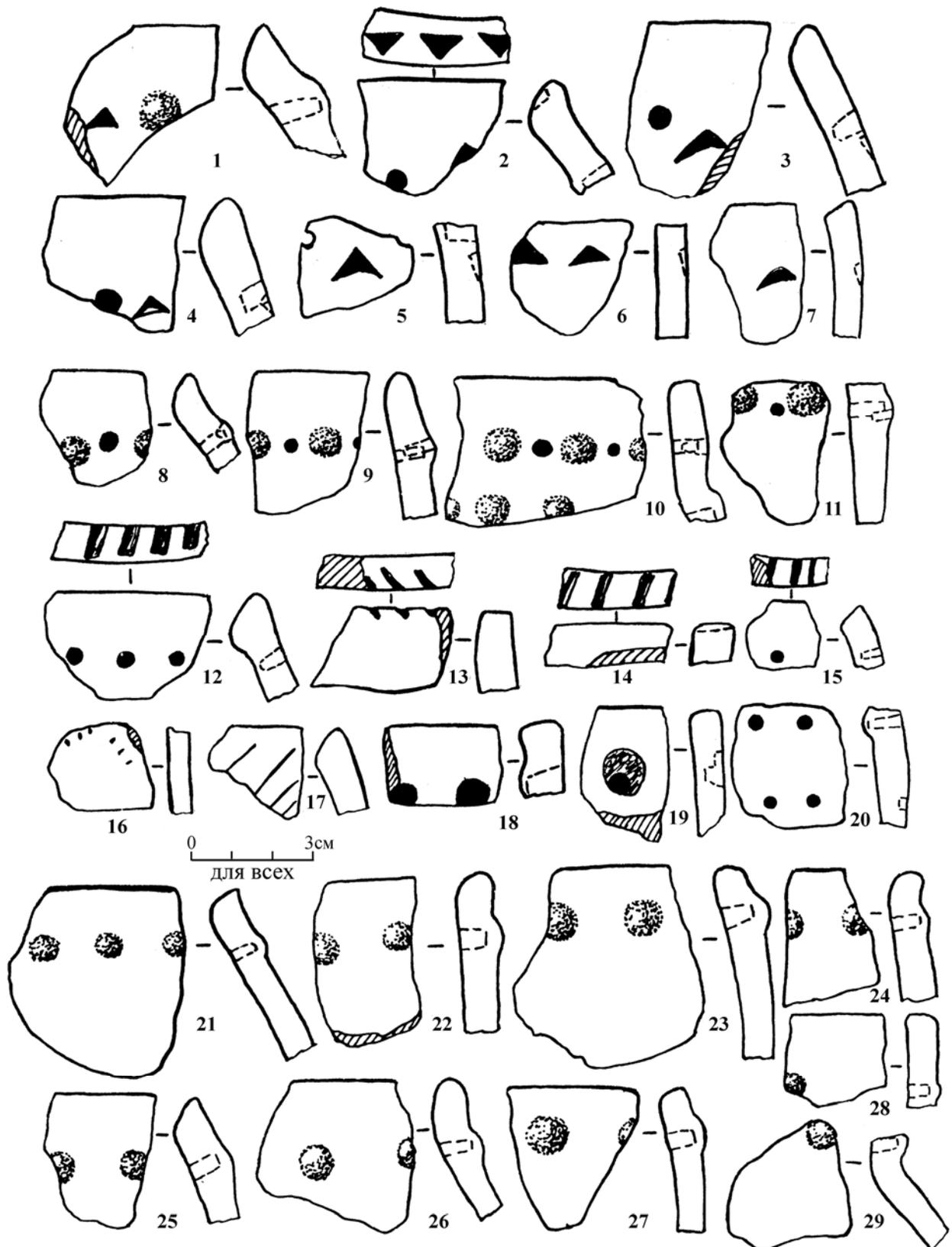

Рис. 53. Поселение Партизанская Катюшка. Керамика из первого (4, 9, 12, 18, 25), второго (3, 5-8, 10, 14, 15-17, 19-24, 26, 28) и третьего (1, 2, 11, 27, 29) слоёв.

Очаг №2 (15, 28). Редкие виды орнамента (1-20)

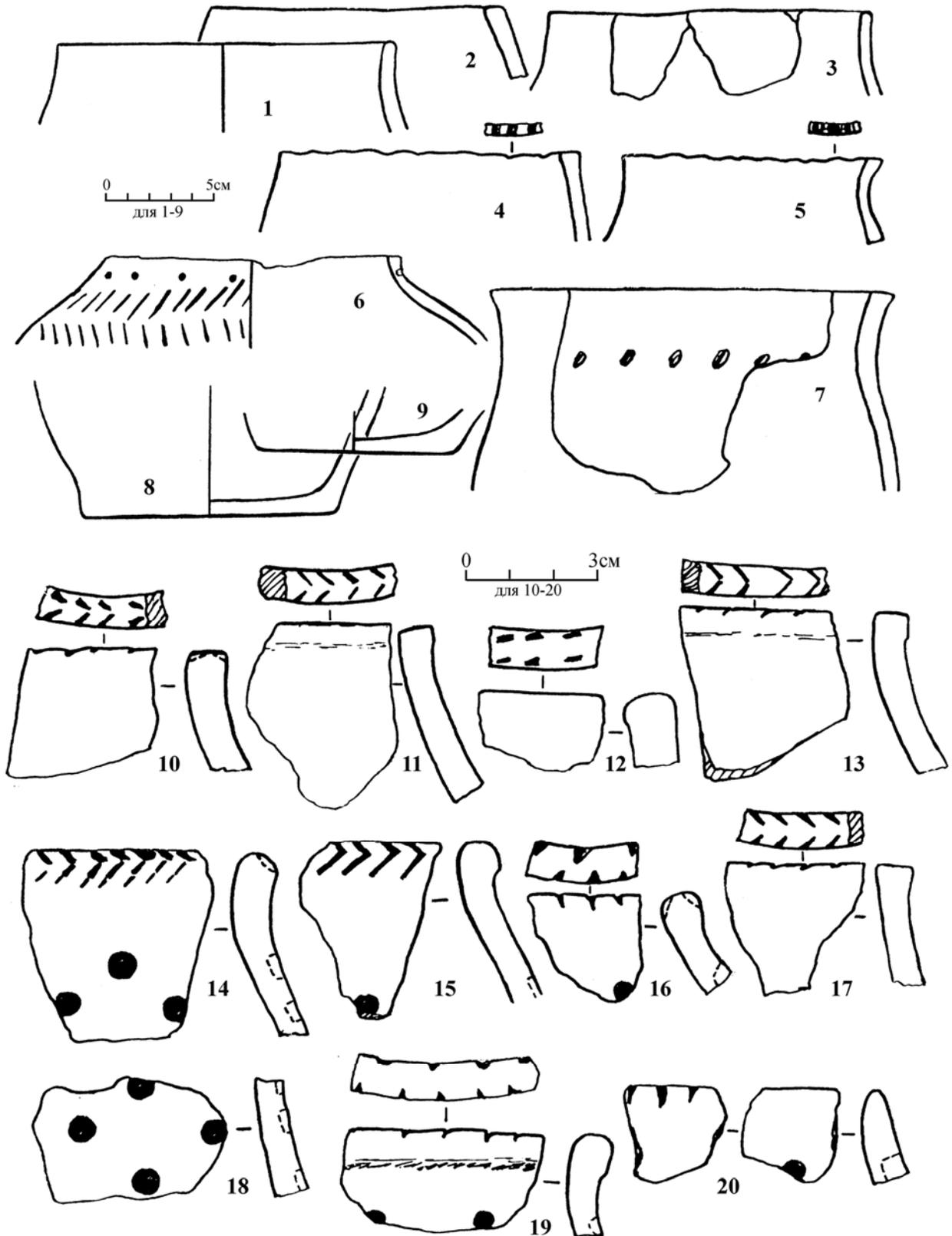

Рис. 54. Поселение Партизанская Катюшка. Средневековая керамика из первого слоя

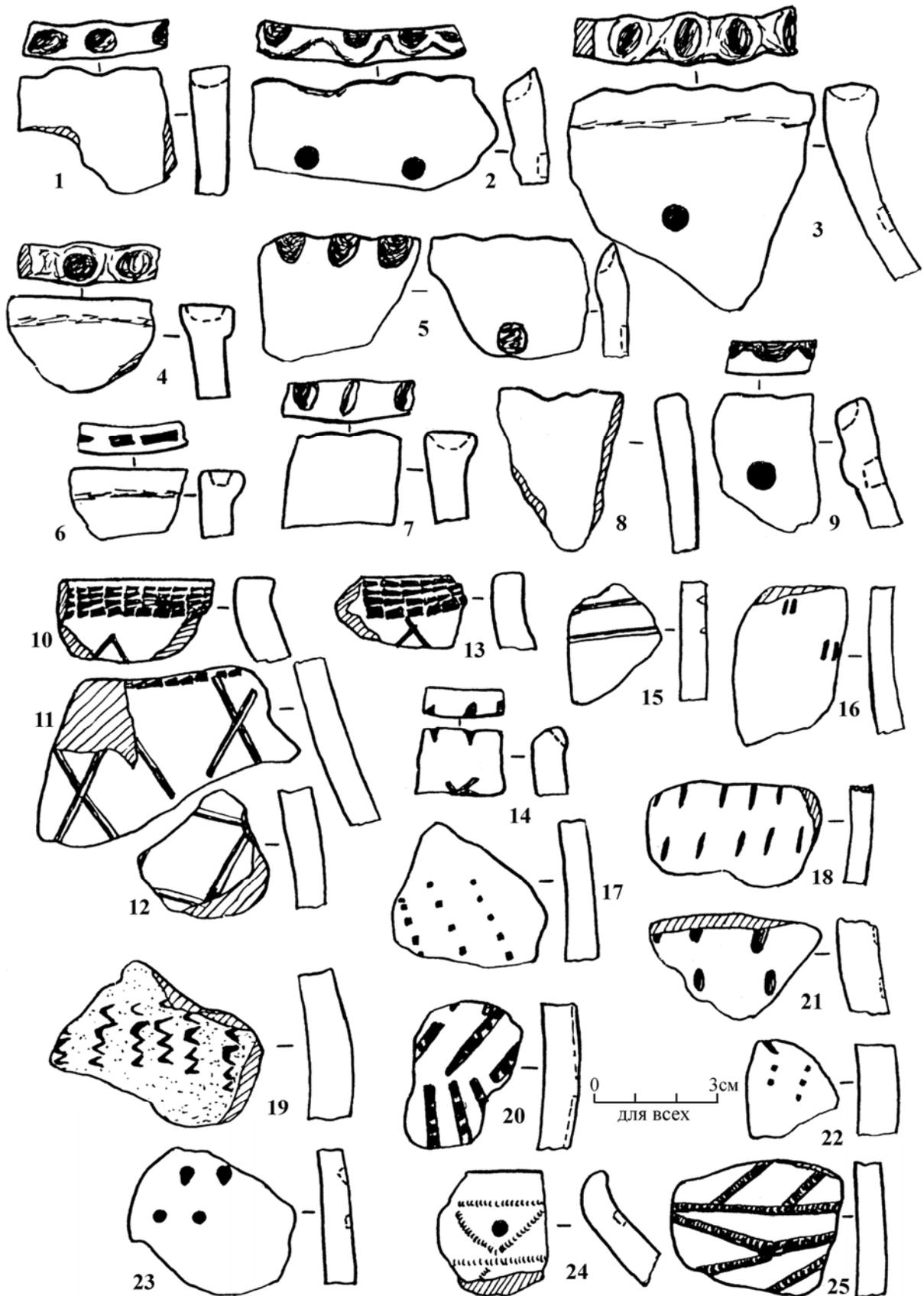

Рис. 55. Поселение Партизанская Катущка. Средневековая керамика из первого слоя

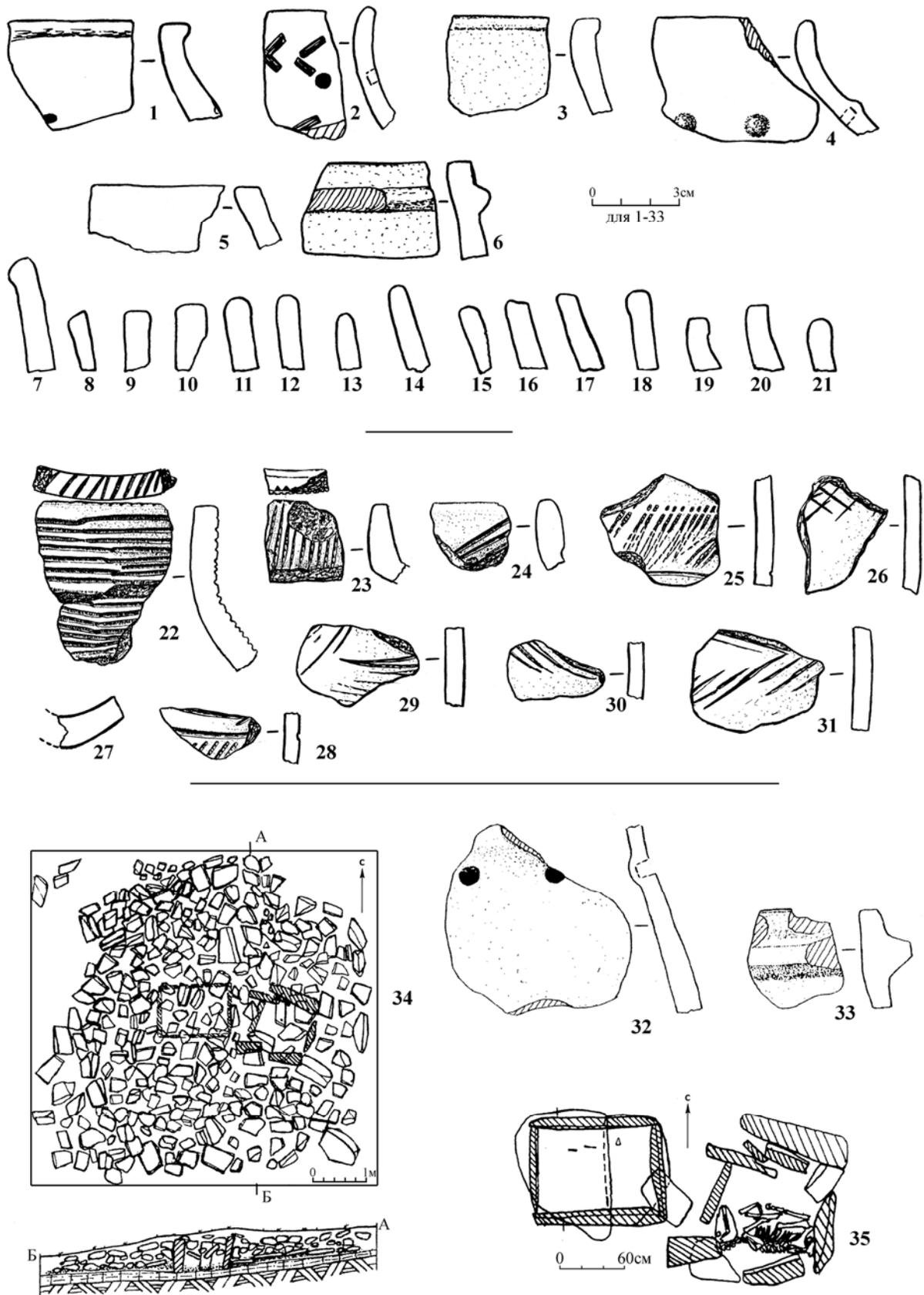

Рис. 56. Поселение Партизанская Катущка. Средневековая керамика из первого слоя (1-21), афанасьевская керамика (22-31). Курган раннескифского времени на поселении Партизанская Катущка с подхоронением лошади в каменном ящике. Керамика из насыпи кургана

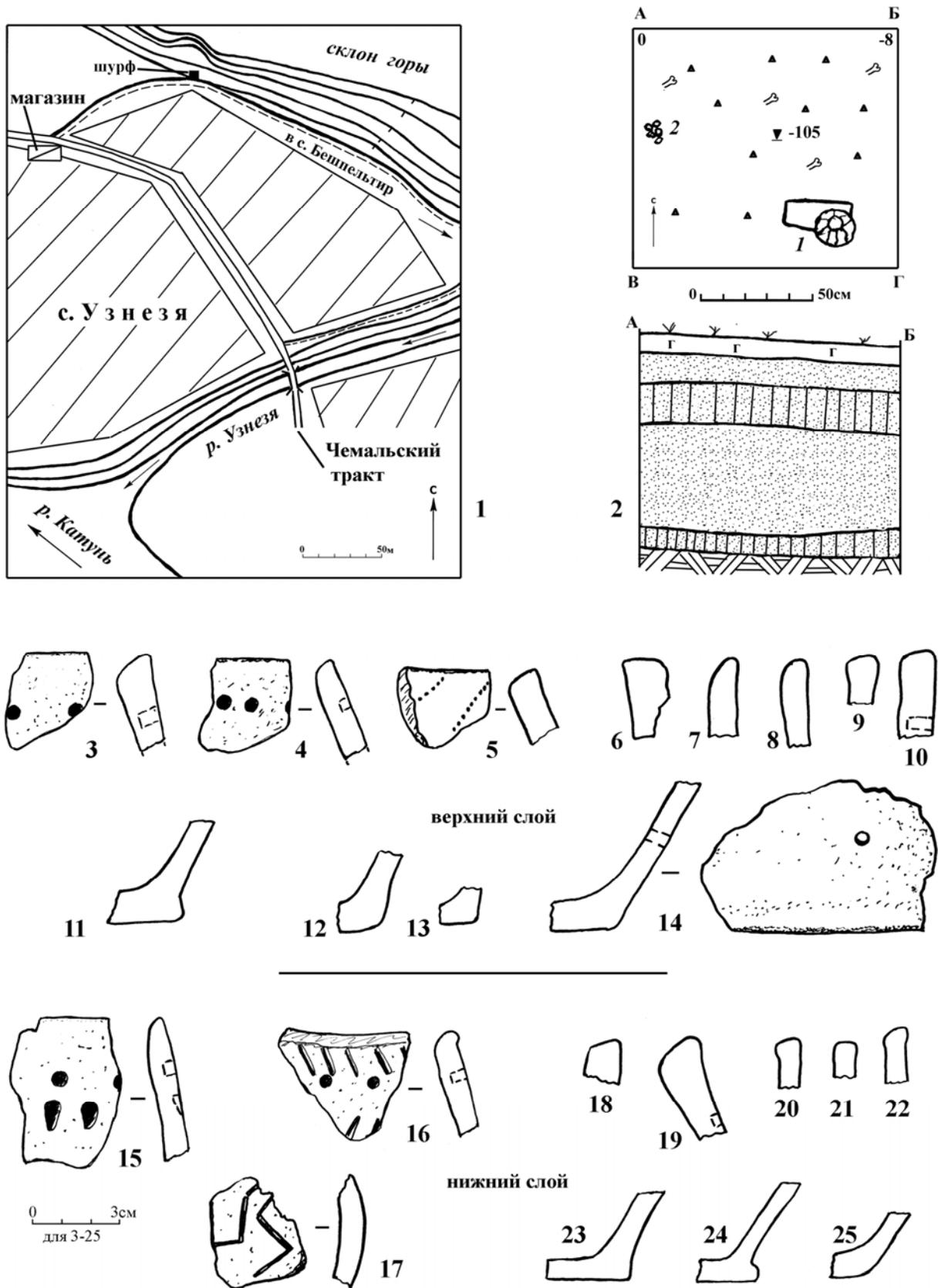

Рис. 57. Поселение Узнезя-4. План, керамика

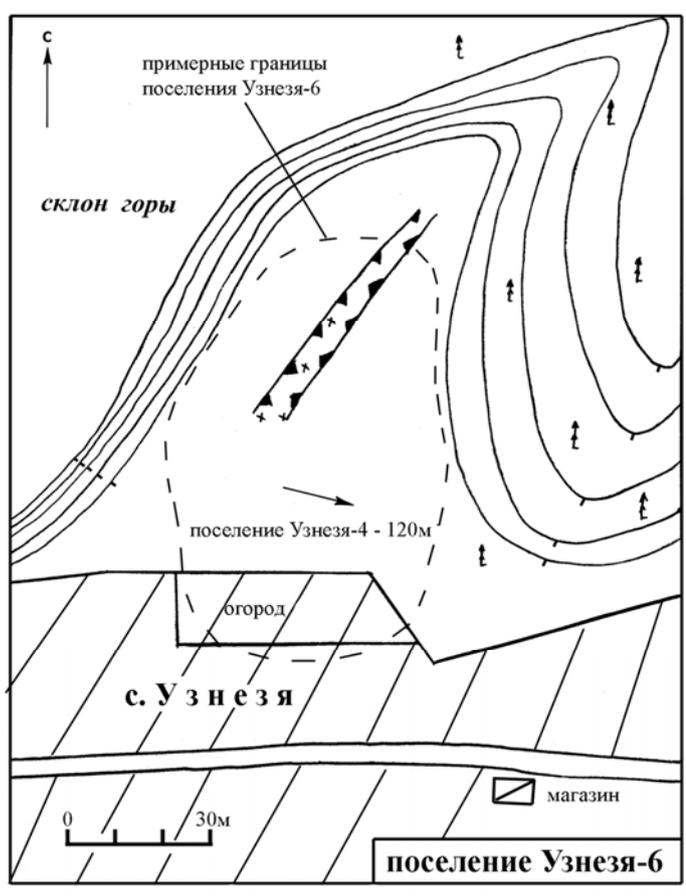
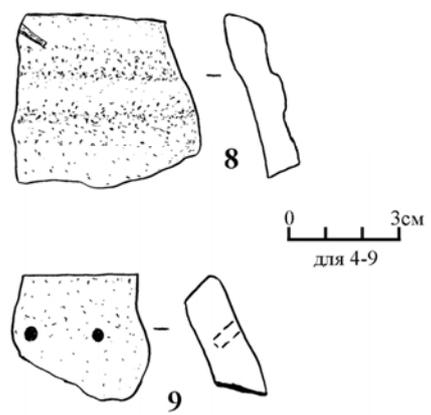
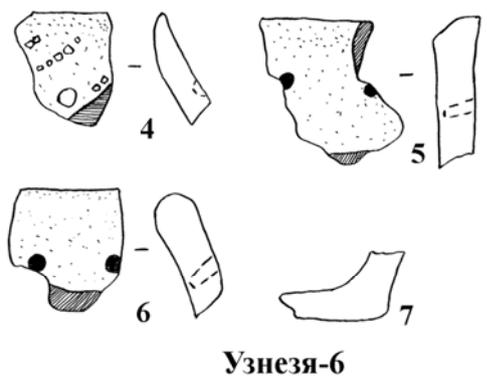
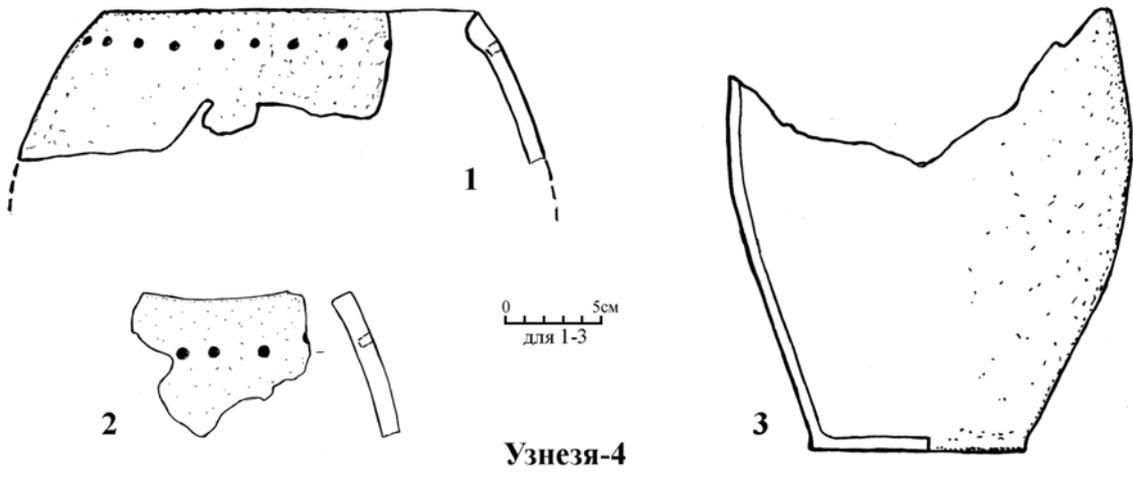

Рис. 58. Керамика из поселений Узnezя-4, Узnezя-6, Аскат-1 (8-9).
План поселения Узnezя-6

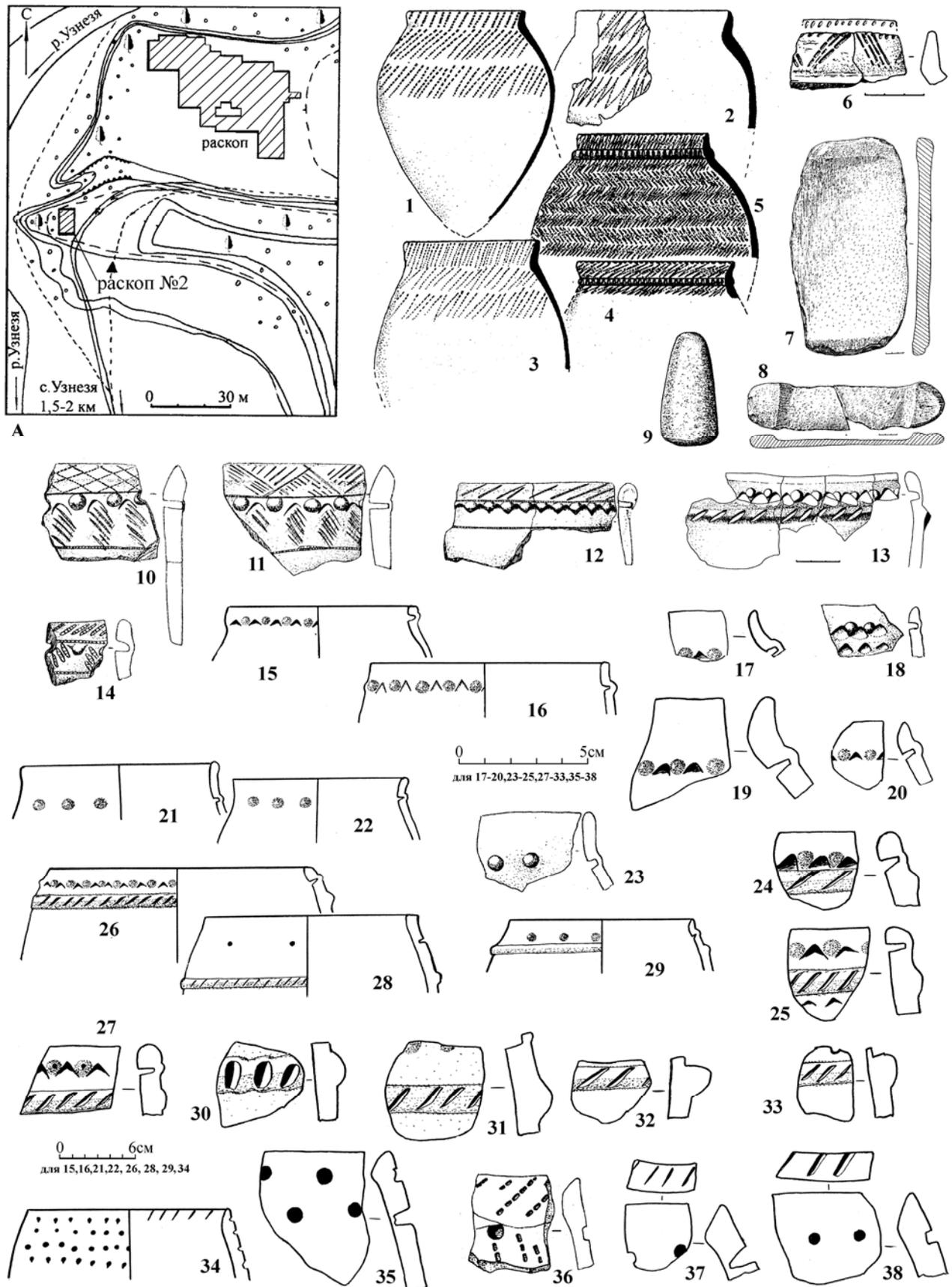

Рис. 59. Поселение Узнезя-1. План поселения (А). Керамика, каменные орудия

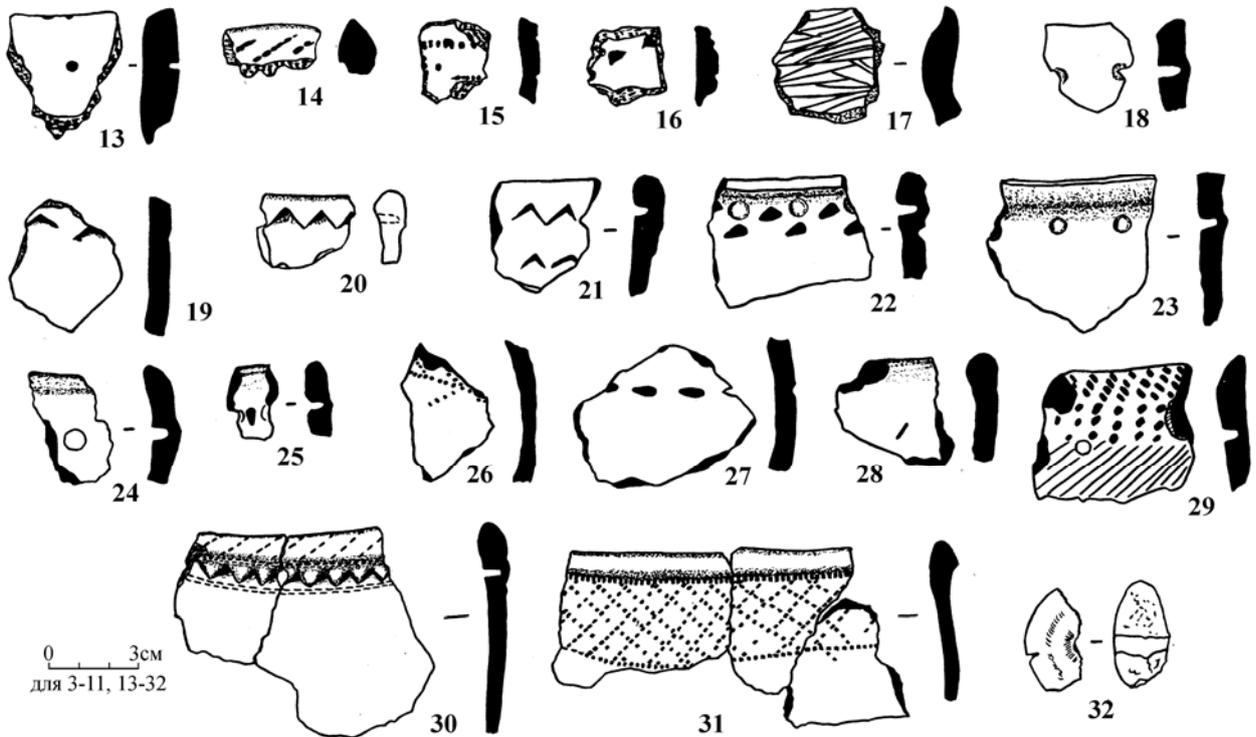
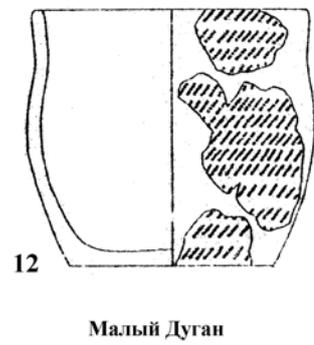
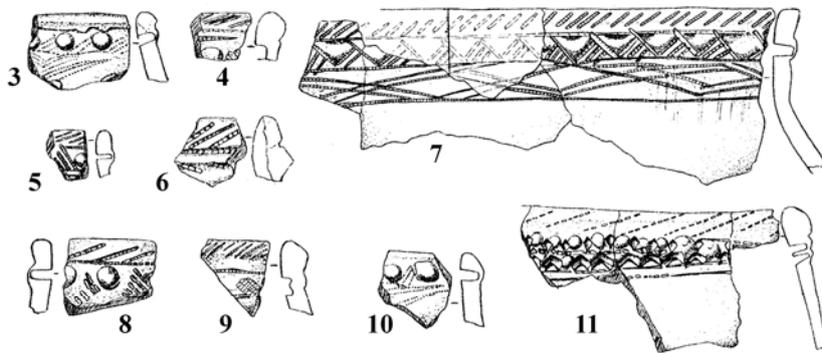
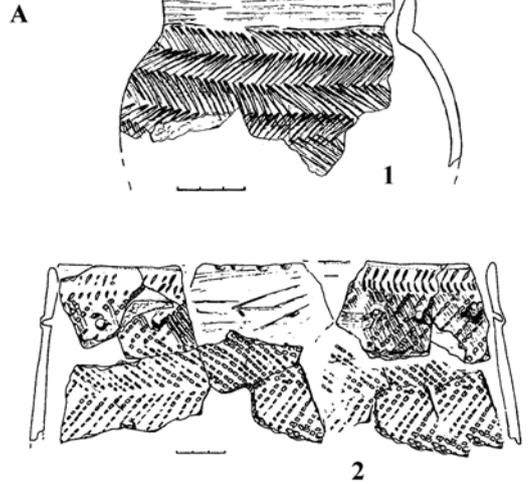
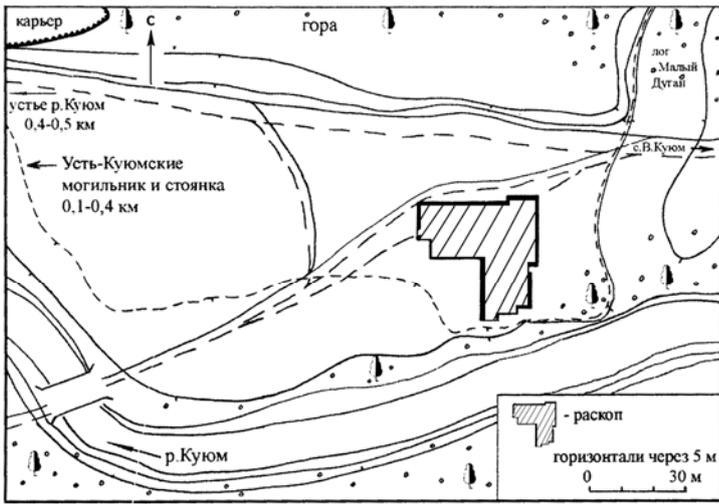

Рис. 60. Поселения по р. Куюм: Малый Дуган (А, 1-12), Бурла (13-16) и Королой (17-32)
(по: Степанова, 1998; Степанова, Соёнов, 2009; Чевалков, 1993)

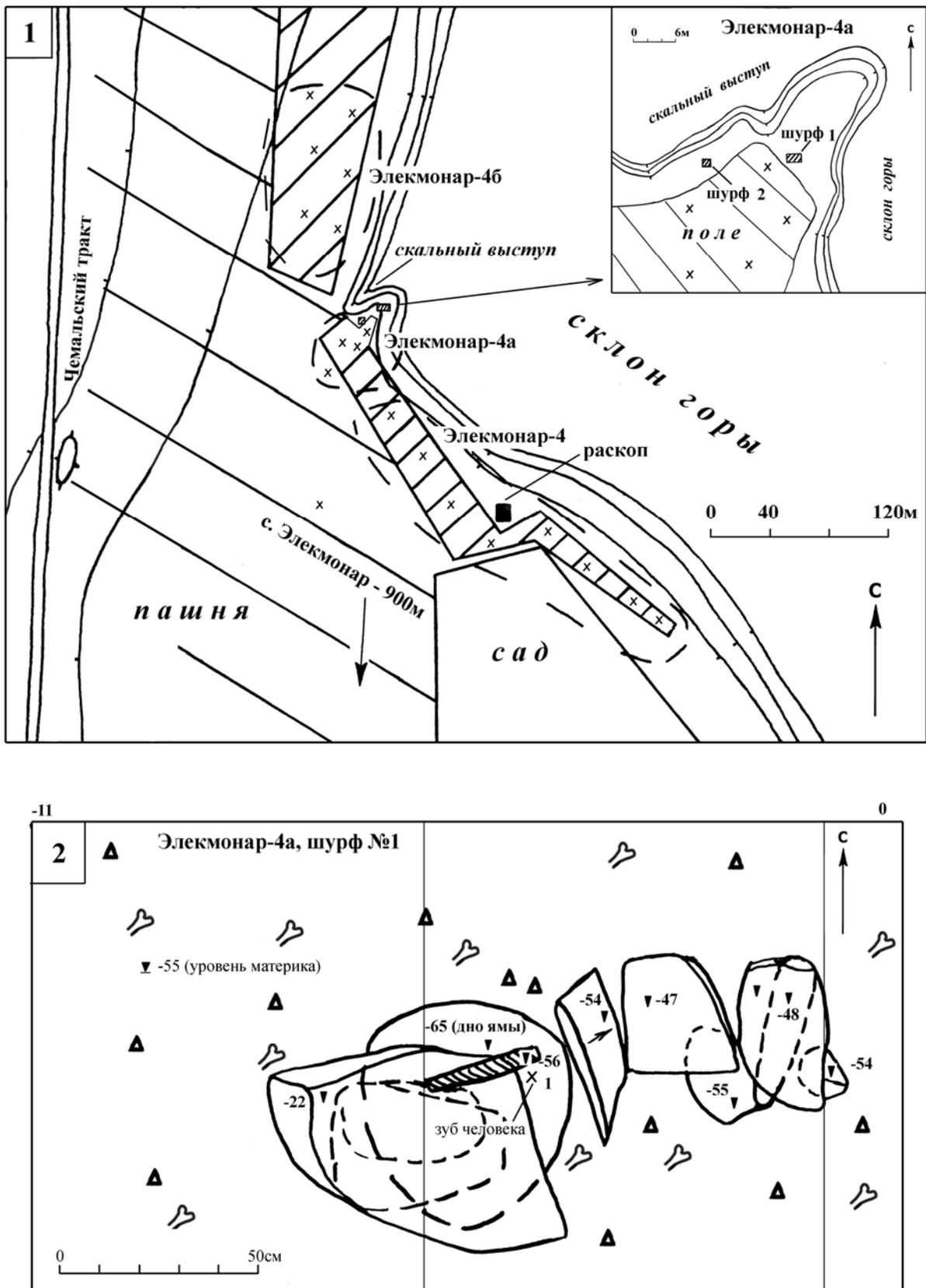

Рис. 61. Глазомерный план 1984 г. расположения поселений Элекмонар-4, 4а, 4б (1).
План шурфа №1 на поселении Элекмонар-4а (2)

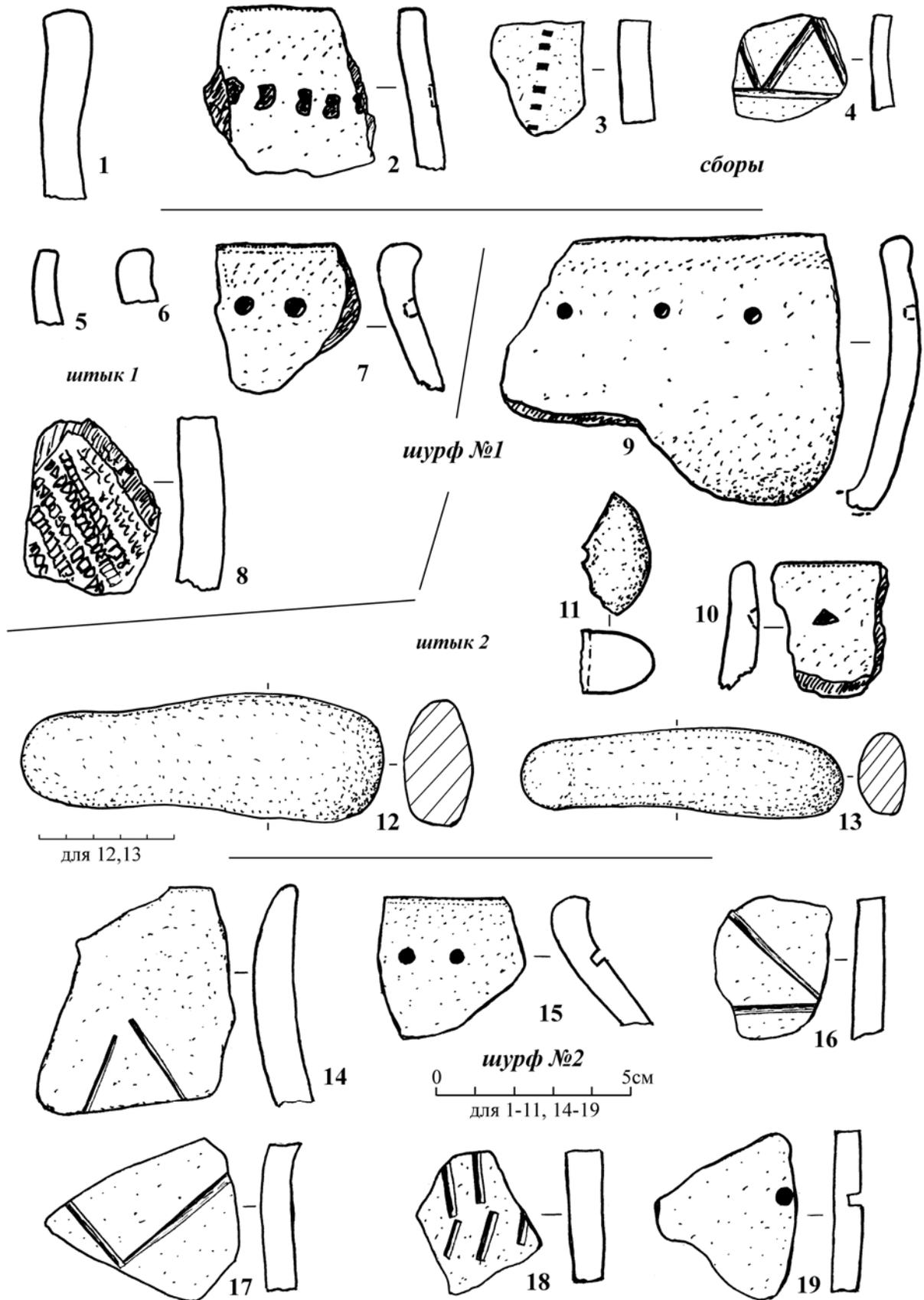

Рис. 61а. Поселение Элекмонар-4а: 1-4 – сборки; 5-13 – находки в шурфе №1; 14-19 – находки в шурфе №2. Камень – 12, 13; остальное – керамика

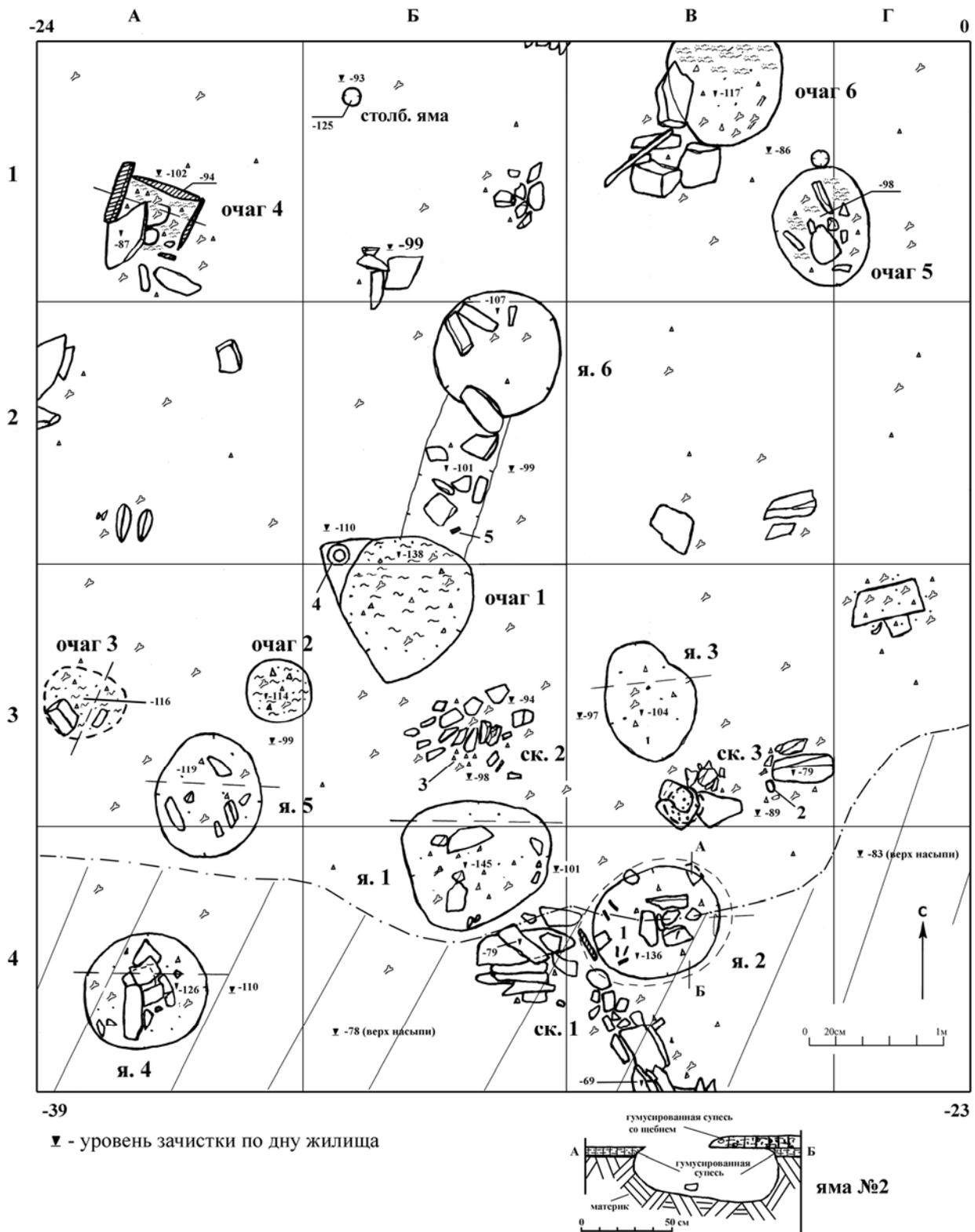

Рис. 61б. План раскопа на поселении Элекмонар-4 и разрез ямы №2

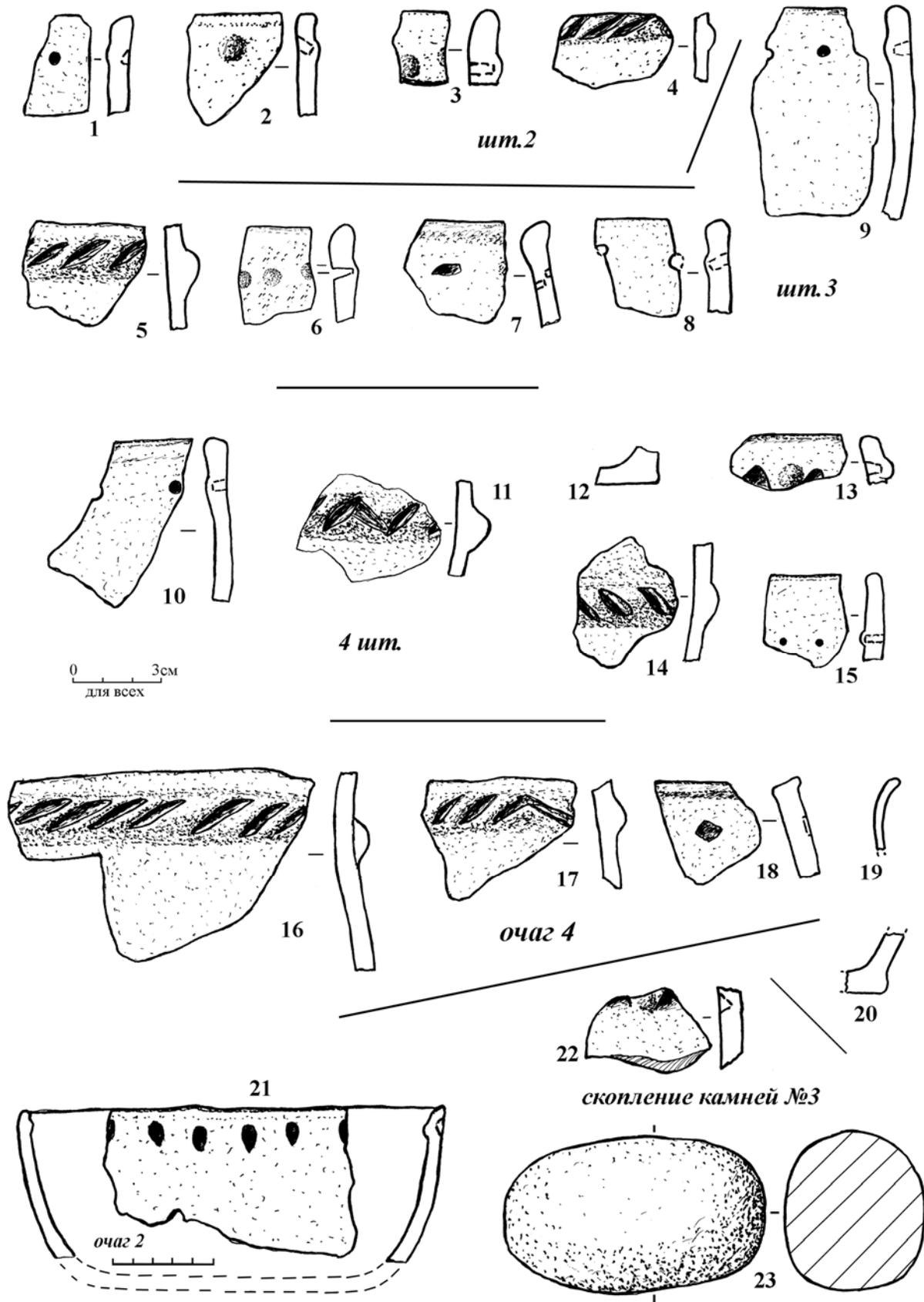

Рис. 62. Поселение Элекмонар-4. Раскоп. Камень – 23; остальное – керамика

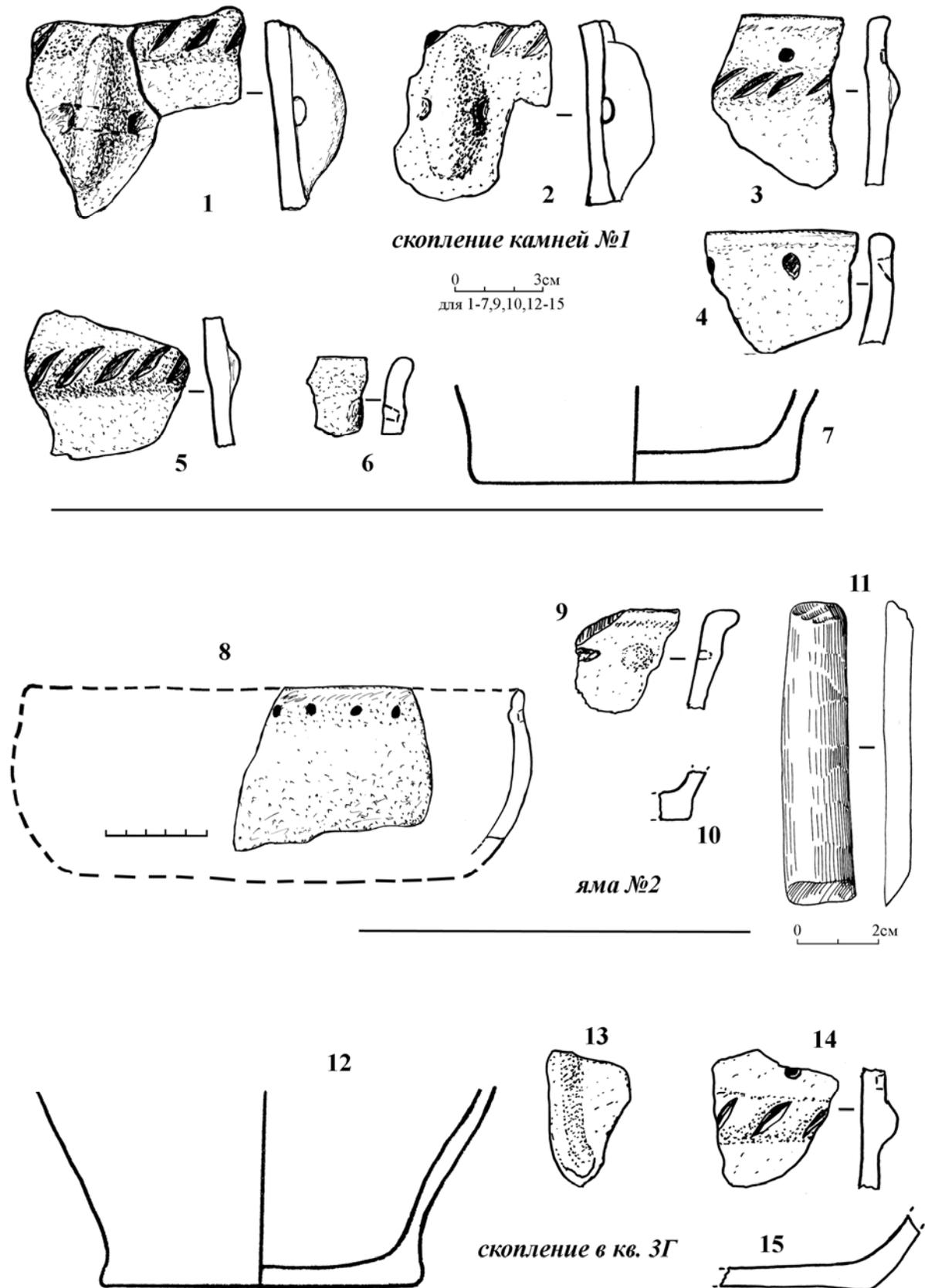

Рис. 62а. Поселение Элекмонар-4. Раскоп. Находки из скопления камней №1 (1-7), ямы №2 (8-11) и скопления камней в квадрате 3Г (12-15). Рог – 11; остальное – керамика

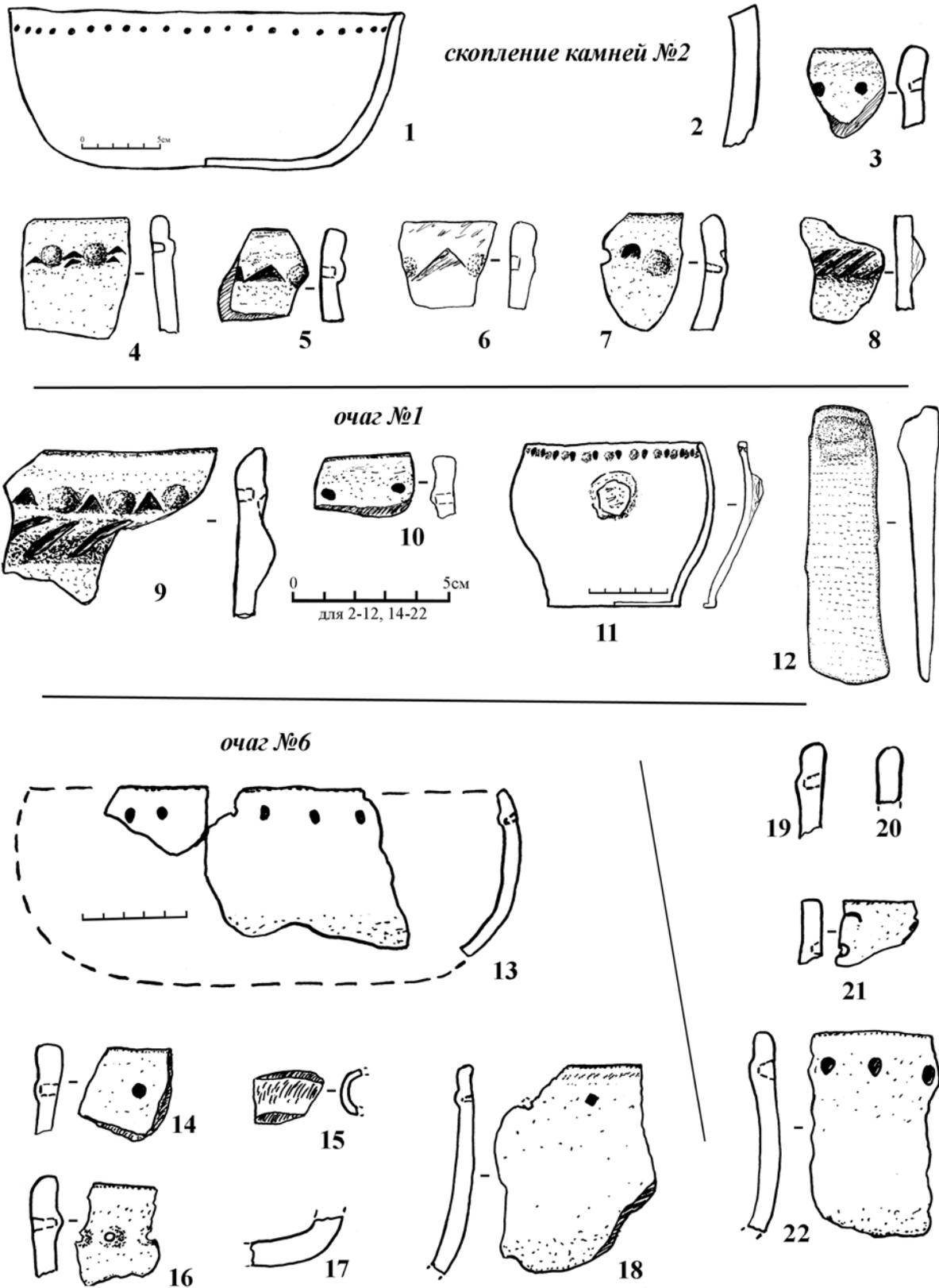
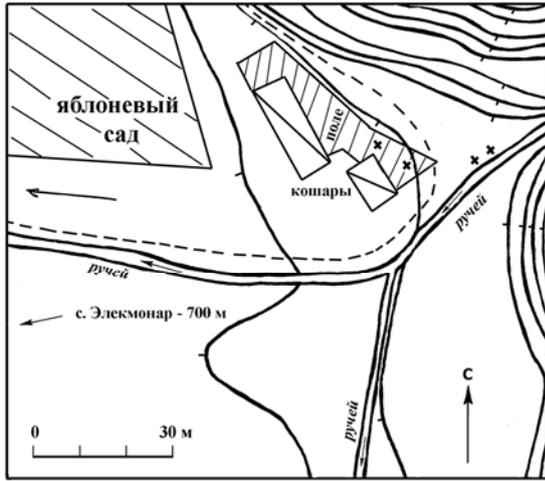
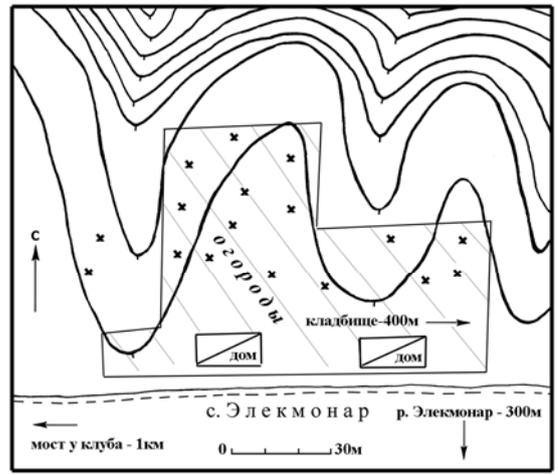

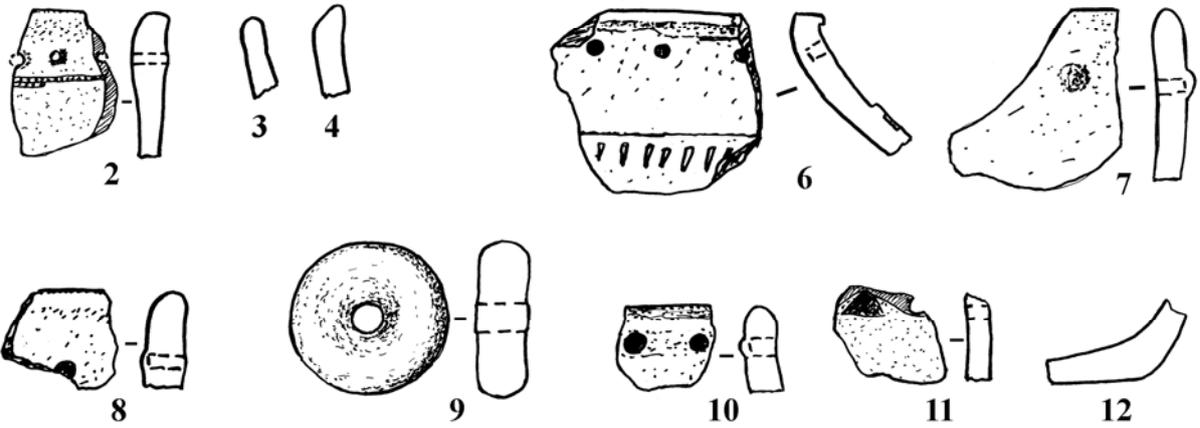
Рис. 63. Поселение Элекмонар-4. Находки из скопления камней №2 (1-8) и очага №1 (9-12).
Камень – 12; остальное – керамика

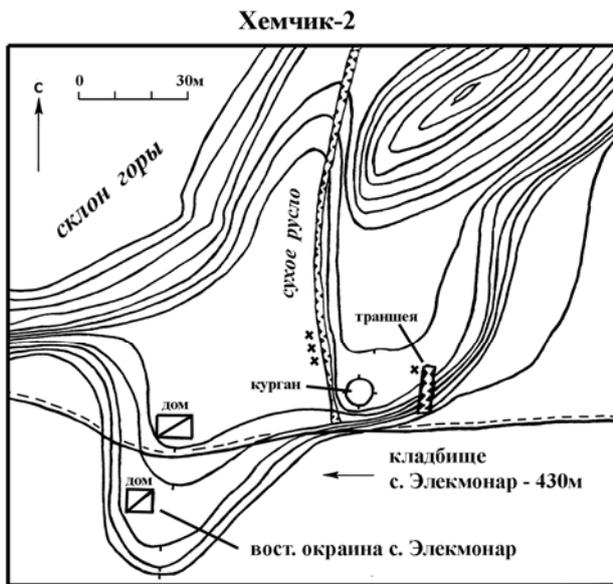
1 **Инышкин Лог**

5 **Хемчик-1**

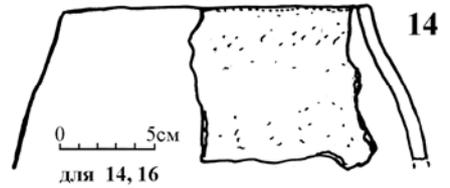

0 5см
для 2-12, 15, 17, 18

Хемчик-2

13

0 5см
для 14, 16

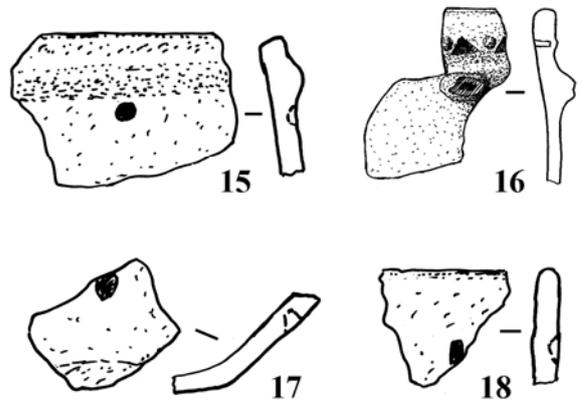

Рис. 64. Поселения Инышкин Лог (1-4), Хемчик-1 (5-12), Хемчик-2 (13-18)

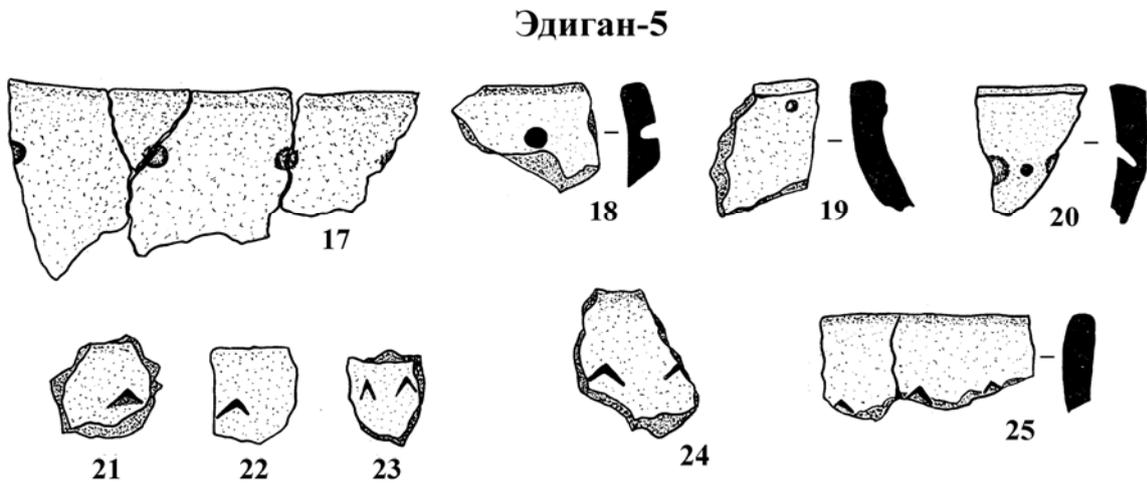
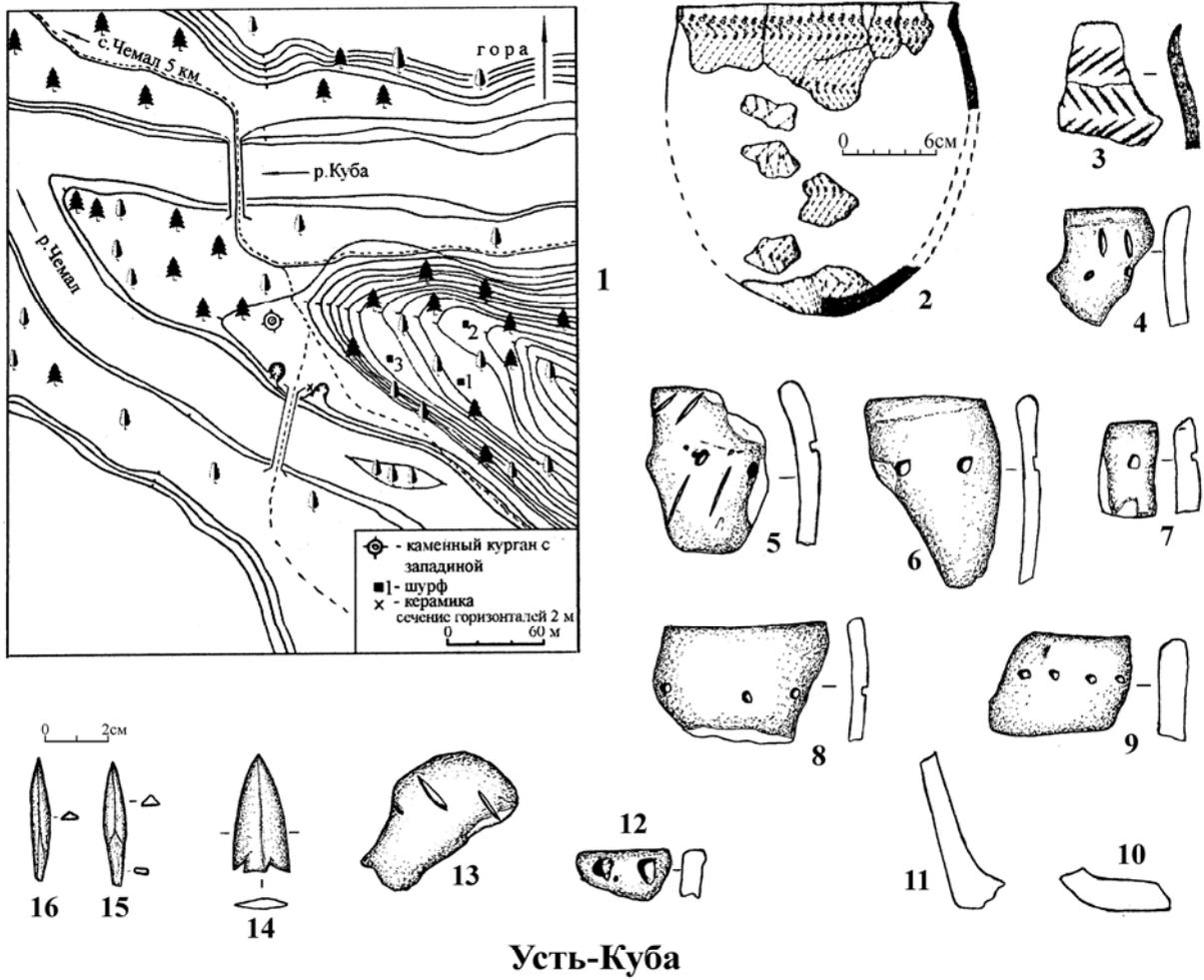

Рис. 65. Поселения Усть-Куба и Эдиган-5. Керамика – 2-13; 17-25; кость (рог) – 14-16 (по: Степанова, Соёнов, 2009; Киреев, Ларин, 2004; Чевалков, 1990)

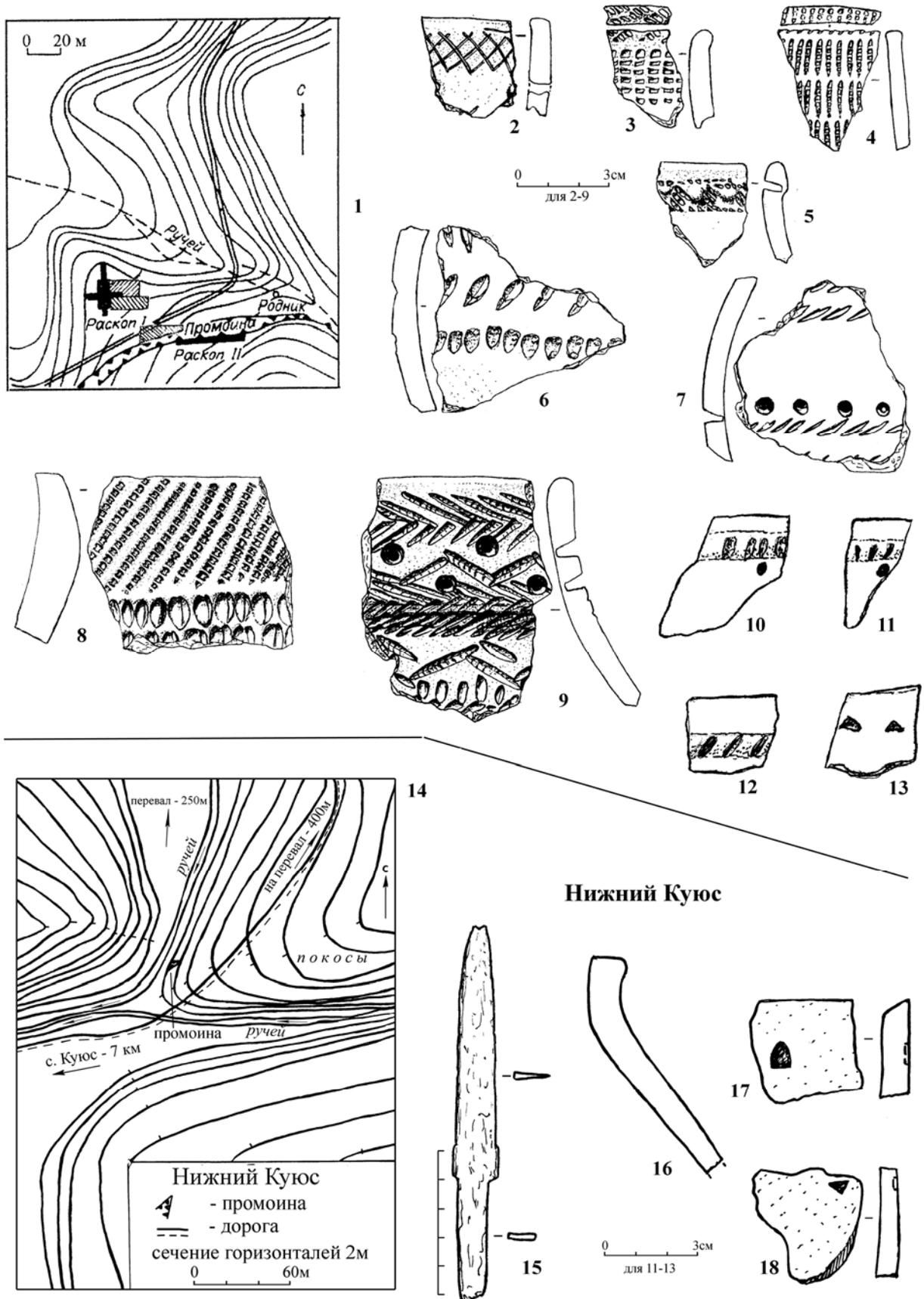

Рис. 66. Поселение Кара-Тенеш: план (1), керамика эпохи бронзы (2-9) (по: Погожева и др., 2006); и раннего железного века (10-13) (прорисовка по фото из отчёта за 1979 г. А.П. Погожевой).
Поселение Нижний Куюс: план (14), железный нож (15) и керамика (16-18)

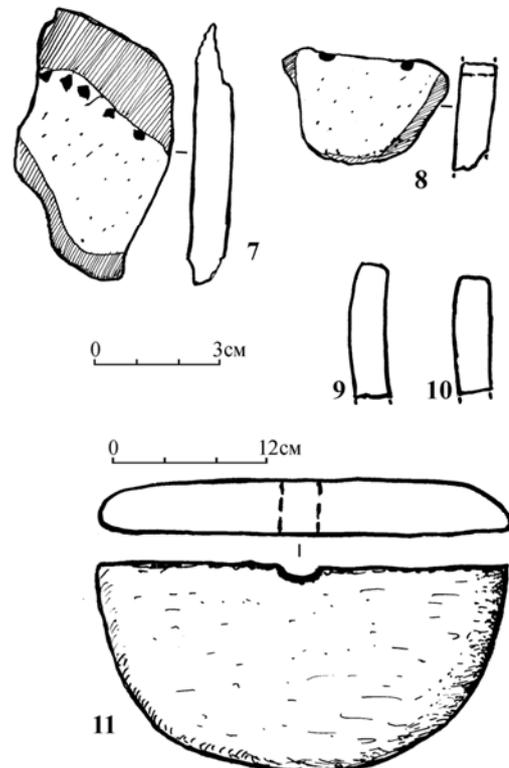
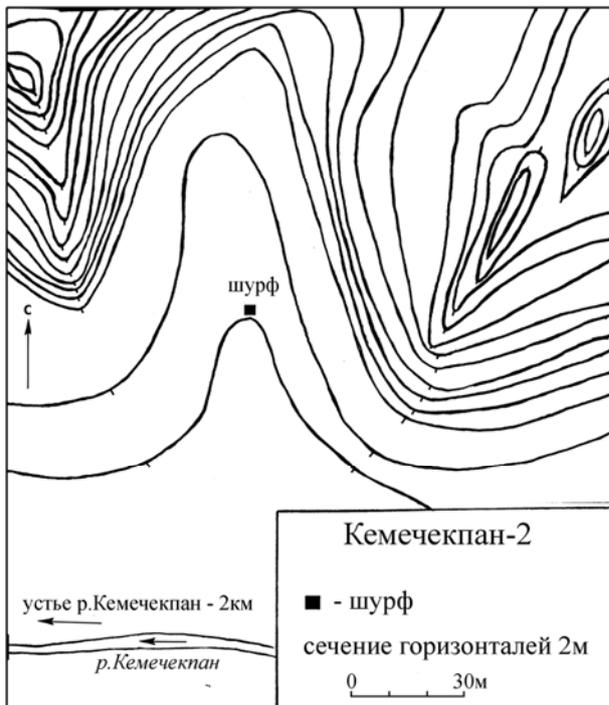
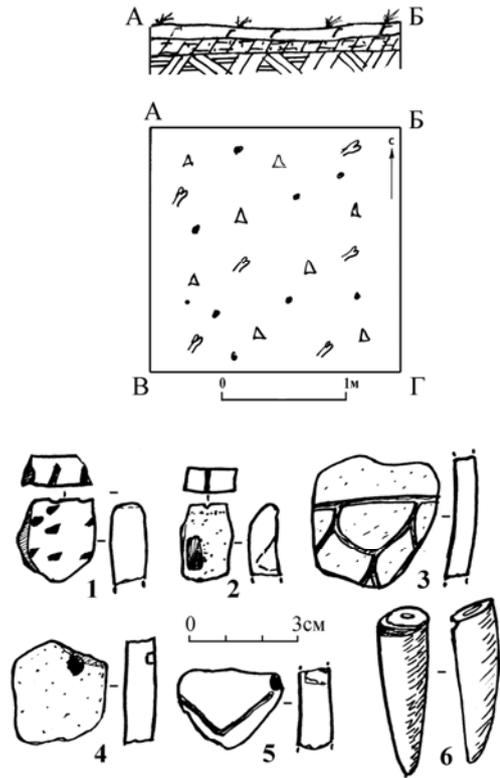
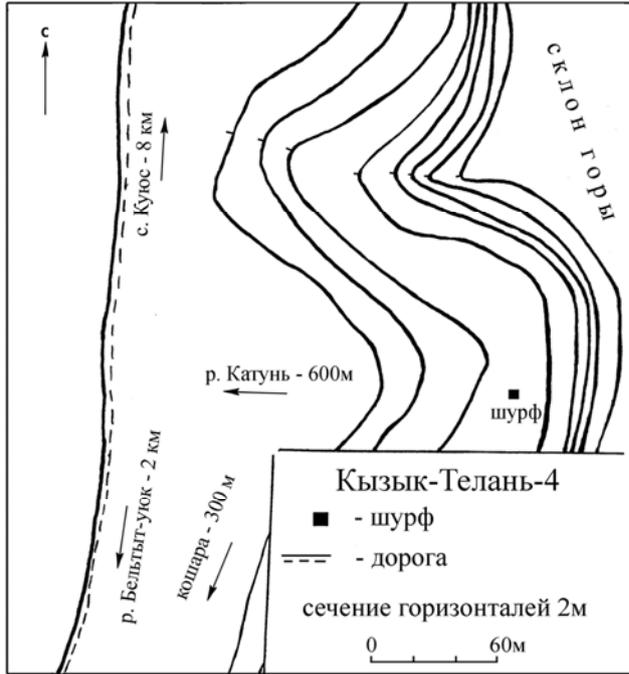

Рис. 67. Поселения Кызык-Телань и Кемечекпан. Керамика – 1-5, 7-10; рог – 6; камень – 11

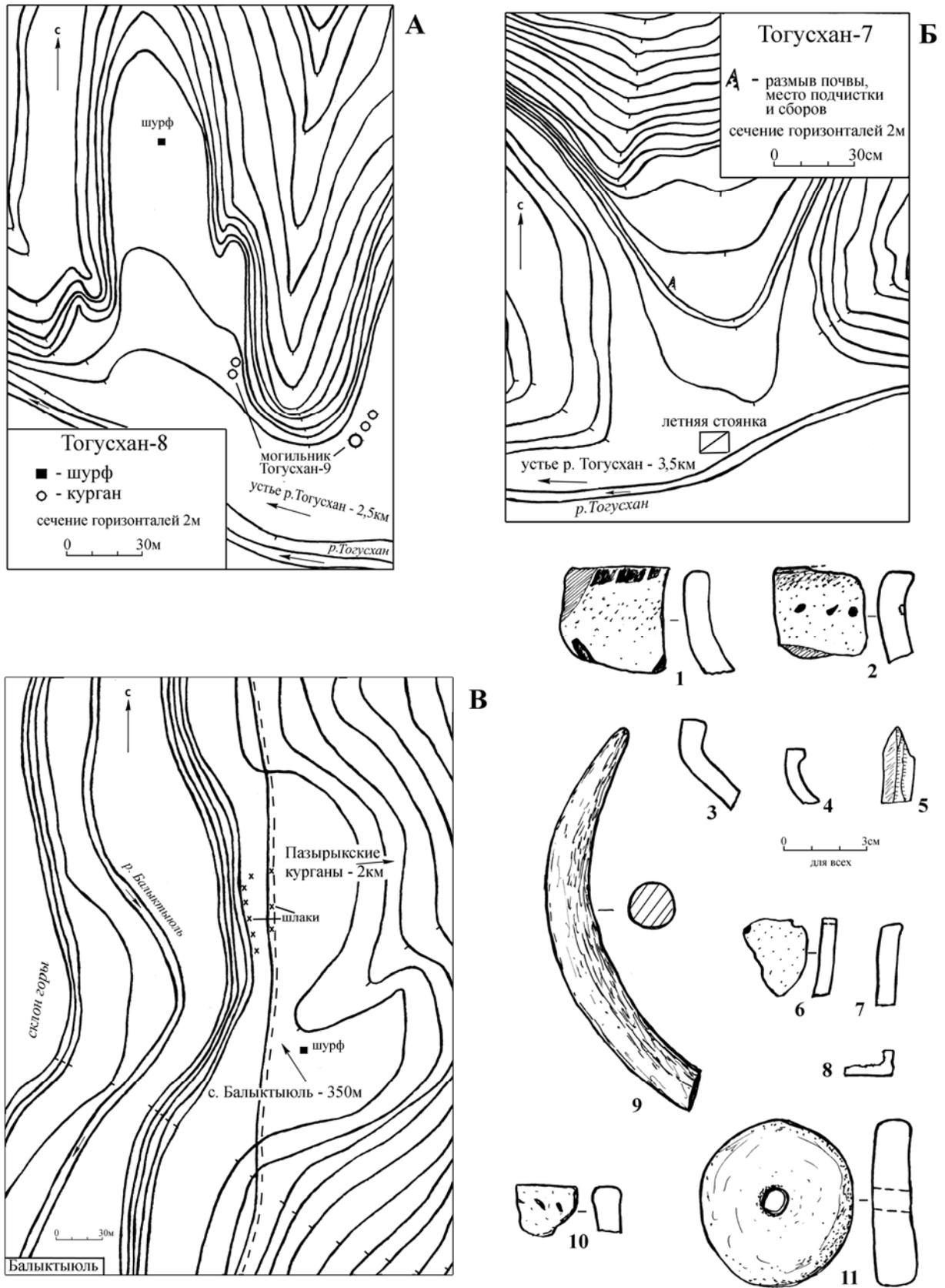
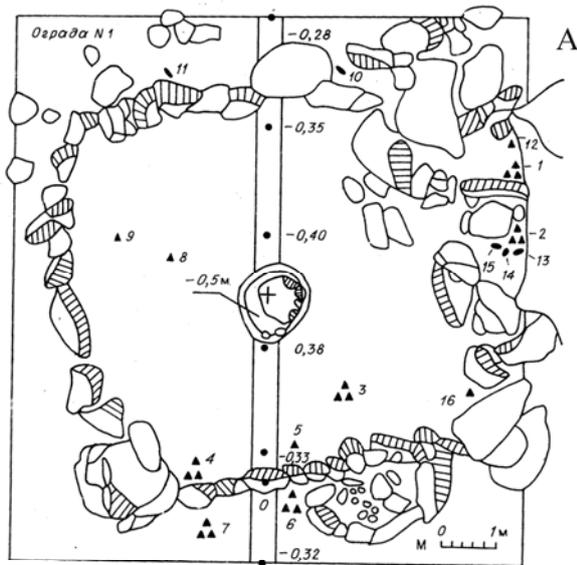

Рис. 68. Поселения Тогусхан-7 (Б, 6-9), Тогусхан -8 (А, 1-5) и Балыктыноль (В, 10, 11). Керамика – 1-4, 6-8, 10, 11; камень – 5; рог – 9

Айрыдаш-2

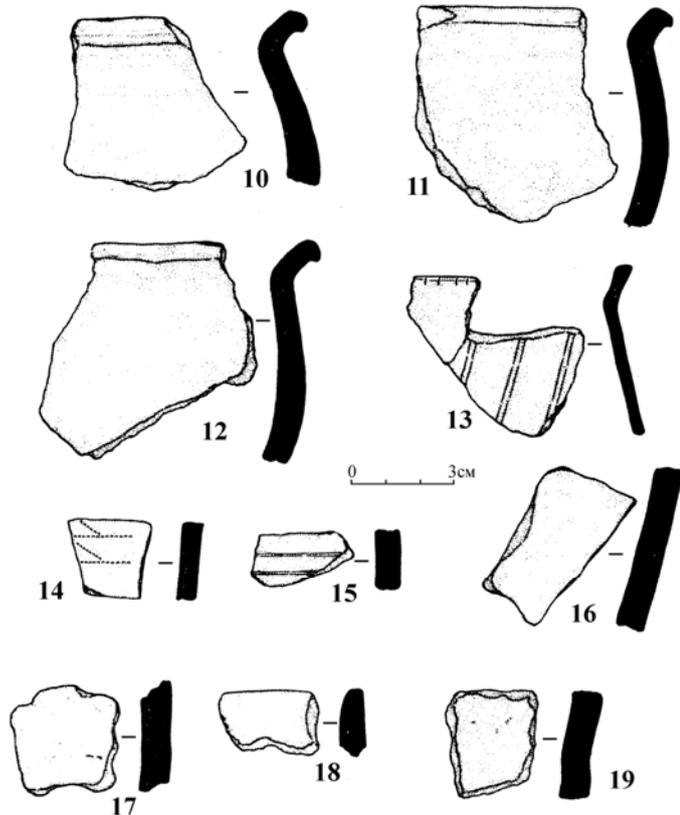
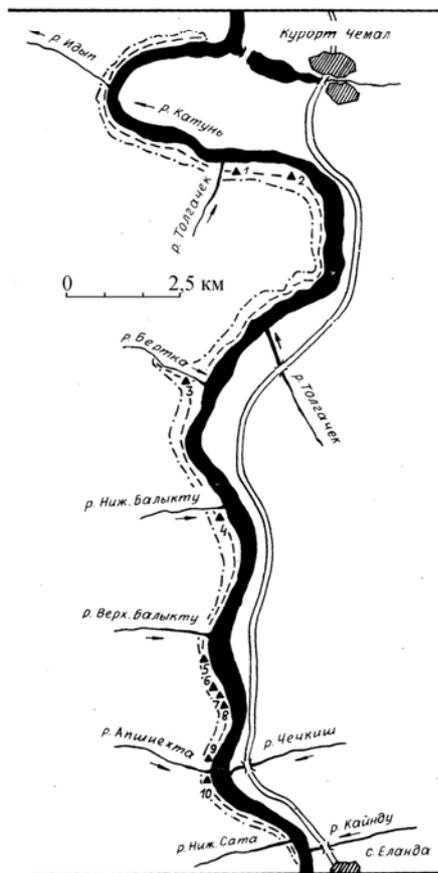
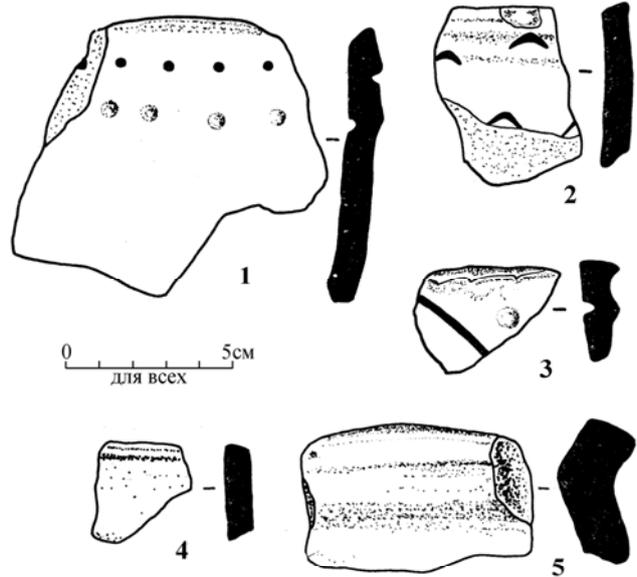

Рис. 69. Айрыдаш-2. План ограды №1 (А). Керамика из оград №1 (3-9), ограды №2 (2) и №3 (1). План памятников на левом берегу Катуня между Чемалом и Еландой (Б): поселение Бертка (10-16); поселение Нижняя Балыкту (17-19) (по: Ларин, 1990; Захаров, Худяков, 1990)

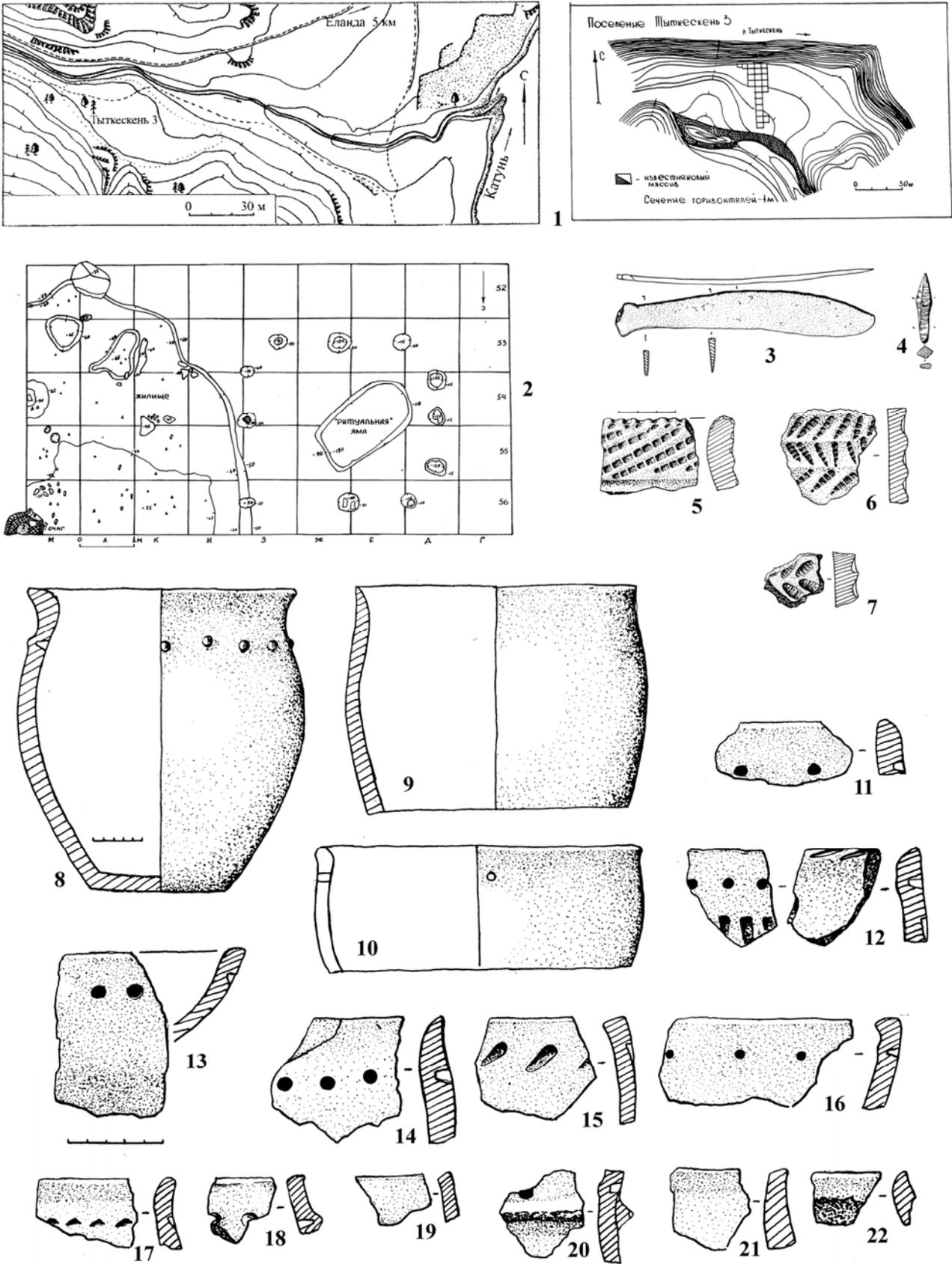

Рис. 70. Поселение Тыткескень-3. Планы, инвентарь эпохи бронзы и раннего железного века (по: Кунгуров, 1994). Бронза – 3; рог (кость) – 4; керамика – 5-22

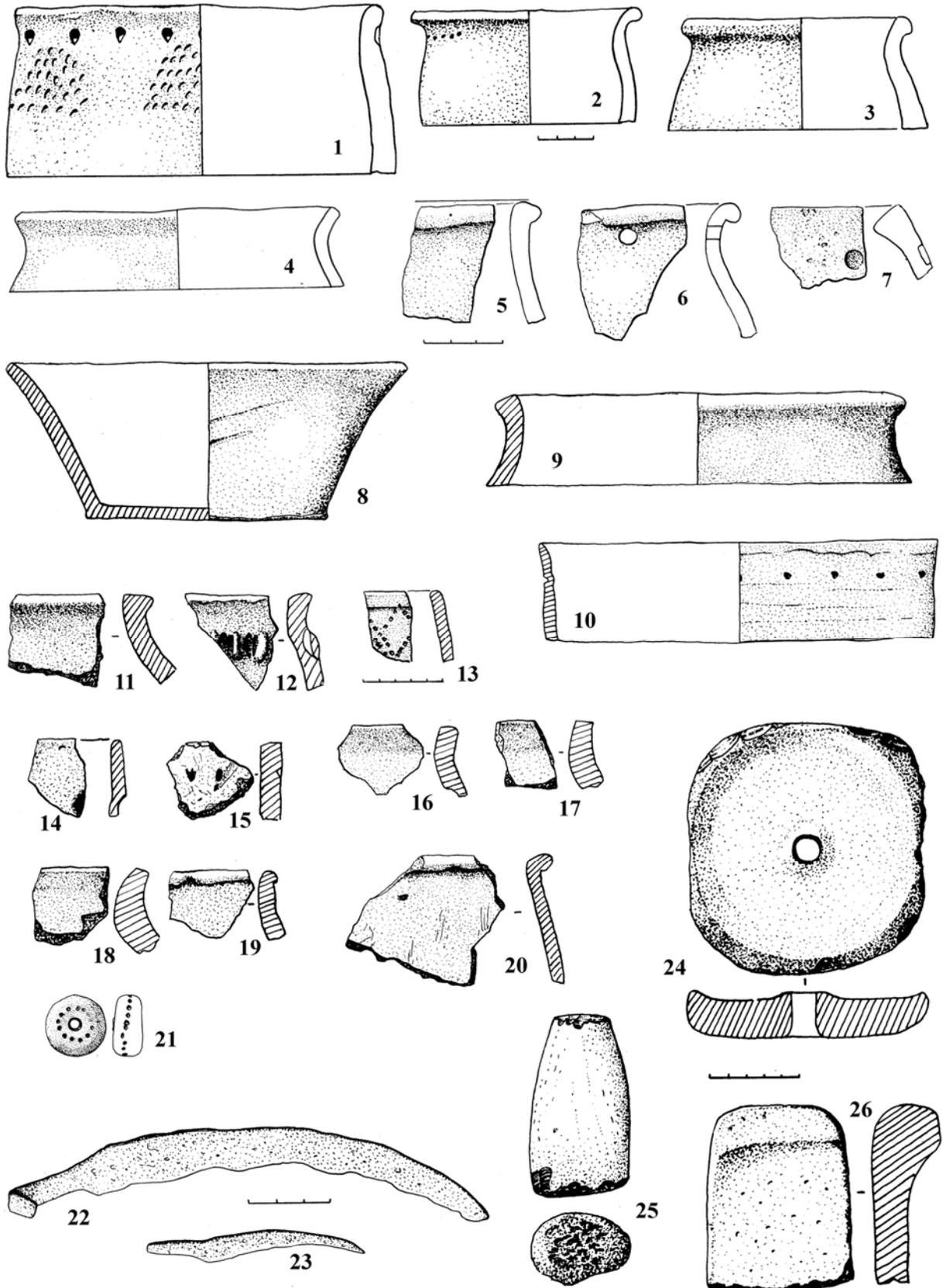

Рис. 71. Поселение Тыткескен-3. Инвентарь эпохи средневековья (по: Кунгуров, 1994).
Железо – 22, 23; керамика – 1-21; камень – 24-26

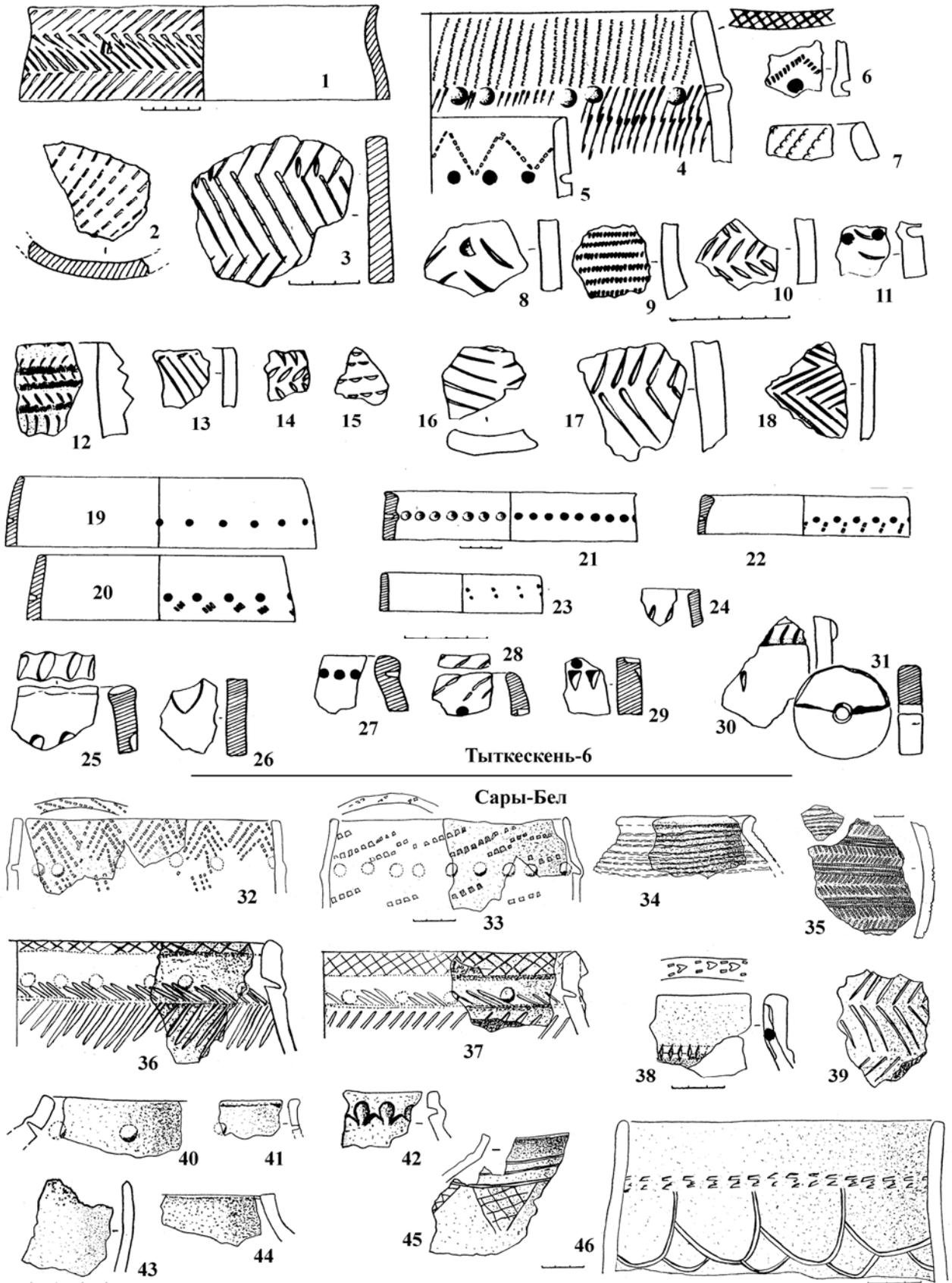
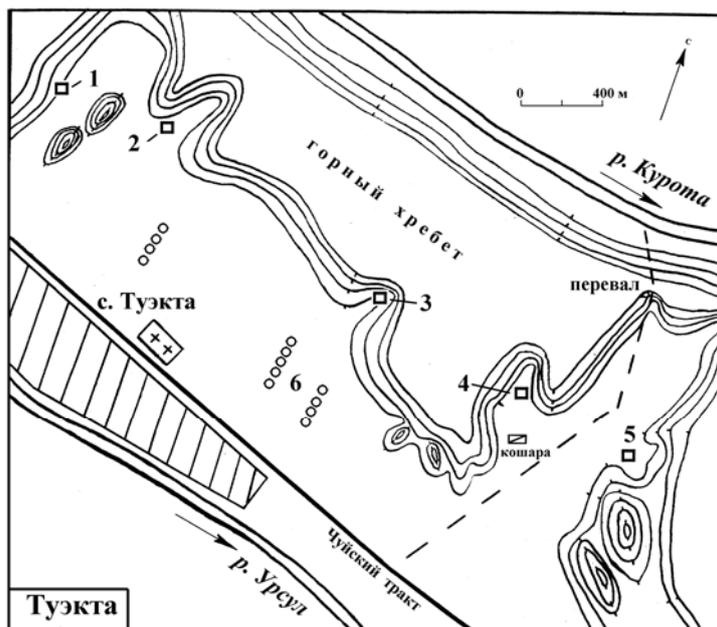
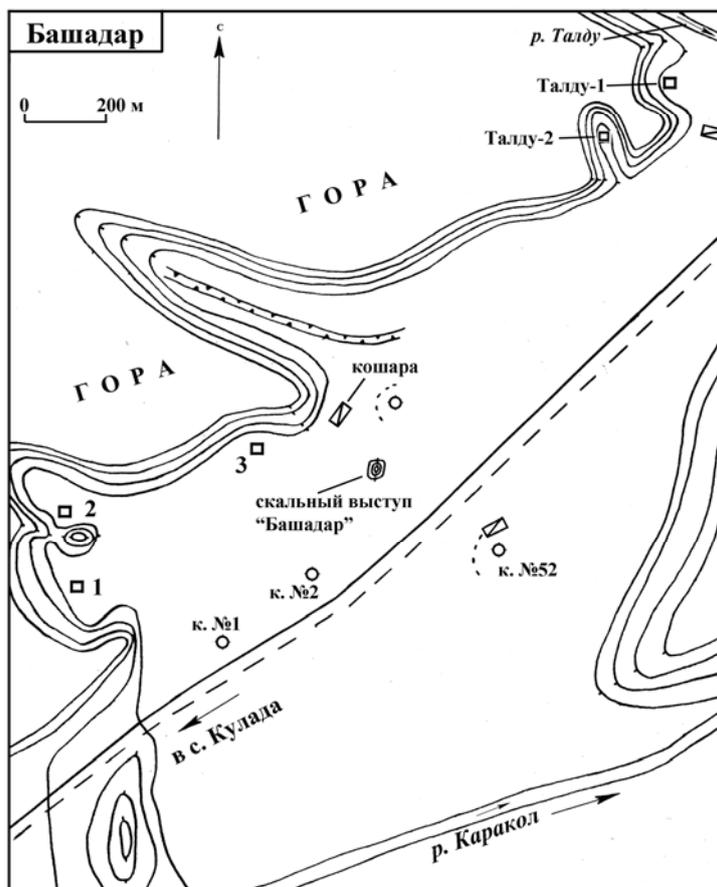

Рис. 72. Поселения Тыткескен'6 и Сары-Бел
 (по: Кирюшин, Кунгуров, 1994; Кирюшин, Тишкин и др., 1995). Керамика

Онгудайский район

1 - Тузаков Лог-1; 2 - Тузаков Лог-2; 3 - Туэкта-3; 4 - Куротинский Лог-2;
5 - Куротинский Лог-1; 6 - Большие Туэктинские курганы

1 - Текпенек-Боочи-1; 2 - Текпенек-Боочи-2; 3 - Текпенек-Боочи-3

Рис. 73. Схема расположения зимних поселений древних скотоводов и пазырькских могильников в долинах у сёл Туэкта и Кулада

а**б**

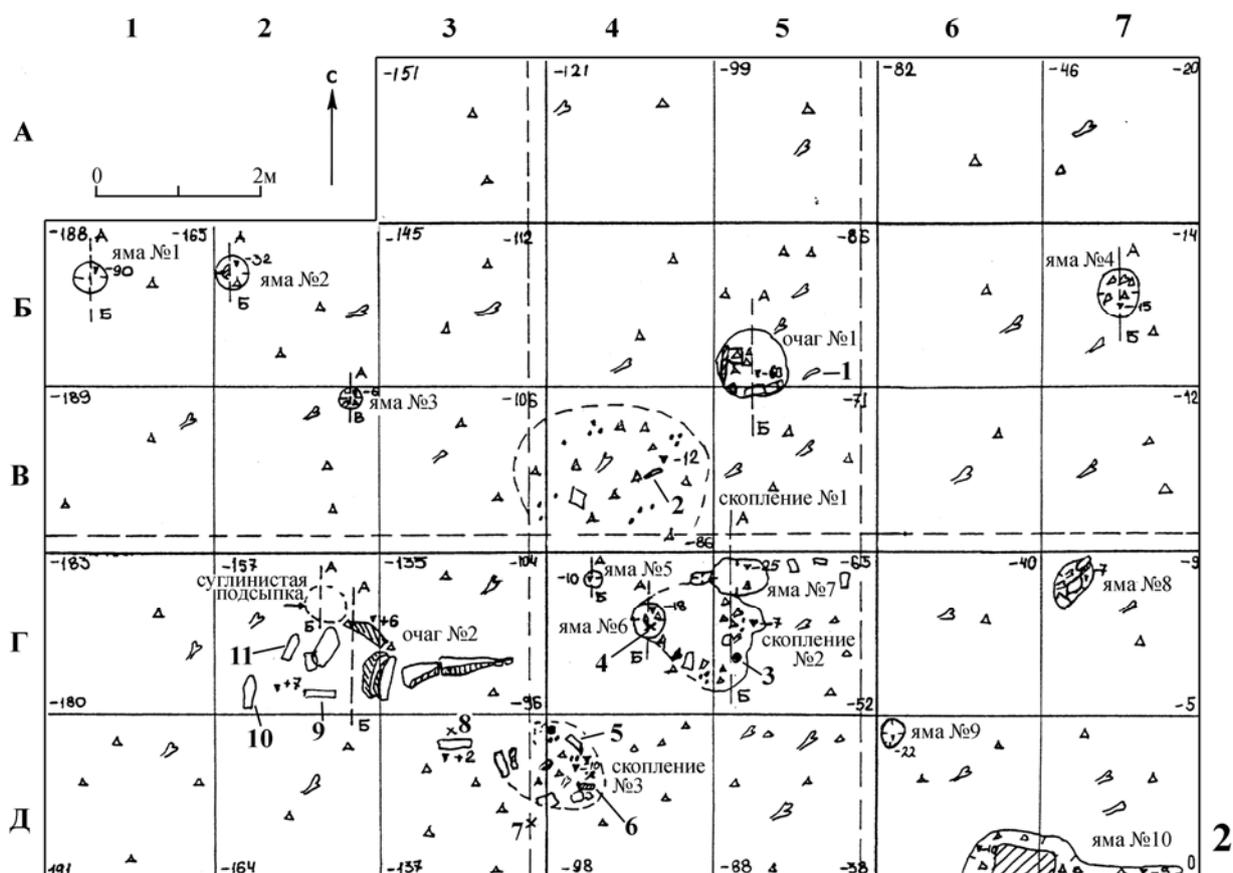
Рис. 74. Долина у с. Туэкты: а – общий вид с запада на могильное поле и Куротинский Лог (стрелкой указано устье Куротинского лога); б – вид с юго-запада на Куротинский лог (стрелкой указано месторасположение поселения Куротинский Лог-1)

а**б**

Рис. 75. Долина у с. Кулада: а – общий вид с северо-востока на могильное поле и поселения Текпенек-Боочи-1, 2, 3 (в левом углу фото видны дома с. Кулада, а в правом - скальный выступ «Башадар»); б – вид с востока на поселения Текпенек-Боочи-1, 2, 3 (слева на фото скальный выступ «Башадар»)

1

2

Рис. 76. Поселение Куротинский Лог-1: 1 – вид с юго-востока. 2 – план раскопа (1 – ребро-лощило; 2 – обломок куранта; 3 – поделка из рога; 4 – пряслице; 5 – курант; 6 – нижний камень зернотёрки; 7 – панцирная пластинка; 8, 10 – заготовки курантов; 9, 11 – куранты)

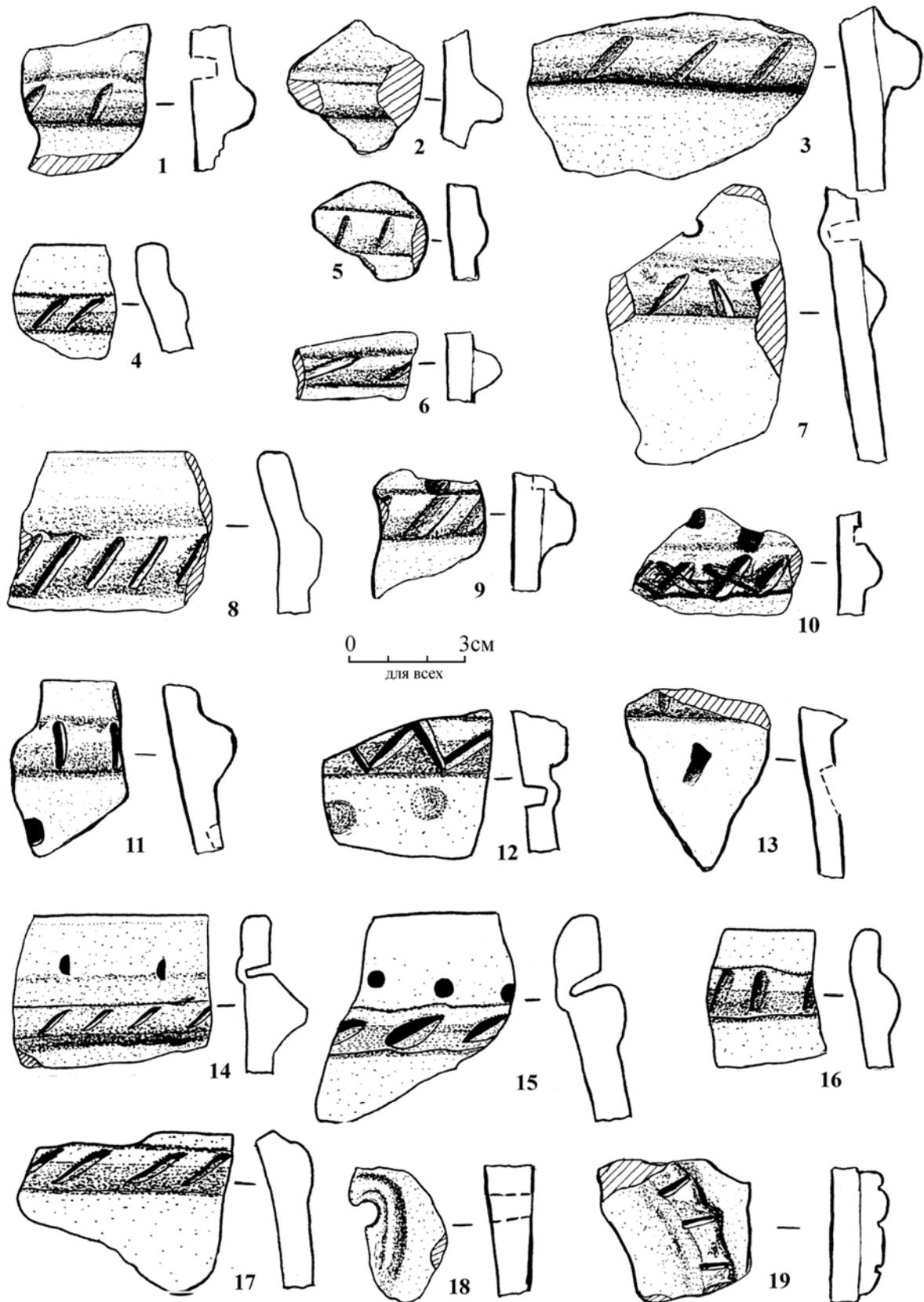

Рис. 77. Поселение Куротинский Лог-1. Валиковая керамика

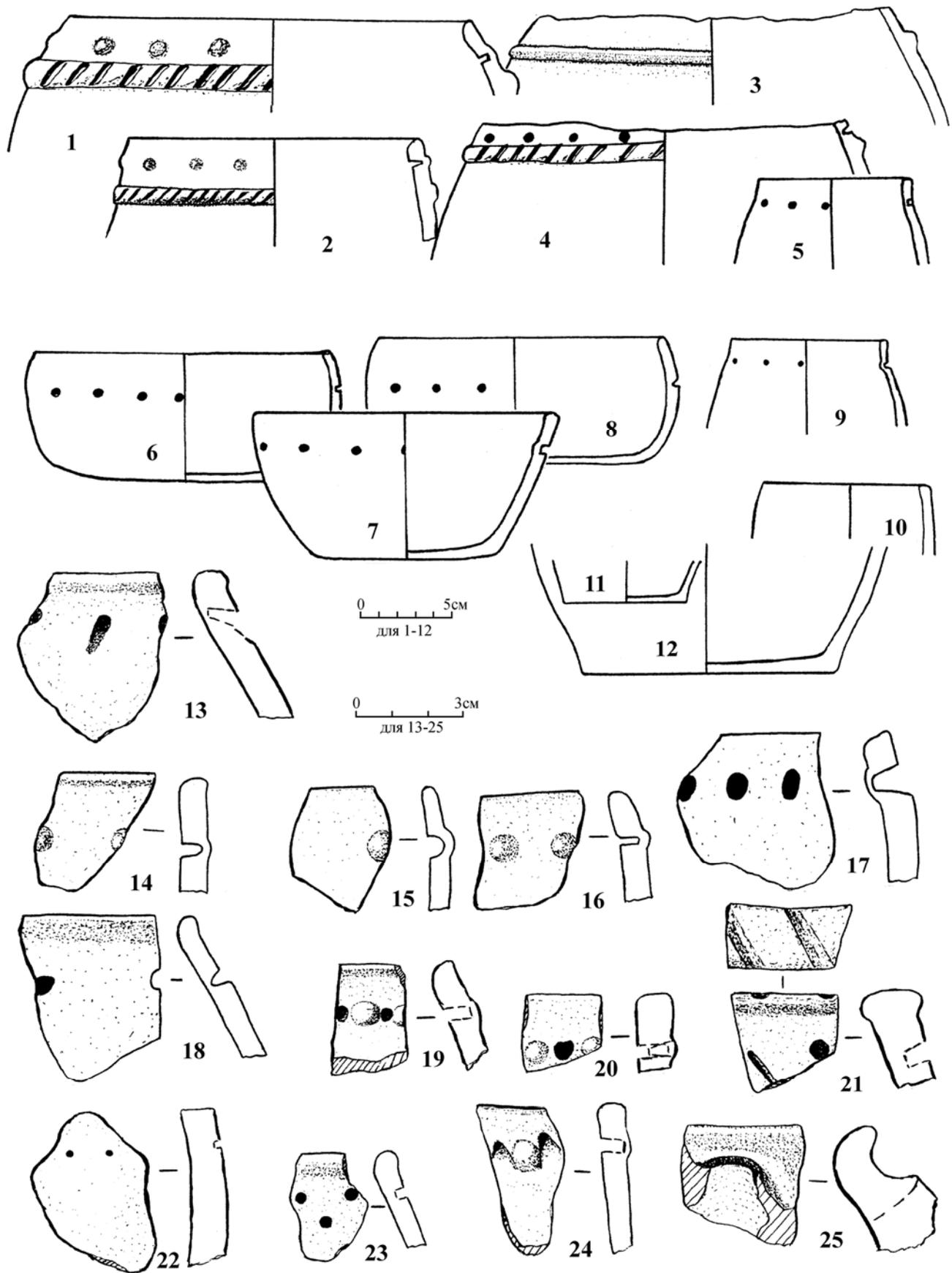
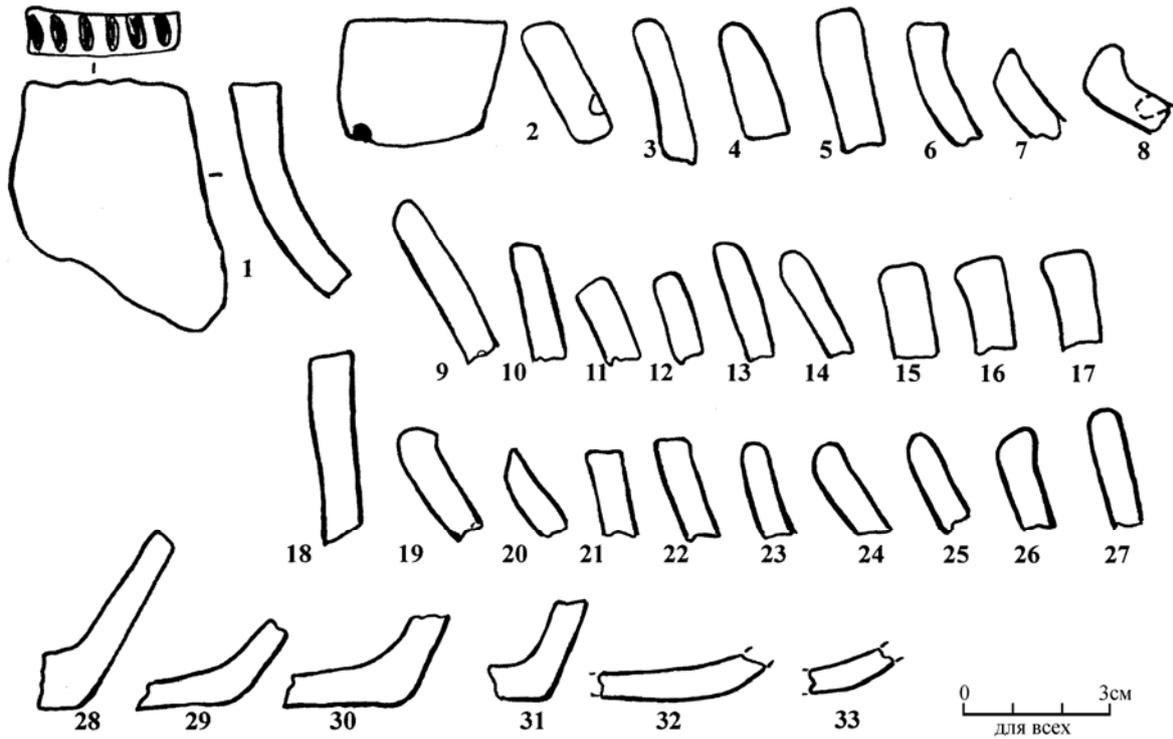

Рис. 78. Поселение Куротинский Лог-1. Формы сосудов и орнаменты (1-18), редкие орнаменты (19-24), обломок носика-слива (25)

Куротинский Лог-1

Тузаков Лог-1

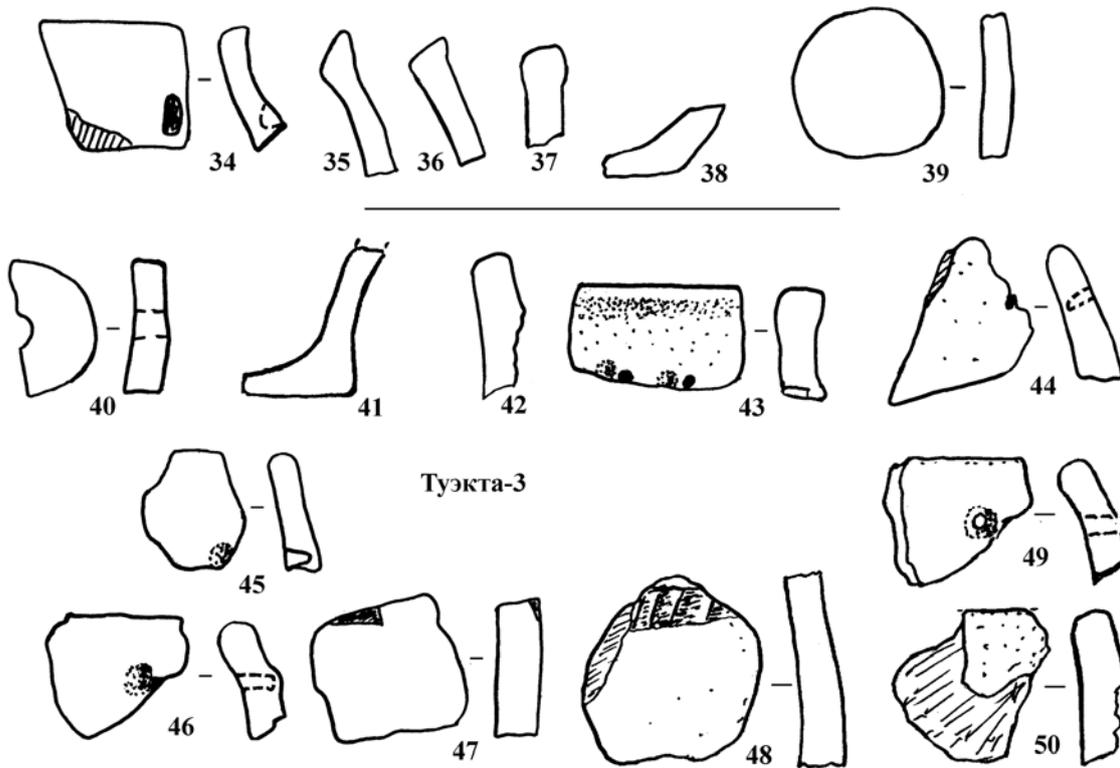

Рис. 79. Поселение Куротинский Лог-1. Фрагменты средневековых венчиков (1-8).
 Фрагменты венчиков и днищ раннего железного века (9-33). Поселение Тузаков Лог-1 (34-39).
 Поселение (?) Тузкта-3: сборы из кротовин (40-48), шурф (49, 50)

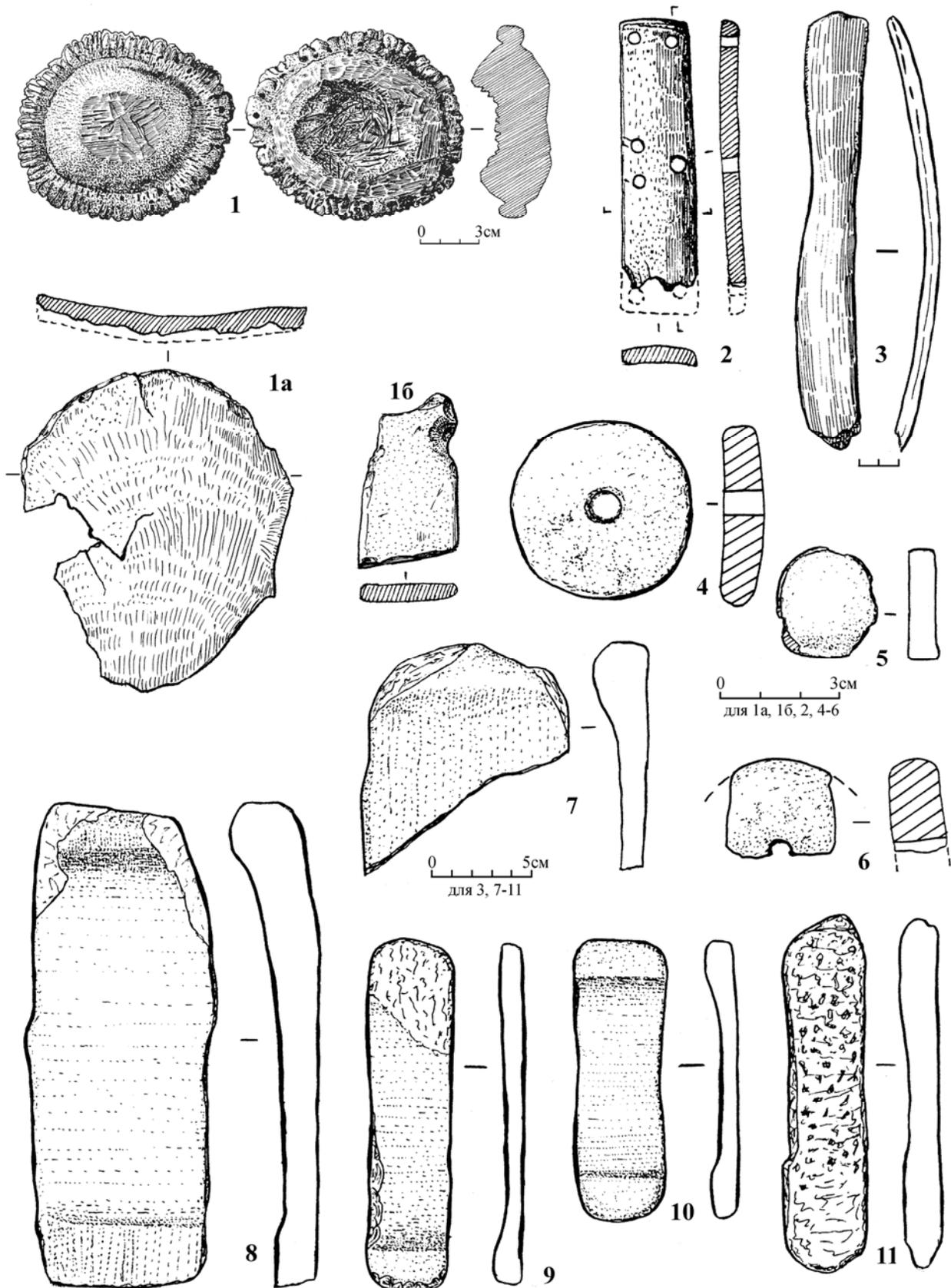

Рис. 80. Поселение курортинский Лог-1. Находки: 1 - заготовка подпружной пряжки (?) из основания рога марала; 1а - обработанная пластина (скребок ?) из кости; 1б - обработанная плитка; 2 - панцирная пластинка; 3 - ребро-лощило; 4, 6 - пряслица; 5 - «фишка»; 7 - нижний камень зернотёрки; 8-10 - куранты; 11 - заготовка куранта. Рог - 1, 2; кость - 1а, 3; керамика - 4-6; камень - 1б, 7-11

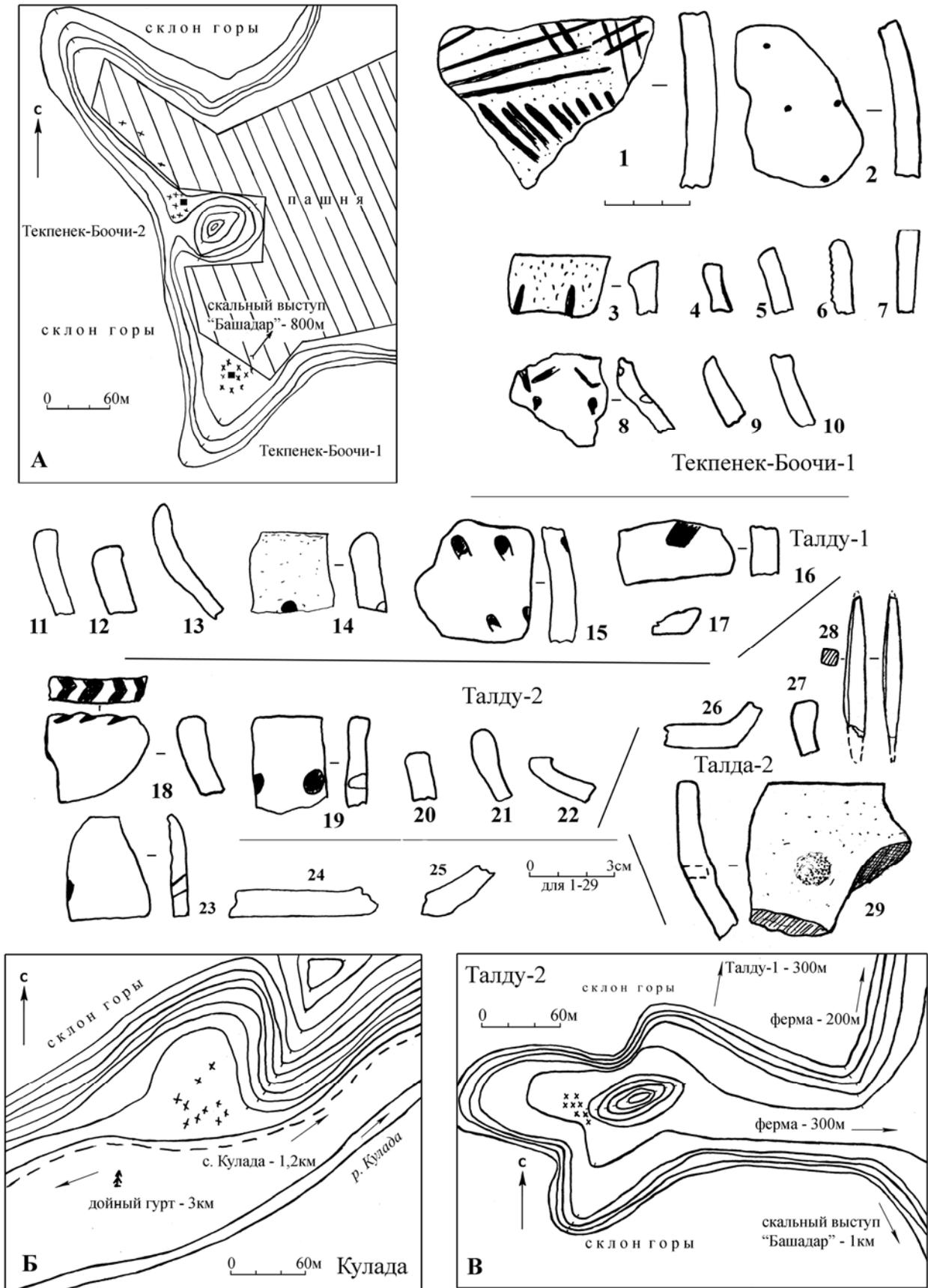
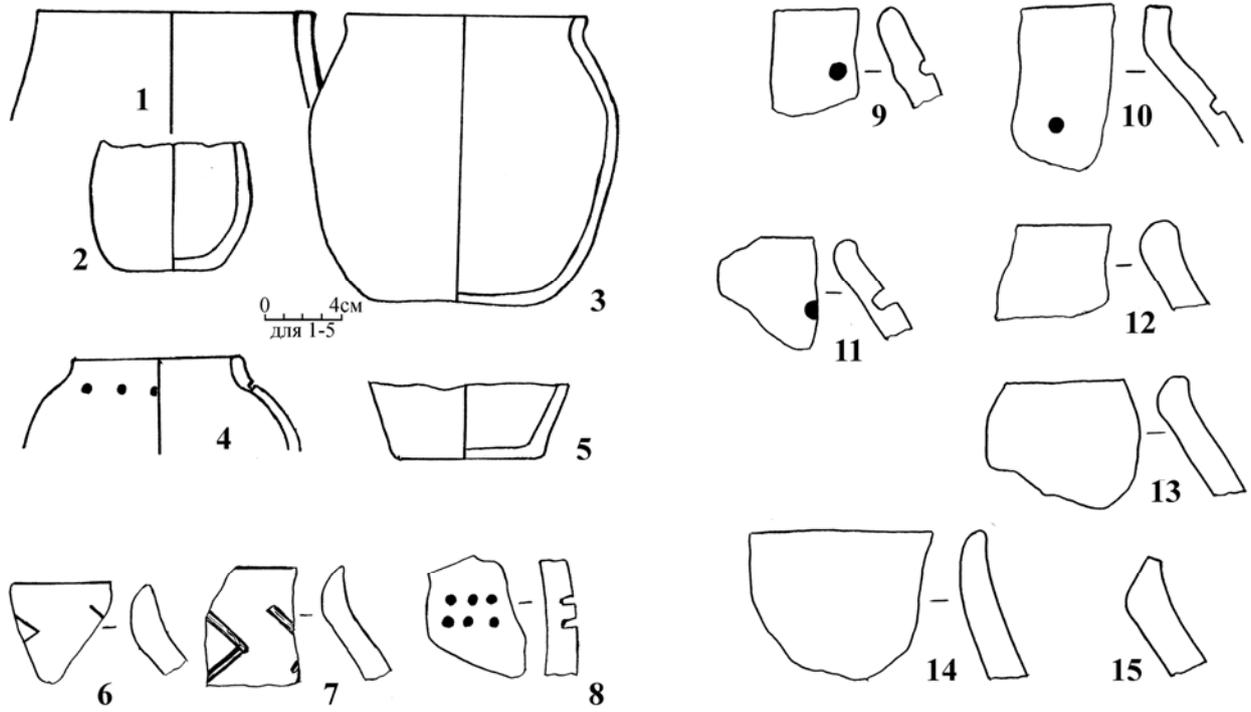

Рис. 81. Планы поселений Текпенек-Боочи-1, 2 (А), Кулада (Б), Талду-2 (В). Керамика из поселений: 1-10 – сборы на Текпенек-Боочи-1 1987 г.; 11-17 – Талду-1; 18-22 – Талду-2; 23-25 – Кулада; 26-29 – Талда-2

Текпенек-Боочи-3

Текпенек-Боочи-2

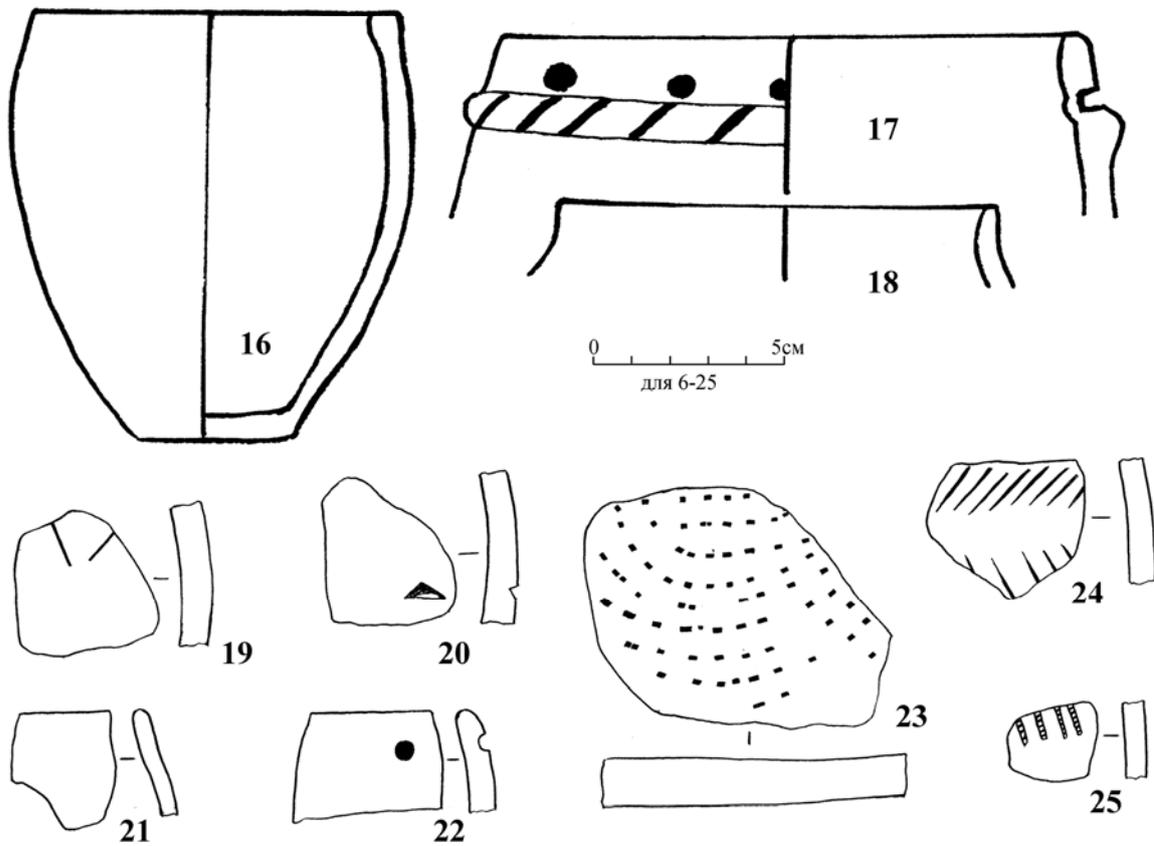

Рис. 82. Керамика из шурфов и раскопа на поселениях Текпенек-Боочи-2 (16-25) и Текпенек-Боочи-3 (1-15)

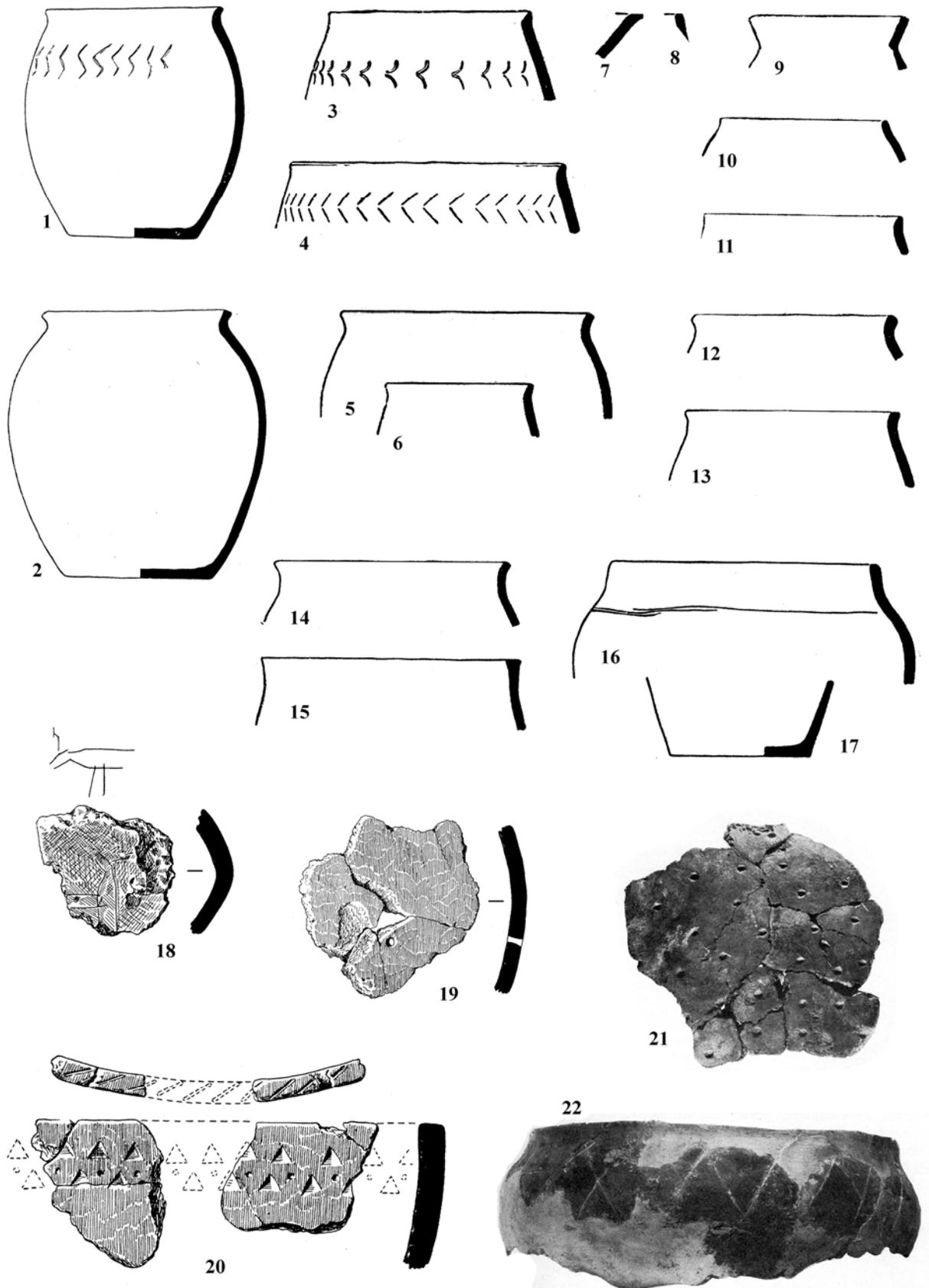

Рис. 83. Керамика из насыпи кургана Башадар-2 (по: Руденко, 1960)

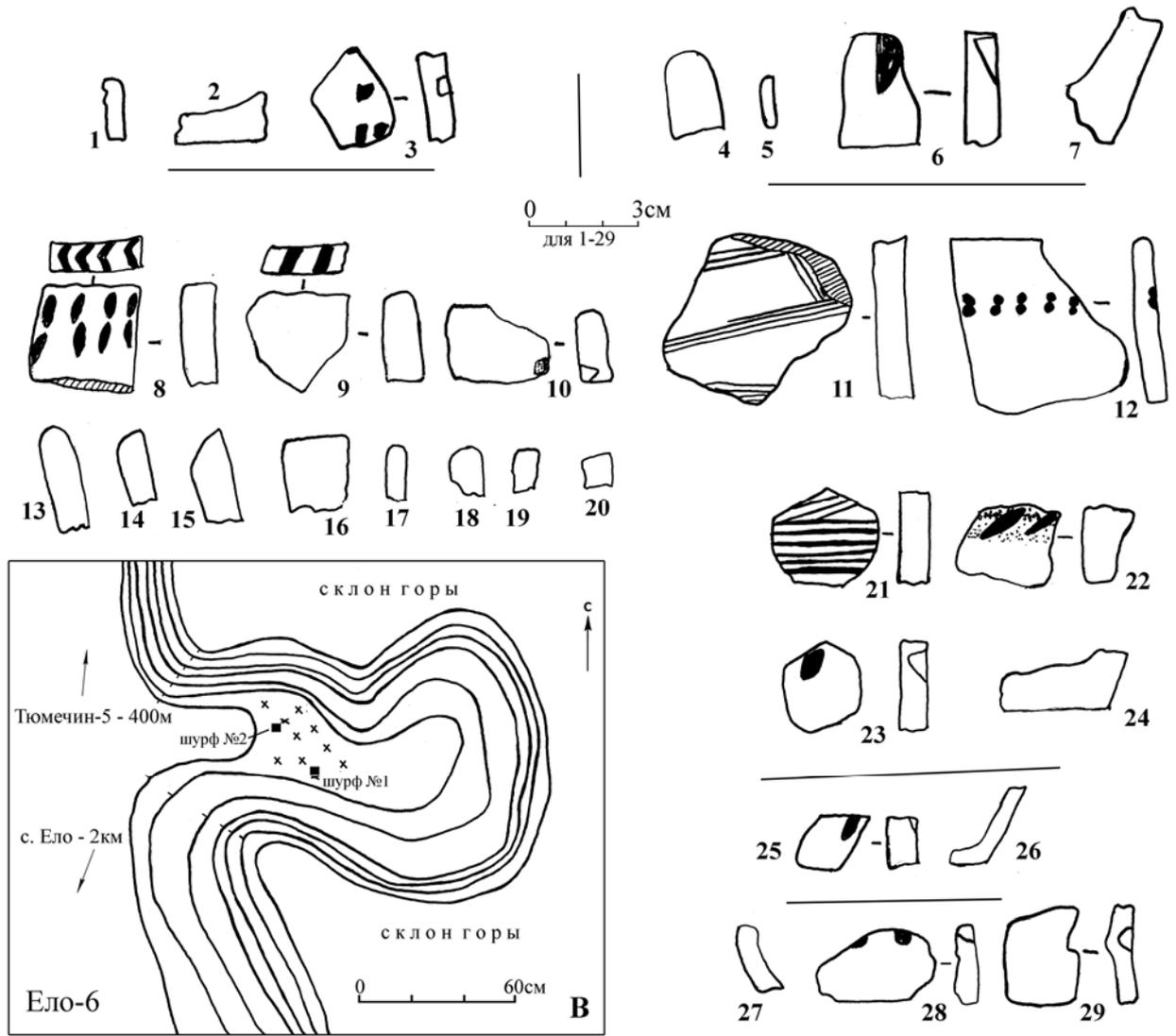
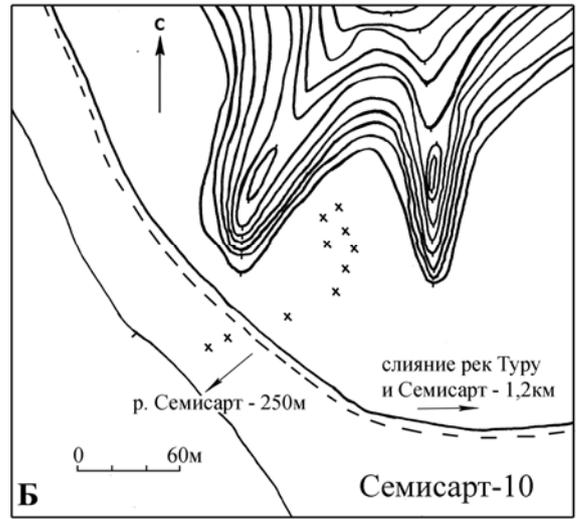
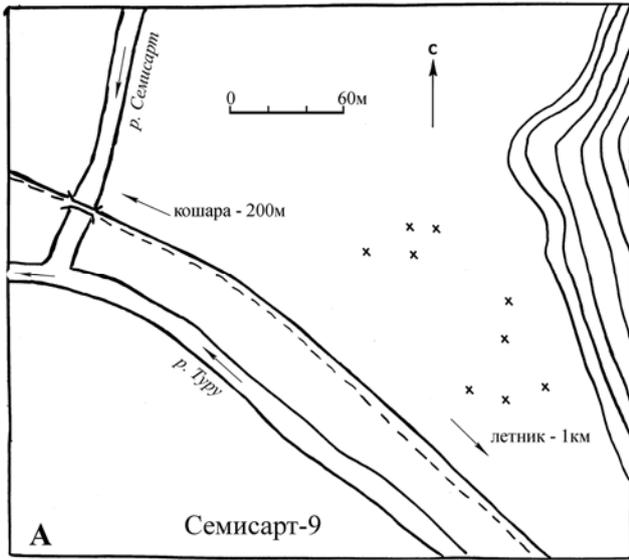

Рис. 84. Поселения Семисарт-9 (1-3), Семисарт-10 (4-7), Ело-6 (8-24), Ело-7 (25, 26), Ело-8 (27-29).
Планы, керамика

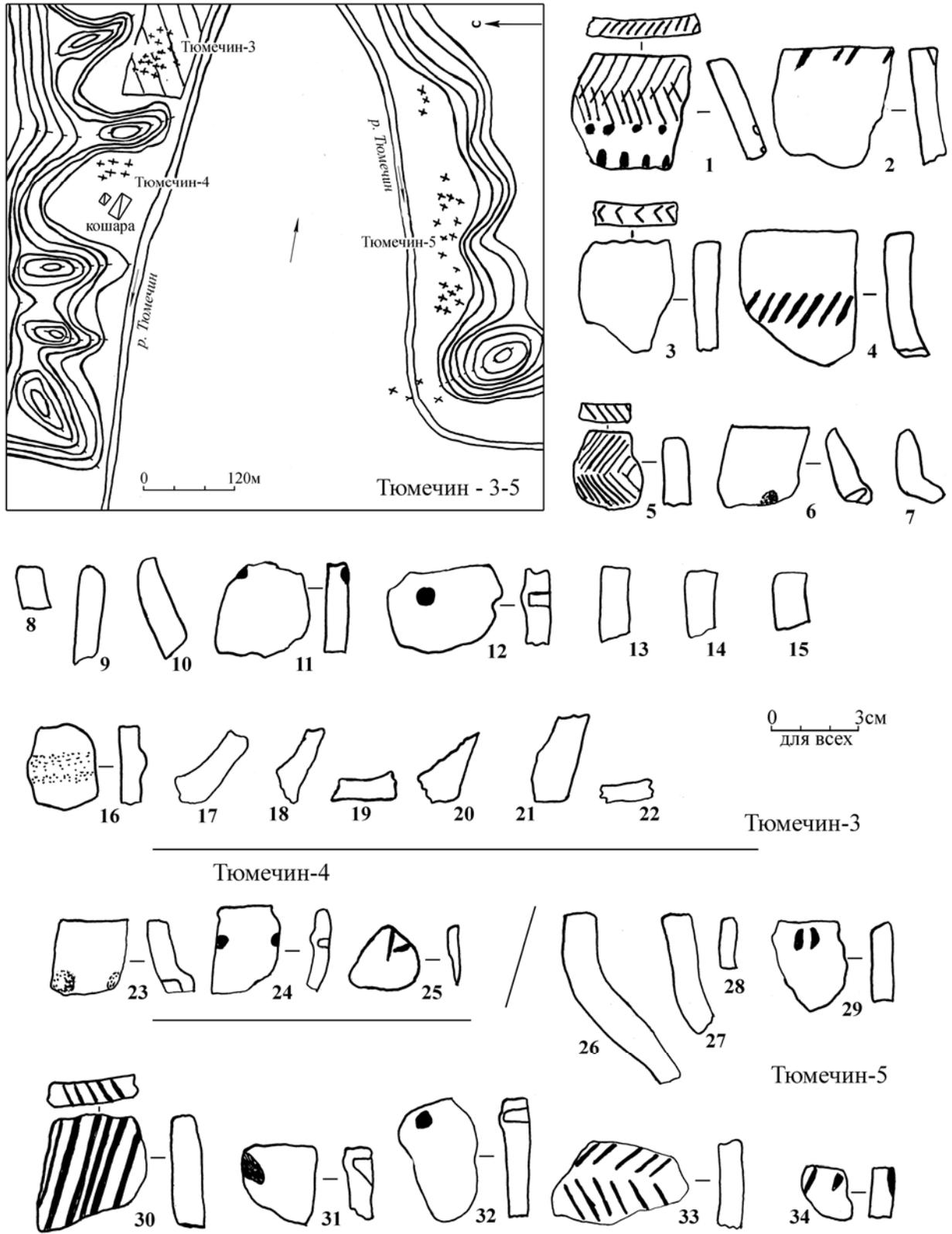

Рис. 85. Поселения Тюмечин-3-5. План, керамика

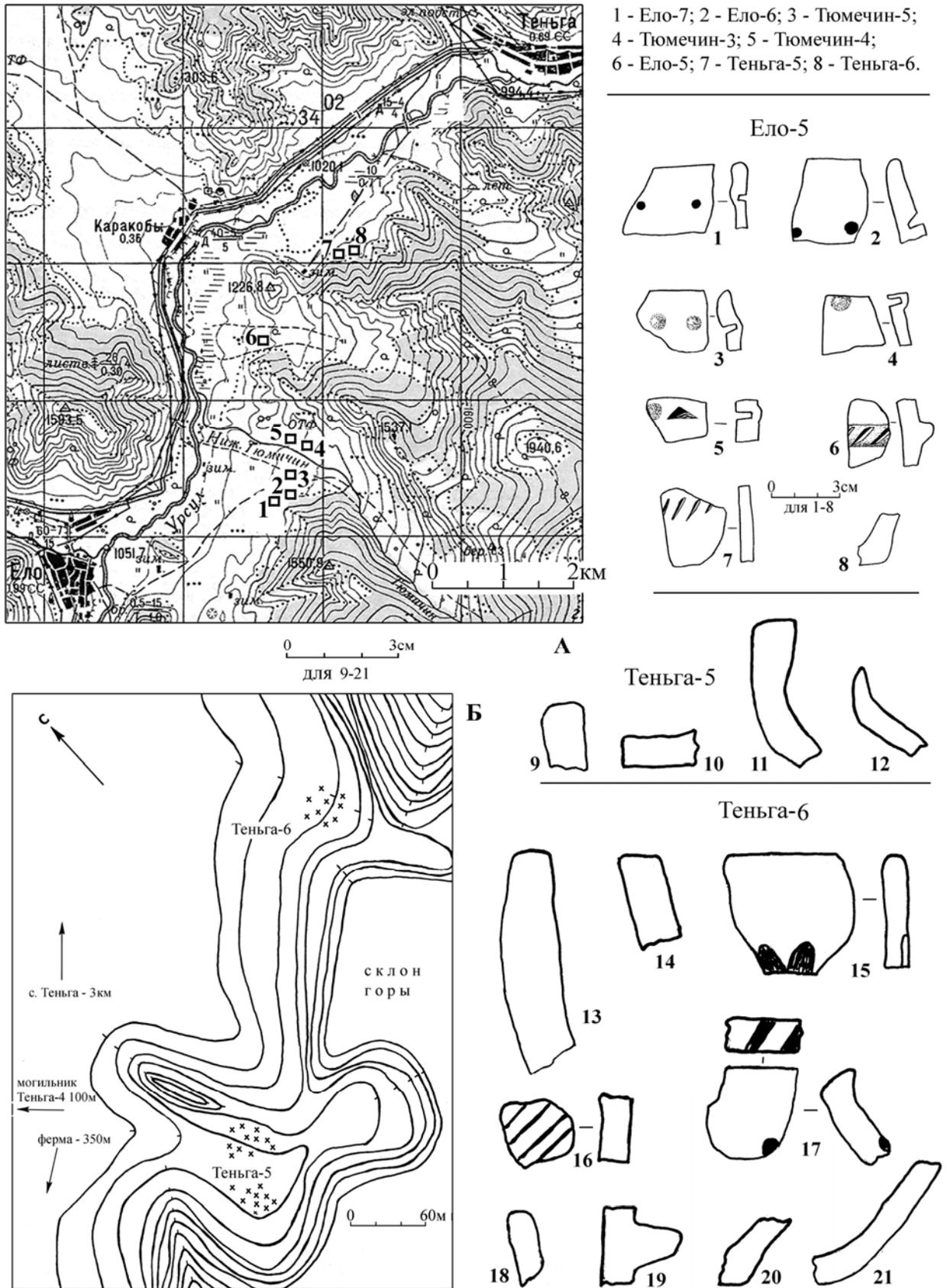
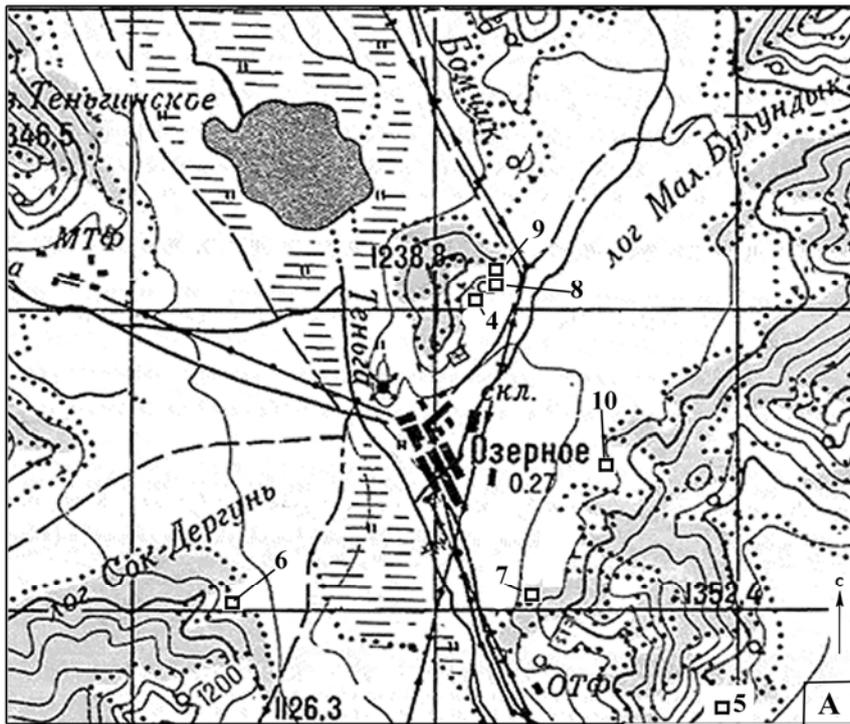

Рис. 86. Карта расположения поселений по правому берегу р. Урсул между сёлами Ело и Теньга.

План расположения и керамика с поселений Теньга-5, 6

□4-10 - поселения Озёрное-4-10

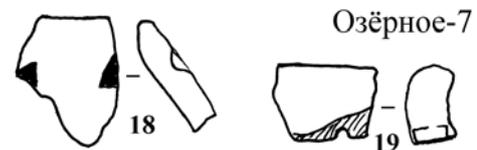
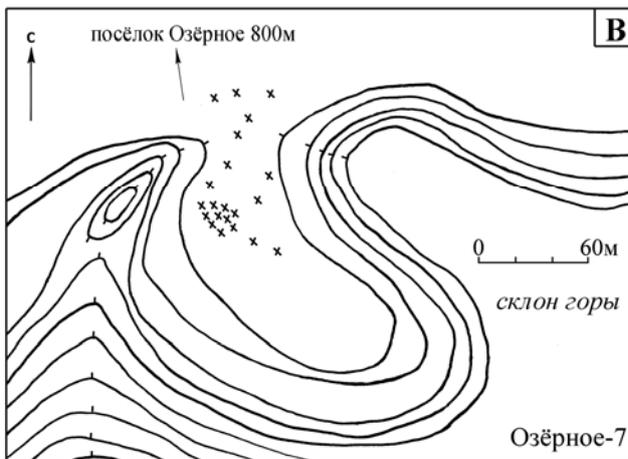
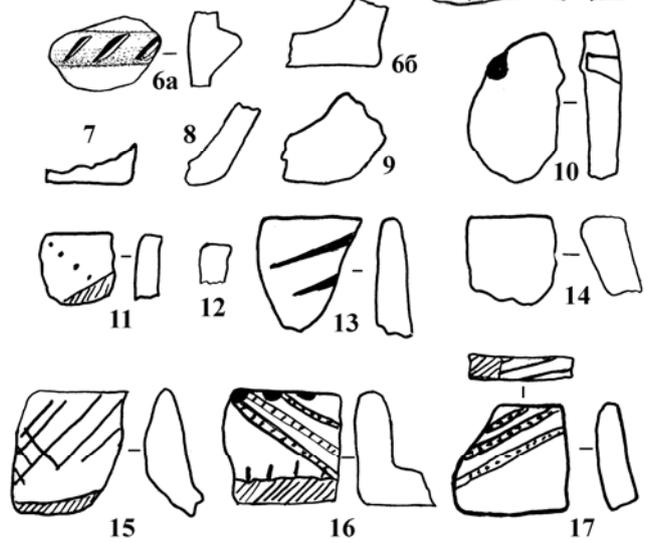
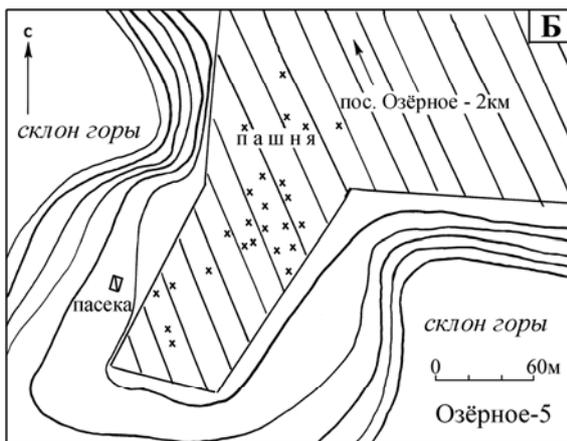

Озёрное-4

Озёрное-10

Озёрное-5

Озёрное-7

Рис. 87. Карта расположения памятников у пос. Озёрное. Планы поселений Озёрное-5, 7 и керамика из поселений Озёрное-4, 5, 7, 10

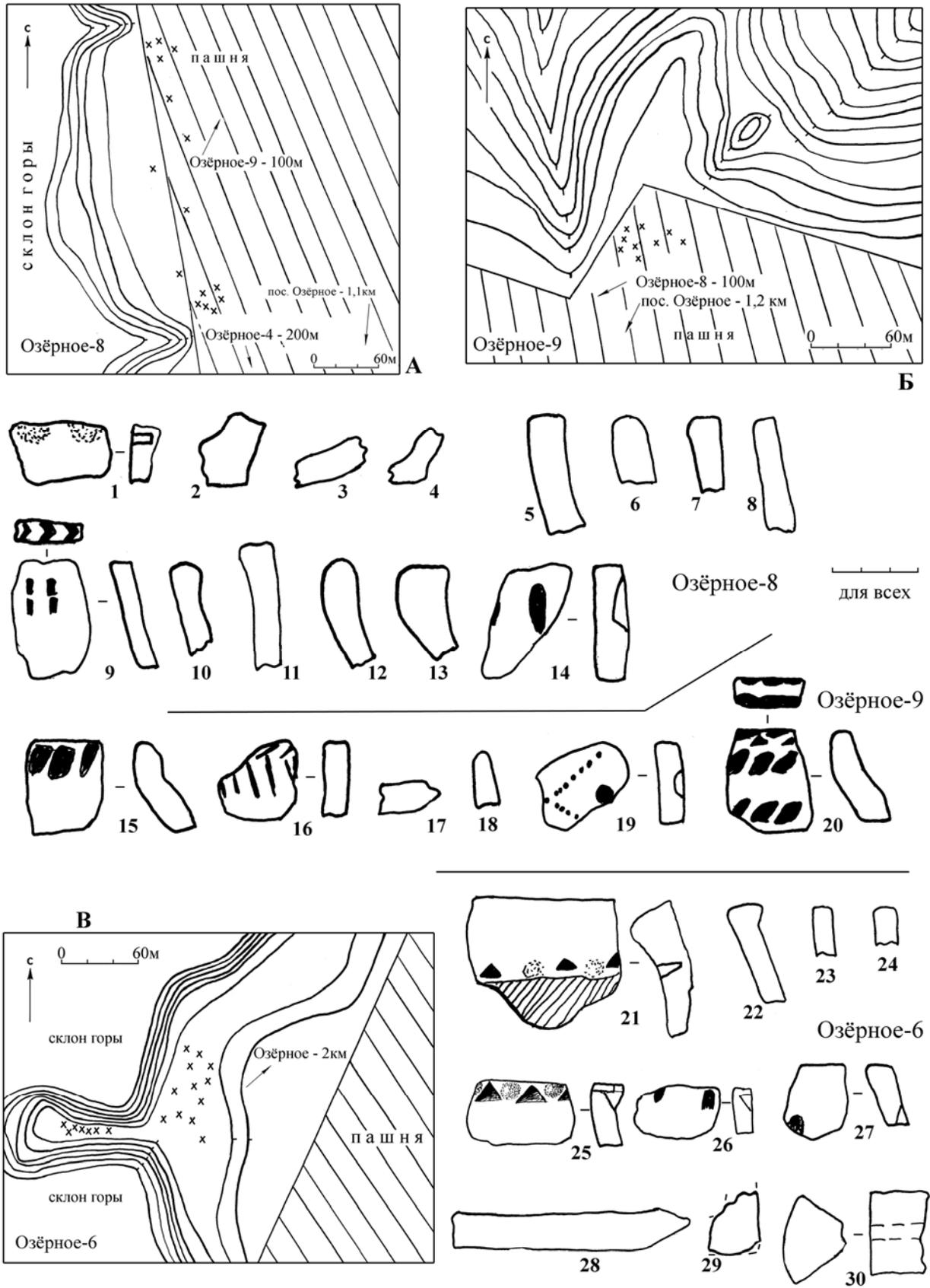
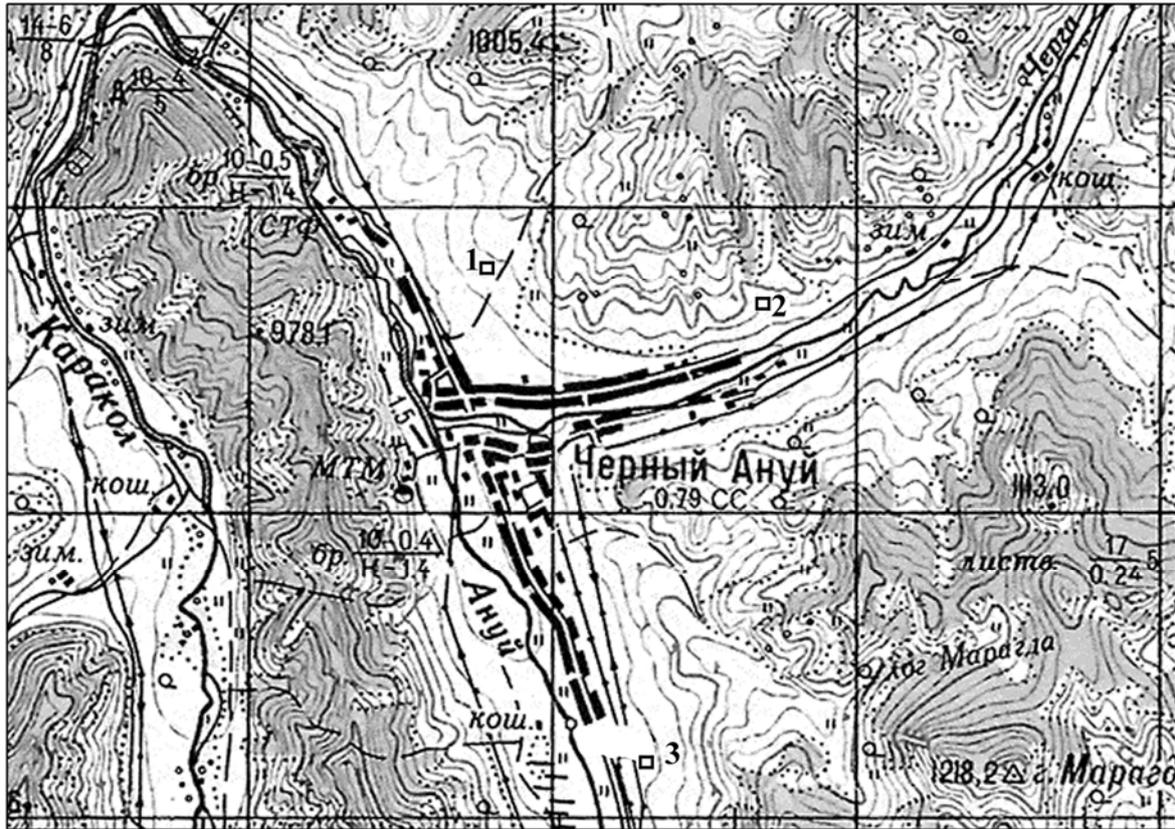

Рис. 88. Планы поселений Озёрное-6, 8, 9 и керамика

Усть-Канский, Усть-Коксинский, Шебалинский, Солонешенский и Турочакский районы

□1-3 - поселения Чёрный Ануй-1-3

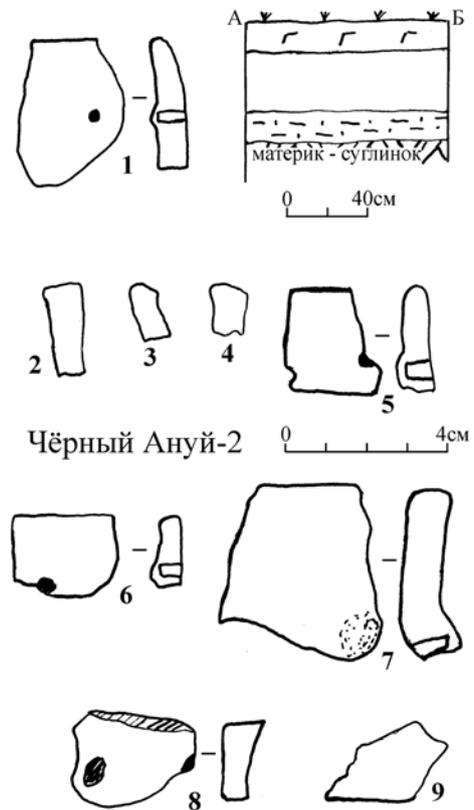
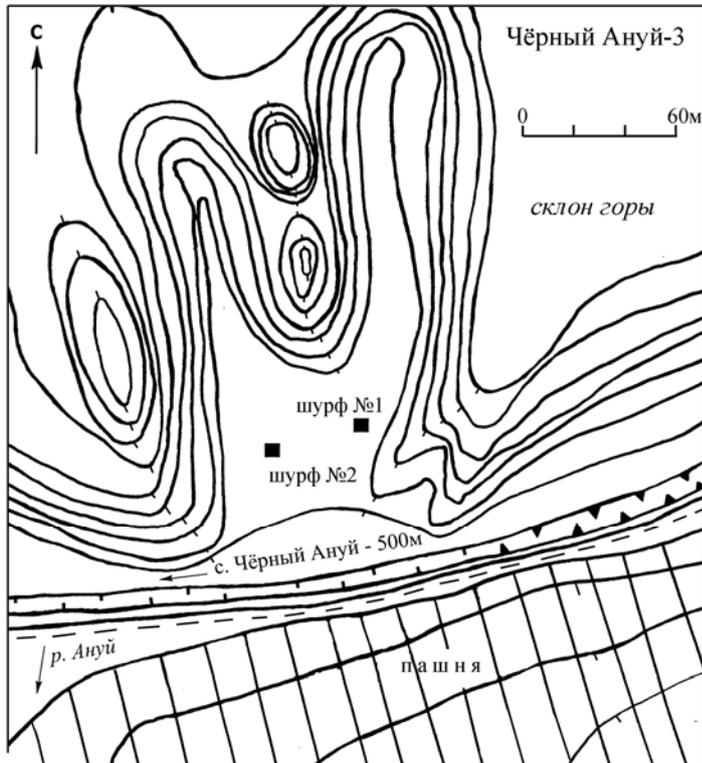

Рис. 89. Карта расположения поселений у с. Чёрный Ануй. План поселения Чёрный Ануй-3. Стратиграфия и керамика на поселении Чёрный Ануй-2

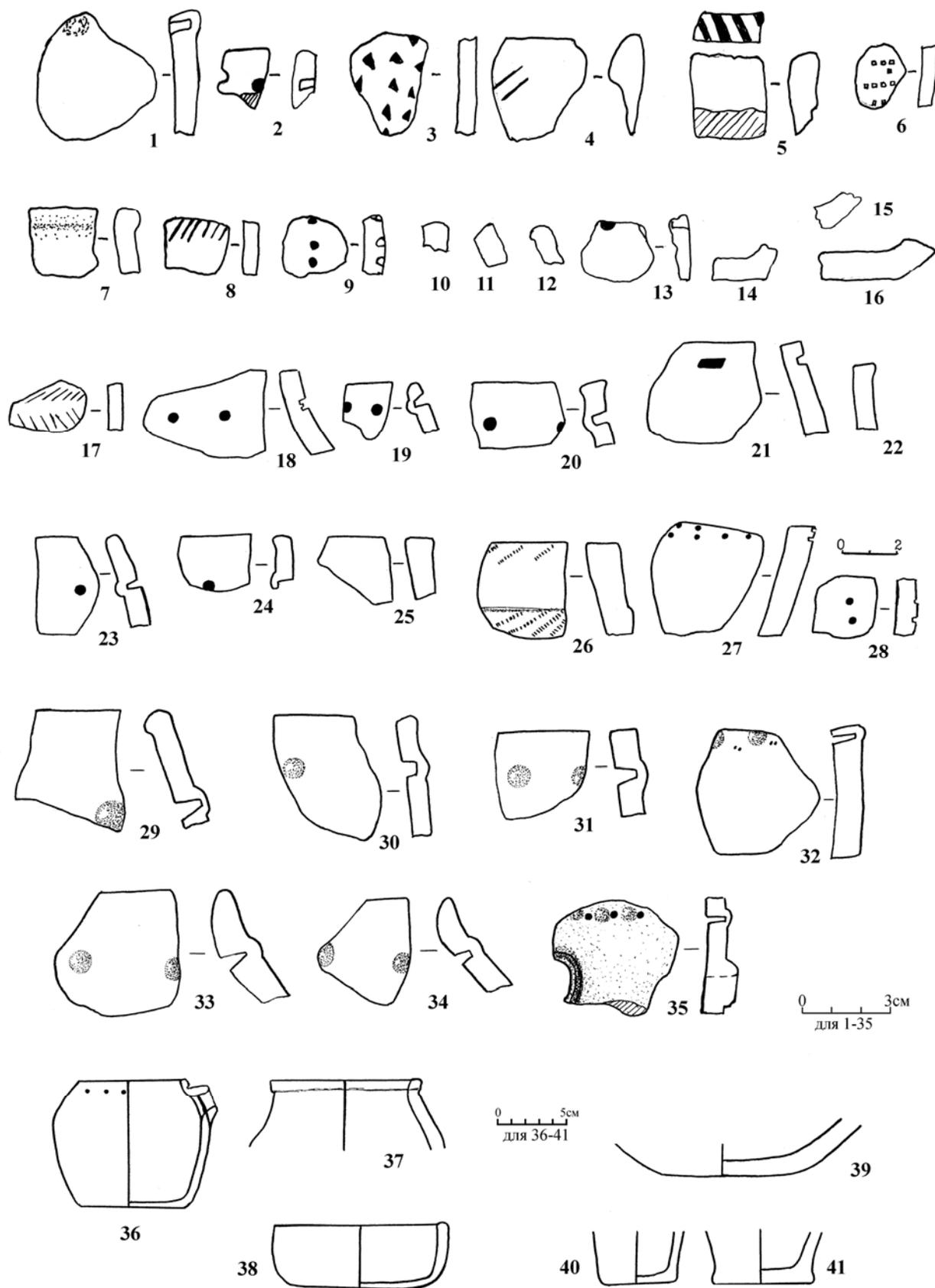

Рис. 90. Поселение Чёрный Ануй-3. Керамика: 1-16 – шурфы №№1, 2 1987 г.; 17-41 – раскоп 1988 г.

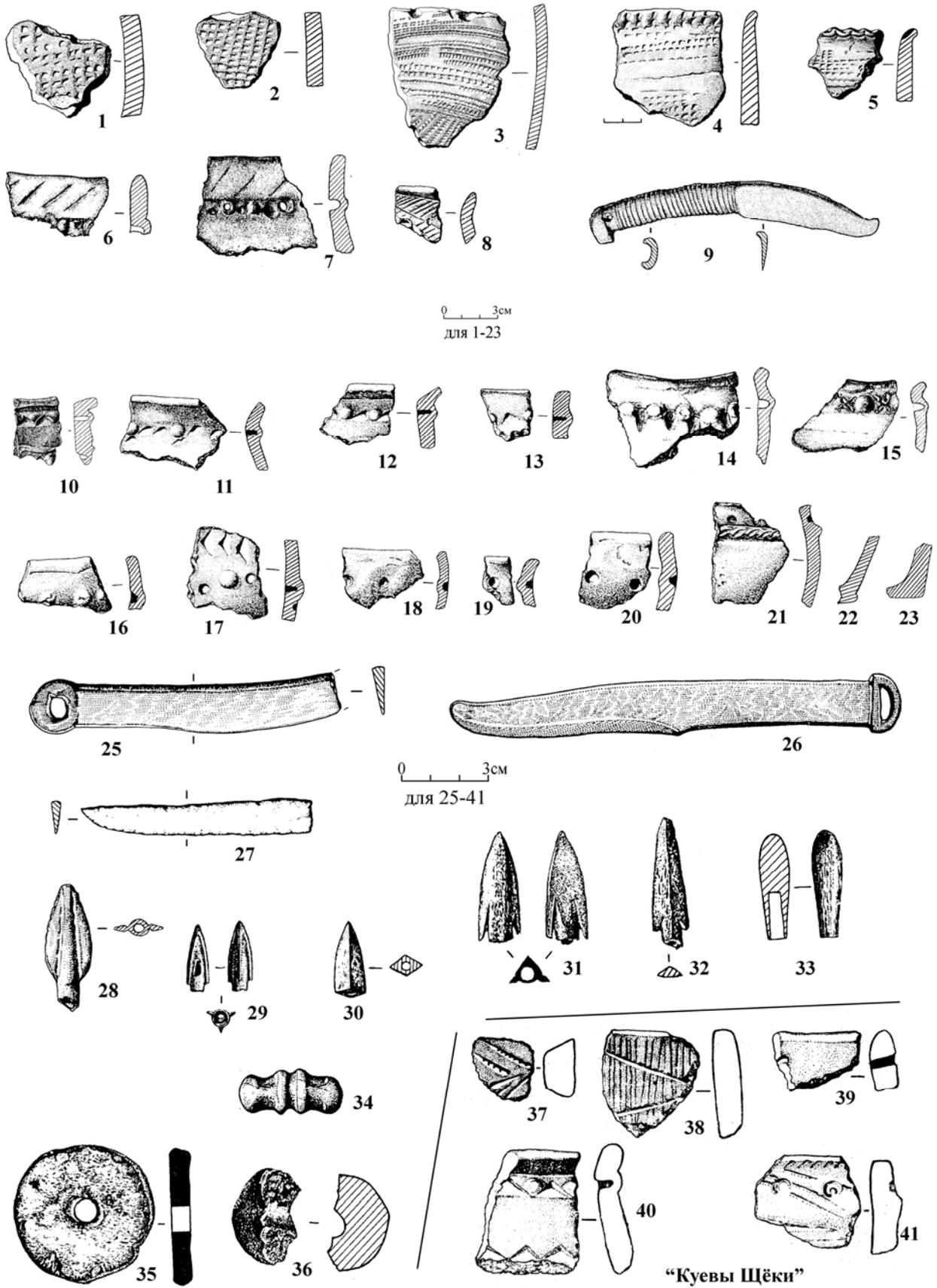

Рис. 91. Денисова пещера. Инвентарь эпохи бронзы (1-9) и раннего железного века (10-36) (по: Деревянко, Молодин, 1994). Поселение «Кувьы Щёки» (37-41) (по: Бороводский, 1991)

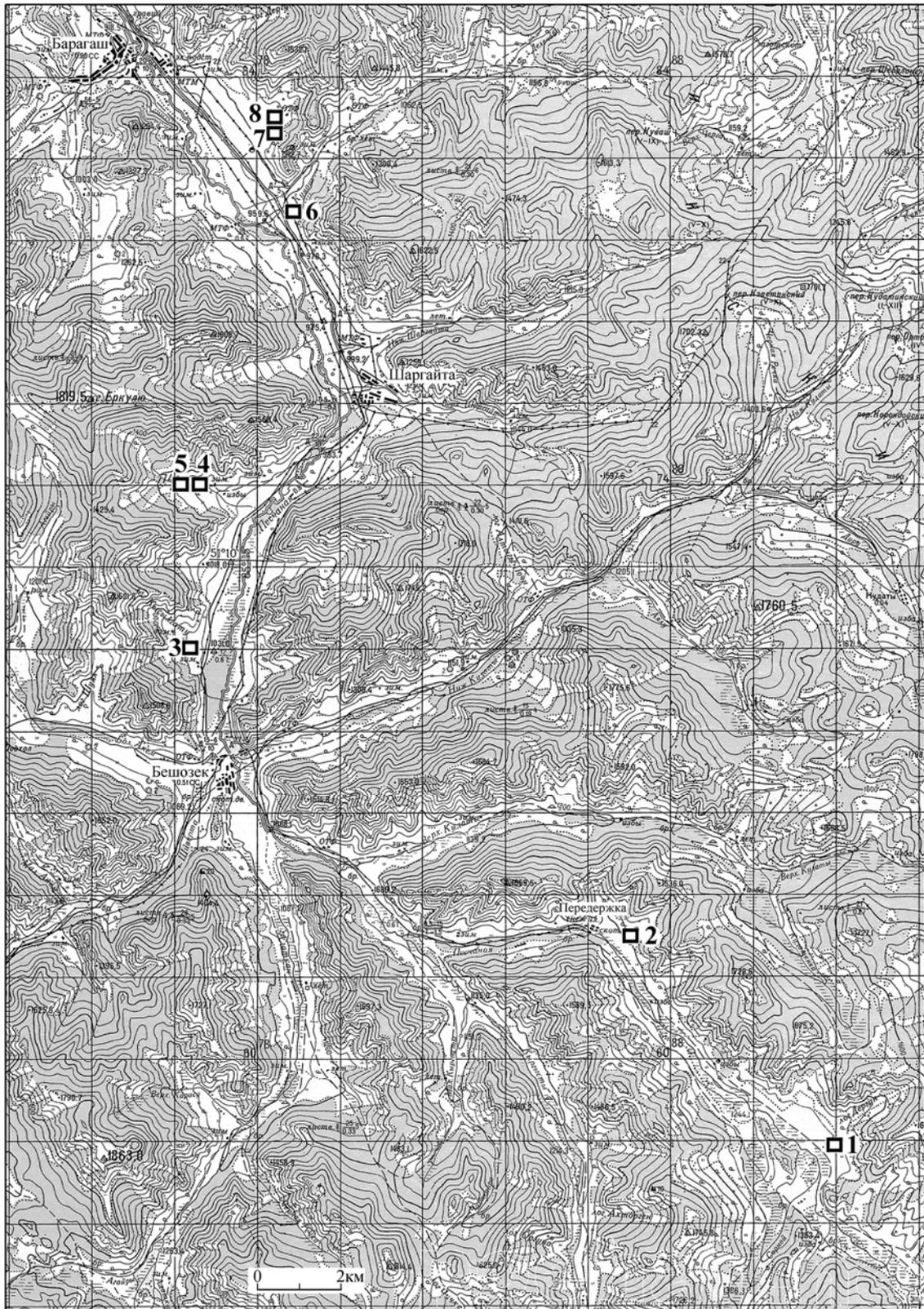

Рис. 92. Карта расположения поселений на р. Песчаная от верховий до с. Барагаш: 1 – Сорной; 2 – Переёшка (Передержка); 3 – Беш-Озек (лог Кысылгату); 4, 5 – Куверги-1, 2; 6 – Куваш-2; 7, 8 – Барагаш-4, 5

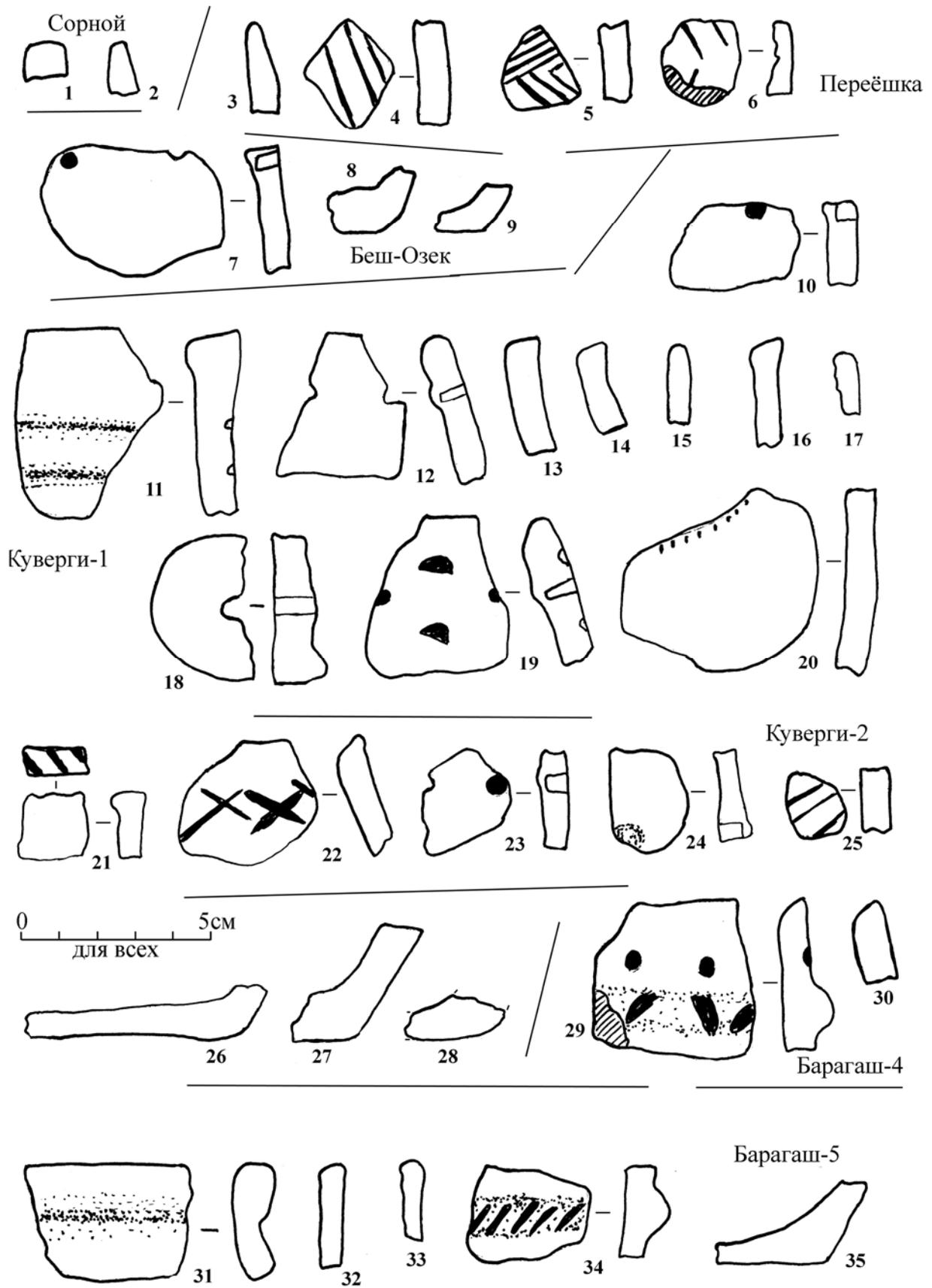
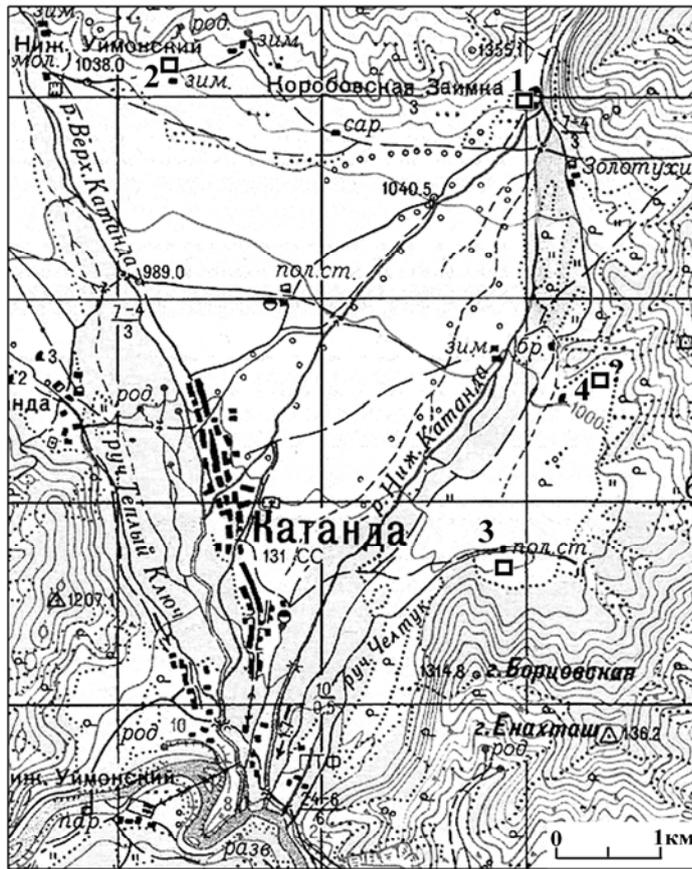
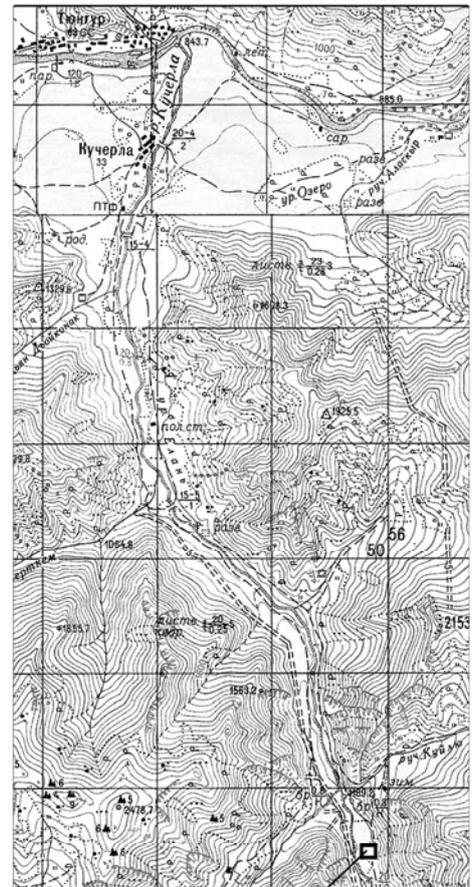

Рис. 93. Керамика из поселений: Сорной; Переёшка; Беш-Озек; Куверги-1, 2; Куваш-2; Барагаш-4, 5

1

2

Кучерла

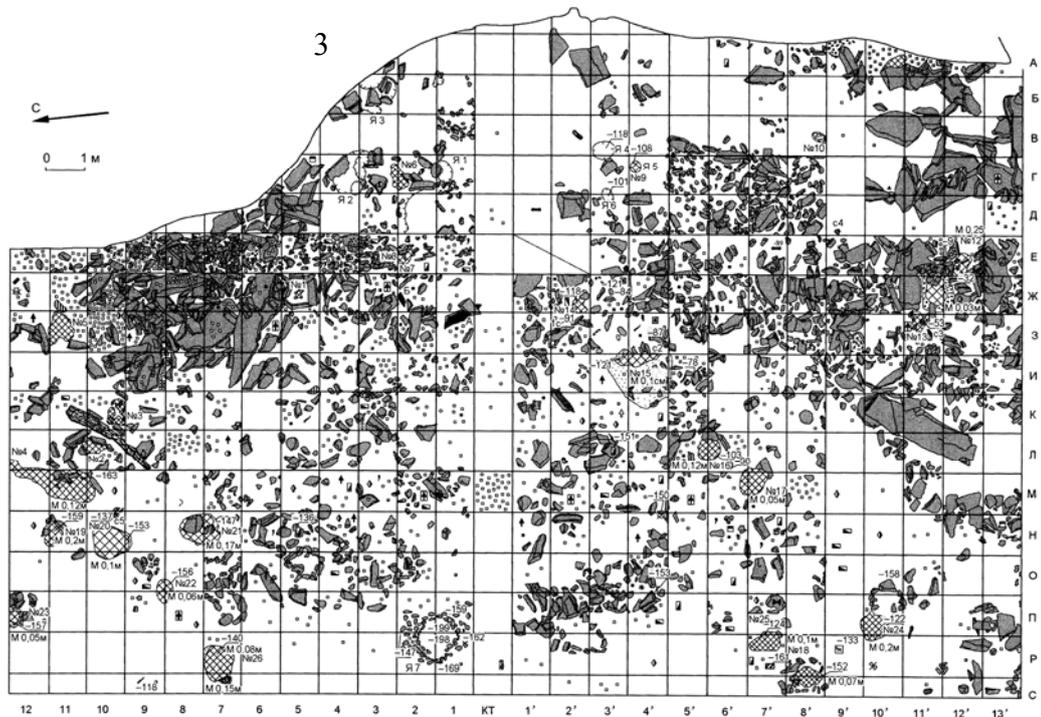

Рис. 94. Карта расположения поселений в долине у с. Катанда (1): 1– Нижняя Катанда; 2 – Катанда; 3 – Челтук-1; 4 – Челтук-2. Карта расположения памятника Кучерла-1 (грот Куйлю) (2). Кучерла-1, план раскопа, слой (горизонт) 3 (3) (по: Молодин, Ефремова, 2010)

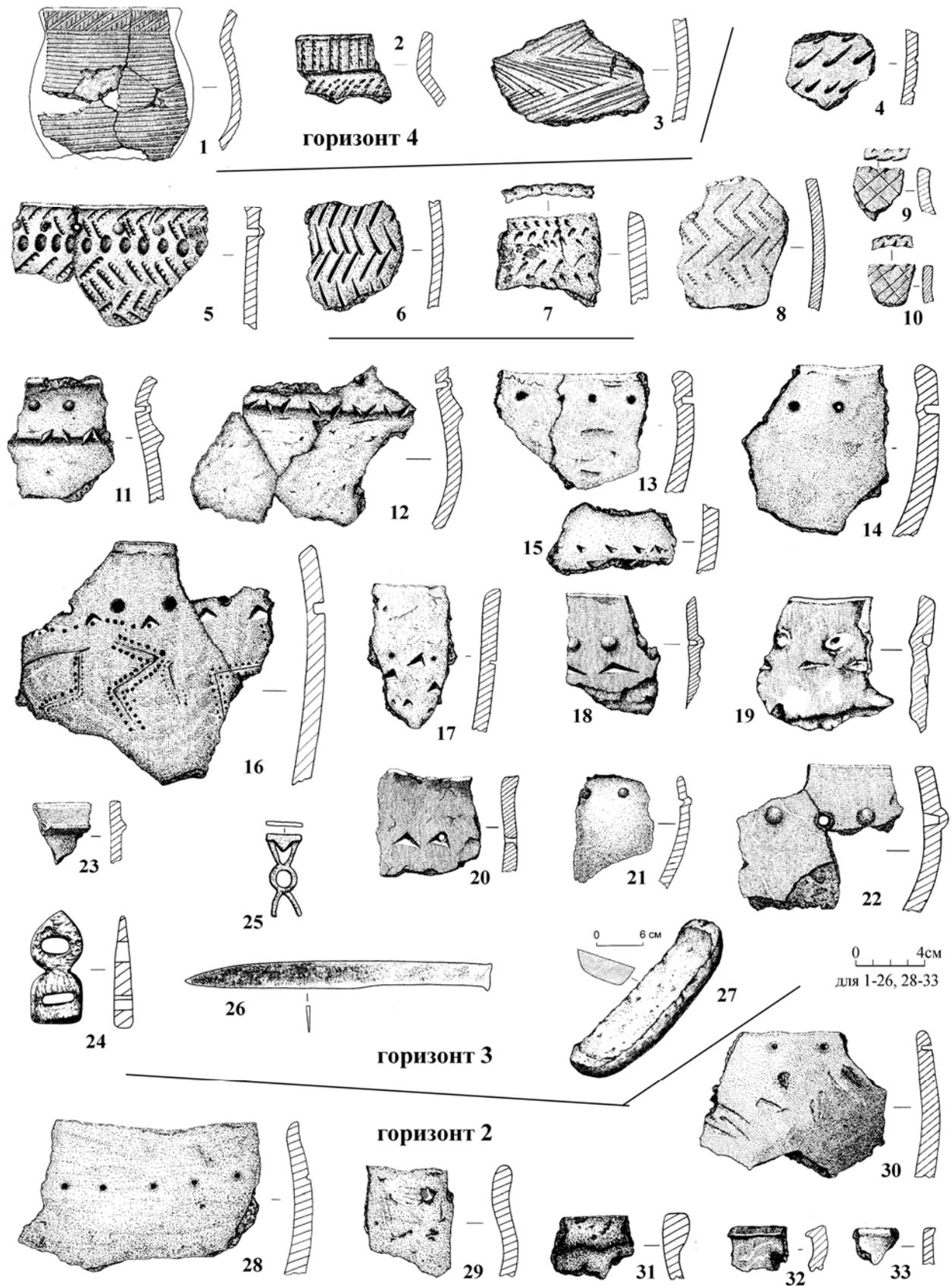

Рис. 95. Памятник Кучерла-1 (грот Куйлю). Находки: 1-3 – афанасьевская керамика из слоя (горизонта) горизонта 4; 4-10 – керамика развитой бронзы; 11-27 – артефакты раннего железного века из слоя 3; 28-33 – керамика из слоя 2. Бронза – 25, 26; керамика – 1-23, 28-33; рог – 24; камень – 27 (по: Молодин, Ефремова, 2010)

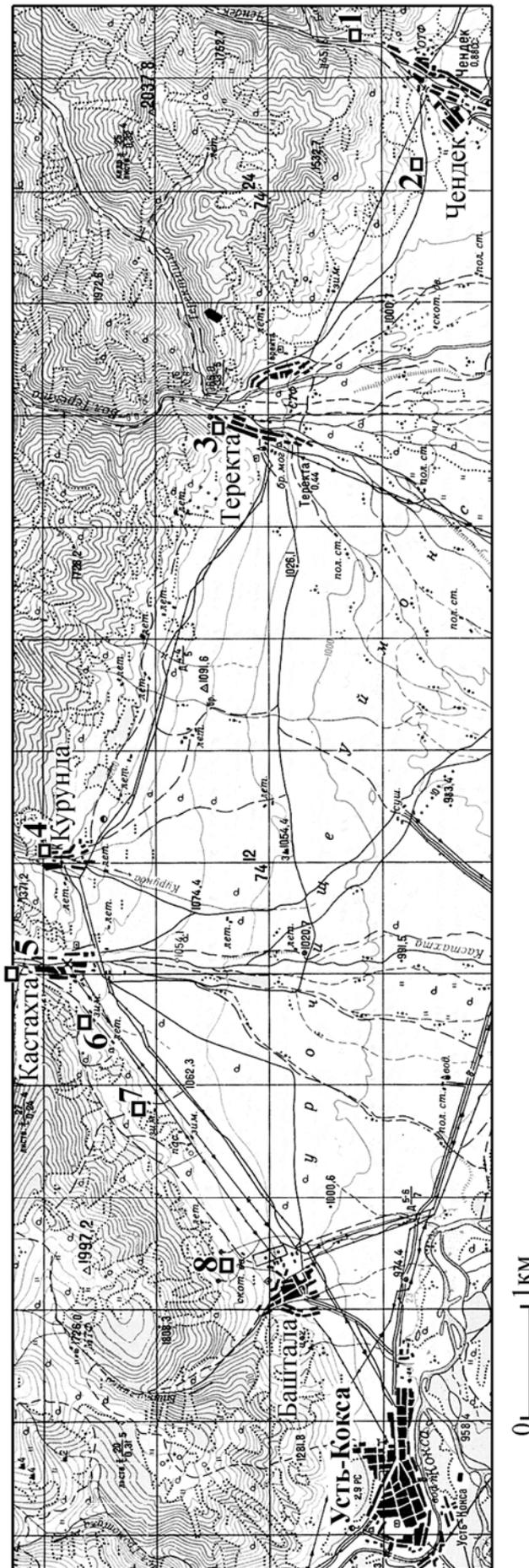

Рис. 96. 1 – карта расположения поселений в Уймонской степи между сёлами Усть-Кокса и Чендек: 1 – Чендек-1; 2 – Чендек-2; 3 – Теректа; 4 – Курунда; 5 – Кастахта-1; 6 – Кастахта-2; 7 – Кастахта-3; 8 – Баштала

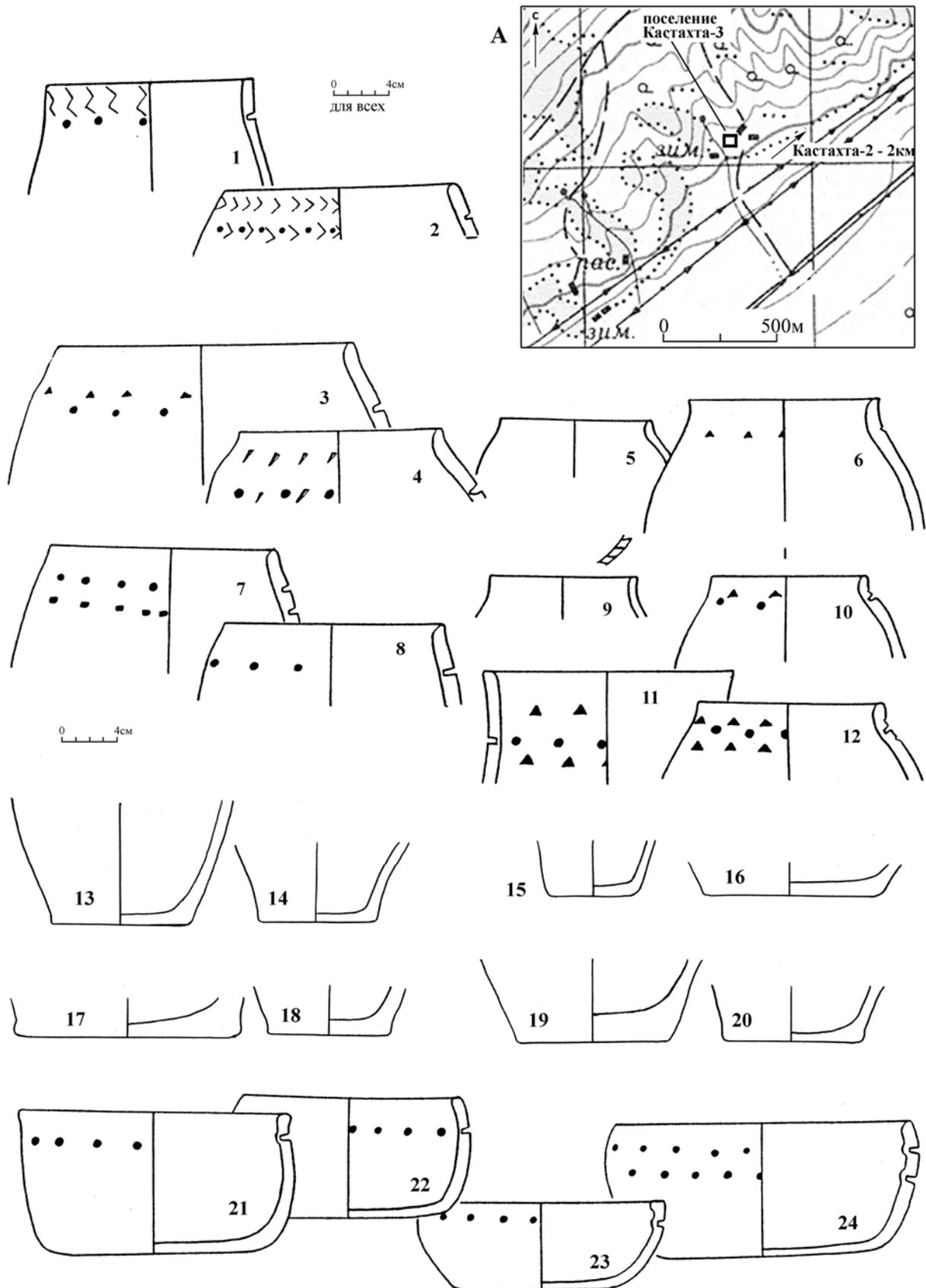

Рис. 96а. Поселение Кастахта-3. План расположения (А). Керамика (1-24)

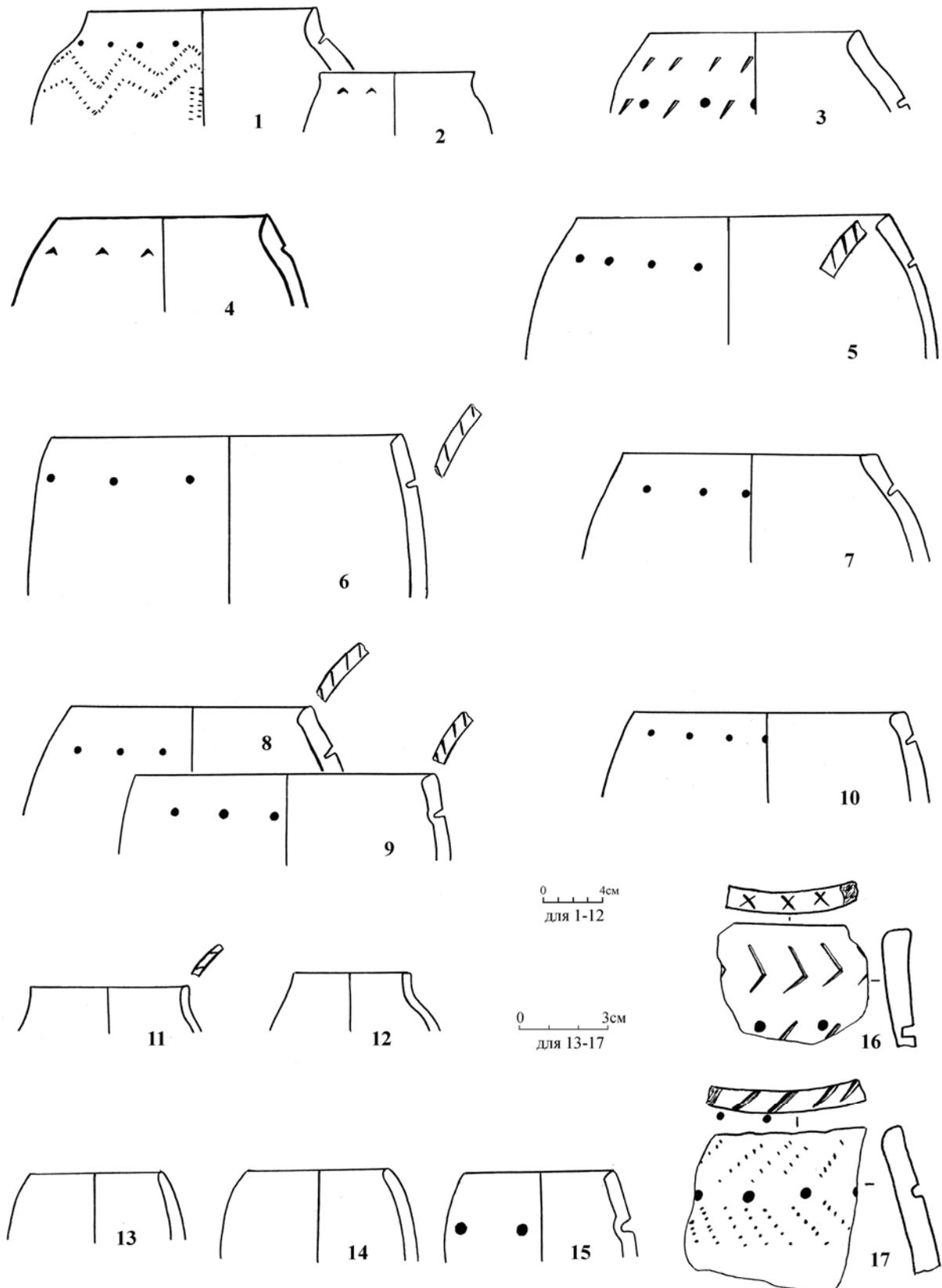

Рис. 966. Поселение Кастахта-3. Керамика

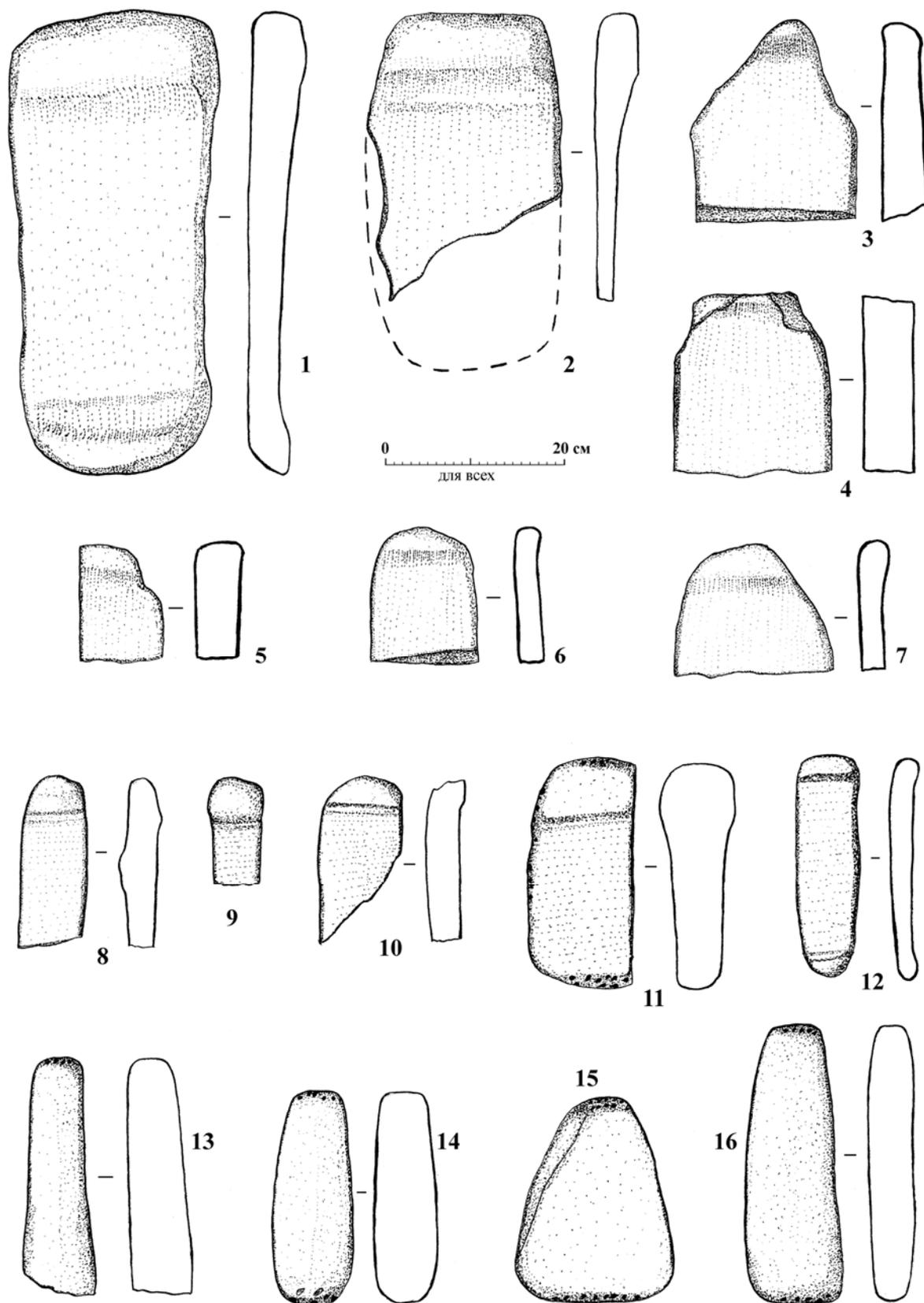

Рис. 97. Изделия из камня в Каштакте-3. Нижние камни зернотёрок (1-7), куранты (8-12), песты (13, 14, 16), пест-тёрочник (15)

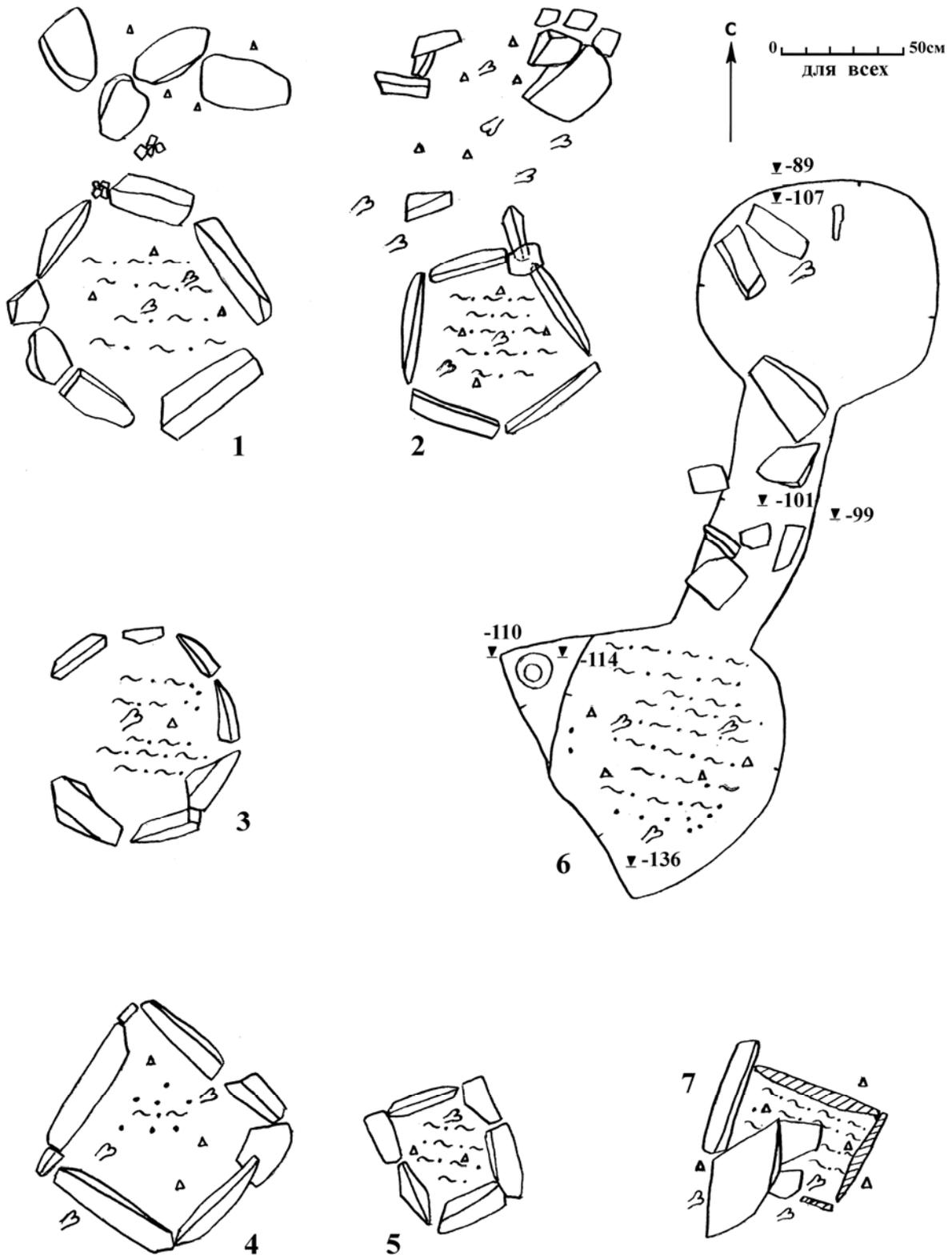

Рис. 98. Очаги из Кастакты-3 (1 – очаг 2, 2 – очаг 1, 3 – очаг 6, 4 – очаг 5, 5 – очаг 4) и Элекмонара-4 (6 – очаг 1, 7 – очаг 4)

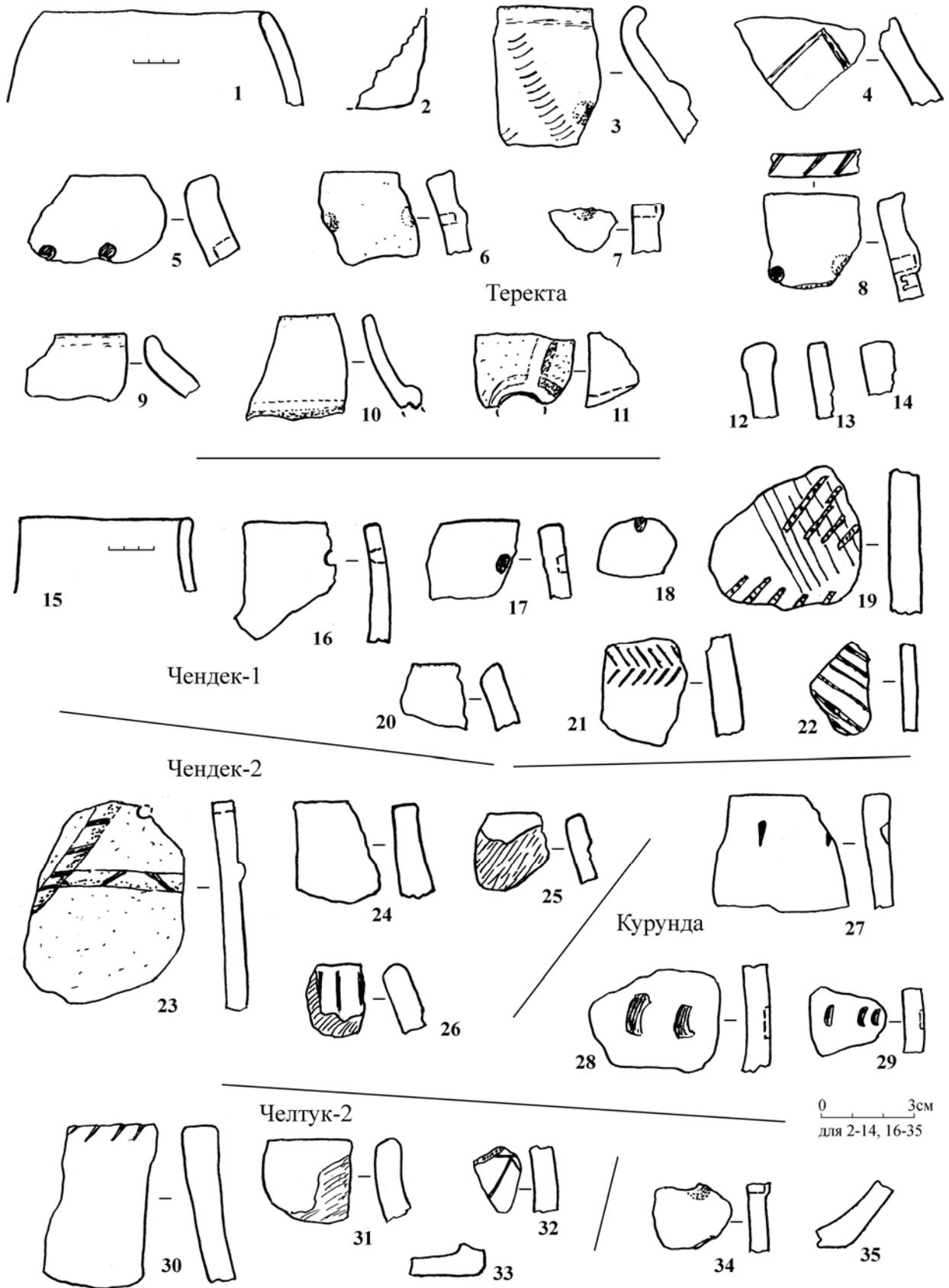

Рис. 98а. Фрагменты керамических сосудов из поселений Теректа (1-14), Чендек-1 (15-22), Чендек-2 (23-26), Курунда (27-29), Челтук-2 (30-33), Челтук-1 (34, 35)

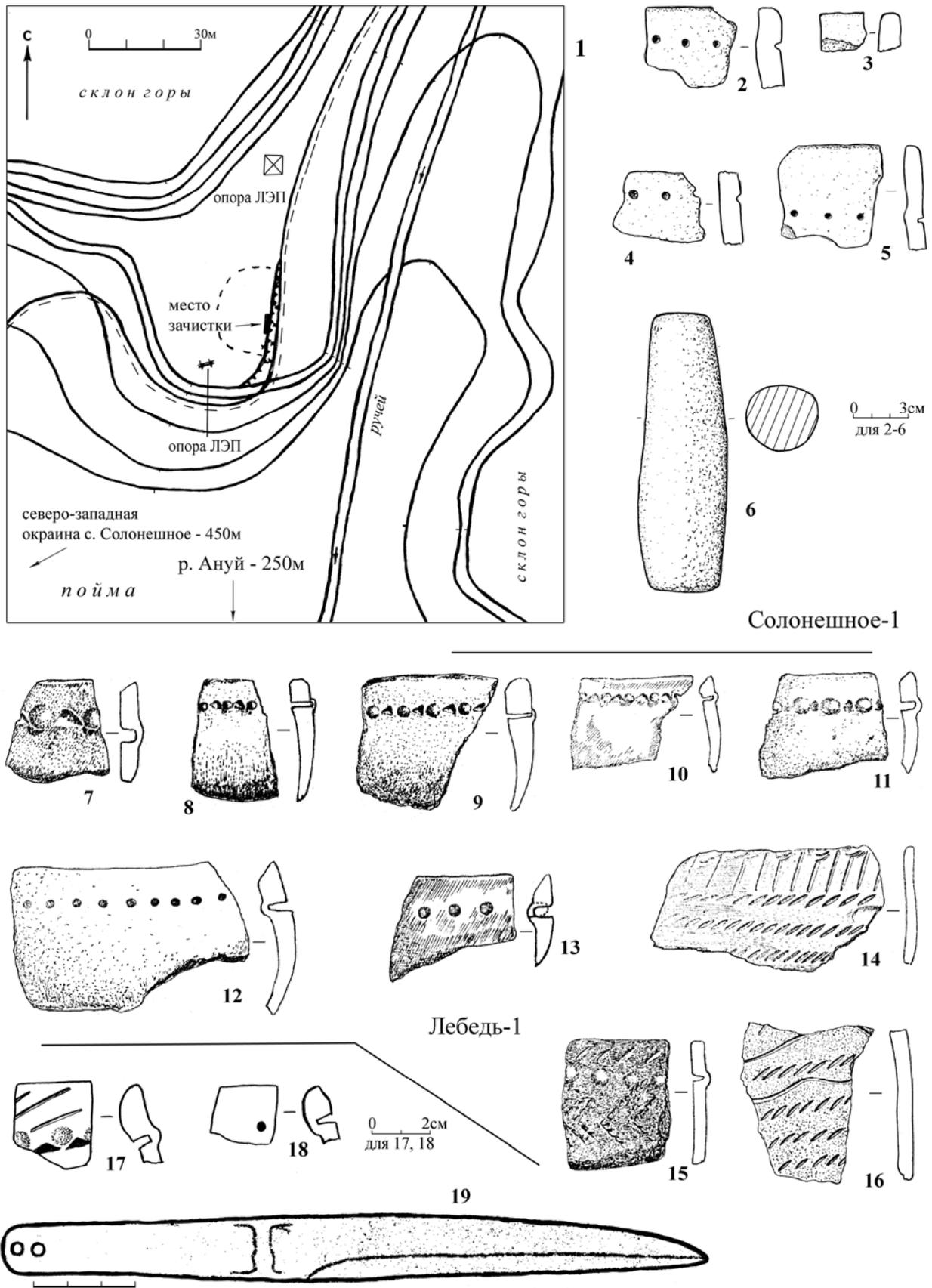

Рис. 99. Поселение Солонешное-1 (1-6). Поселение Лебедь-1 (7-16) (по: Лапшин, Молодин, Петрин, 1982). Местонахождение Кудыргэ (17, 18). Кордон Кокши (19) (по: Бородаев, 1992). Бронза – 19; камень – 6; остальное – керамика

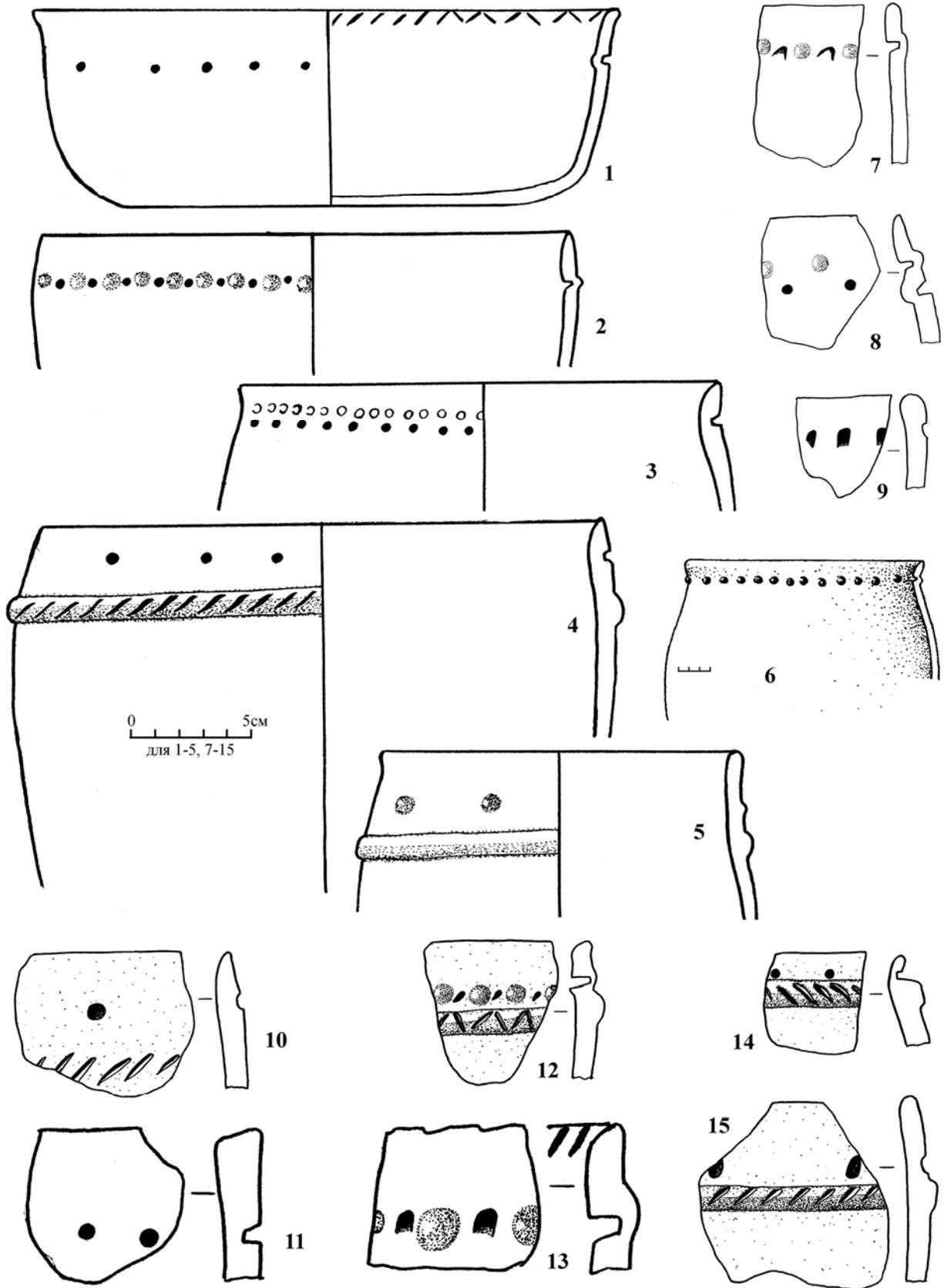

Рис. 100. Керамика из поселения быстринской (?) культуры Точильное-1 в предгорьях Алтая
(по: Абдулганеев, Владимиров, 1997)

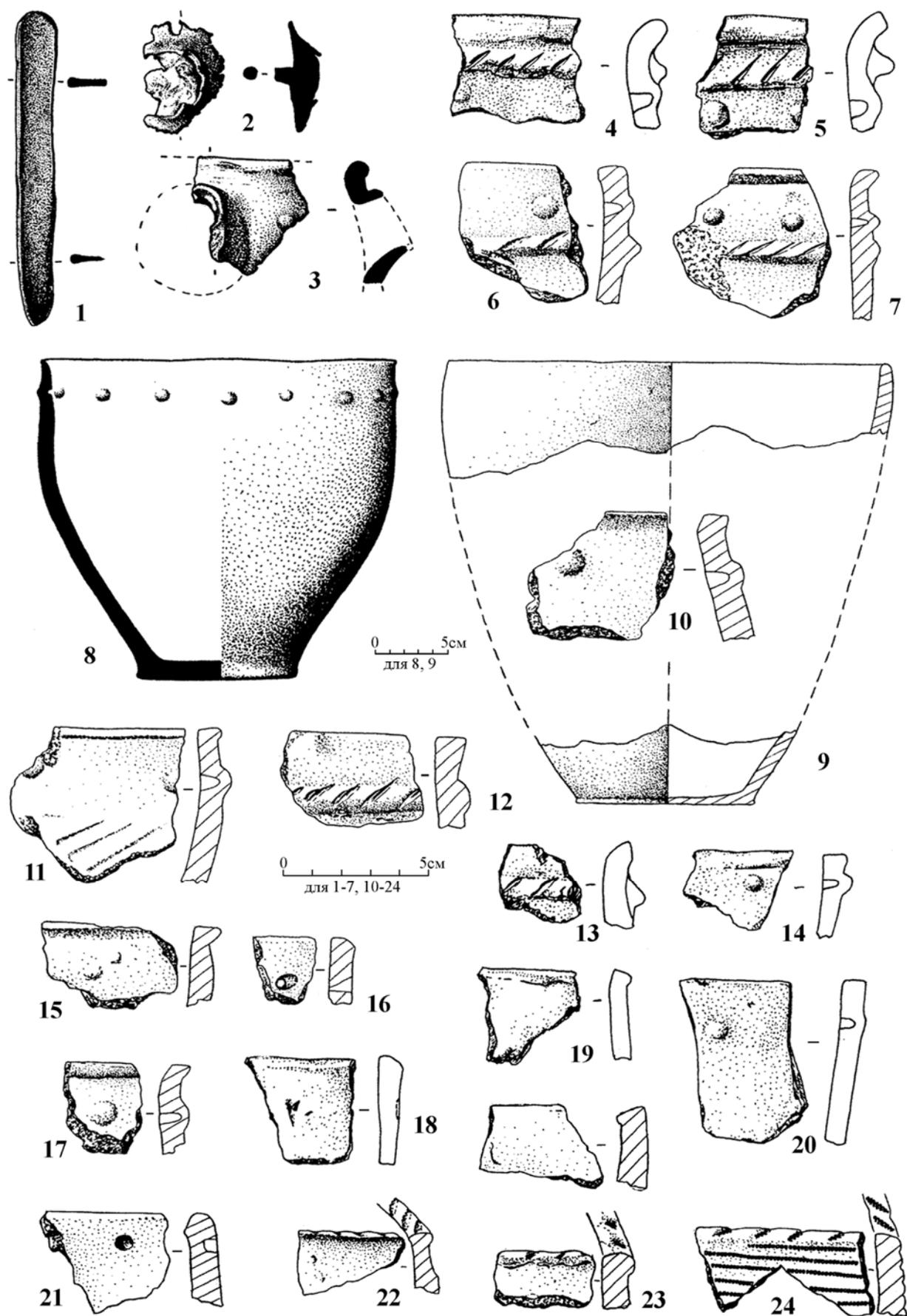

Рис. 101. Керамика и инвентарь переходного времени с поселения Горелый Кордон в Алтайском крае.
Бронза – 1, 2; керамика – 3-24 (по: Фролов, Папин, Шамшин, 2002)

Сводные таблицы рисунков

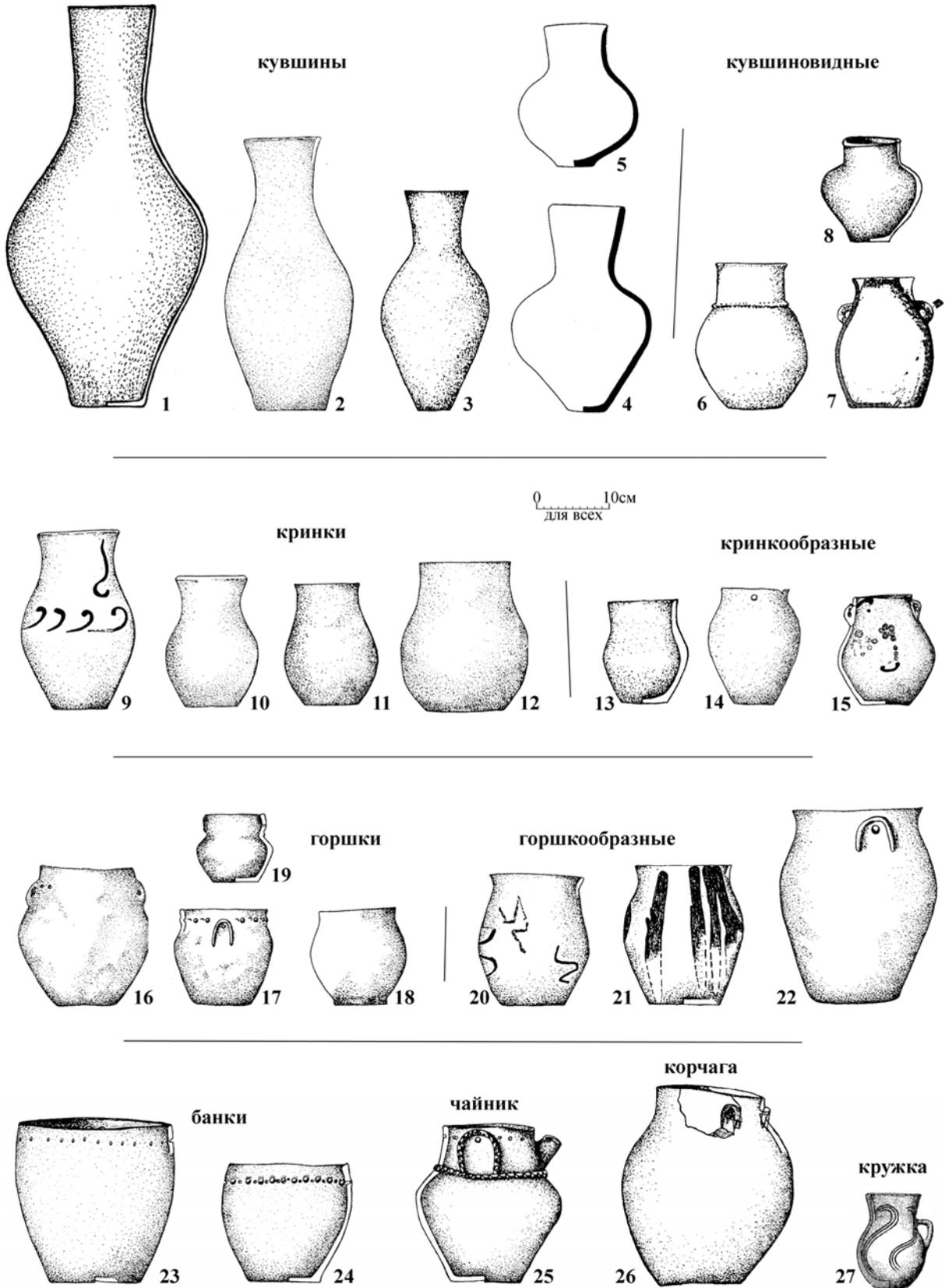

Рис. 102. Виды керамических сосудов из погребений пазырыкской культуры (по: Кирюшин, Степанова, 2004, с. 28-33): кувшины (1-5; 169 экз.) и кувшиновидные (6-8; 37 экз.); кринки (9-12; 29 экз.) и кринкообразные (13-15; 42 экз.); горшки (16-19; 11 экз.) и горшкообразные (20-22; 10 экз.); банки (23, 24; 2 экз.); чайникообразные (25; 5 экз.); корчаги (26; 2 экз.); кружки (27; 4 экз.)

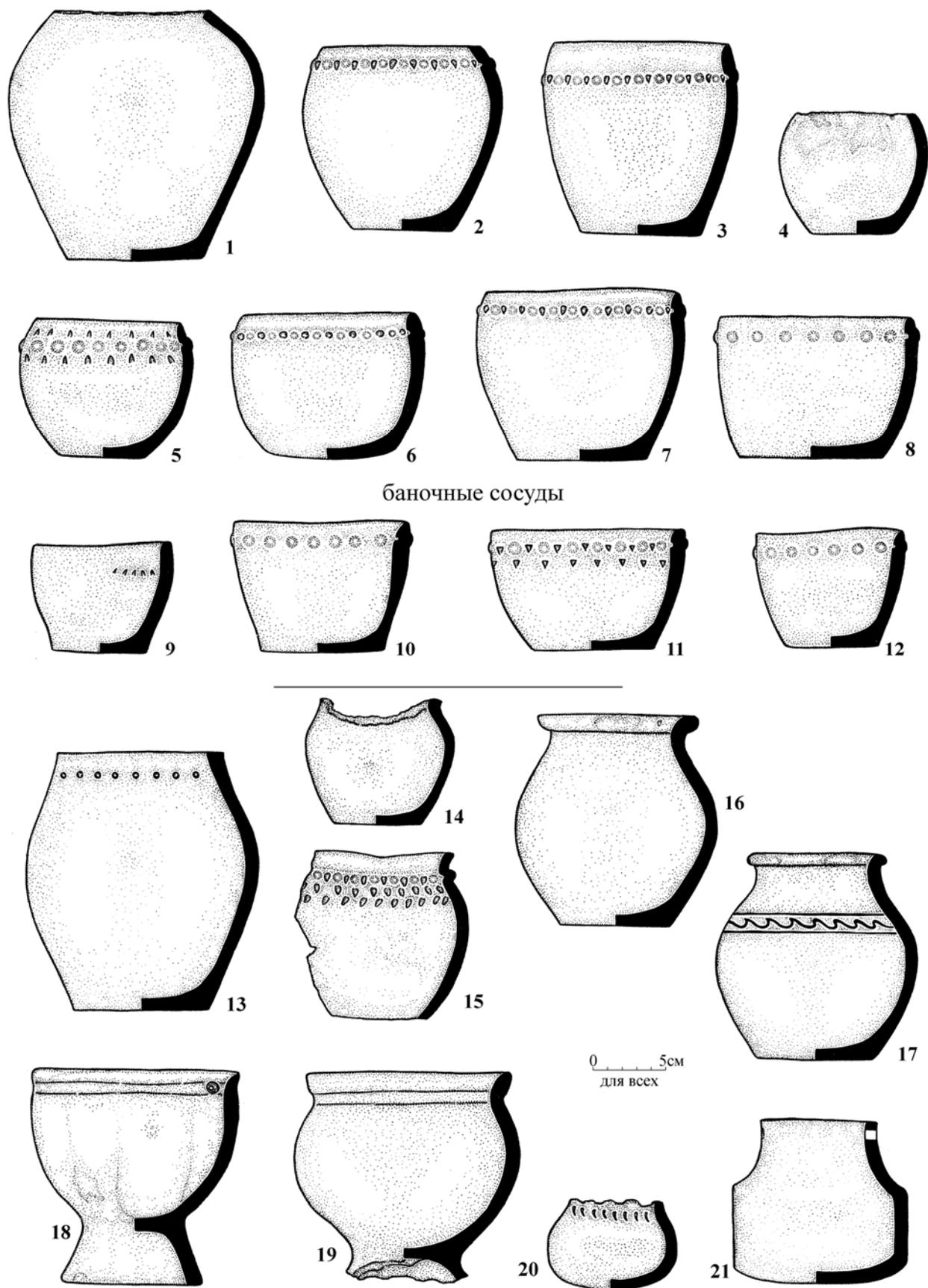

Рис. 103. Виды керамических сосудов из погребений хуннского времени в долине р. Эдиган (по: Худяков, 1998): банки закрытого и открытого типов (рис. 1-12); горшки (13-15); «вазы» (16, 17); кубки (18, 19); бочонок (21); бомбовидный сосуд (20)

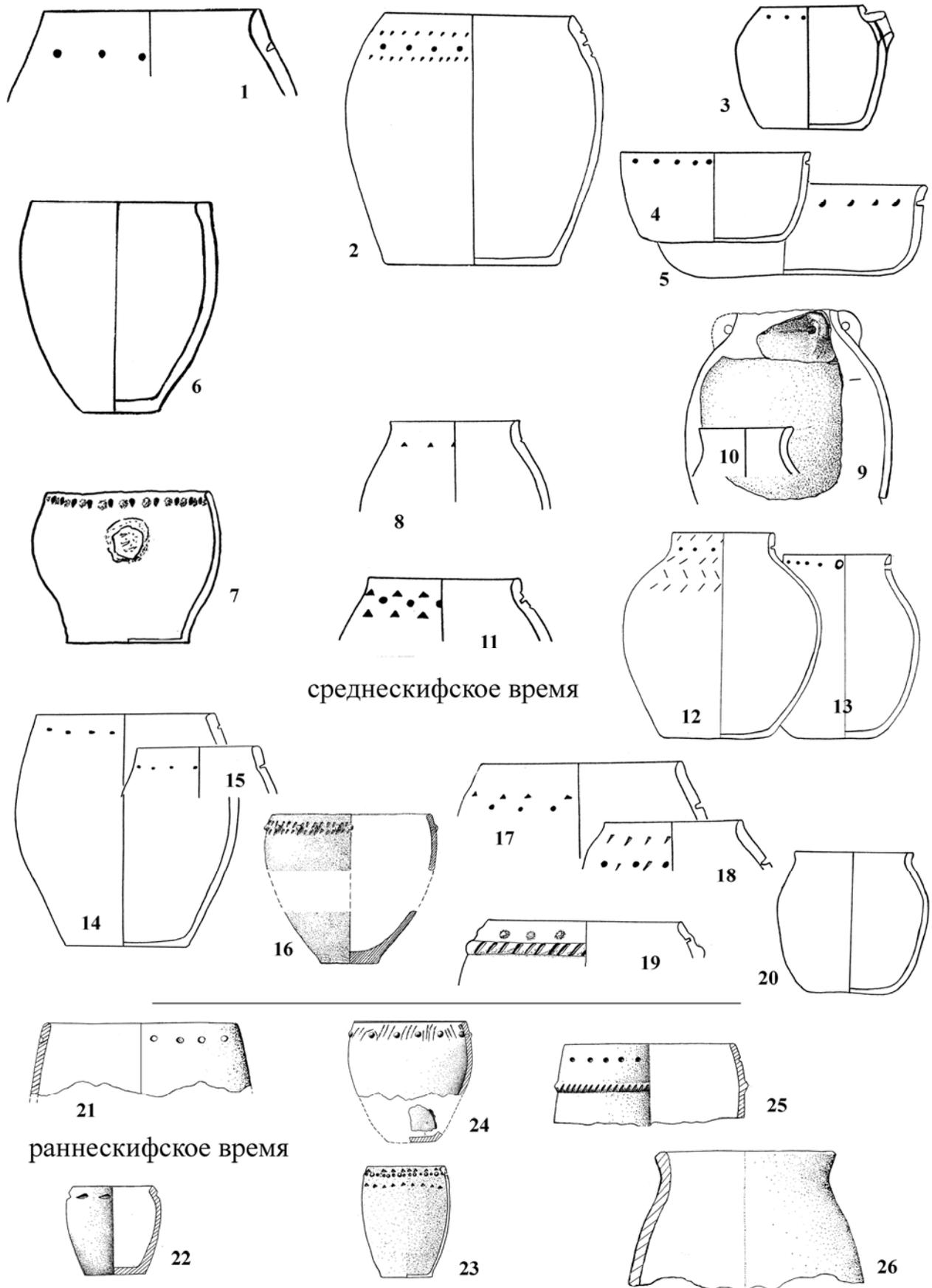

Рис. 104. Виды керамических сосудов и орнаментальные мотивы из насыпей курганов и захоронений раннескифского времени (21-26), сохранившиеся в пазырыкской культуре. Основные формы сосудов среднескифского времени с поселений Горного Алтая (1-20)

наименование поселения	основные виды орнамента в %															кол-во учтённых венчиков	
	••• или	••••	▲▲▲	••••	•▲•▲	••••	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲	▲▲▲		
Элекмонар-4	58	16		6	8	-			2	4	-	6	-			50	
Партизанская Катушка	52	16		3	1,5	3	-	-	2,2	7,4	4	-	3	-	-	136	
Аскаг-2	54	13	-	1,8	-	-	-	-	1,8	7,1	4	-	2	-	-	112	
Куротинский Лог-1	61	13	-	2	1	-	-	-	2	5	2	-	-	-	-	101	
Кастахта-3	44,4	1,6	11,9	-	-	-	6,3	3,1	-	-	-	-	-	13,8 2,5	- 1	-	170
Чепош-2	49	-	-	-	0,2	-	-	0,2	-	-	-	-	-	5 2	13 2	18	480

Табл. А

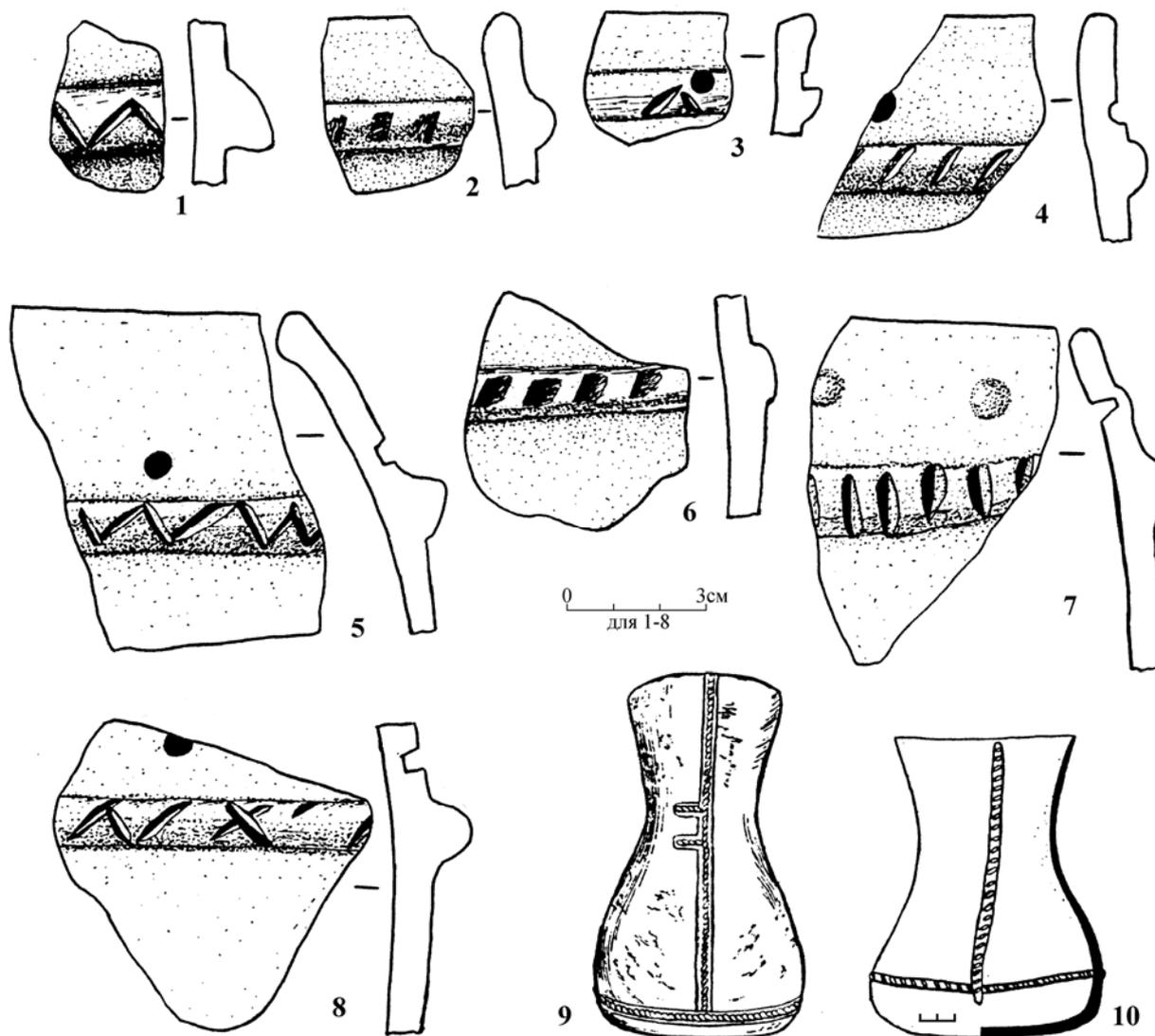

Рис. 105. Таблица соотношения основных орнаментальных мотивов на исследованных П.И. Шульгой поселениях Горного Алтая (табл. А). Основные варианты орнаментации наклепных валиков из Аската-2 (1-8). Роговой сосуд («барабан») и Пазырыка-2 (по: Руденко, 1953, рис. 187). Керамический кувшин из пазырыкского погребения в Сентелеке (по: Гельмель и др., 1996, рис. на с. 111)

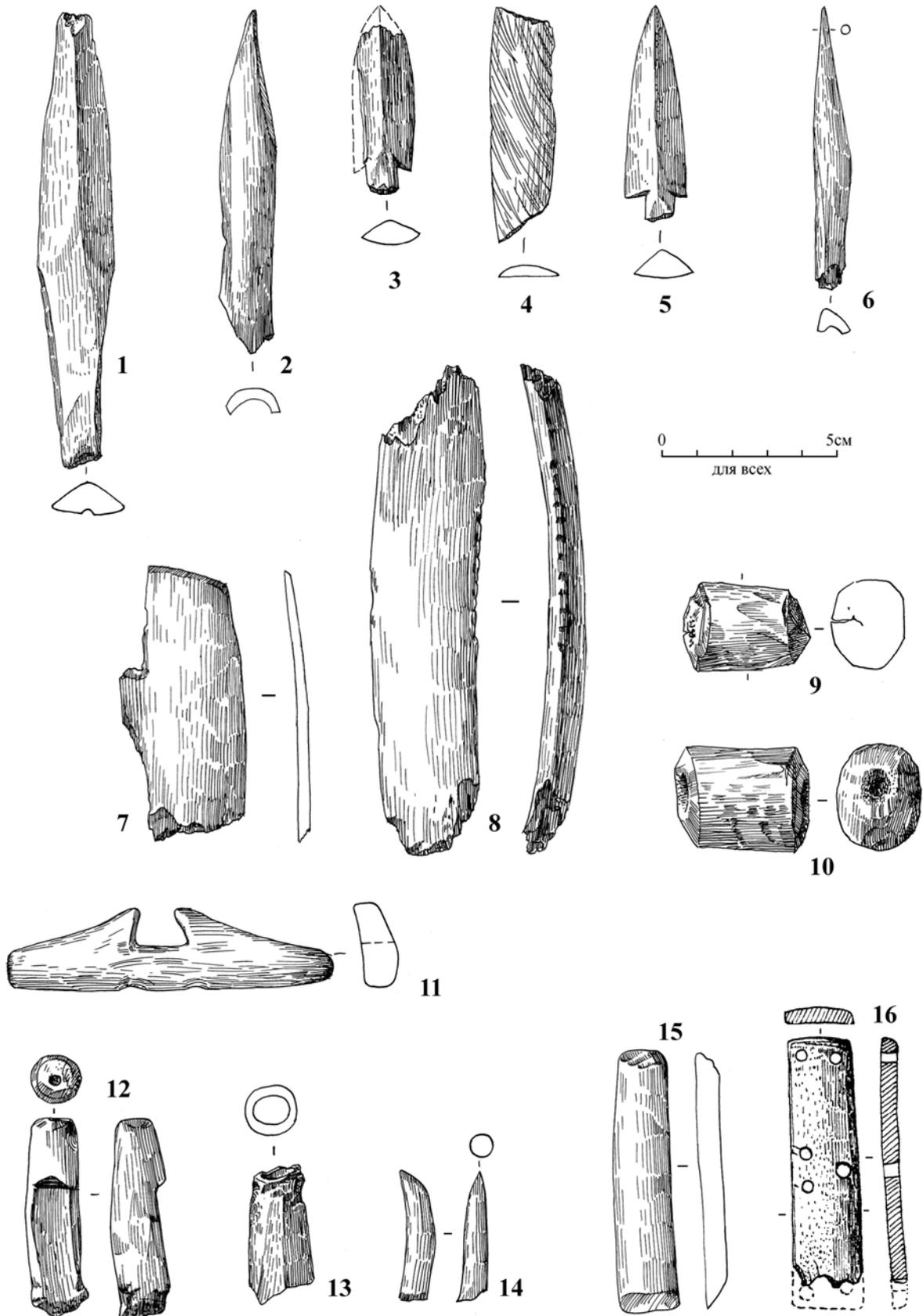

Рис. 106. Изделия из рога (кости), обнаруженные на поселениях раннего железного века Кастахта-3 (1-4, 7-14), Чепош-2 (5, 6), Элекмонар-4 (15), Куротинский Лог-1 (16)

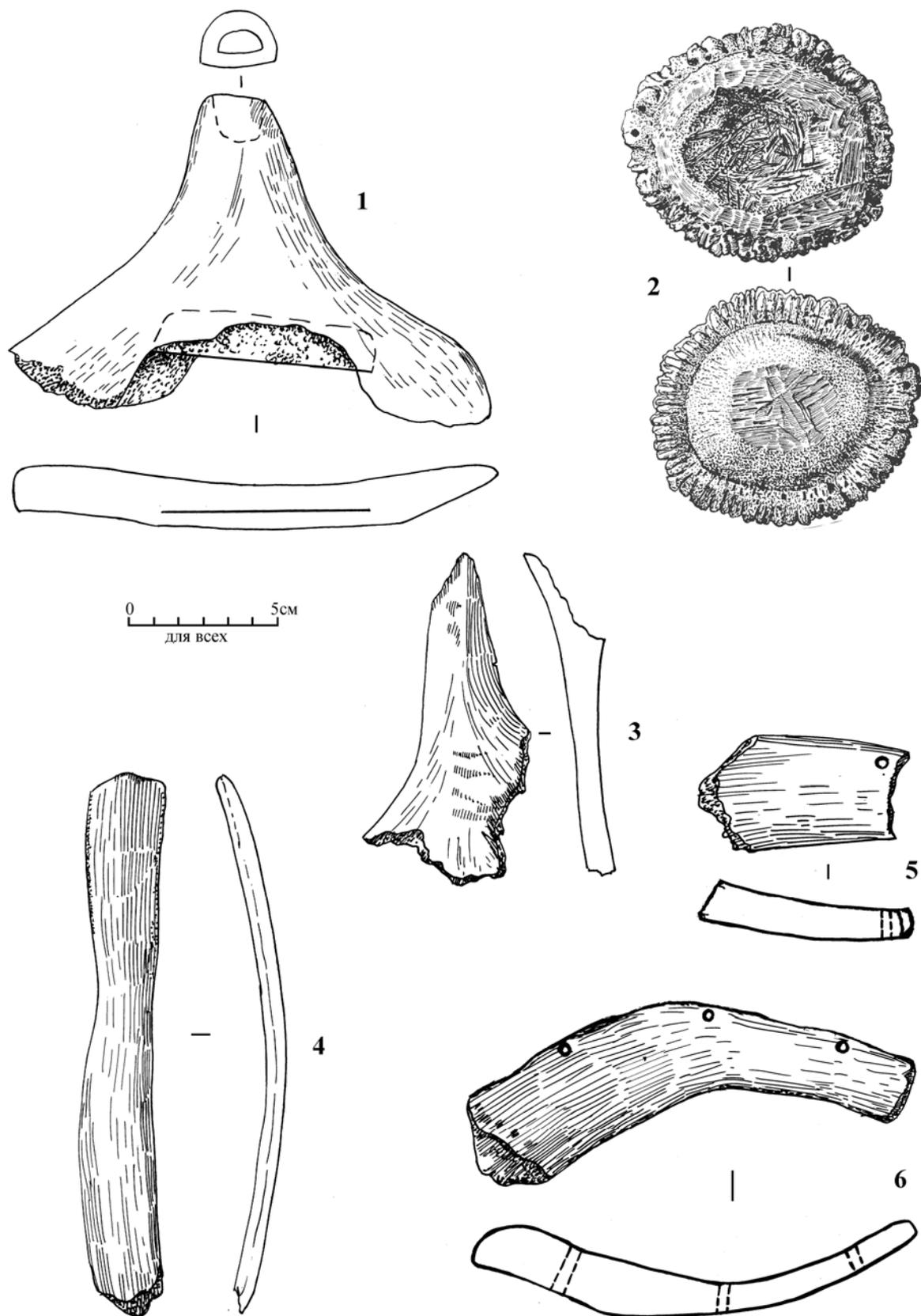

Рис. 107. Изделия из рога (кости), обнаруженные на поселениях раннего железного века Текпенек-Боочи-2 (1), Куротинский Лог-1 (2, 4), Чёрный Ануй-3 (3), Кастахта-3 (5, 6). Рог – 2; кость – 3-6; кость, железо – 1

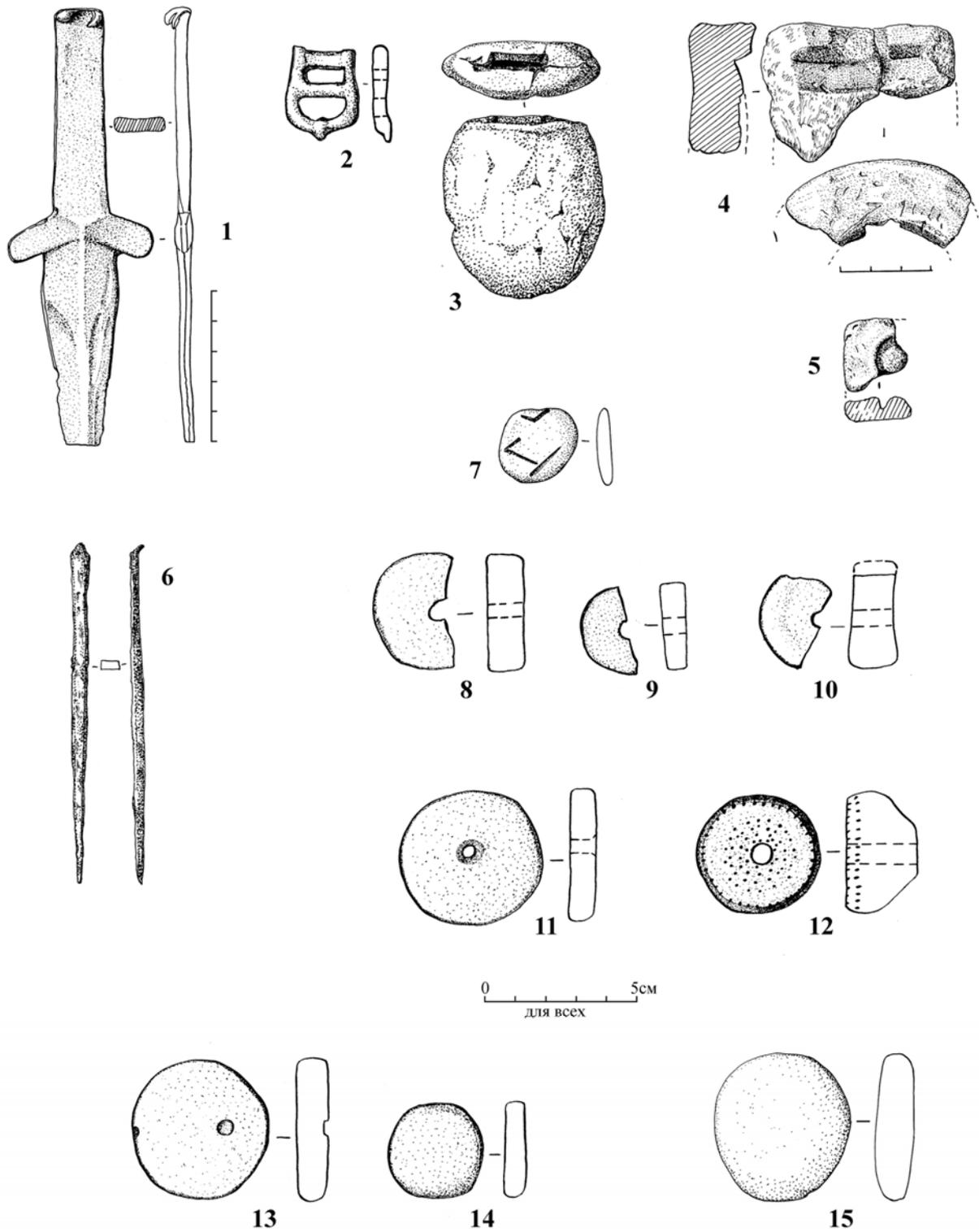

Рис. 108. Изделия из металла и глины, обнаруженные на поселениях раннего железного века Чепеш-2 (1, 15), Аскат-2 (3-5, 12); Кастакхта-3 (6, 7, 10, 13), Куверги-1 (8), Туэкта-3 (9), Тузаков Лог-1 (14). Восковая модель пряжки, отлитая в форме из Аската-2 (2). Бронза – 1, железо – 6, керамика – 3-5, 7-15

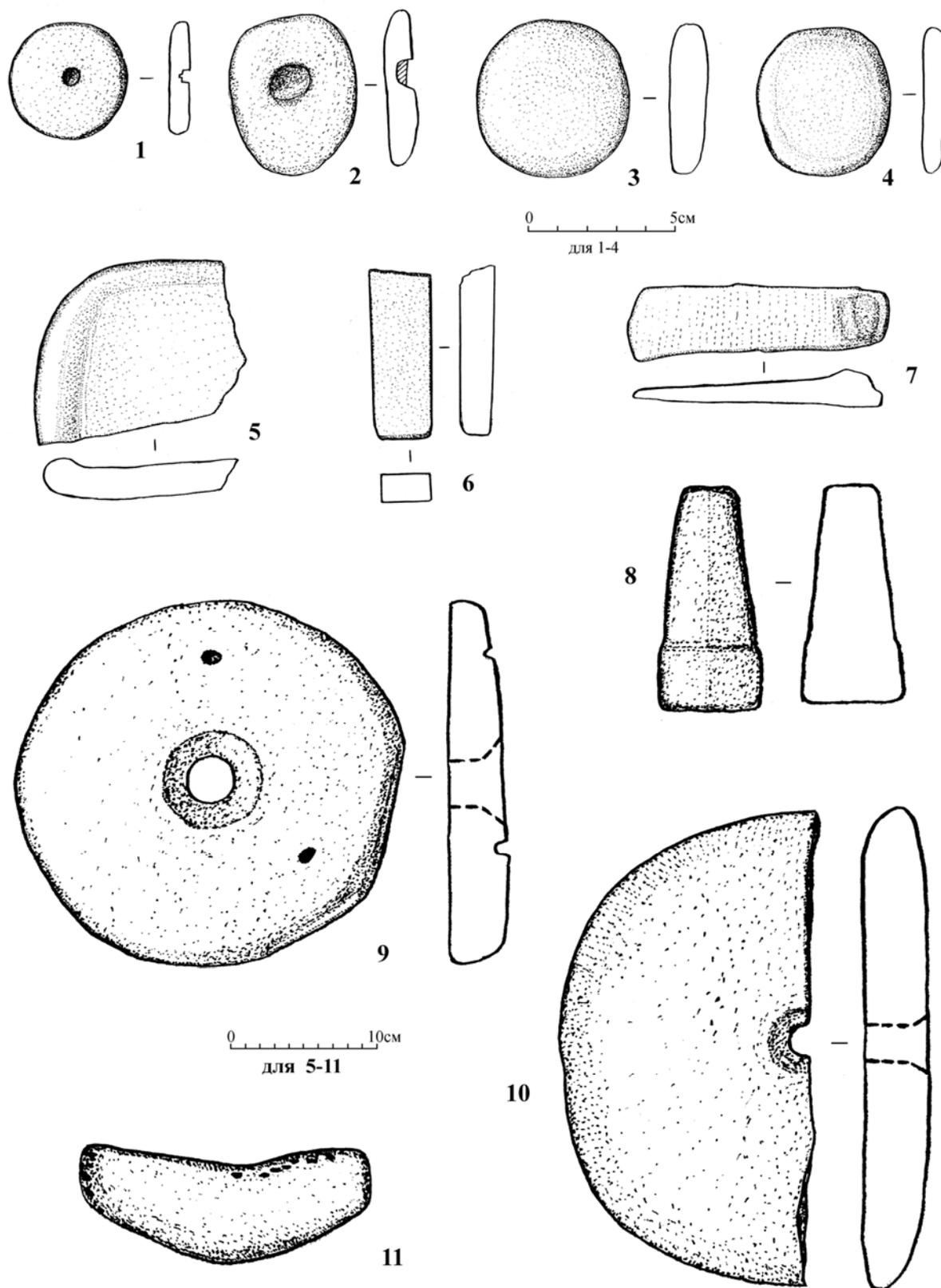

Рис. 109. Изделия из камня, обнаруженные на поселениях раннего железного века Аскал-2 (1), Чепош-2 (2-4), Кастахта-3 (5, 6), Элекмонар-4 (7), Челтук-1 (8), Тепенек-Боочи-1 (9), Чендек-5 (11), Кемечекпан-2 (10). 1 – не досверленное пряслице; 2 – галька с лункой, заполненной охрой; 3, 4 – плоские гальки со следами сработанности; 5 – фрагмент алтарика (?); 6, 7 – оселки; 8, 11 – песты; 9, 10 – верхние камни ручных мельниц

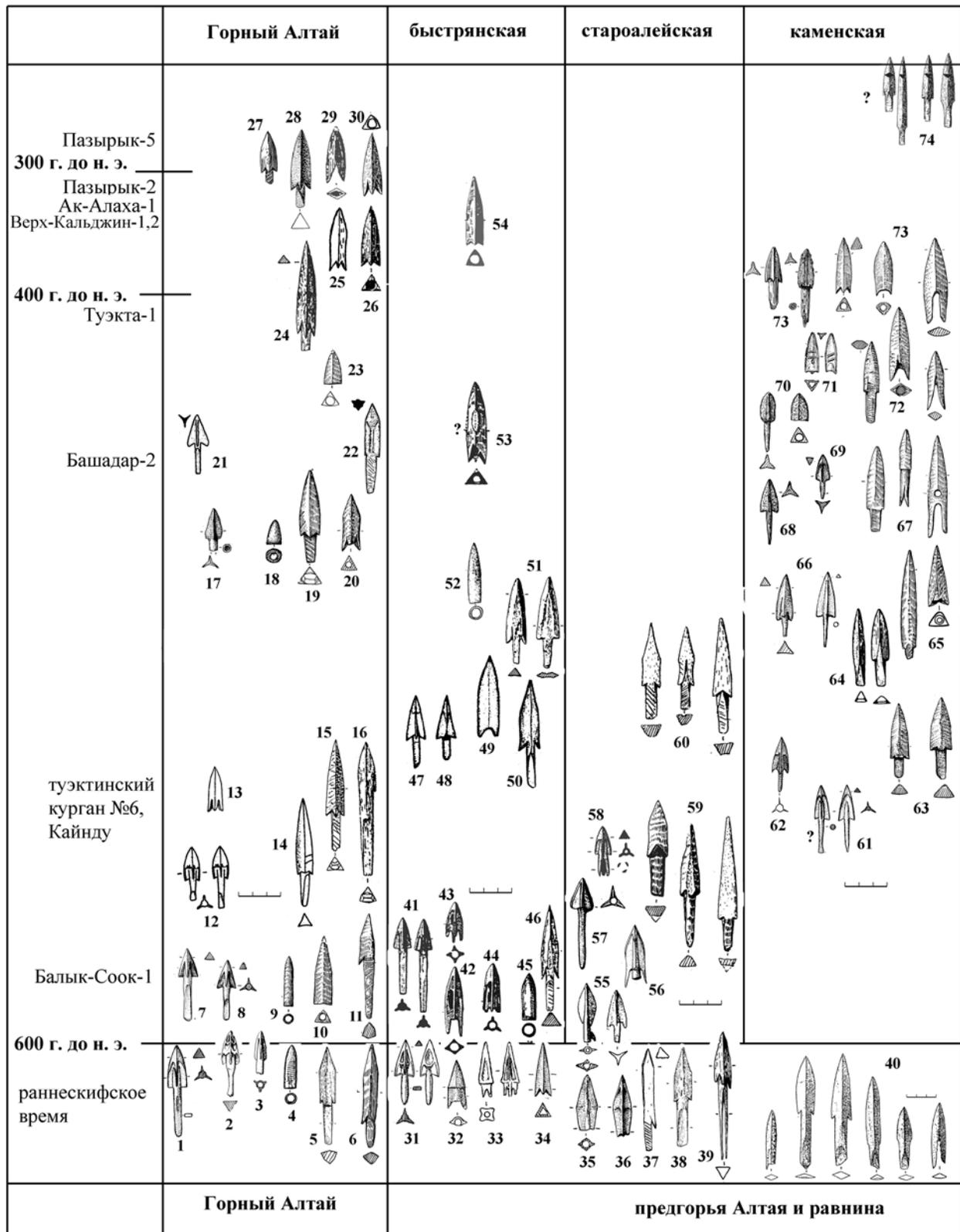

Рис. 110. Предварительная схема эволюции наконечников стрел на Алтае в соответствии с относительной хронологией погребальных комплексов VII-III вв. до н. э. Бронза – 1-3, 7, 8, 12, 13, 17, 21, 31-36, 41-44, 47, 48, 55-58, 61, 62, 66, 69, 71; рог (кость) – 4-6, 9-11, 14-16, 18-20, 22-30, 37-40, 45, 46, 49-51, 53, 54, 59, 60, 63-65, 67, 72-74; железо – 52, 68, 70, 73 (по: Кубарев, Шульга, 2007, рис. 69)

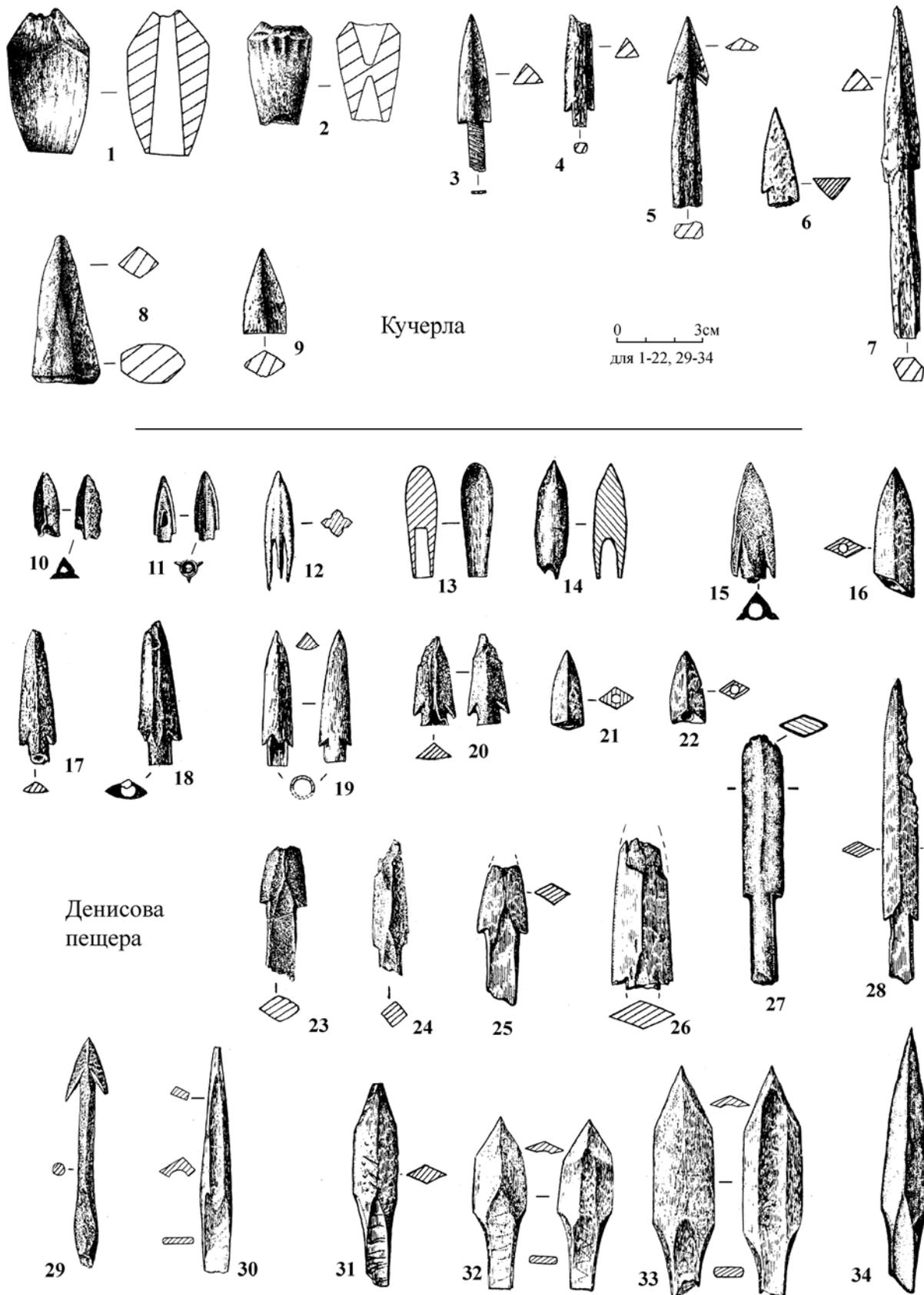

Рис. 111. Наконечники стрел из Денисовой пещеры и Кучерлы. Бронза – 10-12; остальное – рог (кость)
(по: Дервянко, Молодин, 1994; Молодин, Ефремова, 2010)

Приложение 3

Таблица 1

Остеологический материал. Кастахта-3 в сравнении с данными по составу стада у алтайцев 7-й дючины в XIX в.

№ слоя	общее кол-во костей	кол-во определенных костей	по составу стада (в %)				по всем животным (в %)													
			лошадь	овца	коза	КРС	лошадь	овца	коза	Общий % МРС	КРС	собака	кошля	марал	лось	кабан	медведь	мелкий хищник	сурок	птица
1	348	221	30,8	39,6	16,0	55,6	13,6	23,5	30,8	12,2	43,0	10,4	-	15,4	7,2	-	-	0,9	-	-
2	625	323	32,3	10,2	34,0	44,2	23,4	23,5	7,4	24,8	32,2	17,0	-	26,3	-	-	-	-	-	-
3	735	400	35,3	28,2	23,4	51,6	13,2	27,5	22,0	18,2	40,2	10,3	0,8	19,2	1,3	-	-	-	0,3	0,5
4	513	310	34,9	32,5	20,7	53,2	11,8	27,7	26,0	16,5	42,5	9,3	0,6	17,1	1,6	1,0	-	0,3	-	-
5	756	488	25,4	42,1	17,8	59,9	14,8	22,1	36,7	15,4	52,1	12,9	0,2	9,6	2,3	-	-	0,2	0,2	-
6	836	463	32,3	40,7	12,7	53,4	14,2	27,4	34,6	10,8	45,4	12,1	-	12,5	1,1	-	-	-	1,5	-
7	94	61	40,4	28,9	21,2	50,1	9,6	34,4	24,6	18,0	42,6	8,2	-	14,5	-	-	-	-	-	-
8	80	27	37,5	25,0	20,8	45,6	16,6	33,3	22,2	18,5	40,7	14,8	-	11,1	-	-	-	-	-	-
9	82	47	36,8	26,3	18,4	44,7	18,4	29,8	21,3	14,9	36,2	14,9	-	14,9	-	-	-	-	-	-
средний %			34,0	30,4	20,6	50,9	15,1	27,7	25,1	16,6	41,7	12,2		15,6						
100%			46,5	34,9	1,2	36,1	17,4	в %	Стадо у алтайцев 7-й дючины в XIX в.											
8600			4000	3000	100	3100	1500	кол-во голов скота	(реки Катунь, Каракол, Уймон и др.)											

Таблица 2

Остеологический материал. Куротинский Лог-1 в сравнении с данными по составу стада у алтайцев 5-й дючины в XIX в.

№ слоя	общее количество костей	количество определенных костей	по составу стада (в %)					По всем животным (в %)							
			лошадь	овца	коза	общий % МРС	КРС	лошадь	овца	коза	общий % МРС	КРС	косуля	лось	кабан
	1330	646	40,6	33,1	3,2	36,3	23,1	39,2	30,8	2,9	33,7	21,3	4,7	0,3	0,8
	100%		35,1	32,4	10,8	43,2	21,6	в %			Стадо у алтайцев 5-й дючины в XIX в.				
	18500		6500	6000	2000	8000	4000	кол-во голов скота			(реки Катунь, Урсул, Талда, Туэкта, Курога и др.)				

Таблица 3

Остеологический материал. Чёрный Ануй-3 в сравнении с данными по составу стада у алтайцев 3-й дючины в XIX в.

№ слоя	общее кол-во костей	кол-во определенных костей	по составу стада (в %)				по всем животным (в %)															
			лошадь	овца	коза	КРС	лошадь	овца	коза	общий % МРС	КРС	косяля	кабан	медведь	мелкий хищник	лось	заяц	корсак	птица	рыба	марал	собака
1	482	176	49,7	27,3	9,7	37,0	13,7	45,4	25,0	8,5	33,5	12,5	5,1	0,6	-	-	-	0,6	-	-	1,7	0,6
2	187	116	38,7	34,0	8,5	42,5	18,9	35,3	31,0	7,8	38,8	17,2	5,2	0,9	-	-	0,9	-	-	-	-	-
3	155	98	40,5	31,6	11,4	43,0	16,5	32,7	25,5	9,2	34,7	13,3	12,2	-	-	6,1	-	1,0	-	-	-	-
4	229	135	34,2	35,8	15,8	51,6	14,2	30,4	31,9	14,1	46,0	12,6	5,9	1,5	-	2,2	-	0,7	0,7	-	-	-
средний %			40,8	32,2	11,4	43,5	15,8	36,0	28,4	9,9	38,2	13,9	7,1									
		100 %	33,3	38,9	5,6	44,5	22,2															
		9000	3000	3500	500	4000	2000															
			кол-во голов скота				Стадо у алтайцев 3-й дючины в XIX в. (реки Чарыш, Кан, Ануй и др.)															

Научное издание

Шульга Петр Иванович

**СКОТОВОДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ
В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ**

(по материалам поселений)

Монография

Верстка *И. П. Селивановой*

Подписано в печать 17.07.2015 г.
Формат 60×84 1/8.
Уч.-изд. л. 42. Усл. печ. л. 39,06. Тираж 150 экз.
Заказ № 192

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск, 90, ул. Пирогова, 2.